Р. СИЛЬВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

Хроники Маджипура. Время перемен (сборник)

Роберт Силверберг

Аннотация
ХРОНИКИ МАДЖИПУРА. (фантастические романы)
ХРОНИКИ МАДЖИПУРА
- Пролог
- Тесме и Хайрог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- Время огня
- Пятый год путешествия
- Объяснения Калинтана
- Пустыня украденных снов
  - 1
  - 2
  - 3

4
5
6
7
8
9
10
11
Художник и Изменяющий Форму
Преступление и наказание
Толкователи снов
Воровка из Ни-Мойи
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Вориакс и Валентин
Эпилог
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52

53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74

Аннотация

В книгу вошли два романа:

«Хроники Маджипура»

Юноша Хиссуне, работающий в Лабиринте, находит способ пробраться в Регистр памяти, хранящий множество историй, накопленных за тысячелетия существования человеческой цивилизации на Маджипуре. Перед его глазами вновь происходят самые разные события из самых разных эпох маджипурской истории.

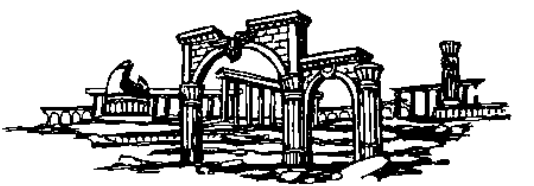
«Время перемен»

Действие происходит в отдаленном будущем на планете Борсен, заселенной потомками мигрантов с Земли, которая к тому времени практически погибла в результате экологических бедствий. На Борсене сложилась уникальная культура, в которой основополагающим моральным принципом является запрет на самовыражение. Человек должен хранить все свои переживания при себе, публичное излияние своих эмоций является нечестием, сурово осуждаемым религией. Само слово «я», «моё» фактически

приравнены к ругательствам.

Р. СИЛЬВЕРБЕРГ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ



ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

КРОК-Центр
Екатеринбург 1993

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА
(фантастические романы)

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

ХРОНИКИ

МАДЖИПУРА

Пролог

Через два года после воцарения на троне Лорда Валентина что-то перевернуло душу мальчика Хиссуне, служки в Доме Записей Лабиринта Маджипура. Шесть месяцев вел он инвентаризацию архивов сборщиков налогов, бесконечный перечень документов, в который никто никогда не заглядывал, и похоже было, что этой работой он будет заниматься и следующий год, и два, и три. Она не имела значения, как понимал Хиссуне, да и кому могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена Лордов Деккерета, или Калинтана, или даже древнего Лорда Стиамота?

Документы были свалены беспорядочной кучей,

несомненно, по какой-то причине, и теперь злой рок избрал Хиссуне разбирать их. Он отлично видел, насколько бесполезна и бессмысленна его работа, разве что можно было получить великолепный урок географии огромного Маджипура. Сколько провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка делились и подразделялись на тысячи муниципальных единиц, каждая с многомиллионным населением. И за время работы сознание заполняли названия Пятидесяти Городов Замковой Горы, огромных городских округов Цимроеля, таинственных поселений в пустынях Суврaеля, провинциальных столиц — всего выросшего за время четырнадцатитысячелетнего процветания Маджипура: Пидруид, Нарабал, Ни-Мойя, Алайсор, Стоен, Пилиплок, Пендиван, Амблеморн, Толигай — миллионы названий! Но потом ему это надоело. Его вдруг охватило нетерпение, ожидание чего-то лучшего. А послушание никогда не было его натурой.

Рядом с пыльной маленькой комнатушкой в Доме Записей, где Хиссуне разбирал и изучал груду налоговых отчетов, находилось нечто гораздо более интересное — Считчик Душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных, да и то, говорили,

не для всех. Хиссуне кое-что знал об этом месте, он вообще много знал о Лабиринте, даже о запрещенных местах. «Дом Записей, — говорил он слушателям, еще когда в восьмилетнем возрасте болтался на улицах огромного подземного города и нанимался в проводники к приезжим ради кроны-другой, — таит в себе комнату, где хранятся миллионы мыслезаписей-воспоминаний. Поднимаешь капсулу, вкладываешь ее в щель специального устройства и внезапно становишься тем, кем оставлена запись, и живешь во времена Лорда Конфалума или Лорда Симинэйва, или сражаешься вместе с Лордом Стиамотом против метаморфов. Но только попасть в ту комнату почти невозможно». И это действительно было почти невозможно, но Хиссуне думал, размышлял и прикидывал, не удастся ли пробраться туда под предлогом поисков дат, нужных для работы в налоговых архивах. А потом пожить жизнью современников самых величайших и удивительных событий Маджипура.

И постепенно мечта его начала обретать реальность. Он знал, где находятся печати в Доме Записей, и потихоньку снабдил себя всеми необходимыми пропусками. И как-то поздним полуднем, с пересохшим горлом и звоном в ушах,

направился по ярко освещенным кривым коридорам.

Уже не испытывал он давным-давно подобного состояния, а маленьким бродяжкой и вообще его не испытывал, но его приобщили к цивилизации, обучили, дали работу. Но кто? То был Коронал еще в те времена, когда он скитался по планете, лишенный своего тела и трона захватчиком Барьязидом.

Он пришел в Лабиринт, где Хиссуне стал его проводником, и каким-то образом почувствовал в нем истинного Коронала, и это стало началом конца Бродяжки-Хиссуне. Потом мальчик узнал, что Лорд Валентин отправился к Замковой Горе, Барьязид был повержен, и во время второй коронации Хиссуне вдруг очутился, Дивин знает почему, на этой церемонии в Замке Лорда Валентина. Никогда прежде он не покидал Лабиринта, не бывал на солнечном свете, не ездил на государственной платформе по Долине Глайда, минуя города, известные ему лишь по сновидениям, а тут вдруг Гора тридцатимильная масса земли, словно взметнувшаяся ввысь. Грязный мальчишка стоял рядом с Короналом, перешучивался с ним, и Коронал восхищался умом и энергией мальчишки, его предприимчивостью. Все шло прекрасно. Хиссуне

стал протеже Коронала, вернулся в Лабиринт и был назначен на должность в Дом Записей — уже не так прекрасно. Мальчик терпеть не мог чиновников, этих идиотов с лицами-масками, а теперь, как любимец Коронала, и сам стал таким же. Он-то считал, что будет по-прежнему водить по Лабиринту приезжих, а вместо этого!..

ОТЧЕТ СБОРЩИКА НАЛОГОВ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА ПРОВИНЦИИ НАТАНАЛА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА ЦАРСТВОВАНИЯ ВЛАСТИТЕЛЯ ОССЬЕРА И ПОНТИФЕКСА

КИННИКЕНА. Хиссуне надеялся, что Коронал вспомнит о нем, призовет к себе на службу в Замок, и тогда его жизнь будет иметь какое-то значение в жизни Маджипура, но Коронал, похоже, забыл о нем, как того следовало ожидать. У него целый мир с двадцати- или тридцатимиллиардным населением, и какое ему дело до маленького мальчишки из Лабиринта?! Хиссуне боялся, что теперь вся жизнь его пройдет в поисках среди пыльных бумаг...

Но все-таки здесь был Считчик Душ.

Даже если он никогда не выберется из Лабиринта, он сможет — если никто ему не помешает — странствовать в сознаниях давно умерших людей: разведчиков, первопроходцев, воинов, даже

Короналов и Понтифексов. Это немного утешало.

Мальчик вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему тусклоглазому хьорту.

Хиссуне заготовил несколько объяснений: особое поручение Коронала, важнейшее историческое исследование, необходимость в корреляции демографических данных и еще много подобного готово было сорваться с его языка, но хьорт только сказал:

— Знаешь, как обращаться с механизмом?

— Плохо. Лучше покажи мне.

Отвернув некрасивое бородавчатое лицо с бесчисленными подбородками, хьорт встал и повел Хиссуне внутрь, где он указал на шлем и ряд кнопок:

— Пульт управления. Вставишь вот сюда отобранные капсулы и будешь сидеть. Не забудь погасить свет перед уходом.

И все? Такая секретная, так тщательно охраняемая машина!

Хиссуне остался наедине с записями воспоминаний тех, кто жил когда-то на Маджипуре.

Не все, конечно, оставляли запись, но примерно один из десяти делал это, обычно лет в двадцать.

Хиссуне знал, что их миллиарды в хранилищах Лабиринта. Он положил руки на пульт, пальцы его дрожали.

С чего начать?

Он хотел познать все, хотел пересечь леса Цимроеля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великое Море, поохотиться на морских драконов в Родамаунтском Архипелаге, и… и… и… Мальчик дрожал от неистового томления. С чего начать? Он изучил кнопки. Следовало указать дату, место, определенную личность, но выбрать за четырнадцать тысяч лет… Из далекого прошлого он знал только о великом Лорде Стиамоте. Минут десять он сидел не шевелясь, почти парализованный, потом выбрал наобум.

Континент — Цимроель, время — царствование Коронала Лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность — …любая. Да, любая!

Маленькая блестящая капсула возникла на консоли.

Трепеща от предвкушаемой неизведанности, Хиссуне вложил ее в отверстие и надел шлем. В ушах раздалось потрескивание, неясные, смазанные полосы синие, зеленые и алые — побежали перед глазами под закрытыми веками.

Работает? Да! Он ощущал присутствие чужого разума! Человек этот умер девять тысяч лет назад, но сознание… ее? Да, ее, это была женщина, юная женщина, — наполняло Хиссуне до тех пор, пока он не потерял уверенность, Хиссуне он или Тесме из Нарабала…

Он с радостью освободил себя от понимания того, что живет, мыслит и чувствует, и позволил чужой душе овладеть собой.

Тесме и Хайрог

1

Уже шесть месяцев Тесме жила одна в хижине, которую построила своими руками в густых тропических джунглях милях в пяти к востоку от Нарабала: там, куда не долетали морские ветра и тяжелый сырой воздух цеплялся за все, как меховой саван. Раньше ей никогда не приходилось делать все своими руками, и поначалу она поражалась, как это здорово, когда срезала тонкие молоденькие деревья, обдирала золотистую кору

и вбивала их скользкие острые концы в мягкую влажную землю, затем переплетала их лозами и лианами, а сверху крепила пять громадных ветвей враммы, делая кровлю. Не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, и о холодах можно было не беспокоиться. За месяц стволы сиджании разрослись и закрыли всю кровлю побегами новых кожистых листьев прямо под потолком, а связывающие их виноградные лозы тоже продолжали жить, отправляя вниз мягкие красные усики, искавшие и находившие богатую плодородную почву, так что дом теперь стал живым, с каждым днем становясь все более уютным и надежным, поскольку лианы со временем становились крепче, и Тесме это нравилось. Здесь, как и в Нарабале, ничто не умирало надолго, воздух был таким же теплым, солнце таким же ярким, а дожди такими же обильными, и все быстро преображалось само по себе, с буйной, жизнерадостной легкостью тропиков.

Одиночество тоже переносилось легче по сравнению с Нарабалом, где ей хотелось очень многого и где жизнь пошла как-то вкривь и вкось: слишком много внутренних неурядиц, слишком много суматохи, шума, друзей, отправившихся в путешествия, любовников, ставших врагами.

Ей было двадцать пять лет, и нужно было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить жизненный ритм, пока ее не растрясло по пустякам. Джунгли подходили для этого идеально. Она рано вставала, купалась в маленьком естественном пруду, завтракала, собирая ягоды с лоз токки, затем гуляла, пела, читала стихи и сочиняла их, проверяла ловушки — нет ли пойманных животных, взбиралась на деревья и высоко вверху омывалась солнцем в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и отправлялась спать с заходом солнца. Поначалу она думала, что нечем будет заняться и вскоре ей все наскучит, но ошиблась: дни были заполнены до предела и всегда оставалось несколько задумок на завтра.

Еще она думала, что раз в неделю будет возвращаться в Нарабал купить кое-что, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или игрище, может даже навестить семью или некоторых приятелей. И действительно — в город она ходила довольно часто. Но дорога была жаркая и душная и к тому же отнимала полдня, и по мере того, как Тесме привыкала к уединению, она находила Нарабал все более шумным и суматошным, а удовольствие, получаемое от походов, все меньше.

Люди в Нарабале глазели на нее. Она знала, что ее всегда считали эксцентричной, чуть спятившей дикаркой, а теперь вообще сравнивали с живущей сама по себе обезьяной, прыгающей по вершинам деревьев; таким образом, промежутки между ее визитами в город становились все больше. Она ходила теперь лишь в случае крайней необходимости. В день, когда она наткнулась на Хайрога, девушка не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Она бродила утром по болотистому подлеску, собирая душистые желтые фаржи; мешочек был почти полон, и Тесме подумывала о возвращении, когда случайно заметила в нескольких ярдах от себя существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно неуклюже вытянулось на земле под большим деревом сиджайлом. Оно напоминало ей хищную рептилию, погубившую ее отца и брата в Нарабальском Проливе, гладкую, длинную, медленно двигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подобравшись ближе, Тесме заметила, что существо своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами отдаленно напоминает человека. Она сочла было его мертвым, но, стоило

ей подойти, существо шевельнулось и сказало:

— У меня повреждена двигательная функция. Я был глуп и поплатился за это.

— Можешь пошевелить руками или ногами? — спросила Тесме.

— Руками. Да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Помоги мне.

Девушка нагнулась, рассматривая его получше. Да, оно походило на рептилию со сверкающей чешуей и гладким жестким телом. Глаза были зеленые, холодные и совершенно немигающие. Волосы выглядели странной густой массой завитушек, которые медленно свивались сами по себе. Змеевидный ярко-алый и раздвоенный язык безостановочно мелькал взад и вперед между бесплотных губ.

— Кто ты? — спросила она.

— Хайрог. Знаешь о нас что-нибудь?

— Конечно, — кивнула Тесме, хотя по-настоящему знала совсем мало. За прошедшее столетие несколько нечеловеческих рас обосновалось на Маджипуре, целый зверинец инородцев, приглашенных сюда Короналом Лордом Меликандом, поскольку людей не хватало для столь огромной планеты. Тесме слышала о четырехруких, о двуглавой, о крошечных существах с щупальцами и

о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко к Нарабалу, городу на краю нигде, на громадном расстоянии от цивилизации. Значит, это хайрог?

Странное существо, подумала она. Тело почти человеческое и тем не менее не совсем. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь, хотя и не особо пугающая.

Она посочувствовала хайрогу, — оказаться так далеко от кого-либо, похожего на него, на Маджипуре! К тому же он ранен. Что ей теперь делать?

Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабал и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере дня два. Тащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет?

Это казалось самым разумным. Но что будет с ее одиночеством и уединенностью? И как ухаживать за Хайрогом? Да и действительно ли она хочет брать на себя такую ответственность? А ведь остается еще риск. Он чужак, и она понятия не имеет, что от него можно ждать.

— Я — Висмаан, — сказал хайрог.

Было ли это именем, титулом или же просто описанием своего состояния?

Она не стала спрашивать, а просто сказала:

— Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях, в часе ходьбы отсюда. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

— Дай мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но… ты достаточно сильная?

— Наверное.

— Ты женщина, я прав?

Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

— Женщина.

— Я так и подумал. Я мужчина, и, наверное, слишком тяжел для тебя.

Мужчина? Место между ногами было у него гладким, как у машины. Хотя, подумала она, может быть, у хайрогов половые органы расположены в иных местах. И если они рептилии, грудь не могла указать пол. Странно, что он вообще спросил.

Она опустилась рядом с ним на колени, не понимая, как ему удастся встать и идти со сломанной ногой. Хайрог положил руки ей на плечи, и прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа казалась прохладной, жесткой, сухой и гладкой; он словно носил сильный болотистый запах, с чуть заметным привкусом меда. Трудно понять,

как она не заметила его раньше — очевидно, ее поразила неожиданность случившегося. Но теперь на запах нельзя было не обратить внимания, и сначала она почувствовала, как неприятно напряглись мускулы, хотя спустя несколько минут это перестало ее беспокоить.

— Держись ровно, — предупредил Хайрог. — Я навалюсь на тебя.

Тесме пригнулась, упершись руками и коленями в землю, к ее удивлению, Хайрог довольно легко вытянулся вверх своеобразным извивающимся движением, на мгновение навалившись на спину девушки между лопаток. Она задохнулась, а он, шатаясь, выпрямился и ухватился за свешивающуюся лиану. Тесме расставила ноги, готовясь подхватить его, если будет падать, но он устоял.

— Нога сломана, — объяснил он. — Спина повреждена, но не сломана.

— Сильно болит?

— Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в функционировании.

Нога не держит меня. Может, ты найдешь мне крепкую палку?

Тесме огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что можно использовать как костыль, и почти

сразу заметила жесткий надземный корень, тянувшийся к земле с лесного полога. Гладкий черный корень был толстым, но ломким, и она гнула его во все стороны, пока не отломила кусок ярда в два. Висмаан крепко сжал его, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на поврежденную ногу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, с привкусом уксуса, без меда. Несомненно — от напряжения. Вероятно, боль была не такой слабой, как он хотел ее уверить, но в любом случае он справлялся.

— Как ты сломал ногу? — спросила она.

— Я хотел осмотреть местность и взобрался на дерево, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул на тонкий блестящий ствол высокой сиджайл.

Нижняя ветвь футах в сорока над головой была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме с удивлением подумала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секунду спустя изумилась еще больше, подумав, как ему удалось взобраться на сорок футов по тонкому гладкому стволу.

— Я хочу обосноваться здесь и заняться земледелием. У тебя есть ферма?

— В джунглях? Нет. Я просто живу тут.

— С мужчиной?

— Одна. Я выросла в Нарабале, но решила на время побыть в одиночестве.

Они вернулись к мешку с калимботсами, который она выронила, когда заметила лежавшего на земле чужака, и Тесме забросила его себе на плечо.

— Можешь оставаться у меня, пока нога не заживет. Только до моей хижины добираться придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

— Я ведь иду сейчас, — сказал он.

— Если захочешь отдохнуть, скажи.

— Потом. Не сейчас.

И действительно, прошло около получаса медленной, болезненной, изнуряющей ходьбы, прежде чем он попросил остановиться, но даже тогда остался стоять, привалившись к дереву, пояснив, что не стоит повторять весь сложный процесс вставания с земли. Тесме он казался и бесстрастным, и чуть встревоженным, хотя невозможно было прочесть что-либо по его неизменному лицу и немигающим глазам. Единственным указателем проявления эмоций был для нее мелькающий раздвоенный язык, только она не знала, как истолковать эти непрерывные

стремительные движения. Через несколько минут они снова тронулись в путь.

Медленное передвижение угнетало ее — его вес давил на плечи, и девушка чувствовала, как сводит судорогой мышцы и как протестуют мускулы, пока они с Хайрогом пробираются по джунглям. Говорили они мало. Он, кажется, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые он не смог бы одолеть. Когда они прошли полпути до хижины, начался теплый дождь, после которого они окунулись в горячий липкий туман. Она уже изнывала от усталости, когда показалась ее хижина.

— Не дворец, — заметила Тесме, — но мне хватает. Ложись тут.

Она подвела его к своей постели из листьев зании, и чужак сел, испустив тихий, еле слышный свистящий звук.

— Хочешь чего-нибудь перекусить? — поинтересовалась Тесме.

— Не сейчас.

— Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

— Я все равно не буду спать, — сказал Висмаан.

— Не понимаю, при чем…

— Мы спим только часть года, обычно — зиму.

— И бодрствуете все оставшееся время?

— Да, — кивнул он. — В этом году мой период сна завершился. Я понимаю, что это отличается от человека…

— Сильно отличается, — согласилась Тесме. — В любом случае я оставляю тебя — отдыхай. Ты, должно быть, страшно устал.

— Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

— Ничего, — ответила Тесме и шагнула наружу. Дождь начался снова.

Знакомый, успокаивающий дождь, моросящий по нескольку часов каждый долгий день. Она вытянулась на насыпи из мягкого упругого мха, позволяя теплым дождевым струям омывать усталое тело.

Гость в доме, подумала она. Да еще и чужак. А почему бы и нет? Хайрог казался нетребовательным, равнодушным, спокойным даже в несчастье.

Повреждение у него явно было более серьезным, чем он готов был признать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть пути до Нарабала. Тесме, правда, могла

сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет платформы, чтобы перевезти Хайрога, но такая мысль ей не понравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела приводить сюда кого-нибудь. С некоторым смущением она вдруг поняла, что вовсе не хочет, чтобы Хайрог уезжал, наоборот, ей хочется удержать его тут и ухаживать, пока он не восстановит силы. Она сомневалась, чтобы кто-нибудь в Нарабале дал приют чужаку, и это наполняло ее приятным ощущением собственной порочности и возможностью подняться над ограниченностью привычек родного города.

Года два назад она слышала много перешептываний об иномирянах, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали рептилиеобразных Хайрогов, гигантских, неуклюжих волосатых скандаров, маленьких хитрецов со щупальцами — кажется, вроонов, — и прочих причудливых созданий; и пусть пока чужаков еще не видели в отдаленном Нарабале, враждебная почва для их приема была уже вполне подготовлена.

Только дикой и эксцентричной Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормя с ложечки лекарствами и

супом, или что там дают Хайрогам со сломанными ногами? Она не имела никакого понятия, как ухаживать за ним, но это не останавливало ее.

Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. Как на самую младшую в семье, на нее никто никогда не возлагал никакой ответственности.

Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что, несмотря на бесчисленные любовные истории, ее никогда не влекло навестить заболевшего возлюбленного.

Теперь она понимала, почему решилась оставить Хайрога у себя в хижине ведь одна из причин, по которой она сбежала из Нарабала в джунгли, заключалась в том, чтобы сломать безобразные черты прежней Тесме.

Она решила поутру отправиться в город, разузнать, если удастся, что необходимо для лечения Хайрогов, и купить лекарств и подходящей провизии.

2

После долгого перерыва она вернулась в хижину. Висмаан спокойно лежал на спине там, где она его оставила, вытянув руки вдоль тела. Он, казалось, вообще не шевелится, если исключить непрерывное шевеление его волос. Спит?

После его объяснений? Она подошла ближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза его были открыты и следили за ней.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Не очень. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Тесме приложила ладонь к его лбу: твердая чешуйчатая кожа на ощупь казалась холодной. Нелепость этого жеста заставила девушку улыбнуться.

Откуда ей знать, какая нормальная температура у Хайрогов. И поднимается ли она у рептилий во время болезни? Внезапно ей вообще показалось нелепым желание ухаживать за существом из иного мира.

— Почему ты трогаешь мой лоб? — поинтересовался он.

— Мы так делаем, когда человек болен. Учти,

если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю поднимается жар?

— Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас высокая.

— Больно?

— Немного. Но главное в том, что мои системы дезорганизованы. Можешь ты принести мне воды?

— Конечно. А ты голоден? Что ты обычно ешь?

— Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Тесме принесла воды. Висмаан с трудом присел — он казался гораздо слабее, чем тогда, когда хромал через джунгли, видимо, все больше страдал от болезненного перелома — и осушил чашу тремя большими глотками.

Как зачарованная смотрела девушка на яростное мелькание раздвоенного языка.

— Еще, — попросил он, и она налила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и Тесме вышла наполнить его из ручья. Заодно она сорвала несколько ягод токки и принесла с собой. Хайрог подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно лишь так мог должным образом рассмотреть ее, и покатал на пробу

между пальцами. Руки у него были почти человеческие.

Тесме обратила внимание, что на каждой по одному большому пальцу, зато ногтей совсем не было, а только поперечные чешуйчатые перепонки, тянувшиеся вдоль двух первых фаланг.

— Как называется этот фрукт? — спросил он.

— Токка. В Нарабале ее лозы растут повсюду. Если тебе понравится, я принесу еще.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал еще быстрее, он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Лишь тогда Тесме вспомнила репутацию токки как средства, усиливающего половое влечение, но отвернулась, пряча усмешку, и ничего не сказала. Он назвался мужчиной, стало быть, у хайрогов есть секс, но как они им занимаются? Внезапно она представила, как самец-хайрог испускает струю семенной жидкости из некоего скрытого отверстия в ванную, куда погружаются самки оплодотворяться.

Действительно, не очень романтично, подумала она, в то же время желая узнать, поступают ли они так и действительно ли оплодотворение у них происходит разделение, как у некоторых рыб и змей.

Она приготовила для него еду из токки, поджа-

ренных калимботсов и небольшого многоногого нежно-ароматного хиктияна, которого поймала сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но недавно она открыла сок большого красного дерева, забродивший после двух дней на открытом воздухе, и дала ему немного.

Аппетит у него был как у здорового. После она спросила, не осмотреть ли его ногу, и он согласился.

Перелом был где-то посередине широкой части бедра. Толстая опухоль выделялась под чешуйчатой кожей. Девушка легонько ощупала ее кончиками пальцев, а чужак издал еле слышный свист, ничем больше не выказав, что она делает ему больно. Тесме показалось, что что-то движется внутри его бедра.

Сломанные концы кости? Я так мало знаю о Хайрогах, уныло подумала она, об искусстве исцеления, вообще обо всем.

— Будь ты человеком, — пробормотала Тесме, — мы использовали бы машину, чтобы посмотреть перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили до полного заживления. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

— Кости срастутся сами, — отозвался Висмаан. — Я свел их вместе сокращением мышц и буду

держать так, пока они не срастутся, только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Можно мне остаться у тебя?

— Конечно. Оставайся сколько понадобится.

— Ты очень добра.

— Завтра я пойду в город. Тебе что-нибудь нужно?

— У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

— Здесь почти ничего нет. Могу завтра принести.

— Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ — большой любитель развлечений.

— Я принесу, — пообещала Тесме.

Она дала ему три кубика: игровой, для подборки цветовой композиции и симфонический, — и занялась послеобеденной уборкой.

Ночь опустилась рано, как всегда здесь, близко к экватору. Снаружи донесся легкий шелест дождя. Обычно девушка немного читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. Загадочное существо заняло ее постель, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу, да и все эти разговоры, которые она вела впервые за много

недель, заставляли держаться напряженно и немного настороже. Сам Висмаан, казалось, с головой ушел в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще одну и уложила их на полу возле двери. Затем, подойдя к Хайрогу, поинтересовалась, может ли еще что-либо сделать для него. Тот в ответ лишь коротко покачал головой, не отрываясь от кубиков. Тесме пожелала ему доброй ночи и легла на импровизированную постель. Та оказалась вполне удобной, даже больше, чем она ожидала, но уснуть было невозможно. Девушка ворочалась с боку на бок: чувство стесненности и неудобства в присутствии чужака не давало покоя. И еще запах хайрога, острый и пронзительный. За весь день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, лежа в темноте со взвинченными нервами, она воспринимала его, как бесконечно повторяющийся звук трубы. Время от времени она присаживалась и смотрела сквозь темноту на Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. В конце концов сон постепенно овладел ею, и она задремала, пока звуки нового утра не разбудили ее привычной мелодией множества писков и криков, а первый свет просо-

чился в открытую дверь. Она проснулась, ничего не понимая, как это с ней часто случалось, когда она крепко спала в незнакомом месте. Несколько минут Тесме не могла сообразить, где находится, но потом вспомнила.

Чужак наблюдал за ней.

— Ты провела ночь без отдыха. Мое присутствие тебя тревожит.

— Ничего, я привыкла. Как ты себя чувствуешь?

— Не очень, но уже начинаю поправляться. Я чувствую, как внутри идет процесс заживления.

Она принесла ему воды и тарелку фруктов, затем вышла во влажный туманный рассвет и быстро скользнула в пруд. Когда вернулась в хижину, запах поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и резким запахом хайрога внутри хижины был разителен.

Одеваясь, она сказала:

— Я вернусь из Нарабала только к ночи. Ты как, продержишься один?

— Если ты оставишь пищи и воды, чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

— Почти ничего нет. Но я принесу. Надеюсь, день у тебя пройдет спокойно.

— Возможно, заглянет какой-нибудь гость?…

— Гость? — удивленно воскликнула Тесме. — Что еще за гость? Никто сюда не придет. Или ты хочешь сказать, что с тобой был еще кто-то, и он начнет тебя искать?

— Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья…

— У меня нет друзей, — торжественно объявила Тесме, и сразу же эти слова показались ей глупыми, жалобными и мелодраматичными. Но Хайрог ничего не сказал, и, пряча свое смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Он молчал до тех пор, пока она не собралась идти, потом поинтересовался:

— Нарабал красив?

— Разве ты его не видел?

— Я шел с другой стороны, из Тил-Омона. Там мне рассказывали, как красив Нарабал.

— Ничего особенного, — ответила Тесме. — Лачуги. Грязь на улицах.

Повсюду растут виноградные лозы, за год опутывая дом целиком. Тебе говорили в Тил-Омоне? Над тобой просто подшутили. Если кто-то в Тил-Омоне расхваливает красоты Нарабала, он просто лжет.

— Но для чего?

Тесме пожала плечами.

— Откуда я знаю? Может, чтобы убрать тебя подальше от Тил-Омона. В любом случае в Нарабале не на что смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, и был чем-то, но теперь это просто грязный город.

— И все же я надеюсь повидать его. Когда моя нога окрепнет, ты мне покажешь его?

— Разумеется, — кивнула она. — Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. А теперь я пойду. Я хочу добраться до города, пока еще прохладно.

3

Представляя, как войдет однажды в город с Хайрогом, она быстро шла по тропе. Интересно, как на это отреагируют в Нарабале? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно поносить ее, когда она начнет здороваться с знакомыми? Вероятно. Чокнутая Тесме, станут судачить они, привезла в город инородца; не занимаются ли они в джунглях непотребством? Тесме улыбнулась. Да, забавно будет пройтись по Нарабалу с Висмааном. И она попробует, как только он

сможет одолеть долгую дорогу через джунгли.

Сама дорога была просто грязной неухоженной тропкой, отмеченной зарубками на деревьях да редкими короткими просеками, быстро зарастающими во многих местах. Но за время путешествия по джунглям она овладела искусством находить дорогу и редко надолго теряла тропу. Поздним утром она добралась до отдаленных плантаций, а вскоре увидела и сам Нарабал, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз к морю по противоположному.

Тесме не знала, для чего кому-то понадобилось основывать тут город — в самой западной точке Цимроеля. Какая-то задумка Лорда Меликанда, того самого Коронала, что допустил чужаков на Маджипур, способствуя развитию западного континента. Да, в начале царствования Лорда Меликанда на Цимроеле имелись всего два города, созданные первыми человеческими поселенцами на планете до того, как стало ясно, что центром жизни Маджипура стал другой континент — Алханроель. На северо-западе Цимроеля тогда располагался Пидруид, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а на восточном побережье находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов.

Теперь к ним добавились два пограничных поста: Ни-Мойя, воздвигнутая на одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-Омон, стоявший на краю тропического пояса западного побережья; к тому же существовало несколько поселений в центральных горах, да ходили слухи, что Хайроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруида.

И еще был Нарабал, тут, на дождливом юге, на краю континента, окруженный морем. Здесь, если стоять у края Нарабальского Пролива и долго смотреть на воду, постепенно с ужасом начинаешь ощущать все эти тысячи миль дикости, лежащие за спиной, и тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханроеля, где находятся другие города. В юности Тесме пугалась мысли, что живет в месте, столь далеком от центров цивилизации, и порой и Алханроель, и те процветающие города казались ей просто мифом, а подлинным центром вселенной был Нарабал. Она никогда не бывала нигде, кроме него, и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости явился Тил-Омон, но и до него было неблизко, и те, кто бывал там, рассказывали, что он сильно похож на Нарабал, только дождей

поменьше и солнце постоянно висит в небе докучливым зеленоватым глазом.

В Нарабале она повсюду ощущала на себе любопытствующие взоры. Каждый раз, оборачиваясь, девушка замечала, что все пристально пялятся на нее, словно она явилась в город голой. Все знали ее — дикую Тесме, сбежавшую в джунгли, — ей улыбались, махали, расспрашивали, как идут дела, а за этим обычным добродушием были глаза — внимательно-пристальные, враждебные, сверлящие ее с неподдельным интересом и старающиеся разгадать, что у нее на душе. «Почему ты презираешь нас? Почему чуждаешься? Почему делишь дом с отвратительным чужаком?» Она улыбалась в ответ, махала рукой и говорила вслух: «Рада увидеться с вами снова», «Все отлично», а про себя отвечала пронизывающим глазам: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти, и Хайрогу я помогла потому, что, помоги я кому-нибудь, мне, возможно, за это воздается», но они не понимали.

Никто не заходил в ее комнату в материнском доме. Тесме сложила в мешок книги, кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли сгодиться Висмаану. Здесь были антивоспалительные средства для ускорения

заживления ран, жаропонижающее и многое другое — вероятно, все бесполезное для чужака, но она полагала, что стоит попробовать. Тесме бродила по дому, ставшему для нее непривычным, несмотря на то, что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо разбросанных листьев, настоящие прозрачные стекла на шарнирах, настоящий механический чистильщик с кнопками и рукоятками — все эти миллионы цивилизованных вещей и приспособлений, выдуманных человечеством много тысяч лет назад в другом мире, от которых она сбежала в свою маленькую хижину с живыми ветвями, растущими по стенам…

— Тесме?

Она удивленно оглянулась. В дверях стояла ее сестра Мирифэйн, почти близняшка: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги и прямые черные волосы. Только на десять лет старше и на десять лет более примирившаяся со своей жизнью. Замужняя работающая женщина, мать.

Тесме всегда страдала при виде Мирифэйн, словно смотрелась в зеркало и видела себя на десять лет старше.

— Мне кое-что нужно, — нехотя объяснила

Тесме.

— А я надеялась, что ты решила вернуться домой, — сказала Мирифэйн.

— Зачем?

Мирифэйн ответила привычной проповедью о возобновлении нормальной жизни, возвращении в общество и полезном труде. В конце она сказала:

— Мы упустили тебя.

— Может быть, — ответила Тесме, — но я делаю то, что нужно мне. — Она немного помолчала. — Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

— По крайней мере, ты останешься на ночь? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедаешь с нами.

— Мне далеко идти. Я не могу терять здесь много времени.

— Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорелая, окрепшая… По-моему, отшельничество пошло тебе на пользу.

— По-моему, тоже.

— Думаешь еще пожить в одиночестве?

— Это мне нравится, — ответила Тесме, завязывая мешок. — Как у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

— По-прежнему. Только я на время отправлюсь

в Тил-Омон.

— Счастливо.

— Хочу вырваться из нашей заплесневелой жизни и отдохнуть. Холтас поработает там с месяц над проектами постройки новых городов в горах приходится обеспечивать жильем всех этих инородцев, что начинают прибывать. Он хочет взять с собой меня и детей.

— Инородцев? — переспросила Тесме.

— Ты разве не знаешь?

— Расскажи.

— Ну, иномиряне, что живут на севере, начинают проникать сюда. Есть один вид, вроде ящериц с руками и ногами, они хотят развивать фермы в джунглях.

— Хайроги?

— А, так ты слышала? И еще одно племя, напыщенное и воинственное, с лягушачьими рожами и темно-серой кожей. Холтас говорит, что они уже заняли в Пидруиде все мелкие должности, вроде клерков и писцов, а теперь начинают наниматься сюда, и кое-кто из архитекторов собирается спроектировать для них поселения внутри страны.

— Значит, они не будут вонять в прибрежных городах?

— Что? А, я думаю, часть из них все равно тут осядет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, наши вряд ли согласятся на большое число иммигрантов в Нарабале, да и в Тил-Омоне тоже…

— Да, я понимаю, — кивнула Тесме. — Ну, передавай всем привет, пойду обратно. Надеюсь, ты приятно отдохнешь в Тил-Омоне.

— Тесме, пожалуйста…

— Что, пожалуйста?

Мирифэйн сказала с досадой:

— Ты такая резкая, такая далекая и холодная! Мы не виделись несколько месяцев, а ты еле выносишь мои расспросы и смотришь на меня с таким раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала?

Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее, и меньше всего те, кто уверял, что любит. Стараясь говорить мягче, она ответила:

— Назови это запоздалым переходным возрастом, Мири, или возмужанием юности. Ты очень хорошо относишься ко мне! Но только это зря, я все равно уйду. — Она легонько коснулась пальцами руки сестры. — Может, я загляну на днях.

— Надеюсь.

— Только скоро не ждите. Передайте всем привет от меня, — сказала Тесме и вышла.

Она торопливо шла по городу, боясь встречи с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Девушка украдкой оглядывалась, как вор, и не раз быстро ныряла в переулки, заметив того, кого не хотела видеть. Встречи с сестрой было достаточно. Пока Мирифэйн не сказала, что раздражение ее хорошо заметно, Тесме не сознавала этого. Мири была права: Тесме чувствовала, что остатки раздражения еще кипят внутри ее. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, маленькими предрассудками, замкнувшиеся в череде своих бессмысленных дней — они приводили ее в ярость. Чумой рассеяться по Маджипуру, сгрызая ненанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывать грязные города в местах удивительной красоты и никогда не задаваться какой-нибудь целью. Слепые, нерассуждающие натуры — это было хуже всего.

Никогда они не посмотрят на звезды и не спросят, что это такое. А ведь именно это волновало человечество на старой Земле, заставляя пре-

вращать в копию материнского мира тысячи захваченных планет. Имеют ли звезды хоть какое-нибудь значение для человечества Маджипура? Наверное, Старая Земля все еще для них что-то значит и кажется прекрасной, лишившись за прошедшие столетия серой скучной шелухи и накипи, несомненно, она далеко ушла от Маджипура, который лишь через пять тысячелетий станет ее отражением с раскинувшимися на сотни миль городами, всеобщей торговлей, грязью в реках, истребленными животными и бедными обманутыми людьми, Изменяющими Форму, повсюду загнанными в резервации, — со всеми старыми ошибками, принесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она считала, что все это от путаницы личных целей, расстроенных нервов и отсутствия любовника, но затопившая ее ярость возникла вдруг от недовольства всем человеческим миром. Ей хотелось схватить Нарабал и сбросить в океан. К сожалению, она не могла этого сделать, не могла ничего изменить, не могла приостановить то, что они называли распространением цивилизации. Все, что она могла, — это вернуться в джунгли к сплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, пугливым

животным болот, к хижине, к увечному Хайрогу, который, будучи частью затопляющего планету прилива, был и тем, о ком она заботилась, кого даже лелеяла, потому что остальным ее сородичам он не нравился, пожалуй, они даже ненавидели его, и она, заботясь о нем, отличалась от них.

Голова болела, мускулы лица стали жесткими, будто одеревенели, она понимала, что идет, сгорбясь, неся на плечах всю тяжесть жизни, от которой отреклась. Она сбежала из Нарабала так быстро, как только смогла.

4

Висмаан лежал в постели и, кажется, ни разу не шевельнулся, пока ее не было.

— Как тебе, лучше? — поинтересовалась Тесме. — Как ты один справлялся?

— Очень спокойный день. Только нога чуть больше опухла.

— Давай взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Та казалась слегка одутловатой, и чуть он дернулся, когда Тесме дотронулась до опухоли, что, по-видимому, означало очень сильную боль, если верить утверждению Висмаана, что к боли Хайроги

нечувствительны. Возможно, стоило отправить Хайрога в Нарабал, но он не казался обеспокоенным, а Тесме сомневалась, что доктора в городе знают что-нибудь о психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Девушка распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему антивоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила в них несколько небольших зверушек — маленького сгимойна и пару минтансов. Она привычно свернула им шеи — в самом начале отшельничества делать это было ужасно тяжело, но ей требовалось мясо, а никто не стал бы убивать за нее и для нее — и разделала тушки для огня.

Потом развела костер, подвесила мясо и вернулась в дом.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла, но отложил его в сторону, едва она вошла.

— Ты ничего не рассказала о визите в Нарабал, — заметил он.

— Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла — одно расстройство. Только в джунглях и почувствовала

себя хорошо.

— Ты сильно ненавидишь то место.

— А иного оно не заслуживает. Эти унылые надоедливые люди, эти безобразные, зажатые со всех сторон маленькие здания… — Она пожала плечами и покачала головой. — Да, сестра говорила, что закладываются какие-то новые города на континенте для иномирян, потому что их много переселяется на юг. В основном, Хайрогов и еще каких-то, с серой кожей и…

— Хьортов, — подсказал Висмаан.

— Мне все равно, — отмахнулась Тесме. — Мири говорила, что они любят работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-Омон или в Нарабал.

— Странно, я никогда не замечал недоброжелательства людей, — сказал Хайрог.

— В самом деле? А может, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

— Мне не совсем понятно. Разумеется, я никогда не бывал в Нарабале и, возможно, у вас иначе. Вот на севере, я убежден, затруднений нет. Ты была на севере?

— Нет.

— Жители Пидруида встретили нас очень радушно.

— Правда? Я слышала, будто Хайроги построили себе город где-то к востоку от Пидруида, у Большого Рифта. Если в Пидруиде у вас было все так хорошо, зачем куда-то переселяться?

— Вместе с нами людям жить не очень удобно, — спокойно заметил Висмаан.

— Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего. Наша привычка спать, например. Да и самим нам трудно жить в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, когда сами мы бодрствуем. Есть и другие различия. Вот мы и создали Дулорн. Надеюсь, ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив и построен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

— Почему же тогда тебе там не понравилось?

— Мясо не сгорит? — осведомился он.

Тесме покраснела и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела.

Чуть нахмурясь, она нарезала мясо и подала его вместе с тонкой и фляжкой вина, которое принесла днем из Нарабала. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

Немного погодя он сказал:

— Я прожил в Дулорне несколько лет. Но там очень засушливая местность, а на нашей планете я жил в теплом и сыром краю, похожем на Нарабал. Вот я и хотел найти плодородную землю. Мои далекие предки были земледельцами, и я решил вернуться к их занятию, а когда услышал, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется множество свободной земли, то отправился сюда.

— Один?

— Да, один. У меня нет жены, хоть я и собираюсь завести ее, как только поселюсь здесь.

— И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

— Да. В моем родном мире едва ли найдется какая-нибудь невозделанная земля, но и то ее еле-еле хватает, чтобы прокормить нас. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипур так сильно влечет нас к себе. Я счастлив здесь. И думаю, ты не права насчет горожан: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

— Даже так? Хмм… Стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с Хайрогом, все будут шокированы.

— Шокированы? Почему?

— Потому что ты чужак. И рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смеялся?

— Мы не рептилии. Мы теплокровные и так же, как и вы, растим детей.

— Ну, как рептилии.

— Внешне, пожалуй. Но я настаиваю, что близок к млекопитающим.

— Близок?

— Только мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие такие же. Вы ошибаетесь, считая…

— Это несущественно. Люди воспринимают вас, как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого всегда будут недоразумения между нами и вами. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того… — Она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе. — Кроме того, — повторила она неуклюже, — вы немного пугаете.

— Неужели больше, чем огромные лохматые скандары? Или су-сухерисы с двумя головами? — Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век. — Я думал, ты скажешь, что тебе самой неудобно с Хайрогом, Тесме.

— Нет.

— Предубеждения, о котором ты говоришь, я никогда не замечал, и вообще, впервые слышу о нем. Мне лучше уйти, потому что я тебя расстраиваю.

— Нет-нет, ты совершенно неправильно меня понял. Я хочу, чтобы ты остался здесь, хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя и ни к чему в тебе не отношусь с предубеждением. Я только пытаюсь объяснить, что почувствуют люди в Нарабале, то есть, это я полагаю, что они могут почувствовать, и… — Тесме сделала долгий глоток из фляжки. — Не знаю, как нам справиться со всем этим. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

— Конечно.

Тесме заподозрила, что обидела его или, по меньшей мере, расстроила.

Несмотря на холодную отчужденность чужака, он, казалось, был очень проницателен и, возможно, был прав в том, что наружу прорвалось ее собственное предубеждение, ее собственные предрассудки. Вполне понятно, подумала она, что, запутавшись в отношениях с людьми, я просто не способна больше заботиться о ком-либо, о человеке или о чужаке, и потому многочисленными мелочами показываю Висмаану, что мое

гостеприимство просто прихоть, неестественная и почти вынужденная, таящая в себе недовольство его присутствием здесь. Но так ли это? Она все меньше и меньше понимала себя, словно стремительно взрослела. И тем не менее, она не хотела, чтобы он чувствовал себя здесь незваным гостем. И решила в будущем показать, что заботится о нем искренне.

Этой ночью она спала лучше, чем предыдущей, хотя все еще не привыкла спать в присутствии постороннего и каждые несколько часов просыпалась, всматривалась сквозь темноту в сторону Хайрога и каждый раз видела его, занятого кубиками. Он не замечал ее. Тесме пыталась представить, каково это — спать один раз три месяца, оставшееся время бодрствовать. Пожалуй, это самое чуждое в нем. Это и то, как он лежит часами, не в состоянии ни встать, ни уснуть, чтобы забыться от боли, и занимается чем угодно, лишь бы отвлечься, лишь бы убить время. Что может быть более мучительным? И тем не менее, его настроение не менялось, он оставался таким же спокойным, мирным, бесстрастным. Неужели таковы все Хайроги? Неужели они никогда не пьянеют, не ссорятся, не бранятся на улицах, не ругаются с женами? Но ведь они не люди, напом-

нила она себе.

5

Утром она мыла Хайрога до тех пор, пока его чешуя не заблестела, затем поменяла постель. Накормив его, она провела день как обычно, но, блуждая в джунглях, чувствовала себя виноватой за то, что пока бродит по лесу, он лежит в хижине неподвижно и гадает, когда она вернется и расскажет ему что-нибудь или просто втянет в разговор и развеет скуку. Но в то же время девушка понимала, что, если будет непрерывно торчать у его постели, они быстро исчерпают все темы и начнут действовать друг другу на нервы; пока же у него есть с десяток развлекательных кубиков, которые помогут отвлечься. Возможно, он даже предпочитает большую часть времени проводить в одиночестве. И уж во всяком случае одиночество нужно ей самой, теперь даже больше, раз она делит хижину с чужаком, и потому этим утром Тесме отправилась на длительную прогулку, собирая заодно для обеда ягоды и коренья. К полудню пошел дождь, и она присела под деревом врамма, чьи широкие листья хорошо укрывали от струй. Прикрыв глаза, девушка ста-

ралась ни о чем не думать; мир и покой, наконец, воцарились в ее душе.

В следующие дни она привыкала к чужаку. Он оказался неприхотливым и нетребовательным, развлекался кубиками и стоически переносил свою неподвижность. Он редко спрашивал о чем-либо или сам заводил разговор, но всегда дружелюбно отвечал на вопросы и охотно рассказывал о своем мире убогом и страшно перенаселенном, о жизни там, о своих мечтах обосноваться на Маджипуре и о испытанном волнении, когда впервые увидел эту прекрасную, усыновившую его планету.

На четвертые сутки он впервые поднялся, с помощью девушки выпрямился и, опираясь на ее плечо и свою здоровую ногу, осторожно попробовал коснуться больной ногой пола. Тесме внезапно почувствовала, как изменился его запах, став более резким — нечто вроде обонятельной дрожи, — и уверилась в том, что именно так Хайроги выражают свои эмоции.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она. — Слабость?

— Она не выдерживает моей тяжести. Но излечение идет хорошо. Думаю, еще несколько дней, и я смогу встать. Помоги мне немного пройтись,

а то у меня тело ослабло от долгого безделья.

Он оперся на нее, и они вышли наружу, где начали медленно прохаживаться взад и вперед. Эта недолгая прогулка, кажется, освежила его. Тесме с удивлением осознала, что ее опечалил этот первый признак выздоровления, поскольку он означал, что скоро — через неделю или две — Висмаан достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она не хотела этого. ОНА НЕ ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ОН УХОДИЛ! Это внезапное понимание изумило ее до глубины души. Снова жить отшельницей, с наслаждением спать в своей постели и бродить по лесу, не заботясь ни о каких гостях, делать, что вздумается, избавиться от раздражающего присутствия Хайрога — и тем не менее, тем не менее, тем не менее, она чувствовала подавленность и беспокойство при мысли, что он скоро покинет ее. Как странно, думала она, как необычно и как похоже на меня!

Теперь они гуляли несколько раз в день. Он все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом двигался все легче. Наконец, Висмаан объявил, что опухоль спала, и кость явно срослась как следует. Он начал заводить разговор о ферме, которую хотел основать, о видах на урожай и расчистке джунглей.

Однажды днем в конце первой недели Тесме, возвращаясь из экспедиции по сбору калимботов с луга, где впервые наткнулась на Хайрога, остановилась проверить ловушки. Большинство оказались пустыми или с обычными мелкими зверушками, но в одной, в кустарнике за водоемом, что-то неистово колотилось, и когда она подошла, то увидела, что поймала билантона — самое большое животное, когда-либо попадавшее в ее западню. Билантоны водились по всему западному Цимроелю — изящные, быстрые, небольшие животные с острыми копытами и хрупкими ножками. Но здесь, у Нарабала, они были просто гигантскими, вдвое больше утонченных северных сородичей. Здешние билантоны доставали до запястья человека и ценились за нежное и ароматное мясо.

Первым побуждением Тесме было выпустить прелестное создание: слишком большим оно казалось, слишком красивым, чтобы его убивать. Она научилась резать мелких животных, придерживая их одной рукой, но тут было совсем другое. Большое животное, выглядевшее чуть ли не разумным, несомненно благородным, ценившим свою жизнь со всеми надеждами и нуждами, поджидавшее, возможно, подругу. Тесме сказала

себе, что она дура. И дресли, и минтансы, и сигмоны так же стремились жить, как рвется сейчас жить этот билантон, а она убивала их, не колеблясь. Она понимала, что не стоит одухотворять животных, когда, даже живя в цивилизации, она охотно и с удовольствием ела их мясо, если их убивала другая рука. И уж тем более, нет ей дела до осиротевшей подруги билантона.

Подойдя ближе, она поняла, что билантон в панике сломал одну из ног, и на мгновение у нее мелькнула мысль наложить ему шину и оставить у себя как любимца. Но это было еще более нелепо. Она просто не в состоянии усыновлять каждую увечную тварь из джунглей. Чтобы наложить шину, необходимо осмотреть его ногу, а билантон вряд ли будет вести себя спокойно, и если даже удастся каким-то чудом справиться, он сбежит при первом же удобном случае. Глубоко вздохнув, она подошла сзади к бившемуся животному, схватила его за нежную морду и свернула длинную грациозную шею.

Разделка туши оказалась делом более тяжелым и кровавым, чем она ожидала. Тесме ожесточенно кромсала и резала, как ей показалось, несколько часов, до тех пор, пока Висмаан не окликнул ее из хижины, спрашивая, чем она занята.

— Готовлю обед, — отозвалась она. — Сюрприз. Будет большое угощение.

Жаркое из билантона.

Она тихонько хихикнула, подумав, что это прозвучало, как у доброй жены, когда та готовит филе, а муж лежит в постели, ожидая обеда.

В конце концов, неприятная работа была сделана. Девушка поставила мясо коптиться на медленном дымном огне, а сама отправилась мыться, собирать токку и корни гамбы, а затем открыла фляжки с вином. Обед был готов с приходом темноты, и Тесме чувствовала гордость за содеянное.

Она ожидала, что Висмаан набросится на еду без комментариев в своей обычной флегматичной манере, но нет: впервые на его лице появилось оживление, какие-то искорки в глазах, да и язык мелькал как-то по-другому.

Она решила, что теперь лучше разбирается в его чувствах. Хайрог с воодушевлением жевал мясо, похваливал вкус и мягкость и просил еще и еще.

Каждый раз, подавая ему, она накладывала и себе, пока не насытилась.

— К мясу очень хороша токка, — заметила Тесме, вкладывая в рот сине-белые ягоды.

— Да, очень приятно, — спокойно подтвердил он.

Наконец, она больше не могла не только есть, но даже и просто смотреть на еду. Положив остатки так, чтобы они были доступны для его протянутой руки, Тесме допила последний глоток вина и, вздрогнув, засмеялась, когда несколько капель пролилось на подбородок и груди. Потом она вытянулась на листьях. Голова у нее кружилась. Она лежала лицом вниз, поглаживая пол и слушая продолжавшееся чавканье. Наконец, Хайрог тоже насытился, и все стихло. Тесме лежала, но сон не приходил. Голова кружилась все сильнее и сильнее, до тех пор, пока ей не стало казаться, будто ее швыряет по какой-то ужасной центробежной дуге на стену хижины. Кожа горела, соски грудей набухли и воспалились.

Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере, ягод десять. Яростный сок кипел теперь в ней.

Она не желала спать одна, скорчившись на полу.

С преувеличенной осторожностью Тесме встала на колени, на мгновение замерла и медленно поползла к кровати. Она до боли всматривалась в Хайрога, но в глазах стоял туман, и она различала

лишь общие его очертания.

— Ты спишь? — прошептала она.

— Ты ведь знаешь, что я не буду спать.

— Конечно, конечно. Я как-то отупела.

— Тебе плохо, Тесме?

— Плохо? Нет, не очень. Ничего особенного, разве что… как бы это… — Она заколебалась. — Я пьяна, понимаешь? Ты знаешь, что значит быть пьяным?

— Да.

— Мне не нравится на полу. Можно, я лягу с тобой?

— Если хочешь.

— Я буду очень осторожен и не стану задевать твою больную ногу. Покажи, какая.

— Она почти зажила, Тесме, не беспокойся. Ложись здесь.

Она почувствовала, как его рука взяла ее за запястье и потянула вверх.

Поднявшись, девушка легла рядом, чувствуя чешуйчатую кожу от груди до бедра, такую прохладную и такую гладкую. Она несмело провела рукой по его телу. Как отлично выделанная кожа для чемодана, подумала она, надавив пальцами и ощущая могучие мускулы под жестким покровом. Запах его изменился, стал резким,

пронизывающим.

— Мне нравится твой запах, — пробормотала она.

Тесме уткнулась лбом в его грудь и плотно прижалась к нему. Много месяцев, почти год она не была ни с кем в постели, и было хорошо чувствовать так близко чужое тело. Даже Хайрога, подумала она, даже Хайрога. Просто прикоснуться к кому-нибудь, почувствовать близость. Это так хорошо — чувствовать.

Он дотронулся до нее.

Она не ожидала этого. Все их отношения складывались так, что она заботилась о нем, а он покорно принимал ее услуги. Но внезапно его рука прохладная, жесткая, чешуйчатая и гладкая — прошлась по ее телу, легко скользнула по груди, проследовала ниже, к пояснице, задержалась на бедрах.

Что это? Неужели Висмаан решил заняться с нею любовью? Она подумала о его теле, лишенном половых признаков, как у машины. Он продолжал гладить ее.

Это непонятно, подумала она, и сверхъестественно. Даже для Тесме.

Совершенно необъяснимо, ведь он не человек, а я… А я очень одинока. И очень пьяна.

Девушка надеялась, что он будет лишь гладить ее, но вдруг одна его рука скользнула вокруг ее плеч, легко и нежно приподняла, перекатывая на себя, и бережно опустила, и Тесме почувствовала бедрами выступающую твердую плоть мужчины. Неужели его пенис таился где-то в чешуе, и он выпустил его, когда подошло время? И он…

Да.

Он, казалось, знал, что нужно делать. Пусть он чужак, при первой встрече с которым она не могла определить, мужчина он или женщина, но он явно понимал теорию любовных игр людей. На мгновение почувствовав, как его пенис входит в нее, она испытала ужас и отвращение, страх, что он повредит ей или причинит боль, и где-то в глубине сознания билась мысль, насколько это карикатурно и чудовищно, это совокупление женщины с Хайрогом, то, чего никогда не случалось за всю историю Вселенной. Ей отчаянно захотелось вырваться и убежать в ночь, но-она была слишком пьяна, слишком кружилась голова, а потом она осознала, что он вовсе не повредил ей, и что пенис его скользит внутрь и наружу с размеренностью часового механизма, а ее лоно трепещет от затопившего его наслаждения, заставляя дрожать и всхлипывать, наваливаясь на

его гладкий, жесткий…

Она пронзительно закричала в момент оргазма, а после лежала, свернувшись на его груди, трепеща, постанывая и мало-помалу успокаиваясь.

Она протрезвела. Она понимала, что сделала, и это изумило ее, даже больше, чем изумило. Знали бы в Нарабале! Хайрог — любовник! И наслаждение было таким сильным! Но вот получил ли он какое-нибудь удовольствие? Тесме не посмела спросить. Как узнать, бывает ли у Хайрогов оргазм? И есть ли у них вообще такое понятие? Ей захотелось узнать, занимался ли он любовью с женщинами раньше, и вновь она не посмела спросить. Он был не очень искусен, но определенно более ловок, чем некоторые из тех мужчин, которых она знала. Экспериментировал ли он с ней, или просто его чистый ясный разум вычислил ее анатомические потребности — этого она не знала, и сомневалась, что когда-нибудь узнает.

Он ничего не сказал. Тесме прижалась к нему и погрузилась в беззвучный тихий сон, каким не спала уже неделю.

6

Утром она чувствовала себя необычно, но не раскаивалась. Они не говорили о том, что произошло между ними ночью. Висмаан играл кубиками, а Тесме на рассвете ушла поплавать, вымыть похмелье из головы, затем убрала остатки вчерашнего пиршества, приготовила завтрак, а после отправилась в длительную прогулку на север, к небольшой мшистой пещере, где просидела большую часть утра, вспоминая плоть прижавшегося к ней тела, прикосновение его рук к ее бедрам, бешеную дрожь потрясшего ее экстаза. Она не могла сказать, что находит его привлекательным: раздвоенный язык, волосы, как живые змеи, чешуя по всему телу, — нет, нет, случившееся прошлой ночью не имеет ничего общего с его физической привлекательностью, подумала Тесме.

Но тогда почему это случилось? Вино и токка, сказала она себе. А еще одиночество и готовность восстать против общепринятых ценностей горожан Нарабала. Отдаться Хайрогу, поняла она, — лучший способ бросить вызов всему тому, во что верят эти люди. Но с другой стороны,

подобный поступок теряет смысл, если о нем не узнают. И она решила взять Висмаана с собой в Нарабал, как только он сможет вынести дорогу.

После случившегося они делили постель каждую ночь — поступать иначе казалось нелепо. Но ни на вторую ночь, ни на третью, ни на четвертую они не занимались любовью. Они лежали рядом, не касаясь друг друга, и не разговаривали. Тесме готова была отдаться, если бы он потянулся к ней, но он не делал этого, а сама она предпочитала не навязываться.

Молчание между ними становилось для нее все тягостнее, но она боялась нарушить его, опасаясь услышать то, чего не хотела слышать: что ему не по вкусу их любовные игры, или что он смотрит на свершившееся совокупление как на непристойное и неестественное, которое позволил себе только один раз, и то лишь потому, что она оказалась слишком настойчивой, или что он понимает, что по-настоящему она не испытывает к нему страсти, а просто воспользовалась им, дабы дойти до конца в своей непрекращающейся войне против всяких условностей.

К концу недели, измучившись нараставшим беспокойством и напряжением, страдая от неопределенности, Тесме рискнула прижаться к

нему, когда легла вечером в постель, позаботившись, чтобы это выглядело как случайность, и он с готовностью обнял ее. Потом они одни ночи занимались любовью, другие — нет, но всегда это происходило случайно и ненамеренно, почти обыденно и как-то непроизвольно, после чего она засыпала. Каждый раз, отдаваясь, она получала огромное наслаждение, вскоре перестав замечать чуждость его тела.

Теперь он уже ходил сам и упражнялся каждый день. Сначала с ее помощью, затем самостоятельно он обследовал краешек джунглей, поначалу передвигаясь осторожно и с опаской, но вскоре шагал уже свободно, лишь слегка прихрамывая. Купания, кажется, способствовали выздоровлению, и он часами плескался в маленьком прудике Тесме, досаждая громварку, жившему у берега в грязной норке, — эта старая тварь украдкой выбиралась из своего убежища и лежала у воды, словно выпотрошенный, промокший и покрытый грязью мешок с колючками. Он мрачно глазел на Хайрога и не возвращался в воду, пока тот купался.

Тесме утешала его нежными зелеными ростками, которые собирала в ручье и до которых громварку было не добраться на своих малень-

ких лапках.

— Когда же ты покажешь мне Нарабал? — спросил Висмаан в один из дождливых вечеров.

— Могу завтра, — ответила она.

Ночью она чувствовала необычное возбуждение и настойчиво прижималась к нему, желая отдаться.

Они вышли в путь с первыми проблесками дождливого рассвета, уступившего скоро яркому сиянию солнца.

Тесме шла не спеша, и хотя казалось, что Хайрог вполне выздоровел, она все равно двигалась медленно, и Висмаану было нетрудно держаться за ней.

Она заметила, что без удержу болтает, называя ему каждое дерево или животное, на какое они натыкались, рассказывая немного из истории Нарабала, потом о своих братьях, сестрах и знакомых в городе. Ей страстно хотелось показаться им с Висмааном — СМОТРИТЕ, ВОТ МОЙ ЛЮБОВНИК! Я СПЛЮ С ХАЙРОГОМ! И когда они подошли к окраинам, она принялась внимательно оглядываться, надеясь увидеть знакомых, но едва ли можно было встретить кого-то из них на окраинных фермах.

— Видишь, как на нас уставились? — шепнула

она Висмаану, когда они очутились в более населенных кварталах. — Они тебя боятся, считают предтечей некоего нашествия и гадают, что я с тобой делаю и почему так любезна.

— Я ничего такого не вижу, — сказал Висмаан. — Да, они проявляют любопытство, но я не замечаю ни страха, ни враждебности. Может быть, потому, что плохо разбираюсь в мимике человеческих лиц? Правда, я считаю, что узнал людей вполне достаточно, чтобы разобраться.

— Подожди, и увидишь, — обнадежила Тесме. Она не хотела признаться себе, что могла немного преувеличивать, даже более, чем немного.

Они находились уже почти в центре Нарабала, и кое-кто посматривал на Хайрога с удивлением и любопытством, но почти сразу же отводили взгляд, а остальные просто улыбались и кивали, как будто идущее по улицам существо из иного мира для них — самая обыденная вещь. Действительно, враждебности она не заметила никакой, и это ее разозлило. Мягкая приветливость людей, этих вежливых, дружелюбных людей, была вовсе не тем, чего она ожидала.

Даже когда они наконец повстречали знакомых — Канидора, закадычного приятеля ее старшего брата, Эннимонта Сиброу, державшего малень-

кую гостиницу в порту, и женщину из цветочной лавки, — те выказали такое же радушие, как и все прочие, даже когда Тесме сказала:

— Это Висмаан, он живет у меня последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал Тесме как содержательницу гостиниц для чужаков, и завел разговор о новых городах Хайрогов и Хьортов, которые планировал для застройки муж Мирифэйн.

Владелец гостиницы протянул ладонь и общительно тряхнул руку Висмаана, пригласив к себе домой отведать вина, а цветочница все твердила:

— Как интересно, как интересно, мы надеемся, что вам понравится наш небольшой городок.

Тесме вдруг почувствовала снисходительность к их жизнерадостности, словно они набрались от нее дикости и теперь соглашаются с ней во всем без опасений, без удивления, без комментариев. Возможно, они просто неверно истолковали суть ее отношений с Хайрогом и думают, что он просто поселился у нее. Интересно, возникнут ли у них те чувства, которых она ждет, если она прямо выложит, что они любовники? Что лоно ее принимало его пенис? И что они сотворили

то, что невозможно между человеком и чужаком? Скорее всего, нет. Вероятно, даже если они с Хайрогом лягут и займутся любовью на Площади Понтифекса, то и это не расшевелит город, хмуро подумала Тесме.

Понравился ли город Висмаану? Ей было трудно определить его реакцию.

Они поднимались по одним улицам, спускались по другим, миновали строившуюся площадь, лавку портного, проходили вдоль маленьких кривобоких домишек, утопавших в садах.

Тесме чувствовала в его молчании разочарование и неодобрение; несмотря на всю свою неприязнь к Нарабалу, ей захотелось защитить его. Что ни говори, а это было новое поселение, одинокий форпост в глухом закоулке второразрядного континента, насчитывающий всего несколько поколений.

— О чем ты думаешь? — спросила она наконец. — Нарабал не производит на тебя впечатления?

— Ты же предупреждала, чтобы я не ждал слишком многого.

— Тут даже более уныло, чем я тебе обещала.

— Нет, просто он кажется маленьким и недоработанным, — сказал Висмаан.

— Он смотрится таким после Пидруида и… — … Дулорна, — закончил он. — Дулорн удивительно прекрасен даже сейчас, когда только начал строиться. Но, разумеется, белый камень, который там используют…

— Да, — согласилась Тесме. — Нарабал тоже планировали построить из камня, поскольку тут слишком влажный климат и дерево гниет, только пока еще ничего не сделали. Когда население увеличится, можно будет устроить каменоломню в горах и уж тогда создать что-нибудь по-настоящему прекрасное. Лет через пятьдесят-сто, хорошенько потрудившись, и то, если у нас будут работать те гиганты-чужаки…

— Скандары, — подсказал Висмаан.

— Да, скандары. Послал бы нам Коронал тысяч десять скандаров…

— Тела скандаров покрыты густой шерстью, им будет тяжело в здешнем климате, но, несомненно, они поселятся здесь, как и су-сухерисы и многие из Хайрогов. Со стороны вашего правителя это очень смелый шаг — впустить к себе иномирян в таком количестве.

— Другие планеты не такие большие, — отмахнулась Тесме. — Я как-то слышала, что, невзирая на все наши колоссальные океаны, земли на

Маджипуре в три или четыре раза больше, чем в любом другом населенном мире. Или что-то вроде того. Мы счастливы, обладая столь большой планетой, где, однако, нормальная гравитация, так что здесь могут жить и люди, и гуманоиды. Естественно, мы платим за это высокую цену тем, что почти не имеем тут тяжелых элементов, но зато… О, привет! — Тон ее резко изменился, голос чуть дрогнул. Стройный, очень высокий молодой человек со светлыми волосами столкнулся с ней, появившись из банка на углу, и стоял теперь, глядя на нее, разинув рот.

Это был Раскелорн Юлван, любовник Тесме последние четыре месяца ее жизни в городе, непосредственный виновник ее бегства в джунгли. Меньше всего она хотела встретить в Нарабале именно его, но, столкнувшись с ним лицом к лицу, после секундного замешательства сказала, беря инициативу в свои руки:

— Ты хорошо выглядишь, Раскелорн.

— И ты. Жизнь в джунглях пошла тебе на пользу.

— Это счастливейшие месяцы в моей жизни. Раскелорн, это мой друг Висмаан, он жил со мной несколько последних недель. С ним произошло несчастье, он сломал ногу, упав с дерева, а я на

него наткнулась.

— Представляю, — спокойно сказал Раскелорн. — На мой взгляд, он находится в превосходных условиях. — Он повернулся к Хайрогу. — Рад с вами встретиться, — сказал он так, словно действительно был рад.

Тесме сказала:

— Он из Пидруида, климат там мало похож на наш. Говорит, у нас в тропиках скоро поселится много его соплеменников.

— Я тоже слышал, — с усмешкой кивнул Раскелорн и добавил: — Земля у нас удивительно плодородна. Посеешь семена перед завтраком, а к ночи уже получишь вино. Так уверяют все, так что это, должно быть, правда.

Легкость и непринужденность его речи взбесили девушку. Разве он не понимает, что эта чешуйчатая змея, этот иномирянин, этот Хайрог занял его место в ее постели? Или он не ревнив, или просто не понимает сложившейся ситуации. Отчаянно напрягаясь, она попыталась передать правду бывшему любовнику, мысленно представляя себя в объятиях чужака, показывая, как его руки мнут ее груди и бедра, как мелькает его алый раздвоенный язык по ее закрытым глазам, соскам, лону. Но все было бесполезно — Раске-

лорн мог читать в мыслях не больше ее. «Он мой любовник, — думала Тесме, — он обладает мною, меня все время тянет к нему, и я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы оказаться с ним в постели». Все это время Раскелорн стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с Хайрогом, обсуждая возможности выращивания ниука, глейны и стагги в здешних краях и о посеве семян в болотистых районах. Лишь после долгого перерыва он перевел взгляд на Тесме и безмятежно, словно интересовался, какой нынче день недели, осведомился, намерена ли она жить в джунглях и дальше.

Она со злостью посмотрела на него:

— Хочешь знать, почему я предпочитаю жить в джунглях?

— Удивляюсь, как ты обходишься без элементарных удобств?

— Зато я никогда не была так счастлива.

— Я рад за тебя, Тесме, — еще одна вежливая улыбка.

— Приятно было повидаться с вами. До новой встречи, — попрощался он с Хайрогом и ушел.

Тесме сжигала ярость: он не заметил, равнодушно не заметил, что она отдается Хайрогу. Ему безразлично, спит она с Хайрогом, скандаром или

громварком в пруду! Она хотела оскорбить его или, по крайней мере, шокировать, а он был просто вежлив. Вежлив! Должно быть, он, как и все остальные, обманывался насчет их настоящих взаимоотношений с Висмааном.

Для них, наверное, было просто непостижимо, что женщина готова предложить свое тело рептилии-иномирянину, и они не допускали даже мысли об этом…

— Ну как, насмотрелся на Нарабал? — спросила она.

— Вполне. Здесь нечего смотреть.

— Как твоя нога? Дойдем обратно?

— Разве тебе ничего не нужно сделать в городе?

— Ничего такого, — ответила она, — я хочу уйти.

— Тогда пойдем, — кивнул Хайрог.

Все же нога, очевидно, доставляла ему беспокойство — мышцы, видимо, сводило судорогой, что делало пешую прогулку затруднительной, но по привычке он не жаловался и следовал за ней. Время было не самое удачное, солнце висело почти над головой, и тяжелый влажный воздух давил на плечи первый признак того, что вскоре после полудня разразится дождь.

Они шли медленно, часто останавливались, хотя ни разу он не признался, что устал. Уставала сама Тесме и заявляла, что хочет показать ему то напластование слоев горных пород, то необычное дерево, то еще что-нибудь.

Происшедшее в Нарабале было для нее катастрофой. Надменный, вызывающий, непослушный, презрительный Нарабал. Она привела в город своего любовника — Хайрога, желая гордо покрасоваться перед жителями, а они не обратили на них никакого внимания. Неужели отупели настолько, что не в состоянии угадать правду? Или намеренно смотрели на нее сквозь пальцы, решив не доставлять ей удовлетворения? И что за нетерпимость она видела раньше в горожанах Нарабала? Почему считала, будто они боятся соседства чужаков?

Все были так очаровательно приветливы с Висмааном, так дружелюбны.

Возможно, мрачно подумала Тесме, предубеждения существуют только в ее воображении и она неверно истолковывает замечания других людей. В таком случае, отдаваться Хайрогу было глупостью. Это сработало впустую и не достигло цели в той личной войне, которую она вела против своих сограждан.

Просто необычный, нелепый и непреднамеренный случай.

Ни она, ни Хайрог не разговаривали во время долгого, медленного и неудобного возвращения через джунгли.

Когда они добрались до хижины, он сразу вошел внутрь, а она торопливо выкупалась, проверила ловушки, нарвала ягод, затем взяла вещи и тут же бросила, забыв, что хотела с ними сделать.

Наконец девушка вошла в хижину и сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти отсюда.

— Хорошо, — кивнул он. — Сейчас?

— Скоро стемнеет, а ты уже отшагал нынче много миль.

— Я не хочу беспокоить тебя. Я пойду сейчас.

Даже теперь она была не в состоянии понять его чувства. Удивлен он?

Обижен? Зол? Она не могла понять. Он не попрощался, просто повернулся и ровным шагом направился в джунгли.

Тесме провожала его взглядом, в горле у нее пересохло, сердце колотилось; она еле сдержалась, чтобы не кинуться следом, но он ушел и скоро спустилась тропическая ночь.

Она тщательно приготовила себе обед, но ела мало, размышляя, как он сидит в темноте, до-

жидаясь утра. Они даже не попрощались. А ведь она могла бы немного пошутить, советуя ему держаться подальше от высоких деревьев, или он мог бы поблагодарить ее за все, что она для него сделала, но вместо этого она просто выгнала его, а он спокойно ушел.

Он чужой, подумала она, и пути его чужды ей. И все же, когда они были вместе в постели и он дотрагивался до нее, втягивая ее тело на себя…

Ночь тянулась бесконечно. Тесме лежала на постели, которую они так недавно делили вместе, слушая бормотание ночного дождя, стучавшего по широким синим листьям, заменившим хижине крышу; впервые с тех пор, как очутилась в джунглях, она почувствовала боль одиночества. До этой минуты она не подозревала, как много значила для нее причудливая пародия на семейную жизнь, которую они разыграли здесь с Хайрогом и которая теперь кончилась, и она снова была одна, и даже более одинока, чем прежде. А он был где-то снаружи и сидел в темноте, не спавший и не укрытый от дождя.

Я влюбилась в чужака, с удивлением сказала она себе, влюбилась в чешуйчатую *тварь*, не сказавшую мне ни одного нежного слова, не задававшую никаких вопросов и ушедшую, не сказав

ни спасибо, ни до свидания. Она лежала, бодрствуя, несколько часов. Напряженное тело ныло от долгой дневной ходьбы. Подтянув колени к груди, она долго лежала так, а затем просунула руку между бедер и терла там до тех пор, пока не наступил миг оргазма; задохнувшись, она издала чуть слышный стон и погрузилась в сон.

7

Утром Тесме проснулась, проверила ловушки и собрала завтрак, а потом бродила по всем знакомым тропам возле хижины. Никаких признаков, указывавших на присутствие Хайрога, она не заметила.

Потом настроение ее немного улучшилось, и в полдень она уже снова радовалась жизни, но к наступлению ночи, когда подошло время обедать, ощутила, как вновь подступает хандра. Но она терпела. Поиграв немного кубиками, которые принесла для него из дому, девушка в конце концов уснула, а следующий день прошел уже лучше, и следующий тоже.

Постепенно жизнь Тесме возвращалась в свое русло. Больше она не встречала Хайрога, и он стал мало-помалу ускользать из ее сознания. Дни шли,

складываясь в недели одиночества, вновь даря радость отшельничества, но порой ее пронзали резкие и болезненные воспоминания о нем: при виде билантона в зарослях, или обломанной ветки, или громварка, сидящего у воды, и тогда она понимала, что все еще тоскует. Она бродила по джунглям, описывая все расширяющиеся круги вокруг хижины, не вполне понимая, зачем, пока, наконец, не призналась себе, что ищет его.

Она искала его больше трех месяцев.

Однажды Тесме заметила признаки поселения на юго-востоке и направилась прямо в ту сторону, перебравшись через большую, не известную ей раньше реку, где за чащей болотных деревьев оказалась недавно основанная ферма.

Притаившись у начала поля, Тесме увидела Хайрога — это был Висмаан, она не сомневалась в этом, — удобрявшего поле богатым черным перегноем. Страх вдруг сжал душу, заставив задрожать. А если это другой Хайрог? Нет-нет, она была уверена, что это он. Она даже убедила себя, будто замечает небольшую хромоту. Девушка быстро пригнулась, боясь показаться ему. Что она скажет? Почему искала его после того, как прогнала? Она двинулась к зарослям кустарника и уже совсем было скрылась в них, но потом

собралась с духом и окликнула его по имени.

Он замер и огляделся вокруг.

— Висмаан? Это я — Тесме.

Щеки ее пылали, сердце бешено стучало. На одно мрачное мгновение она решила, что это чужак, незнакомый Хайрог, и извинения были уже готовы сорваться с ее губ. Но стоило ему шагнуть к ней, как она поняла, что не ошиблась.

— Я заметила расчищенную долину и подумала, что это, должно быть, твоя ферма, — сказала она, выходя из-под свешивающихся до самой земли ветвей. — Ну, как ты живешь, Висмаан?

— Отлично. А ты?

Она передернула плечами.

— Как обычно. Но ты тут сотворил удивительное… Всего несколько месяцев, а смотри, сколько сделано!

— Да, — кивнул он, — мы здорово потрудились.

— Мы?

— С подругой. Идем, я вас познакомлю и покажу, чего мы достигли.

Его спокойные слова околдовали ее. Может, он хотел заменить ими негодование или обиду за то, что она выгнала его? Или мстил, обуздывая свою злость? Но скорее всего, подумала она, он

не испытывает обиды и не собирается мстить. И взгляд его на все происшедшее между ними, вероятно, совсем не такой, как у нее. Не забывай, что он чужак, сказала она себе.

Тесме поднялась за ним по невысокому склону, перепрыгнув через дренажную канавку, обошла небольшое поле, явно недавно засеянное.

На вершине холма, полускрытый буйно разросшимся огородом, стоял дом из обтесанных бревен сиджайлы, не очень-то отличавшийся от ее хижины, но побольше и какой-то более угловатый. Отсюда было видно всю ферму, занимавшую три склона невысокого холма. Тесме поразилась, как много он успел: казалось невозможным расчистить все это, поставить дом, подготовить поле к посеву и даже начать сеять — и все за несколько месяцев. Она понимала, что Хайроги не спят, но разве им не требуется отдых?

— Турном! — позвал Висмаан. — У нас гостья, Турном.

Тесме заставила себя оставаться спокойной. Лишь теперь она поняла, что пришла взглянуть на Хайрога потому, что больше не хотела жить одна, потому что где-то в глубине ее таилась полуосознанная прихоть помочь ему устроить ферму и разделить с ним жизнь так же, как де-

лила постель, связать себя с ним по-настоящему. На мгновение она даже представила себя с ним где-нибудь на празднике в Дулорне, на встрече с его соплеменниками. Конечно, она понимала, что это глупо, но упорно верила в такую возможность до тех пор, пока он не сказал про свою подругу. Теперь девушка с трудом заставила себя держаться спокойно и приветливо.

Из дома вышел Хайрог, почти такой же высокий, как Висмаан, с такими же блестящими чешуйками и змеящимися волосами. Между ними было только одно различие, но существенное: тело второго Хайрога украшали свисающие цилиндрические груди, с десяток или больше, каждая с темно-зеленым соском.

Тесме вздрогнула. Висмаан говорил ей, что Хайроги млекопитающие, и сейчас это невозможно было опровергнуть, хотя, на ее взгляд, груди не столько подчеркивали отношение к млекопитающим, сколько заставляли казаться таинственными и непостижимым гибридом. С глубокой неловкостью Тесме смотрела то на одного, то на другого чужака.

— Это женщина, о которой я тебе рассказывал, — сказал Висмаан. — Она нашла меня, когда я сломал ногу. Тесме, это моя подруга Турном.

— Добро пожаловать, — торжественно объявила женщина-Хайрог.

Тесме пробормотала что-то о работе, которой им еще следует заняться на ферме. Сейчас она хотела лишь одного — бежать, но у нее не было такой возможности: она зашла навестить соседей по джунглям, и те хотели показать ей все подробно.

Висмаан пригласил ее зайти в дом. А что дальше? Чашка чаю, стакан вина, немного токки и дареный минтанс? Вряд ли внутри дома есть что-нибудь, кроме стола и немногочисленной посуды.

Войдя, Тесме поняла, что не ошиблась, только, вдобавок ко всему предвиденному, в дальнем углу на трехногом табурете стоял любопытный плетеный ящик с высокими стенками. Взглянув на него, Тесме тут же отвела взгляд, почему-то решив, что не стоит особо любопытствовать, но Висмаан взял ее под локоть и предложил:

— Подойди. Взгляни.

Она шагнула вперед.

Это был инкубатор. В гнездышках из мха лежало десять круглых кожистых яиц, ярко-зеленых, с большими овальными пятнами.

— Наш первенец появится меньше чем через

месяц, — похвалился Висмаан.

У Тесме закружилась голова. Почему-то именно эта демонстрация подлинной чуждости иномирян ошеломила ее, как ничто другое: ни холодный взгляд немигающих глаз, ни змеящиеся волосы, ни прикосновение чешуи к ее обнаженным бедрам, ни внезапное, поражающее проникновение его члена в ее лоно. Яйца! Детеныши! В груди Турном уже копится молоко, чтобы кормить их.

Тесме, как наяву, увидела десяток маленьких ящериц, вцепившихся в бесчисленные груди, и ужас захлестнул ее. Один миг она стояла неподвижно, почти не дыша, а затем выскочила из дома и бросилась вниз по холму через дренажные канавы и поле в джунгли.

8

Она не знала, сколько прошло времени, когда Висмаан появился у ее двери. Время тянулось расплывчатым потоком еды, сна и слез; возможно, прошел день, возможно, два или неделя, а затем появился он, заполнив головой и плечами вход в хижину, и позвал ее по имени.

— Чего ты хочешь? — спросила она, не двигаясь.

— Поговорить. Я хочу сказать тебе кое-что. Почему ты сбежала так внезапно?

— Разве дело в этом?

Он наклонился к ней, рука его легонько легла на ее плечо. — Тесме, я в долгу перед тобой.

— За что?

— Уходя отсюда, я не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала.

Мы с Турном долго обсуждали, из-за чего ты убежала, и она утверждает, что ты рассержена на меня. Но я не понимаю, почему. Мы с ней перебрали все возможные причины, и лишь в конце она спросила, поблагодарил ли я тебя за помощь. Но я не знал, что это нужно сделать. И я пошел к тебе. Прости мою грубость, Тесме, мое неведение.

— Хорошо, я тебя простила, — сказала она приглушенно. — Теперь ты уйдешь?

— Посмотри на меня, Тесме.

— Лучше не буду.

— Пожалуйста. — Он потянул ее за плечо.

Она угрюмо обернулась к нему.

— У тебя влажные глаза, — сказал он.

— Иногда они меня не слушаются.

— Ты все еще сердишься? Почему? Я прошу тебя понять, что я не невежлив.

Хайроги не выражают благодарность так, как

люди. Но позволь мне так сделать. Я верю, что ты спасла мне жизнь. Ты очень добра, я всегда буду помнить, что ты сделала для меня, пока я был беспомощен. Плохо, что я не сказал тебе этого раньше.

— И плохо, что я тебя выгнала, — пробормотала она. — Только не проси объяснить, почему я так сделала. Все очень запутано. Я прощу тебе то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я тебя прогнала.

— Мне не за что прощать тебя. Моя нога зажила, ты подсказала, что мне пора идти, и я пошел своей дорогой. Я нашел землю для фермы.

— Это было совсем нетрудно, верно?

— Да, конечно.

Она поднялась на ноги и встала к нему лицом.

— Висмаан, почему ты занимался со мной сексом?

— Потому что ты, кажется, хотела этого.

— И только?

— Ты была несчастлива и не могла уснуть в одиночестве. Я надеялся, что это успокоит тебя, пытался по-дружески помочь.

— Ах, вот как…

— Я верил, что доставляю тебе удовольствие, — заметил он.

— Да. Это доставляло мне удовольствие. Но ведь ты не хотел меня?

Его язык замелькал так, что она решила, будто это соответствует человеческому удивлению.

— Нет, — ответил он. — Ты — человек. Как же я могу испытывать желание к человеку? Мы разные, Тесме. На Маджипуре нас зовут чужаками, но для меня чужак ты, разве не так?

— Я полагаю, так.

— Но я хотел помочь тебе. Я желал тебе счастья. В этом смысле я желал тебя. Понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Надеюсь, ты навестишь нас и разделишь дары нашей фермы?

— Я… да, да, я приду…

— Хорошо. Тогда я пойду, но сначала…

Тяжеловесно, с достоинством он притянул ее к себе и обнял могучими руками. Вновь она ощутила необычайно гладкую жесткость его чешуйчатой кожи, вновь небольшой алый язык метался по ее векам, целуя. Он обнимал ее долго. Потом отпустил и сказал:

— Я не смогу забыть тебя, Тесме.

— Я тоже.

Она стояла в дверях, наблюдая, как он исчезает у пруда. Ощущение легкости, мира и тепла пронзило ее душу. Она сомневалась, что когда-

нибудь решится навестить Висмаана и Турном, их вылупившихся ящериц, но все было правильно. Висмаан понял. Тесме начала собирать свое имущество и укладывать в мешок. Стояла еще середина утра, и можно было спокойно идти в Нарабал.

Она добралась до города после полудня.

Прошел год с тех пор, как она покинула город, и много месяцев, как была здесь в последний раз. Ее удивили перемены, которые она нашла теперь: город заполнила гудящая суета, повсюду росли новые здания, в Проливе стояли корабли, улицы шумели. Город, казалось, был захвачен чужаками: множество Хайрогов, Хьортов, сотни гигантских четырехруких скандаров целая круговерть странных существ, занятых своими делами. Тесме с трудом добралась до дома матери, где застала обеих сестер и брата Далкана. Они глазели на нее с изумлением, чуть ли не со страхом.

— Я вернулась, — сказала она. — Я знаю, что выгляжу, как дикий зверь, но нужно просто привести в порядок волосы и надеть новую тунику, чтобы снова стать человеком.

Она переехала жить к Раскелорну Юлвану, а в конце года они поженились.

Иногда она хотела признаться ему в том, что

произошло между нею и Хайрогом, но не решалась, и постепенно случившееся когда-то стало забываться, стало казаться ей не столь важным, как и то — откроется ли она или нет. Она открылась, наконец, десять или двадцать лет спустя, во время обеда в одном из новых ресторанов в квартале Хайрогов в Нарабале за жарким из билантона; она выпила слишком много золотистого вина, и слишком сильно навалились на нее старые воспоминания. В конце своей исповеди она спросила:

— Ты хоть что-нибудь подозревал?

И он ответил:

— Я понял это сразу, едва увидел тебя с ним на улице. Но какое это имеет значение?

Время огня

Несколько недель после поразительного опыта Хиссуне не осмеливался приблизиться к Счетчику Душ. Ему нужно было время, чтобы все переварить и впитать в себя. За какой-то час в маленькой комнатке он прожил несколько месяцев из жизни женщины, оставившей зарубку на его сердце. Странные новые образы возникли теперь в сознании.

Во-первых, джунгли. Хиссуне не знал ничего, кроме заботливо управляемого ровного климата подземного Лабиринта, поэтому его поразила сырость, густая листва, дожди, птичьи трели и гудение насекомых, ощущение влажной грязи

под ногами.

Во-вторых, то, кем он был. Женщиной! Как это поразительно. ***И взять в любовники чужака!*** *Хиссуне не находил слов, чтобы определить это, он просто воспринял все как должное, чтобы не терзать себя понапрасну и не запутаться. Но и кроме этого оставалось много причин для раздумий, например, ощущение Маджипура как развивающегося мира с дикими, неисследованными областями, с грязными немощеными улицами в Нарабале.*

Хиссуне часами размышлял над этим, пока бездумно готовил свои ненужные сведения для архивов, и постепенно приходил к мысли, что навсегда изменился, благодаря Считчику Душ, и никогда не станет прежним, что каким-то непостижимым образом будет не только самим собой, но и женщиной Тесме, жившей и умершей девять тысяч лет назад на другом материке в жарком дождливом местечке, которое он никогда не увидит.

И, разумеется, он жаждал еще раз прикоснуться к Летописи. Когда он решился на вторую попытку, дежурил другой чиновник — хмурый миниатюрный вроон, косо поглядевший на подошедшего Хиссуне.

Юноша протянул ему пропуск и быстро очутился внутри. Там он задумался, что выбрать, и в конце концов решил остановиться на временах Лорда Стиамота, на последних днях покорения армией человеческих поселенцев метаморфов Маджипура.

Я стану солдатом армии Коронала, подумал он, а возможно, даже увижу Лорда Стиамота.

Сухие предгорья полыхали от Милиморна до Хэмфиси, и даже здесь, наверху, в пятидесяти милях восточнее, на Зугнорском Пике, капитан Эремайл чувствовал горячие порывы ветра и привкус горелого в воздухе.

Густой столб черного дыма поднимался над всей областью. За час или два летатели протянут огненную линию от Хэмфиси до небольшого поселения в начале долины, а завтра зажгут зону с юга до Силтанмонда, и тогда заполыхает вся провинция, и горе тому, изменяющему Форму, кто там замешкается.

— Уже недолго, — произнес Вигган. — Война почти закончилась.

Эремайл оторвался от карт северной части континента и посмотрел на младшего офицера.

— Вы так думаете? — пробормотал он.

— Тридцать лет. Вполне достаточно.

— Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч лет — с тех пор, как люди впервые пришли в этот мир. И почти все время шла война, Вигган.

— Но ведь какое-то время мы просто не сознавали, что ведем войну!

— Да, — согласился Эремайл, — мы не понимали. Зато понимаем теперь.

И он вновь обратился к картам, низко склонившись над ними, но все же краем глаза поглядывая на окружающее. Маслянистый воздух резал глаза и туманил взор, а карты были слишком мелко начерчены. Медленно провел он карандашом по контурным линиям предгорья под Хэмфиси, не задерживаясь на селениях.

Он надеялся, что каждая деревушка вдоль огненной дуги была отмечена на карте, и офицеры побывали во всех, доставив предупреждение о скором испепелении.

Ему и его команде было очень тяжело при мысли, что картографы могли пропустить какое-нибудь богом забытое местечко. Лорд Стиамот издал указ, что ни один человек не должен погибнуть в пламени колоссальной облавы: всех поселенцев следовало предупредить загодя и дать им время на эвакуацию.

Метаморфы получили такое же уведомле-

ние. Нужно не выжигать врага, неоднократно повторял Лорд Стиамот, цель одна: заставить метаморфов подчиняться, и огонь, кажется, является самым лучшим средством. На самих носителях огня может сказаться столь тяжкая обязанность, подумал Эремайл, но с этим затруднения не возникнет.

— Каттикаун, Визферн, Домгроув… Сколько же их! И отчего людям хочется жить тут, Вигган?

— Они уверяют, что земли здесь плодородные, а климат мягкий для такого северного района.

— Мягкий? Я полагаю, вы имеете в виду не полгода без дождя? — Эремайл закашлялся. Ему почудилось, будто он слышит треск далекого огня в рыжевато-коричневой, до колен траве. В этой части Алханроеля дожди шли всю долгую зиму и полностью прекращались летом; можно было подумать, что природа бросила вызов земледельцам, но, очевидно, те как-то справлялись, учитывая, сколько ферм тянулось здесь по склонам холмов и внизу в долинах до самого моря. Сейчас стояло самое засушливое время года, и земля несколько месяцев изнемогала от летнего солнца — сухость, сухость и сухость, чернозем растрескался и покрылся бороздками, выросшие за зиму травы поникли и высохли,

густолиственные кусты свернулись и ждали. Самое подходящее время, чтобы поджечь местность и сломить упорного врага у берега океана или сбросить его туда! И не потерять ни одной человеческой жизни, ни одной! Эремайл вновь принялся изучать список: Чикмоуг, Фиэйли, Мичимэнд… Потом поднял взгляд.

— Вигган, чем вы займетесь после войны?

— У нашей семьи земли в долине Глайда. Наверное, снова займусь фермерством, а вы?

— Мой дом в Сти. Я был инженером, строил каналы, водоводы и тому подобное. Могу опять этим заняться. А когда вы в последний раз видели Глайд?

— Четыре года назад, — ответил Вигган.

— Я пять лет не видел Сти. Вы ведь участвовали в битве под Тримэйном?

— Был даже легко ранен.

— И вам приходилось убивать метаморфов?

— Да.

— Мне — нет. — Эремайл покачал головой. — За все девять лет в армии я не отнял ни единой жизни. Конечно, я офицер, но, подозреваю, убийца из меня никакой.

— Да и из всех нас тоже, — заметил Вигган. — Но когда они приближаются к вам, меняя форму

раз по пять в минуту, или когда вы узнаете, что совершили налет на земли вашего брата и перебили ваших близких…

— С вами это случилось, Вигган?

— Нет, не со мной. Но другие… Таких очень много. Зверства! Стоит ли объяснять, как…

— Да, не стоит. Как называется этот городок, Вигган?

Офицер наклонился к карте.

— Сингасерин. На надписи маленькое пятнышко, но название прочесть можно. Он есть у нас в списке, мы предупредили их позавчера.

— По-моему, мы сделали все.

— По-моему, тоже.

Эремайл свернул карты, отложил их в сторону и снова посмотрел на запад, где отчетливо прослеживалась разграничивающая линия между зоной огня и неподожженными темно-зелеными холмами южнее. Однако и там листва сморщилась, сделалась сальной за долгие месяцы без дождя, и склоны холмов буквально взрывались, словно разбомбленные, едва огонь достигал их.

Эремайл видел все новые и новые взрывы пламени, похожие на краткие вспышки неожиданной яркости, словно удары света. Но это расстояние обманывало взор — Эремайл знал:

каждый из крошечных костерков взрывал обширную новую территорию, поскольку огонь мчался, куда протягивали его летатели, пожирая леса за Хэмфиси.

— К вам посыльный, капитан, — сказал Вигган.

Эремайл обернулся. Рослый молодой человек в мокрой от пота форме спустился по склону и пристально смотрел на них.

— Ну? — спросил Эремайл.

— Меня послал капитан Вануйл. У нас затруднение — в долине неэвакуированный поселенец.

— Вот как? — Эремайл передернул плечами. — Какой поселок?

— Это между Каттикауном и Визферном, на хорошем тракте. Человека тоже зовут Каттикаун, Айбил Каттикаун. Он утверждает, будто получил землю в подарок от Понтифекса Дворна и его люди живут здесь тысячи лет. Он отказывается уходить.

Эремайл сказал со вздохом:

— Мне все равно, что он получил землю в подарок от Понтифекса Дворна, завтра мы зажжем округу, и он сгорит, если не уберется оттуда.

— Он это знает, капитан.

— Чего он хочет от нас? Разложить огонь

так, чтобы тот не задел его ферму? — Эремайл нетерпеливо махнул рукой. — Эвакуируйте его, невзирая на то, хочет он того или нет.

— Мы пытались, — ответил посыльный, — но он вооружен и оказал сопротивление. Он заявил, что убьет всякого, кто попробует согнать его.

— Убьет? — повторил Эремайл, словно не поняв значения слова. — Убьет?

Только безумец станет угрожать убийством. Возьмите взвод солдат и переведите его в безопасную зону.

— Я ведь говорил, капитан, он оказывает сопротивление. Была перестрелка. Капитан Вануйл полагает, что его невозможно убрать оттуда живым. Капитан просит вас спуститься к нему и разобраться лично.

— Я…

Вигган тихо заметил:

— Все может оказаться проще простого: у крупных землевладельцев характеры тяжелые, и они требуют к себе повышенного внимания.

— Пусть Вануйл и займется им, — буркнул Эремайл.

— Он уже пытался вести переговоры с этим человеком, капитан, — объяснил посыльный, — и неудачно. Каттикаун требует невозможного

— встречи с Лордом Стиамотом, но если бы вы…

Эремайл задумался. Конечно, нелепо командующему всем районом брать на себя подобную задачу. Это дело Вануйла. Его обязанностью было очистить территорию от людей к завтрашнему утру, а обязанность Эремайла оставаться здесь и осуществлять общее руководство акцией. С другой стороны, эвакуация людей в конечном счете была и обязанностью Эремайла, а Вануйл явно не справляется, и отправка отряда для насильственного сгона людей с земли скорее всего окончится смертью Каттикауна и гибелью кое-кого из солдат. Почему бы и не съездить? Эремайл медленно кивнул. Ничего важного на сегодня не оставалось, а Вигган и один управится со всем прочим. И если удастся спасти одну жизнь, жизнь одного старого упрямого дурака…

— Возьмите мою платформу, — предложил он Виггану, — а я воспользуюсь вашей.

— Но, капитан…

— Давайте, давайте, пока я не передумал. Поеду, взгляну, что там.

— Но Вануйл уже…

— Не стоит беспокоиться, Вигган. Я спущусь совсем ненадолго. Вы тут покомандуйте, пока я не вернусь, но, думаю, вряд ли у вас сегодня будет

какая-нибудь работа. Справитесь?

— Да, капитан, — хмуро ответил младший офицер.

Ферма оказалась дальше, чем предполагал Эремайл. Пришлось почти два часа пробираться по еле приметной тропке с базы на Зугнорском Пике, а затем пересечь неровный склон плато, ведущий к подножию холмов, окружавших прибрежную равнину.

Здесь, внизу, воздух стал горячее, хотя и не таким дымным, волны жара порождали миражи и заставляли пейзаж дрожать и плыть. Дорога оказалась вполне приличной, но приходилось часто останавливаться, пропуская мчавшихся в панике животных, часть из которых он не мог узнать, бешено вылетающих из огненной зоны впереди. Тени начали удлиняться, когда Эремайл добрался наконец к небольшому поселению в предгорье. Здесь присутствие огня чувствовалось почти осязаемо, как второе солнце в небе. Жаром обдавало щеки, на кожу и одежду оседали мелкие песчинки.

Места, которые он проверил по своему списку, стали теперь неуютно реальными — Вайели, Домгроув, Визферн. Последний они только что миновали; со скучившимися в центре лавками

и административными зданиями, окруженными домиками, от которых наружу, по кольцу тянулись фермы; каждый городок располагался в небольшой долине, где имелась речушка, стекавшая по склону холма и терявшаяся где-то на равнине. Они были пусты сейчас, или почти пусты, остались лишь несколько замешкавшихся, остальные уже шли по тракту, ведущему к побережью.

Эремайл не сомневался, что, зайдя в любой дом, он найдет там книги, гравюры, картины, всяческие безделушки, даже домашних любимцев, возможно, забытых в спешке. А завтра все это обратится в пепел. Но местность вокруг кишела Изменяющими Форму. Столетиями поселенцы жили под угрозой неумолимого жестокого врага, проникавшего к ним из леса и скрывавшегося под личиной друга, возлюбленной, сына, и всегда с одним намерением убить. Это была тайна, бесшумная война между лишенными земли аборигенами и теми, кто пришел после них, и война эта была неизбежна с тех самых пор, как первые поселки на Маджипуре переросли в города и расползлись, занимая плодородные площади, пожирая все больше и больше владений местных уроженцев. А теперь всепожирающий огонь

подведет итог этой судорожной борьбы между людьми и Изменяющими Форму, и ничто не в силах изменить этого, а Вайели, Домгроув и Визферн должны быть разрушены, чтобы прекратить мучительную борьбу. И все-таки нелегко покинуть родной дом, подумал Эремайл, нелегко даже просто разрушить чей-то дом, чем он занимался прошедшие дни, разве что делать это издали, на таком расстоянии, с которого сожжение чьих-то родных очагов выглядело просто стратегией.

За Визферном дорога шла вдоль предгорья, уходившего далеко на запад.

Здесь было множество больших ручьев, скорее, даже маленьких рек, и землю густо покрывали леса без единой вырубки для посева. Однако и здесь поработала многомесячная засуха: кучи мертвых опавших листьев, сломанных ветвей и потемневших стволов готовы были мгновенно вспыхнуть.

— Вот это место, капитан, — сказал посыльный. Эремайл увидел перегороженное стеной ущелье, узкое в начале и гораздо более широкое внутри, с текущим посередине ручьем. В сгущавшихся сумерках поместье огромный белый дом с крышей из зеленой черепицы — производило впечатление, за ним тянулось необъятное засеянное поле.

У входа в ущелье стояла вооруженная охрана. Эремайл с беспокойством отметил, что это не просто фермерское ополчение, а настоящая стража человека, относящегося к себе минимум, как к герцогу.

Эремайл спешился, шагнул к холодно смотревшим на него охранникам, державшим излучатели наготове, и обратился к одному, выглядевшему более значительно:

— Капитан группы Эремайл хотел бы повидать Айбила Каттикауна.

— Каттикаун ожидает Лорда Стиамота, — последовал холодный ответ.

— Лорд Стиамот занят в другом месте. Здесь его заменяю я. Я командую этим округом.

— Нам приказано пропустить только Лорда Стиамота.

— Передайте своему хозяину, — сказал Эремайл устало, — что Коронал шлет свои извинения, просит изложить все обиды капитану Эремайлу.

Казалось, охранник остался равнодушным к услышанному, однако чуть погодя он повернулся и вошел в ущелье.

Эремайл следил, как он не спеша прошел вдоль ручья и исчез за густым кустарником, окружающим площадку перед домом.

Прошло порядочно времени; ветер переменился, донося жар вспышек из зоны огня, дымный воздух резал глаза и горло. Эремайл чувствовал, как сажа оседает в легких. Но отсюда, из этого укрытого места, сам огонь не был виден.

Наконец так же неторопливо вернулся охранник.

— Каттикаун примет вас, — объявил он.

Эремайл кивнул водителю и своей охране, но человек Каттикауна покачал головой:

— Только вы, капитан.

Посыльный обеспокоенно взглянул на Эремайла, но тот махнул рукой, отсылая его.

— Ждите меня здесь, — распорядился он. — Не думаю, чтобы я задержался надолго.

Он последовал за охранником к дому.

От Айбила Каттикауна он ждал столь же прохладной встречи, как и от его охраны. Но Эремайл недооценил учтивость провинциального аристократа, которую следовало предусмотреть загодя.

Каттикаун приветствовал его теплой улыбкой и проницательным взглядом, а затем, подхватив под руку, проводил в свое жилище, обставленное изящно и красиво. Сводчатый потолок образовывали балки из выдержанного в маслах черного дерева, высоко на стенах были развеша-

ны охотничьи трофеи, мебель была массивная и, очевидно, древняя. Все дышало архаичным духом, как и сам Айбил Каттикаун. Он был рослым — много выше хрупкого Эремайла — и широкоплечим. Массивное тело еще более увеличивал тяжелый плащ, выкроенный из шкуры ститмоя, лоб его был открытым и высоким, темные густые волосы свисали тяжелыми локонами, глаза были черными, губы — тонкими. Что ни говори, а внешность его производила впечатление.

Усадив Эремайла, он наполнил бокалы игристым янтарным вином и сказал, когда они пригубили:

— Итак, вы собираетесь сжечь всю мою землю?

Эремайл вздохнул:

— Боюсь, нам придется сжечь всю провинцию целиком.

— Идиотская затея. Наверное, самая дурацкая за всю историю человеческих войн. Знаете, как ценится продукция нашего округа? Знаете, сколько поколений тяжкого труда ушло на строительство наших ферм?

— Вся зона — от Милиморна до Синталмонда — последний оставшийся в Алханроеле очаг сопротивления метаморфов. Коронал хочет наконец покончить с войной, а это возможно, лишь

выкурив Изменяющих Форму из потайных нор в здешних холмах.

— Есть иные средства.

— Мы испробовали все, — ответил Эремайл, — но это ни к чему не привело.

— Вот как? А вы пытались дюйм за дюймом пройти по лесам, выискивая их?

Разве вы перебросили сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести такую операцию? Конечно, это слишком хлопотно. Гораздо проще выслать летателей и все сжечь.

— Война перемолола уже несколько поколений.

— И Коронал горит желанием закончить ее, — кивнул Каттикаун, — за мой счет.

— Коронал отличный стратег, — не согласился Эремайл. — Он разбил опасного, почти непостижимого врага и обезопасил Маджипур для наших поселений — весь, кроме вашего округа.

— Мы и сами неплохо справлялись с окружающими нас метаморфами, капитан.

Однако мы не устраивали резню. Я в состоянии справиться с ними. Не настолько они опасны, чтобы сильно угрожать нашему благоденствию, как это, кажется, делает ваше правительство. Ваш Коронал глупец, капитан.

Эремайл сдержанно заметил:

— Будущие поколения восславят его как героя из героев.

— Очень похоже, — согласился Каттикаун. — Люди подобного сорта обычно и превращаются в героев. Я заявляю, что нет необходимости разорять целую провинцию, чтобы окружить несколько тысяч оставшихся аборигенов. Уверяю вас, это близорукое и опрометчивое решение усталого военачальника, который торопится вернуться к наслаждениям Замковой Горы.

— Ничего не изменить. Решение принято, и от Милиморна до Хэмфиси все уже пылает.

— Я это заметил.

— Огонь подбирается к вашему поместью. Возможно, на рассвете здесь будет уже опасно. В течение дня летатели зажгут не только ваш район, но и потянут линию на юг до самого Синталмонда.

— Представляю, — спокойно сказал Каттикаун.

— Эта местность превратится в ад. Мы просим вас уйти, пока еще есть время.

— Я уже выбрал, капитан. Я остаюсь.

Эремайл тихо вздохнул.

— Мы не сможем обеспечить вашу безопасность, если вы так поступите.

— Кроме меня самого, никто и никогда не отвечал за мою безопасность.

— Поймите, вы погибнете и погибнете ужасной смертью. У нас нет возможности проложить линию огня так, чтобы не затронуть ваше поместье.

— Я понимаю.

— Значит, вы хотите, чтобы мы вас убили?

— Ничего подобного я не хочу. Боюсь, нам не понять друг друга. Вы деретесь на своей войне, а я охраняю свой дом, и если огонь вашей войны вторгнется на мою землю — мне будет очень плохо, но это не будет убийством. У каждого свой путь, капитан.

— Вы странно рассуждаете. Вы погибнете в результате наших действий, и ваша смерть ляжет на нашу совесть.

— Я остаюсь здесь по собственному желанию, после того, как был вовремя предупрежден, — ответил Каттикаун, — так что смерть моя будет лишь на моей совести.

— А жизнь ваших людей? Они ведь тоже погибнут?

— Здесь только те, кто выбрал сам. Они остаются по доброй воле, их предупреждали. Трон ушли на побережье, остальные остались, чем не

доставили мне никакой радости. Но здесь наш дом. Еще бокал, капитан?

Эремайл отказался, но потом вдруг передумал и протянул бокал. Наливая, Каттикаун заметил:

— Значит, поговорить с Лордом Стиамотом нет никакой возможности?

— Ни малейшей.

— Как я понимаю, Коронал находится в нашем районе?

— Да, но до его ставки полдня пути. И, насколько я знаю, он недосягаем для такого рода прошений.

— Понимаю, — улыбнулся Каттикаун. — Как по-вашему, капитан, он не безумен?

— Коронал? Нет, конечно.

— Огонь — отчаянная, идиотская мера. Возмещение, которое ему придется выплачивать, составит миллионы ройялов, это будет стоить больше, чем пятьдесят таких замков, который он возводит на вершине Горы. А зачем? Года два-три, и мы договоримся с Изменяющими Форму.

— А может, пять, десять или двадцать, — отозвался Эремайл. — Войну нужно заканчивать как можно скорее. Это страшное потрясение, это позор для нас всех, пятно, этот долгий кошмар…

— Значит, вы считаете войну ошибочной?

Эремайл быстро покачал головой:

— Основную ошибку сделали давным-давно, когда наши предки избрали для переселения мир, который уже был обитаем. Но сейчас у нас нет выбора: или мы одолеем метаморфов, или нам придется вообще уйти с Маджипура. Но разве мы в силах это сделать?

— Да, — кивнул Каттикаун, — как же, бросить дом, которым владеешь так давно!

Эремайл не обратил внимания на его иронию.

— И мы вырвем планету у несговорчивых метаморфов. Тысячи лет мы старались жить с ними в мире, пока не убедились, что такое сосуществование невозможно, и теперь нам силой приходится утверждать свое будущее. Это никому не нравится, но ведь есть альтернатива и похуже.

— И что будет делать Лорд Стиамот с метаморфами, когда загонит их в лагеря для интернированных? Пустит на удобрения для сожженных полей?

— Они получат огромную резервацию на Цимроеле, — ответил Эремайл, половину континента. По-моему, это совсем не жестоко. Алханроель останется нам, да еще океан между нами. Уже закладываются города под это решение, и лишь в вашем краю бушует война. Лорд Стиамот взвалил

на себя всю ответственность за этот жестокий, но необходимый акт, за что будущие поколения воздадут ему почести.

— Я могу воздать и сейчас, — буркнул Каттикаун. — О, мудрейший и справедливейший Коронал, в своей бесконечной мудрости уничтоживший землю, поскольку тебя тревожат таящиеся на ней аборигены! Для меня было бы гораздо лучше, капитан, имей ваш герой-правитель поменьше благородства духа. Или, возможно, наоборот — побольше. Он казался бы мне гораздо привлекательнее, выбрав более медленный способ покорения нашей провинции.

Тридцать лет войны — что значит еще год-два?

— Но он уже выбрал, и пока мы болтаем, огонь приближается к этому месту.

— Пусть приходит. Я буду здесь и буду оборонять свой дом.

— Вы, очевидно, еще не видели зону огня, — заметил Эремайл. — Вы не продержитесь и десяти секунд, огонь поглотит вас.

— Вполне возможно.

— Я прошу вас…

— Вы просите? Значит, вы проситель? А если прошу я? Значит… Я прошу вас, капитан, пощадите мое имущество.

— Это невозможно. И я искренне прошу вас: уходите, сохраните свою жизнь и жизнь своих людей!

— И что мне тогда делать? Доползти до побережья и прозябать в каком-нибудь убогом уголке Алайсора или Вайлемона? Подавать на стол в гостинице или подметать улицы, а может, ухаживать за маунтами в конюшне?

Мое место здесь. Лучше я завтра погибну тут за десять секунд, чем буду тысячи лет прозябать в трусливой ссылке. — Каттикаун подошел к окну. — Темнеет, капитан. Пообедаете со мной?

— К сожалению, я не могу оставаться. Поверьте, я искренне сожалею…

— Можно поговорить и о другом.

Эремайл протянул руку.

— У меня есть свои обязанности. Конечно, для меня было бы незабываемым удовольствием воспользоваться вашим гостеприимством, я бы очень хотел этого.

— Мне больно видеть, что вы уходите, не отобедав. Торопитесь к Лорду Стиамоту?

Эремайл не ответил.

— Я прошу вас получить для меня аудиенцию у него, — сказал Каттикаун.

— Сделать это невозможно, да и не приведет

это ни к чему хорошему. Я прошу вас, покиньте поместье нынче ночью. Давайте пообедаем вместе, а затем вы оставите свои владения.

— Здесь мой дом, и я останусь здесь, — сказал Каттикаун. — Я желаю вам, капитан, всего доброго и долгой, счастливой жизни. Спасибо за этот разговор.

Он на мгновение прикрыл глаза и склонил голову в еле заметном поклоне.

Эремайл направился к дверям огромного зала. Каттикаун сказал:

— А ваш офицер думал, будто сумеет выдворить меня силой. У вас больше здравого смысла, и я вам благодарен. Прощайте, капитан Эремайл.

Эремайл поискал подходящие слова и, не найдя ни одного, взмахнул рукой, прощаясь.

Люди Каттикауна проводили его обратно к входу в ущелье, где дожидались водитель и посыльный, играя в кости на борту флотера. Они поспешно вскочили, завидев Эремайла, но он знаком остановил их. Он смотрел на восток, на колоссальный горный кряж, вздымавшийся в дальнем конце ущелья.

Летней ночью в здешних широтах небо оставалось светлым, и тяжелая громада Зугнорского Пика тянулась через горизонт, подобно черной

стене на бледно-сером небе. Южная его часть сдваивалась горой Хайемон, где устроил ставку Коронал.

Эремайл постоял немного, изучая оба могучих пика, столб огня и дыма, поднимавшийся с противоположной их стороны, и восходящие луны, затем покачал головой, повернулся и взглянул назад, на владения Айбила Каттикауна, на его поместье, исчезнувшее сейчас в сгустившихся тенях.

Поднимаясь обратно в гору и пересекая цепи вооруженных людей своего отряда, Эремайл подумал, что он, проведший много времени с самим Короналом и хорошо знавший круг его советников, тем не менее, никогда не встречал такого, как Каттикаун, который был либо самым благородным, либо самым заблуждающимся человеком в мире, а возможно, и тем, и другим.

— Едем, — бросил он внезапно водителю. — К Хайемону.

— К Хайемону, капитан?

— Да, к Короналу. Сможем добраться туда к полуночи?

— Не знаю.

— Постарайтесь.

Дорога к южному пику напоминала подъем к

Зугнору, только была еще круче и не так хорошо вымощена. В темноте ее повороты и виражи были опасны на той скорости, с какой гнала машину водитель, женщина из Стоена, хотя полыхающая сфера огненной зоны слегка освещала ущелье и уменьшала риск.

Эремайл не произнес ни слова за всю длинную поездку, говорить было не о чем и нечего. Разве могли водитель или парень-посыльный понять сущность Айбила Каттикауна? Эремайл и сам, впервые услышав, что один из местных фермеров отказывается покидать свои земли, неверно истолковал его намерения, представив себе некоего спятившего старца, упрямого фанатика, ослепленного реальностью опасности. Конечно, подумал он, Каттикаун упрям, и его можно назвать фанатиком, но и только; он не безумец, какой бы сумасшедшей ни казалась его философия для таких, как Эремайл, живущих по иным законам. Он удивлялся, для чего едет к Короналу: не пересказывать же слова — толку не будет, они что есть, что нет. Постепенно Эремайл начал дремать, но сознание его оставалось ясным. Платформа легко и быстро скользила над дорогой, поднимаясь из ущелья в зубчатую страну. К полуночи они еще не добрались до ставки,

но Эремайл не сомневался, что Коронал бодрствует — последние дни он часто вовсе не ложился.

Где-то перед вершиной Горы Хайемон Эремайл вдруг заснул по-настоящему, и был удивлен и смущен, когда посыльный мягко потряс его за плечо и сказал:

— Ставка Лорда Стиамота, капитан.

Полусонный, ничего не соображающий, Эремайл обнаружил, что все еще сидит прямо, ноги его свело судорогой, спина одеревенела. Луны теперь высоко поднялись в небо, черноту ночи рассеивало только пламя, полыхающее на востоке. Эремайл встряхнулся и вылез из флотера. Даже сейчас, в полночь, в лагере Коронала царило оживление: спешили куда-то посыльные, в многочисленных палатках горели огни. Откуда-то появился адъютант, узнал Эремайла и чрезвычайно официально отсалютовал ему.

— Ваш визит полная неожиданность для нас, капитан.

— Для меня тоже. Стиамот в лагере?

— Коронал совещается с штабом. Он ждет вас, капитан?

— Нет, — ответил Эремайл, — но мне нужно поговорить с ним.

Адъютант спокойно выслушал его слова. Коро-

нал в полночь совещается с штабом, а командир небольшого отряда просит о встрече — ну и что? Война есть война, и протокол нарушается каждый день.

Эремайл последовал за адъютантом через лагерь к восьмиугольной палатке со знаком звездного огня, которую окружало кольцо охранников, таких же жестких и хладнокровных, как и те, что охраняли вход в ущелье Каттикауна.

За последние восемнадцать месяцев на жизнь Коронала было совершено четыре покушения несговорчивыми метаморфами. Ни один Коронал за всю историю Маджипура не погиб насильственной смертью, но ни один и не вел такой войны.

Адъютант подошел к начальнику караула, а Эремайл вдруг обнаружил себя в центре группы вооруженных людей, светивших ему в глаза яркими факелами и больно вцепившихся в его руки.

— В чем дело? — спросил он. — Я капитан группы эвакуации Эремайл.

— Или Изменяющий Форму? — ответили ему.

— Вы считаете, что сумеете распознать это таким образом?

— Есть и такая возможность.

Эремайл засмеялся:

— Никто и никогда раньше не доказывал свою сущность. Ну хорошо, проверяйте меня, только поскорее. Я должен поговорить с Лордом Стиамотом.

И они действительно устроили проверку. Кто-то сунул ему полоску зеленой бумаги и велел коснуться ее языком. Он подчинился, и бумага сделалась оранжевой. Потом еще кто-то потребовал отрезать клок его волос и поднес их к огню.

Эремайл удивленно следил за происходящим. Прошел месяц с тех пор, как он последний раз был в ставке, и ничем подобным тогда не занимались; очевидно, произошло еще одно покушение, решил он, или объявился очередной ученый шарлатан с новыми техническими приемами. Насколько Эремайл помнил, по-настоящему невозможно отличить человека от метаморфа, когда последний принимает человеческий облик, разве что вскрытием. Но на такое он бы не согласился.

— Все в порядке, — сказали ему наконец. — Можете пройти.

Однако одного его не пустили, и охранники вошли вместе с ним. Глаза полуослепшего Эремайла с трудом приспосабливались к полумраку палатки, но вскоре он уже различил с полдесятка

фигур в противоположном от себя углу и среди них — Лорда Стиамота.

Кажется, они молились, до него доносились обрывки древнего святого писания. Неужели именно для этого встретился Коронал со своим штабом?

Эремайл прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы молящихся. Он знал лишь одного из собравшихся — Дамланга из Бибируна, обычно считавшегося вторым или третьим лицом после самого Коронала; остальные даже не выглядели солдатами — старцы в гражданском платье с мягкими, городскими взглядами, может быть, поэты, толкователи снов, но явно не воины. Хотя… война почти кончилась.

Коронал взглянул на Эремайла, но, видимо, не узнал его.

Капитан вздрогнул под этим торопливым яростным взглядом. Коронал сильно постарел за последние три года войны, однако сейчас этот процесс, казалось, пошел быстрее. Он выглядел каким-то бесцветным, одряхлевшим и болезненным, кожа высохла, глаза потускнели. Ему можно было дать лет сто, а ведь они с Эремайлом были ровесниками, и капитан, мужчина средних лет, хорошо помнил тот день, когда Лорд Стиамот

взошел на трон и дал обещание покончить с безумием нескончаемой войны с метаморфами, подчинить трону древних уроженцев планеты и изгнать их с территории, где обосновались люди. Всего тридцать лет, а Коронал выглядел лет на пятьдесят старше, но ведь все свое царствование он провел в боях и походах, чего не делал до него ни один владыка Маджипура и, вероятно, ни один не сделает впредь. Он воевал в долине Глайда, на знойных землях юга, в непроходимых чащобах северо-востока, в плодородных саваннах Залива Стоен, год за годом окружая метаморфов своими двадцатью армиями и загоняя их в лагерь для интернированных. Теперь он почти завершил свой труд — свободными оставались лишь несколько отрядов Изменяющих Форму на северо-востоке.

Постоянная борьба, долгая неистовая война наложила на него отпечаток, и едва ли теперь, вернувшись в ласковую весну Замковой Горы, он мог в полной мере насладиться привилегиями, даруемыми троном. Время от времени Эремайл задумывался, как поступит Коронал, если во время войны умрет Понтифекс, и его призовут на вершину иного царствия, заставив занять место в Лабиринте, — откажется ли он и оставит себе венец Лорда, как остается в походах, или нет?

Но Понтифекс, судя по сообщениям, находился в добром здравии, а перед Эремайлом стоял сейчас Лорд Стиамот, пусть постаревший и усталый. И Эремайл вдруг понял, что Айбилу Каттикауну не достает понимания, из-за чего Коронал стремится закончить войну, невзирая на цену.

— Кто? — спросил Коронал. — Финивэйн?

— Эремайл, господин, командующий зоной эвакуации.

— Эремайл?… Да, я помню. Подойдите, капитан. Мы возносим благодарность Дивин за окончание войны. Эти люди прибыли к нам от хранящей наши сны моей матери. Леди Острова Снов, и мы хотим провести ночь, восхваляя Дивин. К утру огненный круг будет замкнут. Подойдите, Эремайл, присоединяйтесь к нам. Вы ведь знаете песнопения Леди Острова, не так ли?

Эремайл ошеломленно слушал дребезжащий голос Коронала. Эта увядшая ниточка сухого голоса — все, что осталось от его величественного тона; герой-полубог иссох и угас в долгих походах; ничего не осталось от него, он стал тенью самого себя. Вглядываясь в него сейчас, Эремайл поражался и никак не мог вспомнить, был ли Лорд Стиамот в его памяти могущественной фигурой или это только миф…

Коронал кивнул, и Эремайл подошел ближе. По дороге сюда он думал, что, оказавшись в палатке, скажет:

«Господин, на линии огня стоят владения человека, который не двинется с места и не позволит увести себя силой. Он может уйти только мертвый, а он слишком хороший человек, чтобы погибнуть так. Я прошу вас, господин, остановите летателей. Может, можно выработать какую-нибудь иную стратегию, чтобы разгромить метаморфов, когда они начнут спасаться бегством из зоны огня, но нет нужды простирать разрушение дальше той точки, до которой мы уже добрались, потому что…» Но теперь он видел, что невозможно просить Коронала отложить окончание войны хоть на один час. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремайла, ни ради священной Леди Острова не может он остановить летателей в эти последние часы — возможность окончания войны попирала все остальное. Эремайл мог своей властью попытаться задержать летателей, но ни просить Коронала, ни требовать он не мог.

Лорд Стиамот наклонился к нему:

— Что с вами, капитан? Что вас беспокоит? Подойдите. Станьте-ка рядом.

Помолитесь с нами, капитан, присоедините

свой голос к благодарности Дивин.

Начался новый гимн. Такой мелодии Эремайл не знал и подпевал, импровизируя. Затем последовал второй гимн, третий — этот Эремайлу был знаком, и он запел, но без души и немелодично. До рассвета оставалось совсем немного. Он быстро отодвинулся в темный угол и выскочил из палатки.

Да, солнце вставало — первые зеленоватые проблески играли на склоне Хайемон; пройдет еще час или немного больше, пока лучи поднимутся по горной стене и осветят обреченное ущелье на юго-востоке. Эремайл почувствовал, что валится с ног, он уже неделю мечтал выспаться. Он высмотрел адъютанта и сказал ему:

— Отправите мое сообщение офицеру на Зугнорском Пике?

— Конечно, капитан.

— Передайте ему, пусть летатели действуют по плану. Я останусь здесь на день и вернусь вечером, когда немного отдохну.

— Хорошо, капитан.

Эремайл отвернулся и посмотрел на запад, все еще укутанный ночным мраком, исключая те места, куда падал отсвет ужасной огненной сферы.

Вероятно, Айбил Каттикаун всю ночь был за-

нят тем, что поливал из шлангов и насосов свой дом и земли. Разумеется, это ничего не изменит: огонь такой величины пожрет все на своем пути и ничего не оставит. Айбил Каттикаун сгорит в своем доме, и нет никакой возможности помочь ему. Эремайл мог бы спасти его, рискнув отдать приказ действовать силой, рискнув жизнями неповинных солдат, но скорее всего и тогда не сумел бы. Спасти Каттикауна он мог бы лишь в одном случае: решившись, хоть ненадолго, игнорировать приказ Лорда Стиамота. Но он не посмел, и теперь Каттикаун погиб. После девяти лет, проведенных в походах, подумал Эремайл, я все-таки убил, убил одного из своих…

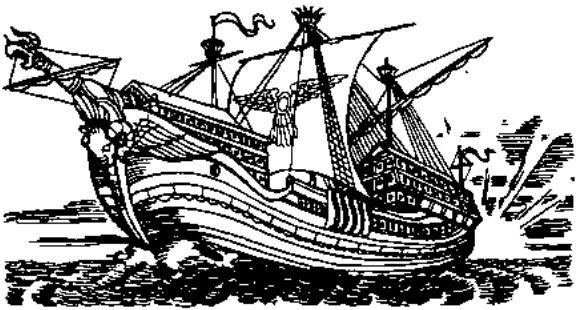
Он продолжал стоять. Усталость давила на плечи, но еще час или чуть больше он не мог уйти и стоял до тех пор, пока не увидел первые сполохи пламени в предгорье подле Визферна или, может быть, Домгроува и понял, что летатели отправились в утренний полет, начав прокладывать огненную линию.

Война скоро кончится, сказал он про себя. Последние из наших врагов бегут сейчас к побережью, где будут интернированы и отправлены за море. В мире вновь воцарится спокойствие.

Капитан почувствовал жар летнего солнца

на спине и жар, вдруг прильнувший к щекам. В мире вновь воцарится спокойствие, подумал он еще раз и пошел искать место, где можно было бы спокойно поспать.

Пятый год путешествия



Вторая запись сильно отличалась от первой, как и ее восприятие. Хиссуне теперь меньше расстраивался и меньше удивлялся; это был печальный и живой рассказ, но он не так глубоко тронул душу, как объятия женщины и Хайрога.

Тем не менее, Хиссуне почерпнул множество из известных ему ранее подробностей: об ответственности, о конфликтах, что возникали между разными людьми, никто из которых не признавал правоту другого. А еще он открыл для себя кое-что из создания мифов. Во всей истории Маджипура не было более богоподобной фигуры, чем Лорд Стиамот, воин-коронах, сло-

мивший зловещих метаморфоз; восемь тысяч лет поклонения превратили его во внушающее благоговение существо колоссального величия и силы. И хотя миф о Лорде Стиамоте продолжал жить в сознании Хиссуне, теперь он смотрел на него глазами Эремайла — усталый, бледный, морщинистый, преждевременно постаревший, сжегший в сражениях душу. Герой? Конечно, для всех, кроме метаморфоз. Полубог? Нет, просто человек, обычный человек со всеми человеческими слабостями и недостатками. И это очень важно, об этом никогда не следует забывать, твердил себе Хиссуне, начиная сознавать, что именно минуты, проведенные в Счетчике Душ, дарят ему подлинное знание жизни.

Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя готовым вернуться к летописи, тем более, что пыль налоговых архивов глубоко засосала его, и он страстно желал новых приключений.

На сей раз он хотел уточнить другую легенду: когда-то давно снаряженное судно вышло под парусами в кругосветное путешествие через Великое Море.

Безумие, конечно, если безумие можно замыслить и спланировать, и Хиссуне очень хотел

узнать, что происходило с экипажем. Недолгие поиски открыли ему имя капитана — Синнабор Лавон, уроженец Замковой Горы. Хиссуне легонько коснулся пальцами пульта, набирая дату, место, имя, и устроился поудобнее, готовый выйти в море.

На пятый год плавания Синнабор Лавон заметил первые пряди морских водорослей, свивавшихся кольцами и кружившихся вдоль корпуса судна.

Конечно, он понятия не имел, что это такое — никто из людей Маджипура никогда прежде не видел морской травы: на такие расстояния Великое Море еще не исследовалось. Но каждое утро Синнабор Лавон аккуратно отмечал дату и координаты корабля, так что команда не теряла физического ощущения своего положения в этом бескрайнем и однообразном океане даже на пятый год путешествия. Синнабор Лавон знал, что сегодня двадцатый год Понтифекса Дизимейла в царствование Коронала Лорда Ариока и пятый год с тех пор, как «Спьюрифон» вышел из гавани Тил-Омона в кругосветное путешествие.

Сначала он принял морскую траву за массу морских змей, поскольку она, казалось, двигалась по своей воле, изгибаясь, скручиваясь, сжимаясь,

распускаясь. Она мерцала на спокойной темной воде богатыми сияющими цветами, каждая прядь переливалась вспышками зелени, индиго и киновари.

Небольшие островки ее плыли по левому борту, зато справа покрывали море довольно широкой полосой.

Лавон взглянул поверх поручней на нижнюю палубу и увидел троицу лохматых четырехруких фигур. Скандары чинили сеть или делали вид, что чинят. Они встретили его пристальный взгляд раздраженно и угрюмо. Как и вся команда, они устали от долгого плавания.

— Эй, там! — крикнул Лавон. — Забросьте-ка ковш. Поймаем несколько этих змей!

— Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

— Вон там, неужели не видите?

Скандары долго всматривались в воду, потом один из них снисходительно ответил:

— Вы имеете в виду эту траву?

Лавон вгляделся получше. Трава? Судно уже миновало первые островки, но впереди было еще много обширных скоплений, и он долго пытался проследить одну прядь в спутанной массе. Да, *это* двигалось так, как обычно свиваются змеи, но Лавон не видел ни голов, ни глаз. Хорошо,

пусть будет трава.

Он сделал нетерпеливый жест, и скандары неторопливо принялись вытягивать черпак, которым собирали биологические образцы.

К тому времени, как Лавон спустился на нижнюю палубу, небольшой кусок травы подняли из моря, и человек шесть команды столпились вокруг: первый помощник Вормеехт, первый штурман Калимойн, Джоахил Нур с парочкой своих ученых, Майкдал Хац, летописец. В воздухе резко пахло аммиаком. Трое скандаров стояли, отвернувшись, демонстративно зажав носы и что-то ворча.

Зато люди кивали, хохотали, тыкали руками в траву и выглядели более оживленными, нежели за все последние недели.

Лавон опустился на колени рядом с образцом. Несомненно, это была какая-то разновидность морских водорослей. Каждая мясистая прядь была длиной в рост человека, шириной с предплечье и толщиной с палец. Они судорожно скручивались и дергались, будто натянутые струны, но с каждой минутой их движения замедлялись, они высыхали на солнце, и яркие цвета быстро блекли.

— Забросьте-ка черпак еще раз, — бросила Джо-

ахил Нур скандарам, только выгружайте в бадью с водой, чтобы трава не завяла.

Скандары не шелохнулись.

— Вонь, такая мерзкая вонь, — буркнул один.

Джоахил Нур шагнула к ним, невысокая неутомимая женщина выглядела ребенком рядом с гигантскими существами. Она резко взмахнула рукой, и скандары, пожав плечами, вновь принялись за работу.

— Что вы будете с ней делать? — осведомился у нее Синнабор Лавон.

— Разбираться. Это какой-то неизвестный вид морской водоросли, хотя тут, так далеко в море, все неизвестно. Интересно меняется цвет. Я не знаю, то ли потому, что изменяется количество пигмента, то ли это просто оптический обман, вроде игры света на пласте эпидермы.

— А движения? У морских водорослей нет мускулов.

— Двигаться способны многие растения. Слабые электроимпульсы вызывают поток жидкостей внутренней структуры — помните, так называемые «чувственники» на северо-востоке Цимроеля? Прикрикните на них, и они кланяются. Морская вода великолепный проводник; эти же водоросли, должно быть, вбирают в себя все сорта

электрических импульсов. Мы их внимательно изучим. — Джоахил Нур улыбнулась. — Для нас они просто дар небес. Еще неделя пустого моря, и я бы бросилась за борт.

Лавон кивнул. Он чувствовал то же самое, ту же страшную убийственную скуку, душившую ощущением, будто он приговорил себя к бесконечному плаванию в никуда. Даже его, отдавшего семь лет жизни на организацию этого путешествия, на пятый год парализовало оцепенением и апатией.

— Сегодня вечером, — попросил он, — расскажите нам о находке. Ну, там, единственная в своем роде разновидность морской травы и так далее…

Джоахил Нур махнула рукой, и скандары, подняв бадью с водорослями на свои плечи, понесли ее в лабораторию.

— Завидую, — вздохнул Вормеехт. — Будут изучать. — И вдруг вскрикнул: — Смотрите! Море впереди целиком заросло ими!

— Не слишком ли густо заросло? — пробормотал Майкдал.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, невысокому человеку с сухим голосом и бледными глазами, у которого одно плечо было выше дру-

гого.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, как бы не опутало винты, капитан, если водоросли станут гуще.

Я читал рассказы Старой Земли об океанах, где росли непроходимые водоросли, и корабли безнадежно застревали в них. Экипажи жили крабами и рыбой и в конечном итоге погибали от жажды, а суда сотни лет дрейфовали со скелетами на борту.

Калимойн фыркнул:

— Сказки!

— Но если такое случится с нами? — поинтересовался Майкдал Хац.

— Это возможно? — ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Вормеехт.

До Лавона дошло, что все глядят на него. Он внимательно всмотрелся в море. Да, водоросли явно стали гуще. Они скапливались перед кораблем, а их судорожные подергивания заставляли пульсировать и распухать гладкую морскую поверхность. Однако между островками оставались широкие проходы.

Возможно ли, что водоросли остановят такой мощный корабль, как «Спьюрифон»? На палубе воцарилась тишина. Казалось смешным опасать-

ся морской травы, но офицеры ждали решения капитана с таким видом, будто от этого зависела их жизнь.

Настоящую угрозу, подумал Лавон, таят не водоросли, а скука. Последние месяцы путешествие было настолько небогато событиями, а дни настолько пусты, что всех заполнило отчаяние; распухающее бронзово-зеленое солнце тропиков, поднимающееся со стороны Цимроеля, сменяло сиявшие в безоблачном небе луны, а после полудня огненный шар начинал постепенно опускаться к непостижимо далекому горизонту, и так день за днем. Несколько месяцев не было ни дождей, ни других изменений в погоде. Великое Море заполонило собой всю Вселенную. Они не встречали ни земли, ни островков, ни птиц, ни морских животных. При таком положении дел наличие морской травы стало очаровательной новизной. Дикое нетерпение сжигало души путешественников, этих преданных науке исследователей, в свое время разделивших точку зрения Лавона на этические вопросы, и сейчас мучительно переносящих скуку; осознавших теперь, чему посвятили свои жизни в минуту романтической глупости. Когда впервые в истории они отправились пересечь Великое Море, зани-

мающее больше половины огромной планеты, никто не ожидал, что все сложится именно так. Они предвкушали ежедневные приключения, неведомых чудовищ, созданных фантазией природы, неизвестные острова, героическую борьбу со штормами, когда небеса раскалываются от молний и окрашивают облака необычными цветами. Но никто не ждал однообразной и бесконечной вереницы пустых дней. Лавон уже начал прикидывать опасность мятежа, поскольку могло миновать и десять, и одиннадцать лет, прежде чем они пристанут к берегу далекого Алханроеля. Человек десять команды уже мечтало повернуть корабль назад, к Цимроелю, и бывали минуты, когда он думал об этом сам. Поэтому нужна опасность, подумал Лавон. Можно даже самим придумать ее, а потом смело пойти ей навстречу. Возможность риска пробудит всех от летаргии.

— Мы сумеем справиться с травой, — возвестил он. — Идем вперед.

Но не прошло и часа, как ему пришлось усомниться в своих словах. Стоя на капитанском мостике, он устало вглядывался во все более густеющие водоросли. Теперь они собирались в островки от пятидесяти до ста ярдов в поперечнике, и проходы между ними сужались. Вся

поверхность моря находилась в движении, дрожащая и трепещущая, Под обжигающими лучами висящего над головой солнца водоросли становились все сочнее и переливались радужными тонами, будто впитывали солнечную энергию. Лавон углядел существа, двигающиеся между плотно спрессованными прядями. Одни довольно большие, похожие на крабов, многоногие и округлые, с шишковатыми зелеными панцирями и другие, извивающиеся, змеевидные, чем-то похожие на сигидов, и те и другие пожирали каких-то мелких тварей, слишком маленьких, чтобы можно было различить их невооруженным глазом.

Вормеехт нервно сказал:

— Может, изменим курс?

— Пожалуй, — согласился Лавон. — Впередсмотрящий скажет скоро, насколько далеко тянется эта дрянь.

Его совсем не привлекало изменять курс даже на несколько градусов, он боялся, что малейшее отклонение сведет на нет всю его решимость, но все-таки он не был маньяком, идущим вперед, невзирая на риск. С другой стороны, ему хотелось подбодрить команду «Спьюрифона», всех тех, кто посвятил себя такому колоссальному замыслу.

Это был золотой век Маджипура, время героев и великих свершений.

Исследования шли повсюду: в пустынном бесплодии Суврaеля, в чащах и болотах Цимроеля, в девственных землях Алханроеля, в Родамаунтском Архипелаге и островных группах, окружающих три материка. Население быстро росло, поселки превращались в города, становились неправдоподобно огромными мегаполисами, в поисках счастья с соседних миров потоком прибывали нечеловеческие переселенцы, все было оживленным, переменчивым, растущим.

А Синнабор Лавон решился на самое безумное предприятие из всех пересечь Великое Море на корабле. Никто никогда не отваживался на это.

Если смотреть из космоса, половину огромной планеты занимала вода; континенты, несмотря на всю свою величину, были сведены вместе в одном полушарии, а все остальное пространство Маджипура занимала пустота океана.

И хотя прошло несколько тысяч лет с того дня, когда началась колонизация планеты человеком, на земле оставалось работы с избытком, и Великое Море было предоставлено самому себе да армадам морских драконов, неторопливо пересекающим его с запада на восток в своих

десятилетних миграциях.

Но Лавон был влюблен в Маджипур, рвался объять все.

Из Амблеморна, от подножия Замковой Горы, он добрался до Тил-Омона, города на противоположном берегу Великого Моря, а затем, испытывая необоримое желание замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в снаряжение этой экспедиции, судна, напоминающего скорее остров, и в подбор экипажа, включавшего таких же сумасшедших, как и он сам, решившихся на протяжении десятилетия исследовать неизвестный океан. Теперь и Лавон, и все остальные сознавали, что взялись за непосильную задачу. Но если им удастся задуманное и они приведут «Спьюрифон» к восточному побережью Алханроеля, куда еще не приставал ни один трансокеанский корабль, имена их восславят при жизни.

— Эй! — взревел вдруг впередсмотрящий. — Драконы!

— Драконы! — в один голос подхватили десяток матросов.

В начале путешествия «Спьюрифон» встретил два стада морских драконов одно через шесть месяцев после выхода в океан, среди островов, которые они назвали Архипелагом Стиамота, а

второе два года спустя в той части Великого Моря, которую они титуловали Впадиной Ариока. Оба стада были большими, сотни огромных созданий, с многочисленными беременными самками, и проходили они далеко от судна. Сейчас, судя по внешним границам стада, их было не больше пятнадцати-двадцати; несколько гигантских пар, остальные — щенки, едва достигающие в длину сорока футов. На водоросли теперь никто не смотрел, внимание всех привлекли приближающиеся драконы. Вся команда высыпала на палубу, чуть не танцуя от возбуждения.

Лавон с силой сжал поручень. Он искал риска ради развлечения экипажа здесь был риск: в ярости морские драконы несколькими могучими ударами могут искалечить судно, даже защищенное столь хорошо, как «Спьюрифон».

Правда, они редко бросались на корабли, если те не нападали на них первыми, но случалось и такое. Что если эти твари примут «Спьюрифон» за корабль охотников на драконов? Каждый год новое стадо проходило между Пилиплоком и Островом Сна, где разрешалась добыча, и флотилии охотников сильно прореживали тогда их поголовье. Лавон подумал, что самые большие в приближающемся стаде, должно быть, уцелели в

той войне, и кто знает, какие чувства вызывают у них корабли. Гарпунщики «Спьюрифона» уже приготовились, ожидая сигнала Лавона.

Но нападения не произошло. Драконы, казалось, смотрели на судно как на что-то любопытное, и только. Они пришли сюда кормиться. Достигнув первых пучков водорослей, они распахнули необъятные пасти и принялись глотать траву, всасывая вместе с ней и змеевидных, и крабоподобных, и прочих тварей. Несколько часов драконы шумно паслись среди поля водорослей, а затем, словно по сигналу, скользнули под воду и исчезли.

«Спьюрифон» опять окружал только круг свободного моря.

— Они съели не меньше нескольких тонн, — пробормотал Лавон. — Тонн!

— Зато теперь наш путь очищен, — заметил Калимойн, но Вормеехт покачал головой:

— Нет, капитан. Дальше снова водоросли. Причем все гуще и гуще.

Лавон напряг зрение. Куда бы он ни взглянул, повсюду до самого горизонта тянулась тонкая темная полоса.

— А если это земля? — предположил Калимойн. — Острова или атоллы?…

— Со всех-то сторон? — насмешливо откликнулся Вормеехт. — Нет, Калимойн, мы на всех парусах вляпались в центр этого драконьего пастбища, и не стоит надеяться, что драконы проели для нас проходы. Мы в ловушке!

— Всего-навсего водоросли, — буркнул Калимойн. — Если понадобится, мы прорежем себе путь.

Лавон встревоженно оглядел горизонт. Он начинал разделять беспокойство Вормеехта. Несколько часов назад водоросли тянулись отдельными прядями, потом рассеянными островками, но сейчас, хоть судно и находилось на чистой воде, казалось, будто сплошное кольцо водорослей надвинулось, огородив корабль по длине корпуса. Способна ли морская трава задержать судно? Этого никто не знал.

Сгустились сумерки. Жаркий тяжелый воздух порозовел, затем быстро стал серым. С востока на путешественников стремительным потоком нахлынула темнота.

— Поутру вышлем лодки посмотреть, что к чему, — объявил Лавон.

Вечером после обеда Джоахил Нур прочитала лекцию о водорослях и долго рассказывала о комплексной системе цветовой гаммы. Все на борту,

даже впавшие в отчаяние в туманной безнадежности уныния, столпились вокруг, разглядывая образцы в лоханке, щупая их, размышляя, высказываясь. Лавон радовался при виде оживления команды после стольких недель угнетенного состояния.

Ночью ему снилось, будто он танцует на воде, исполняя сольную партию в каком-то одухотворенном быстром балете; водоросли под ногами были прочными и упругими.

За час до рассвета его поднял настоятельный стук в дверь каюты. Это был Скин, скандар, несший третью вахту.

— Идемте скорее, капитан… водоросли…

Размер бедствия был очевиден даже в тусклом жемчужном мерцании зарождающегося утра: «Спьюрифон» шел всю ночь, но, как стало ясно, морская трава двигалась тоже, и теперь корабль находился в центре тесно сплетенного поля водорослей, протянувшегося, казалось, до края Вселенной.

Теперь, когда первые зеленоватые прожилки солнечного света окрасили небо, окружающее походило на какой-то сон: единый, нигде не разорванный ковер триллионов и триллионов спутанных прядей, чья поверхность колыха-

лась, подрагивала, трепетала и меняла цвета в нескончаемом танце глубоких четких тонов. Там и тут по этой безгранично запутанной паутине сновали небольшие твари — нападающие и убегающие. От густой спутанной массы поднимался резкий запах, продиравший до костей. Чистой воды не было видно.

«Спьюрифон» оказался так же беспомощен, как если бы прошел за ночь тысячи миль по земле и очутился в сердце пустынь Суврaеля.

Лавон оглянулся на Вормеехта — первый помощник, такой раздраженный и язвительный вчера, сейчас был холоден и спокоен — и на штурмана Калимойна, чью бурную смелость сменили жесткий взгляд и плотно сжатые губы.

— Я отключил машины, — сказал Вормеехт. — Мы намотали на вал водоросли.

Роторы забились почти сразу.

— Очистить можно? — спросил Лавон.

— Мы их чистили и чистим, — ответил Вормеехт, — но только включаем все забивает снова.

Помрачневший Лавон перевел взгляд на Калимойна.

— Сумели установить, какова площадь этой массы?

— К сожалению, мы не можем определить, где

она кончается, капитан.

Просто не видно.

— А глубину? Зондировали?

— Это как газон. Лот не опускается.

Лавон медленно перевел дыхание.

— Спускайте шлюпки, необходимо осмотреться. Вормеехт, пошлите двоих ныряльщиков определить толщину слоя и установить, где можно поставить защитные экраны. Да попросите Джоахил Нур подняться сюда.

Маленький биолог появилась быстро. Выглядела она усталой, но нарочито бодрой. Опережая Лавона, она сказала:

— Я не спала всю ночь, изучала нашу находку. Водоросли затвердевают до крепости металла, тем более, что в них высокая концентрация рения и ванадия.

— Вы обратили внимание, что мы стоим? — перебил ее Лавон.

Она осталась равнодушной.

— Вижу.

— Мы попали в древнее предание, где покидают корабли, захваченные водорослями. Но покинуть судно мы не в силах, зато проторчать тут можем неизвестно сколько.

— Что даст мне возможность изучать сию уни-

кальную экологическую зону.

— Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Вы так думаете? — спросила Джоахил Нур, испугавшись наконец.

— Не знаю. Но я хочу, чтобы вы изменили цель своих исследований на время. Поищите средство, которое, помимо открытого воздуха, уничтожает водоросли. Кажется, придется начинать биологическую войну, чтобы вырваться отсюда. Нужен какой-нибудь химический реагент, что-нибудь, что может очистить роторы.

— Поймайте парочку морских драконов, — мгновенно откликнулась Джоахил Нур, — привяжите у носа корабля, и пусть жрут, сколько влезет.

Лавон не улыбнулся.

— Обдумайте все, — сказал он, — и доложите.

Он смотрел, как спускали две шлюпки с четырьмя гребцами в каждой. Лавон надеялся, что подвесные моторы не намотают на винты водоросли, но напрасно: почти сразу моторы взревели, задыхаясь, и людям пришлось взяться за весла. Шлюпки начали медленно удаляться, пробиваясь сквозь толщу морской травы, время от времени останавливаясь, чтобы расчистить путь. За пятнадцать минут шлюпки удалились

не больше чем на сотню ярдов от корабля.

Тем временем двое ныряльщиков — человек и хьорт, облаченные в маски для дыхания, прорубили отверстие в водорослях у борта судна и исчезли в густой глубине.

Когда спустя полчаса они не появились на поверхности, Лавон обратился к первому помощнику:

— Вормеехт, сколько можно продержаться под водой в таких масках?

— Не больше получаса, капитан. Хьорт, возможно, продержится дольше, но не намного.

— Пожалуй…

— Посылать пловцов тоже не следует.

— Разумеется, — хмуро буркнул Лавон. — Как по-вашему, «Ныряльщик» сможет к ним пробиться?

— Не знаю, но мы должны попытаться. Вызывайте добровольцев.

«Спьюрифон» нес на борту маленькое подводное суденышко, которым пользовались для научных исследований. Его не трогали уже несколько месяцев, но для подготовки к погружению потребовался всего час. Вормеехт выбрал троих добровольцев, и душу Лавона словно стальной цепью сжало предчувствие, что он посылает

их на смерть. Он никогда не видел, как умирают люди, кроме смерти нескольких глубоких старцев, и неожиданная, случайная гибель кого бы то ни было была для него вещью тяжелой и непостижимой.

Когда трое добровольцев задраили люк, «Ныряльщика» лебедкой опустили за борт. Какое-то мгновение он оставался на поверхности, затем работающие на лебедке матросы отключили удерживающие корпус захваты, и подобно некоему толстому сверкающему крабу «Ныряльщик» начал погружаться. Происходило это медленно: водоросли плотно стискивали лодку, они оказались такими же прочными на разрыв, как захваты лебедки.

Калимойн выкрикнул что-то из-за рогового пузыря с нижней палубы. Лавон отвел взгляд от поверхности и увидел, как отправленные им шлюпки с трудом пробираются сквозь гущу морской травы. Стояло уже позднее утро, и в ослепительном солнечном свете трудно было понять, куда они направляются.

Но, похоже, они возвращались.

Молча Лавон в одиночестве ждал на мостике. Никто не смел подойти к нему. Он уставился вниз на плавучий ковер водорослей, кишащий

странными и жутковатыми формами жизни, и думал о двух ныряльщиках, экипаже подводного суденышка и остальных, находившихся пока в безопасности на борту «Спьюрифона». Все они оказались в одинаково бедственном и комичном положении; как легко этого можно было бы избежать, подумал он, и как легко об этом сейчас думать. И как бесплодно!

Почти весь день он неподвижно проторчал на мостике в молчании, тумане, жаре и зловонии. Затем прошел в каюту.

Позже к нему заглянул Вормеехт с новостями, что экипаж лодки обнаружил ныряльщиков, висящих около замерших винтов. Они были завернуты в плотные кольца морской травы, словно водоросли заботливо окутывали их. Лавон отнесся к такому предположению скептически; они наверняка сами запутались в водорослях, подумал он с болью. Сам «Ныряльщик» имел ограниченный запас времени для погружения, и машины чуть не расплавились от усилий, опуская лодку на пятидесятифутовую глубину. Трава, по словам Вормеехта, образовывала фактически сплошной слой на десять футов вглубь от поверхности.

— Что со шлюпками? — спросил Лавон, и пер-

вый помощник ответил, что они вернулись в целости и сохранности, только люди вымотались от изнурительной гребли сквозь путаницу водорослей. За весь день они ухитрились отойти от судна не больше мили и не видели конца морской травы, не нашли ни одного прохода в сплошном ковре. На одного гребца напала похожая на краба тварь, укусила его в спину, оставив царапину, и удрала.

За день положение не изменилось, и никаких перемен не предвиделось.

Морская трава цепко держала «Спьюрифон», и невозможно было придумать, как освободить корабль.

Лавон терялся в догадках. Он попросил летописца Майкдала Хаца потолкаться среди команды, узнать настроение людей. Часа через два тот возвратился.

— В основном все спокойны, — доложил он. — Хотя кое-кто волнуется, большинство находит наше положение необычайно освежающим после монотонной обыденности прошедших месяцев.

— А вы?

— У меня свои страхи, капитан. Но хочется верить, что мы найдем способ вырваться. И все-

таки, я с удовольствием любуюсь красотой этого необычного пейзажа.

Красота? Лавон не видел здесь ничего красивого. Он мрачно оглядел окружающие судно мили морской травы, бронзово-красной в кровавом закате.

Красная туманная дымка поднималась от воды, и в густеющем тумане живущие на водорослях твари сновали повсюду в огромном количестве, так что похожие на островки спрессованные массы морской травы все время подрагивали.

Красота? В чем-то действительно красиво, вынужден был признать Лавон. У него возникло ощущение, будто «Спьюрифон» сел на мель посреди некой огромной картины, где большими мазками в мягкой текучей форме нанесен на полотно похожий на сон, сбивающий с толку мир без каких бы то ни было ориентиров, на тягучей поверхности которого происходило бесконечное изменение света. Сам же Лавон относился к морской траве как к врагу, которого необходимо уничтожить.

Он не спал большую часть ночи, обдумывал всевозможные способы борьбы с нежданным противником.

Утро внесло новый цвет в окружающие во-

доросли. Они сделались бледно-зелеными с желтыми полосами под обремененным редкими облаками небом. Вдали виднелись крылья пяти или шести огромных морских драконов, которые создавали широкие проходы в окружающем ковре, пожирая водоросли.

Как было бы хорошо, размышлял Лавон, умей «Спьюрифон» проделывать то же самое!

Он встретился с офицерами. По их докладам, ночь прошла спокойно, и большая часть экипажа была даже очарована необычностью пейзажа, но к утру начало нарастать напряжение.

— Люди и так расстроены и тоскуют по дому, — сказал Вормеехт, — а теперь еще новая задержка на несколько дней или недель.

— А может, месяцев, лет или навсегда, — проворчал Калимойн. — Как по-вашему, мы когда-нибудь выберемся отсюда?

Голос штурмана был сварливым, напряженным, и голосовые связки, казалось, выступают по обеим сторонам толстой шеи. Лавон давно уже чуял нарастающий нервный срыв, и все равно оказался не готов к той быстроте, с какой сломался его штурман.

Вормеехт тоже выглядел удивленным.

— Вы же сами только вчера убеждали нас:

«Это всего лишь водоросли. Мы прорвемся!» — помните?

— Вчера я не понимал, с чем нам пришлось столкнуться, — рыкнул в ответ Калимойн.

Лавон взглянул на Джоахил Нур.

— Есть вероятность, что эта дрянь движется и рано или поздно взломается и выпустит нас?

Биолог покачала головой.

— Вероятность, конечно, есть, только не стоит на это надеяться. Скорее всего, перед нами квазипостоянная экосистема. Течения, разумеется, могут отнести ее в иные районы Великого Моря, но в данном случае они понесут и нас вместе с ней.

— Видите? — мрачно прокомментировал Калимойн. — Безнадежно.

— Пока нет, — оборвал его Лавон. — Вормеехт, сможем мы смонтировать экраны вокруг винтов с помощью «Ныряльщика»?

— Можно попробовать.

— Попробуйте. Пусть наши умельцы поработают над конструкцией экранов.

Джоахил Нур, как насчет химических средств воздействия на водоросли?

— Проверяем, — ответила биолог, — но я не могу обещать.

Никто не мог ничего обещать. Им оставалось лишь размышлять, действовать, верить и надеяться.

На разработку защитных экранов для винтов ушло два дня. Делали их еще пять дней. Тем временем Джоахил Нур экспериментировала, отыскивала средства уничтожения водорослей вокруг корабля, но пока без результата.

Замер, казалось, не только «Спьюрифон», замерло само время. Ежедневно Лавон продолжал наблюдать, производил замеры лагом, вел записи, фактически корабль не стоял — он двигался точно на юго-юго-запад, проходя по несколько миль в день. Но это был путь в никуда. Связанные массой водорослей, они могли до бесконечности дрейфовать в океане, не встречая земли.

Лавон чувствовал, что вот-вот сорвется. Он с трудом сохранял прямую осанку, плечи его поникли, голова свешивалась на грудь, словно на нее положили тяжкий груз. Он чувствовал старость, чувствовал, как она разъедает его. На нем и только на нем лежала вся ответственность за то, что они не убрались из зоны морских водорослей в ту минуту, когда опасность стала очевидной. Ведь можно же было убедиться в этом за несколько остававшихся часов, твердил

он себе, но он наслаждался видом морских драконов и своей дурацкой теорией, будто немного опасности добавит перца в смертную скуку путешествия. Он безжалостно терзал себя, виня за то, что вовлек свою команду в абсурдное и ненужное путешествие.

Путешествие в десять или пятнадцать лет, из ниоткуда в никуда. Зачем? Для чего?

Тем не менее, он поддерживал остальных, не давая им пасть духом. Порции вина, выдававшегося в ограниченном количестве во время путешествия, были удвоены, устраивалось множество вечеринок, развлечений. Лавон распорядился каждой вахте заниматься изучением океанографии, считая, что сейчас не время для ленивой и праздной жизни. Бумаги, заполненные наблюдениями и отложенные для неторопливого изучения в ходе дальнейшего путешествия, начали дорабатываться сейчас. Работа была лучшим средством от скуки, нервных срывов и нового, нарастающего фактора — страха.

Когда были готовы экраны, добровольцы отправились под воду в «Ныряльщике» приваривать их вокруг винтов к корпусу судна. Задача осложнялась необходимостью сделать все крохотными захватами манипуляторов подводного суденыш-

ка. После гибели двух ныряльщиков Лавон не рискнул посылать кого-либо под воду в обычных масках. Под присмотром искусного механика Дэройна Клауса работы продолжались день за днем, но, к сожалению, шли слишком медленно — тяжелые массы травы били о корпус, ломая хрупкую сварку, и дело продвигалось с трудом.

На шестой день Дэройн Клаус принес фотографии оранжевых пятен на тускло-сером фоне.

— Что это? — спросил Лавон.

— Коррозия корпуса, капитан. Я обратил на нее внимание еще вчера, а нынче утром провел серию подводных съемок.

— Коррозия корпуса? — Лавон заставил себя усмехнуться. — Едва ли такое возможно. То, что вы мне показываете, скорее всего прилипшие к корпусу губки, моллюски или…

— Нет, — возразил Дэройн Клаус, — возможно, тут не очень-то хорошо видно, но вы сами можете убедиться: достаточно спуститься вниз на «Ныряльщике». Это как маленькие рубцы на металле. Я совершенно уверен, капитан.

Лавон отпустил механика и отправился к Джоахил Нур. Она долгое время изучала фотографии и наконец сказала:

— Очень похоже.

— Неужели морская трава разъедает корпус?

— Вероятность этого мы подозревали уже несколько дней. Одна из первых наших находок имела рп-градиент, сильно отличающийся в этой области океана от открытого моря. Мы влезли в кислотную ванну, капитан, я убеждена, что водоросли выделяют кислоты. Мы знаем, что они накапливают тяжелые элементы. Обычно они получают металл из морской воды, но могут уважить и нас, приняв «Спьюрифон» за гигантский банкетный стол. Не удивлюсь, если как раз по этой причине водоросли так быстро окружили судно — спешили со всей округи на пир.

— В таком случае надеяться, что они добром отпустят нас, просто глупо.

— Вот именно.

Лавон заморгал.

— Значит, останься мы здесь подольше, эта дрянь проест дыры в нашем корпусе?

Биолог засмеялась.

— Ну, до этого не меньше сотни лет, — сказала она. — Голод, по-моему, более насущная проблема.

— Почему?

— Сколько мы продержимся, не пополняя запасов?

— Несколько месяцев, я полагаю. Вы же знаете, что рыбу мы можем ловить только на ходу. Вы думаете…

— Да, капитан. Все в окружающей корабль экосистеме для нас наверняка яд. Водоросли поглощают из воды металлы, а маленькие ракообразные и рыбы питаются водорослями. Большие твари пожирают мелких. Концентрация солей металлов все повышается, если идти по цепочке, и мы…

— Вряд ли разжиреем на диете из рения и ванадия.

— А заодно и молибдена с родием. Вот так, капитан. Кстати, вы просматривали последние медицинские отчеты? Настоящая эпидемия тошноты и лихорадки — как вы сами себя чувствуете, капитан? И это только начало.

Пока еще ничего серьезного, но неделя-другая, и…

— Защити нас, Леди, — вздохнул Лавон.

— Благословения не простираются так далеко на запад, — заметила Джоахил Нур и холодно улыбнулась. — Рекомендую прекратить всякую ловлю рыбы и сидеть на наших запасах до тех пор, пока не выберемся из здешних вод.

Необходимо также закончить работы по экра-

нированию винтов, и как можно скорее.

— Согласен, — кивнул Лавон.

Выйдя от биолога, он поднялся на мостик и уставился на покрытую травой колышущуюся воду. Цвета сегодня были сочнее, чем когда-либо — янтарные, цвета сепии, красновато-коричневые, индиго. Водоросли подрагивали. Лавон представил себе мясистые пряди, присосавшиеся к корпусу и разрушающие его кислотными выделениями, молекула за молекулой превращающие корпус в ионы супа и выпивающие его. Он содрогнулся. Он больше не мог видеть красоту в путанице заполонивших море водорослей, теперь непроницаемая, плотно сплетенная масса означала для него лишь зловоние и разложение, опасность и смерть, пузырящиеся гнилые газы и невидимые клыки разрушения. Час за часом борта гигантского корабля становились тоньше, а он не мог двинуться, беспомощный посреди ранящих его врагов.

Лавон постарался сохранить эту новую напасть в тайне, не вынося ее на всеобщее обсуждение, но тщетно: никакие секреты в закрытом мирке, вроде «Спьюрифона», долго не сохранишь. Но он настоял на секретности, желая, по крайней мере, свести до минимума открытые разговоры,

которые быстро могли привести к панике. В итоге знали все, и все притворялись, будто он один знает, насколько скверно обстоят дела.

Тем не менее, возбуждение нарастало. Разговоры стали натянутыми и резкими, пальцы дрожали, невнятно произносились слова, все валилось из рук. Лавон держался в стороне от остальных, насколько позволяло положение капитана. Он молил об избавлении и искал выход в снах, но Джоахил Нур, кажется, была права: сюда не проникали послания возлюбленной Леди Острова Сна, чьи советы несли утешение страждущим и мудрость колеблющимся.

Один проблеск надежды подарили биологи. Джоахил Нур предположила, что можно нарушить электрическую систему морской травы, пропуская ток через воду. Предложение показалось Лавону сомнительным, но он уважал мнение биолога и распорядился готовить нужное оборудование.

В конце концов последний из защитных экранов был установлен вокруг винтов. Произошло это к концу третьей недели.

— Запускайте двигатель, — приказал Лавон.

Корабль вздрогнул, пробуждаясь к жизни, как только заработали винты.

Офицеры на мостике — Лавон, Вормеехт, Калимойн — замерли в напряженном молчании, едва дыша. Крошечная рябь вырвалась из-под носа судна — «Спьюрифон» двинулся! Медленно, упорно корабль начал продвигаться сквозь спутанную массу корчившейся морской травы, прошла минута, другая и… дрожь винтов прекратилась.

— Экраны не выдержали! — с болью воскликнул Калимойн.

— Посмотрите, что там произошло, — бросил Лавон Вормеехту, потом обернулся к трясущемуся и потному Калимойну, стоявшему с таким видом, будто ноги его приросли к палубе.

Первый штурман плотно поджал губы, из-за чего на щеках образовались желваки.

— Скорее всего, задержка будет недолгой, — мягко произнес Лавон. — Пойдемте-ка со мной, у меня осталось немного вина, и как только корабль снова тронется, мы…

— Нет! — взревел Калимойн. — Я чувствую, экраны сорвало. Водоросли сожрали их!

— Экраны на месте, — проговорил Лавон более настоятельно. — Завтра к этому времени мы будем далеко отсюда, и вы снова проложите нам курс к Алханроелю.

— Мы погибли! — выкрикнул Калимойн и вдруг метнулся прочь. Размахивая руками, он сбежал вниз по трапу и исчез из виду. Лавон колебался. Вернулся Вормеехт, выглядел он мрачнее тучи. Экраны действительно сорвало, винты запутались, и судно вновь остановилось.

Лавон пошатнулся, чувствуя, как заражается отчаянием своего штурмана.

Мечта всей жизни завершилась неудачей в нелепом, катастрофическом фарсе.

В этот момент на мостик поднялась Джоахил Нур.

— Капитан, вы знаете, что Калимойн скоро спятит? Он забрался на наблюдательную вышку, плачет, кричит, танцует и призывает к мятежу.

— Я пойду к нему, — сказал Лавон.

— Я почувствовала, как заработали винты, но потом…

Лавон кивнул:

— Запутались снова. Сорвало экраны.

Уже уходя, он услышал, как биолог заговорила о своем электрическом проекте и о том, что готова провести первую пробу в полном масштабе. Он ответил, чтобы она начинала немедленно и сразу доложила, если будут результаты, но все ее слова проходили мимо сознания — его полностью

поглотила мысль, что делать с Калимойном. Первый штурман находился на высокой площадке правого борта, где обычно проводил наблюдения и вычисления широты и долготы. Сейчас он то прыгал, как помешанный, то гордо расхаживал взад и вперед, размахивая руками, то распевал непристойные отрывки баллад, то вопил, обвиняя и понося дурака Лавона, который умышленно завлек их в ловушку. Человек десять команды собрались внизу, слушая полунасмешливо, полуодобрительно. К ним быстро присоединялись остальные — все-таки развлечение. К своему ужасу, Лавон вдруг заметил, как к площадке Калимойна пробирается Майкдал Хац. Подойдя, он позвал штурмана и заговорил низким басом, спокойно уговаривая того спуститься. Калимойн поглядывал на летописца и то и дело прерывал, бормоча в его адрес угрозы.

Но Хац продолжал подниматься. Теперь он уже находился в двух ярдах от штурмана, продолжая говорить и улыбаться, протянув вперед раскрытые ладони, словно показывая, что у него ничего нет.

— Убирайся! — взревел Калимойн. — Пошел вон!

Лавон, сам было шагнувший к площадке,

жестом дал понять Хацу, чтобы тот держался подальше от штурмана. Слишком поздно! В одно мгновение взбешенный Калимойн прыгнул к Хацу, облапил маленького летописца, поднял, как куклу, вверх и швырнул через поручни в море. Крик ужаса вырвался у зрителей.

Лавон метнулся к поручням и успел увидеть, как Хац, колотя руками, рухнул в воду. По водорослям пронеслась мгновенная судорожная дрожь. Подобно угрям, мясистые пряди шевелились, изгибались и вертелись. Море, казалось, вскипело на миг — затем Хац исчез.

У Лавона от ужаса голова пошла кругом. Сердце словно целиком заполнило грудь, раздавив легкие, а мозг завертелся в черепной коробке. Он никогда не видел насилия раньше. За всю жизнь ему ни разу не доводилось услышать о намеренном убийстве одним человеком другого. И вот это произошло на его корабле и совершено одним из его офицеров — невыносимая, смертельная рана!

Как во сне, он двинулся вперед, руки его легли на мускулистые плечи Калимойна, и, не задумываясь, с силой, которой у него не было никогда прежде, он легко перекинул штурмана через поручень. Послышался приглушенный вой, по-

том всплеск. Пораженный, он посмотрел вниз и увидел, как море вскипело во второй раз, и морская трава сомкнулась над бьющимся телом Калимойна.

Медленно, оцепенело Лавон спустился с площадки.

Чувствовал он себя ошеломленным и трясся, как в лихорадке. Казалось, что-то надломилось внутри. Кольцо расплывающихся в глазах людей окружило его. Постепенно он различил глаза, рты, знакомые лица. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова — только выдавливал неразборчивые звуки. Потом рухнул вниз, не почувствовав удара о палубу. Чьи-то руки поддержали его за плечи, кто-то поднес ему вина. «Посмотри на его глаза, услышал он чей-то голос, — он в обмороке». Лавона затрясло. Не сознавая как, он оказался в своей каюте, где над ним склонился Вормеехт, остальные толпились вокруг.

Первый помощник тихо произнес:

— Корабль движется, капитан.

— Я *убил* его, Вормеехт.

— Мы бы все равно не смогли держать сумасшедшего под замком последующие десять лет. Он был опасен для всех. У вас все права, и вы

поступили совершенно правильно.

— Мы не убийцы, — пробормотал Лавон. — Давным-давно наши варварские предки отнимали жизни друг у друга, но мы не убийцы и не убиваем. Я никогда никого не убивал. Мы были дикарями раньше, но теперь-то мы живем в иной эпохе и на другой планете. А я убил его, Вормеехт.

— Да, капитан. И были правы. Он угрожал успеху путешествия.

— Успеху? Какому успеху?

— Корабль снова движется, капитан.

Лавон не сводил с него глаз.

— О чем вы?

— Пойдемте, убедитесь сами.

Четыре массивные руки обняли его, и Лавон ощутил резкий запах шкуры скандара. Гигант-матрос подхватил его, вынес на палубу и заботливо опустил. Лавон пошатнулся, но рядом были Вормеехт и Джоахил Нур. Первый помощник указал на море. По всей длине корпуса «Спьюрифон» окружала чистая вода.

— Мы опустили в воду кабели, — рассказывала Джоахил Нур, — и тряхнули эту дрянь доброй порцией тока. Это взорвало всю систему… Ближайшие водоросли погибли мгновенно, а прочие

начали отодвигаться. Перед нами чистый проход до самого горизонта.

— Путешествие спасено, капитан, — сказал Вормеехт. — Теперь мы вновь пойдем вперед.

— Нет, — Лавон покачал головой. Сознание мутилось и туманилось. — Мы остались без штурмана. Чтобы найти нового, придется повернуть назад к Цимроелю.

— Но…

— Поворачивайте!

Сбитые с толку, пораженные, они смотрели на него с раскрытыми ртами.

— Капитан, вы все еще не в себе. Отдать такой приказ, когда все обошлось благополучно… Вам просто нужно отдохнуть, и тогда…

— Путешествие закончено, Вормеехт. Мы идем назад.

— Нет!

— Нет? Это что, бунт? — Их взгляды скрестились. — Вы действительно хотите продолжить плавание? — спросил Лавон. — На борту обреченного корабля с убийцей-капитаном? Вас ведь тошнило от путешествия, прежде чем все это произошло. Вы думали, будто я не знал? Вы жаждали вернуться домой, только не решались сказать вслух… Ну, так теперь я удовлетворю

ваши желания.

— Мы пять лет в море, — проговорил Вормеехт. — Вполне возможно, что мы уже одолели половину пути, и добраться до противоположного берега ближе, чем возвращаться.

— Или мы можем навечно уйти в никуда, — возразил Лавон. — Но дело не в этом. Просто у меня не лежит сердце идти вперед.

— А если завтра решите по-другому, капитан?

— И завтра *у меня на руках останется кровь*, Вормеехт. Я обязан был провести корабль через Великое Море в полной безопасности. Мы уже заплатили за нашу свободу жизнью четырех; путешествие закончено.

— Капитан…

— Поворачивайте судно, — приказал Лавон.

Когда они на следующий день пришли к нему хлопотать о продолжении путешествия, упирая на вечную славу и бессмертие, ожидающее их в Алханроеле, Лавон холодно и решительно отказался от какого-либо обсуждения. Продолжать путешествие теперь, сказал он, невозможно. Они смотрели друг на друга: те, кто прежде ненавидел плавание и стремился избавиться от него, и тот, кто в эйфорический миг победы над водорослями изменил решение. В конце концов им пришлось

согласиться с Лавоном о невозможности продолжения плавания. Они взяли курс на восток, и больше не заговаривали о том, чтобы пересечь Великое Море. Весь год они с трудом пробивались сквозь штормы, на следующий год у них произошло столкновение с морскими драконами, чуть не повредившими кормовую часть судна, но тем не менее они продолжали плыть, и из ста шестидесяти трех путешественников, в свое время покинувших Тил-Омон, более ста — и среди них капитан Лавон были живы, когда «Спьюрифон» вошел в родной порт на одиннадцатый год путешествия.

Объяснения Калинтана

Четыре дня после этого Хиссуне владела меланхолия. Разумеется, он знал, что путешествие завершилось неудачей — ни одному кораблю так и не удалось пересечь Великое Море ни в прошлом, ни, очевидно, в ближайшем будущем. Но эта неудача!.. Зайти так далеко, а потом вернуться, причем не из трусости, болезней или голода, а только от морального отчаяния — Хиссуне с трудом мог понять это, сам бы он никогда не повернул назад. Все пятнадцать лет своей жизни он упорно шел к тому, что понимал как свою цель, а те, кто колебался идти по избранному пути, всегда казались ему лентяями и слабаками. Но с

другой стороны, он не Синнабор Лавон, и ни у кого не отнимал жизнь, а ведь такое насилие может потрясти любую душу. Он испытывал к капитану смешанное чувство жалости и презрения. А потом… он понял, что Синнабор Лавон был не слабым человеком, а личностью с колоссальной моральной ответственностью. Мое образование, подумал он, продолжается.

Затем юноша принялся отыскивать записи приключенческие и развлекательные, не столь философского смысла, но находил не совсем то, что искал. Однако за столько лет, проведенных под землей, он узнал, что был невероятный случай в самом Лабиринте, сильно позабавивший бы любого, и даже сейчас, более чем через шесть тысячелетий, о нем рассказывали как об одном из самых необычных происшествий, виденных на Маджипуре.

Дождавшись подходящего времени, Хиссуне провел кое-какие исторические исследования, а затем с помощью Счетчика Душ вошел в сознание некоего юного офицера при дворе Понтифекса Ариока, человека с эксцентричной репутацией.

Наутро после того дня, когда кризис достиг кульминационной точки и всеми овладело настоящее безумие, в Лабиринте воцарилась

непривычная тишина, поскольку все были слишком поражены, чтобы даже разговаривать.

Удар от вчерашнего был слишком ошеломителен, и даже имевшие к случившемуся прямое отношение никак не могли поверить. По приказанию нового Понтифекса сегодня утром собрались все чиновники — высокопоставленные и рангом пониже, — участвовавшие в недавней перестановке. Сидели свободно, отгоняя сон, пока новые Понтифекс и Коронал — каждый как громом пораженный нежданным получением царственного сана — удалились в личные покои поразмыслить над своим внезапным превращением, что дало наконец Калинтану возможность повидаться с Силимэр. Занятый делами, он не виделся с нею целый месяц, а она была не из тех, кто легко прощает. Теперь он сумел переправить ей записку, в которой написал: «Каюсь, я виновен в постыдном пренебрежении, но, возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему.

Встретимся в полдень за ленчем у Двора Шаров, и я все объясню».

За время их знакомства он уже разобрался в ее темпераменте, бывавшем довольно бурным и в лучшие минуты встреч; фактически это был ее единственный, зато сильный недостаток,

и Калинтан побаивался ее гнева. Уже год они были любовниками, и дело шло к обручению. Все высшие сановники двора Понтифекса соглашались, что он поступит хорошо, женившись. Силимэр была прелестна, разумна и образованна в политических делах. Она принадлежала к хорошей семье, среди предков которой были три Коронала, включая самого легендарного Лорда Стиамота, и было ясно, что она станет идеальной женой для молодого человека, судьбой предназначенного для высоких постов в государстве, ведь уже сейчас, незадолго до тридцатилетия, Калинтан достиг внешнего края внутреннего круга двора Понтифекса, неся на своих плечах ответственность, какая не многим дается в его годы. Именно ответственность и удерживала его не только от объяснений, но даже от встреч с Силимэр. Без особой уверенности он надеялся, что она простит его.

Всю прошлую бессонную ночь он повторял в уме заготовленную речь, желая уменьшить свою вину: «Ты ведь знаешь, в последние недели я был занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой, и…» Он продолжал обкатывать фразы, поднимаясь по ярусам Лабиринта ко Двору Шаров на

встречу с Силимэр.

В то утро привычная тишина Лабиринта заставляла воспринимать все окружающее очень отчетливо и остро. Нижние уровни, где находились правительственные учреждения, казались вымершими и опустевшими, а на расположенных выше этажах ему встретилось всего несколько человек, собиравшихся небольшими хмурыми группками в темных уголках и перешептывающихся с таким видом, будто произошел государственный переворот. И все пристально разглядывали Калинтана, а некоторые тыкали пальцами. Калинтан удивлялся, как они узнают в нем официала Первосвященного, пока не сообразил, что так и не снял маску. Он носил ее на всякий случай, якобы для защиты от яркого искусственного света воспаленных от бессонницы глаз.

Сегодня Лабиринт выглядел холодным и гнетущим, и он поспешно покинул эти мрачные подземные глубины, чьи колоссальные многоэтажные залы спиралью уходили вниз и вниз. За одну-единственную ночь это место стало для него отвратительным.

На уровне Двора Шаров Калинтан сошел с подъемника и наискось пересек его огромный,

украшенный тысячами непостижимым образом подвешенных в воздухе сфер зал, направляясь к маленькому кафе на противоположной стороне. Полдень пробило как раз в ту минуту, когда он входил внутрь.

Силимэр уже сидела здесь — он не сомневался, что так и будет, поскольку она всегда была пунктуальна, когда хотела устроить ему неприятности, — за небольшим столиком у задней стены.

Она встала, но не подставила губы, а протянула руку, как он и ожидал.

Улыбка ее была четко отмеренной и холодной. Измученному Калинтану она показалась поразительно красивой: уложенные короной короткие золотистые волосы, вспыхивающие бирюзовые глаза, полные губы, высокие скулы, вся ее стройная фигурка.

— Я виноват, — хрипло пробормотал он.

— Конечно. Столь долгая разлука, должно быть, была для тебя непосильной ношей…

— Последние недели я был занят делами государственной важности, слишком щекотливыми, чтобы обсуждать их даже с тобой… — Слова звучали невероятно глупо, и Калинтан испытал облегчение, когда она прервала его ровным го-

лосом:

— У нас еще будет время, милый. Может быть, пока выпьем?

— Пожалуй, да.

Она махнула рукой. Одетый в ливрею официант — надменно державшийся хьорт — подошел, принял заказ и гордо удалился.

— Ты не снимаешь маску? — поинтересовалась Силимэр.

— Ох, прости… Последние дни была такая неразбериха… — Он сорвал ярко-желтую тряпицу, которая скрывала глаза и нос и четко определяла в нем человека Понтифекса. Выражение лица Силимэр изменилось, когда она увидела его лицо, яростные огоньки в глазах погасли, сменившись заинтересованностью, почти жалостью.

— У тебя глаза красные, словно кровью налились, — заметила она, — а щеки бледные-бледные и натянутые…

— Я не спал. Сумасшедшее время.

— Бедняжка Калинтан!

— Думаешь, мы не виделись, потому что я так хотел? У меня просто не было времени.

— Знаю. И вижу, чего тебе это стоило.

Внезапно до него дошло, что она не насмехается над ним, а искренне сочувствует, и что все,

возможно, окажется легче и проще, чем он себе представлял.

— Проклятые дела вздохнуть не дают. Ты слышала, что выкинул вчера Понтифекс Ариок?

Силимэр задохнулась от смеха:

— Разумеется. До меня ведь доходят все слухи. Так это правда? Это действительно произошло?

— К несчастью, да.

— Какое чудо! Какое изумительное чудо! Но случившееся перевернет мир вверх дном. Это подействовало на тебя так ужасно?

— На меня, на тебя, на каждого, — буркнул Калинтан, жестом охватывая Двор Шаров, Лабиринт, окружающую планету за этим ограниченным подземельем — от внушающей благоговение Замковой Горы до дальних городов на западном континенте. — Я сам с трудом понимаю. Но лучше начать сначала…

— Возможно, ты не знаешь, что последние месяцы Понтифекс Ариок вел себя необычно. Я полагаю, напряжение, испытываемое человеком на высоком посту, зачастую сводит людей с ума, или они становятся немного сумасшедшими, стремясь добиться высот. Но, как ты знаешь, Ариок тринадцать лет был Короналом и более десяти лет Понтифексом, а этого времени хватит,

пожалуй, чтобы научиться держать себя в руках. Особенно, если живешь здесь, в Лабиринте. Должно быть, Понтифекс просто затосковал по весеннему ветру с Замковой Горы, по охоте на гихорн на Цимроеле или просто захотел поплавать где-нибудь по настоящей реке, а ему приходилось торчать глубоко под землей и до конца жизни возглавлять армию своих чиновников.

Около года назад Ариок начал поговаривать о грандиозном шествии по Маджипуру. Я был в тот день при дворе с герцогом Гиделоном. Понтифекс попросил карты и стал рассказывать о замысле путешествия по реке к Алайсору, затем он хотел отправиться на Остров Сна — навестить во Внутреннем Храме Леди, после чего пересечь весь Цимроель, останавливаясь в Пилиплоке, Ни-Мойе, Пидруиде, Нарабале — в общем, везде. Поездка эта заняла бы по меньшей мере пять лет. Гиделон бросил на меня странный взгляд и указал Ариоку, что столь грандиозные шествия устраивают Короналы, а не Понтифексы, и Лорд Струин вернулся из подобного всего два года назад.

«Выходит, мне запрещено это делать?» — осведомился Понтифекс.

«Не запрещено, ваше величество, но обычай

требует…» «Чтобы я оставался узником Лабиринта?» «Нет-нет, вовсе не узником, но…» «Но мне не дано выходить во внешний мир».

Должен заметить, мои симпатии были на стороне Ариока, но не забывай, что я, не в пример тебе, не уроженец Лабиринта, а лишь один из тех, кого долг и обязанности перед Маджипуром привели сюда, поэтому жизнь под землей для меня немного необычна. И когда Гиделон убедил Ариока в невозможности грандиозного шествия, я не мог не заметить неуспокоенности в глазах Понтифекса.

А затем произошло то, чего никто не ожидал — его величество начал удирать по ночам и слоняться по Лабиринту. Никто не знал, часто ли он поступал так прежде, до того как мы обнаружили, что происходит, хотя до нас доходили слухи, будто закутанную в плащ, носящую маску фигуру, сильно смахивающую на Понтифекса, изредка видели то у Двора Пирамид, то в Зале Ветров. Мы относились к ним безразлично до той ночи, когда по счастливой случайности постельничему Ариока не почудилось, будто Понтифекс требует его к себе, он отправился взглянуть, что тому надо, и нашел комнату пустой. Ты должна помнить ту ночь, Силимэр, потому что мы были

вместе, когда вперся один из людей Гиделона и увел меня с собой, заявив, что созывается срочная встреча высших советников, и необходимы мои услуги. Ты была тогда расстроена, вернее, в бешенстве. Разумеется, причиной встречи послужило исчезновение Понтифекса, хотя мы скрыли это, объявив, что обсуждали последствия от гигантской волны, опустошившей Стоензар.

Ариока нашли в четыре часа утра. Он был на Арене — ты знаешь, что это идиотское пустое место было создано по одному из безумных указов Понтифекса Дизимейла. Ариок сидел на корточках у дальней стороны, играл на зутибаре и пел песенки аудитории из пяти-шести оборванных мальчишек. Мы доставили его домой. Через несколько недель он снова удрал и ухитрился добраться до Двора Колонн. Гиделон много говорил с ним; Ариок настойчиво утверждал, что монарху важно побродить среди народа, послушать его горести, и ссылался на прецеденты в далеком прошлом Старой Земли. Гиделон принялся втихомолку расставлять охрану в его покоях — предположительно от наемных убийц, но кому нужно убийство Понтифекса? Стража не давала — не физически, нет! — Ариоку убегать, но хотя Понтифекс и странный человек, он от-

нюдь не дурак, и вопреки охране за последующие два месяца ускользал раза два-три. Положение становилось критическим: а если он вдруг исчезнет на неделю или вообще покинет Лабиринт и отправится погулять в пустыню?

«Раз мы не в силах воспрепятствовать его скитаниям по Лабиринту почему бы тогда не дать ему напарника, который сопровождал бы его и заодно присматривал, чтобы с ним ничего не случилось?» — сказал я как-то Гиделону.

«Отличная мысль, — кивнул Герцог. — Вот тебя-то я и определю на этот пост. Ты достаточно молод и проворен, чтобы помочь ему выпутаться из затруднительных положений».

Это было шесть недель назад, Силимэр. Ты, конечно, помнишь, что как раз тогда я перестал проводить с тобой ночи, оправдываясь увеличением обязанностей при дворе, и началось наше отчуждение. Я не мог рассказать тебе, какого рода обязанности мне приходится выполнять по ночам, и лишь надеялся, что ты не заподозришь меня в желании сменить любовницу. Теперь я могу открыть, что был вынужден поселиться в комнате поближе к спальне Понтифекса и ухаживать за ним каждую ночь. Спать приходилось, когда придется, днем, и благодаря то одной, то

другой хитрости, я сделался товарищем Ариока в его ночных прогулках.

Дело оказалось трудным. По-настоящему я был хранителем Понтифекса, и мы оба знали об этом, но, разумеется, я постарался, чтобы это не сильно бросалось в глаза. Как бы там ни было, я оберегал его от грубиянов и рискованных экскурсий. Нам встречались плуты, забияки, просто горячие головы. Ни один из них не стал бы вредить Понтифексу, но сам он вполне мог встрять между выясняющей отношения парочкой. В редкие минуты отдыха и сна я искал помощи Леди Острова — да покоится она на груди Дивин! — и она пришла ко мне в благословенных посланиях и предрекла, что я должен стать другом Понтифекса, раз не желаю быть его тюремщиком. Какое все-таки счастье, что мы можем получать материнские советы в наших снах! Следуя им, я осмелился положить начало и вовлек Ариока в несколько приключений.

«Давайте прогуляемся нынче ночью», — частенько говорил я ему теперь. Это была моя идея — побывать ночью на жилых уровнях Лабиринта, в местах, где и ночью не прекращалось бражничанье и веселье. Загримированным, конечно, и в маске, чтобы его не узнали. Я водил его по

таинственным проходам, где обитали опасные азартные игроки — меня там знали и я не представлял для них никакой угрозы. И опять же я в одну отчаянную ночь по-настоящему охранял его за стенами Лабиринта. Я понимал, чего он желает больше всего, но боялся даже предлагать это, и тогда он предложил сам, как тайный подарок, и мы воспользовались его личными проходами наверх.

Мы стояли так близко к Гайу, что чувствовали прохладный воздух, несомый ветрами Замковой Горы, и смотрели вверх на пылающие звезды.

«Я не был здесь шесть лет», — сказал Понтифекс.

Он дрожал, и я подумал, что он плачет под маской. И я, который слишком долго не смотрел на звезды, тоже был недалек от этого. Понтифекс указал на одну звезду и сказал, что с нее пришел в наш мир народ Хайрогов, затем показал звезду хьортов, а потом еще одну — маленькое пятнышко света — и дал понять, что она ничто иное, как солнце Старой Земли. Я усомнился все-таки я учился в школе, — но он так радовался, что я не посмел ему противоречить. Потом он повернулся ко мне, сжал мою руку и сказал низким голосом:

«Калинтан, я олицетворяю высшую власть

в нашем колоссальном мире, и в то же время я — ничто, я раб, узник. Я отдал бы все, лишь бы освободиться, бежать из этого подземного Лабиринта и провести оставшиеся годы под звездами».

«Почему тогда вы не отречетесь?» — спросил я, поражаясь собственной наглости.

Он усмехнулся:

«Это было бы трусостью. Я избран Дивин, как же я могу отвергнуть ношу?

— Он помолчал. — До конца дней я назначен судьбой быть властью Маджипура.

Но ведь должен же найтись какой-нибудь честный путь освободиться от этого подземного заточения!» И я увидел, что Понтифекс не безумец, не капризен, а просто одинок среди этой ночи, гор, лун, деревьев и рек — всего мира, который его насильно заставили покинуть, дабы он на своих плечах нес всю тяжесть ноши управления планетой.

Две недели спустя пришла весть о постигшей Леди Острова, мать Коронала Струина, болезни, и о том, что она вряд ли поправится. Необычный кризис вызвал колоссальные трудности, поскольку по своему положению Леди равна Короналу и Понтифексу, и заменить ее не простое дело. Сам

Лорд Струин, как говорили, покинул Замковую Гору, чтобы посоветоваться с Понтифексом перед поездкой на Остров к матери, он мог и не поспеть туда. Между тем герцог Гиделон, как первый глас Понтифекса и начальник стражи двора, начал составлять список кандидаток на место Леди, который затем нужно было сравнить с таким же списком Лорда Струина и посмотреть, нет ли в них одного и того же имени. Совет Понтифекса Ариока был необходим всем, и мы считали, что ему, в его нынешней неудовлетворенности, будет полезно углубиться в дела государства. По крайней мере, умирающая в определенном смысле считалась его женой — по требованиям нашего закона о праве наследования он усыновил Лорда Струина, когда того избрали Короналом.

Конечно, у Леди был настоящий муж где-то на Замковой Горе, но ты же понимаешь, что такое обычай? Гиделон сообщил Понтифексу о нависшей над Леди Острова угрозе, и началось совещание правительства. Я на нем не присутствовал — у меня нет пока такого положения при дворе.

Полагая, что тяжелое положение Леди заставит Понтифекса по меньшей мере отвлечься на время от своих прогулок, мы неосознанно ослабили

нашу бдительность. И в ту самую ночь, когда весть о кончине Леди Острова Сна достигла Лабиринта, Ариок вновь ускользнул один — впервые с тех пор, как я стал присматривать за ним. Одурачив охрану, меня и своих прислужников, он выскользнул в бесконечную путаницу переходов и уровней Лабиринта, и никто не мог найти его. Мы искали всю ночь и весь следующий день. Я был в панике, опасаясь как за него, так и за свою карьеру. С дурными предчувствиями направил я офицеров к каждому из семи входов Лабиринта на поиски в пустыне, а сам заглянул во все распутные притоны, куда водил его в свое время. Люди Гиделона перерывали неизвестные даже мне места, и, невзирая на наши поиски, мы держали население в неведении об истинном положении, об исчезновении Понтифекса.

Мы нашли его после полудня в здании, расположенном на уровне, известном под названием Зубы Стиамота, в первом кольце Лабиринта, где он скрывался под женской одеждой. Мы никогда бы не нашли его, не возникни какая-то ссора с неоплаченным счетом, которая вызвала на сцену прокторов, и когда Понтифекс не смог удостоверить свою личность и из-под женского одеяния раздался мужской голос, у прокторов хватило

ума вызвать меня, а я поспешил забрать у них арестованного. В мантии и браслетах он выглядел ужасно неприлично, но спокойно и разумно приветствовал меня, назвав по имени, и выразил надежду, что не причинил нам больших хлопот.

Я ждал, что Гиделон понизит меня в должности, но герцог был в хорошем настроении и простил меня, к тому же он был слишком занят разразившимся кризисом, чтобы обращать внимание на мои ошибки, и ничего не сказал о том, что я позволил Понтифексу незаметно покинуть опочивальню.

«Лорд Струин прибыл сегодня утром, — сказал он мне устало. — Естественно, он хотел сразу встретиться с Понтифексом, но мы уверили его, будто тот спит и не стоит его беспокоить. Тем временем половина моих людей была брошена на поиски. Какая это все-таки боль — лгать Короналу, Калинтан!» «Понтифекс действительно спит сейчас у себя в покоях!» — ответил я.

«Да-да, и полагаю, он там и останется».

«Я приложу к этому все силы».

«Я имею в виду не это, — перебил меня Гиделон. — Понтифекс Ариок, очевидно, лишился разума. Тайком удирать из своих покоев, шляться по ночам вокруг жилых кварталов и, наконец,

облачиться в женский наряд — это уже выходит за рамки обычной эксцентричности, Калинтан. Сейчас, когда у нас на носу дело об избрании новой Леди Острова, я предлагаю постоянно содержать его в личных покоях под строгой охраной — ради его собственного блага — и передать обязанности Понтифекса в руки регента. Такие случаи уже бывали, я порылся в документах. В свое время Понтифекс Бархолд подхватил болотную лихорадку, которая поразила его разум, и...» «Господин, — сказал я, — я не верю в безумие Понтифекса».

Гиделон нахмурился:

«Как же еще можно назвать то, что сделал Понтифекс Ариок?» «Поступком человека, слишком долго бывшего правителем, чей дух бунтует против всего того, что ему приходится нести на своих плечах. Я неплохо изучил его и рискну сказать, что своими выходками Понтифекс выражает душевные муки, но никак не безумие».

Это было красноречивое выступление и, сказал я себе, смелое для младшего советника, тем более, что Гиделон в настоящий момент являлся третьим лицом на Маджипуре после самого Ариока и Лорда Струина. Но пришло время, когда кто-то должен был отбросить дипломатию, честолюбие

и хитрость и просто сказать правду, а мысль о заключении в узилище несчастного Ариока, когда он и так уже терпит огромную муку из-за ограниченности Лабиринта, ужаснула меня. Гиделон довольно долго молчал, и я уже начал подумывать, что то ли окончательно уволен со службы, то ли отправлюсь в какой-нибудь закуток к писцам перебирать бумаги до конца жизни, но спокойно ждал ответа.

Неожиданно раздался стук в дверь — посланец принес конверт с изображением звездного огня и личной печатью Коронала. Герцог вскрыл его, прочел, перечитал снова, затем прочел в третий раз, и я никогда не видел такого недоверия и ужаса, какие появились на его лице. Он смертельно побледнел, руки его затряслись.

Взглянув на меня, он произнес:

«Коронал собственноручно извещает меня, что Понтифекс Ариок покинул свою опочивальню и удалился во Дворец Масок, где издал указ столь поразительный, что я не в силах заставить себя повторить его. — Он протянул мне послание. — Идем, нужно торопиться».

Он выбежал из комнаты, я последовал за ним, тщетно пытаясь просмотреть на ходу текст письма. Почерк у Лорда Струина оказался отвра-

тительным, а Гиделон бежал с поразительной быстротой по слабоосвещенным коридорам, так что я разбирал лишь отрывки — что-то о новой Леди Острова и об отречении.

Чье это могло быть отречение, если не Понтифекса Ариока? Но ведь он сам говорил мне, что было бы трусостью сбросить с плеч бремя власти, назначенное судьбой?!

Задыхаясь, я влетел во Дворец Масок, одно из немногих мест в Лабиринте, которое и в лучшие времена не любил за огромные узкоглазые лица; вздымаясь на постаментах из мерцающего мрамора, они казались мне фигурами из кошмара. Каблуки Гиделона простучали по каменному полу, за ними эхом отдавались мои собственные, и хотя он был вдвое старше меня, мчался он, как демон. Впереди я слышал крики, смех, рукоплескания, а немного погодя увидел и собравшихся — сотни полторы жителей Лабиринта, среди которых узнал несколько главных советников Первосвященного. Гиделон и я с трудом втиснулись в толпу и остановились, лишь увидев фигуры в зелено-золотой форме службы Коронала. Лорд Струин выглядел одновременно взбешенным и изумленным. Он явно пребывал в шоке.

«Его не остановить, — хрипло произнес он, — он переходит из зала в зал, повторяя свое заявление, слушайте: он снова начал».

Только тогда я заметил неподалеку от нас Понтифекса Ариока, сидевшего на плечах громадного скандара. Его величество был одет в белую струящуюся мантию женского покроя с великолепными парчовыми оборками, а на груди его покоился пылающий красным цветом драгоценный камень, поразительно большой и сияющий.

«Тогда как пустота возникла среди Высших Сил Маджипура! — воскликнул он удивительно сильным голосом. — И нужна новая Леди Острова Сна! Она должна как можно скорее начать управлять душами людей! Появляясь в снах и даря утешение! И помощь! И! Так как! Мое горячее желание! Сбросить бремя Первосвященности! Которое я несу двенадцать лет! Я! Объявляю себя отныне и впредь! Женщиной! И как Понтифекс! Называю имя новой Леди Острова Сна женщину Ариок!..» «Безумие», — пробормотал Гиделон.

«Я слышу это в третий раз и все равно не могу поверить», — сказал Коронал Лорд Струин.

«... Отрекаясь одновременно от трона Понтифекса! И призываю жителей Лабиринта! Принести Леди Ариок колесницу! Помочь до-

браться до порта Стоен!

А потом до Острова Сна! Дабы могла она нести всем вам свое утешение!» В этот миг взгляд Ариока встретился с моим. Понтифекс волновался, лоб его покрывала испарина, но он узнал меня, улыбнулся и *подмигнул,* подмигнул радостно, торжествующе. Я отвернулся.

«Его нужно остановить», — сказал Гиделон.

Лорд Струин покачал головой:

«Слышите аплодисменты? Им нравится, и толпа все растет по мере того, как он переходит с уровня на уровень. Его поднимут до Входа Клинков и доставят в Стоен еще до конца дня».

«Вы — Коронал, — напомнил Гиделон. — Неужели ничего нельзя сделать?» «Высший правитель планеты — Понтифекс, и каждое его распоряжение я поклялся исполнять. Изменить всенародно? Нет-нет, Гиделон, что сделано, то сделано, пусть и невероятно, но теперь нам придется жить с этим».

«Многие лета Леди Ариок!» — проревел гудящий голос.

«Леди Ариок! Леди Ариок! Многие лета!» Я смотрел, как процессия двинулась из Дворца Масок, направляясь то ли к Залу Ветров, то ли ко Дворцу Пирамид. Мы — Гиделон, Коронал и я — не после-

довали за ней. Ошеломленные, молчаливые, мы стояли неподвижно до тех пор, пока не исчезли оживленные фигуры. Я был смущен, находясь в обществе двух самых великих людей нашего мира в столь уничижающий момент. Это было настолько нелепо и фантастично — это отречение и провозглашение Леди Острова Сна, — что они были сбиты с толку.

Наконец Гиделон задумчиво произнес:

«Если вы принимаете отречение, как имеющее силу. Лорд Струин, то вы больше не Коронал и должны быть готовы стать главой планеты и Лабиринта.

Теперь вы наш Понтифекс».

Слова его поразили Лорда Струина. Сгоряча он, видимо, не подумал о последствиях признания желания Ариока.

Рот его открылся, но он ничего не сказал. Он сжимал и разжимал кулаки, словно делая себе самому знак звездного огня, но я понимал, что это всего лишь выражение замешательства. Я чувствовал благоговейную дрожь: стать свидетелем передачи власти, к чему Лорд Струин был совершенно не готов. Я понимал его: оставить в расцвете лет радости Замковой Горы, сменить веселье городов и красоту мира на мрачный

Лабиринт, снять венец звездного огня и надеть диадему — нет, он был совершенно не готов, и когда истинное положение вещей дошло до него, он смутился и заморгал. Наконец после длительного молчания проговорил:

«Да будет так. Я — Понтифекс. Но кто, спрашиваю я вас, займет место Коронала?» Я полагал, что это риторический вопрос, поэтому ни я, ни герцог ничего не ответили.

«Кто будет Короналом?» — с гневом повторил Лорд Струин.

Он не сводил глаз с Гиделона.

Скажу честно, я был поражен, став свидетелем событий, которые вряд ли забудутся и за десять тысяч лет. Но насколько сильнее это ударило по ним!

Гиделон отшатнулся, невнятно бормоча. С той поры еще, когда Ариок и Лорд Струин были относительно юными, прежними Лордами Маджипура был разработан план о порядке передачи престола. И хотя Гиделон был человеком сильным и могущественным, сомневаюсь, чтобы он когда-либо ждал, что достигнет вершины Замковой Горы, и уж, конечно, не таким путем. Он задохнулся, не в силах произнести ни слова, и в конце концов первым отреагировал я опустился

на колени, сделав знак звездного огня, и выкрикнул, задыхаясь от волнения:

«Гиделон! Лорд Гиделон! Да здравствует Лорд Гиделон! Многие лета Короналу!» Никогда я не видел, чтобы люди так поражались, смущались и мгновенно менялись, как бывший Лорд Струин, ставший Понтифексом, и бывший герцог Гиделон, ставший Короналом. Лицо Струина отражало бурю чувств, Лорд Гиделон был чуть не при смерти.

И — тишина.

Наконец Гиделон заговорил необычно дрожащим голосом:

«Если я Коронал, обычай требует, чтобы моя мать стала Леди Острова Сна».

«Сколько лет вашей матери?» — спросил Понтифекс Струин.

«Она очень стара, дряхла, можно сказать».

«М-да… Наверняка она совершенно не подготовлена к труду Леди, да и недостаточно сильна, чтобы вынести его».

«Все так», — кивнул Лорд Гиделон.

«Кроме того, — продолжал Струин, — на сегодня у нас уже имеется новоявленная Леди, и другую так сразу не подберешь. Давайте посмотрим, как будет справляться с обязанностями во

Внутреннем Храме Ариок, прежде чем подыщем кого-нибудь на его место».

«Безумие», — повторил Гиделон.

«Действительно, безумие, — согласился Понтифекс Струин. — Идемте, проследим, чтобы Леди в безопасности доставили на Остров».

Я отправился за ними к выходу из Лабиринта, где мы наткнулись на десятитысячную толпу, славящую его или ее — Ариока, босого, в роскошной мантии — и готовую доставить колесницу и отвезти его или ее в порт Стоен.

Пробиться к Ариоку оказалось невозможно, настолько плотно стояла толпа.

«Безумие, — снова и снова повторял Гиделон. — Безумие!» Но я знал другое: я видел, как подмигнул мне Ариок, и понял его. Это было вовсе не безумие. Понтифекс Ариок нашел лазейку, как выбраться из Лабиринта. Будущие поколения, я уверен, станут считать его имя символом глупости и нелепости, но я знаю, что он совершенно нормальный человек.

Человек, для которого венец стал тягостью.

Так, после позавчерашнего необычного случая, у нас появились новый Понтифекс, новый Коронал и новая Леди Острова Сна. Теперь ты знаешь, как все произошло.

Калинтан закончил рассказ и надолго приник к чаше с вином. Силимэр смотрела на него с выражением, казавшимся молодому человеку смесью жалости, презрения и любви.

— Ты как малое дитя, — сказала она наконец. — С твоими титулами, верноподданическими выражениями и прочими узами чести. Но я понимаю, сколько тебе пришлось пережить и как это на тебя повлияло.

— Есть еще кое-что, — заметил Калинтан.

— Вот как?

— Коронал Лорд Гиделон, прежде чем удалиться в свои покои и заняться всеми этими перевоплощениями, назначил меня своим помощником. На следующей неделе он уезжает в Замок, и… естественно, я обязан быть рядом с ним.

Ее изумительные бирюзовые глаза смотрели на него.

— Я родилась в Лабиринте, — сказала Силимэр, — и люблю то, что дорого всем здешним жителям.

— Это твой ответ?

— Нет, — Силимэр покачала головой. — Ответ ты получишь позже. Чтобы привыкнуть к великим переменам, мне требуется гораздо больше времени, чем всем твоим Понтифексам и Корона-

лам. — ...ты *ответила*?

— Потом, — повторила она и, поблагодарив за вино и рассказ, оставила его за столиком.

Немного погодя Калинтан тоже поднялся и устало направился к себе, слыша, как повсюду судачат о новостях. Как гудение комаров над ухом, доносились слова о том, что Ариок теперь Леди, Струин — Понтифекс, Гиделон — Коронал. Он вошел в свою комнату и попытался уснуть, но сон не шел, и он уныло думал, что разлука с Силимэр оказалась роковой для их любви, и что вопреки ее намеку она отвергла его. Но он ошибался, через день она прислала записку, что готова ехать с ним, и когда Калинтан занял свое место в Замке, Силимэр была рядом с ним, как и много лет спустя после того, как он первым приветствовал Коронала Лорда Гиделона. Его пребывание на посту помощника было кратким, но веселым, и он занимался созданием великой дороги к вершине Горы, что носит теперь его имя. И когда в старости он вернулся в Лабиринт уже Понтифексом, то не удивился этому, ибо всю способность удивляться утратил в тот давний день, когда Понтифекс Ариок провозгласил себя Леди Острова Сна.

Пустыня украденных снов

Так легенда об Ариоке, как видел теперь Хиссуне, извратила правду о нем. Искаженный временем Ариок выглядел шутом, капризным клоуном, но, тем не менее, если свидетельство Лорда Калинтана что-нибудь значило, все было совсем не так. Страждущий человек, искавший свободы и обретший ее, а вовсе не клоун и не сумасшедший. Хиссуне, сам угодивший в западню Лабиринта и стремившийся вкусить свежего воздуха внешнего мира, отнесся к Ариоку как к брату по духу.

Довольно долго после этого Хиссуне не подходил к Счетчику Душ.

Проникновение в прошлое оказалось слишком

сильным и болезненным ударом: в сознании оставались какие-то черты характеров Тесме, капитана Эремайла, Синнабора Лавона — так что он с трудом разбирал, кто есть кто.

Помимо всего прочего, ему приходилось заниматься и делами. За полтора года он покончил с налоговыми документами, и так ловко, что ему тут же всучили новую работу в Доме Записей — обзор распределений в группах коренного населения Маджипура. Хиссуне знал, что у Лорда Валентина какие-то затруднения с метаморфами (несколько лет назад произошло жуткое происшествие — заговор метаморфов сверг его с трона), и Хиссуне припоминал, что во время пребывания на вершине Замковой Горы среди сильных мира сего ему довелось услышать о планах Коронала по более полному вовлечению Изменяющих Форму в жизнь планеты, если такое возможно. Хиссуне подозревал, что статистические данные, которые он запрашивал, имеют некое отношение к великой стратегии Коронала, и это доставляло ему искреннее удовольствие.

И заодно давало повод для иронических улыбок, поскольку он был достаточно проницателен, чтобы осознать, что произошло с уличным оборвышем Хиссуне. Этот ловкий и проворный

мальчишка к юности превратился в выучившегося и остепенившегося человека, чиновника, а ведь прошло всего семь лет с тех пор, как на него пал венценосный взор. Да, думал он, четырнадцатилетним навсегда не останешься, пришло время покинуть улицы и стать полноправным членом общества. Но все равно он испытывал некоторое сожаление об утраченном детстве, о том мальчишке, каким был. Правда, кое-что от того проказливого мальчишки до сих пор кипело в нем, только кое-что, но хватало и этого. Еще он вдруг обнаружил, что стал глубоко задумываться над общественным строем Маджипура, над организацией межрасовых политических сил и над понятием, подразумевающим ответственность, над тем, каким образом различные племена сохраняют гармоничный союз. Четыре могущественные силы планеты — Понтифекс, Коронал, Леди Острова Сна и Король Снов, — как, удивлялся Хиссуне, они ухитряются управлять, и хорошо управлять таким огромным и сложным миром? Даже в их глубоко консервативном обществе, где почти ничего не изменилось за прошедшие тысячелетия, гармония власти казалась сверхъестественной, а равновесие сил — неким божественным даром. У Хиссуне не было обычно-

го наставника, не было никого, к кому бы он мог обратиться с просьбой объяснить эту загадку, но зато у него были Считчик Душ и жизни людей прошлого, способные предоставить нужные знания. И потому, вновь подделав пропуск, юноша прошел стражу и начал подбирать ключи, отыскивая в минувшем не просто удивительное или забавное, но и понимание развития политических сил своей планеты. «Каким серьезным молодым человеком ты заделался», сказал он себе, пока разноцветный ослепительный свет пробивался в его сознание душой давно умершего человека.

1

Сувраель, подобно сверкающему мечу, лежал поперек южного горизонта, мерцая и пульсируя от жары. Деккерет, стоявший на носу грузового судна, на котором совершил долгое и утомительное путешествие через море, ощутил, как кровь быстрее заструилась в жилах. Наконец-то Сувраель! Страшное место, отвратительный континент, бесплодная и жалкая земля, до которой осталось еще несколько дней плавания, — кто знает, какие ужасы его там ждут? Но он готов. Деккерет верил, что в Сувраеле, как и на Замко-

вой Горе, что бы ни произошло, все к лучшему. Ему было двадцать лет, он был высок, полноват, с короткой шеей и невероятно широкими плечами. Шло второе лето славного царствования Лорда Престимиона при великом Понтифексе Конфалуме.

Предпринятое путешествие к пылающим водам бесплодного Суврaеля было для Деккерета актом искупления. Охотясь в Болотах Кинтора в далеком северном краю, он совершил серьезный проступок, и какое-то искупление казалось ему необходимым. Он понимал, что жест этот романтичен и рассчитан на публику, но не мог ни простить себя, ни преодолеть. И если не впасть в романтику в двадцать лет, то когда? Конечно, не через десять-пятнадцать лет, когда он будет прикован к колеснице судьбы, уютно устроившись при дворе Лорда Престимиона, где ждет его неизбежная и легкая карьера. А сейчас Суврaель должен очистить его душу, и плевать на последствия!

Его друг, наставник и товарищ по охоте в Кинторе Акбалик так и не смог ничего понять, хотя Акбалик, конечно, не романтик, а кроме того, ему далеко за двадцать. Когда однажды ночью в неприглядной горной таверне после нескольких

фляжек золотистого вина Деккерет объявил о своем решении, Акбалик разразился грубым фыркающим хохотом.

— Сувраель? — выкрикнул он. — Ты осудил себя слишком тяжко. Нет такого вонючего греха, который заслуживал бы прогулки на Сувраель!

Но Деккерет, уязвленный снисходительностью приятеля, медленно покачал головой:

— Зло пятном лежит на мне. Я сниму его с души жарким солнцем.

— Лучше отправляйся в паломничество на Остров Сна и попроси благословенную Леди исцелить твою душу.

— Нет, только Сувраель.

— Почему?

— Я хочу убраться подальше от наслаждений Замковой Горы, — объяснил Деккерет, — хочу сменить самое приятное место Маджипура на мрачную и отвратительную пустыню бешеных ветров. Умерщвление плоти, Акбалик, поможет мне искренне раскаяться. Я хочу чувствовать боль — понимаешь? — до тех пор, пока сам не прощу себя. Вот так.

— Вот так. Но коли ты собрался умерщвлять плоть, будь последователен: предлагаю тебе не снимать ее, пока будешь слоняться под сувра-

ельским солнцем. — И ухмыляющийся Акбалик ткнул пальцем в плотную мантию из черного меха канторов, которую носил Деккерет.

Деккерет расхохотался.

— В умерщвлении тоже не стоит преступать границ, — заметил он и потянулся за вином.

Акбалик был вдвое старше Деккерета и, разумеется, находил его желание смешным, но даже пьяный не отступил.

— Может, я попробую тебя отговорить?

— Бесполезно.

— Это просто пустая трата времени, — тем не менее, продолжал Акбалик. — Перед тобой карьера. Имя твое часто повторяется сейчас в Замке. Лорд Престимион отзывается о тебе как о многообещающем молодом человеке, обладающем характером и обязанном подниматься по служебной лестнице. У тебя все черты самого Престимиона в юности, потому-то он и привечает тебя.

А ты тут, среди полей Кинтора… забудь о Суврaеле, Деккерет, и возвращайся со мной в Замок. Венценосец устроит твое будущее. На Маджипуре сейчас добрые времена, и приятно будет провести их среди сильных мира сего. Кой демон несет тебя на Суврaель? Ведь никто не знает о…

э… твоем грехе?

— Я знаю.

— Ну, пообещай никогда больше не повторять этого, и все.

— Не так-то все просто, — ответил Деккерет.

— Потратить впустую год-два жизни, если вообще не потерять ее в бессмысленном и безумном путешествии…

— Не бессмысленном. И не бесполезном. Все не так, Акбалик. Я связался с людьми Первосвященного и получил официальное назначение. Мне поручено навести кое-какие справки. Не звучит, правда? Последнее время Сувраель не поставляет ни скот, ни мясо, и Понтифекс хочет знать почему. Понимаешь?

Карьера моя не прервется даже теперь, хоть ты и считаешь мою поездку глупостью.

— Значит, ты все уже решил?

— В следующий фодей я отплываю. — Деккерет протянул товарищу руку. — Я уезжаю по меньшей мере года на два. Встретимся на Горе, скажем, года через два, на играх в День Зимы в Верхнем Морпине, хорошо?

Спокойные серые глаза Акбалика с минуту смотрели прямо в глаза Деккерета.

— Я буду там, — медленно произнес он. — Обе-

щаю.

Разговор произошел всего несколько месяцев назад, но Деккерету, ощущавшему знойное дыхание южного континента, доносившееся до него над бледно-зелеными водами Внутреннего Моря, казалось, что это было невероятно давно, а плавание продолжалось нескончаемо долго. Начало путешествия было довольно приятным — спуск по горам к большой провинциальной столице Ни-Мойе, а затем поездка на речной барже вниз по Цимру до портового города Пилиплока на восточном побережье материка. Там он поднялся на борт грузового судна, самого дешевого, которое сумел найти, приписанного к субраельскому городу Толигаю, а потом все долгое лето плыл на юг, на юг, в душной маленькой клетушке, расположенной прямо под сложенными в кипы высушенными детенышами морских драконов. Когда корабль вошел в тропики, дни принесли такую жару, какой он в жизни не видел, да и ночи были не намного лучше, а команда — в основном косматые скандары — посмеивалась и убеждала наслаждаться прохладой, пока можно, потому что настоящая жара будет в Субраеле. Но он жаждал страдания, и хотя желание его было уже с лихвой удовлетворено, покорно ждал худшего.

Деккерет не роптал, хотя жизнь со всеми удобствами среди юных рыцарей Замковой Горы и не подготовила его ни к бессонным ночам с вонью от туш морских драконов, ножом режущей ноздри, ни к одуряющей жаре, обрушившейся на корабль через несколько недель после выхода из Пилиплока, ни к невыносимой скуке неменяющегося морского пейзажа. Маджипур был так невероятно велик, что уже этим доставлял немалые трудности.

Деккерет словно плыл из ниоткуда в никуда. Проехать по родному Алханроелю и добраться до западного берега Цимроеля — уже большое путешествие: баркой от Горы до Алайсора потом морем до Пилиплока и вверх по реке до горных болот. Но то было время, когда рядом находился Акбалик, когда Деккеретом владело возбуждение от первого большого путешествия, от новых мест, новой пищи, непривычного говора. И от предвкушения охотничьих забав. А тут? Тюремная клетка на борту этого грязного скрипучего судна, загруженного сушеным мясом с резким запахом. Нескончаемая череда пустых дней без друзей, без обязанностей, без умных бесед. Хоть бы какой-нибудь чудовищный морской дракон появился, думал он, и оживил плавание. Но нет,

нет, нет — миграция драконов проходит, где угодно, но не здесь. Одно огромное стадо, говорили, находится сейчас в западных водах у Нарабала, а другое — между Пилиплоком и Родамаунтским Архипелагом, и Деккерету не пришлось увидеть ни одного морского дракона. Что же было делать со скукой?

Он страдал, это правда, и страдания бальзамом лились на рану, но все равно осознание того чудовищного поступка, который он совершил в горах, нисколько не уменьшилось. Было жарко, скучно, не было никакой возможности отдохнуть, и к тому же его терзало чувство вины, а он еще и бередил свою рану, отыскивал в себе черты трусости, слабости и глупости, с иронией вспоминая похвальный отзыв о себе самого Лорда Престимиона.

В конце концов, Деккерет пришел к выводу, что душу, должно быть, излечивает нечто большее, чем сырость и скука вперемежку с вонючими ароматами. Во всяком случае, он получил представление об этом, причем предостаточное, и был готов начать следующий этап своего паломничества в неизвестное.

2

Всякое плавание кончается, даже бесконечное. Жаркий ветер с юга усиливался день ото дня до тех пор, пока палуба не раскалилась до такой степени, что по ней невозможно стало пройтись босиком, и скандары чуть ли не ежечасно драили ее швабрами. А потом вдруг пышущая жаром масса закрыла горизонт и распалась на береговую линию и пасть гавани… Они, наконец, добрались до Толигая.

Сувраель лежал в тропиках. Его внутренняя часть была пустыней, угнетающей колоссальной тяжестью сухого мертвого воздуха и опаленной бешеными ветрами, но периферия континента была более-менее населена, и на побережье находились пять основных городов, из которых самым большим и основным в торговле с остальным Маджипуром являлся Толигай.

Когда судно входило в широкую гавань, Деккерета поразила необычность окружающего. За свою недолгую пока жизнь он видел великое множество огромных городов: десяток из пятидесяти на склонах Горы, открытый ветрам Алайсор, изумляющую белыми стенами Ни-Мойю, пыш-

ный Пилиплок и многие, многие другие, — но никогда он не встречал города, выглядевшего столь голубым, таинственным и отталкивающим.

Толигай крабом цеплялся за низкий горный гребень, тянувшийся вдоль моря. Здания были плоскими и квадратными, из обожженного солнцем оранжевого кирпича, с простыми щелями вместо окон и редкими деревцами вокруг, среди которых преобладали жутковатого вида угловатые пальмы с голыми стволами и крошечными лиственными кронами высоко над головой.

Сейчас, в полдень, улицы были почти пусты. Морской ветер сыпал водяные брызги на песок и потрескавшиеся камни мостовой. Деккерету Толигай показался чем-то вроде открытой тюрьмы, грубой и безобразной, или, возможно, городом вне времени, который принадлежал некоему доисторическому народу. Почему кто-то избрал под строительство столь удручающее место?

Ответ, несомненно, заключался в обычной выгоде, и все-таки, невзирая на отталкивающую архитектуру, город, наверное, можно было назвать вызовом жаре и засухе.

По наивности Деккерет считал, что сможет сразу сойти на берег, но это оказалось не так-то

просто. Больше часа судно стояло на якоре в ожидании портовых чиновников — трех мрачных хьортов, которые должны были прибыть на борт. Затем последовали долгий санитарный осмотр, проверка грузовой декларации, долгое препирательство по поводу оплаты стоянки в доке, и, наконец, пассажир сошел на берег.

Носильщик-хайрог подхватил багаж Деккерета и осведомился о названии гостиницы. Деккерет объяснил, что нигде не заказывал место, и поинтересовался, где можно остановиться.

Змееподобное существо с высовывающимся языком и черными мясистыми волосами, извивающимися, как клубок змей, ответило холодно-насмешливым взглядом, сказав:

— Все зависит от платы. Деньги у вас есть?

— Немного. Могу предложить три кроны за ночлег.

— Маловато. На это купишь только соломенный тюфяк да паразитов на стенах.

— Как раз по мне, — сказал Деккерет.

Хайрог, казалось, оторопел, если, конечно, можно представить оторопевшего Хайрога.

— Вам там не понравится, господин. Я по вашему виду вижу, что вы важная персона.

— Возможно. Но у меня тощий кошелек, так что

рискну поспать с клопами.

Но в действительности гостиница оказалась не такой скверной, как он опасался: древняя, убогая, грязная и унылая — да, но таким же выглядело все окружающее, а отведенная комната показалась Деккерету чуть ли не дворцом после корабельной каморки, к тому же в ней не было вони от туш морских драконов — только сухой резкий привкус воздуха Суврaеля, похожий на затхлость осушенной тысячи лет назад фляги с вином. Деккерет дал Хайрогу полкроны, за что не получил обычной благодарности и распаковал свои нехитрые пожитки.

День клонился к вечеру, когда он вышел из гостиницы.

Одуряющий зной почти не спал, но хлесткий режущий ветер дул уже не столь яростно, и на улицах сейчас было больше народу. Город был все так же мрачен — подходящее место для искупления. Деккерет чувствовал отвращение к пустым фасадам кирпичных зданий; с ненавистью глядел на окружающее и скучал по мягкой свежести родного Норморка, раскинувшегося на нижнем склоне Замковой Горы. Почему, удивлялся он, кто-то решил поселиться здесь, когда имеются гораздо более приятные места на континенте?

Что за очерствение души заставляет несколько миллионов маджипурцев бичевать себя ежедневной суровостью жизни в Суврaеле?

Представительство Первосвященного располагалось на пустой и огромной площади, выходящей к гавани. Полученные указания призывали Деккерета побывать там и, несмотря на уже поздний час, он нашел представительство открытым: как оказалось, все жители Толигая проводили день дома, избегая жары и перенося все дела на поздний вечер.

Ему пришлось обождать немного в передней, украшенной большими белыми портретами царствующих Властителей: Понтифекса Конфалума, глядевшего великодушно, но подавляющего своим величием, и молодого Коронала Лорда Престимиона, в чьих глазах светились ум и энергия. Маджипур расцвел под его правлением, подумал Деккерет. Еще мальчишкой он видел Конфалума, тогда Коронала, чей двор находился в красивейшем городе Бомбифале на вершине Горы. Деккерет помнил, как ему хотелось кричать от радости при виде спокойного, излучающего силу Коронала. Несколько лет спустя Конфалум стал Понтифексом и переселился в подземные тайники Лабиринта, а Престимион был избран

Короналом. Он совершенно не походил на прежнего Властителя: в равной степени производящий впечатление, он отличался более стремительной, энергичной силой. Во время грандиозного шествия по Пятидесяти Городам Горы он углядел в Норморке юного Деккерета и приблизил его к себе. В той поездке к нему присоединилось много рыцарей, обучавшихся в Высших Городах.

Эпохальным событием казались Деккерету великие перемены в его жизни, наступившие с той поры. В восемнадцать лет ему выпал фантастический шанс подняться за один день к трону Коронала, а затем… затем был злополучный отдых в горах Цимроеля, и теперь, когда ему едва минуло двадцать, он нервничал в пыльном вестибюле представительства Первосвященного в скучном городе мрачного Суврaеля и испытывал ощущение, что у него вообще нет будущего, а только бесплодная череда бессмысленных лет.

Невысокий и пухлый, раздраженный хьорт появился в дверях и объявил:

— Старший Управляющий Колатор Ласгия сейчас вас примет.

Титул был звучным, но владельцем его оказалась стройная темнокожая женщина не старше Деккерета, которая внимательно оглядела его

большими ласковыми глазами. Она небрежно сделала знак Первосвященности, отвечая на приветствие, и приняла верительные грамоты.

— Инитэйт Деккерет, — прочитала она вслух. — Поручено расследовать и навести справки… подразумевает… провинция Кинтора… так… Я не понимаю, Инитэйт Деккерет, вы на службе у Коронала или у Понтифекса?

— Я служу Лорду Престмиону, но когда был в Кинторской провинции, у Службы Первосвященного возникла нужда в человеке для расследования кое-чего в Суврaеле, а потом местные официалы узнали, что я все равно собираюсь сюда, и сделали мне предложение, хоть я и не отношусь к службе Понтифекса…

С легким шлепком бросив бумаги Деккерета на крышку стола, Колатор Ласгия перебила его сбивчивые объяснения вопросом:

— Вы все равно собирались сюда? Можно узнать, зачем?

Деккерет вспыхнул:

— Это мое личное дело, если позволите.

— А какие дела, — продолжала она, — вызвали к Суврaелю столь пристальный интерес моих братьев из Кинтора? Или мое любопытство и в данном случае неуместно?

Деккерет почувствовал себя неуютно.

— Это связано с дисбалансом в торговле, — ответил он, с трудом выдерживая ее холодный пронзительный взгляд. — Кинтор является производственным центром и поставляет свою продукцию в Суврaель в обмен на скот; последние два года поставки блавов и маунтов из Суврaеля неуклонно снижались, и сейчас экономику Кинтора трясет. Производственникам трудно оказывать Суврaелю такой большой кредит.

— Для нас это не ново.

— Необходимо осмотреть здешние пастбища, — сказал Деккерет. — Необходимо также сделать все возможное, чтобы поставки скота увеличились как можно скорее.

— Хотите вина? — внезапно предложила Колатор Ласгия.

Деккерет по традиции считался с гостеприимством; пока он что-то невнятно бормотал, женщина достала две фляжки золотистого вина, ловко сорвала пробки и протянула одну Деккерету. Вино было холодным и ароматным.

— Вино из Кинтора, — заметила женщина. — Что касается дисбаланса в торговле Суврaеля, Инитэйт, ответ в том, что в последний год правления Понтифекса Принкипина Суврaель поразила

страшная засуха. Вы спросите, какая разница между засушливым годом и обычным? Разница есть, Инитэйт, и значительная — от засухи пострадали округа, где выращивают скот, так что у нас не было возможности его прокормить, и пришлось забить столько, сколько смог принять рынок, а большую часть оставшегося продать фермерам восточного Цимроеля. Немного времени спустя — как раз, когда Лорд Конфалум перебрался в Лабиринт — снова пошли дожди, и в саваннах начали расти травы, но на восстановление поголовья потребуется несколько лет. Потому-то торговый дисбаланс и продолжался так долго, но теперь, смею вас уверить, все входит в норму. — Она холодно улыбнулась. — Я рада, что могу уберечь вас от неудобств неинтересной поездки во внутренние округа.

Деккерет вдруг почувствовал, что весь покрылся потом.

— Как бы там ни было, Старший Управляющий, я обязан побывать на пастбищах.

— Вы не узнаете больше того, что я вам сейчас сказала.

— Не хочу показаться непочтительным, но в моем поручении особо подчеркнуто, чтобы я проверил все лично.

— Поездка на пастбища, — заметила Колатор Ласгия, — доставит вам много хлопот, не говоря уже об обычных физических неудобствах и опасностях. На вашем месте я бы осталась в Толигае, пользовалась бы удовольствиями, которые тут имеются, и занималась личными делами, приведшими вас на Сувраель, а по прошествии времени проконсультировалась бы в нашем представительстве и написала отчет об инспекции, после чего вернулась бы в Кинтор.

В Деккерете мгновенно расцвели подозрения. Филиал представительства, в котором она служила, не всегда сотрудничал со службой Коронала, к тому же она довольно прозрачно намекнула на что-то, происходящее на Сувраеле; хотя поручение было всего лишь предлогом для его поездки сюда, он все-таки хотел и в дальнейшем продвигаться по службе, а если позволить Старшему Управляющему Понтифекса легко надуть себя, это впоследствии могло обернуться дурной услугой. Теперь он пожалел, что согласился выпить вина, но, скрывая смущение, сделал несколько учтивых глотков и сказал:

— Честь не позволяет мне воспользоваться вашим советом.

— Сколько вам лет, Инитэйт?

— Я родился на двадцатый год царствования Лорда Конфалума.

— Тогда понятно, что ваше чувство чести еще обострено. Пойдемте, взглянем на карты. — Она резко встала, оказавшись выше, чем он ожидал, почти его роста. Черные и густые завитки волос испускали тонкий аромат, пробивавшийся даже сквозь сильный винный запах. Она коснулась стены, и карта Суврaеля в бриллиантовой оправе появилась перед глазами.

— Вот Толигай, — сказала женщина, постучав по северо-западному углу континента. — Выпас скота здесь. — Она указала на ленту, начинавшуюся в шести-семи милях от берега и кольцом огибавшую пустыню в сердце Суврaеля.

— Из Толигая, — продолжала она, — к пастбищам ведут три дороги. Вот одна из них. В данное время она разрушена песчаными бурями, и безопасно двигаться по ней невозможно. Вот — вторая. Здесь у нас кое-какие затруднения с Изменяющими Форму, и она также закрыта для путников. Третья находится здесь, у Кавагского Прохода, но этой дорогой не пользуются уже давно, и рука огромной пустыни начинает вторгаться сюда. Теперь вы видите сами.

Деккерет произнес как можно мягче:

— Но если все дороги между выпасами и основным портом Суврaеля разрушены, действительно ли недостаток пастбищ подлинная причина прекращения поставок скота?

Женщина засмеялась.

— Есть ведь и другие порты, откуда корабли вывозят продукцию.

— Следовательно, если я попаду в такой порт, то оттуда смогу добраться до пастбищ?

Она вновь постучала по карте.

— В прошлом году центром экспорта скота стал порт Нати-Корвин. Но он расположен на востоке, в шести тысячах миль отсюда.

— Шесть тысяч миль…

— И торговых связей между Нати-Корвином и Толигаем почти нет. Примерно раз в год корабль ходит из одного города в другой; а с наземными путями дела обстоят еще хуже, чем с дорогами до выпасов: от Толигая пришлось бы добираться до Кэнгиза, — она показала городок, отстоящий от Толигая на пару тысяч миль, — а дальше — кто знает? Континент наш негусто заселен.

— Получается, что возможности добраться до Нати-Корвина нет? — с удивлением заключил Деккерет.

— Почему же? Одна есть. Нужно лишь сесть на

корабль до Стоена в Алханроеле, а уж оттуда добираться до Нати-Корвина. Это займет не больше года. К тому времени, когда вы снова доберетесь до Суврaеля, неувязки, которые вы прибыли расследовать, скорее всего прекратятся. Еще вина, Инитэйт?

Он с трудом заставил себя взять фляжку. Услышанное поразило его. Еще один вояж через Внутреннее Море?! Проделать обратный путь до родного Алханроеля только за тем, чтобы в третий раз перебраться через океан, уже к противоположной оконечности Суврaеля, и, вероятно, узнать, что тем временем дороги в глубь страны закрылись и там? Нет, нет! Искупление не заходило так далеко. Лучше уж вообще не заниматься делом, чем согласиться на такую нелепость. Пока он колебался, Колатор Ласгия сказала:

— Час поздний, а ваши дела необходимо подробно обсудить. Отобедаете со мной, Инитэйт?

И ее поразительные темные глаза внезапно заблестели.

В компании Старшего Управляющего Колатор Ласгии Деккерет открыл, что жизнь в Толигае не так уж мрачна и уныла, как показалось ему с первого взгляда. Она отвезла его на флотере в гостиницу — он заметил ее отвращение к этому

«отелю» — и предложила отдохнуть, выкупаться и быть готовым через час.

Сгущались медные сумерки, и за какой-то час небо стало совершенно черным, испятнанным немногочисленными чужими созвездиями да светлым полумесяцем у горизонта — слабым намеком на одну из лун.

Колатор Ласгия заехала за ним в точно назначенное время. Взамен официальной туники она надела что-то вроде сетки, и выглядела очень соблазнительно.

Деккерет немного удивился: он пользовался успехом у женщин, но, насколько помнил, ничем не дал понять, будто интересуется ею — ничего, кроме обычного уважения, и тем не менее ее одежда явно предполагала ночную близость? Почему? Очевидно, не из-за его неотразимых умственных и физических данных; да и никаких политических выгод она от него не могла получить! Оставалось одно — жизнь местных обитателей была унылой и скучной, а он был молодым странником, который мог своей юностью развлечь молодую женщину. Он понимал, что его используют, но не находил в этом ничего дурного. После стольких месяцев, проведенных в море, он и сам был не прочь получить удовольствие.

3

Они обедали в саду какого-то ресторана на окраине города, красиво и столь обильно украшенном знаменитыми живыми растениями Стоензара и прочими цветущими чудесами, что Деккерет невольно начал прикидывать, сколько скромных водных запасов Толигая используется для поддержания этой роскоши.

За остальными, довольно удаленными друг от друга столиками сидели сувраельцы в красивых нарядах, и Колатор Ласгия кивала то одному, то другому, но к ним никто не подошел, хотя многие с любопытством разглядывали Деккерета. Здесь же стояло небольшое одноэтажное здание, изнутри которого тянуло прохладой, словно там работала некая удивительная и непонятная машина древних, сестра тех, что создавали восхитительную атмосферу Замковой Горы.

Деккерет наслаждался прохладой впервые за много недель. Превосходный обед состоял из слегка ферментированных фруктов и нежных, сочных спинок бледно-зеленых рыб вкупе с отличным сухим вином из Амблеморна, способным украсить стол и в покоях Коронала.

Женщина много и непринужденно пила, и Деккерет следовал ее примеру.

Глаза их оживились, заблестели, холодность официального разговора в представительстве исчезла. Он узнал, что она уже десять лет возглавляет здешнее отделение, что сама она уроженка влажного и буйного Нарабала на западном континенте, на службу Понтифекса поступила еще девочкой и живет в Субраеле уже десять лет.

— Вам здесь нравится? — спросил Деккерет.

Она пожала плечами.

— Можно привыкнуть ко всему.

— Сомневаюсь, чтобы я смог. Для меня Субраель что-то вроде чистилища.

Колатор Ласгия кивнула:

— Точно.

Глаза ее на мгновение вспыхнули. Деккерет не решился спросить ее, но что-то подсказывало ему, что у них много общего. Он вновь наполнил чаши и позволил себе дразняще-холодную понимающую улыбку.

— Вы ищете здесь очищения? — спросила она.

— Да.

Она обвела рукой сад, фляжки с вином, блюда с недоеденными деликатесами.

— Не скажу, чтобы вы выбрали удачно.

— Обед с вами не входил в мои планы.

— В мои тоже, но, благодаря Дивин, все вышло так, а не иначе. — Она наклонилась поближе. — Что вы будете делать? Отправитесь в Нати-Корвин?

— Не знаю. Честно говоря, меня не прельщает столь тяжелая поездка.

— Тогда послушайтесь моего совета: до поры до времени оставайтесь в Толигае, а после напишите отчет. По-моему, это самое разумное.

— Нет. Я должен ехать.

На ее губах появилась насмешка.

— Какое трудолюбие! Только как это сделать? Дороги закрыты.

— Вы упоминали о Кавагском Проходе. По-моему, это лучше, чем бандиты и песчаные бури. Попробую нанять караван, вернее, проводника.

— В пустыню?

— Если придется.

— Что же, пустыню посещают довольно часто, — усмехнулась Колатор Ласгия. — Только лучше выбросьте эту затею из головы.

— Спасибо, не могу.

— Хорошо. Мы пойдем куда-нибудь?

Выходя из прохладного сада на душную улицу, Деккерет ощутил что-то вроде шока — настолько

резким оказался контраст между жарой и прохладой за столом.

Но быстро усевшись во флотер, они скоро очутились в другом саду. Здесь не было погодной установки, но имелся бассейн, и, сбросив одежду, женщина устремилась в его прохладу.

Потом они лежали в объятиях на постели из травы, и он падал куда-то, а когда снова выбрался наружу, солнце уже висело в небе.

Он повернулся к женщине и, вспомнив ее вчерашние слова, спросил:

— Расскажи мне об этой пустыне. Там что, являются духи?

— Не смейся.

— Хорошо. Но все-таки?

— Там призраки вторгаются в сны и похищают их. Похищают из души радость, оставляя только страх. А днем поют, завлекая, и уводят в пустыню своей музыкой.

— И в это верят?

— Многие, вошедшие в пустыню, погибли.

— Хм… Крадущие сны призраки!

— Не смейся, — повторила она.

— Будет о чем рассказать, когда вернусь в Замок.

— Если вернешься.

— Но ты же говоришь, погибают не все?

— Да. Но только когда идут большие караваны.

— Ну, я — то пойду один.

— Ты погибнешь. — Она прижалась к нему, поцеловала в плечо. — Забудь о пустыне и останься здесь.

— Нет.

Деккерету не верилось в рассказы о призраках. Он уже принял решение.

Бедра Колатор Ласгии прижались к его бедрам, и он забыл обо всем.

Потом они наскоро окунулись в бассейн, и она привезла его в свой дом, где угостила завтраком из фруктов и вяленой рыбы.

Внезапно, когда время уже близилось к полудню, женщина спросила:

— Ты *должен* ехать? Но почему?

— Я не могу объяснить, но это нужно мне самому.

— Хорошо. В Толигае есть один негодяй, который частенько рискует забираться в глубь Кавагского Прохода и оставаться в живых, то есть это он так заявляет. Если набить его ройялами, он, несомненно, согласится стать проводником. Его зовут Барьязид, и если ты не передумаешь, я свяжусь с ним и попрошу помочь тебе.

4

«Негодяй» подходило к Барьязиду в самый раз. Это был тщедушный на вид, не заслуживающий уважения коротышка в старом коричневом плаще, рваной одежде и поношенных кожаных сандалиях. На шее у него болталось старинное, неудачно подобранное ожерелье из костей морского дракона. Губы его были тонкими, глаза лихорадочно блестели, кожа загорела до черноты под солнцем пустыни. На Деккерета он смотрел с таким видом, будто прикидывал тяжесть его кошелька.

— Если я соглашусь взять вас с собой, — проговорил он абсолютно невыразительным голосом, — то первым делом вы дадите мне обязательство, освобождающее меня от всякой ответственности перед вашими наследниками даже за вашу гибель.

— У меня нет наследников, — заметил Деккерет.

— Значит, перед родственниками. Я не желаю, чтобы меня притягивали к ответу служба Понтифекса, ваш отец или старшая сестра, потому что вы сгинули в пустыне.

— Разве вы сами сгинули в пустыне?

Барьязид, казалось, был сбит с толку.

— Нелепый вопрос.

— Вы несколько раз ходили в пустыню, — сказал Деккерет, — и возвращались живым. Так? Стало быть, если вы знаете свое дело, то выберетесь живым и на этот раз. То же и со мной: если я погибну, вы погибнете тоже, и у моей семьи претензий к вам не возникнет.

— Да, но я могу противостоять похитителям снов, — сказал Барьязид. — Все это я уже проверил и испытал. Вам же необходимо осознать, с чем придется столкнуться.

Деккерет нанимал Барьязида на службу, попивая напиток из какого-то сильнодействующего сока кустарника барханой. Они сидели на корточках на выдубленных шкурах чаусов в заплесневелой задней комнатушке торговой лавки, принадлежащей племяннику Барьязида. Очевидно, семья — или клан — Барьязидов была велика. Деккерет машинально отхлебывал напиток крошечными глотками. Потом спросил:

— А кто они — похитители снов?

— Не могу сказать.

— Случаем, не Изменяющие Форму?

Барьязид пожал плечами.

— Они не лезли ко мне со своей родословной. Изменяющие Форму, Хайроги, врооны, люди — откуда я знаю? Очень похоже на голоса во сне. Да, в пустыне определенно есть племена Изменяющих Форму, которые живут свободно, и кое-кто из этого рассерженного народа наверняка таит злые умыслы. Вполне возможно, они владеют искусством проникновения в сознание… Ну, вроде как изменяют свои тела. А может, и нет…

— Хм, если две из трех дорог Толигая перекрыли Изменяющие Форму, войскам Коронала здесь есть работа.

— Это не мое дело.

— Изменяющие Форму — покоренное племя, и нельзя позволить им нарушать нормальную жизнь Маджипура.

— Но вы только предполагаете, что похитители снов — это Изменяющие Форму, — кисло заметил Барьязид. — Сам я в этом вовсе не уверен. Да мне и не важно, кто такие похитители снов. Важно лишь, что благодаря им земля за Кавагским Проходом опасна для путников.

— Тогда почему вы идете?

— Вряд ли я когда-нибудь сумею ответить на такой вопрос, — пробормотал Барьязид. — Иду, потому что есть причины. Но я не похож на дру-

гих, и вернусь живым.

— А кто-нибудь еще сумел выйти из пустыни живым?

— Сомневаюсь. Вернее, не знаю. Как не знаю и того, сколько погибло с тех пор, как мы впервые услышали о похитителях снов. Даже в лучшие времена пустыня была опасна. — Барьязид помешал напиток. — Раз вы идете со мной, я защищу вас, как сумею. Но гарантировать безопасность я не могу, и потому прошу дать мне расписку, освобождающую от ответственности.

— Если я оформлю такую бумагу, она будет чем-то вроде разрешения на мою смерть. Что тогда помешает вам прикончить меня через десять минут после выхода из города, ограбить мой труп и свалить все на похитителей снов?

— Клянусь Леди, я не убийца! Я даже не вор!

— Вполне возможно, но бумага, гласящая, что в моей гибели никто не виноват, может и совершенно честного человека заставить перешагнуть через все моральные препоны.

Глаза Барьязида вспыхнули от ярости. Он сделал такой жест, словно намеревался оборвать разговор.

— Ваша дерзость переходит всякие границы, — буркнул он, вставая и отодвигая чашку. — Ищите

себе другого проводника, коли так боитесь меня.

Деккерет, продолжая сидеть, спокойно ответил:

— Я сожалею о своих предположениях и прошу видеть в моей позиции только точку зрения путешественника по дальней и совершенно чужой стране, который настойчиво ищет помощи от абсолютно незнакомого человека, ведущего его в место, где происходят непостижимые вещи. Приходится быть осторожным.

— Если сильно осторожничать, лучше нанять корабль до Стоена и вернуться к легкой жизни Замковой Горы.

— Я снова прошу вас быть моим проводником. За хорошую плату, но без этого дурацкого похоронного свидетельства. Во сколько вы оцениваете свои услуги?

— Тридцать ройялов, — ответил Барьязид.

Деккерет громко хмыкнул, словно получил удар под дых. Цена оказалась чуть меньше стоимости проезда от Пилиплока до Толигая. Тридцать ройялов годовой заработок для таких, как Барьязид. Чтобы расплатиться, Деккерету придется подписать долговое обязательство. Первым его порывом было презрительно отказаться и предложить десять ройялов, но он тут же понял, что

лишится тогда всякого преимущества в торговле за расписку, освобождающую проводника от ответственности. Если же начать скаредничать, Барьязид просто закончит разговор. И Деккерет произнес:

— Так и быть. Но без письменного обязательства.

— Хорошо, без обязательства, раз вы настаиваете.

— Как будем расплачиваться?

— Половину сейчас, половину — утром перед отъездом.

— Десять ройялов сейчас, — бросил Деккерет, — и десять при отъезде.

Последние десять по возвращении в Толигай.

— Тогда треть моего заработка будет условной, зависящей от того, выживете ли вы в поездке. Помните, что я не могу вам этого гарантировать.

— Что ж, возможно, мое выживание станет более вероятным, если я придержу треть платы до конца поездки.

— Да, от рыцаря Коронала следовало ожидать надменности. Мы почему-то не слишком доверяем друг другу. Вряд ли совместное путешествие доставит нам удовольствие.

— Я не имел в виду ничего непочтительного, —

заметил Деккерет.

— Вы хотите отдать меня на милость вашей семьи, если вы погибнете, а сами смотрите на меня, как на обычного головореза или в лучшем случае разбойника, и ощущаете потребность расплачиваться так, чтобы у меня возникло как можно меньше соблазнов вас прикончить! — со злобой выпалил Барьязид. — По-моему, юный рыцарь, даже скандары, охотники на морских драконов, гораздо вежливее. А ведь я вовсе не стремлюсь наниматься к вам на службу, не собираюсь унижаться, помогая вам, и…

— Подождите.

— У меня есть еще дела.

— Пятнадцать ройялов сейчас, — предложил Деккерет, — и пятнадцать, когда выступим.

— Вы действительно думаете, что я убью вас в пустыне?

— Я излишне подозрителен только потому, что не хочу показаться слишком наивным, — усмехнулся Деккерет. — Разумеется, все сказанное мною нетактично. Приношу свои извинения и прошу вас поступить ко мне на службу.

Барьязид молчал.

Деккерет вытащил из кошелька три пятиройяловые монеты. Две были старой чеканки с

портретами Понтифекса Принкипина и Лорда Конфалума, на третьей, блестящей и новенькой, были выгравированы профили Конфалума, теперь уже Понтифекса, и нового Коронала Лорда Престимиона на обратной стороне.

Деккерет протянул деньги Барьязиду. Тот выбрал блестящую монету и с любопытством осмотрел ее.

— Таких я еще не видел, — произнес он. — Звать племянника, чтобы определить, настоящая она или нет?

Это было слишком.

— Вы считаете меня заезжим фальшивомонетчиком! — взревел Деккерет, вскакивая на ноги и нависая над тщедушным человечком. Ярость клокотала в нем, он шагнул вперед и замахнулся.

И только тут до него дошло, что лицо Барьязида осталось совершенно спокойным и бесстрастным. Он улыбнулся и взял две оставшиеся монеты из трясущейся от гнева руки Деккерета.

— Выходит, вам тоже не по нутру беспочвенные обвинения, юный рыцарь? засмеялся Барьязид. — Итак, договорились. Вы больше не ждете, что я убью вас за Кавагским Проходом, а я не стану отправлять ваши деньги на проверку.

Деккерет устало кивнул.

— Но как бы там ни было, путешествие действительно рискованное, продолжал Барьязид, — и уповать на безопасное возвращение не стоит.

— Пусть так. Когда выезжаем?

— На закате, в файвдей. Из города выйдем через Врата Пинитора. Вы знаете, где это?

— Найду, — кивнул Деккерет. — Значит, файвдей, на закате. — И он протянул коротышке руку.

5

Файвдей наступил через три дня. Деккерет не жалел о задержке — она дарила ему четыре ночи с Колатор Ласгией. Вернее, так думал он, но вышло по-иному. В представительстве, куда Деккерет зашел вечером после разговора с Барьязидом, не оказалось ни ее, ни записки, и долго еще он, расстроенный, бродил по городу. В конце концов вернулся к себе и перекусил пресной и абсолютно безвкусной едой, все еще надеясь, что Колатор Ласгия вдруг возникнет в дверях и мгновенно унесет его отсюда. Но она не появилась. Спал он беспокойно и тяжело, его преследовали воспоминания о ее гладкой коже, небольших твердых грудях, жадных чувственных губах. А на рассвете пришел сон, неясный и непонятный, в котором

она, Барьязид и какие-то хьорты с вроонами исполняли сложный танец в лишенных крыши, занесенных песком каменных развалинах, после которого Деккерет погрузился в здоровый сон и проспал до полудня сидей, когда весь город уже укрылся от палящего зноя.

Позднее, в более прохладные часы, он вновь прогулялся до представительства и, снова не найдя ее, скоротал вечер так же бесцельно, как и предыдущий. Ложась спать, он возбужденно просил Леди Острова Сна послать ему образ Колатор Ласгии. Но Леди далека от подобных вещей, и в эту ночь он получил только обычный успокаивающий и ободряющий сон возможно, дар благословенной Леди, а возможно, и нет, — в котором пребывал под соломенной крышей хижины на берегу Великого Моря под Тил-Омоном и откусывал маленькие кусочки от сладкого багряного фрукта, а брызжущая струя сока окрашивала его щеки.

Проснувшись, он нашел поджидавшего за дверью хьорта из службы представительства, пригласившего его навестить Колатор Ласгию.

Вечером они пообедали вместе и снова отправились к ней на виллу, где провели ночь любви, накинувшись друг на друга, словно не виделись

несколько месяцев.

Деккерет пока не спрашивал, почему она не встречалась с ним две минувшие ночи, но когда, энергичные и свежие, несмотря на бессонную ночь, они завтракали, сидя на мягкой шкуре гихорны, запивая блюда золотистым вином, она сказала:

— Как бы я хотела быть с тобой всю неделю! Но, по крайней мере, мы хоть последнюю ночь смогли провести вместе, и теперь ты отправишься в Пустыню Украденных Снов с моими поцелуями на губах. Заставила я тебя забыть остальных женщин?

— Ты знаешь ответ.

— Это хорошо. Ведь ты, может быть, уже никогда не познаешь женщину, зато твоя последняя женщина была самой лучшей, а это посчастливилось немногим.

— Ты настолько убеждена, что я погибну в пустыне?

— Оттуда возвращались очень немногие, — ответила она. — Шансов снова увидеть тебя у меня очень мало.

Деккерет вздрогнул — не от страха, просто он понял, что двигало Колатор Ласгией: две ночи она избегала его, а третью наполнила ненасытными

ласками потому, что верила, будто он вскоре погибнет, и испытывала особое удовольствие быть его последней женщиной. Хотя, если он скоро погибнет, ей следовало провести с ним и две предыдущие ночи, но, очевидно, подобные тонкости лежали за пределами ее понимания. Он учтиво попрощался, не зная, встретятся ли они снова, даже если он захочет: слишком много загадочной и опасной непостоянности таилось в ней.

Незадолго до заката он был у Врат Пинитора в юго-восточной части города. Он не удивился бы, расторгни Барьязид их соглашение, но нет, флотер уже ждал за изрытым оспинами песчаником старых ворот, и маленький человечек стоял, облокотившись о корпус у места водителя. Его сопровождали трое: вроон, скандар и худощавый юноша, очевидно, сын.

Повинуясь жесту Барьязида, четырехрукий гигант скандар забрал у Деккерета два прочных мешка, пробил их ярлыком и поставил в багажник флотера. До Деккерета внезапно дошло, что это не скандар, а скандарша.

— Ее зовут Кэймак Грэп, — представил ее Барьязид. — Говорить она не может, но далеко не глупа. Она служит у меня много лет, с тех пор, как

я подобрал ее в пустыне полумертвую и с отрезанным языком. Вроона зовут Серифэм Рейнэлион, и он частенько много болтает, зато знает тропинки в пустыне лучше кого бы то ни было в городе.

Деккерет обменялся кратким приветствием с маленьким существом, сплетавшим и расплетавшим свои щупальца.

— А это мой сын — Динитак, он также будет сопровождать нас, — закончил Барьязид. — Хорошо отдохнули, Инитэйт?

— Вполне, — ответил Деккерет. Он проспал большую часть дня после бессонной ночи.

— Двигаемся мы в основном по ночам, — продолжал Барьязид, — а днем, в самое пекло, устраиваем привал. Итак, я должен провести вас через Кавагский Проход и Пустыню Украденных Снов до начала пастбищ вокруг Кэзиг Кора, где вам нужно навести какие-то справки у пастухов, и вернуться с вами в Толигай, так?

— Да, — кивнул Деккерет.

Однако Барьязид не сделал никакого движения, чтобы сесть во флотер.

Деккерет нахмурился, но затем понял. Он вынул из кошелька три большие пятиройяловые монеты — две старой чеканки и третью — блестящую монету Лорда Престимиона — и подал

Барьязиду, который отделил новую монету и протянул сыну.

— Новый Коронал, — сказал Барьязид. — Знакомься. Теперь часто будешь видеть его лицо.

— И царствие его будет славным, — заметил Деккерет. — Он превзойдет величием даже Лорда Конфалума. Грядет волна нового процветания северного континента: Лорд Престимион — человек энергичный и решительный, с честолюбивыми планами.

Барьязид сказал, пожав плечами:

— Происходящее на северном материке значит здесь очень мало, и едва ли процветание Алханроеля или Цимроеля будет иметь значение для Суврaеля. Но мы рады, что Дивин благословила нас новым добрым Короналом. Может, он будет иногда вспоминать, что есть земля на юге, где живут его подданные.

Ладно, отправляемся, время настало.

6

Врата Пинитора четко разделяли город и пустыню: с одной стороны район безликих невысоких вилл, окруженных стенами, с другой — бесплодная пустошь за городским периметром. Ничто

не нарушало пустоту пустыни, кроме дороги широкого, вымощенного булыжником тракта, который неторопливо вился вверх к гребню горной цепи, окружавшей Толигай.

Жара была нестерпимой. Правда, к ночи в пустыне стало заметно прохладнее, но все равно палило до изнеможения. Хотя огромное пылающее око солнца скрылось, оранжевые пески, излучая накопленный за день жар, мерцали и шипели с напряженностью раскаленной печки. Дул сильный ветер. С наступлением темноты Деккерет заметил, что направление ветра изменилось он дул теперь из сердца континента, но разница между морским и береговым ветром оказалась невелика: оба являли собой потоки сухого раскаленного воздуха, не приносящего облегчения.

В чистой сухой атмосфере свет звезд и лун был необычайно ярок. Так же хорошо различалось странное призрачно-зеленоватое сияние, поднимавшееся с откосов по сторонам дороги, и Деккерет заинтересовался им.

— Это от растений, — объяснил вроон. — Они светятся в темноте внутренним светом. Между прочим, прикосновение к такому растению всегда болезненно, а зачастую и смертельно.

— А как их отличать при дневном свете?

— Они похожи на куски старой веревки, измочаленной погодой, и растут связками в расщелинах скал. Правда, не все растения такой формы опасны, но вы лучше сторонитесь всех.

— Да, всех остальных тоже, — поддержал вроона Барьязид. — Растения в пустыне хорошо защищены, иной раз самым неожиданным образом. Каждый год наш сад преподносит нам какую-нибудь новую неожиданность.

Деккерет кивнул. Он не собирался тут прогуливаться, но если придется, он возьмет за правило не дотрагиваться ни до чего.

Флотер был старым и тихоходным, что особенно проявлялось на крутой дороге; он не спеша катил через светлую ночь. Между собой спутники почти не разговаривали. Скандарша вела машину, вроон устроился подле нее и время от времени делал замечания о состоянии дороги. В заднем отделении молча сидели оба Барьязида, предоставив Деккерету в одиночестве рассматривать нарастающую мрачность адского пейзажа. Земля казалась взломанной немилосердными ударами солнца. Влага всосалась в нее давным-давно, оставив после себя угловатые трещины. Поверхность покрывалась рябью в тех местах,

где непрерывные ветры сдували песок. Низкие разбросанные растения были самой разнообразной формы. Все казалось исковерканным, скрученным и шишковатым. К жаре Деккерет постепенно привыкал, но омертвелое безобразие всего увиденного, грубая заостренность всеобщей бесплодности заставляла душу цепенеть. Ненавистный пейзаж был для него внове, почти непостижим.

Где он ни бывал на Маджипуре, он видел только красоту. Он вспомнил родной Норморк, раскинувшийся на склонах Горы, с изгибающимися бульварами, удивительно красивыми стенами и мягкими полуночными дождями, подумал о расположенном еще выше гигантском городе Сти, где он однажды гулял на рассвете в саду с деревьями высотой по колено и листьями ярко-зеленого цвета, которые слепили глаза. Ему вспомнился Верхний Морпин, мерцающее чудо, целиком отданное удовольствиям, раскинувшийся почти в тени внушающего благоговение Замка Коронала на вершине Горы, суровая лесная дикость Кинтора и ослепительно-белые башни Ни-Мойи, и душистые луга долины Глайда — как прекрасен мир, сколько таит он чудес, и как ужасно место, в котором он теперь очутился.

Деккерет сказал себе, что должен пересмотреть свои критерии и оценить красоту этой пустыни, пока она не парализовала все его чувства. Отыскать красоту в угрожающей угловатости окружающего, в истрепанных растениях, сияющих бледно-зеленым светом по ночам; найти красоту в острой, грубой бесплодности. Что такое красота, спросил себя Деккерет, если не познание увиденного? Почему луг гораздо красивее голой пустыни? Говорят, красота зависит от взгляда смотрящего, поэтому перевоспитывай свои глаза, человек, чтобы безобразие этой земли не убило тебя.

Он попытался заставить себя полюбить пустыню, выбросил из головы такие слова, как «бесплодность», «мрачность», «отталкивающий», словно выдирал когти дикого зверя, и приказал себе смотреть на окружающий пейзаж, как на мягкий и утешительный, заставляя себя восхищаться четкими пластами незащищенных каменных граней и огромными выемками высохших водоемов, вызывая в себе восторг от истрепанного, избитого ветрами кустарника. С уважением поглядывал он на небольших зубастых тварей, время от времени перебегающих дорогу. И чем дальше продвигался флотер, тем ме-

нее ненавистной становилась для него пустыня. Затем он стал равнодушен к ней, наконец поверил, что действительно видит в ней красоту, а за час до рассвета вообще перестал думать об этом.

Утро пришло внезапно: копье оранжевого света пробило стену гор с запада, ярко-красная огненная ветвь поднялась над противоположным краем горной цепи, а следом солнце, чей желтый лик оказался чуть более окрашенным бронзово-зеленым цветом, чем в северных широтах, вспыхнуло в небе, как взлетевший шар. И в тот же миг Деккерета пронзила острая боль воспоминаний о Колатор Ласгии: ему нестерпимо захотелось узнать, где и с кем встречает она рассвет, и, отгоняя эту мысль, он повернулся к Барьязиду.

— Ночь прошла без призраков. Или в этой части пустыни они не появляются?

— Они появляются за Кавагским Проходом, — отозвался маленький человек, — там, где начинаются настоящие трудности.

Первые часы нарождавшегося дня они продолжали ехать. Динитак наспех соорудил грубое подобие завтрака из сухарей и кислого вина. Закусив, Деккерет оглянулся назад и увидел величественное зрелище: земля заворачивалась

под ними гигантским рыжевато-коричневым фартуком, на котором четко отпечатались поля, трещины и Толигай, еле видимый далеко внизу, на самом дне, с примыкающей к нему обширностью моря. Небо было безоблачным, и синеву его усиливал терракотовый оттенок почвы, так что само небо казалось вторым морем над головой. Уже наваливалась жара. К середине утра она охватила все, но была еще терпимой, и скандарша бесстрастно продолжала вести флотер дальше к вершинам гор. Деккерет время от времени задремывал, но в судорожно дергавшемся флотере уснуть было невозможно. Неужели они будут ехать весь день? Он не спрашивал. Но как только усталость сделалась невыносимой, Кэймак Грэп развернула флотер влево, к небольшому тупичку дороги, и остановила машину.

— Первая дневка, — объяснил Барьязид.

Там, где кончался тупичок, высокий бок скалы возвышался над дорогой, образуя нечто вроде ниши, перед которой, защищенное тенью в это время дня, находилось довольно обширное песчаное пространство, очевидно, не раз использовавшееся для стоянок. У основания скалы Деккерет заметил небольшое темное пятно — вода в этом месте загадочным образом про-

сачивалась из-под земли. Для ручейка ее было недостаточно, но усталые путники с радостью приветствовали ее в этой странной пустыне. Место было превосходным.

Скандарша и юный Барьязид вытащили соломенный тюфяк из отделения флотера и расстелили его на песке. Наступил полдень. Они поели сушеного мяса, кисловатых фруктов и теплых лепешек, после чего, не говоря ни слова, оба Барьязида, вроон и скандарша растянулись на тюфяках и мгновенно уснули.

Деккерет остался один; он сидел, очищая зубы от застрявших кусочков мяса. Теперь, когда можно и нужно было отдыхать, он не мог уснуть. Он поднялся, прошел к краю лагеря и посмотрел на пораженную солнцем пустошь за краем тени. Ни одного зверька не было видно, и даже растения, бедные и оборванные, казалось, старались вжаться в почву. Горы круто вздымались над головой с юга, и до Кавагского Прохода, видимо, оставалось недалеко. А что потом?

Он попробовал уснуть, но досаждали нежелательные образы: Колатор Ласгия парила над его тюфяком так близко, что он мог бы схватить ее и прижать к себе, но она вдруг отскочила и растворилась в жарком тумане; в тысячный раз

он видел себя в лесных Болотах Кинтора, гоняющимся за добычей, целящимся. Он отогнал и это видение и обнаружил, что карабкается по громадной стене Норморка, и прохладный воздух наполняет легкие.

Нет, это были не послания, а просто болезненные и беглые фантасмагоричные воспоминания. Сна долго не было, зато когда он пришел, то был глубоким, кратким и без сновидений.

Разбудили его странные звуки — звенящая напевная музыка вдалеке, тихие, но отчетливые шумы каравана со множеством путников. Ему слышался звон колокольчиков, гул барабанов, и какое-то время он лежал, вслушиваясь, стараясь понять. Потом сел, проморгался и огляделся вокруг. Подступали сумерки. Он проспал самую жаркую часть дня, и тени теперь тянулись с противоположной стороны. Четверо его спутников уже поднялись и складывали свои матрацы.

Деккерет напряг слух, пытаясь определить направление, откуда исходили звуки, но, казалось, они идут отовсюду и ниоткуда. Ему вспомнились слова Колатор Ласгии о поющих днем призраках пустыни, сбивающих путников с толку и уводящих их с дороги своими музыкой и пением.

— Что это за звуки? — обратился он к Барья-

зиду.

— Звуки?

— Вы разве не слышите? Голоса, колокольцы, барабаны, шаги…

Барьязид выглядел удивленным.

— Вы имеете в виду песни пустыни?

— Песни призраков?

— Можно сказать и так. Или просто звуки, идущие с гор. Грохот цепей, удары гонгов. Похоже?

— Не знаю, — мрачно отозвался Деккерет. — У меня на родине нет никаких призраков. Но это не звуки гор.

— Вы уверены, Инитэйт?

— Что это не звуки гор и не призраки?

— Хм…

Динитак Барьязид, стоявший рядом, вмешался в разговор, обратившись к Деккерету:

— Неведомое всегда тревожит. Но тут вы, по-моему, чувствуете больше любопытство, чем страх. И могу удовлетворить ваше любопытство. Дневной жар спал. Скальные утесы и пески отдают тепло, издавая звуки — те самые колокольцы и барабаны, что вы слышите. Здесь нет призраков.

Старший Барьязид сделал резкий жест, и парень тут же отошел.

— Не хотите, чтобы он объяснял мне? — осве-

домился Деккерет. — Предлагаете мне считать, будто это призраки?

Барьязид ответил с улыбкой:

— А мне все равно, верьте во что хотите. Уверяю вас, вы еще встретите предостаточно призраков по ту сторону Прохода.

7

Весь вечер стардей они поднимались по серпантину дороги, и к полуночи добрались до Кавагского Прохода. Воздух здесь оказался прохладнее, они находились в нескольких тысячах футов над уровнем моря, и ветра приносили некоторое облегчение от зноя и духоты. Проход был широкой и поразительно глубокой выемкой в склоне горы. Наступило утро сандей, когда они миновали его и начали спуск к великой пустыне.

Деккерета поразил открывшийся впереди вид. В ярком лунном свете он увидел картину беспримерного бесплодия, по сравнению с которой земли, лежавшие по другую сторону Прохода, казались роскошным садом. Насколько та пустыня была скалистой, настолько эта была песчаной — настоящий океан барханов, нарушаемый то

тут, то там пятнами твердой, усыпанной гравием земли. Едва ли здесь имелись какие-либо растения и мелкие животные. По крайней мере, на барханах не было ни одного. И зной! Из этой колоссальной открывшейся впереди чаши вверх неслись потоки раскаленного воздуха, который, казалось, сдирал кожу, опаляя до смерти. Деккерет усомнился, чтобы где-то среди этой топки могли находиться пастбища. Он напряг память, стараясь вспомнить карту, виденную в представительстве. Земли выпасов кольцом охватывали зону внутриконтинентальной пустыни, но под Кавагским Проходом рукав центральной пустыни каким-то образом вторгался сюда, а на противоположной стороне этого бесплодия раскинулась зеленая область трав и ручьев.

Все утренние часы они ехали вниз к огромному центральному плато, и в первых проблесках дневного света Деккерет заметил нечто странное далеко внизу: скальный клочок чернильной тьмы, резко выделявшийся на груди пустыни. По мере их приближения пятно превратилось в оазис, распавшись на рощицу тонкоствольных деревьев с длинными ветвями и фиолетовыми листьями.

Оазис стал местом второй дневки. Следы на

песке неопровержимо указывали, что здесь неоднократно отдыхали путники. Более того, под деревьями валялось множество осколков, а в чистом сердце рощи стояло что-то вроде грубого подобия навеса из наваленных кучами камней, увенчанных старыми высохшими сучьями. Чуть дальше между деревьями журчал маленький солоноватый ручеек, впадавший в небольшой стоячий водоем, зеленый от водорослей. А маленькая тропка, начинавшаяся от него, вела ко второму водоему, видимо, питаемому ручьем, полностью бегущим под землей, чьи воды были абсолютно чистыми, без примесей. Между двумя бассейнами Деккерет увидел любопытное сооружение: семь поставленных кругом каменных столбиков высотой по пояс образовывали двойную арку. Он осмотрел их.

— Работа Изменяющих Форму, — пояснил Барьязид.

— Капище метаморфов?

— Скорее, алтарь. Мы знаем, что Изменяющие Форму часто бывают в оазисе.

Мы находили тут маленькие подарки метаморфов своему богу: молитвенные палочки, обрывки перьев, небольшие, искусно сплетенные чаши.

Деккерет беспомощно уставился на деревья,

словно ожидая, что они тут же превратятся в диких аборигенов. Он мало общался с уроженцами Маджипура, этими побежденными и изгнанными туземцами, и то, что он знал о них, было в основном слухами и выдумками, основанными на страхе, невежестве и чувстве вины. Некогда они жили в больших городах — в Алханроеле, например, открывали их руины, — и в школе Деккерет видел изображения самого большого из них и самого знаменитого, Велалисера, расположенного неподалеку от Лабиринта Понтифекса, но города эти умерли тысячи лет назад, а с приходом человека и прочих племен метаморфов силой оттеснили в самый мрачный край планеты, в основном в огромную лесистую резервацию на Цимроеле, где-то юго-восточнее Кинтора. Вдобавок к своим скудным познаниям Деккерет видел настоящих метаморфов всего два раза: хилые люди с зеленоватой кожей и совершенно невыразительными лицами, хоть они и меняли одну форму на другую с поразительной легкостью. И он мог только гадать, не являются ли маленький вроон или сам Барьязид затаившимися метаморфами.

Он тряхнул головой, отгоняя дикие мысли, и сказал:

— Интересно, как удается Изменяющим Форму или кому бы то ни было выживать в пустыне?

— Они народ изобретательный. Приспособились.

— И много их здесь?

— Кто знает! Я несколько раз натыкался на их группы человек по пятьдесят-семьдесят. Вероятно, есть и другие, хотя, возможно, я встречал одних и тех же, только в разных обличиях.

— Странный народ, — пробормотал Деккерет, лениво потерев отшлифованный камень, венчающий ближайший столбик алтаря. С молниеносной быстротой Барьязид схватил Деккерета за запястье и отвел его руку.

— Не прикасайтесь к ним!

— Почему? — удивился Деккерет.

— Это святыня.

— Для вас?

— Для тех, кто воздвиг их, — раздраженно ответил Барьязид. — Мы относимся к ним с уважением и чтим магию, которая может здесь заключаться.

В здешних местах никто не навлекает на себя месть соседей случайно.

Деккерет удивленно смотрел на маленького человечка, столбики, два бассейна, стройные

остролистые деревья, и, несмотря на зной, его затрясло.

Он окинул взглядом местность за маленьким оазисом, волны барханов, пыльную полоску дороги, исчезающей на юго-западе в стране тайн.

Солнце быстро поднималось, и жар нарастал. Деккерет оглянулся на горы, через которые они перевалили — огромные и зловещие, они, как стена, отрезали их от цивилизации в этой знойной земле. И вдруг он ощутил пугающее одиночество, усталость и затерянность.

Подошел Динитак Барьязид, покачиваясь под громадным грузом фляг, которые сбросил чуть ли не на ноги Деккерету. Деккерет помог парню наполнить их водой из чистого бассейна, потом напился сам. Вода оказалась холодной, чистой, со странным металлическим привкусом, правда, не неприятным, и Деккерет решил, что в этом повинны минералы.

Чтобы погрузить фляги во флотер, пришлось сходить до водоема и обратно раз десять. Динитак объяснил — больше источников не будет несколько дней.

Подкрепившись такой же грубой пищей, что и в первый день, они, когда зной достиг своего сводящего с ума полуденного пика растянулись

на соломенных тюфяках.

В третий раз за свою жизнь Деккерет спал днем, и организм начинал привыкать к такой перемене. Он закрыл глаза, вверяя душу возлюбленной Леди Острова Сна, святой матери Лорда Престимиона, и почти сразу погрузился в сон.

На сей раз пришло послание.

Он уже не помнил, как и когда получал послания. Для него, как и для всех на Маджипуре, послания являлись основной сутью бытия, ночным наслаждением, успокаивающим разум, указаниями, очищением души, руководством и нахлобучкой, и многим-многим другим. Каждый с детства обучался восприятию посланий во сне, наблюдению и запоминанию их, соотношению их с часами бодрствования. И всегда благосклонная вездесущность Леди Острова Сна воспаряла над принимающим послание, помогая ему познать состояние своей души, причем связь она поддерживала со всеми миллиардами жителей огромного Маджипура одновременно.

Деккерет увидел себя поднимающимся на горный кряж, через который они недавно перевалили. Он был один на один с невероятно огромным солнцем, заполнившим половину неба, но жара почему-то не тревожила его. Крутой

склон, насколько он видел, обрывался прямо за гребнем вниз, вниз, вниз, растягиваясь, казалось, на сотни миль, а над собой он видел ревущий, дымящийся котел — вздымающийся кратер вулкана, где пузырями лопалась красная магма. Невероятный водоворот подземных сил не пугал его. Наоборот, его тянул к себе этот странный шум, он стремился погрузиться в его глубину, поплавать в расплавленном жаре. Он начал спускаться бегом, оскальзываясь, часто пролетая по несколько метров, а приблизившись, увидел лица в трепещущей лаве: Лорд Престимион, Понтифекс, Барьязид, Колатор Ласгия и метаморфы, чьи странные полускрытые образы танцевали по краям.

Могущественные фигуры изнемогали от жара в центре вулкана, и Деккерет рванулся к ним. Возьмите меня к себе, я здесь, я пришел! — кричал он, пока не осознал, что все фигуры исчезли, оставив один огромный белый лик, в котором он узнал возлюбленное лицо Леди Острова Сна, и зрелище это наполнило его душу блаженством, ведь прошло много месяцев с тех пор, как леди последний раз являлась ему.

И вдруг некая странность пересекла сон подобно какой-то развернувшейся вуали. Цвета

поблекли, лица смазались. Он побежал вниз к краю горной стены, но теперь часто спотыкался, падал, обдирая руки и колени о раскаленные скалы, и вдруг совершенно потерял направление, двигаясь в сторону, вместо того, чтобы двигаться вниз. На мгновение он оказался на грани восторга, но так и не мог полностью погрузиться в него, ощущая лишь тяжесть и шок. Легкость исчезла, яркие цвета сменились всеобъемлющей серостью, и всякое движение прекратилось; он стоял, оцепенев, на склоне горы, всматриваясь вниз в мертвый кратер, чей вид заставил его вдруг затрепетать и лечь, подтянув колени к груди, и так он лежал, рыдая, пока не проснулся.

Деккерет заморгал и сел. В голове стучало, глаза слезились, ломило грудь и плечи. Это было не послание. Даже самые ужасные послания не оставляли такого горького осадка смущения и страха. Был еще день, и ослепительное солнце висело над макушками деревьев. Возле него лежали Кэймак Грэп и вроон, чуть поодаль — Динитак Барьязид. Они спали. Старшего Барьязида нигде не было видно.

Деккерет перевернулся и прижался щекой к горячему песку у матраца, пытаясь изгнать из себя напряжение. Он понимал, что во сне про-

изошло что-то страшное. Какая-то темная сила вмешалась в послание, похитив радость и дав взамен боль. Не в этом ли суть похитителей снов пустыни. Но тогда это были похитители снов.

Он сжался, чувствуя себя выпотрошенным и опустошенным, желая знать только одно — неужели все сны будут такими по мере их продвижения в пустыню? Не станет ли еще хуже?

Спустя какое-то время он снова уснул, и пришли сны — случайные, смазанные обрывки без ритма и узора. Когда Деккерет проснулся, день близился к концу, и звуки пустыни — песни призраков — бились в ушах, бормоча и звеня далеким смехом. Чувствовал он себя намного более уставшим, чем если бы не спал вовсе.

8

Никто из попутчиков не подал и вида, будто что-то тревожило их сны. Они встретили проснувшегося Деккерета каждый на свой манер: огромная скандарша молча, вроон с любезным щебетом свернул щупальца, оба Барьязида короткими кивками. Если они и поняли, что их товарища навестили мучительные сны, то ничем этого не выказали.

После «завтрака» старший Барьязид коротко посоветовался с врооном относительно маршрута на эту ночь, и затем они вновь нырнули в темноту, озаренную лунным светом.

Притворюсь, будто ничего необычного не случилось, решил Деккерет, я не дам им понять, что уязвим для призраков.

Но его решение просуществовало недолго. Когда Флотер пересекал район высоких озер, где тысячами вздымались серо-зеленые каменистые горбы, Барьязид внезапно повернулся к Деккерету и спросил, нарушив долгое молчание:

— Хорошо спали?

Деккерет понял, что ему не удалось скрыть усталость.

— Случалось отдыхать и лучше, — пробормотал он.

Блестящие глаза Барьязида безжалостно сверлили его.

— Сын говорит, что вы стонали во сне, ворочались и прижимали колени к груди. Вы почувствовали прикосновение похитителей снов, Инитэйт?

— Я просто чувствовал присутствие тревожащей силы в своих снах. Было ли это прикосновение похитителей снов, я не знаю.

— Опишите мне свои ощущения.

— Вы сами похититель снов, Барьязид! — огрызнулся Деккерет, разозлившись. — С какой стати я должен открывать перед вами душу? Мои сны — это мои сны.

— Тише, тише, добрый рыцарь, я не имел ввиду ничего обидного и не хотел бы навязываться вам.

— Тогда…

— Но я отвечаю за вашу безопасность. И если демоны этой безводной земли проникли в вашу душу, в ваших же интересах рассказать мне.

— Демоны?

— Демоны, призраки, фантомы, недовольные метаморфы — кто бы ни был, нетерпеливо произнес Барьязид. — Существа, которые грабят сны уснувших путников. Приходили они к вам, или нет?

— В снах было мало радости.

— Прошу вас, расскажите.

Деккерет тихо вздохнул.

— Я получил послание Леди — мирное и радостное. Но постепенно суть его изменилась, понимаете? Послание помрачнело, стало бессвязным, лишенным всякой радости, а закончилось просто отвратительно.

— Да, — кивнул Барьязид, — это призраки. Прикосновение к сознанию, вторжение в сон, разрушение его и выкачивание энергии.

— Разновидность вампиризма, — усмехнулся Деккерет. — Существа таятся в засаде, поджидая в пустыне путников, а потом высасывают из них все жизненные силы?

Барьязид улыбнулся в ответ:

— Это лишь догадки. Я бы не делал таких поспешных выводов, Инитэйт.

— А вам самим доводилось чувствовать их присутствие в своих снах?

Коротышка как-то странно посмотрел на Деккерета.

— Нет, никогда.

— Никогда? У вас что, иммунитет?

— По-видимому, да.

— А ваш сын?

— О, несколько раз на него накатывало. Как правило — здесь. Видимо, невосприимчивость не передается по наследству.

— А скандарша и вроон?

— У них бывало, — кивнул Барьязид, но редко. К тому же они находят это неприятным, но не смертельным.

— Однако кое-кто умер от прикосновения по-

хитителей снов.

— Предположительно, что именно от этого, — поправил Барьязид. — Большинство путешественников, проходивших до недавнего времени этим путем, рассказывали, что видели необычные сны. Некоторые из них сбивались здесь с пути и не возвращались. Откуда нам знать, есть ли связь между этим и разрушенными снами?

— Вы очень осторожный человек, — усмехнулся Деккерет. — Не хотите выносить окончательных решений?

— Я прожил долгую жизнь, тогда как многие опрометчивые смельчаки уже вернулись в источник Дивин.

— По-вашему, просто выжить — наивысшее достижение?

Барьязид рассмеялся:

— Слова истинного рыцаря Замка! Нет, я считаю, что жить — не значит просто уклоняться от смерти. Но выжить — это счастье, Инитэйт, а смерть не достижение.

Деккерету не хотелось продолжать. Едва ли можно сравнивать кодексы ценностей посвященного рыцаря, и такого, как Барьязид. Кроме того, было что-то скользкое в аргументах проводника. Деккерет помолчал, потом ответил:

— Меня волнует одно: станут ли сны еще хуже?

Барьязид пожал плечами.

К тому времени, когда ночь поблекла и подошло время подыскивать место для стоянки, Деккерет вдруг понял, что готов и даже с нетерпением ждет встречи с призраками сна.

Дневку они устроили на ровной площадке, где основную массу песка сдуло к одной стороне очищающими ветрами, оголив скальное основание; вдобавок к порывистым ветрам сухой воздух пустыни жутко растрескал ее, а солнце словно содрало все остальное. Где-то за час до полудня они стали готовиться ко сну.

Деккерет спокойно опустился на соломенный тюфяк и без страха послал свою душу на тонкий краешек того, что могло прийти. Как рыцарь, он с детства обучался быть храбрым, и ждал теперь встречи с неведомым без боязни, но все-таки ощущая некое присутствие страха в душе. На Маджипуре нужно было хорошо потрудиться, чтобы найти страшное и опасное неведомое; для этого приходилось забираться в самые отдаленные и дикие уголки планеты, поскольку в обитаемых районах жизнь текла размеренно и безопасно.

Именно поэтому Деккерет и поднялся на борт

корабля, идущего в Субраель, и теперь впервые должен был подвергнуться серьезному испытанию, если не считать случая в лесах Кинтора. Но здесь было совершенно другое, — эти грязные сны…

Он заставил себя уснуть.

И сразу увидел сон. Он снова был в Толигае, но теперь город необычайно изменился, став скопищем безликих вилл и пышных садов, хотя зной по-прежнему остался тропическим. Он шел, переходя с одного бульвара на другой, восхищаясь изяществом архитектуры и пышностью деревьев. Одет он был в зеленую с золотом мантию Коронала и при встречах с горожанами Толигая, прогуливающимися в сумерках, изящно отвешивал поклоны в обмен на знак звездного огня, которым они приветствовали власть Коронала. Потом к нему приблизилась стройная фигурка его любовницы Колатор Ласгии. Улыбаясь, она подхватила его под руку, и повлекла к каскадам фонтанов, чьи прохладные струи били в воздух. Там, сбросив одежду, они выкупались, поднялись из душистого бассейна и прошли, едва касаясь земли, в сад.

Женщина без слов подтолкнула его в тенистую аллею, отделенную от дорожки кругом близко

посаженных деревьев с дугообразными стволами и широкими листьями. Она шла впереди него — мучительно ускользающая фигурка, плывущая в каком-то дюйме от его руки, но постепенно расстояние между ними увеличилось сначала до фута, потом до нескольких ярдов. Поначалу казалось, что он легко догонит ее, но это ему не удавалось, и двигаясь все быстрее и быстрее, он старался уже просто не упустить ее из виду. Ее нежная кожа оливкового цвета блестела в лунном свете, она часто оглядывалась назад с ослепительной улыбкой, кивками приглашая его поторопиться. Но он не мог догнать ее. Теперь она опережала его почти на всю длину сада. С нарастающим отчаянием он рванулся к ней, но она растворилась, исчезла, и возникла так далеко, что теперь он с трудом различал игру мускулов под ее гладкой нагой кожей. Помчавшись вперед, пересекая одну садовую дорожку за другой, он вдруг начал сознавать повышение температуры, неожиданную и стойкую перемену в воздухе; почему-то вдруг поднялось солнце и с полной силой обрушилось ему на плечи. Деревья поникли и завяли, их листья опали, сам он с трудом удерживался на ногах. Колатор Ласгия превратилась в пятнышко на горизонте, она все еще подзывала

к себе, и улыбалась, но становилась при этом все меньше, а солнце продолжало подниматься, иссушая все, до чего могло дотянуться. Сад обернулся скопищем голых сучьев и потрескавшейся иссохшей земли. Страшная жажда мучила Деккерета, и когда он заметил метаморфов, таящихся в засаде за покрытыми волдырями почерневшими деревьями, то закричал им, прося хоть глоток воды, но получил в ответ лишь легкий звенящий смех. Он пошатнулся. Свирепый пульсирующий свет с неба сжигал его, он чувствовал, как кожа твердеет, трескается, хрустит, ломается. Еще один миг, и он обуглится. Что стало с Колатор Ласгией? Куда делись улыбающиеся, кланяющиеся горожане, приветствовавшие его знаком звездного огня? Сейчас он был в пустыне и, шатаясь, брел по знойной печи, где даже тени пылали. Теперь в нем поднялся настоящий ужас. Даже во сне он ощущал болезненный жар, какая-то часть его рассудка следила за этим с нарастающей тревогой, опасаясь, как бы сила сновидения не оказалась слишком велика и не могла повредить физическому состоянию тела наяву. О таких вещах рассказывали: люди погибали во сне, пораженные силой могучих посланий или обычных сновидений. И хотя это шло вразрез с заученной

с детства истиной, хотя он знал, что обязан не обрывать сон преждевременно, а досмотреть даже ужаснейший из ужасов, а чтобы увидеть окончательное откровение, он решил проснуться ради собственной безопасности, попытался это сделать и не сумел. Он упал на колени, дергаясь на раскаленном песке и разглядывая загадочных крошечных насекомых с золотистыми тельцами, шедших к нему колонной по краю одного из барханов. Они добрались до него и оказались муравьями с безобразно раздутыми челюстями; каждый, чуть поворачиваясь, поднимал свое туловище и кусал, впиваясь челюстями и не отпуская, так что в одну неуловимую долю секунды насекомые покрыли всю его кожу. Он сметал их с себя и никак не мог стряхнуть: их челюсти держали мертво, даже когда он отрывал головы от тел. Песок вокруг почернел от обезглавленных насекомых, но все равно их было слишком много, они покрывали тело, как плащ, а он все стряхивал и стряхивал их, пока не воздвиг вокруг себя настоящую гору, но все равно еще больше муравьев вцеплялось в него своими челюстями. Он устал сметать их. К тому же в этом живом плаще оказалось прохладнее. Они защищали его от солнечного жара, и хотя сами кусали и жги его своим

ядом, но не так болезненно, как солнечные лучи.

Неужели сон никогда не кончится? Он попытался взять его под контроль, обернуть нарастающий поток прибывающих муравьев в струю холодной чистой воды, но не мог, ничего не произошло, и он вновь соскользнул в кошмар, продолжая устало ползти по песку.

И постепенно начал сознавать, что уже не спит.

Не было границы между сном и пробуждением, которую он обязательно заметил бы, — только внезапное и полное понимание, что глаза его открыты.

И два сознания (спящего наблюдателя и страдающего Деккерета) слились в одно. Он действительно находился в пустыне под страшным полуденным солнцем. И был наг. Кожа чувствительно саднила от царапин и волдырей. И были муравьи. Крошечные муравьи действительно карабкались по его ногам, поднимаясь до колен, впиваясь в кожу. Сбитый с толку, он подумал, что, наверное, метался во сне, но сразу отказался от этой мысли: он не мог уйти так далеко в настоящую пустыню, а он, похоже, находился чуть ли не в центре. Деккерет встал, стряхнул муравьев, и посмотрел в сторону лагеря.

И не увидел его. Значит, он действительно бродил во сне голый, по обжигающей наковальне открытой пустыни, и заблудился. Это все еще сон, подумал он с яростью, и сейчас я проснусь в тени флотера Барьязида! Но пробуждения не было, и тогда Деккерет понял, как погибали люди в Пустыне Украденных Снов.

— Барьязид! — закричал он. — *Барьязид!*

9

Крик эхом отдался в дюнах. Он закричал снова, потом второй раз, третий, но услышал лишь собственный дрожащий голос, оставшийся без ответа. Сколько он мог продержаться! Час! Два! Без воды, укрытия от солнца, даже без одежды. На непокрытую голову изливал свой жар с неба огромный пылающий глаз. Стояла самая жаркая часть дня. Окружающий пейзаж повсюду выглядел одинаково — плоская мелкая чаша, исхлестанная жаркими ветрами. Он пошел было по своим следам, но они оборвались через несколько ярдов — дальше начиналась твердая и каменистая поверхность. Лагерь мог находиться где угодно, скрытый возвышавшимися барханами. Деккерет еще раз позвал на помощь, и опять

не услышал ничего, кроме эха. Если бы удалось отыскать подходящий бархан, он мог бы успеть закопаться по шею и продержаться до тех пор, пока не спадет жара, а в темноте попытаться найти лагерь по костру. Но таких барханов он тут не видел. Как бы поступил на его месте Лорд Стиамот, подумал он, или Лорд Тимин, или один из великих воинов прошлого! И что мог сделать он сам! Просто умереть! Глупо. Он крутанулся, осматривая горизонт. Ни одной путеводной нити, ни единого признака, куда пойти. Передернув плечами, он опустился там, где не было муравьев. Не было здесь и слоя песка, зарывшись в который, он мог попытаться спасти себя, как не было и силы духа, которая помогла бы ему выжить, несмотря ни на что. Он утратил себя во сне и умрет, как и предсказывала Колатор Ласгия.

Единственное, что у него осталось — это характер: он умрет без слез, гнева и стенаний. Может это займет час, может быть, меньше. Но это очень важно умереть с честью.

И он стал ждать прихода смерти. Но вместо нее пришел — через десять минут, полчаса или час, он не знал — Серифэм Рейнэлион. Вроон, как мираж, появился с востока, с трудом двигаясь к Деккерету, нагруженный двумя флягами воды.

Подойдя ярдов на сто, он помахал двумя щупальцами и крикнул:

— Вы живы!

— Более или менее. Вы настоящий!

— Самый настоящий. Мы вас полдня ищем. — Упругое щупальце маленького существа сунуло в руки Деккерету флягу с водой. — Держите. Глотните-ка, только немного. НЕМНОГО! Вы слишком измождены и захлебнетесь, если станете пить с жадностью.

Деккерет с трудом справился с порывом осушить фляжку одним глотком.

Вроон прав, нужно пить умеренно, не спеша, иначе может стать плохо. Он капнул чуть-чуть в рот, подержал на языке, прополоскал горло, наконец, проглотил. Потом сделал еще один осторожный глоток, затем глоток побольше.

Голова слегка закружилась. Вроон кивнул на фляжку. Деккерет встряхнул ее и отпил снова, подержав воду за щеками.

— Далеко отсюда лагерь! — спросил он наконец.

— Минут десять ходьбы. У вас хватит сил идти самому, или мне сходить за остальными?

— Я пойду сам.

— Тогда идемте.

Деккерет кивнул.

— Сейчас, еще один глоток.

— Берите фляжку и пейте, сколько хотите. Если устанете, скажите мне, отдохнем. Не забывайте, мне вас не унести.

Вроон медленно направился к невысокому песчаному гребню в пятистах футах на востоке. Пошатываясь от слабости и головокружения, Деккерет последовал за ним и с удивлением понял, что гребень совсем не так полог и низок, как казалось. Он возвышался над головой футов на тридцать, скрывая два более низких бархана. Флотер стоял у подножия дальнего.

В лагере был один Барьязид. Он взглянул на Деккерета с презрительной досадой и сказал:

— Решили прогуляться днем?

— Во сне. Меня все-таки поймали ваши похитители снов. — Деккерета начало трясти — солнечные ожоги жгли тело. Он лег у флотера и накрылся легкой рубашкой. — Когда я проснулся, то не увидел лагеря. Я был уверен, что погибну.

— Еще полчаса, и так бы оно и вышло. Вы уже высохли на две трети.

Счастье, что мой парень проснулся и заметил, что вас нет.

Деккерет плотнее закутался в одежду.

— Значит, вот как здесь погибают. Уходят во сне днем.

— И так тоже.

— Я в долгу перед вами. Вы спасли мне жизнь.

— Ну, жизнь вам спасают с тех самых пор, как мы миновали Кавагский Проход. Вы бы уже погибли раз пятьдесят. Но если хотите кого-то благодарить, благодарите вроона. Он-то по-настоящему потрудился, разыскивая вас.

Деккерет кивнул.

— А где ваш сын? И Кэймак Грэп? Тоже ищут меня?

— Уже возвращаются, — ответил Барьязид, указывая на только что появившихся из-за бархана скандаршу и юношу. Ни на кого не глядя, скандарша опустилась на свой тюфяк. Динитак Барьязид лукаво улыбнулся Деккерету и сказал:

— Хорошо прогулялись?

— Не очень. Я сожалею о причиненных вам хлопотах.

— Ничего. Только вот что теперь делать?

— Может быть, привязывать меня, пока я сплю!

— Или придавливать тяжелыми валунами, — предложил Динитак, зевая во весь рот.

— Лучше постарайтесь оставаться на месте

хотя бы до захода солнца.

— Я попробую, — сказал Деккерет.

Но снова уснуть оказалось невозможно. Несмотря на успокаивающую мазь, которой снабдил его вроон, кожа зудела от бесчисленных укусов насекомых и солнечных ожогов, и чувствовал он себя отвратительно. В горле першило, глаза болезненно слезились. Вновь и вновь перебирал он в памяти случившееся: сон, жару, муравьев, внезапное осознание смерти. Деккерет искал в себе трусость, но не нашел ее. Расстройство, гнев, тревога — да, но никакой паники, никакого страха. Самое худшее, решил он, было не в зное, жажде и опасности, а в самом сне, мрачной, расстраивающей тревоге, в сне, который вновь начался в радости, а затем претерпел мрачное изменение.

Невозможность получить утешение здорового сна, подумал Деккерет, гораздо хуже гибели в пустыне, потому что умирать приходится только раз, а сны человек видит постоянно. Не связаны ли эти сны с пустынной бесплодностью Суврaеля! Деккерет знал, что, когда послание исходит от Леди, его внимательно изучают (если необходимо — с помощью тех, кто поднаторел в искусстве толкования снов), поскольку в нем таятся знания,

жизненно важные для надлежащего поведения человека. Но эти послания, вернее, просто сны, вряд ли исходили от Леди. Казалось, они направлялись какой-то темной силой, зловещей и деспотичной, привыкшей скорее брать, чем давать.

Изменяющие Форму! Возможно. Что, если какое-то их племя сумело раздобыть один из механизмов, благодаря которым Леди Острова может достичь глубин сознания любого из своей паствы, и, скрываясь в засаде в жарком сердце Суврaеля, грабит путников! Ворует их души! Лишает жизненной силы тех, кто украл их мир?

Когда полуденные тени удлинились, Деккерет почувствовал, что начинает дремать и соскальзывать в сон. Он боролся, боясь невидимых захватчиков душ, и отчаянно старался держать глаза открытыми, глядя в темнеющее пространство и вслушиваясь в гудящие и бормочущие звуки пустыни, но так и не смог побороть естественную усталость измученного тела. Он погрузился в сон, не в послание от Леди или неведомой темной силы, а просто в сон. А потом кто-то потряс его за плечо, и Деккерет с трудом узнал вроона.

Соображал он медленно, в голове шумело, губы потрескались, спина болела.

Наступила ночь, и его спутники готовились к отъезду, сворачивая лагерь.

Вроон подал Деккерету чашу с каким-то освежающим бледно-зеленым напитком, и тот одним глотком осушил ее.

— Вставайте, — сказал вроон. — Пора ехать.

10

Пустыня снова изменилась, став темно-красной и грубой. Очевидно, здесь случались гигантские землетрясения. Земля была изломана и перемешана с колоссальными плитами каменистого ложа, нагроможденными друг на друга под невероятными углами. Через эту зону хаоса проходил только один путь широкое русло давно высохшей реки, чье песчаное ложе петляло между разломанными и потрескавшимися скалами. В небе висела полная луна, и свет ее по яркости не уступал дневному. Пейзаж не изменился и после того, как флотер одолел несколько миль, их казалось, что машина застыла на одном месте. Деккерет повернулся к Барьязиду:

— Сколько нам еще добираться до выпасов!

— От пастбищ пустыню отделяет ущелье. Оно вон там. — Барьязид указал на юго-восток,

где высохшее речное русло терялось меж двух скалистых пиков, торчавших из земли, словно кинжалы. — Там, за Маннеранским ущельем, климат совершенно иной. К дальней стороне горного кряжа по ночам подкатывают морские туманы с запада, и земля там зеленая, вполне пригодная для выпасов. Утром мы доберемся до ущелья, через день пройдем его, а к сидей вы будете отдыхать в Цузун-Каре.

— А вы? — поинтересовался Деккерет.

— У нас с сыном есть еще кое-какие дела. Мы вернемся за вами позже.

Сколько вам надо — три дня, пять?

— Пяти дней вполне достаточно.

— Хорошо. А потом поедем обратно.

— Этим же путем!

— Другого нет, — ответил Барьязид. — Вам, наверное, уже объяснили в Толигае, что остальные дороги к пастбищам закрыты. Почему вы так боитесь его — из-за снов? Но если вы не станете бродить во сне по пустыне, вам нечего опасаться.

Замечание казалось разумным. Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы пережить поездку, но вчерашний сон оказался слишком мучительным, и он без особой радости ждал следующего.

Когда на другое утро они разбивали лагерь, Деккерет с тревогой ждал наступления сна. В первый час отдыха он заставлял себя не спать, вслушиваясь в потрескивание скал, раскаленных полуденным солнцем, пока усталость не окутала сознание темным облаком. Он уснул.

И едва сон охватил его, Деккерет понял, что это только начало, ведущее к чему-то страшному. Сначала пришла боль — ноющая, острая боль, затем без какого-либо намека вспышка ослепительного света в голове заставила его закричать и стиснуть виски. Однако спазм быстро прошел, и он ощутил мягкое присутствие Колатор Ласгии, успокаивающей его и баюкающей на своей груди.

Она качала его, что-то бормоча, и утешала до тех пор, пока он не открыл глаза и сел, оглядываясь по сторонам, и увидел, что он не в пустыне и вообще не на Суврaеле. Вместе с Колатор Ласгией они стояли на какой-то прохладной поляне в лесу, где гигантские деревья с абсолютно прямыми стволами, покрытыми желтой корой, поднимались на непостижимую высоту, а быстрый поток, осыпающий их брызгами, метался и ревел почти под ногами. За потоком земля резко опускалась, открывая далекую долину, и в дальнем ее кон-

це высилась огромная, серая с белым зубцом снежной вершины гора, в которой Деккерет мгновенно узнал один из девяти больших пиков Кинторских Болот.

«Нет, — пробормотал он, — я не хочу!».

Колатор Ласгия засмеялась, и ее звенящий смех показался ему зловещим, похожим на звуки пустыни в сумерках.

«Но это сон, милый друг, и тебе придется принять его».

«Ладно, но я не хочу возвращаться в Болота Кинтора. Посмотри, как все изменилось! Мы на Цимре, недалеко от огромной излучины реки. Видишь?

Ни-Мойя сверкает перед нами».

Он действительно видел огромный город, белый на фоне зеленых холмов. Но Колатор Ласгия покачала головой.

«Это не город, любовь моя, а северный лес. Чувствуешь ветер?

Прислушайся песне потока. Иди сюда, стань на колени, зачерпни упавших на землю игл. Ни-Мойя далеко, и мы здесь на охоте».

«Прошу тебя, давай побудем в Ни-Мойе».

«В другой раз», — ответила Колатор Ласгия.

Он не сумел переубедить ее — магические баш-

ни Ни-Мойи задрожали, стали прозрачными и исчезли, и остались лишь деревья с желтой корой, прохладный ветерок и звуки леса. Деккерет вздрогнул. Он был пленником своего сна и не мог сбежать.

Затем, небрежно приветствуя его, появились пятеро охотников в грубо пошитых куртках из шкур хайгусов, протягивая ему оружие — короткие тупые трубки излучателей и трехгранные кинжалы, чьи длинные лезвия слегка загибались на концах. Он покачал головой, но один из охотников подошел ближе, насмешливо улыбаясь ему и скаля белые зубы. Деккерет узнал лицо и со стыдом отвернулся. Это она погибла тогда в Болотах Кинтора. Не окажись она сейчас здесь, подумал он, сон можно было бы стерпеть. Какая дьявольская пытка — заставить его пережить все снова!

«Возьми у нее оружие, — сказала Колатор Ласгия. — Стима уже подняли, и мы должны догнать его».

«Я не хочу… Я…» «Думаешь, во сне желания уважают? *Сон — вот твое собственное желание.*

Возьми оружие».

Деккерет решился. Похолодевшими пальцами он принял кинжал, излучатель и убрал их в над-

лежащие места на поясе. Охотники одобрительно заулыбались, переговариваясь на хриплом северном наречии, а затем, пригнувшись, помчались длинными скачками по берегу. Деккерет поневоле побежал следом, сперва неуклюже, потом со все более плавной грацией, сопровождаемый Колатор Ласгией, легко выдерживающей его шаг. Ее черные волосы развевались вокруг лица, глаза горели от возбуждения. Они свернули налево в сердце леса, петляя в поисках добычи.

Добыча! Деккерет разглядел трех стимов с белой шерстью, сияющей, как фонари в глубине леса. Животные тревожно рыли землю. Они учуяли пришельцев, но пока не собирались оставлять свою территорию; огромные твари, наверное, самые опасные из всех диких животных Маджипура, быстрые, сильные и хитрые — ужас северных земель. Деккерет вытащил кинжал. Убивать стимов из энергометов — даже не развлечение, просто убийство, к тому же сильно страдает ценный мех. Почетнее подобраться ближе и действовать ножом. Лучше всего кинжалом. Только так охотник может заслужить славу.

Загонщики смотрели на него. Выбери себе одного в добычу, просили они.

Деккерет кивнул и указал на среднего. Охот-

ники заулыбались. Они знали что-то такое, о чем не сообщили ему. Это было обычное, едва скрываемое презрение лесовиков к господам, избалованным и алчущим смертельно опасных развлечений, тем более, что подобные развлечения зачастую оканчивались плохо. Деккерет держал кинжал наготове. Стимы, что рыскали за деревьями, были невероятно большими, с огромными тяжелыми ляжками; ни один человек не справился бы с ними в одиночку только холодным оружием. Но отступать назад было нельзя — Деккерет сознавал, что намертво прикован к данному судьбой сну. Раздались звуки охотничьих рогов и свист загонщиков. Стимы, рассерженные и встревоженные необычными звуками, завертелись, обдирая когтями деревья, и, отвернувшись скорее из отвращения, чем от страха, пустились бежать.

Время пришло.

Деккерет знал, что сейчас загонщики прогонят дальше двух отвергнутых животных, оставив одного избранного, и не смотрел ни вправо, ни влево. В сопровождении Колатор Ласгии и охотницы, давшей ему оружие, он ринулся вперед, начиная погоню, так как стим с ревом и треском помчался через лес.

Это было плохо. Хоть люди и быстрее, стимы легче продирались через подлесок, и он мог потерять добычу в этой беспорядочной погоне. Лес слегка поредел, но стим рвался в заросли, и вскоре Деккерет обнаружил, что борется с молодыми деревцами, лианами и мелким кустарником, едва успевая следить за удаляющимся белым призраком лесов. Охваченный одним-единственным чувством, он вырвался из объятий чащи и побежал, прокладывая дорогу мачете. Все было ужасно знакомым, вроде старой избитой шутки, особенно когда до него дошло, что стим петляет по зарослям, будто собирается напасть сам…

И спящий Деккерет знал, что такой случай скоро представится.

Обезумевший зверь случайно наткнется на охотницу и отшвырнет ее на дерево, а Деккерет, не ожидавший такого и не сумевший помешать, умчится вперед, продолжая погоню, оставив женщину лежать там, где она упала, так что, когда затаившаяся большеротая пожирательница падали высунется из норы и начнет рвать охотнице живот, рядом не окажется никого, способного защитить ее. Лишь позже, когда будет время вернуться за раненой, он пожалеет о своем бездушии и о том, что позволил себе не обратить

внимания на падение человека, ради него выслеживавшего добычу. А после — стыд, бесконечные самообвинения. Да, ему предстояло пережить все это снова, во сне, в цепенящем зное Суврaеля… Или все-таки нет?

Нет, это было бы слишком просто для языка сноб в густом тумане, внезапно окутавшем Деккерета, он увидел, как стим вдруг развернулся и хлестнул охотницу, сбив ее с ног, но женщина поднялась, выплюнув несколько окровавленных зубов, расхохоталась, и погоня продолжилась — точнее, вернулась в начальную стадию, а потом стим вдруг вырвался из гущи леса и ударил самого Деккерета, вышибая кинжал из его руки, грозно взревел перед последним ударом, но так и не нанес его. Сцена менялась вновь и вновь, и теперь уже Колатор Ласгия лежала под опускающейся лапой, пока Деккерет беспомощно дрожал рядом, не в силах шевельнуться. Затем жертвой снова стала охотница, потом Деккерет, и совсем уж неожиданно и невероятно старший Барьязид, а после него вновь Колатор Ласгия. Деккерет смотрел, не отводя глаз, и тут голос под его локтем произнес:

«Все мы без остатка принадлежим Дивин. Возможно, для тебя тогда было важнее не упустить

добычу».

Деккерет оглянулся. Голос принадлежал охотнице, и звук его поразил Деккерета. Сон сбивал с толку, и он попытался проникнуть в его тайну, напрягая свою волю.

Теперь он видел Барьязида, стоящего неподалеку на темной лесной прогалине. Стим снова рвал охотницу.

«Такова правда?» — спросил Барьязид.

«Наверное, да. Я не видел».

«А что вы делали?» «Продолжал погоню. Я не хотел лишаться добычи».

«Вы его убили?»

«Да».

«А потом?»

«Вернулся обратно и нашел ее...» Деккерет помотал головой. Гнусная пожирательница падали уже оседлала женщину. Колатор Ласгия, улыбаясь, стояла рядом, скрестив руки.

«А после?» «Подошли остальные. Они похоронили ее, затем мы сняли шкуру со стима и вернулись в лагерь».

«Дальше».

«Кто вы? Почему вы меня спрашиваете?» Деккерет на один краткий миг увидел себя под клыкастым рылом пожирательницы падали.

«Вам было стыдно?» — спросил Барьязид.

«Конечно. Я поставил охотничий азарт выше человеческой жизни».

«Вы не могли знать, что она ранена».

«Я чувствовал это, но просто не позволил себе смотреть, понимаете? Я знал, что ей плохо, и ушел».

«А кто позаботился о ней потом?»

«Я».

«Даже так?»

«Да».

«Вы чувствуете себя виноватым?»

«Конечно».

«Вы *виноваты* юностью, глупостью, воспитанием».

«Разве вы мой судья?» «Да, — сказал Барьязид. — Взгляните на мое лицо». — Он надул щеки, и его продубленная пустыней кожа начала трескаться, лицо сморщилось, как маска, и соскользнуло, открыв под собой иное лицо, искаженное отвратительной ухмылкой, дергающееся от конвульсивного хохота. И Деккерет узнал его — это его лицо!

11

В тот же миг Деккерету показалось, будто игла ярчайшего света пронзила ему голову. Подобной боли он не испытывал никогда прежде, нестерпимо яркая игла пылала в голове с чудовищной силой. И этот вспыхнувший в сознании свет высветил всю его глупую мальчишескую романтику, единственную виновницу драмы, придумавшую трагедию в поисках очищения от греха, который вовсе не был грехом, если исключить снисходительность к себе. В разгаре агонии Деккерет услышал вдали удар огромного гонга и сухой, режущий слух хохот Барьязида, а затем, рванувшись изо всех сил, вырвался из сна и перевернулся на бок, дрожащий и ошеломленный, все еще испытывая боль, хотя она уже таяла, уходя с последними остатками сна.

Он попытался встать и обнаружил, что завернут в густой, пахнувший мускусом мех, словно стим прижал его к своей груди. Могучие руки сжимали его. Четыре руки, осознал он и окончательно стряхнул с себя остатки сна и понял, что лежит в объятиях гигантской скандарши Кэймак Грэп. Вероятно, он бился и кричал во

сне, а когда попытался встать, она решила, что кошмар продолжает мучить его, и не дала ему подняться. Она держала его с таком силой, что едва не трещали ребра.

— Все в порядке, — пробормотал он, с трудом открыв рот, плотно прижатый к серой шерсти. — Я не сплю.

Она продолжала держать его.

— Вы… меня… задушите…

Он с трудом дышал. В своей заботе она могла убить его. Деккерет вырывался, отталкивал ее, даже бил. Извиваясь, он все же ухитрился сбить ее с ног, и они рухнули на землю. Она оказалась под ним, и в последнее мгновение руки ее разжались, позволив Деккерету откатиться в сторону.

Согнувшись, он поднялся на колени, все тело его болело. Выпрямляясь, он увидел стоящего у флотера Барьязида, поспешно снимавшего со лба какой-то механизм — нечто вроде изящной, похожей на корону диадемы.

— Что это? — выкрикнул Деккерет.

Барьязид выглядел необычайно взволнованным.

— Ничего. Просто игрушка.

— Дайте-ка посмотреть.

Барьязид подал знак. Краем глаза Деккерет

заметил, что Кэймак Грэп поднимается на ноги и снова тянется к нему, но прежде чем тяжеловесная скандарша управилась, Деккерет отскочил в сторону и стрелой помчался вокруг флотера к Барьязиду. Коротышка продолжал возиться со своим странным приспособлением. Деккерет, нависнув над ним, как только что скандарша нависала над ним самим, быстро схватил его за руку и заломил ее за спину, после чего выхватил механизм и осмотрел.

Теперь проснулись все. Вроон вытаращенными глазами смотрел на происходящее, а юный Динитак выхватил нож и крикнул:

— Отпусти его!

Деккерет рывком развернул Барьязида, прикрываясь им, как щитом.

— Скажи сыну, чтобы убрал нож, — приказал он.

Барьязид молчал.

— Или он уберет нож, или я сломаю тебе руку! Выбирай!

Низким голосом Барьязид отдал приказ, и Динитак швырнул нож на песок почти у самых ног Деккерета. Тот шагнул вперед, поднял нож и отбросил его за спину, потом покачал механизм перед лицом Барьязида. Это была вещица из зо-

лота, хрусталя и слоновой кости, тщательно и со вкусом отделанная, с непонятными проводами и завязками.

— Что это? — повторил он.

— Я ведь сказал — игрушка. Пожалуйста, отдайте… отдайте, а то вы ее сломаете.

— И каково назначение этой игрушки?

— Она развлекает меня во сне, — хрипло пробормотал Барьязид.

— Каким образом?

— Она усиливает сны и делает их интереснее.

Деккерет поднес механизм поближе к глазам.

— А если я надену его на себя, он усилит и мои сны?

— Вы только повредите себе.

— Ну-ну, расскажи-ка, что эта штука делает для тебя?

— Это очень трудно объяснить, — ответил Барьязид.

— А ты потрудись, подыщи слова. Например, как ты оказался в моем сне?

Ты не имел никакого отношения к столь щепетильному посланию.

Коротышка пожал плечами и неловко сказал:

— Я был в вашем сне? Да откуда мне знать, что в нем происходило? Такое вообще невозможно.

— Да? А я думаю, твой механизм помог тебе туда проникнуть и узнать, что я вижу.

Барьязид угрюмо молчал.

— Опиши-ка его действие, — продолжал Деккерет, — или я просто сломаю эту штуковину.

Сильные пальцы Деккерета стиснули одну из самых хрупких на вид частей непонятного приспособления. Барьязид судорожно сглотнул, тело его напряглось.

— Ну? — поторопил Деккерет.

— Да, вы правильно угадали. Это… это позволяет мне проникать в спящее сознание.

— Вот как! Где же ты достал такую вещь?

— Я сам ее придумал и совершенствовал много лет.

— Значит, эта штука вроде машин Леди Острова она?

— Не совсем. Моя сильнее. Леди может только говорить с сознанием, а я читаю сны и управляю как их образованием, так и спящим сознанием.

— И ты придумал ее сам, а не украл на Острове Сна?

— Сам, — пробормотал Барьязид.

Деккерета захлестнула волна ярости. На мгновение ему захотелось раздавить механизм и отдубасить Барьязида до крови. Воспоминание

о всех полуправдах, недомолвках и прямой лжи, которые скармливал ему коротышка, то, как он вмешивался в его сны, как бесцельно расстраивал и лишал целительного отдыха, как подмешивал ложные страхи, мучения и ненадежность в послания леди, вызывало почти убийственный гнев. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, глаза крыла красная дымка, а рука на локте Барьязида сжималась до тех пор, пока коротышка не взвыл.

Нет.

Деккерет достиг некой внутренней вершины своего гнева, задержался там на мгновенье и, перевалив через пик, постепенно вновь обрел хладнокровие.

Он отпустил Барьязида, отшвырнув его к флотеру, и тот, покачнувшись, вцепился в изогнутый борт машины. Все краски исчезли с его лица. Он осторожно потер посиневшую руку и взглянул на Деккерета со смешанным чувством ужаса, боли и негодования. Деккерет внимательно изучал любопытный инструмент, мягко дотрагиваясь кончиками пальцев до изящных и сложных узлов конструкции, затем потянулся надеть его себе на лоб.

— Не надо! — выдохнул Барьязид.

— А что случится? Думаешь, я сделаю себе хуже? Я справлюсь.

— Справитесь. И сами же себе навредите.

Деккерет кивнул. Он не сомневался, что Барьязид лжет, но не стал уличать его. Немного помолчав, он спросил:

— Выходит, в пустыне нет никаких метаморфоз — похитителей снов!

— Да, — прошептал Барьязид.

— Есть только ты. Ты проводил опыты над сознанием спящих путников, так?

— Да, — прошептал Барьязид.

— И доводил их до смерти.

— Нет! — взвизгнул Барьязид. — Я не хотел никого убивать. Они сами умирали от испуга, от того, что ничего не могли понять, от того, что убегали в пустыню или терялись в своих снах, как и вы…

— Но умирали они потому, что ты вмешивался в их сознания.

— Кто может быть в этом уверен? Одни умерли, другие — нет. Я никому не желал смерти. Вспомните когда вы исчезли, мы вас старательно искали.

— Да, потому что я нанял тебя ради своей безопасности, и об этом знают в Толигае, — произнес

Деккерет. — А других в чем не повинных путников ты грабил издавна, разве не так?

Барьязид промолчал.

— Ты знал, что люди погибают в результате твоих опытов, но продолжал экспериментировать.

Все так же молча Барьязид пожал плечами.

— Сколько ты этим занимаешься!

— Несколько лет.

— Но зачем?

Барьязид отвел взгляд.

— Я уже как-то говорил вам, что никогда не отвечаю на подобные вопросы.

— Даже если я сломаю твою машину!

— Вы все равно ее не сломаете.

— Верно, — сказал Деккерет. — На, забери.

— ЧТО?

Деккерет протянул ему руку с лежавшим на ладони механизмом.

— Возьми.

— Вы не убьете меня! — вздрогнул Барьязид.

— Разве я судья? Вот если я поймаю тебя еще раз, когда ты будешь испытывать это на мне, то убью, можешь не сомневаться. А так — нет.

Убийство не по мне. У меня на душе уже есть один грех. К тому же ты должен провести меня обратно в Толигай, или ты забыл?

— Конечно, конечно. — Барьязида явно потрясло милосердие Деккерета.

— Хотя, смотри, ты заслуживаешь… — пробормотал Деккерет.

— Но послушайте… — начал Барьязид. — Я вмешивался в ваши сны…

— Ну?

— Потому, что я хотел понять вас.

— Хм…

— Я… Вы не хотите отомстить?

Деккерет покачал головой.

— Ты позволил себе слишком вольно обойтись со мной и рассердил меня, но теперь гнев прошел, и я не хочу тебя наказывать. — Он наклонился поближе к коротышке и сказал низким угрожающим тоном: — Я пришел на Субраель полный чувства вины, в поисках очищающих физических страданий. Глупости!

Физические страдания лишь укрепляют тело и силу и совсем немного значат для душевных ран. Ты же дал мне кое-что другое. Ты и твоя игрушка. Хоть ты и мучил меня в снах, но ты держал зеркало моей души, и я видел себя и свою сущность. Ты хорошо запомнил мой последний сон, Барьязид?

— Вы были в лесу… на севере…

— Да.

— Вы охотились. Одного из ваших загонщиков ранил зверь, верно?

— Продолжай.

— И вы оставили ее, продолжив погоню за добычей, а когда вернулись, было уже поздно, и вы обвинили себя в ее гибели. Я ощущал в вас чувство огромной вины и чувствовал исходящую от вас силу.

— Да, — кивнул Деккерет. — Это вина, которую мне предстоит нести всю жизнь. И с этим ничего нельзя сделать. — Поразительное спокойствие вдруг охватило его. Он ни в чем не был уверен, хотя во сне, наконец, встал лицом к лицу с событиями в Кинторском лесу и взглянул на то, что там сотворил и чего не сделал. Но понимая это, он не мог выразить словами, что глупо мучить себя всю жизнь за один беспечный поступок, и что пришло время отбросить самобичевание и заняться делом. Теперь он простил себя. Он приехал на Субраель ради искупления, и каким-то образом получил его, за что следовало благодарить Барьязида.

— Возможно, я мог бы спасти ее, — продолжал он, — а возможно, и нет.

Смерть есть смерть, да, Барьязид? И я должен служить не мертвым — живым.

Едем. Разворачивай флотер, мы возвращаемся в Толигай.

— Но… как же с вашим визитом на пастбища!

— Идиотское поручение. Недопоставки мяса? Вопрос уже решен, и мы едем в Толигай.

— А там?

— Ты отправишься на Замковую Гору со мной, покажешь свою игрушку Короналу.

— Нет! — в ужасе выкрикнул Барьязид. Впервые с тех пор, как они познакомились, он по-настоящему перепугался. — Прошу вас…

— Отеку, — окликнул его Динитак.

Под палящими лунами солнца парень здорово загорел, лицо его казалось совсем черным. И надменным.

— Отец, поезжай в Замок, пусть все увидят, *что* ты сделал.

Барьязид облизнул пересохшие губы.

— Я боюсь…

— Нечего бояться, наступает наше время.

Деккерет переводил взгляд с одного Барьязида на другого.

Старик внезапно оробел и как-то съежился, зато парень совершенно преобразился. Он чувствовал, что происходит историческое событие, перестановка могущественных сил, которые он

едва понимал.

Барьязид хрипло сказал:

— А что будет со мной в Замке!

— Не знаю, — ответил Деккерет. — Возможно, твою голову выставят на всеобщее обозрение на шпиле башни Лорда Симинэйва, а может быть, ты займешь место среди Великих Сил Маджипура. Случиться может все, что угодно, откуда мне знать? — Он понимал, что ведет себя неосмотрительно, потому что ему была безразлична судьба Барьязида и он не испытывал ненависти к коротышке, а только какую-то порочную благодарность за то, что тот помог ему справиться с собой. — Все зависит от Коронала. Но одно я знаю точно — ты едешь со мной на своей машине. Все, разворачивай флотер!

— Но день еще не кончился, — сказал Барьязид, — еще слишком жарко.

— Ничего, выдержим. Едем, и побыстрее! Нужно успеть захватить в Толигае корабль. К тому же в городе есть женщина, с которой я хочу увидеться до отплытия.

Это произошло в юности того, кто стал впоследствии Лордом Деккеретом при Понтифексе Престимионе. А юный Динитак Барьязид стал первым повелителем Суврaеля и владыкой душ

всех спящих Маджипура, именуемый отныне Королем Снов.

Художник и Изменяющий Форму

Это уже становилось привычкой. Душа Хиссуне была открыта для всего, а Считчик Душ являлся ключом к безграничному миру нового восприятия. Один из жителей Лабиринта, он получил особое ощущение мира, пусть слегка неясное и нереальное, как названия на картах. Только мрак и закрытость Лабиринта имели сущность, все прочее было туманом. И вместе с тем Хиссуне побывал уже на всех континентах, пробовал необычную пищу, видел пейзажи, испытал холод и жару, придя к более всестороннему пониманию сложного окружающего мира, что, как он подозревал, было доступно лишь немногим. Он вновь

и вновь возвращался к Считчику Душ, но больше не подделывал пропуск: юноша так часто бывал в архивах, что его приветствовали кивками и без слов пропускали внутрь, где в его распоряжении были миллионы «вчера» Маджипура.

Часто он задерживался здесь всего на несколько минут, пока определял, что не найдет сегодня ничего нового, чтобы двигаться дальше по дороге знаний.

Иногда с утра он быстро вызывал и обрывал по восемь, десять, пятнадцать записей. Разумеется, он знал, что каждая душа таит в себе целый мир, но не каждый такой мир одинаково интересен. Он искал способ открыть что-то новое, и иной раз делал неожиданные находки, например, человека, полюбившего Изменяющего Форму.

Излишество изгнало художника Териона Нисмайла из хрустальных городов замковой Горы в мрачные леса западного континента. Всю жизнь он прожил среди чудес Горы, путешествуя, согласно требованиям своей профессии, по пятидесяти городам, и каждые несколько лет менял роскошь одного города на чудеса другого. Он родился в Дундилмире, и на первых его полотнах запечатлелись сцены Сверкающей Долины, буйные и страстные от вложенного в

них пыла юности. Затем он прожил несколько лет в поразительном Канзилайне, городе говорящих статуй, потом во внушающем благоговение Сти, от одного предместья которого до противоположного было не меньше трех дней пути, побывал в Галанксе, расположившемся почти у окраины Замка, и пять лет провел в самом Замке, где создавал картины придворной жизни Коронала Трэйма. Его полотна высоко ценились за холодную сдержанность, изящество и совершенство форм, отражающие высшую степень совершенства пятидесяти городов. Но, тем не менее, красота этих мест со временем перестала трогать душу и чувства художника, и когда Нисмайлу стукнуло сорок лет, он начал сравнивать совершенство с застоем, и не мог смотреть на свои самые знаменитые работы. Душа требовала непредсказуемости, преобразования.

Высшей критической точки, наибольшей глубины кризиса он достиг в садах Толингарского Барьера, удивительном парке, раскинувшемся между Дундилмиром и Стипулом. Коронал заказал ему набор картин о садах, чтобы украсить беседку из ползучих растений, выстроенную у края Замка, и Нисмайл услужливо проделал долгое путешествие вниз по склонам колоссальной

Горы, прошел миль сорок по парку, выбирая подходящее место для работы, и установил мольберт на Кавказском Мысу, где сады уходили вдаль гигантскими зелеными симметричными завитками. Он бывал здесь еще мальчишкой. На всем Маджипуре нельзя было найти места более безмятежного и опрятного.

Толингарские сады состояли из растений, роскоши в удивительной чистоте и опрятности, руки садовников никогда не касались их, они сами росли в грациозной симметрии, регулируя промежутки между собой и подавляя всю близлежащую траву. Когда они роняли листья или считали необходимым избавиться от засохшей ветви, внутренние ферменты быстро разлагали сбрасываемый материал, превращая его в полезный компост. Этот сад основал Лорд Хавилбов более ста лет назад. Его преемники Лорды Кенете и Сирран продолжили и расширили программу генетически управляемых преобразований, и в царствие Лорда Трэйма задумка была завершена, и окружающее, казалось, застыло навечно. Это было само совершенство, которое и решил запечатлеть Нисмайл.

Он стоял перед пустым холстом, глубоко и спокойно втягивая легкими воздух, как всегда, когда

готовился войти в транс. А потом в одно мгновение дух его, отрешившись от сознания, впитал в себя единый миг уникальности видимой сцены. Художник обвел взглядом нежные холмы, поросшие кустарником с изящными иглами листвы, и волна ярости захлестнула его. Он затрепетал, пошатнулся и чуть не упал. Этот замерший пейзаж, это чистое и прекрасное место, этот непогрешимый и бесподобный сад — все это не нуждалось в нем. Все это само по себе было неизменным, как картина, так же застыв в своем невидимом ритме до конца времен. Как страшно и как ненавистно! Нисмайл пошатнулся, прижав ладони к вискам. Послышался удивленный шепот сопровождающих, и, открыв глаза, он увидел, что все в ужасе смотрят на почерневший, покрывшийся пузырями холст.

— Снимите! — закричал он и отвернулся. Все сразу пришло в движение, люди суетились, а в центре их группы замер Нисмайл, похожий на статую.

Когда он вновь смог заговорить, то сказал спокойно:

— Передайте Лорду Трэйму, что я не смог выполнить его поручение.

За день он купил в Дундилмире все необхо-

димое и отправился в долгое путешествие вниз к обширным и жарким заливным лугам реки Иоайн, там сел на баржу и долго-долго плыл по медлительным водам к Алайсору, порту на западном побережье Алханроеля, откуда после недельного ожидания добрался до Нуминора на Острове она, где прожил месяц. Затем он сел на корабль паломников, шедший в Пилиплок, город на диком Цимроеле. Он был убежден, что Цимроель не будет угнетать ни изящной красотой, ни совершенством.

Здесь насчитывалось всего восемь-девять городов. Чаще всего небольших, а все внутренние земли континента оставались дикими и малоисследованными именно туда Лорд Стиамот переселил метаморфов после их окончательного поражения четыре тысячи лет назад. Человек, уставший от цивилизации, мог бы восстановить душевные силы в таком окружении.

Нисмайл не питал иллюзий и ждал, что Пилиплок окажется грязной дырой, но, к его удивлению, город был древним и большим, построенным по четкому математическому плану. Такого безобразия, никоим образом не освежающего душу, художник не потерпел и двинулся на речной барже вверх по Цимру. Он оставил позади огромную

Ни-Мойю, прославленную даже среди обитателей других материков, но в городе под названием Верф он, подчинившись порыву, покинул баржу, нанял фургон и отправился в леса на юге. Забравшись в окружающую дикость настолько глубоко, что нигде не осталось следа цивилизации, он поставил хижину возле быстрой темной реки; к тому времени прошло три года, как он покинул Замковую Гору. Всю поездку он держался особняком, заговаривая с другими только по необходимости, и совсем не писал.

Здесь он почувствовал, что постепенно начинает излечиваться. Все в окружающем мире казалось незнакомым и удивительным. На Замковой Горе с ее управляемым климатом царила бесконечная весенняя свежесть, воздух был чистым и сухим, и дожди шли по заранее составленному расписанию. Теперь же он находился в туманном и сыром дождливом лесу с губчатой и плодородной почвой, где деревья росли в такой хаотичной путанице, какой он не мог и представить, стоя у Толингарского Барьера. Он носил минимум одежды, методом проб и ошибок познавал, какие плоды, ягоды и коренья пригодны в пищу, придумал плетеную запруду, облегчившую ловлю гибких красных рыб.

Часами бродил он по густым джунглям, смакуя не только необычную красоту, но и радость самих прогулок, и часто пел громким срывающимся голосом, чего никогда не делал на Замковой Горе. Иногда он начинал было готовить холсты, но убирал их, так и не прикоснувшись; сочинял поэму с прочувствованными словами и пел ее стройным высоким деревьям, опутанным лианами. Правда, время от времени ему хотелось узнать, что происходит при дворе Лорда Трэйма и не нанял ли Коронал другого живописца украшать беседку, но такие мысли приходили нечасто.

Нисмайл утратил счет времени. Минуло четыре, пять, возможно, шесть недель — он не мог сказать точно, прежде чем он увидел первого метаморфа.

Встреча произошла на болотистой лужайке в двух милях вверх по реке от его хижины. Нисмайл бродил там, собирая алые сочные луковицы земляных лилий, которые, как он недавно узнал, если их размять и запечь, очень вкусны. Росли они глубоко, и он выкапывал их руками, извозившись в земле до плеч. Вытаскивая пригоршню луковиц, он поднял грязное лицо и заметил спокойно стоявшую фигуру ярдах в десяти.

Он никогда прежде не видел метаморфов. Уро-

женцы Маджипура были навечно изгнаны со столичного континента Алханроеля, где провел свои детские годы Нисмайл. Но он знал, как они выглядели, и узнал это высокое, хрупкое, желтокожее существо, остролицее, с косящими внутрь глазами, еле заметным носом и волокнистыми волосами бледно-зеленого оттенка. На метаморфе был лишь кожаный пояс с коротким острым кинжалом из какого-то отшлифованного черного дерева. С жутким достоинством метаморф стоял, балансируя на длинной хрупкой ноге, обернув вокруг нее другую. Он выглядел зловещим и мягким одновременно, угрожающим и смешным. Подумав, Нисмайл решил не беспокоиться.

— Привет, — сказал он. — А я луковицы собираю.

Метаморф не ответил.

— Я Терион Нисмайл, бывший художник Замковой Горы. У меня тут хижина ниже по реке.

Так же молча метаморф продолжал смотреть на него, по лицу его промелькнуло странное выражение. Затем он повернулся и скользнул в джунгли, почти мгновенно растворившись в них.

Пожав плечами, Нисмайл продолжал выкапывать луковицы. Недели через две он встретил

второго метаморфа пили, может, того же самого, на этот раз когда сдирал кору с лианы, делая канат для ловушки на билантона. Метаморф безмолвно, как призрак, возник перед Нисмайлом и принялся созерцать его в том же положении, что и в прошлый раз. Нисмайл опять попытался вовлечь его в разговор, но, как и тогда, ничего не вышло, и загадочное существо вновь исчезло в лесу.

— Подожди! — позвал Нисмайл. — Я хочу поговорить с тобой, я… — Но он уже остался один.

Несколько дней спустя, собирая дрова для костра, он снова почувствовал, что его пристально разглядывают сразу заговорил:

— Я поймал билантона и испек его. Мяса больше, чем мне нужно. Может, разделишь со мной обед?

Метаморф улыбнулся, вернее, на лице его мелькнуло что-то вроде улыбки, и, словно отвечая, вдруг превратился в зеркальное отражение самого Нисмайла, коренастого и мускулистого, с черными глазами и темными волосами до плеч. Нисмайл заморгал, задрожав, потом, узнав, улыбнулся, решив принять все это как некую форму разговора, и сказал:

— Поразительно! Ни разу еще не видел. Идем,

часа через полтора мясо будет готово, а мы пока поболтаем. Ты понимаешь наш язык! Или нет? — Было очень необычно разговаривать со своим двойником. — Тут где-то неподалеку ваше селение? Пойдем к хижине, посидим у костра. У тебя нет вина?

Единственное, чего мне недостает, так это доброго крепкого вина вроде того, что делают в Майдемаре. Ну скажи же хоть что-нибудь! — Но метаморф ответил лишь гримасой (возможно, означавшей усмешку), исказившей второе лицо Нисмайла, превратив его в нечто неприятное и странное, затем мгновенно вернулся в свой естественный облик и неторопливой плывущей походкой удалился.

Нисмайл надеялся, что он вернется с фляжкой вина, но в тот день больше его не видел. Любопытные существа, подумал он. Может, их рассердило, что он поставил хижину на чужой территории, или они держат его под надзором из боязни, что он является авангардом человеческих переселенцев? Странно, но он совсем не боялся за себя, хотя в большинстве своем метаморфы были недоброжелательны к чужим. Часто рассказывали о их набегах на приграничные поселения людей, о том, что народ Изменяющих Форму таил нена-

висть к тем, кто захватил их мир, лишив хозяев законных прав на планету и загнав в джунгли. Но Нисмайл знал себя как человека доброй воли, никогда не причинявшего вреда другим, желавшего, чтобы его оставили в покое и позволили жить своей жизнью, и сейчас он надеялся, что какие-то неуловимые чувства дадут понять метаморфам, что он им не враг. Он хотел подружиться с ними, мечтал о дружеской беседе и хотел поделиться своими мыслями с этим необычным народом. Он мог бы даже написать кого-нибудь из них. Позднее он снова подумал о возвращении к искусству и испытал необычайный душевный подъем. Несомненно, он отличался сейчас от того несчастного человека, каким был на Замковой Горе, и отличие это само по себе должно было сказаться на его творчестве. В течение нескольких следующих дней он репетировал речь, которую составил, чтобы завоевать доверие метаморфов. Со временем, рассуждал он, они могли бы стать друзьями, беседовать.

Однако проходили дни, а он не видел ни одного метаморфа. Нисмайл бродил по лесу, не встречая никого. И, наконец, решил, что слишком торопил события и спугнул их. Это его расстроило.

Однажды в сырой и теплый день через несколь-

ко недель после того, как в последний раз видел метаморфа, он купался в холодном и глубоком пруду, образованном валунами в полумиле ниже хижины, и вдруг заметил бледную стройную фигуру, быстро пробирающуюся сквозь густые заросли синелистого кустарника на берегу. Он выскочил из воды.

— Подожди! — закричал он. — Пожалуйста… не бойся!.. Не уходи!..

Фигура исчезла, но Нисмайл, бешено продираясь сквозь подлесок, через несколько минут снова увидел ее у гигантского дерева с красной корой.

Пораженный, Нисмайл замер — это был человек, женщина. Стройная, юная и нагая. С густыми каштановыми волосами, узенькими плечами, небольшой высокой грудью и яркими глазами, она, казалось, совершенно не боялась его, лесовика, который слишком очевидно наслаждался неожиданной радостью встречи.

Пока он собирался с мыслями, она неторопливо оглядела его и сказала со смехом:

— Какой ты исцарапанный! Разве ты не умеешь бегать по лесу?

— Я не хотел, чтобы ты ушла.

— Ну, далеко я бы не ушла… Знаешь, я долго за тобой следила, пока ты меня заметил. Ты из

хижины, правильно?

— Да-а, а ты! Где ты живешь?

— Здесь и там, повсюду, — прозвучал мелодичный ответ.

Он изумленно смотрел на нее. Красота ее восхитила, бесстыдство потрясло. Откуда она взялась! Что делает одна обнаженная девушка в этих дебрях!

Девушка!

Конечно же, понял вдруг он с внезапной горечью ребенка, жаждавшего во сне сокровища, обретшего его и проснувшегося. Вспомнив, как легко метаморф стал его отражением, Нисмайл понял, что это просто какая-то шалость, маскарад. Он пристально изучал ее, выискивая признаки метаморфа: следы желтоватой кожи, острые выпирающие скулы, косящие глаза. Он искал эти следы на бесстыдно-веселом лице, но тщетно — во всех отношениях она выглядела человеком. И тем не менее… поскольку встретить здесь кого-то из соплеменников было просто невероятно, а пьюривара вполне возможно, то…

Он не хотел верить в это и решил доверчиво принять возможный обман в надежде со временем действительно поверить в свое счастье.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Серайс. А тебя?

— Нисмайл. Где ты живешь?

— В лесу.

— Значит, тут недалеко поселок?

Девушка дернула плечом.

— Я живу одна. — Она подошла к нему — он чувствовал, как напрягаются его мускулы по мере ее приближения — и легонько коснулась порезов от ветвей на его руках и груди. — Больно?

— Начинает болеть. Я их промою.

— Да, пожалуй. Давай вернемся к запруде. Я знаю тропку получше той, по которой ты мчался сломя голову. Иди за мной.

Она отошла в сторону и раздвинула густые заросли папоротник, открыв узкую, но хорошо утоптанную тропинку. Девушка грациозно рванулась вперед, и он побежал следом, восхищаясь легкостью ее движений, игрой мышц спины и ягодиц. Он нырнул в воду секундой позже ее, взметнув фонтаны брызг.

Холодная вода успокоила саднящие царапины. Когда они вышли из воды, его властно потянуло привлечь ее к себе и обнять, но он не посмел. Они растянулись на поросшем мхом берегу. В глазах ее сверкало озорство, недоброе озорство.

— Моя хижина недалеко, — сказал он. — Я

знаю.

— Не хочешь заглянуть туда?

— В другой раз, Нисмайл.

— Хорошо, в другой так в другой.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Я родился на Замковой Горе — знаешь, где это? И был придворным живописцем Коронала, но не обычным. Я пишу душой. Понимаешь, это… как бы переносить картину на холст душой… Я могу показать. Я смотрю на что-нибудь внутренним взором, охватываю суть увиденного своим подсознанием, затем впадаю в транс, почти засыпаю, преобразую увиденное во что-то свое и переношу на холст. — Он помолчал. — Это лучше видеть.

Она, кажется, почти не слушала его.

— Ты хочешь ко мне прикоснуться, Нисмайл?

— Да. Очень…

Густой и мягкий мох на ощупь напоминал толстый ковер. Она подкатилась к нему, рука его нависла над ее телом, и тут он заколебался: он был убежден, что она метаморф и играет с ним в какую-то извращенную игру Изменяющих Форму. Волна тысячелетнего страха и ненависти поднялась в нем: он страшился ее прикосновения, боялся найти ее кожу липкой и отвратитель-

ной, какой, по его мнению, должна быть кожа метаморфов. Еще он боялся, что она изменится, обернется чуждой тварью, когда будет покоиться в его объятиях.

Глаза девушки приблизились, губы раскрылись, язычок дразняще мелькнул за белыми зубами — она ждала. В ужасе он заставил свою руку лечь на ее грудь.

Кожа ее была теплой, упругой и чувственной плотью человеческой женщины насколько он мог определить после стольких лет одиночества. С тихим вскриком она прижалась к нему. На один пугающий миг безобразный вид метаморфа мелькнул в сознании — угловатый, длиннорукий, длинноногий, безносый, но Нисмайл с силой отмел его прочь, приподнялся, лег и вдавился в ее сильное гибкое тело. Долгое-долгое время спустя они лежали бок о бок, умиротворенные, сцепив руки и ничего не говоря. Даже когда пошел легкий грибной дождь, они не шевельнулись, позволяя быстрым острым каплям омывать их тела. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что она с любопытством смотрит на него.

— Я хочу нарисовать тебя, — сказал он.

— Нет.

— Не сейчас. Завтра. Ты придешь ко мне в хи-

жину, и…

— Нет.

— Я уже несколько лет не пробовал писать. Для меня очень важно начать сызнова. И я очень хочу написать тебя.

— А я очень этого не хочу, — ответила она.

— Пожалуйста!

— Нет, — повторила Серайс мягко, откатилась от него и встала. — Рисуй джунгли, запруду. Только не рисуй меня, Нисмайл, хорошо!

Неторопливым жестом он дал понять, что согласен.

— Теперь я пойду, — сказала она.

— Скажи, где ты живешь?

— Я уже говорила — в лесу. Почему ты задаешь такие вопросы!

— Я не хочу терять тебя, а если ты исчезнешь, откуда мне знать, где искать тебя?

— Но я ведь знаю, где найти тебя, — засмеялась Серайс. — По-моему, этого хватит. — Ты придешь завтра ко мне в хижину, да?

— Да.

Он взял ее за руку и потянул к себе, но теперь уже колебалась она. Она так и не сказала ничего, кроме своего имени. С трудом верилось, будто она, как и он, в одиночестве живет в джунглях

и бродит по ним из прихоти, но он сомневался, что сумеет отыскать и указать ей несоответствия между ее словами и действительностью. И все-таки самое вероятное объяснение — она метаморф, по непонятной причине впутавшийся в связь с человеком. Всеми силами он сопротивлялся этой мысли, но был слишком здравомыслящим, чтобы отвергнуть ее полностью. С другой стороны, она выглядела, как человек, чувствовала, как человек, вела себя, как человек. Неужели метаморфы заходят в своих перевоплощениях столь далеко! Его тянуло спросить прямо, выложить свои подозрения, но это было бы просто глупо — ясно было, что она не ответит. И он оставил все вопросы при себе. Девушка мягко высвободила руку, улыбнулась, послала ему воздушный поцелуй и, шагнув к окаймляющим тропу папоротникам, исчезла из виду.

Весь следующий день Нисмайл прождал ее в хижине. Она не пришла, и это почти не удивило его. Встреча их казалась сном, фантазией, интермедией вне времени и пространства. Он и не надеялся увидеть ее снова. К вечеру он достал из привезенного с собой мешка холст и натянул его, думая, что сможет запечатлеть открывающийся из окна хижины вид, когда сумерки окрасят

воздух. Он долго изучал пейзаж, проверяя вертикаль стройных деревьев относительно тяжелой горизонтали густых зарослей желтых ягодных кустов, но в конце концов покачал головой и убрал холст. Ничто в окружающем не нуждалось в изображении на картине, и Нисмайл решил подняться утром вверх по реке за луг к более обещающей сцене, где мясистые сочные побеги, как резиновые шипы, торчали из глубоких расщелин и скал.

Но утром нашелся предлог отложить поход, а днем показалось, что идти уже поздно. Тогда он принялся за работу в своем крошечном садике, куда пересаживал кусты, чьи ягоды или зелень употреблял в пищу, и провозился несколько часов. После полудня молочная мгла окутала лес. Он вошел в хижину, а через несколько минут в дверь постучали.

— Я уже не надеялся, — сказал он ей.

Лоб и брови Серайс покрывали бусинки туманной влаги.

— Я обещала, — тихо сказала она, — и пришла.

— Вчера, — напомнил Нисмайл.

— Вот это — за вчерашний день, — она засмеялась и вытащила из-под одежды фляжку. — Ты любишь вино? Я нашла немного. Пришлось, прав-

да, порядочно пройти, чтобы достать его. Вчера.

Это было молодое темное вино, щекотавшее искорками язык. Фляжка была без ярлыка, но Нисмайл решил, что это какое-то вино, не известное в Замке.

Они выпили все, причем он выпил гораздо больше девушки — она наполняла его чашу снова и снова, — а когда вино кончилось, нетвердыми шагами вывалились наружу и занялись любовью на холодном и сыром берегу реки, после чего задремали.

В начале ночи она разбудила его и отвела в постель. Они провели на ней ночь, а утром она не выказала никакого желания уйти. Они сходили к запруде и начали день с купания, потом снова занимались любовью на толстом ковре из мхов, а после она провела его к древесному исполину с красной корой, где он впервые ее увидел, и показала гигантский желтый плод, упавший с одной из чудовищных ветвей. Нисмайл с сомнением оглядел его. Плод раскололся, показывая алую мякоть, усеянную большими поблескивающими черными зернами.

— Двикка, — сказала девушка. — Сейчас мы добудем питье.

Она разделась и сложила в платье большие

куски плода, которые они отнесли к хижине, где и позавтракали. Почти до полудня они пели и смеялись. На обед они нажарили рыбы, наловив ее в плетеной запруде Нисмайла, а позже, когда лежали рука в руке, любуясь приходом ночи, она задала тысячи вопросов о его прошлой жизни, о картинах, детстве, путешествиях, о Замковой Горе, о пятидесяти городах, Шестиречье, о дворе Коронала Лорда Трэйма, о замке Короналов и его неисчислимых залах. Вопросы лились из нее нескончаемым потоком, новый обгонял предыдущий, пока Нисмайл еще отвечал. Любопытство ее было неистощимо и не давало ему возможности узнать что-нибудь о ней самой, да он и сам сомневался, что она ответит.

— Что мы будем делать завтра? — спросила она.

Так началась их связь. В первые дни они почти ничего не делали, только ели, пили, купались, занимались любовью да жевали опьяняющие кусочки плода двикки, и наконец Нисмайл перестал бояться, что она исчезнет так же внезапно, как появилась. Поток ее вопросов постепенно иссяк, но сам он так и не решился расспросить ее.

Он никак не мог избавиться от навязчивой мысли, будто она метаморф, и за лживой ее кра-

сотой таится чужое и безобразное лицо. Мысль эта особенно часто поражала его, когда он ласкал прохладные и свежие бедра или груди.

Как ни отбрасывал он подозрения, они не покидали его. В этой части Цимроеля не было человеческих поселений, и казалось слишком невероятным, чтобы девушка — несмотря на все подозрения, она оставалась для него девушкой — избрала, подобно ему, жизнь отшельника. Гораздо более вероятно, думал Нисмайл, что она родилась здесь, что она одна из Изменяющих Форму, которые скользят подобно призракам по этим сырым джунглям. Когда она засыпала, он иногда рассматривал ее в тусклом лунном свете, отыскивая места, где терялся человеческий облик, но ничего не мог найти — она оставалась человеком, и все равно он не мог избавиться от подозрений.

К тому же, не в характере метаморфов было искать общества человека или выказывать к нему дружелюбие. Для большинства людей Маджипура метаморфы являлись призраками минувшей эпохи, нереальными и легендарными. Для чего кому-то из них нарушать его уединение и предлагать себя в убедительной подделке для любви, рьяно стараться расцветить ему день и

ласкать ночью!

Иной раз ему мерещилось, будто Серайс в темноте возвращается в свой естественный облик и, поднимаясь над ним, спящим, вонзает сверкающий кинжал в горло, мстя за преступления его предков. Но он понимал, что подобные фантазии — вздор. Захоти метаморфы убить его, им бы не потребовались столь запутанные способы.

Нелепо было верить, что она метаморф, но так же нелепо было не верить в это.

В конце концов, отринув все сомнения, он решил вновь вернуться к своему искусству, и в один необычайно ясный и солнечный день вытащил Сервис на скалу сочного красного цвета, прихватив пустой холст. Она зачарованно смотрела за его приготовлениями.

— Ты рисуешь только сознанием? — спросила она.

— Только им. Я фиксирую сцену в душе, преобразую и… в общем, увидишь сама.

— А ничего, что я смотрю? Я ничего не испорчу?

— Конечно, нет.

— Но если вмешается еще чье-нибудь сознание!

— Такого не случится, холсты настроены на

меня. — Он посмотрел сбоку, поправил подрамник, отошел на несколько футов. В горле вдруг пересохло, руки задрожали. Прошло столько лет, сохранился ли его дар? И техника? Он выровнял холст по прямой линии и коснулся его, пока предварительно, сознанием. Сцена была хорошей, живой и необычной, цвета резко контрастировали между собой — превосходная композиция. Массивная скала с жутковатыми мясистыми растениями, на кончиках ветвей которых цвели крошечные желтые чашечки, испещренный солнечным светом лес — да, да, это поможет перенести на холст суть окружающих, густо переплетенных джунглей…

Он прикрыл глаза. Вошел в транс. И перенес картину на холст.

Серайс тихонько вскрикнула от удивления.

Нисмайл чувствовал, что весь покрыт потом, он пошатнулся, с трудом сохранив равновесие. Мгновение спустя он вновь обрел над собой контроль и взглянул на холст.

— Как красиво! — прошептала Серайс.

Однако его потрясло увиденное. Эти головокружительные линии, смазанные, чередующиеся цвета, тяжелое сальное небо, угрюмой петлей приклеенное к горизонту — ничего похожего на

сцену, которую он хотел запечатлеть, и что гораздо тревожнее, ничего похожего на предыдущие работы Териона Нисмайла.

Мрачная, болезненная картина, испорченная непреднамеренным диссонансом.

— Тебе не нравится? — удивилась Серайс.

— Я пытался передать совсем не это.

— Ну и что! Все равно, удивительно создавать картину ТАК, тем более, такую прекрасную…

— По-твоему, она прекрасна?

— Конечно. А разве нет?

Он посмотрел на Серайс. Это прекрасно? Что это — лесть? Или у нее просто нет вкуса? Невежество? Неужели она искренне восхищается тем, что он сотворил? Этой необычной, мучительной картиной, мрачной и чуждой… *ЧУЖДОЙ!* — Тебе не нравится, — она уже не спрашивала, утверждала.

— Я не писал около четырех лет. Наверное, нужно начинать медленно и постепенно.

— Это я испортила, — перебила Серайс.

— Ты? Глупости!

— Вмешалось мое сознание, мое видение вещей.

— Я ведь говорил тебе, что холсты настроены только на меня. Я могу стоять среди тысячной

толпы, и никому не удастся повлиять на мою работу.

— Но, может, я как-то отвлекаю тебя?

— Вздор!

— Я пойду, прогуляюсь, рисуй пока один.

— Не стоит. Пойдем-ка лучше домой, искупаемся, перекусим и займемся еще кое-чем, а?

Он снял с подставки холст и скатал его. Слова девушки подействовали на него сильнее, чем он готов был признать. Несомненно, что-то странное вмешалось в создание картины. А вдруг это она каким-то образом испортила работу? Что, если скрытая душа метаморфа наполнила его создание своей сущностью, заставив воспринять чуждые цвета?…

Они молча шли вниз по течению реки, когда добрались до луга земляных лилий, где Нисмайл встретил первого метаморфа, он вдруг сказал:

— Серайс, я хочу тебя кое о чем спросить.

— Да?

Теперь он уже не мог остановиться.

— Ты не человек, да? Ты действительно метаморф?

Она уставилась на него, щеки ее заалели.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— Я — метаморф! — Она не очень убедительно рассмеялась. — Что за дикая мысль!

— Ответь мне, Серайс. Посмотри мне в глаза и ответь.

— Какая глупость, Терион.

— Пожалуйста, ответь.

— Ты хочешь, чтобы я доказала, что я человек? Но как?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, человек ты или нет.

— Я человек, — сказала она.

— Этому можно верить?

— Не знаю. Я тебе ответила. — Глаза ее весело блеснули. — Или я чувствую не как человек? Веду себя не по-человечески? Неужели я похожа на подделку?

— Может, я просто не могу заметить различий.

— Но с чего ты взял, будто я метаморф?

— Только метаморфы живут в здешних джунглях, — ответил он. — И это логично… хотя, даже… — Нисмайл смолк. — Ладно, я получил ответ.

Дурацкий вопрос, и я сам дурак.

— Какой ты странный! Ты ведь должен рассердиться на меня за то, что я испортила твою картину.

— Нет.

— Ты совершенно не умеешь лгать.

— Ну хорошо. Что-то испортило мою работу. Я не знаю, что. Я собирался писать не это.

— Тогда напиши другую.

— Да. Позволь мне написать тебя.

— Я уже говорила, что не хочу, чтобы меня рисовали.

— Мне это очень нужно. Мне необходимо увидеть твою душу, а только так я могу…

— Рисуй двикку, Терион, хижину.

— Но почему не тебя?

— Мне не хочется.

— Это не ответ. Что тут такого?

— Пожалуйста, Терион.

— Ты боишься, что я увижу тебя на холсте такой, какой ты себе не нравишься? Так? Или, что я получу иной ответ на вопрос, если напишу тебя?

— Пожалуйста.

— Позволь мне написать тебя.

— Нет.

— Но почему? Скажи, почему?

— Не могу, — ответила она.

— Тогда и отказать ты не можешь. — Он вытащил холст из мешка. — Здесь, на лугу, сейчас. Подойди, Серайс, встань у реки. Это быстро, всего

минута…

— Нет, Терион.

— Если ты меня любишь, то не откажешь.

Столь грубый шантаж потряс его самого и рассердил девушку. Он заметил в ее глазах зловещий огонек, какого никогда не видел раньше. Холодно и ровно она сказала:

— Не здесь, Терион. У хижины. Рисуй меня там, если настаиваешь.

За весь оставшийся путь они не сказали ни слова. Нисмайл старался забыться. Ему казалось, он вырвал ее согласие силой, и сейчас почти желал вернуть назад ее уступку. Но… не спеша подготовил холст.

— Где мне встать? — осведомилась она.

— Где хочешь. У речки, у хижины.

Вялой походкой она подошла к хижине и посмотрела на Нисмайла — тот кивнул и принялся прохаживаться перед холстом, готовясь войти в транс.

Серайс сердито смотрела на него глазами, полными слез.

— Я люблю тебя! — выкрикнул он вдруг и погрузился в транс — последнее, что он видел, прежде чем закрыть глаза, была Серайс, замершая возле хижины, но теперь она уже не казалась унылой

— плечи ее расправились, глаза засверкали, вспыхнула улыбка. Когда он вновь открыл глаза, картина была готова, а девушка робко глядела на него из дверей хижины.

— Ну, как? — спросила она.

— Иди сюда, посмотрим вместе.

Она подошла, и они стали рассматривать картину, а мгновенье спустя рука Нисмайла обняла плечи девушки. Она задрожала и крепко прижалась к нему.

На картине, на фоне зубчатых красных, оранжевых и розовых цветов была изображена женщина с человеческими глазами, но ртом и носом метаморфа.

Она спокойно сказала:

— Теперь ты узнал, что хотел.

— Значит, на лугу была ты? И те два раза тоже?

— Да.

— Почему?

— Ты заинтересовал меня, Терион, и я захотела узнать о тебе побольше. Я никогда не видела таких, как ты.

— Я все равно не верю, — прошептал он.

Она кивнула на картину.

— Но этому ты веришь, Терион?

— Нет! Нет!

— Теперь ты получил ответ.

— Я знаю, ты человек! Картина *лжет*!

— Нет, Терион.

— Докажи! Изменись, изменись сейчас же! — Он отпустил ее и чуть шагнул назад. — Давай! Меняйся!

Она печально взглянула на него, потом безо всякого перехода превратилась в его копию, как делала уже однажды. Он смотрел, не мигая, и она изменилась снова, превратившись на сей раз во что-то чудовищное: кошмарный, испещренный оспинами серый шар с отвислой кожей, глазами-блюдцами и загнутым черным клювом. Потом стала метаморфом, с чахлой грудной клеткой и невыразительными чертами лица, затем вновь стала Сервис: водопад каштановых волос, изящные руки, стройные ноги, сильные бедра.

— Нет, — воспротивился он. — Не надо больше подделок.

Она вновь превратилась в метаморфа. Нисмайл кивнул.

— Да, так лучше. Оставайся такой, это гораздо красивее.

— Красивее, Терион?

— Для меня ты красива и такая, настоящая.

Обман всегда отвратителен.

Он потянулся к ее руке, на ней оказалось шесть пальцев, очень длинных и узких, без ногтей и суставов, кожа была молочной и чуть глянцевой — вот и все. Он ожидал большего. Художник провел рукой по ее стройному телу. Она не шевелилась.

— Теперь я уйду, — сказала она наконец.

— Останься. Живи со мной.

— Даже теперь?

— Даже теперь. В своем настоящем облике.

— Ты действительно хочешь?

— Да, да, — кивнул он. — Останься.

— Когда я в первый раз пришла к тебе, — сказала она, — то хотела не только узнать тебя, но и вредить. Ты наш враг, Терион, и род твой всегда будет враждовать с нами. Но когда мы стали жить вместе, я не смогла найти причины, чтобы ненавидеть тебя. ТЕБЯ! Ты особенный, понимаешь?

Голос Сервис шел из чужих уст. Как странно, мелькнуло у него в голове, как похоже на сон.

— И я захотела остаться с тобой, — продолжала она. — И играть свою роль вечно. Но игра окончилась, и все равно, я хочу остаться с тобой.

— Тогда останься, Серайс.

— Только если ты действительно этого хо-

чешь.

— Я сказал тебе, да.

— Я не страшу тебя?

— Нет.

— Нарисуй меня еще раз, Терион, покажи мне любовь в своей картине, и тогда я останусь.

Он рисовал ее день за днем, пока не кончились холсты, и развешивал картины в хижине: Серайс у двикки, Серайс на лугу, Серайс в молочном вечернем тумане.

У него не было возможности готовить новые холсты, хотя он и пытался.

Они ходили в дальние походы, и она показывала ему новые деревья и цветы, животных джунглей, зубастых ящериц и зарывающихся в землю золотых червей, зловещих и неуклюжих аморфиботов, спящих днем в грязных мутных озерцах.

Они мало разговаривали друг с другом, — время ответов на вопросы миновало, и в словах больше не было нужды.

День шел за днем, неделя за неделей, в нескончаемом лете трудно было подсчитать время. Может быть прошел месяц, может быть, шесть. Они никого не встречали, по ее словам, в джунглях было полно метаморфов, но те держались

где-то поодаль, и Нисмайл надеялся, что они оставят их в покое навсегда.

Однажды под мелким моросящим дождем он отправился проверить ловушки, и когда через час вернулся, то понял, что произошло что-то страшное. Едва он приблизился, из хижины выскочили четверо метаморфов. Он чувствовал, что один из них Сервис, но не мог сказать, какой.

— Подождите! — закричал он, когда они проходили мимо, и побежал следом.

— Что вы от нее хотите? Куда ее уводите?

На какую-то долю секунды один из метаморфов заколебался, и Нисмайл увидел девушку с каштановыми волосами, но то было лишь мгновение, и снова четверо метаморфов призраками скользили в глубину джунглей. Дождь пошел сильнее, опустилась тяжелая туманная мгла, отрезав видимость. Нисмайл замер на краю еще чистого пространства, крича сквозь дождь и шум реки. Ему почудилось, что он услышал плач, но это могли быть и звуки джунглей.

Преследовать метаморфов в густом белом тумане было просто невозможно.

Больше он никогда не видел ни Серайс, ни других метаморфов. Одиночество теперь стало совсем нестерпимым, и одно время он даже на-

деялся, что пьюривары нападут на него в лесу и убьют своими короткими отполированными кинжалами. Но ничего подобного не происходило, и когда стало ясно, что живет он теперь в чем-то вроде карантинной зоны, отрезанный не только от Серайс — если она была еще жива, — но вообще от всех метаморфов, он не смог больше оставаться здесь. Собрав картины с изображениями Серайс, он заботливо закрыл хижину и начал долгое и опасное возвращение к цивилизации.

Оставалась неделя до его пятидесятилетия, когда он добрался до Замковой Горы. За время его отсутствия Лорд Трэйм стал Понтифексом, а новым Короналом стал Лорд Вилдивар, питавший мало симпатий к искусствам. Нисмайл снял студию на набережной в Сти и снова занялся живописью. Работал он только по памяти, создавая мрачные и тревожные сцены из жизни джунглей, где часто таились в засадах метаморфы. Подобные работы были не всем по душе в добром и веселом мире Маджипура, и поначалу у Нисмайла было всего несколько покупателей. Однако со временем его работы попали к герцогу Квирайну, уставшему от солнечной безмятежности и совершенства местных живописцев. Благодаря покровительству герцога, картины

Нисмайла вошли в моду, и в последующие годы его жизни всегда имелся рынок, готовый принять любую его работу.

Ему подражали многие, но никогда удачно, о нем писались многочисленные эссе и биографии.

— Ваши картины такие буйные, непокорные и необычные, — сказал ему один школяр. — Вы придумали какой-то новый способ работы!

— Я работаю только по памяти, — объяснил Нисмайл.

— Наверное, больно вспоминать такое?

— Не совсем, — ответил Нисмайл. — Все мои работы предназначены для того, чтобы помочь мне заново познать радость жизни, время любви, время счастья и самых драгоценных дней моей жизни. — Он смотрел сквозь школяра и видел далекие туманы, густые и мягкие, как шерсть, которые окутывали заросли высоких стройных деревьев, перевитые сетью лиан.

Преступление и наказание

Эта история заставила Хиссуне вспомнить начало своих поисков в архивах.

Снова Тесме и хайрог, правда, роман разворачивается между мужчиной и чужачкой. Вообще-то, сходство было поверхностным; совершенно иные люди, в совершенно непохожей ситуации. Хиссуне стал лучше понимать художника Териона Нисмайла, чьи картины до сих пор висели для всеобщего обозрения в галереях Замка Лорда Валентина, но метаморф осталась для него загадкой, тайной за семью печатями, как, скорее всего и для самого Нисмайла. Он поискал индекс с записью души метаморфа, и нисколько не удивил-

ся, не найдя такого. То ли Изменяющие Форму не вели записей, то ли их аппараты были неспособны принимать эманации сознания, то ли им просто не давали пользоваться архивом. Хиссуне ничего не нашел. Со временем, говорил он себе, на все найдется ответ, тем более, что оставалось еще очень и очень много неисследованных возможностей. Воздействие Короля Снов, например, на души людей — он хотел узнать об этом побольше. Тысячи лет потомки Барьязида терзают спящие сознания преступников, и Хиссуне хотел понять, как это происходит. Он рылся в архивах, и после долгих поисков судьба вручила ему душу человека, унылого торговца из города Сти.

Убийство он совершил поразительно легко. Маленький Клейм стоял у открытого окна небольшой комнатки на верхнем этаже таверны в Вугеле, где они с Халигейном договорились встретиться. Халигейн стоял возле кушетки, разговор был не из приятных. В конце концов. Клейм пожал плечами и сказал:

— Вы лишь попусту тратите мое и свое время. Я не понимаю, что вам нужно.

В эту минуту Халигейну показалось, что Клейм и только Клейм стоит между ним и спокойной жизнью, которую он, конечно же, заслужил. Зна-

чит Клейм враг.

Халигейн спокойно подошел к нему, настолько спокойно, что Клейм не встревожился до самого последнего мгновения, и одним движением бросил Клейма из окна.

Лицо Клейма отразило удивление. На один удивительно долгий миг он повис, словно подвешенный, в воздухе, потом с еле слышным всплеском рухнул в быстрые воды реки за окном таверны, и его тут же унесло к подножию далекой Замковой Горы. В одно мгновение он скрылся из виду.

Халигейн посмотрел на свои руки, не в силах поверить в то, что они сделали. Вновь он видел себя, подходящего к Клейму, видел его, зависшего в воздухе, а затем исчезающего в темных водах реки. Скорее всего Клейм уже мертв, а если нет, то через одну-две минуты умрет наверняка. Рано или поздно его выбросит на каменистый берег у Канзилайна, и кто-нибудь опознает в нем торговца из Кимканайла, пропавшего с неделю назад. Только будет ли у кого причина подозревать именно его, Халигейна! Убийство совершенно необычное преступление на Маджипуре. Даже если ухитрятся установить — одна Дивин знает как, — что Клейм погиб насильственной смер-

тью, как доказать, что его вытолкнул из окна таверны в Вугеле Сигмар Халигейн! Это никому не удастся, убеждал себя Халигейн, но это помогало мало, и суть оставалась прежней: Клейм убит, а сам он — убийца.

Убийца? Это поразило Халигейна. Он шел сюда не убивать Клейма, а договориться с ним, заключить торговый контракт. Но разговор закис в самом начале. Клейм, маленький привередливый человечек, наотрез отказался взять на себя новое обязательство. Он заявил, что торговый агент Халигейна ошибся, и не только отказался покупать геологическое оборудование, но даже не посочувствовал бедственному финансовому положению Халигейна. К концу разговора вежливый отказ Клейма затмил для Халигейна все и вся, это был мерзкий, отвратительный отказ, и Халигейн желал избавиться от него любой ценой. Отбрось он эту мысль и подумай о последствиях, он бы, разумеется, не стал выталкивать Клейма из окна — как бы там ни было, по природе Халигейн не был убийцей. Но он никак не мог перестать думать об этом, и теперь Клейм мертв, а жизнь Халигейна претерпела огромные изменения: в один миг он превратился из Халигейна-торговца в Халигейна-убийцу.

Внезапно! Страшно! Непонятно!

И что теперь?

Трясущимися руками Халигейн закрыл окно и опустился на кушетку, весь мокрый от пота, в горле у него пересохло. Он не знал, что делать дальше.

Отдаться в руки прокторов! Признаться и отправиться в тюрьму или куда там отсылают преступников! Он не был готов ни к тому, ни к другому. Когда-то он читал старые книги о преступлениях и наказаниях, древние легенды и мифы и, насколько он понял, убийство как преступление исчезло давным-давно, а механизм обнаружения и искупления ржавел неизвестно сколько столетий.

Существовала знаменитая история о морском капитане, выбросившем за борт сошедшего с ума члена экипажа во время плавания через Великое море после того, как тот убил кого-то на корабле, и она всегда казалась Халигейну дикой и невероятной. Но сейчас, обессиленный и ни о чем не думающий, он ощущал себя первобытной тварью, чудовищем, пожирателем человеческих жизней. Он знал, что ничего подобного с ним больше не произойдет, но от этого не становилось легче.

Нужно было убираться из таверны. Если кто-нибудь видел, как падал Клейм — невероятно, конечно, поскольку таверна стояла на фоне искрящейся солнечными бликами набережной, а Клейм свалился из заднего окна и сразу ушел в глубину, — совершенно незачем было торчать тут, дожидаясь появления любопытных.

Халигейн быстро уложил свой саквояж, посмотрел, не осталось ли в комнате чего-нибудь наводящего на след Клейма, и сошел вниз. За стойкой стоял хьорт. Халигейн протянул ему несколько крон со словами:

— Я хотел бы получить счет.

Нервы расходились, и он с трудом удерживался от непроизвольной болтовни, боясь, что хьорт запомнит его. Нужно оплатить счет и поскорее убираться. Интересно, знал ли хьорт, что постоялец из Сти принимал у себя гостя! Если да, то он быстро забудет об этом, как забудет и самого постояльца, поскольку нет никаких причин запоминать его. Владелец подвел итог, Халигейн прибавил еще пару монет, ответил на механическое «Благодарю, приезжайте снова» машинальным «Спасибо, непременно», вышел на улицу и быстро пошел прочь от реки.

Сильный свежий ветер дул вниз по склону

Горы, солнечный свет был ярким и теплым. Последний раз Халигейн был в Вугеле несколько лет назад, и в другое время с удовольствием заглянул бы на знаменитую Площадь, полюбовался бы на прославленные картины и прочие здешние диковины, но теперь ему было не до экскурсий. Он спешил на пересадочную станцию, торопясь взять билет в один конец до Сти.

Страх, неуверенность, ощущение вины и стыд следовали за ним по пятам из города в город, пока он ехал по склонам Горы.

Знакомые растянутые пригороды гигантского Сти принесли некоторое успокоение. Скоро он будет дома, в безопасности. С каждым днем, приближающим его к Сти, Халигейн чувствовал себя спокойнее. Могучая река, чье имя дало название городу, с поразительной скоростью несла свои воды вниз по склону Горы. Отполированные фасады зданий Речной Стены взметнулись ввысь на сорок этажей и протянулись на несколько миль. Мост Кинникена, Башня Тимина, Поле Мощей. Дома! Вся живительная сила Сти кипела вокруг и успокаивала, пока он ехал от центральной станции в свой пригородный район.

Здесь, в величайшем городе Маджипура, процветающем благодаря тому, что здесь родился

нынешний Коронал Лорд Кинникен, он был в безопасности от последствий неосознанного поступка, совершенного в Вугеле.

Халигейн обнял жену, двух дочерей, крепкого сына. Они видели его усталость и относились с преувеличенной нежностью, словно за время поездки он стал хрупким и бессильным. Ему принесли вина, трубку, шлепанцы, домашние суетились вокруг, излучая любовь и доброту, ничего не спрашивали о поездке, зато болтали о местных сплетнях. В конце концов, он сказал сам:

— Думаю, мы с Клеймом сработаемся. У меня есть причины так считать.

Он сам почти верил в это.

Можно ли связать убийство с ним, если он держится спокойно и непринужденно? Он сомневался, что кто-либо видел падение Клейма. Конечно, для властей несложно установить, что они с Клеймом согласились встретиться в Вугеле — на нейтральной почве — и обсудить деловые разногласия, но что это доказывает? «Да, я виделся с ним в какой-то таверне у реки, — может сказать он. — Мы закусили, довольно много выпили, потому что пришли к взаимопониманию, а потом я уехал. Должен заметить, он еще

стоял на ногах, когда я уходил. Видимо, бедняга Клейм, напившись мулдемарского вина, сильно высунулся из окна, любуясь какой-нибудь красавицей, проплывавшей мимо на лодке… Нет, нет, нет! Пусть предполагают они. Мы встретились, пообедали, заключили соглашение, а потом я ушел, — ничего больше. Кто может доказать, что все было не так?»

На следующий день он вернулся в свою контору и занялся делами, будто ничего необычного в Вугеле не произошло. Он не мог себе позволить такую роскошь, как угрызение совести о совершенном преступлении.

Дела шли неважно, в кредитах ему было отказано, он был близок к банкротству. И все это сделал Клейм.

Не думать о Клейме было трудно. В последующие дни его имя постоянно всплывало в связи с делами, и Халигейну с трудом удавалось скрывать свою реакцию. В торговом мире все понимали, что Халигейн борется из последних сил, и выражали сочувствие. Это поддерживало. Зато почти каждый разговор вертелся вокруг Клейма, его скупости, беззакония в сделках и мстительности, постоянно выводя Халигейна из себя. Это имя звучало как выстрел. «Клейм!» — и

он цепенел. «Клейм!» — и щеки его дергались. «Клейм, Клейм!» — он прятал руки к за спину, словно они несли ауру убийства.

Часто он ловил себя на мысли, будто в минуту усталости говорит какому-нибудь клиенту: «Знаете, я убил его — выбросил в окно, когда был в Вугеле». Как легко эти слова могут сорваться с его губ, если только чуть-чуть расслабиться!

Халигейн подумывал о паломничестве на Остров Сна ради очищения души, но только позже, не сейчас, а пока отдавал каждую минуту делам, иначе предприятие могло полностью обанкротиться, и семья его впала бы в нищету.

Иногда он думал о признании и о том, удастся ли ему договориться с властями, чтобы ему позволили искупить вину, не прерывая деловой деятельности. Может быть, штраф? Хотя, какой штраф он в состоянии заплатить теперь? Да и оставят ли его в покое так легко? В конце концов, он так ничего и не решил, только постарался хоть ненадолго выбросить убийство из головы и полностью отдаться работе.

А затем начались сны. Послания.

Первое пришло в ночь стардей, на второй неделе лета, и было мрачным и болезненным. Глубокой ночью он видел уже третий сон, после

которого сознание обычно начинает постепенно пробуждаться к рассвету, как вдруг обнаружил, что идет по полю светящихся желтых зубов. В болотном, каком-то сером воздухе висела вонь, и клейкие, тягучие пряди сырого мяса свисали с неба, касаясь щек и рук, оставляя липкие следы, пылающие и пульсирующие. В голове звенело. Грубая тишина враждебного послания заставляла думать, будто мир растянут в невероятное далеко туго натянутыми струнами, и где-то за ним слышится глумливый хохот. Небо опалял нестерпимо яркий свет.

Халигейн пересекал чашечку гигантского «ртового», одного из самых отвратительнх плотоядных чудовищ флоры далекого Цимроеля. Несколько таких растений он видел однажды на выставке диковин в Палате Кинникена, но те были всего трех-четырех ярдов в диаметре, а это оказалось величиной с целый пригород. Он угодил в самый центр дьявольской сердцевины и бежал так быстро, как мог, чтобы не свалиться на эти немилосердные скрежещущие зубы.

Значит, вот как оно будет, подумал он, скользя над сном и холодно обозревая картину. Это первое послание, и Король Снов будет мучить меня и дальше.

Скрыться было негде. На зубах торчали глаза, и глаза были глазами Клейма. Халигейн бежал, мокрый от пота, спотыкаясь и оскальзываясь, потом покачнулся и упал на россыпь безжалостных зубов, и они цапнули его за руку, а когда он снова сумел подняться на ноги, то увидел, что окровавленная рука не такая, как прежде, — она превратилась в бледную маленькую руку Клейма, плохо пригодную для его запястья. Он снова упал, и снова зубы ухватили его, произведя изменение, и это повторялось вновь и вновь, и он мчался вперед, рыдая и завывая от ужаса, полу-Клейм, полу-Халигейн, пока не вырвался из оков сна и сел на кровати, потный и трясущийся, вцепившись в плечо жены.

— Отпусти, — пробормотала она. — Мне больно. Что случилось?

— Сон… препоганый…

— Послание? — поинтересовалась жена. — Ты весь мокрый, Сигмар. Что…

Он содрогнулся.

— Съел, наверное, что-то. Мясо морского дракона было слишком пересушенным и старым.

Пошатываясь, он поднялся с постели и налил себе немного, вино его успокоило. Потом снова лег. Жена погладила его по плечу, вытерла лоб

и баюкала, пока он немного не расслабился, но Халигейн боялся снова заснуть и лежал, бодрствуя, до рассвета, уставившись в окружающую темень.

Таково было наказание Короля Снов. А он-то всегда считал его только сказкой, которой пугают детей! Да-да, болтали, будто Король Снов живет на Суврaеле, и титул его по наследству передается в семье Барьязидов, а по ночам Король Снов с приближенными пристально изучают души спящих и, находя недостойные, мучают их. Но правда ли это?

Халигейн никогда не встречал никого, кто получал послания от Короля Снов. Сам он однажды получил послание Леди, да и то не был в этом уверен, но в любом случае нынешнее послание всецело отличалось от того. Леди посылала нежные видения, Король Снов поразил острой болью. Неужели он действительно управляется с целой планетой, с миллиардами ее обитателей, из которых добродетельны далеко не все!

— Возможно, это просто несварение желудка, — успокаивал сам себя Халигейн.

Когда следующая и еще одна ночь прошли спокойно, он позволил себе поверить, что видел обычный кошмар, а Король Снов просто миф.

Но на тудей пришло послание, не оставившее сомнений.

Тот же звенящий безмолвием звук, то же пронзительное полыхание света, образы Клейма, отдающийся эхом хохот, разбухающая и сжимающаяся структура пространства и головокружение, сминающее дух. Халигейн зарыдал. Уткнув лицо в подушку, он еле дышал, не смея проснуться — поднимаясь над гранью сна, он неизбежно выдаст свое горе жене, и та предложит ему обратиться к толкователям снов, что он сделать не может. Любой толкователь снов свободно прочтет, ЧТО соединяет его душу с душой Клейма, и что тогда? И он терпел кошмар, пока не иссякли силы, и лишь тогда проснулся и лежал, слабый и дрожащий, до прихода утра.

Это был кошмар тудей, но видение фодей оказалось еще хуже: он парил в воздухе и упал на пронзивший его насквозь шпиль Замковой Горы, острый, как копье, и холодный, как лед, и лежал несколько часов, пока птица грихорна с лицом Клейма терзала его внутренности.

На фодей он спал довольно спокойно, хотя напряжение в ожидании послания не покидало его.

Стардей также не принес посланий, зато в сан-

дей он плыл по океану из сгустков крови, и зубы у него выпадали, а пальцы обдирались до костей.

Ночи мундей и тудей принесли слабые, но все-таки ужасы.

Утром сидей жена сказала ему:

— Сигмар, если послания не смягчатся, что ты будешь делать?

— Делать? Ничего.

— По-моему, послания ты получаешь через день.

Он передернул плечами.

— Великие совершают какую-то ошибку. Должно быть, такое иногда случается. Рано или поздно они поймут и оставят меня в покое.

— А если нет? — Она внимательно посмотрела на него. — И если послания предназначены тебе?

Он подивился ее чуткости, но не сомневался, что она не знает правды. Ей известно лишь, что он ездил в Вугель на встречу с Клеймом, возможно, хотя и с трудом верится, она узнала, что Клейм так и не вернулся к себе в Кимканайл, а муж ее стал получать послания от Короля Снов — из всего этого она легко могла сделать вывод. Но если так оно и есть, что она будет делать? Донесет на собственного мужа? Пусть она его любит, но если будет скрывать убийцу, то может навлечь на себя

месть Короля Снов.

— Если послания будут продолжаться, — ответил Халигейн, — я попрошу официалов Понтифекса походатайствовать от моего имени.

Разумеется, ничего подобного он не сделал. Вместо этого он попытался бороться с посланиями и подавлять их так, чтобы не будить подозрений спящей рядом жены.

Ложась, он приказывал себе оставаться спокойным и, вспоминая какие-либо образы, считать их лишь бредом расстроенной души, а не реальностью. И тем не менее, обнаружив себя плывущим над красным морем огня, постепенно опускающимся на поверхность и погружающимся до лодыжек, он не сумел сдержать крика. Когда иглы проросли сквозь его кожу, сделав похожим на манкалайна — колючую тварь знойного юга, к которой невозможно притронуться, — он зарыдал, моля о милосердии. А когда прогуливался в безупречных садах Лорда Хавилбова, и деревья тянулись к нему руками Клейма, он закричал во весь голос.

Жена больше ни о чем не спрашивала, она лишь с тревогой глядела на него.

Халигейн с трудом мог заниматься делами. Кредиторы, потребность в новых кредитах, про-

изводство, жалобы покупателей — все кружилось вокруг водоворотом падающих листьев. В тайне от всех он рылся в библиотеке в поисках сведений о Короле Снов и его силах, словно подцепил какую-то необычную болезнь, о которой хотел разузнать побольше. Сведения были скудными и ясными: Король Снов являлся проводником Закона с силой, равной силе Понтифекса, Коронала или Леди и сотни лет его обязанностью является наложение наказаний на виновных в преступлениях.

Суда не было, опротестовывать было нечего, и Халигейн молча защищался…

Но он не знал, что для этого нужно, и Королю Снов это было известно. По мере того, как продолжались страшные послания, терзающие душу и оставляющие от нервов тоненькие ниточки, Халигейн все отчетливей понимал, что у него нет ни возможности, ни надежды противостоять им. Его жизнь в Сти кончилась. Один опрометчивый шаг, и он станет изгнанником, вынужденным скитаться по огромному лику Маджипура в поисках укрытия.

— Мне нужно отдохнуть, — объявил он жене. — Съезжу куда-нибудь На месяц-другой, может, удастся восстановить душевный покой и успо-

коить нервы.

Не откладывая более, он вызвал сына — юноша стал почти мужчиной и мог действовать, вести дела — и передал ему все свои права торговца. После чего, имея при себе небольшую сумму, которую сумел наскрести с сильно уменьшившихся доходов, выбрался из родного города на борту третьеразрядного флотера в выбранный наугад Норморк, входивший в число Склоновых Городов — у подножья Замковой Горы.

Не прошло и часа после отъезда, как он решил никогда не называться Сигмаром Халигейном, а именовать отныне себя Макланом Форба. Неужели он надеялся, что этого достаточно, чтобы обмануть Короля Снов!

Возможно.

Флотер плыл над склонами Замковой Горы и, пока спустился от Сти к Норморку, миновал Нижний Санбрек, Бибирун, Толингарский Барьер, и в каждом городе, в каждой ночлежке Халигейн отправлялся в кровать, замирая от страха, с ужасом цепляясь за подушку, но приходившие сны были обычными снами усталого и измученного человека без той призрачной напряженности, отличавшей послания Короля Снов.

С радостью глядя на симметрию и опрятность

садов Толингарского Барьера, ничем не напоминающих угрожающее бесплодие земель в его снах, Халигейн начал потихоньку расслабляться. Он сравнивал сады с навеянными посланиями образами и с удивлением понял, что хотя никогда не видел их раньше, Король Снов показал ему эти сады до мельчайших подробностей, прежде чем обратил их в ужас, и это означало, что послания передают целый поток новых данных, не известных воспринимающему ранее, а следовательно, обычные сны просто накладывались на послания.

Это частично отвечало на волновавший его вопрос. Он не понимал, то ли Король Снов просто освобождает его подсознание, затрагивая издалека темные глубины, то ли по-настоящему высвечивает образы. Очевидно, второе, поскольку некоторые кошмары создавались специально для него, Сигмара Халигейна, чтобы опять-таки растормошить подсознание. Он вспомнил, как сомневался, что на Субраеле есть столько народу, чтобы управиться с такой работой, но если людей хватало, глупо было думать, что удастся скрыться от них. И все же он предпочитал верить, что у Короля Снов и его подручных существует расписание страшных посланий — ему, напри-

мер, сначала послали зубы, потом серые сальные капли, а затем огненное море крови. Возможно, пытался он убедить себя, что сейчас они нацеливают новые ужасы на его пустую подушку в Сти.

Миновав Дундилмир и Стипул, он прибыл в Норморк — темный, наглухо отгороженный стенами город, венчающий грозные зубцы Гребня Норморка.

Ему подсознательно казалось, будто Норморк, наглухо закрытый со всех сторон циклопическими каменными блоками, лучше всего подходит для укрытия.

Но он понимал, что даже эти стены не в силах задержать мстительные стрелы короля Снов.

Врата Деккерета — глаз в пятидесятифутовой стене — были открыты всегда.

Единственная брешь в укреплении, окантованная полированным черным деревом.

Халигейн предпочел бы, чтобы они стояли закрытыми на тройной замок, но, разумеется, они были распахнуты настежь. Лорд Деккерет возвел их на тридцать третий год своего благостного царствования и приказал, чтобы они закрывались лишь в случае, когда миру будет грозить опасность, а в эти дни счастливого правления Лорда Кинникена и Понтифекса Тимина все на

Маджипуре расцветало, кроме мятущейся души бывшего Сигмара Халигейна, называвшегося отныне Макланом Форба. Под именем Форба он нашел приют в дешевой гостинице, под тем же именем устроился на службу по осмотру стен, и ежедневно выдирал цепкую травку из бессмертной каменной кладки. Под именем Форба он каждую ночь засыпал, боясь того, что могло прийти, но проходили недели за неделей, а он видел только смазанные и бессмысленные видения обычных снов. Девять месяцев прожил он в Норморке, надеясь, что ускользнул от Короля Снов, но однажды ночью, когда после доброй закуски и фляжки отличного красного вина растянулся на постели, чувствуя себя совершенно счастливым в первый раз за долгое время после встречи с Клеймом, и уснул, послание с Суврaеля настигло его и терзало душу, приковав к чудовищным образам тающей плоти и рекам грязи. Когда послание завершилось, Халигейн проснулся в слезах, поняв, что нет никакой возможности надолго скрыться от мстительных сил Наказания.

И все-таки девять месяцев Маклан Форба прожил в мире и спокойствии. С небольшой накопленной суммой он купил билет вниз до Амблеморна, где превратился в Диграйла Килай-

лина и зарабатывал по десять крон в неделю, служа птицеловом при дворе здешнего Герцога.

Пять месяцев он был свободен от мук, пока однажды ночью сон перенес его в яростное безмолвие безграничного света, где арка из слезящихся глаз была мостом через Вселенную, и все глаза смотрели только на него.

Он спустился вниз по Глайду до Макропросопоса, где беззаботно прожил месяц под именем Огворна Брилла, прежде чем получил новое послание: раскаленный металл, клокочущий в горле.

Сушей, через бесплодные внутренние области континента он добрался до городского рынка Сивандейла. Король Снов настиг его в пути на седьмую неделю, послав видение, будто он катится в чащу хищных деревьев, и уже не во сне, после пробуждения, тело кровоточило и опухло так, что пришлось искать врача в ближнем селении?

К концу путешествия попутчики, поняв, что он получает послания Короля снов, бросили его, но в конце концов он оказался в Сивандейле, скучном и однообразном местечке, сильно отличавшемся от роскошных городов Горы, вспоминая о которых, плакал каждое утро. Однако, как бы там ни было, он оставался здесь целых шесть месяцев.

Затем послания возобновились, гоня его на запад через девять городов месяц здесь, полмесяца там — до тех пор, пока, наконец, он не осел в Алайсоре, где работал потрошителем рыбы под именем Бадрила Мегенорна.

Вопреки предчувствию, он позволил себе поверить, будто Король Снов, наконец, оставил его и начал подумывать о возвращении в Сти, который покинул почти четыре года назад. Неужели четырех лет наказания недостаточно за непредумышленное, случайное преступление!

Очевидно, нет. В самом начале второго года в Алайсоре он ощутил, как знакомый зловещий гул послания запульсировал в затылке, и навеянный сон был таким, что все предыдущие показались ему детским спектаклем.

Он начался в бесплодной пустыне Суврaеля, где Халигейн стоял, вглядываясь в иссохшую, разрушенную долину, поросшую деревьями сигупа, испускающими эманации, смертоносные для всего живого, неосторожно оказавшегося в радиусе десяти миль. И он в долине увидел жену и детей, спокойно идущих к смертоносным деревьям, и побежал к ним по песку, облепляющему, как патока, но деревья шевельнулись и наклонились, родные его были поглощены их черным сияни-

ем, упали на землю и исчезли. Но он продолжал бежать, до тех пор, пока не очутился внутри зловещего периметра.

Халигейн молил о смерти, но эманации деревьев на него не действовали. Он шел среди них, и каждое отделяло от остальных пустое пространство, где не росли ни кустарник, ни лианы, ни трава, только диковинные стрелы безобразных деревьев без листьев стояли посреди этой пустоты. Больше в послании ничего не было, но это было страшнее всех ужасающих образов, что терзали его прежде. Он бродил, жалкий и одинокий, среди бесплодных деревьев в бездушной пустоте, а когда проснулся, лицо его покрыли морщинки, глаза подрагивали, словно с ночи до рассвета он прожил десятки лет.

Он был побежден. Бежать было бессмысленно, прятаться — тщетно. Он принадлежал Королю Снов навсегда. Больше не оставалось сил скрываться в каком-нибудь новом временном убежище под чужим именем. И когда дневной свет смыл с души ужасы чудовищного леса, Халигейн на трясущихся ногах добрел до Храма леди Острова Сна на Алайсорских Высотах и попросил разрешения совершить паломничество на Остров. Назвался он настоящим именем — Сигмар

Халигейн. Что ему было скрывать!

Его приняли, как и любого другого, и на корабле паломников он отправился в Нуминор на северо-восточной стороне острова. Во время морского плавания послания иногда беспокоили его. Одни просто раздражали, другие потрясали ужасами, но когда он просыпался, мокрый от пота и дрожащий, остальные паломники дружески утешали его, и вообще теперь, когда он посвятил свою жизнь Леди, даже самые худшие сны действовали на него не так сильно, как раньше, он знал теперь, что основная боль посланий происходит от тех разрывов и расколов, которые они ежедневно вносят в чью-то жизнь, подавляя сознание необычностью. Но теперь у него не было никакой личной жизни, так почему же он с дрожью открывал глаза по утрам!

Теперь он не занимался торговлей, не выкапывал сорняки, не ловил птиц, не разделывал рыбу. Он был никем и ничем, и не пытался защититься от вторжения в свою душу. Иной раз после этих будоражащих посланий странное умиротворение снисходило на него.

В Нуминоре его приняли на Террасу Аттестации внешнего обода острова, где, как он знал, ему предстоит провести оставшуюся жизнь.

Леди призывала к себе паломников постепенно, согласовывая их продвижение с незримым внутренним подъемом, и он, чья душа запятнана убийством, мог навечно остаться в роли прислужника на краю святой сферы. Все правильно, все хорошо. Он хотел только одного — избавиться от посланий Короля Снов, и надеялся, что под покровительством Леди это удастся ему рано или поздно, и он забудет о Субраеле.

В мягкой мантии паломника он трудился на Террасе Аттестации шесть лет, работая садовником. Халигейн ссутулился, волосы его поседели, он научился отличать семена трав от семян цветов. Послания Короля Снов приходили сначала каждый месяц, потом все реже и реже, и хотя они никогда не оставляли его совсем, он обнаружил, что они становятся все менее и менее значительными, как приступы боли от какой-нибудь давней раны. Иногда он вспоминал семью. Там, несомненно, считали его умершим. Думал он и о Клейме, вспоминая одну и ту же картину — Клейм, повисший в воздухе, прежде чем рухнуть в реку, откуда не возвращаются. Неужели это произошло на самом деле и он действительно убил его? Это казалось невероятным, ведь это случилось так давно! Но он отчетливо помнил

мгновение все затмевающей ярости после отказа невысокого человечка… Да, да, все это было, думал Халигейн, и мы оба — я и Клейм — лишились жизни в тот миг ослепления и гнева.

Халигейн много размышлял, истово работал, навещал толкователей снов здесь это было обязательно, но они не разъясняли и не переводили его сны и получал святые заветы.

Весной седьмого года он шагнул на следующую ступень — Террасу Начал, жил там месяц за месяцем, в то время, как другие паломники шли мимо к Террасе Зеркал. Он мало с кем разговаривал, ни с кем не дружил и получал послания Короля Снов через огромные промежутки времени.

На третий год пребывания на Террасе Начал он заметил человека средних лет, пристально глядевшего на него в трапезной. Две недели новичок держал Халигейна под неусыпным надзором, пока наконец любопытство последнего не выросло до небес, и проведя небольшое расследование, он узнал, что незнакомца зовут Ковирам Клейм.

Разумеется, Халигейн подошел к нему в свободное время и сказал:

— Не согласитесь ли вы ответить на один вопрос?

— Если смогу.

— Вы уроженец города Кимканайла?

— Да, — кивнул Клейм. — А вы… вы из Сти!

— Да, — подтвердил Халигейн.

Какое-то время оба молчали. Потом Халигейн сказал:

— Значит, вы преследовали меня все эти годы?

— Вовсе нет.

— И то, что мы оба здесь, только совпадение?

— По-моему, совпадение, — согласился Ковирам Клейм, — поскольку я совершенно не собирался приезжать туда, где живете вы.

— Вы знаете, кто я и что сделал?

— Да.

— А что вы хотите от меня!

— Хочу? — Глаза Клейма, маленькие, черные и блестящие, как у его давно умершего отца, заглянули в глаза Халигейна. — Что я хочу? — повторил он. — Расскажите мне, что произошло в Вугеле?

— Пройдемся, — предложил Халигейн.

Они вышли за плотную сине-зеленую живую изгородь в сад алабандисов, за которыми Халигейн присматривал на Террасе Начал, прореживая бутоны, отчего цветы становились еще больше и красивее. В этом ароматном окружении Халигейн спокойно описал случившееся: ссору,

встречу, окно, реку — все это казалось ему теперь почти нереальным.

Во время рассказа лицо Ковирама Клейма оставалось бесстрастным, и напрасно Халигейн напряженно вглядывался в него, стараясь прочесть сокровенные мысли.

Описав убийство, Халигейн ждал вопросов, но Клейм молчал. Наконец он сказал:

— А что случилось с вами потом! Почему вы исчезли!

— Король Снов истерзал мне душу дьявольскими посланиями и вверг в такие муки, что мне пришлось бежать и укрываться в Норморке, но он нашел меня и там, и я бежал снова, перебираясь с места на место, пока, наконец, не стал паломником на Острове Сна.

— А Король Снов все еще преследует вас?

— Время от времени я получаю послания, — ответил Халигейн, — но они бесполезны. Я страдаю и раскаиваюсь и без его посланий. Однако я не чувствую вины за преступление. Оно произошло в минуту безумия, я тысячу раз жалел о нем и желал, чтобы ничего подобного не было, но все равно, я не могу возложить ответственность только на себя за смерть вашего отца он сам довел меня до неистовства. Я лишь толкнул его, и он

упал. Все произошло случайно, необдуманно.

— Но вы почувствовали, что делаете?

— Да. А потом были годы мучительных посланий — что хорошего они мне принесли? Если бы я сумел удержаться от убийства из страха перед Королем снов, то система наказаний была бы оправдана, но я же думал о Короле Снов, и потому вижу, что кодекс, по которому я наказан, не нужен. Так и с моим паломничеством: я приехал сюда не столько во искупление вины, сколько чтобы укрыться от Короля Снов и его посланий, и, по-моему, достиг этого.

Но, к сожалению, ни искупление, ни страдания не вернут к жизни вашего отца, так что все бесцельно. Убейте меня, и дело с концом.

— Убить вас? — удивился Клейм.

— Разве вы не хотите отомстить?

— Я был мальчишкой, когда исчез отец. Сейчас я уже немолод, а вы еще старше. Вообще, все это — давняя история. Я хотел только узнать правду о его гибели, и теперь я ее знаю. Если бы ваша смерть вернула жизнь моему отцу, я, возможно, и убил бы вас, но как вы сами говорите, это не изменит ничего. У меня нет к вам никакой ненависти, и мне совсем не хочется испытать на себе руку короля Снов. Для меня, по крайней мере,

система наказания служит превосходно.

— Бы не хотите убить меня? — удивился Халигейн.

— Нет.

— Но почему? Это только освободило бы меня от жизни, ставшей одним долгим наказанием.

Клейм тоже удивился.

— Вот как? Выходит, и я наказываю вас?

— Да, вы приговариваете меня к жизни.

— Но срок вашего наказания давно миновал. На вас теперь милость Леди.

Через смерть моего отца вы нашли путь к ней!

Халигейн не мог понять, то ли Клейм смеется над ним, то ли искренне верит в свои слова.

— Вы видите ее милость? — переспросил он.

— Да.

Халигейн покачал головой.

— И Остров, и все окружающее остались для меня ничем. Я приехал сюда только для того, чтобы избежать мести Короля Снов, и нашел место, где можно укрыться от него, но не больше.

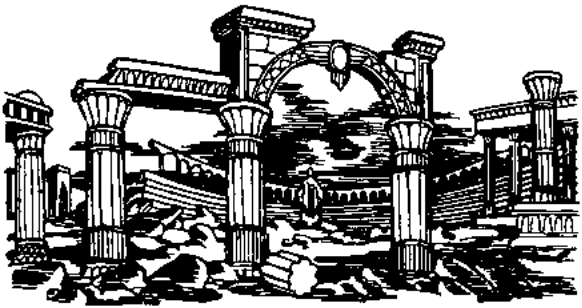
Клейм смотрел на него внимательно и безмятежно.

— Вы обманываете себя, — сказал он и отошел, оставив Халигейна ошеломленным и сбитым с толку.

Возможно ли такое? Неужели он очищен от преступления и не понял этого?

Он решил, что сегодня ночью придет послание от Короля Снов, обязательно придет, потому что последнее было год назад, и он подойдет тогда к краю Террасы и бросится в море. И послание пришло — послание Леди, теплое и святое послание, призывающее его на Террасу Зеркал. Халигейн не поверил в него, но утром толкователь снов передал ему наказ сразу идти к сияющей Террасе, и начался следующий этап его паломничества.

Толкователи снов



Как Хиссуне часто обнаруживал, одно его приключение требовало немедленного разъяснения другим. Из мрачного, но познавательного рассказа об убийце! Халигейне он почерпнул много о действиях Короля Снов, но толкователи снов, эти посредники между мирами бодрствования и сновидений, оставались для него загадкой. Он никогда не советовался ни с одним, считая свои сны скорее театральными постановками, нежели посланиями. Где-то там, в Цимроеле, живет или жила знаменитая толковательница снов Тисана, с которой Хиссуне довелось встретиться во время второй коронации Лорда Валентина. Толстая

старуха из Шалкинкипа, очевидно, сыгравшая какую-то роль в открытии Лордом Валентином своей подлинной сути. Хиссуне ничего не знал об этом, но как-то неохотно вспоминал проницательный взгляд сильной и энергичной старухи. По какой-то причине она завладела вниманием мальчишки.

Он помнил, как стоял рядом с ней и казался себе карликом, надеясь, что ей не взбредет в голову обнять его, поскольку она вполне могла бы раздавить его о свою могучую грудь. Она сказала тогда: «...и тут маленький потерявшийся князек...». Что бы это значило? Толкователи снов могли бы, наверное, объяснить ему, но он не ходил к толкователям снов. Ему вдруг захотелось узнать, не оставила ли Тисана записи в Считчике Душ. Юноша проверил хранилище: да, одна запись есть. Он вытащил ее и быстро определил, что она относится к молодости Тисаны — лет пятьдесят назад, когда она еще только училась своему ремеслу; других ее записей в хранилище не было. Он надел шлем, и неистовый дух юной Тисаны ворвался в сознание.

Утром за день до Испытания внезапно пошел дождь, и все выскочили из главного здания полюбоваться им: и новиции, и заступники, и

совершенные, и наставники, и даже сама Высшая Толковательница Иньельда. Здесь, в пустыне равнины Велалисера, дождь был очень редким событием. Тисана выбежала со всеми и стояла, глядя, как большие чистые капли косо падают из единственной тучи с черными краями, которая замерла высоко над гигантским шпилем главного здания, словно привязанная. Капли били в спекшуюся песчаную почву с отчетливо слышимым стуком, и темные грязноватые пятна от них расползлись, образуя бледно-красную жижицу. Новиции, заступники, совершенные и наставники — все сбросили плащи и резвились под ливнем.

— Первый нормальный дождь за год, — произнес кто-то.

— Знамение, — пробормотала Фрейлис, заступница, самая близкая подруга Тисаны в главном здании. — У тебя будет легкое испытание.

— Ты действительно в это веришь!

— Не знаю, но лучше верить в добрый знак, чем в дурной, — заметила Фрейлис.

— Этот полезный девиз стоит усыновить, — согласилась Тисана, и обе рассмеялись.

Фрейлис дернула Тисану за руку:

— Пойдем туда, потанцуем!

Тисана покачала головой, не двинувшись с места из-под навеса, и лишь выглядывала наружу, так что все понукания Фрейлис оказались бесполезны. Тисана была женщиной рослой, ширококостной и сильной; изящная и легкая Фрейлис подле нее напоминала птицу. Настроения плясать под дождем сейчас у Тисаны не было: завтрашний день должен стать кульминацией семи лет обучения, а она до сих пор понятия не имела, как происходит и чего потребует от нее ритуал, но в одном была уверена — если ее сочтут недостойной, то с позором отошлют в далекий родной город. Страхи и мрачные предчувствия свинцовой тяжестью лежали на душе, и плясать в такое время казалось ей невероятным легкомыслием.

— Гляди! — воскликнула Фрейлис. — Высшая!

Да, даже сама почтенная, высохшая, седая Иньельда, пошатываясь, выбралась под дождь и двигалась церемониальными кругами, раскинув худые руки и запрокинув вверх лицо, Тисана улыбнулась. Высшая заметила ее, укрывшуюся на галерее, и подозвала к себе, как подзывают надувшегося ребенка, не принимающего участия во всеобщей игре. Но Высшая прошла свое испытание так давно, что, верно, забыла, каким

страшным и благоговейным оно кажется новичкам, несомненно, она не могла понять мрачную озабоченность Тисаны завтрашним испытанием. С извиняющимся жестом; Тисана повернулась и вошла внутрь. Из-за спины несся отрывистый стук тяжелых, капель, а затем внезапно наступила тишина: дождь кончился.

Наклонив голову под низкой аркой из синих каменных плит, Тисана вошла в свою келью и на мгновение прислонилась к шершавой стене, расслабляясь.

Келья была крохотной, только-только для матраца, умывального таза, шкатулки, рабочего ложа и миниатюрного шкафа, и Тисана, большая и плотная, с могучим здоровым телом девушки с фермы, которой и была раньше, занимала почти все пространство. Но она привыкла к тесноте, и теперь находила ее даже удобной. Удобными были и порядки главного здания: ежедневный круг занятий, физический труд, обучение и (с тех пор, как она достигла положения совершенной) наставничество над новициями. Когда разразился ливень, Тисана варила сонное зелье — обязательная работа, отнимавшая по часу каждое утро уже два года — и сейчас вернулась к своему занятию.

Все сонное зелье, используемое на Маджипуре,

производилось заступниками и совершенными в главном здании Белалисера. Для такой работы требовались пальцы понежнее и половчее, чем у Тисаны, но она давно стала настоящим знатоком и легко справлялась с делом.

Перед ней были разложены пузырьки с травами, крохотные серые листья муорны, сочные корни вейджлы, высушенные ягоды ситерил и прочие из двадцати девяти ингредиентов, способствующие созданию транса, в котором приходит понимание снов и посланий. Тисана принялась толочь и смешивать их — все необходимо было проделать быстро и точно, иначе химические реакции пойдут наперекосяк, — затем разожгла огонь, обожгла немного порошка и высыпала его в водку, которую размешивала и разбавляла до тех пор, пока не получилось вино. Лишь тогда, после долгой, напряженной и внимательной работы, она немного расслабилась и даже повеселела.

За работой она не сразу уловила тихое дыхание за спиной.

— Фрейлис?

— Не помешаю?

— Конечно, нет. Я почти закончила. Они все еще танцуют?

— Нет-нет, все опять по-прежнему. Солнце снова сияет во всю мочь.

Тисана взболтала темное тягучее вино во фляжке.

— В Фалкинкипе, где я выросла, погода тоже жаркая и сухая, однако мы не впадаем в экстаз и не прыгаем от радости при виде дождя.

— В Фалкинкипе, — откликнулась Фрейлис, — люди считают все само собой разумеющимся. Даже одиннадцатирукий скандар их не воодушевляет. Если Понтифекс заглянет в ваш город и пройдется по площади на руках, и то не соберется толпа.

— Да! Ты там была?

— Один раз девчонкой. Отец подумывал перебраться на ранчо, но особой склонности к фермерству у него не оказалось, и через год мы вернулись в Тил-Омон… Между прочим, он все вспоминал потом жителей Фалкинкипа, какие они неторопливые, флегматичные и осмотрительные.

— И я такая же? — озорно осведомилась Тисана.

— Ты… ну… сверхустойчивая.

— Тогда почему меня так волнует завтрашний день?

Маленькая женщина опустилась на колени перед Тисаной и взяла ее руки в свои.

— Ты вовсе не волнуешься, — заметила она мягко.

— Ну нет, неизвестное всегда пугает.

— Это всего лишь проверка.

— Последняя проверка. А если я не справлюсь? Вдруг у меня отыщется какой-то ужасный изъян, из-за которого я не смогу стать толковательницей снов?

— И что ты тогда сделаешь? — поинтересовалась Фрейлис.

— Потеряю семь лет и как дура, приползу в Фалкинкип, без ремесла, без профессии, и проведу остаток жизни, вскапывая поля на какой-нибудь ферме.

— Если только Испытание покажет, что ты не годишься в толкователи снов, — заметила Фрейлис. — Да все ж это риторика. Ты сама прекрасно знаешь, что нельзя позволять неспособному рыться в человеческом сознании, а кроме того, ты НЕ не подходишь в толкователи, и Испытание для тебя не проблема.

Не понимаю, отчего ты так тревожишься.

— От того, что не знаю, на что это похоже.

— Почему не знаешь? Скорее всего, с тобой

поговорят, дадут зелье, изучат твое сознание и поймут, что ты мудрая, добрая, сильная. Высшая обнимет тебя и скажет, что ты прошла Испытание.

— Откуда такая уверенность?

— Просто разумное предположение.

Тисана дернула плечом.

— Догадок я слышала много. Даже такую, будто тебя ставят лицом к лицу с твоими самыми худшими поступками в жизни, или с тем, что тебя больше всего пугает, или внушает страх ко всем остальным людям на свете. Таких предположений ты не слыхала?

— Слыхала, — улыбнулась Фрейлис.

— За день до *своего* Испытания разве ты не будешь немного волноваться?

— Но ведь это же только сплетни, Тисана. Похоже, никто в действительности не знает, что такое Испытание, кроме тех, кто прошел его.

— И тех, кто не прошел.

— А ты знаешь кого-нибудь из них?

— Ну… я полагаю…

Фрейлис опять улыбнулась.

— По-моему, такие отсеиваются задолго до того, как становятся совершенными. Вернее, даже до того, как становятся заступниками. — Она встала

и принялась играть пузырьками на рабочем ложе Тисаны. — В Фалкинкип ты вернешься толкователь снов.

— Я тоже надеюсь на это.

— Тебе там нравится?

— Там мой дом.

— Но ведь мир такой большой. Ты можешь поехать в Ни-Мойю, Пилиплок, или вообще в Алханроель, пожить на Замковой Горе, и даже…

— А мне по душе Фалкинкип, — перебила ее Тисана. — Я люблю пыльные дороги, иссохшие коричневые холмы. Я семь лет их не видела. К тому же, в Фалкинкипе нужен толкователь снов, а в больших городах их и так хватает все рвутся в Ни-Мойю или в Сти, разве нет! А мне не хватает Фалкинкипа.

— Может, там тебя ждет возлюбленный? — лукаво осведомилась Фрейлис.

Тисана фыркнула.

— Еще чего! Через семь-то лет!

— А у меня был в Тил-Омоне. Мы собирались пожениться, построить лодку, обойти вокруг Цимроеля года за три-четыре, потом подняться по реке до Ни-Мойи, поселиться там и открыть лавку.

Услышанное поразило Тисану. За все время их

знакомства с Фрейлис они никогда не говорили ни о чем подобном.

— А что у вас случилось?

Фрейлис спокойно ответила:

— Я получила послание, гласившее, что стану толковательницей снов, и спросила его, что он об этом думает. Понимаешь, я еще даже не была уверена, что соглашусь, но хотела знать, что думает он, и в ту минуту, когда рассказывала, прочла ответ в его глазах. Он попросил день-два, чтобы переварить это, и с тех пор я его не видела. Потом его друг передал мне, что ночью он получил послание, велевшее ему срочно ехать в Пидруид, и он уехал. Впоследствии я слышала, он женился там на какой-то старой своей зазнобе, и, полагаю, они до сих пор болтают о постройке лодки и путешествии вокруг Цимроеля. Ну, а я подчинилась посланию, и теперь здесь.

В ближайшие месяцы стану совершенной и, если все пойдет хорошо, на будущий год сделаюсь полноправной толковательницей снов на Большом Базаре.

— Бедная Фрейлис!

— Не стоит меня жалеть, Тисана. Все, что произошло — к лучшему. Было лишь чуть-чуть горько. Он оказался ничего не стоящим пусто-

звоном, и я поняла бы это рано или поздно, а так мы расстались, я буду толковательницей снов и воздам за это службой Дивин, ведь в противном случае осталась бы никем. Понимаешь?

— Понимаю.

— И мне совсем не хочется быть просто чьей-то женой.

— Мне тоже, — согласилась Тисана. Она понюхала новое зелье, одобрительно кивнула и начала прибирать рабочее ложе, заботливо пряча под покрывало пузырьки. Фрейлис, думала она, это воплощение заботы, нежности, понимания, женской добродетели. Ни одной из этих черт Тисана не могла найти в себе. Она считала себя толстой, грубой, сильной, способной противостоять любому унынию, но не очень-то мягкой и определенно бесчувственной в нюансах нежных дел. Тисана знала, что мужчины не всегда любят только нежность и понимание, но все же в этом что-то было, и она всегда верила, что слишком груба и толста, чтобы быть по-настоящему женственной. Поэтому Фрейлис — невысокая, хрупкая и с нежной душой казалась ей чуть ли не неземным существом. Фрейлис, думала Тисана, будет Высшей толковательницей снов, интуитивно проникающей в сознания тех, кто

придет к ней за помощью, советы она будет давать точные и ясные. Леди Острова и Король Снов по-разному навещают сознания спящих, часто говорят загадками, и труд толкователей заключается в том, чтобы стать собеседником этих внушающих благоговение сил, и разъяснять то, что они хотят сказать получившему послание. В этом была страшная ответственность. С вое и деятельностью толкователи снов могли создать или разрушить личную жизнь любого, получающего послание. Фрейлис работала отлично: она точно знала, где быть строгой, где легкомысленной, а где утешить и ободрить. Что помогало ей? Жизнь, ее опыт в любви, счастье, страдания. Даже не догадываясь о многом из прошлого Фрейлис, Тисана видела в холодных серых глазах стройной женщины знание, и это знание стоило больше, чем все трюки и ухищрения, необходимые в выбранной профессии, которые она выучила в главном здании. Тисана серьезно сомневалась относительно своего призвания толковательницы снов, тем более, что она ухитрялась пропустить всю страстность шумного мира Фрейлис. Жизнь ее — слишком устойчивая, как сказала бы Фрейлис — была прикована к одному-единственному месту на свете.

Жизнь в Фалкинкипе… Встать с восходом солнца, прибраться, закусить, поработать и лечь спать, хорошо поев. Ни бурь, ни сдвигов, ни волнений, ни честолюбивых устремлений, ни настоящей боли — так где ей по-настоящему понять тех, кто страдает? Тисана думала о Фрейлис и изменившем ей любовнике, изменившем мгновенно, едва ее неоформившиеся планы не совпали с его собственными; потом мысли ее перескочили на собственные любовные романы, происходившие, как правило, на гумне, такие легкие, такие заурядные, когда два человека сходились на время и расходились без боли, без страданий. Даже когда она занималась любовью последний раз перед отправкой сюда, все было просто и заурядно: два здоровых борющихся тела, легко соединяющихся с негромкими вскриками и быстрой дрожью наслаждения; потом они расстались. Ничего больше. Она скользила по жизни без шрамов, без страданий, без отклонений. Как же она может оценивать других, если их затруднения и противоречия ничего не значат для нее? Возможно, потому она и боялась Испытания, что к ней, наконец-то, заглянут в душу и поймут, что она не годится в толковательницы снов, по скольку так проста и наивна.

Какая ирония, что теперь ей приходится сожалеть о прошлой безмятежной жизни!

Руки ее задрожали, она подняла их и внимательно осмотрела. Большие и грубые крестьянские руки с толстыми пальцами тряслись, словно туго натянутые нити. Фрейлис, заметив жест Тисаны, опустила их и взяла в свои, еле сумев обхватить тонкими изящными пальчиками.

— Расслабься, — шепнула она с нажимом. — Не о чем тревожиться.

Тисана кивнула.

— Который час?

— Тебе пора заниматься с новициями, а мне совершать обряды.

— Да-да, идем.

— Я загляну к тебе позже, в обед. А ночью мы покараулим послание, хорошо!

— Да, — кивнула Тисана. — Конечно.

Они покинули келью. Тисана поспешила наружу, пройдя по двору к залу собраний, где ее ждали десять новиций. От прошедшего дождя не осталось и следа — бешеное солнце выпило каждую каплю; в полдень здесь прятались даже ящерицы.

От задней стены главного дома к Тисане направлялась наставница Вандайна, женщина из

Пилиплока, почти одного возраста с Высшей. Тисана улыбнулась и прошла было мимо, но наставница окликнула ее и жестом подозвала к себе.

— Ваш день завтра?

— Боюсь, что да.

— Вам сообщили, кто проведет ваше Испытание?

— Нет, — пожала плечами Тисана, — оставили гадать.

— Так и должно быть, — кивнула Вандайна. — Неуверенность хороша для души.

— Могла бы и сказать, — проворчала Тисана, когда Вандайна с трудом утащилась прочь.

Интересно, думала Тисана, сама-то она когда-нибудь готовилась к Испытанию? Хотя, конечно, да. Мы просто смотрим на одно и то же по-разному, подумала она, вспоминая, как в детстве клялась всегда с пониманием относиться к делам и заботам детей, без той насмешливой надменности, с которой с ними обращаются взрослые. Она не забыла клятву, но через десять-пятнадцать лет просто не помнила, насколько это важно в детстве. Очевидно, то же происходило и сейчас.

Она вошла в зал собраний. Обучение в главном доме велось в основном наставниками, наиболее

квалифицированными толкователями снов, добровольно отдававшими по нескольку лет жизни практике обучения. Но и совершенные обучающиеся последней ступени — бывшие толкователями снов во всем, но не прошедшие еще Испытания, также привлекались для работы с новициями, приобретая необходимый профессиональный опыт общения с людьми. Тисана обучала варке сонного зелья, теории посланий и обшей гармонии. Когда она заняла свое место за столом, новиции смотрели на нее с благоговейным уважением. Что они знали о ее страхах и сомнениях! Для них она была высочайшим примером посвящения в обряд толкования снов, всего на одну-две ступени ниже Иньельды. Она полностью владела искусством, которое они только начинали постигать. Знай они об Испытании, наверное, отнеслись бы к нему, как к смутному темному облаку где-то вдалеке, которое заинтересовало бы их не больше, чем старость или смерть.

— Вчера, — начала Тисана, глубоко вздохнув и стараясь выглядеть спокойной и хладнокровной провидицей, источником мудрости, — мы говорили о роли короля Снов в регулировании поведения всего общества Маджипура. Вы, Мелиара,

подняли вопрос о частых недоброжелательных образах в посланиях Короля и интересовались лежащей в основе общественной нравственности системой наказаний посланиями. Постараюсь изложить это сегодня более подробно. Возьмем для примера гипотетическую личность, скажем, охотника на морских драконов из Пилиплока, который под воздействием сильнейшего нервного напряжения совершил непредумышленный скверный поступок в виде насилия над членом своего экипажа…

Слова катились из нее, как разматывающийся клубок. Новиции, щурясь и потряхивая гривами олос, торопливо записывали. Тисана помнила, как в бытность свою новицией ее не покидало отчаянное ощущение, будто она стоит перед лицом безграничного обучения не просто техническим приемам толкователей снов, но и всевозможным дополнительным нюансам и понятиям. Но сегодня ей было не до этого. Конечно, где-то в глубине души она сознавала, что в основном ее переживания — просто поза. Не в ее привычках было ждать худшего, разве что теперь ее выбивало из колеи предстоящее Испытание.

Семь лет назад к ней пришло послание Леди, убеждавшее покинуть ферму и стать толкова-

телем снов. Она, не раздумывая, подчинилась, заняла денег и отправилась в долгое паломничество, а потом, получив разрешение занять место в главном здании Велалисера, вновь пересекла необъятное море и добралась до этой уединенной и жалкой пустыни, где прожила четыре года. И никаких сомнений, никаких колебаний.

Но столько предстояло узнать! Мириады подробностей, относящихся к работе толкователей снов со своими нанимателями, профессиональная этика, ответственность, ловушки, способы приготовления сонного зелья и соединения сознаний, сами сны, их типы, значения, скрытый смысл. Семь снов самообмана и девять снов обучения. Призывающие сны и отпускающие сны, сны отсрочки и наслаждений, сны уничтожения знаний. Одиннадцать снов мучений, пять снов блаженства, сны прерывания поездок, сны борьбы, сны добрых надежд, сны злобных видений, сны ошибочного честолюбия, тринадцать снов благодарности… Тисана изучила их все, потратив огромное количество времени и нервов, изучая каждый тип сна месяц за месяцем. Она заслуженно стала знатоком своего дела. Достигла вершин того, что эти юные новиции с широко открытыми глазами только начинали изучать. И все же…

все же завтрашнее испытание могло лишить ее всего, чего ни один из новичков не мог понять. … Или мог? Урок подошел к концу. Тисана задержалась, укладывая бумаги на столе, пока новиции выходили из зала. Одна — невысокая пухленькая светловолосая девушка из Охранных Городов Замковой Горы — на минуту задержалась около нее, глядя вверх, кончиками пальцев легонько коснулась, словно крыльями мотылька, локтя совершенной и робко прошептала:

— У вас будет все хорошо завтра, я уверена. — И с улыбкой на заалевших щеках убежала.

Выходит, они знали — во всяком случае, некоторые. Благословение девушки осталось с Тисаной на весь день, как огонек свечи. На долгий-долгий день, полный повседневной работы, от которой нельзя было увильнуть, хотя сегодня она предпочла бы выйти и прогуляться по пустыне. Но необходимо было исполнять обряды, вскапывать землю на огороде, а после полудня заниматься с группой других новиций. Затем немного самосозерцания перед обедом, и, наконец, на закате сам обед.

К тому времени Тисане стало казаться, будто утренний дождь пролился несколько недель назад, а то и вовсе прошел во сне.

Обед тянулся для нее невыносимо долго. У Тисаны — совершенно неслыханное дело! — абсолютно не было аппетита. Трапезная бурлила — смех, болтовня, грубоватые песенки. Тисана в одиночестве и молчании сидела посреди всего этого, словно накрытая хрустальной сферой, и остальные изо всех сил старались не обращать на нее внимания, зная, что сегодня канун ее Испытания. Правда, те, что помоложе, не могли удержаться и время от времени украдкой бросали на нее быстрые взгляды, как на кого-то, внезапно избранного нести особое бремя.

Тисана не знала, что хуже: вежливое притворство совершенных и наставницы или острое любопытство заступников и новиций. Она ничего не ела, играя кусочками хлеба. Подсевшая Фрейлис выбранила ее, как ребенка, убеждая, что ей понадобятся силы на завтрашний день. Тисана коротко рассмеялась, похлопав себя по большому твердому животу.

— У меня тут столько, что хватит на десять Испытаний.

— Все равно, — отмахнулась Фрейлис, — поешь.

— Не могу. Слишком разнервничалась.

С помоста донесся звук ложки, прозвеневшей о

стекло. Тисана в испуге пробормотала:

— Сохрани меня, Леди! Неужели она хочет сказать всем о моем Испытании?

— Нет, это о новом Коронале, — успокоила ее Фрейлис. — В полдень получены новые известия.

— Как?… Новый Коронал?

— Да. Он занял место Лорда Тивераса, а тот теперь Понтифекс. Где ты была? Уже пять недель прошло… — …и в самом деле, утренний дождь был знаком новой весны и новых вестей… — говорила Высшая.

Усилием воли Тисана заставила себя слушать внимательно.

— Сегодня я получила весть, которая вознаградила нас за пять недель ожидания: Понтифекс Тиверас избрал новым Короналом Малибора из Бомбифала, и сегодняшней ночью он займет свое место на Троне Конфалума в Замке.

Раздались аплодисменты, все приветствовали известие о новом Коронале знаками звездного огня. Тисана, как во сне, сделала то же самое. Новый Коронал! Да-да, как же она забыла, ведь старый Понтифекс умер несколько месяцев назад, и государственное колесо завертелось снова. Лорд Тиверас сам стал теперь Понтифексом, и новый человек взошел сегодня на вершину Зам-

ковой Горы. «Малибор! Многие лета Короналу!» — кричала она с остальными. Но… все-таки это было чем-то нереальным да и не важным для нее сейчас. Новый Коронал? Ну и что? Еще одно имя в длинном списке.

Конечно, да здравствует Лорд Малибор, кто бы он ни был, но его заботы только начинаются, и Тисане до них пока нет дела. Разумеется, будет празднество начала царствования. Она помнила, как выпила огненного вина маленькой девочкой, когда скончался знаменитый Кинникен, Лорд Оссер перебрался в Лабиринт, став Понтифексом, и Тиверас поднялся в Замок. А теперь Тиверас — Понтифекс, а кто-то другой стал Короналом, и когда-нибудь она, несомненно, услышит, что Малибор удалился в Лабиринт, и пылкий юный Коронал сел на трон. И хотя события были очень важными, Тисане в данную минуту было все равно, кто сел на трон — Малибор, Тиверас, Оссер или Кинникен. Замковая Гора находилась далеко, в тысячах миль, и Тисану волновала сейчас не она, а Испытание. Маниакальный страх перед Испытанием подавлял все. Она понимала, что это нелепо, что это вроде того ощущения, которое испытывает больной человек, когда ему кажется, что вся боль Вселенной сосредоточилась в

нем одном. Лорд Малибор? Его воцарение она отпразднует в другой раз.

— Идем, — сказала Фрейлис. — Пошли к тебе.

Тисана кивнула. Сегодня трапезная была не для нее. Чувствуя, что все взгляды сосредоточены на ней, она нетвердо прошла между рядами столиков и ступила наружу, в темноту. Дул сухой и горячий ветер, шершавый, как терка, раздражающий нервы.

Когда они подошли к келье, Фрейлис зажгла свечи и мягко подтолкнула Тисану к постели, затем достала из шкатулки два бокала, а из-под своей мантии вытащила небольшую фляжку.

— Что ты делаешь? — удивилась Тисана.

— Вино. Расслабишься немного.

— Сонное зелье?

— Почему бы и нет?

Тисана нахмурилась.

— Мы не собирались…

— Мы и не станем заниматься разгадыванием снов… Это просто даст возможность немного расслабиться, и я смогу разделить свою силу с твоей.

На, держи. — Она налила в бокалы густого темного напитка и вложила один в руку Тисаны. — Пей!

Тисана медленно подчинилась. Фрейлис быстро выпила свою долю и начала снимать мантию.

Тисана смотрела на нее с удивлением, она никогда не занималась любовью с женщиной. Неужели Фрейлис решила заняться ею сейчас! Зачем! Это ошибка! — подумала Тисана. В канун Испытания пить сонное зелье и делить постель с Фрейлис…

— Раздевайся, — шепнула Фрейлис.

— Что ты собираешься делать?

— Ловить сны, глупая. Как мы договорились, и ничего больше. Допивай зелье и снимай мантию.

Сама она уже стояла нагая. Тело ее выглядело по-детски прямым и худощавым, с бледной чистой кожей и небольшими девичьими грудями.

Тисана сбросила одежду на пол. Полнота смущала ее, могучие груди, толстые колонны ног, массивные бедра казались неприличными в сравнении с изяществом Фрейлис. Хоть во время работы толкователь снов должен быть обнажен, сейчас-то Тисана принимала не клиента. Фрейлис подлила ей зелья в бокал, и она выпила без возражений. Потом Фрейлис взяла Тисану за запястья, опустилась перед ней на колени и посмотрела прямо в глаза, сказав одновременно

нежно и презрительно:

— Ты большая и глупая. Тебе нужно избавиться от страха перед завтрашним днем. Испытание — НИЧТО! — Она задула свечи и легла рядом с Тисаной. — Спи спокойно, сны будут хорошие. — Она повернулась к Тисане грудью и прижалась к ней.

Через минуту она уже спала.

Тисана облегченно вздохнула. Они не будут заниматься любовью. В другой раз — возможно, почему бы и нет! — но сейчас не время для таких приключений.

Закрыв глаза, она баюкала Фрейлис, как спящее дитя. Зелье билось в ней, оно открывало одно сознание другому, и Тисана сейчас испытывала сильное чувство, что дух Фрейлис парит с ней рядом. Однако они не общались друг с другом и не делали необходимых упражнений, дающих полное единение. От Фрейлис исходили лишь волны умиротворения, любви и энергии. Она была сильной, гораздо сильнее своего хрупкого тела, и по мере того, как сонное зелье все глубже проникало в сознание, Тисана чувствовала себя все лучше от того, что рядом лежит другая женщина. Она медленно погружалась вглубь своей души. Она все еще немного беспокоилась:

об Испытании, о том, что могут подумать об их совместно проведенной ночи в одной постели, о нарушении правил, которое они совершили, вдвоем выпив сонное зелье.

Водовороты течений вины, стыда и страха кружились в ее душе, но постепенно она успокоилась и уснула. И глазами профессионального толкователя смотрела свои сны, не имевшие ни формы, ни последовательности — загадочные образы, пустынный горизонт, освещенный рассеянным и отдаленным светом, а вот, кажется, лицо Леди, Высшей Иньельды или Фрейлис, а может просто теплая лента утешающего света, а потом — рассвет, и какая-то птица щебечет в пустыне, возвещая новый день.

Тисана села, протирая глаза. Она была одна. Фрейлис убрала свечи, вымыла бокалы и ушла, оставив на столике записку, нет, не записку, а рисунок светящейся стрелы — символ Короля Снов, внутри треугольника — знак Леди Острова Сна, окруженный сияющим солнцем, — пожелание любви и удачи.

— Тисана?

Она повернулась к двери. Там стояла Вандайна.

— Уже пора? — замирая, спросила Тисана.

— Да. Ты готова? Солнце взошло двадцать минут назад.

— Да, — кивнула Тисана, и вдруг успокоилась, совершенно успокоилась какая ирония после недели страхов! Сейчас уже не осталось времени чего-либо бояться.

Следом за Вандайной она шла через двор, мимо огорода. Несколько человек, не говоря ни слова, окружили их, когда они вышли за территорию главного здания. В зеленоватом свете рождающегося дня они в молчании шли по хрустящему песку пустыни, и Тисане все время приходилось приноравливать свой шаг к походке старухи. Они направлялись на юго-запад. Казалось, проходили часы. Впереди появились руины Велалисера, древнего города метаморфов, обширное и часто посещаемое призраками место былого величия уроженцев Маджипура. Проклятое место, заброшенное тысячи лет назад.

Тисана решила, что поняла: Испытание, видимо, заключается в том, что ее оставят бродить среди руин и призраков на весь день. Но так ли это? Так по-детски просто! Призраки ее не пугали. Но если ее оставят здесь и на ночь?

Днем Велалисер представлял собой обычное зрелище горбатого и корявого камня, рухнувших

капищ, разбросанных колонн и занесенных песком пирамид, но ночью…

Наконец они подошли к чему-то, напоминающему амфитеатр или цирк, довольно хорошо сохранившемуся. Каменные сиденья уступами поднимались вверх, образуя гигантскую чашу. В центре ее стоял каменный стол и несколько каменных скамей, на столе лежала фляга и стоял бокал. Здесь должно было пройти Испытание! Тисана решила, что они со старой Вандайной выпьют зелье, вместе лягут на песчаную землю и будут ловить сны, а когда встанут, Вандайна будет знать, годится ли она в толкователи снов.

Но произошло совсем не так. Вандайна указала на фляжку.

— Мы оставим тебя здесь. Это сонное зелье. Наливай, сколько потребуется, пей и смотри в свою душу. Свое Испытание ты проведешь сама.

— Я?

Вандайна улыбнулась.

— Кто же еще сумеет тебя проверить? Ступай. Потом мы придем за тобой.

Старая наставница, согнувшись, отошла. На языке у Тисаны вертелась тысяча вопросов, но она сдержалась, чувствуя, что Испытание уже началось, и что первая его часть — ни о чем не

спрашивать. С изумлением следила она, как Вандайна прошла в нишу амфитеатра и скрылась в тени. Ни звука вокруг, даже шагов. В подавляющем безмолвии безлюдного города песок, казалось, должен был греметь… но — тишина! Тисана нахмурилась, потом улыбнулась и засмеялась — гулкий смех расшевелил далекое эхо. Она радовалась. Задумать и провести самой свое Испытание! Значит, вот как это бывает: отводят в руины и предлагают посмотреть на себя. А сколько было страхов, сколько…

Но как?

Тисана пожала плечами. Она не завтракала, и почувствовала, как напиток почти мгновенно ударил в голову. Тем не менее, она отхлебнула в третий раз.

Солнце поднималось быстро, первые лучи его уже протянулись над стенами амфитеатра.

— Тисана! — выкрикнула она, и сама же ответила: — Да, Тисана!

Засмеялась, выпила снова.

Прежде она всегда принимала зелье в чьем-либо присутствии, либо для разъяснения снов, либо с наставницей. Пить его в одиночестве было все равно, что задавать вопросы своему отражению. Она вдруг смущенно осознала, что стоит между

двух зеркал и видит один и тот же образ со спины и с лица.

— Тисана, — сказала она, — это твое Испытание. Годишься ли ты в толкователи снов?

И сама ответила:

— Я училась четыре года, да еще три провела на Острове Сна. Я знаю семь снов самообмана, три сна обучения, призывающие сны и…

— Хорошо, перескочим через это. Ты годишься в толкователи снов?

— Я умею смешивать зелье и принимать его.

— Отвечай на вопрос! Ты годишься в толкователи снов?

— Я очень устойчивая. У меня спокойная и чистая душа.

— Ты уклоняешься от ответа.

— Я сильная и способная, во мне почти нет злобы. Я желаю служить Дивин.

— А как насчет служения разумным существам?

— Служа Дивин, я служу и им.

— Очень красиво. Кто научил тебя так отвечать?

— Просто пришло на ум. Можно, я еще выпью?

— Как хочешь.

— Спасибо, — поблагодарила Тисана и выпила

еще. Голова закружилась, но не от зелья, потому что таинственные, соединяющие сознание силы напитка отсутствовали. Она была одна и бодрствовала.

— Какой следующий вопрос? — спросила она.

— Ты до сих пор не ответила на предыдущий.

— Задай другой.

— Вопрос только один, Тисана: годишься ли ты в толкователи снов?

Сумеешь ли ты утешить души тех, кто придет к тебе?

— Я постараюсь.

— Это твой ответ?

— Да, — сказала Тисана, — это мой ответ. Оставь меня в покое и разреши попробовать. Я женщина доброй воли. Я овладела своим искусством и желаю помогать другим. Сама Леди приказала мне стать толковательницей снов.

— И ты ляжешь с каждым, кому это потребуется? С человеком, хьортом, скандаром, лииименом, врооном и прочими племенами нашего мира?

— С каждым, — ответила она.

— И возьмешь на себя тревоги каждого?

— Если смогу, то да.

— Ты годишься в толкователи снов?

— Дай мне попробовать, и тогда узнаем, — ска-

зала Тисана.

— Это кажется справедливым, — ответила Тисана. — У меня больше нет вопросов.

Она вылила в бокал остатки зелья и допила их, потом сидела, пока поднималось солнце и нарастала дневная жара. Она была совершенно спокойна, не испытывала ни нетерпения, ни неудобства и просидела бы так весь день и всю ночь, если бы ее не тревожили, но через час или чуть больше возле нее без какого бы то ни было предупреждения вдруг появилась Вандайна.

— Ты закончила? — мягко спросила старая женщина.

— Да.

— И как?

— Я прошла через это, — сказала Тисана.

Вандайна улыбнулась.

— Я была уверена в этом. Идем. Нужно еще переговорить с Высшей и устроить твое будущее толковательницы, Тисана.

В главное здание они вернулись в таком же молчании, в каком уходили утром. Они шли быстро — подгоняло палящее солнце. До полудня оставалось совсем немного, когда они выбрались из руин Велалисера. Новиции и заступники, работавшие на полях, шли ко второму завтраку. Они

неуверенно поглядывали на Тисану, и та улыбалась в ответ яркой, успокаивающей улыбкой.

У входа вдруг появилась Фрейлис, подбежала и бросила на подругу быстрый встревоженный взгляд.

— Ну? — спросила она напряженно.

Тисана улыбнулась. Она хотела сказать, что испытание НИЧТО, просто шутка, обряд, а настоящее Испытание состоялось задолго до сегодняшнего дня, но поняла, что необходимо, чтобы Фрейлис дошла до всего этого сама.

Огромное пространство разделило их теперь — Тисану, ставшую толковательницей снов, и Фрейлис, все еще заступницу. И Тисана сказала просто:

— Все хорошо.

— Хорошо! Ой, как здорово, Тисана! Я так рада за тебя!

— Спасибо, что помогла мне, — сказала Тисана серьезно.

Внезапно двор накрыла тень. Тисана взглянула вверх. Небольшое темное облако, вроде вчерашнего, плыло в небе — наверное, осколок шторма с далекого побережья. Оно повисло, будто зацепилось за шпиль главного здания, и вдруг пролилось крупными и тяжелыми каплями дождя.

— Смотри, — сказала Тисана, — снова дождь. Идем, Фрейлис! Идем, потанцуем!

Воровка из Ни-Мойи

К концу седьмого года вторичного воцарения на престоле Лорда Валентина в лабиринт пришла весть, что Коронал скоро прибудет с визитом — весть, заставившая сердце Хиссуне забиться сильнее. Увидит ли он Коронала?

Вспомнит ли о нем Лорд Валентин? Один раз Коронал вызвал его в Замок, когда состоялась его вторая коронация, конечно же, он помнит кое-что о мальчишке, который...

А может и нет, решил Хиссуне. Возбуждение спало, он вновь вернул себе холодный самоконтроль. Конечно, если он попадется на глаза

Коронал, тот вспомнит его, но чтобы сам Лорд Валентин поинтересовался им — на это надеяться нечего. Скорее всего, Коронал спустится вниз, а затем покинет Лабиринт, никого не повидав, кроме Понтифекса. Говорили, что он устраивает грандиозное шествие к Алайсору, а потом к Острову Сна (хочет повидаться с матерью) и обязательно остановится в Лабиринте. Но Хиссуне догадывался, что Короналу вовсе не по душе Лабиринт, встретивший его так неприветливо, когда он вновь поднимался в свой Замок. Юноша знал, что Понтифекс Тиверас скорее мертв, чем жив, он скорее символ, чем человек, который должны были похоронить много лет назад, но тлеющему в нем огоньку жизни не давали угаснуть, чтобы продлить царствование Лорда Валентина. По мнению Хиссуне, это было хорошо не только для Коронала, но и для всего Маджипура. Но это уже не его ума дело.

Он вернулся к Счетчику Душ, продолжая лениво размышлять о грядущем визите Коронала, и так же лениво вытянул новую запись из записей горожан Ни-Мойи. Казалось, она ничего не обещает, и Хиссуне чуть было не сунул ее обратно, но тут ему захотелось просто посмотреть великий город другого континента. Ради Ни-Мойи он поз-

волил жизни мелкой лавочницы поглотить себя, и скоро уже не жалел об этом.

1

И мать Иньянны, и бабушка, содержали лавку в Велатисе, и похоже было, что та же судьба уготована и ей. Ни мать, ни бабушка не обижались на такую жизнь, но Иньянна — ей исполнилось девятнадцать и она была единственной наследницей — чувствовала, что лавка — слишком тяжелое бремя для ее плеч, невыносимо давящий горб. Она часто подумывала продать ее и попытать счастья в каком-нибудь городе подальше отсюда: в Пилиплоке, Пидруиде или даже в величественной столице провинции Ни-Мойе далеко на севере, о которой говорили, будто она превосходит всякое воображение. Того, кто ее не видел.

Но времена были скучные, дела шли не очень, и Иньянне пока не попадались охотники приобрести ее лавку, а кроме того, Велатис, пусть даже и опостылевший, был родиной для многих поколений ее семьи, и покинуть его просто так было нелегко. Каждое утро она поднималась с рассветом, выходила на маленькую, облицованную камнем террасу и умывалась в каменном

чане с дождевой водой, которую специально собирала и хранила для купания, потом одевалась, завтракала сушеной рыбой с вином, спускалась по лестнице и открывала лавку.

Торговала она самыми обыденными товарами: застежками для одежды, глиняными горшками с южного побережья, бочонками с пряностями и прессованными фруктами, кувшинами с вином, острыми ножовками Нарабала и дорогостоящими вырезками мяса морских драконов, сверкающими изящными фонарями, сделанными в Нарабале, и многим подобным. Помимо ее лавки, в Велатисе было еще десяток точно таких же, и ни одна особо не процветала.

После смерти матери Иньянне приходилось разбираться и вести счета, изобретательно управляться с покупателями, мыть полы и полировать прилавки, заполнять правительственные бланки и разрешения на торговлю — и она устала от всего этого. Но что толку? Она была ничем не примечательной девушкой в ничем не примечательном дождливом городке, и никогда по-настоящему не верила в какие-либо перемены в ближайшем будущем, да и позже.

Покупателей-людей было немного. За десятилетия этот район Велатиса заполонили хьорты,

лиимены и… метаморфы, поскольку Пьюрифайн — земли метаморфов — находился сразу за горной цепью к северу от города и значительное число Изменяющих форму просачивалось в город. Она считала все само собой разумеющимся, даже метаморфов, обычно больше всего заставляющих человека тревожиться. Лишь об одном сожалела Иньянна: что мало видела среди покупателей своих соплеменников, и потому, хоть и была высокой, стройной и привлекательной, с вьющимися рыжеватыми волосами и поразительно зелеными глазами, она с трудом находила любовников, и никогда не встречала кого-нибудь, с кем могла бы разделить жизнь. Конечно, совместное с кем-то владение лавкой намного облегчит труд, но с другой стороны, за это придется расплатиться свободой, а заодно расстаться с мыслью о том времени, когда она избавится от лавки.

Однажды после полуденного дождя в лавку вошли два путника, первые покупатели за весь день. Один был невысоким и толстым — этакий огрызок человека, а второй — бледный, тощий и длинный, с лицом костлявым, угловатым и бугристым, походил на некую горную тварь. Оба носили тяжелые белые туники с ярко-оранжевыми кушаками, а покрой одежды наводил на

мысль о больших городах севера. Они оглядели помещение быстрыми презрительными взглядами, и ясно было, что они привыкли к иному уровню торговли. Потом коротышка осведомился:

— Вы Иньянна Форлэйн?

— Да.

Он справился по бумажке, которую держал в руке.

— Дочь Форлэйн Хаурон, дочери Хаурон Иньянны?

— Вы правы. Могу я спросить…

— Наконец-то! — воскликнул длинный. — Наконец-то этот давний след привел куда надо! Знали бы вы, сколько мы вас искали! Пришлось рекой подниматься до Кинтора, потом огибать Дулорн, перебираться через проклятые горы — тут когда-нибудь дождя не бывает? — а потом ходить по всему Велатису из дома в дом, от лавки к лавке, и — расспросы, расспросы…

— Вы искали меня?

— Если вы сумеете доказать свое происхождение, то вас.

Иньянна пожала плечами.

— У меня есть документы. Но какое у вас дело?

— Давайте познакомимся, — сказал коротыш-

ка. — Я Безан Ормус, а моего товарища зовут Стойг. Мы официалы из Бюро по наследству в Ни-Мойе. — Из богато отделанного кошелька Безан Ормус достал связки бумаг, целеустремленно перебрал их и продолжал: — Ваша бабушка была старшей сестрой некоей Сэлин Иньянны, которая на двадцать третий год Понтифекса Кинникена при Коронале Лорде Оссере поселилась в городе Ни-Мойя, где вышла замуж за Хелмиота Кавона, третьего двоюродного брата герцога.

Иньянна в изумлении смотрела на них.

— Я ничего не знаю об этом.

— Ничего удивительного, — кивнул Стойг. — Это было несколько поколений назад. Сомневаюсь, чтобы обе ветви вашей семьи поддерживали связь, принимая во внимание разделявшее их богатство.

— Бабушка никогда не вспоминала ни о каких богатых родственниках в Ни-Мойе, — заметила Иньянна.

Безан Ормус откашлялся и порылся в бумагах.

— Вполне возможно. У Хелмиота Кавона и Сэлин Иньянны родилось трое детей. Старшая дочь унаследовала семейное состояние. Она погибла довольно молодой в результате несчастного случая на охоте, и богатство перешло к ее един-

ственному сыну Кавону Диламэйну, оставшемуся бездетным и умершему на десятый год Понтифекса Тивераса, то есть десять лет назад. С тех пор, пока велись поиски наследников, имущество остается без хозяина.

— Выходит, я наследница?

— Ну да, — вежливо подтвердил Стойг, широко улыбаясь.

Иньянна, давно понявшая, куда клонится разговор, тем не менее поразилась. Ноги вдруг задрожали, губы и рот пересохли, и она нечаянно смахнула на пол дорогую вазу, сделанную в Алханроеле. Смутившись и взяв себя в руки, девушка сказала:

— И что же мне предстоит унаследовать?

— Огромный дом под названием Ниссиморн Проспект на северном берегу Цимра в Ни-Мойе и три поместья в Долине Стейша, которые сданы в аренду и приносят прибыль, — ответил Стойг.

— Мы вас поздравляем, — сказал Безан Ормус.

— И я поздравляю вас с успехом десятилетних поисков, — откликнулась Иньянна. — Благодарю вас. А сейчас, если вы не хотите чего-нибудь купить, прошу вас пройти со мной и показать ваши бумаги, свидетельства и…

— Вы скептик, — заметил Безан Ормус, — и это

правильно. Мы явились с фантастической историей, и вы вправе отнестись к нашим словам с недоверием. Но смотрите, неужели мы потащились бы из Ни-Мойи в Велатис, чтобы пошутить с лавочницей? Теперь взгляните сюда. — Он развернул связку бумаг и протянул Иньянне. Она приняла их дрожащими руками и осмотрела.

Картина большого особняка и подборка документов о наследстве и генеалогии, бумаги с печатью Понтифекса и вписанным в них ее именем…

Она смотрела, ошеломленная.

Потом спросила слабым голосом:

— Что я должна теперь делать?

— Порядок действий обычный — вам следует написать и зарегистрировать письменное показание под присягой, что вы действительно Иньянна Форлэйн, а также подписать обязательство на уплату налога с имущества и накопленных доходов, раз уж вы вступаете во владение. Еще вы должны уплатить гонорар за регистрацию вашего вступления во владение наследством. Если хотите, можем помочь.

— Гонорар за регистрацию?

— О, всего несколько ройялов.

— Я могу их выплатить из доходов с получен-

ного имущества?

— К сожалению, нет, — покачал головой Безан Ормус. — Деньги необходимо уплатить до того, как вы вступите во владение наследством, и, разумеется, вы не получите доступа к доходам от поместий до тех пор, пока не зарегистрируете свои права официально, так что…

— Формальность, конечно, досадная, — перебил его Стойг, — но если смотреть в будущее, пустячная.

2

Все говорили, что гонорар за регистрацию составит двадцать ройялов. Для Иньянны это была огромная сумма, почти все ее сбережения, но просмотр документации показал, что одни только доходы с ферм составляют девятьсот ройялов в год, а ведь были еще и другие доходы — с особняка, капитала…

Безан Ормус и Стойг оказывали неоценимую помощь в улаживании всех формальностей. Весь день они просидели в маленькой конторке, приводя в порядок ее дела, скрепляя документы впечатляющей печатью Понтифекса. Потом она пригласила их отпраздновать событие

несколькими флягами вина в таверне у подножия холмов, и там Стойг настойчиво отталкивал руку Иньянны, желая расплатиться сам. Они наслаждались отменным вином из Пидруида по полкроны за фляжку, и Иньянна поражалась их расточительности — сама она обычно пила вино намного дешевле, — но потом вспомнила о грядущем богатстве, и когда фляжка опустела, заказала еще одну.

В переполненной таверне сидели в основном хьорты, лиимены и скандары, и чиновники с севера выглядели несколько непривычно среди всех этих нелюдей.

Время от времени то один, то второй зажимали носы, будто их беспокоил запах чужаков. Иньянна старалась их развеселить разговором о том, как она благодарна, что они разыскали ее в этом забытом Дивин Велатисе.

— Но ведь это наша работа, — протестовал Безан Ормус. — В этом мире мы служим Дивин, внося свою лепту в хитросплетения жизни. Закон и справедливость требуют, чтобы владелец вступил во владение особняком и принадлежащими ему землями. На нас лишь пала приятная обязанность исполнить это.

— Все равно, — согласилась Иньянна, подливая

в бокалы вина и почти кокетливо подавая их то одному, то другому. — Но ради меня вы перенесли тяготы большого путешествия, и я всегда буду вам обязана. Заказать еще фляжку?

Было совсем темно, когда они наконец покинули таверну. В свете висевших на небе лун горный хребет, опоясывающий город, вернее, вытянутые клыки великого Гонхарского Кольца, казались зубчатыми колоннами черного льда.

Иньянна показала гостям ночлежку, притулившуюся с краю Площади Деккерета, и в винном опьянении даже пригласила их к себе на ночлег. Но те, очевидно, не стремились к этому, и они распрощались.

Слегка пошатываясь, она поднялась к своему дому и вышла на террасу подышать ночным воздухом. В голове стучали молоточки. Слишком много вина, болтовни и неожиданных вестей. Она смотрела на свой городок, на эти небольшие крытые черепицей домишки, парочку истрепанных парковых полос, несколько площадей и особняков, на ветхий дворец герцога, примыкавший к городу с востока, на дорогу, поясом окружавшую город, — она видела все это из своего дома на вершине холма. Прощай, нелюбимый город, подумала она, тихое, спокойное, холодное,

сырое и ленивое, заурядное место, известное мраморными разработками и искусными каменщиками, захолустный городок на захолустном континенте. Она считала, что всю жизнь проведет здесь, но вот в ее жизнь вторглось чудо, и казалось нестерпимым провести здесь хоть один лишний час, когда ждет сияющая Ни-Мойя…

Спала она беспокойно и урывками…

Утром Иньянна встретилась с Безаном Ормусом и Стойгом в нотариальной конторе позади банка и вытрясла из своего кошелька полновесные ройялы, большей частью старые или очень старые, с изображениями Кинникена, Тимина, Оссера, а один даже времен царствования великого Конфалума. Взамен ей выдали один лист бумаги: расписку, извещавшую об уплате двадцати ройялов, которые официалы Безан Ормус и Стойг обязались уплатить за регистрацию передачи наследства. Ей объяснили, что все остальные документы пока останутся у них для утверждения старшим управляющим службы Понтифекса, но сама она может отправляться в Ни-Мойю и вступать во владение имуществом.

— Приглашаю вас в гости, — величаво сказала Иньянна, — когда вы захотите.

— О нет, — мягко произнес Безан Ормус. — Едва

ли стоит таким, как мы, надоедать хозяйке Ниссиморн Проспект. Но мы понимаем ваши чувства и благодарны за приглашение.

Иньянна пригласила их отобедать, но Стойг ответил, что им необходимо ехать, работа не ждет, и нужно разыскать других наследников в Нарабале, Тил-Омоне, Пидруиде. Пройдет много месяцев, прежде чем они увидят своих родных в Ни-Мойе. Так значит, спросила она, вдруг встревожившись, регистрация о передаче наследства не произойдет, пока они не завершат свою поездку?

— Не совсем так, — объяснил Стойг. — Сегодня же ночью мы отправим ваши бумаги с посыльным в Ни-Мойю, а там все сделают. Вам дадут знать из нашего Бюро… ну, скажем, недель через семь-девять.

Она проводила их до гостиницы и подождала снаружи, пока они соберутся, потом смотрела, как они усаживаются во флотер, и махала вслед, стоя посреди улицы, пока они ехали к шоссе, ведущему на юго-западное побережье.

Затем снова открыла лавку.

В полдень заглянули двое покупателей, один приобрел на восемь вейтов гвоздей, другой попросил три ярда искусственного атласа по шестьдесят вейтов за ярд, так что доход за весь

день не составил и двух крон. Ну и что? Скоро она будет богатой.

Прошел месяц, а вести из Ни-Мойи не приходили. Еще месяц — такое же молчание.

Терпение, державшее Иньянну в Велатисе девятнадцать лет, было терпением безнадежности и неизбежности. Но теперь ее ждали большие перемены, и терпения у нее не осталось. Она нервничала, металась, делала пометки в календаре.

Лето с практически ежедневными дождями подошло к концу, и началась сухая живительная осень, когда листья деревьев огненно сверкают у подножия холмов. И ни одной весточки.

Близилось суровое дыхание зимы, и тяжелые массы воздуха, плывущие с Цимра на юг, пересекали земли метаморфоз и леденились резкими горными ветрами. Снега на высоких кольцах Гонхар не бывает, и по улицам Велатиса неслись потоки грязи. Из Ни-Мойи ни слова. Иньянна вспоминала о двадцати ройялах, и постепенно к раздражению в ее душе начал примешиваться страх.

Свое двадцатилетие она отметила в одиночестве, выпив немного кислого вина и представляя, как повеселилась бы в такой день в Ниссиморн Проспект.

Почему же так долго? Несомненно, Безан Ормус и Стойг, как и обещали, послали документы в службу Понтифекса, и, видимо, бумаги ее пылятся в чьем-то столе, дожидаясь действия.

В конце концов, накануне Дня Зимы, Иньянна решила отправиться в Ни-Мойю и лично заняться своими делами.

На поездку требовалось немало денег, а от ее сбережений осталось совсем немного. Ей пришлось взять деньги под залог своей лавки у семейства хьортов. Десять ройялов. Сошлись на том, что хьорты будут торговать ее товарами, но выручку брать себе, а если доходы покроют долг прежде, чем она вернется, будут продолжать торговать от ее имени и впоследствии выплатят арендную плату. Договор удовлетворял, в основном, хьортов, но Иньянну это не заботило. Она знала, только никому не говорила, что больше никогда не увидит ни лавки, ни этих хьортов, ни самого Велатиса. Ее заботило лишь одно — добраться до Ни-Мойи.

Путешествие было немаленькое. Самый короткий путь от Велатиса до Ни-Мойи проходил через Пьюрифайн — земли Изменяющих Форму, а соваться туда было опасно и опрометчиво. Иньянне пришлось бы воспользоваться длинным

кружным путем на запад через Проход Стиамота, затем необходимо было подняться по длинной и широкой долине, так называемому Дулорнскому Рифту, со стенами в милю высотой, а после того, как доберется до Дулорна, следовало пересечь еще половину Цимроеля сначала по суше, затем баржей, прежде чем добраться до Ни-Мойи. Но Иньянна видела во всем этом лишь славное приключение, каким бы долгим оно ни оказалось. Она никогда нигде не бывала, только в десятилетнем возрасте мать отправила ее провести месяц в теплых краях южных Гонхар. Другие города были для нее так же недостижимы, как иные планеты. Мать ее однажды побывала в Тил-Омоне и часто вспоминала об этом, описывая город как место ослепительного солнечного света, золотистого вина и мягкого, никогда не кончающегося лета. Бабушка ее бывала еще дальше, в Нарабале, где сырой и тяжелый воздух облегал тело, как мантия. Но другие города — Пидруид, Пилиплок, Дулорн, Ни-Мойя — были для нее лишь названиями на карте, а мысль об океане вообще находилась за пределами воображения, и она никак не могла душой поверить в материк за океаном с десятками громадных городов, таких же, как самый большой город Цимроеля; ей не

верилось, что где-то есть место под землей, именуемое Лабиринтом, и Гора тридцатимильной высоты. Размышления над подобными вещами ничего, кроме головной боли, не вызывали. Внушающая благоговейный страх непостижимость Маджипура была слишком большой конфетой, чтобы проглотить ее сразу, особенно тому, кто только один раз выезжал за пределы Велатиса.

Так, Иньянна обратила внимание на очаровательную перемену воздуха, когда большой пассажирский флотер спускался к западным равнинам. Внизу еще была зима с короткими днями и бледным зеленоватым светом солнца, но ветра были уже нежными и густыми, напоенными душистым ароматом, без зимней пронизывающей стужи. Она с удивлением увидела, что почва тут плотная, а не рассыпчатая и губчатая, совершенно не похожая на мелкие искристые камешки вокруг ее дома, а растянувшиеся на многие мили красноватые оттенки казались просто поразительными. Деревья и растения были иными, с толстыми блестящими листьями, летали птицы с незнакомым опереньем. Тянувшиеся вдоль дороги городки и фермерские деревеньки казались воздушными и открытыми, своими небольшими деревянными домиками, причудливо украшен-

ными завитушками и резьбой и раскрашенными яркими брызжущими цветами желтого, голубого и алого, они нисколько не походили на угрюмый и тяжелый Велатис. И страшно непривычно было не видеть окружающих со всех сторон гор, как в Велатисе, гнездящемся на груди Гонхар. Сейчас она ехала по широкому плато между горной цепью и далекой береговой линией, и когда смотрела на запад, то могла видеть так далеко, что это почти пугало — неограниченная перспектива, уходящая в бесконечность. С другой стороны находился Эскарп Велатиса, внешняя стена горной цепи, но даже и он был необычен — сплошной угрюмый вертикальный барьер, лишь изредка разделяющийся на отдельные пики и тянувшийся на север насколько хватало глаз.

Постепенно местность менялась, и Эскарп отдалялся по мере продвижения дальше на север, к верхнему краю Дулорнского Рифта. Здесь колоссальную впадину долины покрывали карбонатные отложения, и вереница холмов была белой, словно тронутая инеем. Скалы внушали страх таинственным холодным сиянием. В школе она учила, что город Дулорн целиком построен из кальцита, и видела его изображения: шпили, арки, хрустальные фасады зданий, пылающих

ледяным пламенем в свете дня. Тогда все это показалось ей просто сказкой, как рассказы о Старой Земле, откуда, как утверждали, пришло сюда человечество. И вот в один зимний день Иньянна обнаружила, что смотрит на предместья настоящего города Дулорна и видит, что сказка эта вовсе не сказка. Дулорн оказался гораздо прекрасней и необычнее, чем она могла вообразить. Казалось, он сиял собственным внутренним светом, в то время как солнечный свет, преломленный, рассеянный, отклоненный мириадами углов и граней надменных причудливых зданий, падал сверкающим ливнем на улицы.

Такой это был город! Рядом с ним, мелькнуло у Иньянны в голове, Велатис выглядит чурбаном. Она бы осталась здесь на месяц, год, навсегда и бродила бы по улицам, любуясь башнями и мостами, заглядывая в дома, так не похожие на ее собственный. Толпы змееподобных, похожих на рептилий чужаков и немногие представители иных племен двигались по улицам с целеустремленностью, совершенно не знакомой простым горцам. Светящиеся афиши, возвещающие о представлениях в знаменитом Бесконечном Цирке Дулорна, элегантные рестораны, отели, парки — все внушало Иньянне благоговение. Несомнен-

но, ничто на Маджипуре не могло сравниться с этим местом! Да, можно сказать, что Ни-Мойя намного больше, а Сти больше их обоих, да есть еще знаменитый Пилиплок и порт Алайсор, и многие, многие другие. И все равно!

Но в Дулорне она провела всего полдня, пока садились новые пассажиры, а флотер готовили к следующему этапу путешествия. День спустя, когда они миновали леса между Дулорном и Мазадоной, она вдруг поняла, что не уверена, видела ли Дулорн на самом деле или во сне.

С той поры удивительное окружало ее постоянно: места с пурпурным туманом и деревьями выше холмов, заросли поющих папоротников. Потом потянулась длинная вереница скучных, неотличимых друг от друга городов:

Кунтион, Мазадона, Тагоуар и прочие. Пассажиры садились и выходили, водители флотера сменялись каждые девятьсот миль, и только Иньянна, девчонка из захолустного городка, продолжала ехать, разглядывая мир с замирающим сердцем. Изредка попадались гейзеры, горячие озера и прочие термальные чудеса, и, наконец, показался город в центре континента, огромный город Кинтор, от которого по реке был прямой путь до Ни-Мойи.

Цимр напоминал море, потому что с одного его берега было просто невозможно разглядеть другой невооруженным глазом. Иньянна знала только горные речки, быстрые и узкие, и они не подготовили ее к огромной извивающейся массе темной воды, которая была Цимром.

По груди этого монстра Иньянна плыла теперь недели, минуя Верф и Стрэйн, Лагомэнфикс и еще пятьдесят городов, чьи названия ей ни о чем не говорили. Баржа стала для нее целым миром. В долине Цимра времена года почти не отличались друг от друга, и легко было потерять ощущение уходящего времени. Казалось, стоит весна, хотя она знала, что должно быть позднее лето, поскольку в путешествие она пустилась более полугода назад.

Возможно, поездка никогда не кончится, возможно, самой судьбой ей назначено ехать с места на место, ничего не испытывая и приближаясь к бесконечности. Все было хорошо. Она стала забывать себя. Где-то вдали осталась ее лавка, где-то вдали осталась молодая женщина Иньянна Форлэйн все растворилось в нескончаемом движении.

Но однажды в каком-то сотом из новых городов начали проглядываться берега Цимра, а потом на

борту баржи сделалось оживленно, и все бросились к поручням, вглядываясь в туманную даль. До Иньянны доносилось бормотание:

«Ни-Мойя, Ни-Мойя!..» — и она поняла, что ее путешествие подошло к концу.

3

У нее хватило сметки понять, что оценить Ни-Мойю в первый же день все равно, что считать звезды. Это была столица провинции в двадцать раз больше Велатиса, раскинувшаяся по обоим берегам необъятного Цимра, и она чувствовала, что можно прожить здесь всю жизнь и все равно не обойтись без карты. Очень хорошо. Она решительно запретила себе восхищаться чрезмерностью всего увиденного. Она завоюет город постепенно, шаг за шагом, и этим хладнокровным решением начнется ее преображение в настоящую уроженку Ни-Мойи.

Но как бы там ни было, предстояло еще сделать первый шаг. Баржа причалила, кажется, к южному берегу Цимра. Подхватив небольшой чемоданчик, Иньянна смотрела на колоссальную поверхность воды — Цимр здесь разбухал от впадения нескольких больших притоков — и видела

города на берегу. Какой из них — Ни-Мойя? Где находится представительство Понтифекса? Как ей отыскать свои поместья и особняк? Светящиеся знаки указывали на паромы, но пункты их назначения ничего ей не говорили: Гимбелия, Истмой, Стрилэйн и Набережная Виста. В конце концов она решила, что это пригороды или… районы, потому что не было ни одного знака, указывающего на паром до Ни-Мойи.

— Заблудились? — произнес тонкий ехидный голос.

Иньянна обернулась и увидела девушку года на два-три моложе ее самой, с испачканным лицом и волосами, причудливо окрашенными в лавандовый цвет.

Гордость или, скорее, застенчивость заставила Иньянну резко покачать головой и отвернуться с заалевшими щеками.

— За окном билетной кассы справочник, — сказала девушка и исчезла в толпе спешивших на паромы пассажиров.

Иньянна влилась в очередь к справочнику и, постояв немного, добралась до кабины, где нажала контакт.

— Справочник, — раздался голос.

— Представительство Понтифекса, Бюро по

наследованию, — сказала Иньянна.

— Такое Бюро не зарегистрировано.

Иньянна нахмурилась.

— Тогда представительство службы Понтифекса. — 653, Прогулочная Родамаунтская, Стрилэйн.

Слегка встревоженная, она купила билет на паром до Стрилэйна — крона двадцать вейтов. У нее осталось ровно два ройяла, которых, возможно, хватит, чтобы прожить недели две в столь дорогом городе. А после? Ты наследница, сказала она себе, и поднялась на борт парома. Но все равно ее не покидало чувство тревожного удивления — почему в справочнике не значится Бюро по наследованию?

Был полдень. Паром, дав гудок, отошел от пирса. Иньянна вцепилась в поручень, всматриваясь в удивительный город на противоположном берегу, где здания с сияющими белыми башнями с плоскими крышами поднимались этажами к нежно зеленеющим холмам на севере. Карта была вмонтирована в опору возле трапа на нижнюю палубу. Иньянна внимательно изучала ее: Стрилэйн оказался центральным районом, начинавшимся от пристани парома, которая и называлась Ниссиморн. Люди Понтифекса говорили, что ее владения находятся на северном

берегу, следовательно, это должно быть в самом Стрилэйне, где-нибудь в парковой зоне набережной к северо-востоку. Гимбелия была западным предместьем, отделенным от Стрилэйна многочисленными мостами через приток Цимра. Истмой располагался на востоке. С юга текла река Стейш, такая же широкая, как сам Цимр, и города по ее берегам назывались…

— В первый раз здесь? — Это снова была девушка с лавандовыми волосами.

Иньянна нервно улыбнулась.

— Да. Я из Велатиса. Провинция…

— Ты, кажется, боишься меня!

— Я? С чего бы?

— Не знаю. Я не кусаюсь и даже не собираюсь тебя облапошить. Зовут меня Лилэйв, я воровка на Большом Базаре.

— Кто?

— Вполне законная профессия. И уважаемая. Правда, патент нам не дают, но сильно не мешают, и у нас все, как в настоящей гильдии. Я сейчас из Легомэндина, толкала шмотки своему дяде. Ты мне почему-то понравилась. Или я слишком распущена?

— Нет, — улыбнулась Иньянна. — Просто я долго ехала одна и, наверное, разучилась раз-

говаривать с людьми. — Она заставила себя улыбнуться еще раз. — Ты в самом деле воровка?

— Да, но не карманник. Слушай, ты так взволнована! Как тебя зовут?

— Иньянна Форлэйн.

— Хм, у меня раньше не было знакомых Иньянн. И ты проделала весь путь от Велатиса до Ни-Мойи! Зачем?

— Получить наследство, — объяснила Иньянна. — Имущество сына бабушкиной сестры. Особняк Ниссиморн Проспект на северном…

Лилэйв хихикнула. Она попыталась сгладить это, и щеки ее надулись, тогда она закашлялась, прикрывая рот рукой и трясясь от смеха. Правда, она быстро взяла себя в руки, и выражение откровенного веселья на ее лице сменилось нежной жалостью.

— Значит, ты из семьи герцога? Я приношу свои извинения, госпожа, за столь вольное обращение к вам.

— К семье герцога? Нет, конечно. С чего ты…

— Ниссиморн Проспект — владение Галайна, младшего брата герцога.

Иньянна покачала головой.

— Нет, бабушкиной сестры…

— Дурочка, к тебе даже в карман лезть не стоит,

кто-то его уже обчистил.

Иньянна вцепилась в свой чемодан.

— Нет, — усмехнулась Лилэйв. — Я хочу сказать, что тебя облапошили, если ты думаешь, будто стала владелицей Ниссиморн Проспект.

— Я сама видела бумаги с печатью Понтифекса. Два человека лично доставили их из Ни-Мойи в Велатис. Может быть, я деревенщина, но не такая дура, чтобы пуститься в такое путешествие без доказательств. Я подозревала, да, но я видела официальные документы. Я даже заплатила двадцать ройялов налога за регистрацию, и все бумаги были подписаны.

— Ты где остановилась в Стрилэйне? — перебила ее Лилэйв.

— Я еще не думала. В гостинице, наверное.

— Побереги кроны, они тебе понадобятся. Мы устроим тебя у себя на Базаре, а утром навестишь прокторов. Может, они смогут вернуть тебе что-нибудь из потерянного.

4

Итак, она стала жертвой мошенников, как и подозревала с самого начала, но даже сейчас, когда это стало почти очевидно, не хотела верить. Эта

распущенная девчонка, эта похваляющаяся базарная воровка просто не доверяет тем, кто живет рядом с ней, и оттого видит обман повсюду, даже там, где его нет. Иньянна понимала, что убеждать себя в этом глупо, но бессмысленно было и плакать, возможно, несмотря ни на что, она все-таки имеет какое-то отношение к семье герцога. Но даже если она действительно явилась в Ни-Мойю по дурости, то все же она здесь, в Ни-Мойе, а не в Велатисе, и это само по себе приятно.

Когда паром пришвартовался у пирса, Иньянна впервые увидела вблизи центр Ни-Мойи: сияющие белые башни, подходившие почти к самому краю воды, взметнулись так круто и резко, что казались неустойчивыми, и с трудом верилось, что они не рухнут в реку.

Спускалась ночь, повсюду сияли огни. Перед городскими красотами Иньянна оставалась спокойной, как во сне. Я дома, твердила она себе снова и снова.

Я дома, этот город — мой дом, и я чувствую себя здесь, как дома. И все-таки, несмотря на это, она старалась держаться поближе к Лилэйв, пока они пробирались через толпы прибывших и поднимались по проходу на улицу.

В воротах пристани стояли три огромные ме-

таллические птицы — гихорны с драгоценными камнями вместо глаз и широко распростертыми крыльями.

Приглядевшись, Иньянна поняла, что гихорна только одна: второй была большая и глупая длинноногая хазенмарл, а третью — с громадным, изогнутым, как серп, клювом, Иньянна не знала.

— Герб города, — объяснила Лилэйв, перехватив взгляд Иньянны. — Ты их увидишь повсюду. Идиотская затея, да еще с драгоценностями вместо глаз.

— И никто их не украл?

— Будь у меня сила, я бы их выковыряла. Но вообще-то они приносят счастье, и болтают, будто без них метаморфы восстанут и вышвырнут нас, башни рухнут, ну и прочий вздор.

— Но если в легенды не верят, почему их не украдут?

Лилэйв рассмеялась коротким фыркающим смехом.

— Кто же их купит? Какой торговец не знает, откуда они, да и Король Снов начнет терзать так, что взвоешь. Я лучше карман цветными стаканами набью, чем глазами птиц Ни-Мойи. Идем сюда! — Она открыла дверцу маленького городского флотера, стоявшего за воротами пристани,

и толкнула Иньянну на сиденье. Устроившись рядом, она быстро простучала код на кассе флотера, и маленький экипаж тронулся с места. — Поблагодари своего родственника, что не идешь сейчас пешком, — ухмыльнулась она.

— Что? Кого?

— Галайна, брата герцога. Я расплатилась его кодом: мы разузнали его в прошлом месяце, и многие наши свободно ездят по городу, правда, до тех пор, пока счета за поездки не попадут к его секретарю, тогда код сменят.

Но до тех пор… понимаешь?

— Видимо, я очень наивна, — отозвалась Иньянна. — Я до сих пор верю, что Леди Острова и Король Снов видят наши прегрешения и шлют послания, отбивающие охоту к таким поступкам.

— Так ведь и мы верим, — кивнула Лилэйв. — Убей кого-нибудь, и узнаешь Короля Снов! Но сколько народу на Маджипуре? Восемнадцать миллиардов?

Тридцать? Пятьдесят? Ты думаешь, у Короля есть время заниматься каждым, кто бесплатно прокатится на флотере?

— Ну…

— Или теми, кто всучивает чужие дворцы?

Щеки Иньянны вспыхнули, она резко отвер-

нулась.

— Куда мы едем? — спросила она тихо.

— Уже приехали. Большой Базар. Вылезай.

Иньянна вышла за Лилэйв на широкую площадь, с трех сторон огражденную невысокими башенками, а с четвертой — приземистым низким зданием, к фасаду которого вело множество мелких каменных ступенек. Сотни, если не тысячи горожан в красивых белых туниках Ни-Мойи рекой вытекали из-под арки здания, увенчанной тремя гербовыми птицами.

— Пидруидские ворота, — сказала Лилэйв, — а вообще здесь тринадцать входов и выходов. Сам Базар занимает пятнадцать квадратных миль под землей, правда, не очень глубоко. Это похоже на Лабиринт, верно? Он под улицами центрального района, кстати, туда можно попасть и из некоторых зданий. Можно сказать, город в городе. Наши живут тут сотни лет. Мы потомственные воры, без нас торговцам пришлось бы хуже.

— Я держала лавку в Велатисе. У нас там нет воров, да, по-моему, и особой нужды в них не было, — сухо отозвалась Иньянна, пока они спускались по ступенькам к воротам Большого Базара.

— Здесь все по-другому, — заметила Лилэйв.

Базар тянулся во все стороны путаницей пассажей, сводчатых ниш, проходов, тоннелей и галерей, ярко освещенных, разделяющихся и подразделяющихся на бесконечные маленькие лавки. «Небо» над головой было затянуто желтой искрящейся тканью, светящейся собственным внутренним светом. Одно это поразило Иньянну больше, чем все, что ей уже довелось здесь увидеть: она сама недавно продавала в лавке искристую ткань по три ройяла за рулон, а такого рулона едва хватало на отделку небольшой комнаты. Душа ее дрогнула перед мыслью о пятнадцати квадратных милях этого материала, а в уме она тщетно пыталась прикинуть стоимость. Да, подобные излишества можно было встретить только нервным смехом.

Они шли все дальше. Одна маленькая улочка, казалось, ничем не отличалась от предыдущей, и на каждой — суматоха, суета у лавок с фарфором и материей, столовыми приборами и одеждой, фруктами и мясом, зеленью и лакомствами; повсюду винные палатки и лавки со специями, галереи с драгоценностями, везде продавали жареную колбасу, сушеную рыбу и прочие закуски. Лилэйв знала точно, куда сворачивать на развилках, какой из бесчисленных одинаковых

проходов ведет куда нужно; она шла решительно и быстро, лишь время от времени задерживаясь, чтобы обзавестись на обед то куском рыбы, то фляжкой вина, которые мастерски стягивала с прилавков.

Несколько раз торговцы замечали ее проделки, но лишь улыбались.

Заинтригованная, Иньянна спросила:

— Почему они не возмущаются?

— Они меня знают. Я ведь тебе говорила, нас, воров, здесь уважают. Мы им необходимы.

— Не понимаю.

— Мы поддерживаем на Базаре порядок. Никто не ворует тут, кроме нас, а мы берем лишь самое необходимое, и к тому же не пускаем сюда залетных любителей. Каково бы им пришлось, если бы каждый десятый из этой толпы набивал свою сумку краденым товаром? А мы их останавливаем. Сколько нас, известно всем. Понимаешь, мы вроде сборщиков налогов… Стой! — последние слова ее относились не к Иньянне, а к мальчишке лет двенадцати, черноволосому и скользкому, как угорь, который рылся среди охотничьих ножей в открытом ящике прилавка. Быстрым рывком Лилэйв поймала мальчишку за руку и тем же движением схватила щупальце вроона,

стоявшего в нескольких футах в тени. Иньянна услышала, как она заговорила низким пронзительным голосом, но не смогла разобрать ни слова; стычка мгновенно завершилась, и вроон с мальчишкой улизнули.

— Что случилось? — не поняла Иньянна.

— Ножи таскали. Мальчишка передавал их вроону. Я им предложила убраться, и поскорее, или мои братья оторвут вроону щупальца и накормят ими мальчишку.

— Неужели такое делают?

— Нет, конечно, но ведь они-то этого не знают. Им известно, что лишь уважаемые и известные воры крадут на Базаре. Мы здесь, как прокторы, и…

Вот здесь мы и живем. Ты мой гость.

5

Новая знакомая жила в комнате, отделанной белым камнем, одной из цепочки семи или восьми таких же комнат, расположенных под частью Большого Базара, отданной торговцам сырами и маслом. Потайная дверца и веревочная лестница вели в подземные помещения, и в ту минуту, когда Иньянна начала спуск, дверца захлопнулась,

отрезав невыносимый шум и гул Базара, и лишь приятный запах красного стоензарского сыра, пронизывавший каменные стены, напоминал о том, что находится над головой.

— Наша берлога, — объявила Лилэйв, просвистела какую-то мелодию, и из комнат появились люди, оборванные, плутоватые, тощие, очень похожие на Лилэйв, будто сделанные по одному проекту.

— Мои братья Сидэйн и Ханэйн, — принялась перечислять Лилэйв. — Моя сестра Медилл Фарэйн. Мои двоюродные братья Авэйн и Атэйв. А это мой дядя Агормэйл, глава нашего клана. Дядя, это Иньянна Форлэйн из Велатиса, которой за двадцать ройялов продали Ниссиморн Проспект. Я ее встретила на барже, она поживет у нас и будет вором.

Иньянна задохнулась.

— Я…

Агормэйл напыщенно сделал жест благословения.

— Будьте одним из нас. Вы можете носить мужскую одежду?

Сбитая с толку, Иньянна сказала:

— Да, но я не…

— У меня есть младший брат, он тоже в нашей

гильдии, но живет в Авендройне среди Изменяющих Форму и не был в Ни-Мойе несколько лет. Вы возьмете его имя и займете его место. Так, пожалуй, проще… Дайте-ка мне ваши руки. — Она послушно протянула руки. Ладони его были влажными и мягкими. Он посмотрел в ее глаза и произнес низким напряженным голосом: — Ваша настоящая жизнь только начинается. Все, что происходило прежде, было только сном. Теперь вы — вор, и ваше имя Калибай.

Он моргнул и добавил:

— А двадцать ройялов за Ниссиморн Проспект совсем недорого.

— Это была лишь плата за регистрацию наследства, — сказала Иньянна. — Они уверяли меня, будто я должна получить наследство от бабушки.

— Ну, если так, вы устроите нам грандиозное празднество за гостеприимство, согласны? — Агормэйл засмеялся. — Авэйн, вина! Сидэйн, Ханэйн, найдите одежду дяде Калибаю. Эй, кто-нибудь, музыку! Покажем новичку нашу жизнь. Медилл, постели гостю. — Маленький человечек важно приплясывал, отдавая приказания…

Иньянна, в смятении от его неистовой энергии, приняла чашу с вином, позволила одному из

братьев примерить на себя тунику и с трудом пыталась удержать в памяти поток имен.

В Комнате теперь собрались прочие местные обитатели, в основном — люди, но были еще три серолицых хьорта и, к изумлению Иньянны, двое высоких молчаливых метаморфов. Хоть она и привыкла иметь с ними дело в своей лавке, Иньянна не ожидала, что семья Лилэйв ютится с загадочными туземцами под одной крышей. Но, может быть, подумала она, воры-метаморфы сами считаются париями среди своих сородичей, и потому помогают остальным гильдиям воров.

Импровизированная вечеринка продолжалась несколько часов. Воры, кажется, соперничали между собой, стараясь привлечь ее внимание: ей дарили маленькие безделушки, рассказывали сплетни, приглашали танцевать. Раньше воры представлялись ей естественными врагами, но эти люди, оборванные и отвергнутые, были дружелюбны и открыты. Иньянна и в мыслях не держала заняться их профессией, но понимала, что судьба могла отнестись к ней и гораздо хуже, чем просто ввергнуть в клан Лилэйв.

Спала она урывками и несколько раз просыпалась, не понимая, где находится, но в конце концов усталость взяла свое, и она погрузилась в

глубокий сон. Обычно ее будил рассвет, но в эту пещеру он не заглядывал, и когда она проснулась, мог быть любой час дня или ночи.

Лилэйв улыбнулась ей.

— Должно быть, ты ужасно устала?

— Я долго спала?

— Ну, пока не выспалась.

Иньянна огляделась — повсюду виднелись следы вечеринки: пустые фляжки, чаши, тарелки, предметы туалета, не было только воров. Они на утреннем промысле, объяснила Лилэйв. Она показала Иньянне, где можно умыться и привести себя в порядок, после чего они поднялись по веревочной лестнице и окунулись в водоворот Большого Базара.

День был такой же оживленный, как и предыдущий, но теперь все казалось менее сказочным — и ткань не такая яркая, атмосфера не так заряжена электричеством. Обычный, хоть и большой, переполненный толпой рынок сегодня он не казался Иньянне загадочной вселенной.

Они немного задержались, чтобы украсть еды на завтрак с трех-четырех прилавков, причем Лилэйв занималась этим откровенно бесстыдно и походя смеялась над смущением Иньянны, которая все больше убеждалась, что ей никогда

не стать воровкой. Затем, продолжая шагать по невероятно запутанным лабиринтам Базара, они вдруг вырвались на чистый живительный воздух открытого мира.

— Мы вышли из Пилиплокских ворот, — заметила Лилэйв. — Отсюда ближе всего до представительства Понтифекса.

Путь оказался недолгим, но ошеломляющим: вокруг, в каждом уголке, таились новые чудеса. На одном из великолепных бульваров Иньянна обратила внимание на поток яркого сияния, словно второе солнце светило из мостовой.

Лилэйв объяснила, что это начинается Кристаллический Бульвар, сияющий днем и ночью, когда освещается фонарями. С другой улицы она увидела то, что могло быть только дворцом Герцога Ни-Мойи, стоявшим на востоке города в месте, где Цимр резко поворачивал, загибаясь к югу. Он выглядел копьем стеклянным и каменным одновременно, покоящимся на многочисленных колоннах, огромный даже на таком большом расстоянии и окруженный парком, казавшимся настоящим ковром зелени. Еще один поворот, и Иньянна увидела нечто похожее на распущенную стеклянно-хрустальную паутину неведомого насекомого, подвешенную над необъятно широ-

кой аллеей. «Галерея Тонкой Ткани, хмыкнула Лилэйв. — Тут товары по карману только богачам. Может, и ты когда-нибудь будешь сорить ройялами в здешних лавках… Вот и пришли — Прогулочная Родамаунтская. Сейчас узнаем о твоем наследстве».

Улица круто поворачивала к безликим башням одинаковой высоты, а потом в противоположную сторону к невысоким, зато огромным зданиям, очевидно, правительственным учреждениям. Иньянна была подавлена столь сложным комплексом контор, но Лилэйв, относившаяся к правительству без какого-либо смущения, быстро расспросила кое-кого и повела Иньянну внутрь по коридорам, почти не уступавшим запутанностью лабиринту Большого Базара; в конце концов, Иньянна обнаружила, что сидит в большом и ярко освещенном зале и следит за мелькающими именами на световом табло. Через полчаса появилось и ее имя.

— Там Бюро по наследованию? — спросила она, когда они входили.

— Нет, — буркнула Лилэйв. — Это прокторы. Если кто и сумеет тебе помочь, то только они.

Хьорт с угрюмым обрюзгшим лицом и глазами, выпученными, как у всех его соплеменников,

попросил изложить суть дела, и Иньянна, поколебавшись сначала, выложила свою историю: приехавшие из Ни-Мойи, наследство, двадцать ройялов…

Хьорт по мере ее рассказа облокотился на стол, принялся тереть щеки и, смущая Иньянну, вращать своими огромными шарообразными глазами. Когда она закончила, он взял расписку и задумчиво пробежался толстыми пальцами по гребню печати Понтифекса. Потом мрачно сказал:

— Вы уже девятнадцатая наследница Ниссиморн Проспект, приехавшая за этот год в Ни-Мойю, и боюсь, будет больше. Гораздо больше.

— Девятнадцатая?

— По нашим сведениям. Другие могут и не решиться надоедать прокторам рассказом о мошенниках.

— Мошенники? — повторила Иньянна. — Но как? Они показывали мне документы, генеалогическое древо, бумаги с моим именем — неужели они проделали путь от Ни-Мойи до Велатиса, чтобы только выманить у меня двадцать ройялов?

— Почему же только у вас? — отозвался хьорт. — Скорее всего, в Велатисе обнаружатся еще трое-четверо наследников Ниссиморн Про-

спект, да пятеро в Нарабале, семеро в Тил-Омоне и десяток в Пидруиде — создать генеалогическое древо да подделать документы труда не составит. Двадцать ройялов от одного, тридцать от другого и приятное времяпрепровождение, если вы не живете на одном месте.

— Но ведь это незаконно!

— Разумеется, — согласился хьорт.

— И Король Снов…

— Накажет их, можете быть уверены, правда, не сильно, да и мы наложим штраф, когда арестуем. Кстати, вы нам окажете огромную помощь, если составите их описание.

— А мои двадцать ройялов?

Хьорт пожал плечами.

— Значит, нет надежды их вернуть? — настойчиво продолжала Иньянна.

— Никакой.

— Но тогда я теряю все.

— От имени Понтифекса приношу вам самые искренние соболезнования.

И это было все.

Выйдя, Иньянна резко бросила Лилэйв:

— Покажи мне Ниссиморн Проспект.

— Но ты убедилась…

— Что он не мой? Конечно. Но я хочу его уви-

деть. Хочу знать, что мне продали за двадцать ройялов.

— Зачем тебе это?

— Пожалуйста, — повторила Иньянна.

— Хорошо, идем, — согласилась Лилэйв.

Они снова сели во флотер, как вчера на пристани, и Лилэйв набрала маршрут. Широко раскрытыми глазами Иньянна смотрела вокруг, пока маленький экипаж нес их по величественной Ни-Мойе. Под теплым полуденным солнцем все казалось омытым светом, и город пылал, но не холодной красотой хрустального Дулорна, а трепещущим, чувственным великолепием, отражающимся от каждой омытой белым светом стены и улицы.

Лилэйв вкратце описывала знаменитые места, по которым они проезжали.

«Музей Миров, — говорила она, указывая на огромное строение, увенчанное тиарой. — Тут хранятся сокровища тысяч планет, кое-что даже со Старой Земли. А это Комната Волшебства, здесь все о магии и сновидениях. Никогда тут не была. А там — видишь трех птиц, символ города, на Фронтоне? — Городской Дворец, где живет гражданский мэр».

Они свернули к подножию холмов у реки.

— В этой части гавани плавучие рестораны, — продолжала Лилэйв, обводя панораму широким жестом. — Девять из них — настоящие маленькие островки.

Говорят, на каждом подают блюда отдельной провинции Маджипура.

Когда-нибудь мы там закусим, в каждом из девяти, а?

Иньянна печально улыбнулась.

— Приятно будет об этом помечтать.

— Не грусти, у нас впереди жизнь, а жизнь вора вполне приличная. В свое время я побродила по всем улицам Ни-Мойи, да и сейчас могу шляться куда и когда захочу, а ты будешь ходить со мной. Между прочим, в Гимбелии есть Парк Легендарных Животных, где собраны твари, что вымерли давным-давно: сигимоны и галвары, димилионы и все такое прочее, а еще Дом Оперы, где играет Муниципальный оркестр — слыхала о нашем оркестре? Тысяча инструментов, ничего подобного во Вселенной, а еще… О, нам сюда!

Они вышли из флотера и остановились у речной насыпи. Перед ними лежал Цимр, величайшая река на свете, такая широкая в этой части, что с трудом можно было разобрать противоположный берег, и смутно-смутно проглядывалась

зеленая линия Ниссиморна на горизонте. Слева Иньянна увидела забор из металлических копий в два человеческих роста высотой, отстоящих друг от друга на восемь-десять футов и соединенных почти невидимой паутиной, издающей глубокий и зловещий гул. За этой оградой раскинулся удивительно красивый сад с прореженными изящными кустами облома в золотых, бирюзовых и алых цветах; лужайки были так аккуратно и коротко подстрижены, что можно было разглядеть тянувшиеся из почвы корни. Чуть подальше земля начинала подниматься, и сам особняк стоял на скальном выступе, вздымаясь над гаванью — это был поразительной величины дворец, белостенный, по обычаю Ни-Мойи, уменьшенная копия Герцогского Дворца, стоявшего неподалеку на набережной. Ниссиморн Проспект показался Иньянне самым красивым зданием, какое она видела в Ни-Мойе. И вот это она думала унаследовать! Девушка засмеялась, потом побежала вдоль ограды, остановилась и снова принялась рассматривать огромный дом, и смех ее лился, словно кто-то сказал ей подлинную правду Вселенной, правду, содержащую тайну всех истин, вызвавшую взрыв смеха.

Лилэйв бежала за ней, прося остановиться, но

Иньянна вновь сорвалась с места, как одержимая. Наконец она очутилась у парадных ворот, где двое слоноподобных скандаров в безупречных белых ливреях стояли на страже, выразительно скрестив руки на груди.

Иньянна продолжала хохотать. Скандары хмурились.

Лилэйв, подбежав сзади, дергала Иньянну за рукав, понуждая убраться, пока не начались неприятности.

— Подожди, — попросила Иньянна, задыхаясь от смеха, и подошла к скандарам. — Вы на службе Галайна?

Они молча смотрели на нее.

— Передайте своему хозяину, — безмятежно продолжала Иньянна, — что была Иньянна из Велатиса, осматривала дом, но, к сожалению, не смогла зайти отобедать. Благодарю вас.

— Идем, — настойчиво прошептала Лилэйв.

Гнев начал сменять равнодушие на волосатых лицах огромных стражей, Иньянна грациозно отсалютовала им, вновь согнулась от смеха, кивнула Лилэйв, и они помчались обратно к флотеру.

6

Прошло довольно много времени, прежде чем Иньянна вновь увидела в Ни-Мойе свет солнца — теперь она жила жизнью вора в глубинах Большого Базара. Поначалу она и не думала осваивать ремесло Лилэйв и ее семейства, но практичный взгляд на вещи вскоре заставил ее пересмотреть свои нравственные принципы. Она не могла вернуться в Велатис, да и не хотела после того, как впервые увидела Ни-Мойю. Ничего не ждало ее дома, кроме торговли клеем да гвоздями, поддельным атласом и фонарями из Тил-Омона. Но чтобы оставаться в Ни-Мойе, нужно было искать себе средства на жизнь, а она ничего не умела, разве что торговать, но чтобы торговать и открыть лавку, требовался капитал, которого у нее не было. И довольно скоро, после того, как последние деньги были истрачены (она не собиралась жить на милостыню новых друзей, приютивших ее в своем обществе, а иных перспектив у нее не было), воровская жизнь стала казаться ей вполне приемлемой. Пусть она была чужда ее природе, но теперь, ограбленная мошенниками, Иньянна смотрела на вещи иначе, чем раньше. В конце

концов она решилась надеть мужскую одежду — рост у нее был довольно высокий, и костюм она носила, хоть и неуклюже, но вполне правдоподобно, чтобы сойти за мужчину, — и под именем Калибая, младшего брата главаря Агормэйла, вступила в гильдию воров.

Лилэйв стала ее наставницей. Три дня Иньянна ходила за ней по пятам по Базару и внимательно следила, как девушка с лавандовыми волосами легко снимает с прилавков товар. Кое-какие приемы оказались довольно грубыми, как, например, примерять плащ в лавке и вдруг исчезнуть в толпе. Некоторые трюки выглядели фокусами, ловкостью рук, а другие требовали тщательно разработанного плана. И еще была обязанность пресекать действия воров-любителей. Дважды за три дня Иньянна видела, как это делает Лилэйв рука на запястье, холодный гнев в глазах, резкий шепот, и в результате страх, извинения, поспешное бегство нарушителей. Иньянна сомневалась, что у нее когда-нибудь хватит смелости поступить так же. Это казалось ей трудней, чем само воровство, а ведь она еще вовсе не была уверена, что сумеет заставить себя воровать.

На четвертый день Лилэйв объявила:

— Принеси мне фляжку с молоком морского

дракона и пару фляжек с золотистым вином Пидруида.

— Но ведь они стоят ройял за штуку! — пробормотала перепуганная Иньянна.

— Не может быть!

— Может, лучше начать с колбас?

— Стянуть редкое вино не так уж трудно, — заметила Лилэйв, — и значительно более выгодно.

— Я не готова…

— Ты просто так думаешь. Ты же видела, как это делается, и можешь сделать сама. Ты зря боишься, Иньянна, у тебя душа вора.

— Как ты можешь так говорить! — с ожесточением воскликнула бывшая лавочница.

— Тише, тише, я имела в виду только хорошее.

Иньянна кивнула:

— Пусть так, но ты ошибаешься.

— По-моему, ты себя просто недооцениваешь, — сказала Лилэйв, кое-какие черты в твоем характере лучше видны со стороны. Я их заметила, когда ты любовалась Ниссиморн Проспект. Итак, принеси мне фляжку пидруидского золотистого и драконьего молока. Хватит болтовни! Ты воровка нашей гильдии, и нынче твой задел.

Не было никакой возможности избежать этого, но не было и причины рисковать, занимаясь

этим в одиночку. И Иньянна попросила Атэйва составить ей компанию. Они вместе отправились на Проход Оссера, где с важным видом вошли в винную палатку — двое молодых повес, решивших купить себе немного радости.

Иньянну охватило странное спокойствие. Она выбросила из головы все мысли, не относящиеся к делу, как-то: нравственность, частная собственность или боязнь наказания, тем более, что раньше она была лавочницей, а сейчас хотела пощипать собрата по профессии, и не стоило усложнять ситуацию философскими колебаниями.

За прилавком стоял хайрог: ледяные, никогда не мигающие глаза, чешуйчатая кожа, змеящиеся волосы. Иньянна, стараясь, чтобы голос звучал по возможности проникновенно, поинтересовалась стоимостью молока морского дракона в прозрачном сосуде, в то время как Атэйв копался среди бутылок с дешевым красным вином. Хайрог назвал цену. Иньянна всем видом показала, что шокирована. Хайрог пожал плечами. Иньянна взяла лежавшую сверху прозрачную емкость и, хмурясь, начала рассматривать бледно-голубую жидкость. Потом сказала:

— Оно темнее, чем обычно.

— Оно меняется год от года. И у разных драконов молоко разное.

— Но считается, что все должно соответствовать стандарту.

— Разумеется, соответствует, — бросил хайрог с видом, равнозначным человеческому злобному взгляду под деланной улыбкой. — Несколько глотков, человек, и ты сможешь трудиться целую ночь.

— Дайте-ка мне минуту подумать, — попросила Иньянна. — Ройял — сумма немалая, независимо от того, какой будет результат.

Это был знак Атэйву. Тот обернулся.

— И эта дрянь из Мазадоны действительно стоит три кроны штука? Я уверен, что последние недели ее продают по две.

— Если найдете по две, покупайте по две, — ответил хайрог.

С хмурым видом Атэйв потянулся, слегка наклонившись, словно собирался поставить бутылку на полку, но покачнулся и свалил целый штабель фляжек.

Хайрог зашипел от гнева. Атэйв, бормоча извинения, неуклюже попытался поставить все на место и уронил еще больше. Хайрог встревоженно вскрикнул, бросился к товарам, и они с

Атэйвом, мешая друг другу, начали восстанавливать порядок, а Иньянна, запихнув фляжку с драконьим молоком под тунику, добавила к ней две фляжки золотистого и со словами: «Я, пожалуй, поищу где-нибудь подешевле», — вышла из палатки.

Она с трудом Заставляла себя не бежать, хотя щеки ее пылали, и она была уверена, что все прохожие видят в ней воровку, лавочники вот-вот поднимут шум да и сам хайрог сейчас выскочит следом. Она заставила себя спокойно дойти до угла, где свернула налево и пошла дальше, направляясь к рядам с маслами и сырами, где ее поджидала Лилэйв.

— На, — сказала Иньянна. — Они жгут мне грудь.

— Отлично сработано, — обнадежила ее Лилэйв. — Нынче ночью выпьем золотистого в твою честь.

— И драконьего молока?

— Сохрани его, — серьезно посоветовала девушка. — Выпьешь его с Галайном в ночь, когда тебя пригласят на обед в Ниссиморн Проспект.

Ночью Иньянна несколько часов лежала с открытыми глазами, боясь, что сон принесет послание, а с ним и наказание. Вино выпили,

но фляжка драконьего молока лежала у нее под подушкой, и она испытывала желание выскользнуть наружу и вернуть ее хайрогу, — сказывались поколения предков-лавочников. Воровка, думала она, воровка, воровка, я стала воровкой в Ни-Мойе. Почему я так поступила, по какому праву? По тому же, ответила она себе, по какому та парочка украла мои двадцать ройялов. Но при чем здесь хайрог? Если они украли у меня, я краду у него, он, что же, тоже пойдет красть? Прости меня, Леди, подумала она. Король Снов истерзает мою душу. Но в конце концов, она не могла не спать вечно, и наконец уснула, и пришедшие сны были чудесными и величавыми, и она беззвучно скользила над городскими аллеями, над Кристаллическим Бульваром, над Музеем Миров, над Комнатой Волшебства в Ниссиморн Проспект, где ее принял в объятия брат герцога. Сон смутил ее, она ни в коем случае не могла видеть в нем наказание. Где же нравственность? Это противоречило всему, во что она верила. Получалось, словно сама судьба предназначила ей быть воровкой. Все, что произошло с ней за минувший год, подводило к этому. Так может, она стала тем, кем стала по воле Дивин? Иньянна улыбнулась своим мыслям. Какой цинизм! Она

не может противиться судьбе.

7

Она крала часто и хорошо, страх попасться прошел через несколько дней.

Иньянна свободно расхаживала по Большому Базару, иногда с кем-нибудь, иногда одна, прибирая все, что плохо лежит. Это было так легко, что начинало казаться почти не похожим на преступление, тем более, что Базар был всегда переполнен — население Ни-Мойи, говорили, составляло тридцать миллионов жителей, и, казалось, все они находились на Базаре одновременно.

Здесь шумели, торговались, спорили, и Иньянна с удовольствием вносила свою лепту в реку этого бытия.

Большая часть добычи у нее не задерживалась. Профессиональный вор редко хранил у себя что-нибудь, кроме еды, и почти все трофеи немедленно продавались. Эта обязанность лежала на хьортах. Их было трое — Бьорк, Ханх и Мозинхант — и они входили в широко раскинутую сеть скупщиков краденого, состоявшую в основном из их соплеменников; скупщики быстро вывозили

краденое с Базара, а потом продавали товары по законным каналам, и зачастую те возвращались к тем же торговцам, у которых были украдены.

Иньянна быстро постигла, какие вещи нужно и можно красть, а какие нет.

Поскольку Иньянна была новичком, действовать ей было легко. Не все торговцы Большого Базара благодушно относились к гильдии воров, некоторые знали в лицо Лилэйв, Атэйва, Сидэйна и остальных и приказывали им убираться из своих лавок, едва те там появлялись. Но молодой человек Калибай был неизвестен никому, и Иньянна могла бы обирать лавки в здешнем столпотворении еще несколько лет, прежде чем ее начали бы узнавать.

Опасность грозила не столько от владельцев лавок, сколько от воров других семейств Базара. В лицо они ее пока не знали, а глаза у них были намного зорче, чем у торговцев, и за первые десять дней ее трижды хватали за руку. Страшно было чувствовать чужую руку на своем запястье, но она никогда не терялась, оставалась спокойной и говорила просто: «Вы нарушаете договоренность. Я Калибай, брат Агормэйла». Это действовало мгновенно, и после третьего случая ее больше не беспокоили.

Но решиться самой на такие действия оказалось гораздо сложнее. Сначала она не умела отличать законных воров от любителей и колебалась, хватать крадущего за руку или нет. Она удивительно легко научилась замечать кражи, но если рядом не было кого-то из клана Агормэйла, чтобы посоветоваться, то ничего не предпринимала. Разумеется, постепенно она начала узнавать многих законных представителей гильдии, хотя все равно почти каждый день замечала новую фигуру, роющуюся среди товаров, и, наконец, через несколько недель она решилась, думая, что если наткнется на законного вора, то всегда может извиниться. Суть системы заключалась в том, чтобы не просто красть, но и охранять, и она понимала, что отлынивает от обязанностей.

Первой ее задержанной оказалась угрюмая девушка, воровавшая зелень; говорить Иньянне ничего не пришлось, поскольку девушка в ужасе выронила все и улетучилась. Следующим оказался старейший вор, дальний родственник Агормэйла, который любезно разъяснил Иньянне ее ошибку, зато третий был любителем, но не испугался и отвечал на увещевания Иньянны руганью и невнятными угрозами. Иньянна хо-

лодно ответила, что семь человек следят за ними и немедленно вмешаются в случае затруднений, после чего испарился и этот. В дальнейшем она не испытывала сомнений и действовала спокойно и уверенно.

Само по себе воровство не тревожило больше ее совесть, но в глубине души она ждала мести Короля Снов, считая, что погрязла в грехах, и когда, еще не заснув, закрывала глаза, кошмары и мучения лихорадили душу, но то ли Король Снов не считал мелкие кражи грехом, то ли он и его помощники наказывали за более тяжкие преступления, то ли у него просто не хватало на нее времени, но по каким-то причинам он не посылал ей посланий. Правда, порой она видела его во сне — жестокого, старого великана-людоеда, посылавшего дурные вести с обожженного и бесплодного Суврaеля, — но в этом не было ничего необычного, поскольку время от времени он появлялся в снах у каждого, и это ничего не означало. Иногда Иньянна видела благословенную Леди Острова Сна, нежную мать Коронала Лорда Малибора, и ей казалось, будто она печально покачивает головой, словно говоря, что горько разочаровалась в своей девочке Иньянне. Но упрекать тех, кто сбился с праведного пути,

было выше сил Леди, и при таком отсутствии нравственных поправок Иньянна быстро научилась смотреть на новую профессию как на что-то обычное.

Со временем она взяла в любовники Сидэйна, старшего брата Лилэйв.

Ростом он был ниже Иньянны и так костляв, что обниматься с ним в постели было небезопасно. Но человек он был мягкий и задумчивый, сносно играл на карманной арфе и пел старинные баллады чистым воздушным тенором. Чаще всего они ходили теперь на дело вместе, и она находила его самым приятным спутником. Пришлось, правда, произвести некоторую перестановку спальных мест в логове Агормэйла, чтобы проводить ночи вместе, но остальные смотрели на это милостиво.

В компании Сидэйна она забредала все дальше и дальше по улицам чудесного города. Часто они за час-два выполняли дневную норму и были свободны весь оставшийся день: общая договоренность воров Большого Базара позволяла красть столько, сколько можно взять с прилавка, но не больше, и, покончив с делами, Иньянна выходила на улицы Ни-Мойи. Одним из ее любимых мест стал Парк Легендарных Животных

в холмистом пригороде Гимбелия, где она могла часами бродить среди давно вымерших животных, населявших Маджипур до появления цивилизации. Она любовалась шатконогими димилионами, хрупкими длинношеими створчатыми чомперсами, высотой в два роста скандара, изысканными сигимонами с густо заросшими мехом кончиками хвостов, неуклюжими на вид большеклювыми птицами зампидон, что некогда покрывали небо над Ни-Мойей огромными стаями, а сейчас остались только в Парке.

Изобретенные в древние времена механизмы и приспособления заговаривали всякий раз, когда кто-нибудь из прогуливающихся подходил близко к экспонатам, сообщая название и место их обитания. Еще в Парке имелись прелестные уединенные поляны, где Иньянна и Сидэйн молча прогуливались рука в руке, потому что Сидэйн не был болтуном.

Иногда они катались на лодке, подъезжая к Ниссиморну, а иногда спускались по Цимру до устья Стейша, по которому, если подняться выше, можно было попасть на территорию метаморфов. Но такое путешествие заняло бы слишком много времени, и они добирались лишь до маленькой рыбачьей деревушки лиименов, к югу

от Ниссиморна, где покупали свежей рыбы и устраивали пикник на пляже, плавали и лежали под солнцем. Или безлунными вечерами шли на Кристаллический Бульвар, где вращавшиеся фонари бросали на мостовую поразительный, вечно изменчивый свет. Иной раз они обедали в каком-нибудь из плавучих ресторанов, и тогда прихватывали с собой Лилэйв, которая любила эти места больше других. Каждый островок являл собой миниатюрную копию далекой провинции с ее растительностью и животным миром, и блюда здесь подавали характерные для нее, например, в продуваемом ветрами Пилиплоке кормили мясом морских драконов; влажный Нарабал славился изобилием ягод и сочных папоротников, а были еще кухни огромного Сти с Замковой Горы, и Стоена, и Пидруида, и Тил-Омона, но только не Велатиса, что совсем не удивило Иньянну, и даже не Пьюрифайна — провинции Изменяющих Форму, так же, как кухни опаленного солнцем далекого Суврaеля. Пьюрифайн и Суврaель были местами, которые большая часть населения Маджипура предпочитала не вспоминать, а Велатис просто не заслуживал внимания.

Все имеющиеся островки Иньянна и Сидэйн навещали довольно часто. Еще одним ее любимым

местом стала Галерея Тонкой Ткани — висевший высоко над улицами балкон в милю длиной, где находились самые дорогие магазины Ни-Мойи, о которых говорили, что они лучшие из всех, имеющихся на Цимроеле и даже в Замковой Горе. Собираясь туда, Иньянна и Сидэйн наряжались в самые лучшие одежды, которые позаимствовали в лучших лавках Большого Базара. При этом они, разумеется, не подделывались под аристократов, но все же наряды были на разряд выше тех, в которых они щеголяли в повседневной жизни. Иньянна снимала костюм и надевала легкое женское платье, темно-красное с зеленым, распускала длинные золотистые волосы и, легонько касаясь кончиками пальцев руки Сидэйна, величественно прогуливалась по Галерее, предаваясь приятным мечтам, пока они рассматривали драгоценности, украшенные перьями маски или шлифованные амулеты и металлические безделушки, только за одну из которых пришлось бы выложить пару пригоршней блестящих ройялов — целое состояние. Иньянна знала, что ни одна из этих вещей никогда не будет принадлежать ей.

Воровать, почти не опасаясь, можно было на Большом Базаре, но не здесь.

В одну из таких прогулок по Галерее Иньянна

попалась на глаза Галайну, брату герцога.

8

Она, конечно, и не заметила, как это произошло. Была ночь позднего лета, и она надела самое легкое свое платье из материи, казавшейся легче паутинки. Они с Сидэйном зашли в магазинчик, где торговали резьбой по кости морских драконов, поглядеть на необычные, с ноготь величиной, шедевры капитанов-скандаров, вырезавших за время долгих путешествий тончайшие узоры на кости. Когда четыре человека в мантиях, по которым сразу угадывались аристократы, вошли внутрь, Сидэйн затаился в уголке, понимая, что и одежда, и манера ее носить, и стриженные волосы говорят, что он здесь не ровня никому. Но Иньянна, сознавая, что линии ее тела и холодный блеск зеленых глаз могут возместить отсутствие необходимых манер, дерзко осталась у прилавка. Один из вошедших взглянул на фигурку в ее руке и сказал:

— Купив ее, вы не прогадаете.

— А я и не собираюсь ничего покупать, — отозвалась Иньянна.

— Можно взглянуть?

Она опустила фигурку в его ладонь, и в тот же миг ее глаза встретились с его взглядом. Он улыбнулся, но сразу перевел внимание на резную фигурку, карту-глобус Маджипура, собранную из множества подогнанных друг к другу кусочков кости. Минуту спустя он бросил владельцу:

— Сколько?

— Дарю, — в тон ему отозвался высокий и суровый хайрог.

— В самом деле? Ну, а я — вам. — И незнакомец бросил игрушку на ладонь пораженной Иньянны. Улыбка его стала еще шире.

— Вы из Ни-Мойи? — спросил он.

— Я живу в Стилэйне, — ответила Иньянна.

— Вы часто обедаете в плавучем ресторане Нарабала?

— Когда есть настроение.

— Отлично. Не заглянете ли вы туда завтра вечером? Там будет еще кое-кто, кому не терпится продолжить знакомство.

Скрывая замешательство, Иньянна чуть наклонила голову. Незнакомец с поклоном отвернулся, затем купил три маленькие безделушки, бросил на прилавок мешочек с монетами, и все четверо вышли. Иньянна с изумлением смотрела на изящную фигурку в руке. Сидэйн, возникнув из

тени, шепнул:

— Она стоит два десятка ройялов! Продай ее снова хозяину.

— Нет, — отрезала она и повернулась к хозяину. — Кто это был?

— Разве вы с ним не знакомы?

— Иначе я бы не спрашивала.

— Да, да… — хайрог испустил тихий свистящий звук. — Его зовут Дюранд Ливолк, постельничий герцога.

— А те трое?

— Двое на службе у герцога, а их товарищ — брат герцога Галайн.

— О! — прошептала Иньянна и протянула резной шарик хозяину. — Можно повесить его на цепочку?

— Одну минуту.

— А цена цепочки будет ему соответствовать?

Хайрог подарил ей долгий прикидывающий взгляд.

— Цепочка лишь прилагается к резьбе, — сказал он наконец, — а поскольку сувенир подарен, то с цепочкой будет так же. — Он подобрал изящные золотые звенья к маленькому шарику и упаковал безделушку в коробочку.

— С цепочкой по меньшей мере двадцать пять

ройялов, — пробормотал пораженный Сидэйн, когда они вышли. — Иньянна, давай зайдем в другой магазин и продадим?

— Это подарок, — холодно ответила она. — Я надену его завтра вечером, к обеду на Нарабальском островке.

Она не могла пойти на обед в платье, которое носила вечером, а чтобы найти другое такое же нарядное и воздушное, пришлось потратить два часа в лавках Большого Базара. Наконец она наткнулась на одно, скрывающее наготу чисто символически, однако окутывающее тело тайной. Она надела его к обеду на Нарабальском островке, и глобус висел на цепочке, покоясь в ложбинке между грудей.

В ресторане ее ждали. Сойдя с парома, она была встречена темным, сосредоточенным врооном в герцогской ливрее, проводившим ее сквозь буйную зелень листвы, виноградных лоз и папоротников в тенистую беседку, уединенную и душистую, находившуюся в части островка, которую густая растительность отделяла от основной площади ресторана. Здесь за мерцающим столом из полированного дерева ее ждали трое; виноградные лозы образовывали шатер над головой, и с их толстых стеблей свешивалась гирлян-

да гигантских синих цветов. За столом сидели Дюранд Ливолк, подаривший ей резную безделушку, стройная темноволосая женщина, такая же гладкая и лоснящаяся, как стол, и человек вдвое старше Иньянны, хрупкого телосложения, с тонкими поджатыми губами и мягкими чертами лица. Все трое были одеты столь роскошно, что Иньянне сделалось неловко за свои лохмотья.

Дюранд Ливолк встал и подошел к ней со словами:

— Вы сегодня еще прелестнее, чем тогда. Идемте, я представлю вам своих друзей. Моя приятельница, госпожа Тискорна, и…

Изящный человек встал.

— Галайн из Ни-Мойи, — сказал он просто, мягким и невыразительным голосом.

Иньянна смутилась, но лишь на мгновение. Она-то решила, что постельничий хочет ее для себя, теперь же до нее дошло, что Дюранд Ливолк просто приглашал ее для брата герцога. Негодование на миг вспыхнуло в ней, но сразу угасло. Что тут оскорбительного? Многим ли молодым женщинам довелось обедать на Нарабальском островке с братом герцога? И если кому-то покажется, что ее используют, пусть так.

Место ей приготовили рядом с Галайном. Она

села, и вроон мгновенно подал поднос с ликерами, все совершенно незнакомые, она выбрала наугад один, с привкусом горных туманов, и сразу же начало покалывать щеки и в голове зазвенели колокольчики. Начался легкий дождь, стуча по блестящим широким листьям деревьев и виноградным лозам, но ни капли не проникло в беседку. Буйная зелень тропиков на этом островке выращивалась под искусственными дождями, имитирующими климат Нарабала.

— У вас есть здесь любимые блюда? — осведомился Галайн.

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Благодарю. У вас иное произношение, чем в Ни-Мойе.

— Я из Велатиса, — объяснила Иньянна, — и приехала сюда только в прошлом году.

— Мудрое решение, — заметил Дюранд Ливолк. — А можно узнать, что побудило вас к этому?

Иньянна рассмеялась.

— По-моему, не стоит рассказывать эту историю сейчас.

— У вас очень милый выговор, — сказал Галайн. — Мы здесь редко вспоминаем о Велатисе. Красивый город?

— Едва ли.

— Угнездился в Гонхарах. Наверное, красиво, когда со всех сторон величественные горы?

— Может быть. Но, прожив там всю жизнь, не обращаешь внимания на величие. Возможно, даже Ни-Мойя покажется клеткой тому, кто здесь родился и вырос.

— Где вы живете? — поинтересовалась Тискорна.

— В Стрилэйне, — ответила Иньянна, а затем добавила: — На Большом Базаре.

— На Большом Базаре?

— Да, под рядами с сыром.

— И по каким же причинам, — сказала Тискорна, — вы избрали это место своим домом?

— Ну, — беспечно произнесла Иньянна, — там ближе всего до моей работы.

— В молочных рядах? — воскликнула Тискорна. В голосе ее слышались нотки ужаса.

— Вы меня не так поняли. Я работаю на Базаре, но не торгую. Я воровка.

Слово слетело с губ молнией, ударившей в вершину горы. Иньянна перехватила испуганный взгляд Галайна к Дюранду Ливолку, а лицо последнего налилось кровью. Но они были аристократами и вели себя соответственно.

Галайн первым оправился от удивления и, холодно улыбнувшись, сказал:

— Я всегда верил, что профессия накладывает отпечаток. В вашем случае это грация и остроумие. — Он коснулся своим бокалом бокала Иньянны. — Я приветствую вора, открыто заявляющего, что он вор. Такая откровенность отсутствует у многих честных людей.

Вернулся вроон, неся большую фарфоровую чашу, полную бледно-голубых ягод, казавшихся восковыми, с белыми кончиками. Иньянна узнала токку излюбленное лакомство Нарабала, — которая, как говорили, горячит кровь и расширяет сосуды. Она взяла несколько ягод, Тискорна предусмотрительно выбрала одну, Дюранд Ливолк зачерпнул пригоршню, Галайн тоже. Иньянна обратила внимание, что брат герцога ест ягоды с семенами, утверждая, что так полезнее. Тискорна отщипывала кусочками.

Затем пошли вина, кусочки пряной рыбы, устрицы, плавающие в собственном соку, грибные салаты, и наконец вырезка ароматного мяса из ноги гигантского билантона, как пояснил Галайн. Иньянна ела помаленьку, стараясь попробовать все.

Немного погодя пришли жонглеры-скандары

и устроили чудесное представление с факелами, кинжалами, булавами, заслужив горячие аплодисменты присутствующих. Галайн протянул грубым четырехруким существам блестящую монету — пять ройялов, заметила изумленная Иньянна. Потом вновь начался дождь, хотя на них не упало ни капли, а еще позже, когда по второму кругу отведали напитки, Дюранд Ливолк и Тискорна извинились и оставили Галайна с Иньянной в одиночестве сидеть в туманной мгле.

— Вы действительно воровка? — спросил Галайн.

— Действительно. Но это произошло случайно, а вообще я владею лавкой в Велатисе.

— И что же произошло?

— Я потеряла все благодаря обману и без денег явилась в Ни-Мойю, а здесь попала к ворам, оказавшимся людьми умными и симпатичными.

— А теперь попала к еще большим ворам, — заметил Галайн. — Вас это не тревожит?

— Разве вы считаете себя вором?

— Я занимаю высокое положение лишь по стечению обстоятельств, только потому, что удачно родился. Я не работаю, разве что помогаю брату, если понадобится, и живу в роскоши, невообра-

зимой для большинства людей. Но ничего этого я не заслужил сам. Вы видели мой дом?

— Я его хорошо изучила. Снаружи, конечно.

— Если хотите, можете осмотреть и изнутри… сегодня.

Иньянна мельком подумала о Сидэйне, ждавшем ее в белой комнате под сырными рядами.

— Почему бы и нет, очень хочу, — кивнула она. — И когда увижу, расскажу вам небольшую историю обо мне, Ниссиморн Проспект и о том, как я попала в Ни-Мойю.

— Уверен, это будет очень интересно. Так мы едем?

— Да, — улыбнулась Иньянна. — Вас не затруднит сначала остановиться у Базара?

— Впереди целая ночь, — ответил Галайн. — Нам некуда торопиться.

Одетый в ливрею вроон освещал им путь сквозь буйную зелень сада до причала островка, где Галайна ждал личный паром, доставивший их на берег.

Пока они высаживались, был подогнан флотер, и Иньянна быстро очутилась на площади у Пидруидских ворот. «Я только на минуту», — прошептала она и в прозрачном платье сразу растворилась в толпе, даже в этот час запол-

нявшей Базар. В подземном логове воры уже собрались за столом и играли в кости.

Они одобрительно загудели и зааплодировали при ее величественном появлении, но она ответила лишь быстрой улыбкой и отвела в сторону Сидэйна.

— Я сейчас ухожу, — тихо сказала она, — на всю ночь. Ты меня прощаешь?

— Не всякой женщине дано поразить воображение постельничего герцога.

— Не постельничего, — усмехнулась Иньянна, — а брата герцога.

Она легонько коснулась губами губ Сидэйна, стоявшего с остекленевшими от изумления глазами.

— Завтра снова пойдем в Парк Легендарных Животных, ладно? — Она еще раз поцеловала его, зашла в спальню и достала из-под подушки фляжку с молоком дракона, которую прятала там несколько месяцев.

Возвращаясь, она задержалась у игрового стола, наклонилась поближе к Лилэйв и развела руками, показывая фляжку. Глаза у девушки сделались круглыми. Иньянна подмигнула и сказала:

— Помнишь, для чего я ее берегла? Ты хотела,

чтобы я выпила ее с Галайном, когда попаду в Ниссиморн Проспект, и вот…

Девушка глядела на нее с раскрытым ртом. Иньянна подмигнула ей еще раз, поцеловала и вышла.

Гораздо позже, глубокой ночью, когда она достала фляжку и предложила ее Галайну, ее вдруг охватила паника, не нарушает ли она какой-нибудь этикет, предлагая средство для усиления полового влечения брату герцога, подразумевая этим его бессилие. Но Галайн не выказал никакой обиды. Он спокойно принял ее дар, спокойно разлил бледно-голубую жидкость в фарфоровые чашки со столь тонкими стенками, что они казались почти прозрачными, и вложил одну в руку девушки, вторую поднял сам. Молоко дракона оказалось горьким на вкус, и Иньянна с трудом проглотила его, но выпив, сразу ощутила нарастающий жар, запульсировавший в бедрах. Галайн улыбнулся. Они находились в Оконном зале Ниссиморн Проспект, где единая полоса окаймленного золотом стекла открывала круговой обзор гавани Ни-Мойи и далекого южного берега реки. Галайн коснулся переключателя. Огромное окно потемнело, из пола внезапно поднялось круглое ложе. Он лег на него и притянул

Иньянну к себе.

9

Стать любовницей брата герцога было достаточно для честолюбия воровки с Большого Базара. Иньянна не питала иллюзий относительно своей связи с Галайном. Дюранд Ливолк выбрал ее, вероятно, углядев что-то в ее глазах, волосах или в том, как она держала себя; Галайна же, видимо, ожидавшего, что она окажется женщиной не столь низкого положения, заинтриговала связь с женщиной с самого дна общества, и потому она получила вечер на Нарабальском островке и ночь в Ниссиморн Проспект; приятное, хотя и краткое исполнение мечты. Она знала, что утром вернется на Большой Базар, и память о случившемся останется навсегда.

Но вышло не совсем так.

Они не спали всю ночь — то ли это было действие молока дракона, то ли он всегда так неистощим в любви — и на рассвете, обнаженные, прошли по величественному зданию, и он показал ей свои богатства, а позже, когда завтракали на балконе, висящем над садом, он предложил прогуляться по своему парку в Истмое. В конце

концов приключение оказалось не на одну ночь. Сначала она подумывала отправить Сидэйну весточку, что не вернется днем, но потом поняла, что ему это совершенно не нужно. Он и так истолкует ее молчание правильно. Правда, она не хотела причинять ему боль, но, с другой стороны, не была и его собственностью — так, вульгарная связь. А в ее жизни сейчас происходило великое событие, и когда она вернется на Большой Базар, то сделает это не ради Сидэйна, а просто потому, что приключение закончится.

Вот так и получилось, что она провела с Галайном шесть дней. Днем они катались на его великолепной яхте, гуляли в саду, куда привозили лишние экспонаты из Парка Легендарных Животных, или просто сидели на балконе Ниссиморн Проспект, любуясь солнечной колеей, тянувшейся через весь континент от Пилиплока до Пидруида. А к ночи начинались праздничные пиршества, то на одном из плавучих островков, то в огромном Городском Дворце, а один раз в Палатах самого герцога.

Ростом герцог был не ниже Галайна, но гораздо крупнее и намного старше.

Манеры его были утомительны для окружающих и совсем не мягкие! Тем не менее, с Иньянной

он держал себя любезно, ни разу не позволил себе намекнуть, что брат его спутался с уличной девкой с Большого Базара.

Иньянна как бы плыла сквозь эти вечера, бесстрастно воспринимая окружающее, будто видела сон. Она понимала, что выказывать страх было бы грубо и неприлично, а требовать равенства — еще хуже. Она избрала для себя спокойную сдержанность, и это оказалось лучше всего. Через несколько дней ей казалось вполне естественным сидеть за одним столом с высшими сановниками города, вернувшимися недавно из Замка со сплетнями о Коронале Лорде Малиборе и его окружении, или с теми, кто рассказывал об охотах в северных болотах с Понтифексом Тиверасом в ту пору, когда он был еще Короналом при Понтифексе Оссере, или с теми, кто приехал из Внутреннего Храма после встречи с Леди Острова Сна.

Она так непринужденно чувствовала себя в компании великих, что обратись к ней кто-нибудь с вопросом: «А как вы, госпожа, провели последние месяцы?», она бы легко ответила: «Как и положено воровке с Большого Базара». Но подобных вопросов не возникало. На таком уровне общества не потворствуют праздному

любопытству, но преподносят свои рассказы так, как кому хочется.

Поэтому, когда на седьмой день Галайн поинтересовался, не хочет ли она вернуться на Большой Базар, она не стала спрашивать, пресытился ли он ее обществом или просто устал. Он взял ее в любовницы на время, и время это истекло. Что же, эту неделю она никогда не забудет.

И все-таки возвращение оказалось ударом. Роскошный флотер доставил ее от Ниссиморн Проспект к Пидруидским воротам Большого Базара, и служанка Галайна держала в руках узелок с подарками, которые преподносил ей любовник за время их совместного проживания.

После того, как флотер исчез среди городских улиц, Иньянна окунулась в неистовый хаос Большого Базара и словно очнулась после долгого колдовского сна. Пока она шла между переполненными покупателями рядами лавок, палаток и магазинов, никто не окликнул ее, ведь ее знали как Калибая, а сейчас она была одета в женское платье. Она молча шла через кружившуюся толпу, еще омытая аурой аристократичности, и чувствовала, что с каждой минутой теряет ее. Сон кончился, она снова живет наяву.

Сегодня вечером Галайн обедает с гостем, герцо-

гом Мазадоны, а завтра они отправятся рыбачить на яхте вверх по Стейшу, потом… что будет потом, она не знала, но знала, что стащит сегодня фляжку сладкого вина и напьется.

На мгновение на глаза навернулись слезы. Она заставила их исчезнуть, говоря себе, что это глупо, и нужно не жаловаться на возвращение из Ниссиморн Проспект, а радоваться, что провела такую неделю.

В комнате не оказалось никого, кроме хьорта Вьорка и одного из метаморфов. Они лишь кивнули, когда Иньянна появилась в подземной берлоге, а она прошла к себе и переоделась в костюм Калибая. Но сразу вернуться к воровству оказалось выше ее сил. Девушка спрятала мешочек с драгоценностями и безделушками, подаренными Галайном, под свою постель.

Продав их, она могла бы жить, не занимаясь воровством, года два, но не собиралась этого делать. Завтра, решила Иньянна, она выйдет на Базар, а сегодня, — она уткнулась в подушку, — снова отдастся Сидэйну.

Слезы вновь навернулись на глаза, и на этот раз она выплакалась, а потом встала, чувствуя себя намного спокойнее, умылась и стала ждать остальных.

Сидэйн приветствовал ее с благородной невозмутимостью: никаких расспросов, никакой обиды, никаких намеков, довольный, что она вернулась, он с улыбкой взял ее руки в свои, предложил глоток только что украденного вина с Алханроеля и рассказал пару случаев, приключившихся на Базаре, пока ее не было. Иньянна старалась понять, не мешает ли ему сознание того, что последним мужчиной, ласкавшим ее тело, был брат самого герцога? Но нет, он потянулся к ней ласково и без колебаний, едва они очутились в постели, и его тощее костлявое тело навалилось на нее.

На следующий день после работы они поехали в Парк Легендарных Животных, где впервые увидели госсималя Глайда, настолько тонкого, что он казался невидимым сбоку. Они смеялись и дурачились.

Однако остальные воры стали относиться к Иньянне с некоторым страхом, поскольку знали, где она была и чем занималась. Одна Лилэйв осмеливалась говорить с ней прямо, и только она спросила:

— Что он увидел в тебе?

— Откуда я знаю? Это было как сон.

— Я думаю, это справедливо.

— Ты о чем?

— Тебя ведь обманули, а так ты хоть как-то возместила свою обиду. Дивин и добра, и зла одинаково, — Лилэйв рассмеялась. — Ты вернула свои двадцать ройялов?

Иньянне пришлось признаться, что это так. Однако долг, как оказалось, еще не был полностью оплачен. На следующий стардей, когда она ходила по разменным рядам, снимая «лишние» монеты то тут, то там, она вдруг почувствовала чужую руку на своем запястье и удивилась дураку-вору, не узнавшему ее. Но это была Лилэйв. Лицо ее пылало, глаза сделались круглыми.

— Беги скорей домой! — выдохнула она.

— Что случилось?

— Там ждут два вроона. Тебя зовет Галайн, и они говорят, чтобы ты собрала все свои вещи, потому что больше не вернешься на Большой Базар.

10

Так случилось, что Иньянна Форлэйн, бывшая лавочница из Велатиса и бывшая воровка с Большого Базара, поселилась в Ниссиморн Проспект с Галайном из Ни-Мойи. Галайн ничего не объяснил, и она не просила объяснений. Он хотел

ее, и этого было достаточно. Первые несколько недель она ждала, что однажды утром он попросит ее вернуться на Базар, но ничего подобного не происходило, и по прошествии времени она перестала об этом думать. Теперь, куда бы ни направлялся Галайн, она находилась рядом: и на охоте на гихорн в Болотах Нимра, и в Бесконечном Цирке ослепительного Дулорна, и в Кинторе на празднестве Цезарей, и даже в загадочном Пьюрифайне, где Галайн по поручению брата обследовал земли Изменяющих Форму. Она, безвыездно проведшая в сыром Велатисе двадцать лет жизни, считала само собой разумеющимся сопровождать всюду своего мужчину, однако никогда не забывалась и не теряла иронии, с которой относилась к столь необычной перемене в своей жизни.

Она не удивилась даже, когда обнаружила, что сидит за столом возле самого Коронала. Лорд Малибор прибыл в Ни-Мойю, объезжая Маджипур, и желал показать жителям западного континента, что они так же дороги ему, как и алханроельцы. Герцог задал пиршество, и Иньянна оказалась по правую руку Коронала; слева от нее сидел Галайн, а сам герцог с женой заняли места напротив Лорда Малибора. Иньянна еще в школе заучивала

имена: Стиамот, Конфалум, Престимион, Деккерет… Мать частенько рассказывала, что в день ее рождения в Велатис пришла весть о смерти Оссера, и о том, что ставший новым Понтифексом Лорд Тиверас избрал Короналом некоего Малибора из Бомбифала, широколицего мужчину с широко расставленными глазами и тяжелыми бровями. Но то, что такие люди, как Понтифекс или Коронал, действительно существуют, всегда казалось ей нереальным, а тут ее локоть находился в каком-то дюйме от локтя Коронала, и она поражалась, какой массивный и дородный этот человек, чей лик чеканили на всех монетах.

Она предполагала, что Коронал заговорит о положении дел в провинции, но Лорд Малибор болтал, в основном, об охоте, что он забрался так далеко, рассчитывая добыть голову редкого зверя, что только в этом недоступном месте можно добыть его, что он строит новый Тропический зал в Замке, что через год-два вернется туда, и им с Галайном следует побывать у него в гостях, что Тропический зал к тому времени закончат, он всем понравится, и все увидят там странных зверюг, созданных искусными таксидермистами Замковой Горы.

Иньянне было скучно, однако она заставляла

себя вежливо слушать и даже два-три раза сделала удачные замечания.

На рассвете, когда они наконец вернулись в Ниссиморн Проспект и готовились лечь, Галайн сказал ей:

— Коронал собирается устроить охоту на морских драконов. Он хочет отыскать дракона, похожего на колосса Лорда Кинникена, футов в триста длиной.

Уставшая донельзя Иньянна передернула плечами.

— А что, в его Тропическом зале найдется место и для морского дракона?

— Для головы и крыльев наверняка. Но шансов добыть их у него немного.

Того дракона видели всего четыре раза после Лорда Кинникена. Правда, если Коронал его не отыщет, он удовольствуется другим.

— И у него есть шанс?

Галайн кивнул.

— Но охота на морских драконов дело опасное, и лучше бы ему не пытаться. Однако он уже заполучил каждую тварь, ползающую по суше, и теперь… В общем, в конце недели мы едем в Пилиплок.

— Мы?

— Коронал просил меня сопровождать его на охоте, — с унылой усмешкой объяснил Галайн. — Сначала он хотел пригласить герцога, но брат отказался, сославшись на дела в провинции. Тогда он попросил меня. Я отказаться не мог.

— Я поеду с тобой? — спросила она.

— Вряд ли это получится.

— О, — произнесла она совершенно спокойно и, помолчав, спросила: — Когда ты вернешься?

— Обычно охота длится не меньше трех месяцев, пока не кончится сезон южных ветров, да еще добираться до Пилиплока, снаряжать судно, а потом возвращаться… Месяцев семь-девять, наверное. К весне вернусь.

— Понимаю.

Галайн лег к ней и прижал к себе.

— Это будет очень долгая разлука для меня, клянусь тебе.

Ей хотелось спросить: неужели ты не можешь отказаться? Или, может, я смогу поехать с тобой? — но она понимала, что это ничего не даст, и не протестовала. Она обняла его, и они занимались любовью до самого восхода солнца.

Накануне отъезда в Пилиплок, где стояли в гавани корабли охотников на драконов, Галайн позвал ее в свой кабинет на верхнем этаже Нис-

симорн Проспект и протянул толстую пачку документов.

— Что это? — спросила она, не решаясь взять.

— Наш брачный договор.

— Неумная шутка, господин.

— Это не шутка, Иньянна, совсем не шутка.

— Но…

— Я хотел поговорить с тобой зимой, но тут возникла эта проклятая поездка за драконом и у меня не остается времени. Вот и пришлось поторопить события. Для меня ты не просто любовница, и эти бумаги узаконивают нашу связь.

— Разве наша любовь нуждается в узаконивании?

— Я отправляюсь в рискованную и дурацкую поездку, из которой, естественно, хочу вернуться живым, но в море моя судьба будет в руках Дивин. Как у любовницы у тебя нет прав на наследство, но как у моей жены…

Иньянна была ошарашена.

— Но если риск так велик, лучше откажись от поездки.

— Ты знаешь, что это невозможно. Придется рискнуть. Но я хочу тебя обеспечить. Посмотри бумаги, Иньянна.

Она долго смотрела на документы, разбитые на

многочисленные пункты, но ничего не понимала. Жена Галайна? Ей это казалось чудовищным, переходящим все границы. И все же, все же…

Он ждет. Она не хочет отказать *ему*.

Утром он уехал с Короналом в Пилиплок, и весь день унылая и смущенная Иньянна бродила по коридорам и комнатам Ниссиморн Проспект. Вечером ее пригласил на обед герцог, на следующий вечер Дюранд Ливолк со своей дамой сердца заманили ее на Нарабальский островок. Затем приглашения посыпались одно за другим, так что не оставалось ни минуты свободного времени, и месяцы летели. А потом пришла весть об огромном драконе, напавшем на корабль Лорда Малибора и отправившем его на дно Великого Моря. Погибли и Коронал, и все, кто находился с ним на корабле. Новым Короналом был провозглашен некий Вориакс, а по завещанию Галайна Иньянна вступила в полное владение его имуществом, и в частности особняком Ниссиморн Проспект.

11

Когда закончился траур и пришло время заняться устройством собственных дел, она вы-

звала одного из управляющих и распорядилась большую сумму денег в виде дара доставить на Большой Базар и вручить вору Агормэйлу и членам его семьи. Так она давала понять, что не забыла их.

— Передайте мне их точные слова, которые они скажут, когда будут получать кошельки, — наказала она управляющему, надеясь, что воры пошлют ей теплые воспоминания о совместно прожитых днях.

Но ни один не сказал ничего интересного — все просто благодарили госпожу Иньянну, кроме одного человека по имени Сидэйн, который наотрез отказался от подарка, несмотря на все уговоры.

Иньянна печально улыбнулась и раздала двадцать ройялов, не принятых Сидэйном, детям на улицах, после чего больше не имела никаких дел с ворами Большого Базара и никогда не бывала там.

Несколько лет спустя во время прогулки по лавкам Галереи Тонкой Ткани она обратила внимание на двух подозрительно выглядевших мужчин в магазинчике с безделушками, вырезанными из кости морских драконов. Их движения и то, как они переглядывались, заставляло думать, что это воры, собирающиеся в удобный момент

обчистить лавку. Присмотревшись, она поняла вдруг, что видела их раньше — и невысокого коротко остриженного, и второго — бледного с шишковатым лицом. Она сделала жест сопровождающим, и те быстро окружили парочку.

Иньянна сказала:

— Один из вас — Стойг, второй называет себя Безаном Ормусом, правда, я не помню, кто из вас кто. Зато все остальные детали нашей встречи я помню очень подробно.

Вроон тревожно переглянулся с товарищем.

— Госпожа, — сказал высокий, — вы ошибаетесь. Меня зовут Елакон Морц, а моего друга — Тануз.

— Сейчас, может быть. Но в вашу бытность в Велатисе вас звали по-другому. Вижу, вы сменили мошеннические проделки на обычное воровство.

Расскажите-ка мне, сколько еще наследников Ниссиморн Проспект вы отыскали, прежде чем остановиться?

Теперь в их глазах читалась откровенная паника. Они, казалось, прикидывали шансы прорваться к двери мимо людей Иньянны, но это было бессмысленно, тем более, что стража Галереи заметила происходящее и собралась у

выхода снаружи.

— Мы честные торговцы, госпожа, — сказал низенький дрожащим голосом.

— Вы неисправимые мерзавцы, — отрезала Иньянна. — Посмейте только еще раз сказать, что я вас не знаю, и я отправлю вас на каторжные работы!

— Госпожа…

— Говорите правду, — предупредила Иньянна.

— Мы признаем обвинение. Но это было давно. Если мы оскорбили вас, то готовы полностью возместить убытки.

— Оскорбили? — Иньянна расхохоталась. — Скорей уж сослужили великую службу. Я вам только благодарна. Я, Иньянна Форлэйн, лавочница из Велатиса, которую вы надули на двадцать ройялов, по воле Дивин стала Иньянной из Ни-Мойи, владелицей Ниссиморн Проспект. — Она кивнула стражникам: — Отведите эту парочку к прокторам и скажите, что доказательства я представлю позже, но прошу отнестись к ним снисходительно — месяца на три исправительных работ или что-нибудь подобное. Потом я возьму их к себе на службу. — Она махнула рукой, мужчин увели, а Иньянна повернулась к хозяину лавки. — Я сожалею о происшедшем. Значит,

эти резные гербы города стоят десять ройялов за штуку? А что вы скажете о тридцати ройялах, если добавить резьбу вот по этим кругам…

Вориакс и Валентин

Из всего, что узнал Хиссуне, история Иньянны Форлэйн больше всего тронула его сердце. Отчасти потому, что жила она в его время, и мир ее не казался таким чуждым, как мир художника или Тесме. Но главная причина заключалась в том, что чувства Хиссуне были созвучны чувствам современницы из Велатиса, поскольку и та начинала практически с нуля, лишившись почти всего, но тем не менее, достигла могущества, величия и богатства. Старая истина: Дивин помогает тем, кто помогает себе сам, а Иньянна своими делами, вернее, отношением к делам, внушила уважение. Конечно, счастье ей улыбнулось — она

привлекла внимание нужного человека в нужный момент, но разве у других не может быть так же? Во всяком случае, Хиссуне, сам оказавшийся в нужное время в нужном месте, когда Лорд Валентин несколько лет назад скитался по Лабиринту, верил в это. Но мог ли он рассчитывать на что-нибудь выше места писца? Да! Пусть ему уже восемнадцать и, кажется, поздно делать карьеру — перед ним пример Иньянны Форлэйн. Разве Лорд Валентин, прибывший в Лабиринт, не может в любую минуту послать за ним? Он может вызвать его и сказать: «Хиссуне, ты уже достаточно послужил в этом грязном месте. Хочешь жить у меня в Замке?». Разумеется, да, но он пока не слышал подобных предложений от Коронала и вряд ли услышит. Несмотря на свою богатую фантазию, он никогда не тешил себя несбыточными мечтами, а потому продолжал выполнять свою работу и осмысливать то, познал в Считчике Душ, а потом принялся искать в хранилище запись Лорда Валентина. Это была наглость. Хиссуне понимал, что опасно искушать судьбу: он бы не удивился, если бы вспыхнул свет, зазвенела тревога, стража схватила юного наглеца, непочтительно проникшего в душу самого Коронала. Поэтому больше всего его удивило, что

механизм выдал ему запись Лорда Валентина, сделанную очень давно. Хиссуне не колебался…

Их было двое, широкоплечих, высоких и сильных, с черными блестящими глазами, державшихся так, что сразу было видно — они братья. Но они были разными. В одном осталось еще что-то мальчишеское, и это было видно не только по чуть заметной поросли и гладкому лицу, но и по некой теплоте и озорству в его глазах. Старший казался более сдержанным, более суровым, более властным, словно нес на плечах какое-то бремя, наложившее на него отпечаток. Так оно и было: ему, Вориаксу из Галанкса, старшему сыну Канцлера Дамандайна, еще в детстве было прилюдно сказано, что он станет Короналом. Так же было предсказано, что после брата его место займет Валентин, но сам Валентин не питал никаких иллюзий относительно этого обычные комплименты младшему сыну высокопоставленного лица. Вориакс был старше на восемь лет, и, вне всяких сомнений, если кто и отправится в Замок, это будет именно он. Их отец, Канцлер Дамандайн, был одним из ближайших советников Лорда Тивераса и тоже мог претендовать на роль следующего Коронала, но когда Лорд Тиверас стал Понтифексом, он провозгласил Короналом

Малибора, правителя Бомбифала, города у подножия Горы. Никто не возражал, несмотря на то, что Малибор, человек довольно резкий, более интересовался охотой и развлечениями, нежели тяжким бременем власти. Валентин тоже еще не родился, но Вориакс рассказывал ему, что отец ничем не выдал разочарования, когда трон получил посторонний человек, хотя он подходил для него лучше всех.

Валентину очень хотелось знать, поступит ли Вориакс столь же благородно, если вопреки всем обещаниям ему откажут в короне звездного огня провозгласят Короналом кого-нибудь из высокопоставленных особ — Элидата, например, или Тунигорна. Иногда Валентин тайком произносил их имена, чтобы услышать на слух: Лорд Элидат, Лорд Тунигорн, Лорд Вориакс и даже — Лорд Валентин. Но подобного рода фантазии были глупыми и редко приходили на ум. Валентин не желал место брата, но очень хотел, чтобы именно Вориакс стал Короналом, когда придет время Малибору стать Понтифексом.

Но сейчас сложная путаница дворцовых перестановок была далека от Валентина. Они с братом находились на отдыхе у подножья Горы. Это была давно откладываемая поездка, так как в поза-

прошлом году во время путешествия со своим другом Элидатом по лесу карликовых деревьев под Амблеморном Валентин сломал ногу и лишь недавно оправился для столь далекого нового путешествия. Это был последний длительный отдых Валентина, поскольку ему исполнилось семнадцать лет и предстояло войти в группу, из которой обычно набирались Короналы и правители городов, а там нужно было научиться многому, после чего начиналась бесконечная работа.

Он ехал с Вориаксом, который под благовидным предлогом — присматривать за братом — удрал от своих обязанностей в Замке, и радовался этому, как мальчишка. От семейного дворца в Галанксе до ближайшего города удовольствия Верхнего Морпина можно было добраться на Колеснице Джаггернаута по силовым тоннелям, но Валентину хотелось прокатиться на зеркальных катках. Он высказал свое пожелание, намекнув, что хотел бы испытать свою сломанную ногу; по лицу Вориакса он понял, что тот сомневается, справится ли Валентин, но будучи человеком тактичным, не высказал сомнения вслух.

Когда они неслись вниз, Вориакс держался возле Валентина, подстраховывая брата. Тому это не

понравилось, и он отъехал на несколько шагов, Вориакс не отставал, и так продолжалось до тех пор, пока Валентин не оглянулся.

— Боишься, что я шлепнусь?

— Совсем не боюсь.

— Тогда чего прилип? Сам боишься грохнуться? — Валентин расхохотался. — Не волнуйся, я успею тебя подхватить.

— Ты, как всегда, рассудителен, брат, — улыбнулся Вориакс в ответ. А затем катки развернули зеркала, и больше не осталось времени для шуток.

Какое-то мгновение Валентин чувствовал себя неловко (зеркальные катки не для калек, а после перелома осталась легкая, но приводящая в ярость хромота), но быстро ухватил ритм и выпрямился, великолепно балансируя даже на самых бешеных виражах, и когда, крича во все горло, пролетел мимо Вориакса, то заметил, что тревога исчезла с лица брата. Тем не менее, этот эпизод заставил Валентина о многом подумать, пока они спускались до Тентага, где любовались празднеством деревенских танцев, а потом до Эртсуд Гранда, Минимула, и через Гимкандал до Фурибла, города каменных птиц.

Обычно, пока они ждали начала скольжения

зеркальных катков, Вориакс держался с братом, и его забота о безопасности Валентина казалась последнему чрезмерной и неуместной, но он понимал, что Вориаксом движет братская любовь, и не корил его.

После Фурибла они миновали Восточный и Западный Бимбаки, задержавшись в обоих городах, чтобы полюбоваться башнями — близнецами в милю высотой, вид которых заставлял даже самых чванливых хвастунов чувствовать себя ничтожными муравьями, а за Западным Бимбаком пересели на маунтов и выбрали путь, ведущий к Амблеморну, где десять бешеных потоков сливались, образуя могучую реку Глайд. На нижнем склоне Горы со стороны Амблеморна находилось плоское пространство в несколько миль в поперечнике с плотной меловой почвой, и деревья тут не превышали роста человека и толщины девичьего запястья. Именно здесь, в этом карликовом лесу, с Валентином и случилось в позапрошлом году несчастье. Он тогда слишком сильно пришпорил маунта там, где этого делать не стоило: коварные корни здесь выдавались над землей.

Маунт оступился, и Валентин упал. Нога застряла между двух тонких, но неподатливых

деревьев, чьи стволы закостенели за тысячелетия; казалось, прошли месяцы мучений и боли, пока кость медленно ломалась пополам — и целый год его юности исчез из жизни. Зачем они вернулись сюда теперь?

Вориакс пробирался по странному лесу так осторожно, словно искал спрятанные сокровища. Наконец, он повернулся к Валентину и сказал:

— Это место кажется зачарованным.

— Объяснение простое. Корни деревьев не могут глубоко проникать в эту твердую почву, и поэтому тянутся даже вверх, цепляясь за все, что попадется, и все равно умирают от истощения.

— Я знаю, — холодно заметил Вориакс. — Я не сказал, что это место очаровывает, я сказал, оно кажется зачарованным, и даже целый легион колдунов-вроонов не сможет сотворить что-либо столь же безобразное.

Однако, я рад возможности еще раз увидеть все это. Поедем дальше?

— Хитрец.

— Я? Я просто… — …предлагаю проехать там, где я сломал ногу.

Румяное лицо Вориакса покраснело еще больше.

— Не думаю, что ты упадешь снова.

— Конечно, не думаешь. Но думал, будто я смогу так подумать. Ты ведь веришь, что преодолеть страх означает идти прямо на то, чего боишься, вот и подводишь меня к мысли еще раз проехаться здесь, чтобы избавиться от робости, какую этот лес мне будто бы внушает. Вроде бы прямо противоположное тому, как ты меня на зеркальных катках, но, по сути — то же самое.

— Ничего не понял, — пробурчал Вориакс. — Тебя, наверное, лихорадит.

— Еще чего! Так едем?

— Нет.

Сбитый с толку Валентин стукнул кулаком по ладони.

— Ты же только что сам предлагал!

— Да, — согласился Вориакс, — предлагал. Но ты обвиняешь меня в хитрости, а сам полон непонятного гнева и вызова, и если мы поедем по лесу, пока ты в таком состоянии, ты наверняка свалишься опять, и еще что-нибудь сломаешь. Поворачивай, едем в Амблеморн.

— Вориакс…

— Поехали!

— Я сам хочу проехать через лес, — Валентин не сводил глаз с брата. — Сам! Ты едешь со мной или будешь ждать здесь?

— С тобой, конечно.

— Теперь не забудь напомнить мне быть внимательным и смотреть под ноги, потому что там могут оказаться предательские корни.

Вориакс раздраженно дернул щекой и вздохнул.

— Ты не ребенок, и я не стану ничего тебе говорить. И кроме того, если бы я думал, что ты нуждаешься в таких советах, то просто не пустил бы тебя.

Он пришпорил маунта и промчался по узкой тропке между карликовыми деревьями.

Валентин мгновенно последовал за ним, стараясь не отставать. Ехать было тяжело — повсюду подстерегали угрожающие ветви и корни, вроде тех, что сбили его в прошлый раз, когда он здесь ехал с Элидатом, но теперь его маунт твердо ступал по земле и не было нужды натягивать поводья. И хотя воспоминание о падении оставалось ярким, Валентин не испытывал никакого страха, он просто держался внимательнее и знал, что если упадет на этот раз, то последствия будут уже не такими катастрофическими. Еще его удивляло, что он так отреагировал на заботу Вориакса. Наверное, он стал слишком обидчив и чувствителен, раз с такой горячностью вос-

стал против опеки старшего брата, а ведь тот готовился стать владыкой мира, и если даже не будет иметь возможности помочь, ему все равно придется брать на себя ответственность за всех и каждого, особенно за младшего брата.

Обдумав все это, Валентин решил защищаться менее рьяно.

Миновав лес, они въехали в Амблеморн, старейший из городов Замковой Горы, древнюю путаницу улиц и увитых виноградом стен. Отсюда двенадцать тысяч лет назад началось покорение Горы, отсюда совершались первые рискованные вылазки на совершенно голый нарост тридцатимильной высоты, торчавший из почвы Маджипура. Тому, кто всю жизнь прожил в пятидесяти городах среди вечного благоухания весны, трудно представить время, когда Гора была пустой и необитаемой. Но Валентин знал историю первых подъемов на титанические склоны, во время которых первопроходцы подняли на вершину механизмы, вырабатывавшие тепло и воздух для всей Горы; знал он и о том, как за прошедшие столетия Гора превратилась в место подлинной красоты, увенчанное, наконец, небольшим зданием, воздвигнутым Лордом Стиамотом восемь тысяч лет назад, которое со

временем неузнаваемо преобразовалось, превратившись в колоссальный и непостижимый Замок, где царствовал сейчас Лорд Малибор. Они с Вориаксом замерли в благоговении перед монументом в Амблеморне с древней, вырезанной по дереву, надписью:

«Выше все было бесплодно».

Двое суток они провели в Амблеморне, после чего спустились по Долине Глайда к местечку под названием Чиселдорн. Там на краю мрачного и густого леса жили в поселке несколько тысяч человек, переселившиеся сюда из больших городов Горы. Они жили в шатрах, сотканных из черной шерсти диких блавов, пасшихся на заливных лугах у небольшой реки и делились шкурами со своими соседями. Они говорили, будто они чародеи и колдуны, другие уверяли, будто это бродячее племя метаморфов, сумевшее избежать изгнания с Алханроеля, и вынужденные теперь постоянно носить человеческий облик; правда же, как подозревал Валентин, заключалась в том, что народ этот просто отвратительно себя чувствовал в мире торговли и наживы, каким был Маджипур, и это заставляло их жить своей отдельной общиной.

Поздним полуднем они с Вориаксом добрались

до холма, с которого увидели лес Чиселдорна, а сразу за ним деревню черных шатров. Лес выглядел неприветливо: низкие толстоствольные деревья-пингла с прямыми ветвями, росшими под самыми разными углами, тесно переплетались, образуя плотный балдахин, не пропускавший свет. А десятистенные шатры деревни походили на огромных насекомых необычной, строго геометрической формы, замерших на мгновение перед тем, как продолжить свою миграцию через местность, к которой были совершенно безразличны. Валентин всегда испытывал большое любопытство к Чиселдорнскому лесу и его обитателям, но сейчас, добравшись сюда, уже не так страстно стремился проникнуть в их тайны.

Он посмотрел на Вориакса и увидел на лице брата те же сомнения.

— Что будем делать? — спросил он.

— По-моему, лагерь разобьем здесь, а поутру съездим в деревню, поглядим, какой прием нам там окажут.

— Неужели ты думаешь, на лес нападут?

— Нападут? Сильно сомневаюсь. По-моему, они миролюбивее многих наших знакомых. Просто к чему навязываться на ночь глядя, раз и сами мы не хотим? Почему не уважить их стремление

к одиночеству? — Вориакс указал на полумесяц покрытой травой земли у реки. — Как, по-твоему, может, поставим лагерь здесь?

Они спешились, пустили маунтов пастись, распаковали мешки и принялись готовить ужин.

Когда они собирали хворост для костра, Валентин заметил:

— Если бы Лорд Малибор охотился за какой-нибудь тварью в здешних местах, интересно, что бы он подумал насчет уединенности здешних жителей, вернее, что бы подумали они?

— Ничто бы не помешало Лорду Малибору охотиться.

— Точно. И философские мысли его никогда не переполняют. Я думаю, ты будешь гораздо лучшим Короналом, Вориакс.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости, а здравое мнение. Любой согласится, что Малибор профан в государственных делах. И когда ты…

— Замолчи, Валентин!

— Ты будешь Короналом, — убежденно произнес Валентин. — К чему притворятся? Это наверняка произойдет, и скоро. Тиверас очень стар. Через год-другой Малибор переберется в Лабиринт и, несомненно, провозгласит нового

Коронала, а так как человек он не глупый, то…

Вориакс ухватил Валентина за руку и сжал ее, в глазах его ясно читалось раздражение.

— Такая болтовня добром не кончится. Прошу тебя, перестань!

— Только одно…

— Я больше не желаю слышать измышлений на тему, кто будет Короналом.

Валентин согласно кивнул.

— Это не измышления, а вопрос брата к брату. Я почти все время думаю об этом. Я больше не буду говорить, что ты станешь Короналом, но очень хочу знать — хочешь ли ты сам быть им? Хочешь ли ты сам нести на своих плечах такое бремя?

После долгого молчания Вориакс ответил:

— От этого бремени никто не сможет отказаться.

— Но ты хочешь?

— Если судьба определит его мне, разве я могу сказать нет?

— Ты уклоняешься от ответа. Посмотри, какие мы сейчас: богатые, счастливые, свободные. И никаких обязанностей, от которых не продохнешь при дворе. Мы можем делать все, что нравится, ехать, куда заблагорассудится, например, на Остров Сна или на Цимроель поохотиться на

Кинторских Болотах — все что угодно! Лишиться всего этого ради короны звездного огня? Возможности ставить подписи под указами? Совершать грандиозные шествия с публичными речами и выступлениями, и в один прекрасный день упокоиться на дне Лабиринта — стоит ли, Вориакс? Неужели ты хочешь этого?

— Какой ты еще мальчишка! — вздохнул Вориакс.

Валентин сник — опять та же снисходительность! Но чуть погодя он понял, что сам заслужил ее своими ребячьими вопросами. Он успокоился и сказал:

— Ничего, когда-нибудь и я возмужаю.

— Да, но для этого тебе еще многое предстоит сделать.

— Несомненно. — Он помолчал. — Хорошо. Ты признаешь неизбежность царствования, если Короналом провозгласят тебя. Но хочешь ли ты стать им?

Действительно ли ты стремишься к этому или просто склад характера и чувство долга заставляют тебя готовиться занять трон?

— Я, — медленно начал Вориакс, — готовлю себя не для трона, а на определенную роль в правительстве Маджипура, между прочим, так

же, как и ты… Да, дело здесь и складе характера, и в чувстве долга для сына Верховного Канцлера Дамандайна, и я верю — для тебя тоже. Если мне предложат трон, я приму его с гордостью и буду нести ношу, как сумею, но я никогда не стремился царствовать и очень мало размышлял на эту тему. А вообще, я нахожу наш разговор утомительным и бесцельным и прошу тебя собирать хворост молча.

Он посмотрел на Валентина и со вздохом отвернулся.

Вопросы расцветали в Валентине, как алабандисы летом, но он подавил их, заметив, как у Вориакса подрагивают губы, и поняв, что тот наглухо замкнулся. Вориакс подбирал и складывал сухие ломкие ветви с силой, совсем не нужной для подобного занятия. Валентин больше не пытался пробить броню брата, хотя не узнал практически ничего из того, что хотел узнать. Правда, по отпору брата он заподозрил, что тот все-таки, действительно, желал царствовать и с увлечением предавался мечтам. А почему бы и нет? Нет ничего дурного в стремлении заслуженно завоевать всеобщую любовь и славу, что, несомненно, и произойдет с Вориаксом, когда он станет Короналом.

Он принес в лагерь связку хвороста и принялся разводить костер. Вориакс вернулся следом. Он упорно молчал, и холодок отчуждения пробежал между братьями, к великому огорчению Валентина.

Он хотел бы извиниться, но это было невозможно: он никогда не просил прощения за содеянное у Вориакса, как и Вориакс у него. Конечно, он и сейчас мог заговорить с братом совершенно свободно, но… этот холодок было тяжело переносить, и если он не исчезнет, то отравит им весь отдых.

Валентин торопливо искал возможность восстановить прежние отношения и вскоре нашел — в детстве это срабатывало.

Он подошел к Вориаксу, который в угрюмом молчании нарезал мясо на ужин, и предложил:

— Может, поборемся?

Вориакс вздрогнул.

— Что?

— Да вот, захотелось размяться.

— Ну, так заберись на дерево и попляши на ветвях.

— Всего пару схваток.

— Чушь!

— Почему? Или, если я тебя припечатаю, твое достоинство сильно оскорбится?

— Валентин!

— Ну, ладно, ладно, прости. — Валентин пригнулся, став в борцовскую позу, и вытянул руки. — Ну, пожалуйста, пару схваток, разомнемся перед ужином!

— У тебя нога только-только срослась.

— Но ведь срослась. Можешь бороться в полную силу, не бойся.

— А если треснет кость, а от нас день пути до города с врачевателями?

— Давай, — нетерпеливо подстегнул Валентин. — Чего ты медлишь? Покажи лучше, на что ты способен! — Он пристегнулся, хлопнул в ладоши и сделал вид, будто собирается укусить Вориакса за нос. Тот не выдержал и, вскочив на ноги, бросился на Валентина.

Что-то было не так. Они боролись довольно часто с тех пор, как Валентин достаточно подрос, чтобы быть партнером Вориаксу, и он знал все уловки брата, все его хитрости. Но сейчас он боролся, казалось, с совершенно незнакомым человеком. Словно какой-то метаморф схватился с ним в облике Вориакса. Да нет, виновата нога, понял Валентин. Вориакс сдерживался, не выкладывался в полную силу, был заботлив и осторожен, он снова относился к нему снис-

ходительно. С внезапно вспыхнувшей яростью Валентин сделал выпад, и, хотя в первые минуты этикет предписывал только проверять противника, ухватил Вориакса и перебросил через себя, заставив опуститься на колени.

Вориакс выглядел изумленным. Валентин, собравшись с силами, придавил плечом брата к земле. Вориакс подобрался и рванулся вверх, в первый раз использовав всю свою громадную силу. Правда, он чуть не лег на землю, но выскользнул из захвата Валентина, перекатился и вскочил на ноги.

Они осторожно принялись кружить вокруг друг друга.

— Вижу, я тебя недооценивал, — произнес Вориакс. — Твоя нога, должно быть, в полном порядке.

— Вот именно, я уже много раз тебе говорил. Я просто чуть прихрамываю, и только. Ну, давай еще раз!

Он снова пригнулся.

Они сцепились, плотно прижав друг друга, так что ни один не мог пошевелить руками, и стояли, как показалось Валентину, час или больше, хотя, наверное, пошло минуты две. Затем он отжал Вориакса назад на несколько дюймов, но тот

поднатужился и проделал с Валентином то же самое.

Они пыхтели, тяжело дыша, и улыбались друг другу. Валентин только порадовался улыбке брата; она означала, что они снова друзья, что холодок между ними растаял, и Вориакс простил его. В этот миг он просто обнимал брата вместо того, чтобы бороться с ним, но стоило ему чуть расслабиться, Вориакс пригнулся, вырвался и швырнул его на землю, придавив коленом живот и навалившись руками на плечи. Валентин боролся изо всех сил, но долго продержаться в таком положении не мог. Вориакс неуклонно прижимал его плечи книзу, и в конце концов, припечатал к прохладной сырой земле.

— Твоя взяла, — пробормотал Валентин, задыхаясь. Вориакс убрал колено и растянулся рядом. Оба расхохотались. — Но в следующий раз я тебе не сдамся.

Внезапно Валентин услышал аплодисменты, доносившиеся издали.

Он сел, уставившись в сгущающиеся сумерки, и увидел стройную женскую фигуру с необычайно длинными и прямыми черными волосами, стоявшую на опушке леса. Глаза у нее были яркими и мерцающими, губы полными, а непривычного

покроя одежду составляли только сшитые между собой лоскуты из выдубленной кожи. Валентину она показалась довольно старой — лет под тридцать.

— Я наблюдала за вами. — Она приблизилась к ним без каких-либо опасений. — Сначала думала, что вы деретесь по-настоящему, но потом поняла, что вы просто дурачитесь.

— Боролись мы по-настоящему, — буркнул Вориакс, — но и дурачились тоже.

Я Вориакс из Галанкса, а это мой брат Валентин.

Она взглянула сначала на одного, потом на другого.

— Да, конечно, братья. А я Тэнанда из Чиселдорна. Могу предсказать ваши судьбы.

— Значит, ты ведьма? — осведомился Валентин.

В глазах ее вспыхнули веселые огоньки.

— Пожалуй, ведьма. Что еще?

— Тогда предскажи нам судьбу, — согласился Валентин.

— Подожди, — остановил его Вориакс, — лично мне колдовство не по душе.

— Просто ты слишком здравомыслящий, — заметил Валентин. — Ну что тут плохого? Побывать

в Чиселдорне, городе колдунов, и не знать свою судьбу!

Чего ты боишься? Это же игра, Вориакс, просто игра! — Он шагнул к ведьме.

— Поужинай с нами.

— Валентин…

Валентин дерзко взглянул на брата и засмеялся.

— Я защищу тебя от зла, не бойся! — И тоном ниже добавил: — Мы так долго путешествовали одни, брат. Я просто изголодался по компании.

— Я вижу, — проворчал Вориакс.

Но ведьма была привлекательной, Валентин настойчив, и в конце концов Вориакс не стал возражать против ее присутствия. Он приготовил третью порцию мяса для гостьи, а та на минуту исчезла в лесу, вернулась с фруктами пинглы и показала, как их жарить, чтобы темный сок пропитал нежное мясо. Вскоре после ужина Валентин почувствовал, что голова у него кружится, но усомнился, чтобы это произошло от двух глотков вина. Скорее всего, виноват был сок пинглы. В голове мелькнула мысль о вероломстве, но он сразу отбросил ее — охватившее его головокружение было приятным и даже возбуждающим, и он нашел в нем ничего дурного. Он взглянул на

Вориакса, ожидая, что брат, по природе более подозрительный, уже охвачен смутным страхом, но тот оставался спокойным и веселым — он громко смеялся, потом наклонился к ведьме и что-то сказал. Подумав Валентин положил себе еще мяса. Ночь опустилась на лес, окутав все вокруг костра темнотой, звезды ярко пылали в небе, освещая его вместе с тоненькой лучиной луны. Валентину почудилось, будто он слышит отдаленный звон и нестройное пение, хотя прежде ему казалось, что до Чиселдорна слишком далеко, чтобы звуки могли пробиться через густой лес.

Он решил, что это воображение, взбудораженный соком фруктов.

Пылал костер. Стало прохладнее, и они сбились в кучку, тесно прижавшись друг к другу все трое, и что сначала было вполне невинным, перестало быть таким. Пока они сидели так, Валентин обратил внимание на глаза брата — тот ему подмигнул, как бы говоря: «Мы мужчины, брат, и нынче ночью получим удовольствие».

Валентину приходилось делить женщин с Элидатом или Стасилейном во время веселого кувыркания втроем в постели для двоих, но никогда — с Вориаксом, таким сознательным, таким благородным, что всегда восхищало Валентина.

Чиселдорнская ведьма сбросила свои кожаные лоскуты и показала свое гибкое тело в свете костра. Валентин опасался, что плоть ее покажется отталкивающей, поскольку она была немного стара для него, но теперь видел, что подобные опасения глупы и объяснялись только его неопытностью — она показалась ему прекрасной сейчас. Он потянулся к ней, наткнулся на руку Вориакса у нее на бедре и игриво шлепнул по ней, будто смахивая насекомое.

Братья рассмеялись, и в их глубокий смех вплелся серебристый смех Тэнанды, и все трое повалились на росистую траву.

Валентин никогда не знал такого неистовства, как той ночью. Какой бы наркотик ни заключался в соке пинглы, своим действием он освобождал от всех запретов и дарил неистощимую энергию; с Вориаксом, видимо, происходило то же самое. Ночь превратилась в ряд обрывочных образов, не связанных между собой. То он лежал, с головой Тэнанды на коленях и поглаживал ее волосы, пока женщину обнимал Вориакс, и со странным удовлетворением слушал их смешанное прерывистое дыхание, то покоился меж бедер ведьмы, а Вориакс был где-то рядом, но он не мог сказать где. То Тэнанда вдруг оказывалась между

ними, лежа животом на одном, пока второй наваливался на нее сверху, то они бегали по речке, плескались и хохотали, а потом бежали греться к костру, и вновь занимались любовью: Валентин и Тэнанда, Вориакс и Тэнанда, Валентин, Тэнанда и Вориакс, и плоть просила плоти до тех пор, пока серый предутренний свет не развеял мрак.

Все трое проснулись, когда солнце пылало высоко в небе. Многое из случившегося ночью исчезло из памяти Валентина, но как и Вориакс, он был свеж и бодр. А улыбающаяся обнаженная ведьма лежала между ними.

— А теперь, — предложила она, — может поговорим о ваших судьбах?

Вориакс издал тяжкий вздох и закашлялся, но Валентин быстро сказал:

— Да-да! Можешь пророчествовать.

— Помогите мне собрать зерна пинглы, — попросила она. Они были разбросаны повсюду — блестящие, черные орешки с красными пятнышками на кожице. Валентин собрал с десяток, и даже Вориакс подобрал несколько. Они отдали зерна Тэнанде, тоже набравшей с пригоршню, и она принялась катать их в кулаках и бросать на землю, словно игральные кости. Пять раз она бросала их, подбирала и бросала снова. Потом

собрала в сложенные ладони и вывела ими круг, а оставшиеся выложила внутри круга и долго всматривалась в них, показавшись вдруг Валентину сразу постаревшей.

— Вам уготована высокая судьба, — сказала она наконец. — Но этого мало.

Семена гласят большее. Вас обоих ждет опасность.

Вориакс отвернулся, нахмурившись.

— Вы не верите, я вижу, — продолжала Тэнанда. — Но это так, вам угрожает опасность. — Ты, — она указала на Вориакса, — должен опасаться леса, а тебе, — она взглянула на Валентина, — следует держаться подальше от воды, океана. — Она нахмурилась. — И еще от многого; судьба твоя загадочна, и я не в силах прочесть ее ясно. Линия твоей судьбы ломается, но ты не умрешь, просто случатся большие перемены и какое-то перевоплощение… — Она покачала головой. — Нет, не могу, это сбивает меня с толку.

— М-да… — протянул Вориакс. — Опасайся леса, опасайся воды. Все равно, опасайся, чего хочешь. Вздор!

— Вы будете Короналом, — перебила его Тэнанда.

Вориакс прерывисто задышал, на его лице про-

ступили красные пятна гнева.

Валентин улыбнулся и хлопнул брата по спине.

— Вот видишь?

— Вы тоже будете Короналом.

— Что? — Валентин задохнулся от удивления. — Что за глупости! Твои зерна лгут!

— Если бы так, — пробормотала Тэнанда. Она собрала рассыпанные зерна, быстро швырнула их в реку, потом натянула на бедра свою кожаную юбочку из лоскутков. — Два Коронала — и я провела ночь с обоими! Вы заглянете в Чиселдорн, ваши будущие величия?

— Наверно нет, — произнес Вориакс, не глядя на нее.

— Значит мы больше не увидимся. Прощайте.

И она быстро направилась к лесу. Валентин махнул ей рукой, но ничего не сказал, только беспомощно сжал пальцами воздух; минуту спустя она исчезла из виду. Он повернулся к Вориаксу, который со злостью затаптывал угли костра. Вся радость после ночного разгула исчезла.

— Ты был прав, — сказал Валентин. — Не стоило позволять ей пророчествовать. Лес! Океан! И дурацкое утверждение, будто мы оба станем Короналами!

— Что она имела в виду? — задумчиво протянул Вориакс. — Что мы разделим трон, как делили нынче ночью ее тело?

— Этого не будет, — сказал Валентин убежденно. — Как не было ничего подобного за всю историю Маджипура. Глупость!

— Если я стану Короналом, — продолжал Вориакс, не обращая внимания на слова брата, — то как им можешь стать ты?

— Ты меня не слушаешь, — заметил Валентин. — Я ведь сказал — глупость!

Не обращай внимания. Она просто обычная дикарка, которая напоила нас ночью. В ее пророчестве нет ни грамма правды.

— Но она сказала, что я буду Короналом…

— Скорее всего, так и будет. Ну и что? Просто случайно угадала.

— А если нет? Если она гениальная провидица?

— Тогда ты точно будешь Короналом.

— А ты? Если она сказала правду обо мне, то и… сказанное тебе должно сбыться.

— Нет. — Валентин покачал головой. — Пророчество, как обычно, загадочно и двусмысленно. Тэнанда имела в виду что-то другое, а не дословный смысл.

Ты будешь Короналом, брат, и это понятно, но, по-моему, в этом есть еще какой-то смысл.

— Меня это пугает, Валентин.

— Что ты станешь Короналом? Что тут страшного? Чего ты боишься?

— Делить трон с братом…

— Этого не будет, — перебил Валентин. — Он поднял валявшуюся на земле одежду, отделил вещи Вориакса и протянул брату. — Помнишь, что я говорил тебе вчера? Я не понимаю, к чему стремиться обладать троном, и я тебе не соперник… — Он сжал руку брата. — Послушай, ты ужасно выглядишь. Неужели болтовня лесной ведьмы так на тебя подействовала? Клянусь, когда ты будешь Короналом, я буду служить тебе и никогда не стану соперником. Клянусь нашей матерью, будущей Леди Острова Сна! И не принимай близко к сердцу того, что было нынче ночью, это все пустяки.

— Может быть, и нет, — протянул Вориакс.

— Наверняка, — стоял на своем Валентин. — Ну что, поедем отсюда?

— Да, пожалуй.

— По крайней мере, тело у нее восхитительное, а?

Вориакс рассмеялся.

— Что да, то да. Мне даже жаль, что больше не удастся ее обнять. Ладно, хватит, я сыт по горло и ею и этим местом. Проедем по Чиселдорну или нет?

— Проедем, — кивнул Валентин. — А какие города тут еще неподалеку?

— Ближайший Джеррик, там полным-полно вроонов, потом Митрипонд, Кайли.

Я думаю снять в Джеррике жилье и повеселиться несколько дней.

— В Джеррик, так в Джеррик.

— Да, в Джеррик. И не говори мне больше о Короналах и царствованиях, Валентин.

— Обещаю — ни слова. — Валентин засмеялся и обнял Вориакса. — Брат, я несколько раз за нашу поездку думал, что теряю тебя, но теперь вижу — все хорошо.

— Мы никогда не потеряем друг друга, какие бы расстояния нас не разделяли, — сказал Вориакс. — Едем, брат. Надо только упаковать вещи, и… в Джеррик!

Больше они никогда не говорили о ночи, проведенной с лесной ведьмой и о тех странных вещах, которые она предсказала.

Пять лет спустя, когда Лорд Малибор сгинул во время охоты на морских драконов, Вориакс был

провозглашен Короналом, чему никто не удивился, и Валентин был первым, кто преклонил перед ним колени.

Со временем Валентин постепенно начал забывать мрачное пророчество Тэнанды, хотя не мог забыть вкуса ее поцелуев и гибкого тела. Но все же иногда он вспоминал ее слова. Два Коронала? Но каким образом? Только один человек мог быть Короналом и восседать на троне, увенчав голову короной звездного огня, Валентин радовался за брата и оставался таким же, каким был.

Только через несколько лет он понял, в чем заключался скрытый смысл пророчества: в том, что после Вориакса он займет его место на троне, хотя никогда прежде на Маджипуре не случалось, чтобы в таких случаях брат наследовал брату. Но когда он понял это, было уже поздно — Вориакс погиб на охоте в лесу, и Валентин, лишившийся брата, в благоговении и изумлении поднялся по ступеням Трона Конфалума.

Эпилог

Этот эпилог, эти последние минуты, которые какой-то писец впоследствии прибавил к записи самого Валентина, ошеломили Хиссуне. Довольно долго он сидел неподвижно, затем встал, и, словно во сне, принялся убирать комнату.

Образы бурной лесной ночи кружились в сознании: размолвка братьев, ясноглазая ведьма, обнаженные тела, пророчество... Да, два Коронала! И Хиссайн подсматривал за обоими в самые интимные минуты жизни! Он испытывал огромное смущение и подумал, что пришло время отдохнуть от Считчика Душ; сила его воздействия иногда поражала до глубины души, и стоило, наверное, выждать несколько месяцев.

Руки его тряслись, когда он шагнул к двери.

Час назад его пропустил к Считчику обычный чиновник, пухлый и большеглазый человек по имени Пенагорн. Он еще не сменился с дежурства и до сих пор сидел за столом, но рядом с ним стоял высокий и сильный человек в зелено-золотой форме службы Коронала. Он сурово оглядел Хиссуне и сказал:

— Могу я взглянуть на ваш пропуск?

Хиссуне остолбенел. Вероятно, они давно знали о его незаконном копании в Считчике Душ и просто ждали, когда он совершит тягчайшее преступление: проиграет личную запись Коронала.

— Мы вас искали, — сказал человек в форме. — Пожалуйста, идите за мной.

Хиссуне молча повиновался.

Они вышли из Дома Записей, миновали огромную площадь и очутились у входа на нижние уровни Лабиринта в зале для ожидания флотеров, а затем направились вниз, в таинственное царство, где он ни разу не был. Он сидел неподвижно и оцепенело. Казалось, весь мир сжался до размеров флотера, пока тот накручивал спиральные уровни Лабиринта. Где они сейчас? Это ли место — Тронный Двор, откуда правят миром советники Понтифекса? Хиссуне не знал, и спросить

не осмеливался, а сами сопровождающие не проронили ни слова. Ворота следовали за воротами, проход за проходом, уровень за уровнем, и наконец флотер замер. Его вывели из кабины и провели в ярко освещенную комнату. Шесть человек в зелено-золотой форме встали у него по бокам.

Скользнув в стену, открылась дверь, и светловолосый человек в простой белой мантии шагнул внутрь. Хиссуне подскочил:

— Господин!..

— Ну-ну, можно и без этикета, Хиссуне. Ты ведь Хиссуне, не так ли?

— Да, господин, только я вырос.

— Действительно, прошло восемь лет... Ростом ты почти такой же, а уже мужчина. Глупо, конечно, но я представлял тебя все еще мальчишкой. Тебе сейчас восемнадцать?

— Да, господин.

— А сколько было, когда ты впервые забрался в Считчик Душ?

— Значит, вы знаете, господин... — пробормотал Хиссуне, уставившись под ноги.

— Тебе было двенадцать. Мне рассказывали о тебе. Я ведь следил за тобой эти годы. Потом мне сообщили, что ты пробрался к Считчику Душ, и я представил себе мальчишку, увидевшего

великое множество вещей, которых иначе он вряд ли увидел бы.

Щеки Хиссуне горели, мысли мчались друг за другом, а на языке вертелись слова: «Час назад, господин, я видел, как вы с братом забавлялись с длинноволосой ведьмой из Чиселдорна». Но, разумеется, он бы скорее умер, чем ляпнул такое вслух. И в тоже время он был уверен, что Лорд Валентин отлично знает об этом, и это угнетало его до невозможности. Он не смел поднять глаза, убеждая себя, что этот высокий светловолосый человек не Валентин из записи, но понимал, что только обманывает себя. Пусть тот черноволосый и темнокожий Валентин был колдовством перенесен в это тело, но личность его осталась той же самой, и Хиссуне подсматривал именно за ним. Эту правду не скроешь!

Юноша удрученно помолчал.

— Что ж, — произнес Лорд Валентин, — ты всегда был торопыгой. Кстати, Считчик показал тебе то, что ты увидел бы и сам.

— Он показал мне Ни-Мойю, господин, — еле слышно возразил Хиссуне, — Сувраель, города Замковой Горы, джунгли Нарабала...

— Только места, географию. В таких случаях Считчик неоценим. Но географию души ты дол-

жен познавать сам. Да посмотри на меня, я не сержусь.

— Нет?

— К Считчику Душ тебя допускали по моему приказу. Правда, не для того, чтобы ты глазел на Ни-Мойю или подсматривал за людьми. Я хотел, чтобы ты мог понять настоящий Маджипур, охватить его, впитать в себя. Это было твое обучение, Хиссуне. Я прав?

— Да, господин, там было так много, что мне хотелось узнать…

— И ты узнал?

— Не все. Ничтожную часть.

— Очень жаль — для тебя. Потому что больше ты к Считчику не попадешь.

— Вы наказываете меня, господин?

Коронал загадочно улыбнулся.

— Наказываю? Как сказать. Ты покидаешь Лабиринт и не вернешься сюда очень долго, даже после того, как я стану Понтифексом, а день этот наступит еще не скоро. Я беру тебя к себе на службу, Хиссуне. Твое обучение закончилось, а у меня есть для тебя дело. Ты уже взрослый. Ты уже взрослый. — Коронал помолчал. — Твоя семья здесь?

— Да, господин, мать и две сестры.

— Нуждаться они не будут. Попрощайся с ними, уложи вещи, мы уезжаем через три дня.

— Через три дня…

— Да, в Алайсор. Предстоит еще одно шествие. Потом отправимся на Остров Сна, а после заглянем на Цимроель. Думаю, поездка продлится месяцев семь-восемь. Ты будешь при мне, в свите двора.

Коронал снова улыбнулся.

— Я пришлю за тобой завтра утром. Нам ведь нужно о многом поговорить.

Хиссуне низко поклонился, а когда снова поднял голову. Лорда Валентина в комнате уже не было.

Так сбылась несбыточная мечта.

Он вновь последовал со своим эскортом по длинным коридорам и ярко освещенным тоннелям к Дому Записей.

Хиссуне стоял, не зная, что делать. Идти сейчас домой он не мог.

Слишком многое произошло за сегодняшний день. И многое нужно было обдумать.

Он повернулся и отправился наверх, к далекому Входу Клинков.

Была ночь. Долгое-долгое время он стоял, не в силах ни думать, ни чувствовать.

Звезды начали меркнуть.

Я буду жить на Замковой Горе, подумал он, буду в свите Коронала, и кто знает, что случится потом?

Больше он думать не мог.

Вспыхнули первые лучи рассвета, а затем могучее сияние озарило небо, предвещая восход, и вся земля наполнилась им.

Хиссуне не двигался. Теплое солнце Маджипура коснулось его лица.

Солнце... солнце... яркое, пылающее солнце. Мать Миров. Он протянул к нему руки, обнял его, рассмеялся и запел.

Затем повернулся и в последний раз вошел в Лабиринт.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

ВРЕМЯ

ПЕРЕМЕН

1

Я — Кинналл Дариваль, и я намерен рассказать вам все о себе.

Эти слова мне кажутся настолько странными, что режут слух. Я читаю их на бумаге — узнаю свой собственный почерк, узкие вертикальные красивые буквы на плохой серой бумаге — и вижу свое собственное имя, ощущая в мозгу эхо рефлексов сознания, порождаемых этими словами. «Я — Кинналл Дариваль, и я намерен рассказать вам все о себе». Невероятно!

Это, должно быть, то, что землянин Швейц назвал бы автобиографией.

Это означает отчет кого-то о мыслях и поступках, написанный им самим же.

Такая форма литературы неведома на нашей планете, поэтому я должен изобретать свой собственный метод повествования, поскольку у меня не было предшественников, у которых я мог бы поучиться. Но будь что будет. На моей родной планете я стою особняком, пока. В определенном смысле я придумал новый образ жизни. И, конечно, я могу изобрести и новый литературный жанр.

Мне всегда твердили, что я обладаю даром владения словом.

И вот я в дощатом бараке в Выжженных Низинах, и в ожидании смерти пишу непристойности, и сам себя хвалю за литературный дар.

«Я — Кинналл Дариваль!» Жуть! Какое-то бесстыдство! На одной этой странице я уже использовал местоимение «я» раз двадцать, не меньше, преднамеренно разбрасываясь такими словами, как «мой», «мне», «себе», так часто, что даже не удосуживаюсь их считать. Какой-то поток бесстыдства! Я! Я! Я! Я! Если бы я выставил напоказ свое мужское естество в Каменном Соборе Маннерана в день присвоения имени, то это было бы менее непотребным, чем то, что я сейчас делаю. Мне почти смешно.

Кинналл Дариваль наедине предается пороку! В этом жалком уединенном месте он посылает по ветру свое гнилое естество и возвращает оскорбительные местоимения, надеясь, что порывы горячего ветра изгадят его соплеменников. Он записывает предложение за предложением, обуянный неприкрытым бесстыдством. Он, если б мог, схватив вас за руку, швырял каскады грязи в ваши уши, отказывающиеся слушать. Почему?

Неужели гордый Дариваль на самом деле обезу-

мел? Неужели его стойкий дух всецело сокрушен терзающими мозг змеями? Неужели от него осталась только оболочка, сидящая в этой мрачной хижине, оболочка, одержимая самоподхлестыванием с помощью утратившего всякий стыд языка, бормочущего «я», «мне», «себе» и смутно угрожающего разоблачить самые сокровенные тайники души?

Нет! Это Дариваль в здравом уме, а вот все вы — больны, и хотя я знаю, насколько безумно звучат эти слова, буду стоять на своем. Я — не лунатик, невнятно шепчущий грязные откровения для того, чтобы урвать какое-то болезненное удовольствие из холодной как лед Вселенной. Я прошел через пору перемен, я исцелился от недуга, который поражает тех, кто населяет мою планету, и, изложив на бумаге то, что рвется из меня наружу, надеюсь в той же мере исцелить и вас, хотя знаю, что вы находитесь на пути к Выжженным Низинам, чтобы убить меня за эти мои надежды.

2

Не вытравленные без остатка обычаи, против которых я восстал, все еще досаждают мне. Возможно, вы уже начинаете постигать, каких усилий мне стоит строить предложения подобным образом, выкручивать падежи и спряжения, чтобы излагать мысли от первого лица. Я пишу уже почти десять минут и весь покрылся потом. Но это не пот, вызванный жгучим воздухом, обволакивающим меня, а влажный, липкий пот душевной борьбы. Я знаю, какой стиль необходим, но мускулы моей правой руки восстают против этого и рвутся излагать мысли по-старому, а именно: «писание длилось почти десять минут, и тело пишущего покрылось потом» или «пройдя пору перемен, он исцелился от недуга, который поражает тех, кто населяет эту планету».

Многое из того, что я сейчас написал, можно было бы легко изложить по-старому. Без всякого ущерба. Но я действительно сражаюсь с неопределенно-личной грамматикой своей родной планеты и, смело готов выйти на бой со своими собственными мускулами, чтобы завоевать право располагать слова в соответствии с моей

нынешней философией.

В любом случае, как бы мои прежние привычки не мешали перестраивать фразы, то, что я хочу сказать, обязательно прорвется через завесу слов. Я могу сказать: «Я — Кинналл Дариваль, и я намерен рассказать вам все о себе». Я могу также сказать: «Его зовут Кинналл Дариваль, и он намерен рассказать вам все о себе». Но, если хорошенько разобраться во всем этом, великой разницы здесь нет. В любом случае утверждение Кинналла Дариваля по вашим меркам, тем меркам, которые я хотел бы уничтожить, отвратительно, достойно презрения и непристойно!

3

Меня также беспокоит — по крайней мере сейчас, когда я пишу эти первые страницы, — что представляет собой моя читательская аудитория. Я полагаю, что у меня обязательно будут читатели. Но кто они? Кто вы?

Мужчины и женщины моей родной планеты, возможно, украдкой переворачивающие листки моей книги при свете факела и вздрагивающие от ужаса при стуке в дверь? Или, может быть, инопланетяне, пролистывающие мой труд ради забавы, ради возможности заглянуть в это чуждое и отталкивающее общество? Не имею ни малейшего понятия. Я не могу определить отношения с тобой, мой неизвестный читатель. Когда впервые у меня возникло желание отразить на бумаге свою душу, я думал, что это будет просто обычной исповедью, пространным покаянием перед воображаемым собеседником, готовым слушать меня бесконечно и, в конце концов, дающим мне отпущение грехов. Но теперь я понимаю, что нужен другой подход. Если вы не с моей планеты — или с моей, но живете в другое время, — многое здесь вам может показаться непостижимым.

Поэтому я и должен все объяснить. Возможно, мои объяснения будут слишком пространными. Простите, если буду объяснять то, что вам уже известно. Простите, если в моем повествовании или способе его изложения появятся логические погрешности либо вам покажется, что я пишу, как бы отстраняясь от самого себя. Мне трудно представить твой образ, мой неведомый читатель. Для меня ты многолик! Передо мной возникает то крючковатый нос исповедника Джидда, то вкрадчивая улыбка моего названого брата Ноима Кондорита, то милый взгляд бархатистых глаз моей названой сестры Халум… То ты становишься искусителем Швейцем с этой ничтожной Земли. Иногда ты мой еще не родившийся пра-пра-пра-правнук, страстно желающий узнать, какого рода человеком был один из его предков…

Иногда ты некий инопланетянин, для которого Борсен — нелепый, таинственный и трудный для понимания мир. Я не знаю, кто ты, и поэтому тебе могут показаться неуклюжими мои попытки говорить с тобой.

Но прежде чем я погибну, ты познаешь меня так, как никто никого на Борсене не мог бы когда-либо познать.

4

Я — человек средних лет. Тридцать раз со дня моего рождения Борсен сделал полный оборот вокруг нашего золотисто-зеленого Солнца. Должен заметить, что на нашей планете человека считают уже старым, если он прожил пятьдесят таких оборотов. Как я слышал, большинство древних людей умирало в возрасте немного меньше восьмидесяти. Исходя из этого ты сам можешь подсчитать продолжительность нашей жизни в твоей системе летоисчисления, если ты — инопланетянин. Землянин Швейц, когда по меркам его планеты ему было сорок три года, внешне выглядел не старше меня.

У меня сильное тело. Здесь я впадаю в двойной грех: не только говорю о себе безо всякого стыда, но и выказываю гордость и удовольствие, доставляемые мне моим телосложением.

Я высок ростом. Женщины обычно едва ли мне по грудь. У меня темные волосы, ниспадающие на плечи. С годами в них появились седые пряди, так же как и в пышной и окладистой бороде, закрывающей большую часть моего лица.

У меня сильно выступающий прямой нос с

широкой переносицей и большими ноздрями, мясистые губы, придающие мне, как говорят, чувственный вид и широко расставленные темно-карие глаза. Выражение моих глаз, как мне давали понять, свойственно человеку, который привык всю свою жизнь командовать другими людьми.

У меня широкая спина и выпуклая грудь. Почти все мое тело заросло густыми жесткими темными волосами. У меня длинные руки, и хорошо развитые мускулы рельефно выступают под кожей. Для мужчины своих лет я двигаюсь вполне изящно. Я всегда увлекался различными видами спорта и в молодости метал копье через всю длину стадиона в Маннеране. Этот рекорд с тех пор так и не был никем превзойден.

Большинство женщин находят меня привлекательным — по сути все, кроме тех, которые предпочитают более утонченных на вид мужчин, похожих на ученых, и которых пугают сила, размеры и мужественность Настоящих Мужчин.

Конечно же, политическая власть, которая была в моих руках в свое время, привлекла немало партнерш на мое ложе… Однако, несомненно, их влекло ко мне не только зрелище моего тела, но и предвкушение более тонких ощущений.

И большинство из них разочаровывались во мне. Выпуклые мускулы и пышные волосы не способны сделать из мужчины искусного любовника, так же как массивные (вроде моих) определенные органы вовсе не гарантируют экстаза. Я не чемпион любовных утех. Видите, я ничего не скрываю от вас. Никому, даже исповеднику, я не признавался прежде в своей неумелости удовлетворять женщин и даже не предвидел, что когда-нибудь решусь на это. Но довольно много женщин на Борсене узнали о моем огромном недостатке самым непосредственным образом, на собственном опыте и, несомненно, некоторые из них, обозлившись, распускали эту новость, дабы насладиться соленой шуткой по моему адресу. Поэтому я и говорю здесь об этом. Не хочу, чтобы вы думали обо мне, как о могучем волосатом великане, оставаясь в неведении относительно того, сколь часто моя плоть бездействовала вопреки моим желаниям. Возможно, этот недостаток и породил одну из тех сил, которые предопределили мое пребывание в Выжженных Низинах. И вы должны знать об этом.

5

Отец мой был наследным септархом провинции Салла на нашем восточном побережье, мать — дочерью септарха провинции Глин. Он познакомился с нею, выполняя одно из дипломатических поручений, и их супружество, как говорят, было предрешено с того самого момента, как они узрели друг друга. Первым их ребенком был мой брат Стиррон, нынешний септарх Саллы, унаследовавший это место от отца. Я был младше его на два года. После меня было еще трое детей — все девочки. Две из них живы и сейчас. Самая младшая из моих сестер была убита налетчиками из Глина около двадцати лун тому назад.

Я плохо знал своего отца. На Борсене каждый является чужаком для другого, но все же отец не отдален так от сына, как другие люди. Но это не относилось к старым септархам. Между нами стояла непроницаемая стена строго установленных норм поведения. Обращаясь к нему, мы должны были незыблемо соблюдать тот же ритуал, что и его подчиненные. Он улыбался нам столь редко, что я помню каждую из его улыбок. Однажды — это осталось незабываемым — он,

сидя на своем грубо сколоченном из черного дерева троне, поставил меня рядом с собой и позволил прикоснуться к древней желтой подушке, назвав при этом меня моим детским именем. Это случилось в тот день, когда умерла моя мать. Во всех остальных случаях он не обращал на меня никакого внимания. Я боялся его и любил и, дрожа, таился посреди колонн в судебном зале, наблюдая, как он правит правосудие. Если бы он увидел меня, то, непременно, наказал, и все же я не мог лишить себя возможности видеть отца во всем его величии.

Он был стройным и, как ни странно, среднего роста мужчиной, над которым и брат мой, и я как башни возвышались даже в те времена, когда были еще мальчиками. Но в нем была устрашающая сила воли, способная преодолевать любые трудности. Как-то, в годы моего детства, в септархию приехал некий посол — обожженный солнцем уроженец запада, который остался в моей памяти таким же огромным, как гора Конгорой. Вероятно, он был так же высок и широкоплеч, как я сейчас. Так вот, во время обеда посол позволил себе залить в горло слишком много вина и прямо перед лицом моего отца в присутствии его семьи и придворных заявил, что «есть такие, которым

хочется показать свою силу людям Саллы и которые могли бы поучить кое-кого борцовскому искусству».

— Здесь есть такие, — ответил отец, охваченный внезапной яростью, которым ничему не нужно учиться!

— Пусть тогда такие выйдут, я хотел бы посмотреть на них! расхохотался посол.

Затем он встал и сбросил с себя плащ. Но мой отец, улыбаясь, — эта улыбка заставляла трястись его придворных — сказал хвастуну-чужестранцу, что нечестно заставлять кого-нибудь состязаться, когда разум гостя затуманен вином, и это, конечно, довело посла до такого бешенства, которое не описать словами. Пришли музыканты, чтобы смягчить напряженность ситуации, но гнев посла никак не мог улечься; и где-то через час, когда винные пары несколько улетучились, он снова потребовал встречи с нашим атлетом. Ни один человек из Саллы, говорил наш гость, не способен противостоять его мощи.

Тогда септарх сказал:

— Я сам буду с тобой бороться!

В тот вечер брат мой и я сидели в дальнем конце длинного стола, среди женщин. От того конца стола, где стоял трон, донеслось ошеломляющее

слово «я», произнесенное голосом моего отца, и через мгновение — слово «сам».

Это были непристойности, которые мы с братом хоть и шепотом, но все же произносили в темноте своей спальни. Однако мы никогда не представляли себе, что услышим их в обеденном зале из уст самого септарха. В своем потрясении каждый из нас по-разному прореагировал на это. Стиррон непроизвольно дернулся и опрокинул свой бокал. Я же не смог сдержать сдавленный пронзительный смешок, в котором были и смущение, и восторг, и тут же заработал шлепок от одной из прислуживающих дам. Смех просто маскировал охвативший меня тогда ужас. Я едва мог поверить в то, что отцу ведомы такие слова, не говоря уже о том, что он осмеливается произнести их в таком величественном окружении. «Я САМ БУДУ БОРОТЬСЯ!» И эхо этих запретных слов все еще звенело во мне, когда отец быстро вышел вперед, сбросил свой плащ и стал перед огромным послом. Великан еще не успел опомниться от изумления, как септарх обхватил одной рукой бедро гиганта, применив искусный захват, популярный в Салле, и мгновенно поверг наземь хвастуна. Посол издал истошный крик, так как одна его нога оказалась неестественно

вывернутой. От боли и унижения великан стал бить ладонью по полу. Вероятно, сейчас во дворце моего брата Стиррона дипломатические встречи проводятся более искусно.

Септарх умер, когда мне было двенадцать лет, и именно в этом возрасте у меня проявились первые признаки мужского естества. Я был рядом с повелителем, когда смерть забрала его. Чтобы переждать дождливый период, отец каждый год уезжал охотиться в Выжженные Низины, в ту самую местность, где я ныне затаился в ожидании своей участи. Я никогда не отправлялся вместе с ним, но на этот раз мне было разрешено сопровождать отряд охотников, так как теперь я стал молодым принцем и должен был обучаться искусству своего класса. Стиррон, как будущий септарх, должен был овладевать другими знаниями. Он остался в качестве регента на время отсутствия отца в столице.

Экспедиция, состоящая приблизительно из двадцати наземных экипажей катилась на запад. Угрюмые грозовые облака низко нависали над ровной, сырой, насквозь продуваемой ветрами местностью. В тот год дожди были особенно жестокими. Они, как ножом, срезали тонкий верхний слой драгоценной плодородной почвы,

оставляя за собой обнаженные скалы, похожие на обглоданные кости. Повсюду фермеры ремонтировали заграждения и дамбы, но все было бесполезно. Я видел, как непомерно вздувшиеся реки стали желто-коричневыми от смытой водой земли — утраченного благосостояния Саллы. Хотелось плакать при мысли, что такие сокровища уносятся в море.

Когда мы оказались в западной части Саллы, узкая дорога стала подыматься по склонам холмов гряды Хаштор, и вскоре мы были уже в более сухой и прохладной местности, где с небес падал снег, а не дождь, и где не деревья, а просто палки торчали из ослепительной снежной белизны. Мы продолжали подъем по дороге на Конгорой.

Местные жители пением гимнов встречали проезжающего мимо септарха.

Гряда постепенно переросла в могучий хребет, и перед нами высились обнаженные вершины, подобно пурпурным зубам вспарывающие серое небо. В своих герметичных кабинах мы ежились от холода, хотя красота этой дикой местности заставляла забывать о дорожных неудобствах. С этой высоты можно было обозревать, как на карте, всю провинцию Салла, белизну западных округов, темный хаос густо заселенного восточ-

ного побережья — все, уменьшенное во много раз, и поэтому какое-то нереальное. Я никогда еще не был так далеко от дома. И хотя мы были уже на весьма значительной высоте, внутренние пики горной системы Хаштор все еще лежали впереди нас и казались непрерывной стеной из камня, которая пересекала весь материк с севера на юг. И где-то далеко вверху сияли снежные вершины. Неужели нам придется взбираться на них, чтобы пересечь хребет, или существует какой-то проход? Я слыхал о Вратах Саллы, и мы как раз и направлялись к ним, однако мне частенько эти ворота казались просто мифом.

А мы все поднимались и поднимались, пока не стали задыхаться генераторы наших краулеров на морозном воздухе. Чтобы размораживать энергоустановки, мы были вынуждены часто останавливаться. Наши головы кружились от недостатка кислорода. Каждую ночь мы отдыхали в одном из лагерей, которые специально содержались для путешествующих септархов, но удобства в них были отнюдь не царскими. В одном из них, где весь обслуживающий персонал погиб за несколько недель до этого, погребенный лавиной, нам пришлось копать проход в обледеневших сугробах, чтобы войти внутрь.

Все в отряде были людьми знатными и все должны были орудовать лопатами, кроме разве что септарха, для которого физический труд был смертным грехом. Я был одним из самых высоких и сильных и копал гораздо энергичнее, чем другие. Но поскольку я был молод и горяч, то, недооценив свои силы, вскоре рухнул поверх своей лопаты и полумертвый лежал на снегу целый час, пока меня не заметили. Когда меня привели в чувство, подошел отец и подарил мне одну из столь редких своих улыбок. Тогда я воспринял это, как проявление глубокой привязанности, благодаря чему очень быстро оправился. Однако впоследствии я пришел к выводу, что это, скорее, был знак презрения с его стороны.

Но тогда его улыбка придала мне силы завершить это дьявольское восхождение. Меня больше уже не беспокоила мысль, сможем ли мы это сделать. Я знал, что сможем. По ту сторону гор я и мой отец будем охотиться на птицерогов в Выжженных Низинах, оберегая друг друга от опасности и сознавая нашу близость, которой прежде никогда не было за всю прожитую мною жизнь. Я говорил об этом в один из вечеров своему названому брату Ноиму Кондориту. Он ехал в моем краулере и был единственным во всей

Вселенной, кому я мог говорить о таких вещах.

— Можно надеяться, что я попаду в охотничью группу септарха, — сказал я. — Есть причины думать, что меня пригласят. Таким образом удастся сократить расстояние между отцом и сыном.

— Ты — мечтатель, — пожал плечами Ноим Кондорит. — Ты витаешь в облаках, друг мой.

— Приятнее было бы услышать слова ободрения от своего побратима, обиделся я.

Ноим был вечным пессимистом. Не обращая внимания на его суровость, я считал оставшиеся дни до прибытия к Вратам Саллы. Когда же мы достигли их, великолепие этого места застало меня врасплох. Все утро и еще несколько часов после полудня мы взбирались по тридцатиградусному склону горы Конгорой. Казалось, вечно придется ползти вверх, а гора все будет возвышаться над нами. Но тут наша походная колонка повернула влево и… краулеры один за другим стали исчезать из виду за поворотом дороги. Когда подошла очередь и нашего краулера, перед моими глазами предстала удивительная картина. Широкий пролом в горной стене, как будто некая космическая рука выломала целый угол Конгороя. И сквозь пролом ослепительное сияние. Это были Врата Саллы — чудесный проход, через который

прошли наши предки-переселенцы после странствий в Выжженных Низинах. Это было много сотен лет назад.

Когда мы наконец-то расположились на ночлег, Выжженные Низины оставались по-прежнему далеко внизу. Весь следующий день и еще один мы до смешного медленно спускались по головокружительному серпантину. Стоило чуть-чуть не так выжать какой-либо из рычагов управления — и машина бы полетела, переворачиваясь в воздухе, в бесконечную бездну.

С этой стороны хребта снега уже не было, и скалы выглядели удручающе голыми. Впереди повсюду земля была красной. Мы углублялись в пустыню, где от каждого вздоха першило в горле. Звери с причудливо искривленными туловищами в ужасе разбегались при нашем приближении. На шестой день мы достигли охотничьих угодий. Перед нами простиралось бесконечное пространство, изрезанное выемками, расположенными намного ниже уровня моря. Сейчас я нахожусь всего лишь в нескольких часах езды от того места.

Здесь птицероги устраивают свои гнезда. Они весь день без устали кружат над докрасна обожженной почвой, выискивая добычу, а в

сумерках быстро спускаются к земле, совершая сказочные спирали, и залегают в своих недоступных логовищах.

Я оказался в числе тех тринадцати человек, которые должны были составить группу септарха. — Везет! — торжественно сказал Ноим, и в глазах его, так же как и в моих, были слезы. Уж он-то знал, какие муки я испытываю из-за холодного отношения отца ко мне.

Перед восходом солнца все девять охотничьих групп двинулись в путь в девяти разных направлениях.

Считается постыдным охотиться на птицерогов поблизости от их гнезд.

Птица, как правило, возвращается нагруженной мясом для птенцов и поэтому неуклюжа и легко уязвима. В тот момент она лишена своей обычной грации и мощи. Убить обремененную тяжестью птицу не так уж и сложно, и только трусливый охотник не погнушался бы это сделать. Я хочу сказать, что вся прелесть охоты заключается в сопряженных с нею трудностях и риске, а не в том, чтобы добыть трофеи. Когда мы охотимся на птицерогов, то рассматриваем это как вызов судьбе, как проверку доблести и умения.

Отвратительная же плоть этого создания нам безразлична.

Итак, охотники выходят на открытые низины, где даже зимнее солнце жжет немилосердно, где нет ни деревьев, дающих тень, ни родников, чтобы утолить жажду. Охотники рассеиваются во все стороны, один — тут, двое там, занимая позиции среди голой красной земли и предлагая себя в качестве добычи птицерогам. Эта птица парит на непостижимой высоте, так высоко над головой, что кажется всего лишь черной точкой на бриллиантовом куполе неба. Требуется острейшее зрение, чтобы обнаружить ее, хотя размах крыльев птицерога вдвое превышает человеческий рост. Со своей высокой позиции птицерог высматривает неосторожных обитателей пустыни. Ничто, сколь бы малым оно ни было, не ускользает от его сверкающих глаз. И как только он обнаруживает подходящую жертву, то начинает скользить по нисходящим потокам воздуха и, оказавшись на небольшой высоте, делает серию яростных кругов, как бы завязывая смертный узел над все еще ни о чем не подозревающей жертвой. Круги все уменьшаются, скорость птицы растет, пока в конце концов птицерог не превращается в ужасное орудие смерти, молнией

вырываясь из-за горизонта. Теперь жертва уже знает, что ее ждет, но ее мучения длятся недолго. Грозный шелест могучих крыльев и свист горячего воздуха предваряют тот миг, когда длинный смертоносный гарпун, растущий из лобовых костей птицы, находит свою цель и жертва попадает в объятия черных развевающихся крыльев.

Охотник надеется, что птицерог, делая круги, опустится достаточно низко и, таким образом, попадет в его, охотника, поле зрения. Обычно у него дальнобойное оружие, но главное — правильно рассчитать упреждение для столь дальнего расстояния. Азарт охоты на птицерога и заключается в том, что никто не знает точно, охотником он является или жертвой, так как птицерога во время его смертоносного бреющего полета нельзя увидеть, пока он не атакует жертву.

И вот я пошел вперед. Вот я стою с рассвета до полудня. Солнце, не скупясь, греет те места бледной кожи, которые я осмелился ему подставить.

Я одет в ярко-красный охотничий костюм из мягкой кожи. Время от времени я делаю несколько глотков из фляги, но не более, чем нужно, чтобы выжить.

Мне кажется, что на меня обращены взоры моих товарищей, и я не имею права проявлять

слабость у них на виду. Мы расположились двойным шестиугольником, отец — отдельно от остальных между этими двумя группами.

Случилось так, что моя позиция ближе всех к нему, но расстояние до него не менее сотни метров, и поэтому в течение утра септарх и я не обменялись даже парой слов. Он стоял твердо, широко расставив ноги, и наблюдал за небом, держа наготове ружье. Может, он и пил за время своего ожидания, но я лично этого не заметил. Я тоже изучал небеса, пока не заболели глаза, пока не почувствовал, что яркие горячие лучи будто сверлят мою голову, а кровь, как молот, стучит в затылке.

Не один раз мне казалось, что я вижу темную черточку тела птицерога, а однажды я даже был на грани того, чтобы поспешно поднять свое оружие.

Это навлекло бы на меня позор, потому что нельзя стрелять до тех пор, пока кто-то первый не закричит, что видит цель, и этим не закрепит свой приоритет. Я не выстрелил, а когда зажмурил глаза и напряг зрение, ничего не увидел в небе. Казалось, что в это утро птицероги находятся в каком-то другом месте.

В полдень отец дал сигнал, и мы разошлись по

равнине на большее расстояние друг от друга, сохранив неизменным взаимное расположение.

Вероятно, птицерог полагал, что мы слишком скучены, и поэтому не решался на атаку. Моя новая позиция была сейчас на вершине невысокого земляного кургана, напоминающего по форме женскую грудь. Стоило занять ее, как страх объял меня. Мне казалось, что с этой видной позиции я немедленно подвергнусь нападению птицерога. Предчувствие было столь сильным, что мне с трудом удавалось держаться на ногах. Я дрожал и, чтобы хоть немного ободриться, еще плотнее сжимал ствол своего ружья. Я напрягал свой слух в надежде мгновенно обернуться и выстрелить до того, как меня поразит гарпун птицерога. И тут же я сурово укорял себя за малодушие, даже возносил благодарение за то, что Стиррон родился раньше меня, поскольку я, очевидно, непригоден унаследовать бремя септарха. Я напоминал самому себе, что за последние три года птицерогом не был убит ни один охотник. Я спрашивал самого себя: разве это справедливо, что я должен умереть таким молодым, на первой же своей охоте, тогда как другие, подобно моему отцу, охотятся уже тридцать сезонов и ничего с ними не случается? Я пытался докопаться до истоков гнездящегося

во мне ошеломляющего страха. Ведь все мои наставники не жалели сил, чтобы приучить меня к мыслям, что собственная личность — это бездна и что думать о себе — смертный грех.

Разве мой отец не подвергается такой же опасности? И разве он, будучи септархом, и причем прекрасным септархом, не потеряет гораздо больше, чем я — всего лишь мальчишка? Таким, и только таким образом мне все же удалось вышибить страх из души и наблюдать за небом, не думая о том, что гарпун птицерога уже, может быть, нацелен на мою спину. Теперь былой страх казался мне абсурдным. Я мог безбоязненно стоять здесь целыми сутками, если бы было нужно. И сразу же я был вознагражден за эту победу над собой: в неистово раскаленном небе я различил черную парящую черточку, царапинку на небесах. На этот раз это не было иллюзией, мои юные глаза вполне отчетливо рассмотрели крылья и рог. Другие видят птицу? Имею ли я право на попытку? Если я убью ее, септарх похлопает меня по спине и назовет меня своим лучшим сыном? Все остальные охотники соблюдали тишину…

— Объявляется заявка, — торжествующе закричал я, поднял ружье и стал прицеливаться, вспоминая то, чему меня учили, дав волю подсо-

знанию произвести расчет упреждения, прицелиться и выстрелить одним быстрым импульсом, прежде чем интеллект своей нерешительностью не испортит интуитивные действия.

И за мгновение до того, как я послал свой выстрел вверх, раздался неожиданный крик слева. Я выстрелил, совсем не целясь, и стремительно повернулся в ту сторону, где находился отец. Он наполовину был закрыт туловищем другого птицерога, который пропорол ему тело от живота до спины.

В воздухе клубились красные песчинки, поднятые с земли яростными ударами крыльев птицы, пытающиеся взлететь со своей жертвой. Но птицерог не в силах поднять человека, хотя это вовсе не предотвращает возможность их нападения на людей.

Я побежал, чтобы помочь септарху. Он все еще кричал. Я видел его руки, вцепившись в костлявое горло хищника. Когда же я подбежал к отцу — я был первым, — он лежал, неподвижно распростершись, а птица все еще яростно била его своим рогом, накрыв тело, как черным плащом. Я выхватил кинжал, срезал птицерогу голову и, отшвырнув ногой труп птицы, начал отчаянно вырывать чудовищный гарпун из тела мертвого

септарха. Теперь ко мне присоединились и другие. Когда я отошел от отца, они сомкнули плечи так, чтобы я не видел его труп, а затем, к моему явному неудовольствию, упали на колени передо мной и засвидетельствовали свое почтение.

Но, конечно же, Стиррон, а не я, стал септархом Саллы. Его коронация была великим событием, поскольку он, хотя и был еще молод, должен был стать главным септархом провинции. Остальные шесть септархов Саллы приехали в столицу — только в таких случаях их можно было лицезреть одновременно всех вместе, — и долгое время продолжались пиры и шествия со знаменами под звуки труб. Стиррон был в центре событий, а я где-то в стороне, как и следовало ожидать, хотя от этого у меня складывалось впечатление, что я подручный конюха, а не принц. Как только Стиррона возвели на трон, он предложил мне титулы, землю и власть, но фактически ожидал, что я не приму всего этого, и я не принял.

Если только септарх не убог умом, его младшим братьям лучше не оставаться вблизи него и не пробовать помочь ему править, потому что такая помощь зачастую оказывается нежеланной. У меня не было живых дядек со стороны отца, и мне было все равно, что будут говорить обо мне сы-

новья Стиррона, поэтому я постарался побыстрее убраться из Саллы, как только закончился траур.

Я переехал в Глин, на родину моей матери. Здесь, однако, все сложилось не в мою пользу, и уже через несколько лет я вынужден был перебраться в насыщенную тяжелыми влажными испарениями провинцию Маннеран, где женился, произвел на свет двух сыновей и стал принцем не только по имени… Я жил здоровым и счастливым, пока не наступила пора перемен.

6

Пожалуй, нужно сказать несколько слов о географии моей планеты.

На нашей планете Борсен — пять материков. В этом полушарии — два:

Велада и Шумара, то есть Северный и Южный. Нужно долго плыть по морю, чтобы из любой точки Велады или Шумары добраться до материков другого полушария, носящих названия Умбис, Дабис, Тибис, то есть Первый, Второй, Третий.

Об этих трех дальних землях я могу рассказать вам лишь очень немногое. Они впервые были обследованы около семисот лет тому назад одним из септархов Глина, который поплатился жизнью за эту свою любознательность. С тех пор за все прошедшее время там не побывало даже пяти экспедиций. В том полушарии люди не живут. Умбис, говорят, очень похож на Выжженные Низины, но его природа еще скудное. Во многих его местах из земли вырываются факелы золотистого пламени. Дабис покрыт джунглями и болотами, источающими ядовитые испарения, что чревато для человеческого организма жестокой, изматывающей лихорадкой. Когда-нибудь

на Дабис будут совершать опустошительные набеги смельчаки-охотники, поскольку, как я слышал, там множество опасных зверей. Тибис покрыт льдами.

Мы не являемся расой, зараженной тягой к странствиям. Сам я никогда не стал бы путешествовать, если бы к этому меня не вынудили обстоятельства. И хотя кровь древних землян течет в наших жилах, а они были бродягами, чья одержимость гнала их в необъятные космические дали, мы, жители Борсена, стараемся оставаться поближе к дому. Даже я, в чем-то отличный от своих соплеменников, особенно образом мыслей, никогда не стремился повидать заснеженные пространства Тибиса или ядовитые топи Дабиса, кроме, вероятно, того времени, когда был ребенком и мне не терпелось увидеть все на свете. Для нас считается крупным событием поездка из Саллы в Глин, и очень мало тех, кто пересек материк, не говоря уже о том, чтобы отважиться поехать на Шумару, как это сделал я.

Как это сделал я!

Материк Велада является колыбелью нашей цивилизации. Формой он похож на гигантский прямоугольник с закругленными краями. Два огромных У-образных выреза внедряются в его

периферию вдоль всего северного побережья. Посредине расположен Полярный залив, а на юге, на противоположном побережье, — залив Шумар. Между двумя этими водными пространствами лежат Низины, так называют впадину, которая простирается через весь материк с севера на юг. Нет такой точки в Низинах, которая находится над уровнем моря, выше восьми метров, зато множество мест, в особенности в Выжженных Низинах, которые расположены намного ниже уровня моря.

На севере Низины называют Вымерзшими, поскольку они покрыты нетающими льдами. Здесь никогда не жил человек. Однако влияние севера не проникает далеко в глубь нашего материка. К югу от Вымерзших Низин лежат необозримые Выжженные Низины, где почти отсутствует вода и где всегда яростно жжет солнце. Две идущие с севера на юг горные системы не пускают туда ни одной тучки, а с горных склонов не стекают ни реки, ни ручьи. Почва ярко-красная, перемежающаяся отдельными желтыми полосами. В Выжженных Низинах произрастает несколько разновидностей низкорослых растений, неизвестно откуда берущих питательные вещества, зато здесь много разных животных, причем

причудливых, деформированных, малопривлекательных на вид.

В южной оконечности Выжженных Низин расположена глубокая, тянущаяся с востока на запад долина, пересечь которую можно только за несколько дневных переходов. А за нею лежит небольшая местность, известная под названием Влажные Низины. Насыщенные влагой ветры, дующие с залива Шумар, встречаются на своем пути с горячими яростными ветрами Выжженных Низин.

Сгущающиеся тучи сбрасывают здесь свою влагу, благодаря чему земля покрывается пышной, буйной растительностью. Эти ветры никогда не проникают в Выжженные Низины. В отличие от Вымерзших Низин сюда забредают охотники и те, кто путешествует по местам, расположенным между западным и восточным побережьями. Во Влажных Низинах живет несколько тысяч фермеров, которые выращивают здесь экзотические фрукты для горожан. Мне говорили, что непрестанный дождь привел к гниению душ этих людей. У них нет каких-либо правительственных учреждений, и наши обычаи самоотречения соблюдаются здесь плохо.

Я был бы сейчас среди них, если бы только мог

проскользнуть сквозь кордоны, расставленные моими врагами к югу от этого места.

Низины обрамляют две обширные горные системы: Хашторы на востоке и Трайшторы на западе. Горы тянутся от северного побережья Велады, от берегов Северного Полярного моря, и идут на юг, постепенно изгибаясь, внутрь материка. Эти две горные системы обязательно бы встретились где-нибудь неподалеку от залива Шумар, если бы их не разделяло ущелье Стройн, через которое влажные ветры проникают во Влажные Низины с залива Шумар. Горы настолько высоки, что задерживают все ветры и дождевые облака.

Поэтому склоны их, обращенные внутрь материка, лишены растительности, зато склоны со стороны океанов очень плодородны.

Население материка Велада сосредоточено вдоль прибрежных полос между океанами и горами. В большинстве этих мест почва очень тощая, неурожайная, поэтому нам трудно обеспечить себя всей необходимой пищей и постоянно приходится бороться с голодом.

Часто меня удивляет, почему наши предки, попав на эту планету, избрали для поселения Северный материк. Заниматься сельским хо-

зяйством было бы намного легче на соседнем материке, то есть на Шумаре, и даже болотистый Дабис мог бы предложить людям гораздо больше жизненных удобств.

Вероятно, дело в том, что предки наши были суровыми и требовательными к себе людьми, которые получали удовлетворение от непрестанной борьбы с природой и боялись избаловать своих детей, поселившись в таких местах, где жизнь была бы недостаточно тяжелой. Берега материка Велада нельзя признать совсем уж непригодными для обитания, равно как и трудно счесть вполне благоприятными для жизни человека. Поэтому-то наши предки и выбрали эти места. О справедливости такого предложения свидетельствует, в первую очередь, то, что в наследство от древних нам достался взгляд на удобства, как на грех, и на досуг, как на проявление порочности.

Мой побратим Ноим, однако, считает, что первые поселенцы избрали Веладу только потому, что здесь случилось сесть их звездолету. Истратив все свои силы на то, чтобы пересечь необозримые просторы космоса, они не нашли в себе энергии на поиски лучшего места для поселения. Я сомневаюсь в этом, подобное утверждение весьма

красноречиво характеризует иронический склад ума моего побратима.

Прибывшие сюда первыми обосновали на западном побережье, в месте, которое мы сейчас называем Трайш, то есть Земля Обетованная. Численность населения росла быстро, и поскольку это было упрямое и несговорчивое племя, раскол произошел довольно быстро: то одна его часть, то другая откалывалась от первопоселенцев. Таким образом, возникли девять западных провинций. До сих пор они яростно спорят друг с другом относительно своих границ.

Со временем ограниченные ресурсы запада были исчерпаны и началось заселение восточного побережья. Тогда у нас не было воздушного транспорта, правда, нет его в широких масштабах и сейчас. Наш народ не имеет наклонности к техническим новшествам, и здесь нет запасов природного топлива. Поэтому на запад люди двигались на краулерах или на других аппаратах подобного типа. Были открыты три прохода через горную систему Трайшторы, и смельчаки лихо двинулись в Выжженные Низины. До сих пор их подвиги воспеваются в величавых эпических поэмах. И хотя очень трудно было пересечь Низины, перейти на другую сторону Хашторов

оказалось почти невозможным, так как человеку был доступен только один проход — Врата Саллы, найти который было очень нелегко. Но проход все-таки отыскали, и люди двинулись дальше. Так возникла моя родина — Салла.

Затем опять наступили раздоры. Многие ушли на север и основали там Глин, другие предпочли юг и осели в священном Маннеране. Почти тысячу лет на востоке существовали только три провинции, пока после новой ссоры не возникло процветающее ныне приморское королевство Крелл, отхватившее кусок земли у Глина и кусок у Саллы.

Были еще люди из Маннерана, которых не устраивала жизнь ни в одной из провинций Велады. Они отправились на поиски нового прибежища и обосновались на Шумаре. Но об этом пока нет надобности говорить. Я многое расскажу еще о Шумаре и ее обитателях, когда приступлю к объяснению тех перемен, которые вошли в мою жизнь.

7

Эта будка, в которой я прячусь, весьма убога. Ее дощатые стены в свое время были сбиты как попало и теперь так потрескались, что на стыках зияют дыры и углы все перекосились. Ветер пустыни беспрепятственно продувает ее.

На этих моих страницах лежит тонкий красный слой пыли. Моя одежда уже полностью напиталась ею, и даже волосы имеют теперь красноватый оттенок.

Твари, живущие в Низинах, свободно сюда заползают. И сейчас я вижу, как две из них ползут по полу: одна — многоногое серое создание размером с мой большой палец, а другая — скользкая двухвостая змея чуть короче моей ступни. Уже много часов они лениво кружат вокруг друг друга, как смертельные враги, которым в тоже время никак не решиться на бой. Неплохая компания меня под жгучим солнцем пустыни.

Но мне все же не следует насмехаться над своим нынешним житьем-бытьем. Кто-то побеспокоился о том, чтобы затащить сюда строительные материалы и соорудить будку, очевидно, призванную служить приютом уставшим охотникам

на этой негостеприимной земле. Кто-то сколотил ее, проявив, без сомнения, не столько плотницкое искусство, сколько человеческую любовь к своим собратьям, вынужденным пребывать под открытым небом. Может быть, это неподходящий дом для сына септарха, но я достаточно пожил во дворцах и мне больше уже не нужны каменные стены и сводчатые потолки. А здесь очень спокойно. Меня не тревожат крики мастеровых, разносчиков вина и торговцев, громко расхваливающих свой товар на улицах больших городов. Здесь человек в состоянии думать. Он может заглянуть внутрь себя, разобраться в тайниках собственной души и сделать необходимые выводы.

Обычаи нашей планеты запрещают раскрывать душу перед незнакомцами, да и перед друзьями тоже. Да, но почему никто до меня не заметил, что те же обычаи непременно сдерживают познание нами самих себя? Почти всю свою жизнь я воздвигал надлежащие социальные стены между собой и другими, и, пока не пали эти стены, я не видел того, что и от самого себя я замуровывался каменными кладками обычаев и условностей. Но здесь, в Выжженных Низинах, у меня достаточно времени, чтобы поразмышлять

обо всем и прийти к пониманию собственной души. Это, разумеется, не то место, которое я добровольно бы выбрал для себя, но несчастливым не могу себя назвать.

И не думаю, что здесь меня слишком быстро обнаружат.

Сейчас слишком темно, чтобы писать. Встану у двери хижины и буду смотреть, как ночь накатывается на землю. Возможно, вот-вот пролетит птицерог, стремясь в сумерках к родному гнезду после неудачной охоты.

Будут сверкать звезды. Швейц как-то пытался показать мне солнце Земли с одной из горных вершин на Шумаре и настойчиво просил проследить в направлении его указательного пальца. Но я полагаю, что он разыгрывал меня. Я думаю, что это солнце, солнце матушки-Земли, вообще нельзя увидеть из нашего сектора Галактики. Швейц довольно часто разыгрывал меня, когда мы вместе путешествовали. И, наверное, он не оставит это занятие, доведись нам встретиться снова, если только он еще…

8

Прошлой ночью ко мне во сне пришла моя названая сестра Халум Хелалам.

Вот уж относительно нее и речи не может быть о розыгрыше, так как она может проникнуть ко мне только сквозь скользкий туннель снов. Когда я сплю, ее образ сверкает в моем сознании ярче любой из звезд пустыни. Но пробуждение ввергает меня в печаль, наполняет стыдом, и приводит к осознанию ее потери, которая для меня невосполнима.

Халум из моих снов одета в легкую прозрачную ткань, сквозь которую видны ее маленькие розовые груди, стройные бедра и плоский живот — живот нерожавшей женщины. Нельзя сказать, что в жизни она часто так одевалась, тем более когда посещала своего названого брата. Но это была Халум моих снов, порожденных взбудораженной душой, измученной одиночеством. Это была искусительница с теплой, нежной улыбкой и темными сияющими глазами, которые светились любовью.

В сновидениях сознание существует на многих уровнях. На одном из них я — обособленный

наблюдатель, плавающий в ореоле лунного света где-то возле крыши моей хижины и глядящий сверху на свое собственное спящее тело.

На другом уровне я воспринимаю игру моего разгоряченного мозга как реальность, зримо ощущая присутствие Халум, а в то же время разум мой осознает, что все происходящее существует не наяву, а во сне. Но неизбежно некоторое смешение этих уровней, и поэтому я не могу быть точно уверенным, что сплю, а также не могу разобраться: является ли Халум, стоящая передо мной в таком лучезарном обрамлении, порождением моего воображения или живой Халум?

— Кинналл, — шепчет она, и мне грезится, что мой спящий разум пробуждается, что я приподымаюсь на локтях, а Халум опускается на колени рядом со мной. Она наклоняется вперед, пока ее упругие груди не соприкасаются с заросшей волосами грудью мужчины, которым являюсь я, и нежно притрагивается своими губами к моим.

— Ты выглядишь таким усталым, Кинналл.

— Тебе не следовало бы приходить сюда…

— Чувствовала, что нужна тебе, вот потому и здесь.

— Это неразумно. В одиночку отправиться в Выжженные Низины для того, чтобы отыскать

того, кто причинил тебе столько вреда…

— Связь, которая дарована нам, священна.

— Ты столько настрадалась из-за этой связи, Халум.

— Ну уж нет. Не приходится говорить о страданиях, — покачала она головой и поцеловала мой потный лоб. — Как ты, должно быть, страдаешь, скрываясь в этой мерзкой печке!

— Не более того, что заслужил, — ответил я.

Даже в своих снах я разговариваю с Халум, употребляя правильные грамматические формы. Мне всегда было очень трудно говорить с нею от первого лица. Разумеется, я не пользовался первым лицом глаголов и личного местоимения ни до того, как наступили во мне перемены, ни впоследствии, когда у меня не осталось причин быть столь целомудренным с нею. Моя душа и мое сердце диктовали мне «я», но язык и губы были замкнуты благопристойностью.

— Ты заслуживаешь гораздо большего, — сказала она. — Это место — не для тебя. Ты должен вернуться из изгнания. Ты должен внушить нам, Кинналл, новые заветы, заветы любви и доверия друг к другу.

— Существуют опасения потерпеть в качестве пророка полный провал.

Имеются сомнения в том, стоит ли продолжать подобные попытки.

— Это было все так незнакомо для тебя, так ново! — воскликнула она. — Но ты оказался способным измениться, Кинналл, донести до сознания других необходимость перемен.

— Принести печаль другим и себе…

— Нет, нет. То, что ты пытался сделать, было правильным. Как же ты теперь можешь уступить?! Как же ты можешь отдать себя в руки смерти?! Ведь тебя сейчас ждет целая планета, нуждающаяся в том, чтобы ее освободили, Кинналл!

— В этом месте, как в западне. Поймают неизбежно.

— Пустыня огромна. Ты можешь ускользнуть от них.

— Пустыня огромна, но проходов очень мало и все они охраняются.

Убежать нельзя.

Она покачала головой, улыбнулась и, нежно прижав ладони к моим бедрам, сказала:

— Я отведу тебя в безопасное место. Иди со мной, Кинналл.

Звук этих «я» и «мной», которые слетели с уст воображаемой Халум, потряс мою спящую душу

подобно неожиданному удару грома. Услышав эти непристойности, сказанные ее нежным голосом, я от огорчения чуть не проснулся. Говорю вам об этом, чтобы было ясно, как трудно приобщиться к новому образу жизни, как глубоко гнездятся рефлексы воспитания в дальних уголках души. В сновидениях мы раскрываем свою подлинную сущность. И моя реакция оцепенелого отвращения к словам, которые я вложил (кто же другой мог бы это сделать?) в уста Халум в своем собственном сне, поведала мне о многом. Что случилось затем, было также откровением, хотя несколько грубым. Для того чтобы поднять меня с койки, руки Халум прикоснулись к моему телу. Тотчас же сердце мое исступленно забилось, казалось земля под нами затряслась так, будто Низины разламывались, а Халум вскрикнула от страха. Я потянулся к ней, но она уже стала нечеткой, нематериальной. Еще одна конвульсия планеты — и я потерял ее из виду, она исчезла. А ведь я так много хотел ей сказать, о стольном хотел ее расспросить. Проснувшись, я быстро поднялся по ступеням уровней моего сознания и, разумеется, обнаружил себя в одинокой жалкой хижине, сгорающим от стыда и неосуществленного желания.

— Халум! — кричал я. — Халум, Халум!

Хижина тряслась от моего крика, но она не возвращалась. И постепенно мой затуманенный сном мозг постиг правду, что Халум, которая посетила меня, была нереальной.

Мы, уроженцы Борсена, не в состоянии легко переносить подобные видения. Я встал, вышел из хибары в плотно окружившую меня густую тьму и принялся бродить босиком по теплому песку, стремясь хоть перед самим собой оправдаться в своих мыслях. Понемногу я стал успокаиваться. Постепенно равновесие вернулось ко мне. И все же я еще несколько часов сидел у порога хижины, пока первые зеленые щупальца зари не коснулись меня.

Вы, несомненно, согласитесь, что мужчина, отлученный от женского общества, живущий под постоянным гнетом, который я испытываю с момента своего бегства в Выжженные Низины, время от времени будет видеть во сне женщин и испытывать влечение к ним. В этом нет ничего неестественного. Я также уверен, хотя и не могу этого доказать, что многие мужчины Борсена во сне желают своих названых сестер. А происходит это просто потому, что наяву такие желания твердо и неукоснительно подавляются. И далее, хотя

Халум и я наслаждались родством наших душ в намного большей степени, чем это характерно для названых братьев и сестер, я ни разу не искал с ней физической близости. Примите это на веру, если можете. На этих страницах я рассказываю вам о многом, что дискредитирует меня, не делая попыток утаить что-либо, для меня постыдное. Так что если бы была нарушена душевная связь с Халум, я рассказал бы вам и об этом. Вы должны верить мне и не судить за грехи, совершенные во сне.

Тем не менее я считаю себя виновным в том, что всю ночь и все утро был слаб духом и что камень лежал у меня на душе, когда я честно и правдиво излагал на бумаге события той ночи. Думаю, на самом деле тревожило меня не влечение к Халум во сне, которое, возможно, простят мне даже мои враги, а уверенность в том, что я повинен в смерти Халум. А этого я сам не в состоянии простить себе.

9

Возможно, следовало еще раньше сказать, что каждый мужчина Борсена, так же как и каждая женщина, нарекаются вскоре после рождения назваными братом или сестрой. Никто из членов такой триады не может быть родственником друг другу. Все это является предметом особых забот родителей, поскольку названые брат и сестра обычно более близки, чем члены собственной семьи, связанные узами кровного родства.

Поскольку я был вторым сыном септарха, мое побратимство было делом большой государственной важности. Было бы в высшей степени демократично, но непрактично связать меня узами родства с ребенком крестьянина. Пользу из этого старинного обряда можно извлечь, если все побратимы находятся на одной и той же ступени социальной лестницы. Правда, меня не могли побратать с детьми другого септарха, так как в один прекрасный день судьба могла возвести меня на отцовский трон, а септарх не должен быть связан узами родства с царственным домом другой провинции, дабы не ограничивать его свободу решений и поступков. Поэтому необходимо

было организовать узы моего названого родства с детьми аристократов, но не родственников правящей династии.

Все было устроено названым братом моего отца Улманом Котрилем.

Это было последней услугой, которую он оказал моему отцу, поскольку сразу после моего рождения он был убит бандитами из Крелла. Для того, чтобы найти мне названую сестру, Улман Котриль отправился на юг, в Маннеран, и договорился о родстве с еще неродившимся ребенком Сегворда Хелалама, верховного судьи морского порта. Было определено, что ребенок Хелалама будет девочкой. Затем названый брат моего отца вернулся в Саллу и дополнил триаду будущим сыном Луинна Кондорита, генерала, который ведал охраной наших северных границ.

Ноим, Халум и я родились на одной и той же неделе, и мой отец лично исполнил обряд побратимства. Церемония проводилась во дворце септарха, причем рядом стояли доверенные лица Ноима и Халум. Позже, когда мы подросли, наше побратимство было подтверждено в присутствии друг друга.

Для этого меня возили в Маннеран, где я впервые увидел Халум. И с тех пор мы редко раз-

лучались. Сегворд Хелалам не возражал против того, чтобы его дочь воспитывалась в Салле, так как надеялся, что ей удастся сделать блестящую партию, сочетавшись браком с кем-нибудь из выдающихся лиц при дворе моего отца. В этом ему пришлось разочароваться, поскольку Халум так и не вышла замуж и, насколько мне известно, до самой могилы оставалась девственницей.

Такая схема братских уз давала возможность хоть какого-то бегства от вынужденного одиночества, в котором положено жить нам — жителям Борсена.

Вам теперь не мешало бы узнать — даже если вы инопланетянин, — что давным-давно был установлен обычай, который запрещал нам открывать свою душу перед другими. Если позволить слишком много говорить о себе, то, как полагали наши предки, это неизбежно приведет к потворству собственным слабостям, к жалости к самому себе и к разрушению личности. Поэтому нас приучали с детства держать все при себе и, дабы тирания такого обычая была еще более жестокой, запрещалось даже пользоваться такими словами, как «я» или «себе» во время обычных вежливых разговоров. Если у нас и возникают проблемы, мы молча их улаживаем. Если нам

присущи честолюбивые помыслы, мы их реализуем, не выставляя свои надежды напоказ. Если нас обуревают желания, мы стараемся удовлетворить их, самоотрекаясь, безлично. Из этих жестких правил делаются только два исключения. Можно открыто говорить только со своими исповедниками, являющимися церковными функционерами.

Кроме того, мы можем, в определенных пределах, открываться своим побратимам. Таковы обычаи нашего Завета.

Допускается поверять почти все своим названым брату и сестре, но нас учили соблюдать при этом определенный этикет. Например, для воспитанного человека считается неподобающим говорить от первого лица даже со своим побратимом… Какие бы ни делались интимные признания, мы обязаны выражать их с помощью допускаемых грамматических средств, не прибегая к вульгаризмам «самообнажающихся» натур.

В нашем языке «обнажать» означает раскрывать себя перед другими, под чем подразумевается, что открывается душа, а не плоть. Это расценивается как вопиющая грубость и наказывается социальным остракизмом, если не суровее. «Самообнажающиеся» используют публично

осуждаемые личные местоимения, присущие словарю обитателей дна общества. Как раз именно это я и делаю сейчас повсюду в тексте, который вы читаете. Хотя и разрешается обнажать свою душу побратиму, «самообнажающимся» считают кого-либо только тогда, когда он украшает свою речь непристойными «я» и «себе».

Кроме того, нас учили соблюдать взаимность во взаимоотношениях между побратимами. Мы не должны обременять их своими несчастьями, если сами не в состоянии облегчить их бремя подобным же образом. Дети часто поступают односторонне со своими побратимами. Один из них может подчинить себе своего побратима и болтать без умолку, не давая возможности тому высказать собственные тревоги. Но обычно это все довольно скоро приходит в состояние равновесия. Считается беспардонным нарушением правил приличия выказывать недостаточный интерес к своему побратиму. Я не знаю никого, даже среди самых слабоумных и эгоцентричных, кто был бы повинен в этом грехе.

Из всех запретов, касающихся побратимства, наиболее строго запрещена физическая близость названых братьев и сестер. На личную жизнь в общем-то накладывается мало ограничений, и

только на одно мы не в состоянии отважиться. По мне этот запрет ударил особенно мучительно. Не потому, что я жаждал Ноима (подобных устремлений у меня никогда не было, да и среди всех нас влечение к своему полу распространенно мало). Зато Халум всегда была источником моих сокровенных желаний, но не могла утешить меня ни как жена, ни как любовница. Долгие часы сидели мы вместе, ее рука в моей, рассказывая то, чего никогда не сказали бы кому-нибудь другому. И как легко мне было бы прижать ее к себе, коснуться рукой ее трепещущей плоти.

Но я никогда не пробовал сделать это. Воспитание и душевная закалка твердо удерживали меня. И даже после того как Швейц упоительной отравой своих речей изменил мою душу, я все еще продолжал считать тело ее священным. Но не стану отрицать своего вожделения к ней. Так же, как не могу забыть того потрясения, которое испытал в отрочестве, когда узнал, что из всех женщин Борсена мне отказано только в Халум, моей любимой Халум.

Я был чрезвычайно близок с Халум во всем, кроме физических отношений, и она была для меня идеальной названой сестрой. Искренняя, уступчивая, любящая, прямая, ясная, лучистая,

восприимчивая. Она была не только красавицей — кареглазая, с кожей цвета сливок, темноволосая, нежная и стройная; она также имела замечательную душу, представляющую собой удивительную смесь чистоты и мудрости. Думая о ней, я всегда мысленно вижу лесную прогалину в горах, окруженную вечнозелеными деревьями с темной хвоей, покрытую только что выпавшим девственно белым снегом и… искристый ручей, танцующий среди залитых солнцем валунов, и все это такое чистое, незапятнанное, ни от чего не зависящее. Иногда, когда я бывал с нею, я ощущал свое тело невообразимо толстым и неуклюжим, безобразно волосатым и чересчур мускулистым. Однако Халум словом, улыбкой, взглядом умела показать, что я несправедлив к себе, что сила и мужественность составляют неотъемлемую принадлежность мужчины.

В равной степени я был близок и с Ноимом. Во многом он был полной мне противоположностью: стройным, хитрым, осторожным, расчетливым, тогда как я тяжеловесен, излишне прямолинеен и несдержан. Даже когда я весь светился от радости, он был с виду каким-то тусклым. С ним, так же как и с Халум, я часто ощущал себя неуклюжим (но не в физическом смысле, так

как я довольно ловок и подвижен для мужчины моей комплекции). Точнее говоря, я ощущал свою духовную закостенелость. Мой названый брат был гибче, восприимчивее, хотя часто бывал в пессимистическом, почти подавленном настроении духа. Он смотрел на меня с такой же завистью, как и я на него. Он завидовал моей огромной силе и впоследствии как-то признался, что, глядя на меня, ощущает себя малодушным и ничтожным. Говоря о себе не прямо, а косвенно, он сознавался, что ленив, склонен к обману, суетен. Он часто ловил себя на том, что ежедневно совершает десятки низких поступков и что это настолько же не свойственно мне, насколько не свойственно человеку питаться собственной плотью.

Вы должны также понять, что Халум и Ноим по отношению друг к другу не были названными сестрой и братом. Их связывали только общие для них обоих узы со мной. У Ноима была своя названая сестра, а именно Тирга, а у Халум была названой сестрой девушка из Маннерана по имени Нальд. Благодаря подобным узам Завет образует цепь, которая туго скрепляет все наше общество. У Тирги тоже есть названая сестра, а у Нальд соответственно названый брат и так далее,

и так далее. Таким образом составляется громадная, если не бесконечная, последовательность родственных связей.

Очевидно, встречи с побратимами своих побратимов весьма часты, хотя на них не распространяются те привилегии, которые дает непосредственное братание.

Я часто встречался и с Тиргой, и с Нальд, но обычно это было не более чем дружественное раскланивание, хотя Ноим и Халум относились друг к другу с очень большой теплотой. Я даже некоторое время подозревал, что они поженятся, однако это мало распространенное явление, хотя и непротивозаконное. Ноим все же почувствовал, что я буду очень обеспокоен, если мой побратим разделит ложе с моей названой сестрой, и сделал все, чтобы их дружба не переросла в любовь.

Теперь Халум спит вечным сном под надгробным камнем в Маннеране, Ноим стал совершенно чужим для меня, возможно даже, моим врагом, а я нахожусь сейчас в Выжженных Низинах, и красный песок бьет мне в лицо, когда я пишу эти строки.

10

После того как мой брат Стиррон стал септархом, я, как вы уже знаете, отправился в провинцию Глин. Не скажу, что я сбежал, так как никто открыто не принуждал меня покинуть свою родную землю. Назову поэтому мой отъезд тактическим шагом. Я уехал, чтобы избавить Стиррона от последующих затруднений. В противном случае так или иначе я должен был умереть, а это легло бы тяжким камнем на его душу. В одной провинции не могут жить в безопасности два сына умершего септарха.

Глин был избран мною, поскольку обычно изгнанники из Саллы перебираются в Глин. Кроме того, семья моей матери имела там и власть, и солидное состояние. Я думал — впоследствии наивность моих предложений стала очевидной, — что смогу из всего этого извлечь для себя кое-какую выгоду.

Когда я уезжал из Саллы, мне было без трех лун тринадцать лет. Это считается порогом зрелости. Рост у меня уже был почти такой же, как и сейчас, хотя тогда я был намного стройнее и далеко не так силен, как стал вскоре, да и борода

моя пошла в полный рост попозже. Я немного знал историю и устройство общества, имел практическое представление об искусстве охоты и получил некоторую подготовку в области правосудия. К тому времени в моей постели побывала добрая дюжина девушек и трижды я познал, хоть и недолгие, но бурные томления несчастной любви.

Всю свою жизнь я строго соблюдал веления Завета, душой был чист, жил в мире с нашими богами и не нарушал наказов наших предков. В то время я самому себе казался искренним, смелым, способным, честным и неунывающим.

Мне казалось, что весь мир широко распахнут передо мною и будущее всецело находится в моих руках. С высоты своих тридцати лет, сейчас я понимаю, что юноша, покидавший Саллу, был наивен, легковерен, слишком горяч, а ум его был неразвитым и негибким. В общем, совершенно посредственный человек, который бы чистил рыбу в какой-нибудь рыбацкой деревне, если бы не огромная удача родиться вельможей.

Родину я покидал ранней осенью. Весной вся Салла оплакивала смерть моего отца, а летом приветствовала восшествие на престол нового септарха.

Урожай, как обычно, в Салле был плохим. Поля ее камнем и галькой были богаче, чем зерном. И, как всегда, Салла-Сити был переполнен разорившимися отцами семейств, надеющимися разжиться хоть чем-нибудь от щедрот нового септарха. Тягучее горячее марево заволакивало столицу изо дня в день, и уже клубились тяжелые осенние тучи, плывущие, как по расписанию, со стороны моря. Улицы были пыльными, деревья рано начали сбрасывать свою листву, оросительные каналы закупорило пометом крестьянского скота. Все это было плохими признаками для Саллы в начале правления септарха, а мне лишний раз напоминало, что наступила пора уходить. Даже в самые первые месяцы правления Стиррон не мог унять бешеного нрава, и многие неудачливые государственные советники были уже брошены в темницу. Пока что я был обласкан при дворе. Меня обхаживали и ублажали, засыпали мехами и обещали обширные угодья в горах. Но сколько это могло продолжаться, сколько?

Сейчас Стиррон все еще испытывал какие-то угрызения совести, продиктованные тем, что он унаследовал трон, а мне ничего не досталось.

Пока брат относился ко мне очень мягко… Но как только наступит голодная и холодная зима,

все может измениться! Завидуя моей свободе от ответственности за людские страдания, он свой гнев может обрушить на меня.

Я достаточно хорошо знаю историю царственных династий. Братоубийства не раз случались прежде.

Поэтому я спешно подготавливался к бегству. Только Ноим и Халум были посвящены в мои планы. Я собрал те немногие вещи, которые были мне особенно дороги: обручальное кольцо, завещанное мне отцом, любимую охотничью куртку из желтой кожи и двойной амулет-камею с изображениями названых брата и сестры. От всех своих книг я отказался, так как книги можно достать в любом месте. Не взял я и гарпун птицерога, мой трофей в тот день, когда погиб отец… гарпун, который висел в моей спальне во дворце.

На моем счете значилась довольно крупная сумма денег, депонированных в Королевском банке Саллы. Как мне казалось, я поступил с ними довольно ловко. Сначала я перевел основную часть этих денег в шесть мелких провинциальных банков, причем это отняло у меня немало дней. Держателями новых вкладов стали Халум и Ноим. Затем Халум произвела изъятие,

запросив, чтобы деньги были переведены в Торгово-Промышленный банк Маннерана на счет ее отца Сегворда Хелалама. Если перевод и будет обнаружен, Халум заявит, что отец ее потерпел некоторые денежные убытки и на короткий срок попросил у нее взаймы. Как только мои активы оказались на счету в Маннеране, отец Халум, согласно предварительной договоренности с дочерью, снова перевел деньги, на этот раз на мое имя в банк Глина. Таким окольным путем я получил в Глине свои деньги, не возбудив при этом интереса чиновников Казначейства, которых могло бы насторожить, что принц царствующего дома переводит унаследованные им деньги в соперничающую с Саллой провинцию на севере. Если бы Казначейство обеспокоилось утечкой капитала в Маннеран, допросило бы Халум и сделало запрос ее отцу, то в результате выяснилось бы, что Сегворд преуспевал в делах и не нуждался в «займе». Это, конечно же, привело бы к дальнейшему расследованию и, вероятно, к моему разоблачению. Но судьба ко мне благоволила. Все мои маневры остались незамеченными.

Наконец я пошел к брату испрашивать разрешения на отъезд из столицы, как того требовал придворный этикет.

Все это было очень тонким делом. С одной стороны, моя честь не позволяла мне лгать Стиррону. С другой же стороны, я не мог рассказать ему всей правды. Много часов я провел вместе с Ноимом, снова и снова повторяя свои беспомощные, сомнительные хитрости. Я был плохим учеником курса софистики. Ноим плевался, ругался, плакал от злости, всплескивал руками, каждый раз, когда ему удавалось своими хитроумными вопросами прорвать мою защиту.

— Ты не рожден быть *лжецом*, — сказал он, наконец, в отчаянии.

— Это правда, — согласился я. — У меня не было намерений стать *лжецом*.

Стиррон принял меня в северной Судебной Палате — темной, скромно обставленной комнате со стенами из неотесанного камня и узкими окнами, которая, главным образом, использовалась для встреч с деревенскими старостами. Не думаю, что он задался целью унизить меня этим. Просто брату случилось там быть, когда я послал к нему шталмейстера с запиской, где просил о встрече.

День клонился к закату, снаружи моросил противный дождь. Где-то в дальней башне звонарь инструктировал своих подмастерьев, и тяжкий колокольный звон, зловеще искаженный, вместе

со сквозняком проникал через толстые стены. Стиррон был в официальном своем одеянии — широкой мантии из прочного меха песчаной кошки, узких красных шерстяных перчатках с крагами, высоких сапогах из зеленой кожи. На боку висела шпага Завета. На груди сверкал массивный кулон — знак высшей власти. Вокруг правого предплечья, если память мне не изменяет, красовался еще один знак власти. Из всех его регалий недоставало только короны. Я часто видел Стиррона, облаченного таким образом во время торжественных церемоний и официальных встреч. Но то, что он напялил на себя все эти знаки различия в обычный день, поразило меня своей претенциозностью и показалось несколько комичным. Неужели его положение кажется ему настолько непрочным, что без всего этого барахла он не ощущает себя на самом деле септархом? Неужели ему необходимо производить впечатление на собственного младшего брата? Или он, подобно ребенку, получает удовольствие от этих украшений? Но какова бы ни была причина, в характере моего брата обнажился некий изъян, выявилась порожденная внутренним самодовольством глупость. Меня поразило, что он казался не столько внушающим страх, сколько

смешным. Вероятно, отправной точкой моего последующего бунта послужило именно то, что мне стоило больших усилий сдержать смех, увидев Стиррона во всем его царском великолепии.

Полгода на троне септарха оставили сильный след на его лице. Оно стало серым, левое веко, скорее всего от усталости, дергалось. Тесно сжав губы, он стоял в напряженной позе, причем одно плечо было выше другого.

Хотя всего два года разделяли нас, я чувствовал себя мальчиком рядом с ним и удивлялся тому, как государственные заботы могут изменить внешний вид человека. Казалось, века прошли с той поры, когда мы со Стирроном смеялись в своих спальнях, шепча запретные слова, и обнажали друг перед другом свои созревающие тела, чтобы сравнить признаки возмужания. Теперь я выражал формальное почтение своему усталому царствующему брату, скрестив руки на груди, подогнув колени и склонив голову, бормоча при этом:

— Септарх-повелитель, долгих тебе лет жизни.

Стиррон, проявив при этом обычные человеческие чувства, встретил мое формальное обращение к нему братской улыбкой. Он, разумеется, сначала отвечал на мое приветствие

надлежащим образом, то есть подняв руки ладонями наружу, но затем быстро пересек комнату и обнял меня. Однако в его жестах было что-то искусственное. Как будто он заранее отрепетировал дружескую встречу с родным братом. Освободив меня от своих объятий, он отошел немного в сторону и, глядя в окно, произнес:

— Пакостный день, не так ли? Ужасный год!

— Тяжела корона, Септарх-повелитель?

— Ты что не в состоянии обращаться к брату по имени?

— Не можешь скрыть своего тревожного состояния, Стиррон? Наверное, ты принимаешь проблемы Саллы слишком близко к сердцу.

— Народ голодает, — сказал он. — Разве можно притворяться, считая это безделицей?

— Народ всегда голодал и раньше, год за годом, — возразил я. — Но если септарх иссушит свою душу в тревоге об этом…

— Хватит, Кинналл, — прервал меня септарх. — Ты многое себе позволяешь!

Теперь в тоне его голоса не было и намека на братские чувства! Ему было трудно скрыть раздражение. Он был откровенно разгневан тем, что я заметил его усталость, хотя именно он начал наш разговор с жалоб. Похоже, наш разго-

вор пошел совсем не в том направлении, чтобы принять интимный характер. Состояние нервов Стиррона вовсе не входило в сферу моих забот. В моем положении не я должен был утешать его. Для этого у него был побратим.

Моя попытка проявить сочувствие была неуместной и неподобающей.

— Так что же тебе нужно? — грубо спросил он.

— Разрешение септарха-повелителя на отлучку из столицы.

Он мгновенно отвернулся от окна и пристально посмотрел на меня. Глаза его, до этого хмурые и вялые, сверкнули, стали жесткими и беспокойно забегали из стороны в сторону.

— Отлучиться? Куда же? И зачем?

— Чтобы сопровождать побратима Ноима до северной границы, — сказал я, стараясь не заикаться. — Ноим хочет посетить штаб-квартиру своего отца, генерала Луинна Кондорита, которого он не видел со дня коронации повелителя. Чувство любви и братские узы велят поехать с ним на север.

— Когда же ты собираешься отправиться в путь?

— Через три дня, если только это будет угодно септарху.

— И сколько будешь там находиться? — Стиррон прямо-таки обрушивал на меня поток вопросов.

— До первого зимнего снега.

— Слишком долго, слишком долго.

— Отлучку можно сократить.

— А должен ли ты вообще покидать столицу?

Колени мои задрожали. Мне с трудом удавалось оставаться спокойным.

— Стиррон, учти, что твой брат не покидал Саллу ни на один день с тех пор, как ты занял трон септарха. Подумай о том, как побратиму тяжело одному пересекать холмы севера.

— А ты учти, что являешься наследником главного септарха Саллы! вскричал Стиррон. — И если с твоим братом случится что-то, пока ты будешь на севере, наша династия может прерваться.

Холод в его голосе, сменившийся свирепостью, с какой он вел допрос мгновением раньше, повергли меня в панику. Почему он так противится моему отъезду? Мое воспаленное воображение придумывало десятки причин явной враждебности брата. Он узнал о переводе моих вкладов и из этого сделал вывод, что я хочу сбежать в Глин? Или он вообразил, что Ноим и я с помощью войск отца Ноима хотим поднять мятеж на севере с

целью посадить меня на трон? Или он уже решил арестовать и уничтожить меня, но для этого еще не наступило благоприятное время, и поэтому он не хочет отпускать меня туда, куда ему будет очень трудно дотянуться? Или? Но я мог до бесконечности умножать свои предположения. Мы, уроженцы Борсена, люди подозрительные, и наименее доверчивы те, на ком корона. Если Стиррон не отпустит меня из столицы, а было похоже, что дело идет к тому, мне не удастся благополучно осуществить свой план.

— Вряд ли есть причины предполагать, что произойдет какое-то несчастье! — как можно тверже сказал я. — Но даже если это и произойдет, то невелика задача вернуться с севера! Неужели ты серьезно опасаешься незаконного захвата власти?

— Приходится бояться чего угодно, Кинналл, и избегать малейшего риска.

Затем он долго поучал меня соблюдать предельную осторожность, говорил о честолюбивых замыслах тех, кто окружает трон, назвав нескольких вельмож как возможных предателей, а я — то считал их столпами нашей септархии. И пока он говорил, далеко преступая все ограничения, налагаемые Заветом (разве можно столь

откровенно раскрывать передо мной свою нерешительность), я с удивлением понял, каким измученным и напуганным человеком стал мой брат за то недолгое время, которое прошло с момента его возведения на трон септарха. И я также понял, что разрешение на отлучку не будет мне даровано. Брат же все продолжал и продолжал свои откровенные признания. Не в силах скрыть свое волнение он потирал атрибуты власти, несколько раз хватался за скипетр, лежащий на старинном столе, покрытом сверху пластиком. Он поминутно подходил к окну и возвращался назад, не переставая при этом говорить, то повышая, то понижая голос. Я испугал его.

Он был мужчиной примерно моего роста и в то же время плотнее и сильнее, чем я. Всю жизнь я боготворил его, стараясь во всем быть на него похожим. Теперь же передо мной был растерявшийся человек, пропитанный страхом и совершающий грех «самообнажения», рассказывая мне об этом.

Неужели одиночество, удел септархов, столь для него ужасно? На Борсене мы одиноки от самого рождения, живем в одиночестве и умираем в одиночестве.

Почему же с ношением короны обычное бремя

одиночества, которое мы взваливаем на себя каждодневно, воспринимается гораздо труднее? Стиррон рассказывал о заговорах с целью убийства, о назревающей революции среди крестьян, наводнивших город. Он даже намекнул на то, что смерть нашего отца не была несчастным случаем. Попробовал бы кто-нибудь так выдрессировать птицерога, чтобы он убил вполне определенного человека из группы в тринадцать человек! Такая нелепая мысль отвергалась мной всецело.

Похоже, что ответственность, налагаемая на правителя, довела Стиррона до безумия. Я вспомнил о герцоге, который несколько лет назад, вызвав неудовольствие моего отца, на полгода был посажен в темницу, где подвергался пыткам каждый солнечный день. Он вошел в камеру заточения крепким и энергичным молодым человеком, а вышел из нее до такой степени развалиной, что гадил прямо под себя, не осознавая этого. Сколько времени понадобится Стиррону, чтобы дойти до такого же состояния? Возможно, подумал я, это даже хорошо, что он отказал мне в разрешении на отъезд, потому что лучше остаться в столице и быть готовым занять его место, если он совершенно не способен будет владеть своими чувствами.

Но в самом конце своих разглагольствований Стиррон еще больше удивил меня, когда хрипло прокричал:

— Дай клятву, Кинналл, что вернешься с севера как раз ко времени моей свадьбы!

Этого я не ожидал. Последние несколько минут я было уже начал разрабатывать новые планы, основываясь на том, что остаюсь в Салле. Теперь же, когда я получил разрешение покинуть столицу, во мне пропала уверенность в том, что следует уезжать, оставив Стиррона в столь жалком состоянии. Да к тому же он требует от меня вернуться к определенному сроку! Но как я могу дать септарху такое обещание, не солгав ему при этом?

Этот грех я не готов был совершить. До сих пор я говорил брату, хоть частично, но правду. Я действительно намеревался направиться на север вместе с Ноимом и навестить там его отца. Я на самом деле оставался бы на севере до первого снега, хотя и не стал после этого возвращаться в столицу.

Стиррон должен был жениться через сорок дней на младшей дочери Бриггила, септарха юго-восточного округа Саллы. Этот брак был довольно искусным дипломатическим ходом. В табели о рангах, устанавливающей традиционный по-

рядок старшинства, Бриггил являлся седьмым и самым последним из септархов. Но он был самым старым, самым мудрым и наиболее уважаемым из всех правителей этой области Борсена. Престиж Бриггила в сочетании с престижем выпавшего на долю Стиррона положения главного септарха чрезвычайно укрепил бы нашу династию. Естественно, в самом скором времени дочь Бриггила народит сыновей, освободив меня тем самым от сомнительных привилегий «условного наследника». Ее способность к деторождению была доказана соответствующей проверкой… Что же касается Стиррона, то по всей Салле были разбросаны его незаконнорожденные отпрыски. Мне отводилась определенная роль во время церемонии бракосочетания, как брату септарха. Вот поэтому Стиррон и настаивал на моем возвращении в Саллу через сорок дней.

Я совсем забыл об этой свадьбе. Отказ присутствовать при свадебном обряде очень огорчил бы брата, что и меня лишило бы покоя. Но где гарантии, что, оставшись рядом со Стирроном, душевное состояние которого так неустойчиво, я окажусь в живых и на свободе ко дню свадьбы. Нет также ни малейшего смысла отправляться вместе с Ноимом на север, связав себя обещанием

вернуться через сорок дней. Сейчас передо мной стоял трудный выбор: либо отложить свой отъезд с вытекающим отсюда риском стать возможной жертвой царских капризов моего брата, либо уехать, взяв на себя моральную ответственность за нарушение нарушения данного септарху обещания.

Завет учит нас смело встречать возникающие трудности, ибо только это закаляет характер, давая возможность находить верное решение проблем, казавшихся неразрешимыми.

И в это мгновение Случайность посмеялась над высокопарными этическими поучениями Завета. Пока я мучился в нерешительности, зазвенел телефон.

Стиррон схватил трубку и минут пять слушал с напряженным вниманием, при этом лицо его стало мрачным, во взгляде появились молнии. Положив трубку, он взглянул на меня так, словно я был абсолютно чужим для него.

— В Спою уже едят мясо только что умерших, — пробормотал он. — На склонах Конгороя танцуют до исступления в надежде, что будет ниспослана пища. Безумие! Миром овладело Безумие!

Он сдавил кулаки, бросился к окну, прижался к нему лицом, закрыв глаза, и, как я полагаю, на

некоторое время позабыл о моем присутствии.

Затем опять зазвонил телефон. Спина Стиррона дернулась, как будто его ранили. Он повернулся и подбежал к аппарату. Заметив меня, застывшего у двери, он нетерпеливо стал махать руками и кричать:

— Так что же?... Ты уходишь? Ну и черт с тобой! Отправляйся куда хочешь со своим побратимом. Оставляй меня одного! О, отец, отец!

Он схватил трубку. Я попытался было преклонить колени перед тем, как уйти, но Стиррон яростно замахал руками, давая понять, чтобы я убирался из комнаты. Так я и ушел, не дав ему никаких обещаний.

11

Ноим и я отправились из столицы через три дня. Нас сопровождала только небольшая группа слуг. Погода была плохая, сухое лето быстро сменилось холодными осенними дождями.

— Вы помрете от плесени, прежде чем увидите Глин, — сказала Халум, либо утонете в грязи Главного Шоссе Саллы.

Последний вечер перед нашим отъездом она провела с нами, в доме Ноима. Маленькая комнатка под крышей послужила ей в ту ночь спальней.

Позавтракали мы все вместе. Никогда я не видел ее более прелестной, чем тогда. В то утро она была воплощением сверкающей красоты, которая озаряла хмурый рассвет как факелом. Возможно, я неосознанно увеличивал степень ее привлекательности в своих глазах, зная, что она вот-вот уйдет на неопределенное время из моей жизни, и ощущая горечь от этой потери. Она была одета в тонкое золотистое платье, плотно облегающее ее фигуру, и каждый изгиб ее тела возбуждал во мне недостойные помыслы, от которых я не знал куда деваться. Халум была в

самом соку своей юной женственности.

Такой она была уже несколько лет. Я даже поражался тому, что она до сих пор оставалась незамужней. Хотя я, Ноим и она были одного возраста, ее детство закончилось, как и положено девочкам, раньше, чем у нас.

Непроизвольно я привык думать о ней, как о старшей сестре. Когда у нее уже были тугие женские груди и месячные, у нас с Ноимом еще не было волос ни на теле, ни на щеках. И пока мы догоняли ее в своем физическом созревании, она становилась все более и более взрослой. Голос у нее стал глубже и ниже, в движениях появилась плавность. Было невозможно отказаться от представления о ней, как о старшей сестре, которая вскоре станет чьей-либо невестой, чтобы не перезреть и не прокиснуть в девичестве. Неожиданно у меня появилась уверенность в том, что Халум выйдет замуж, пока я буду в Глине. Мысль о некоем потеющем от страсти незнакомце, обладающем ею, вызвала у меня такой приступ тошноты, что я отвернулся от нее и бросился к окну вдохнуть влажный воздух в свои трепещущие легкие.

— Тебе нехорошо? — участливо спросила Халум.

— Как-то неловко, сестра.

— Но определенно нет никакой опасности. Ведь тебе даровано разрешение септарха отправиться на север.

— Нет документа, который можно было бы предъявить, — напомнил Ноим.

— Но ты же сын и брат септарха! — вскричала Халум. — Какая дорожная стража посмеет шутить с тобой?

— Правильно, — согласился я. — У меня не должно быть оснований для страха. Нет, это просто какое-то чувство неопределенности. Не забудь, Халум, что сейчас начинается моя новая жизнь, — попробовал я улыбнуться. — Ну что ж, пора уже отправляться!

— Побудь еще немного, — взмолилась Халум.

Но мы были неумолимы. На улице нас уже ждали слуги с подготовленными краулерами. Халум обняла нас, прижавшись сначала к Ноиму, затем ко мне, потому что именно я никогда не вернусь сюда. Когда она оказалась в моих объятиях, я был ошеломлен той откровенностью, с которой она предлагала себя: губы к губам, живот к животу, грудь к груди. Стоя на носках, она с силой прижималась своим телом к моему. На какое-то мгновение я ощутил ее дрожь, а затем и

сам затрепетал. Это был вовсе не поцелуй сестры и тем более не поцелуй названой сестры. Это был страстный поцелуй новобрачной, провожающей своего молодого мужа на войну, с которой — она это знала — ему не суждено вернуться. Я был обожжен этой вспышкой страсти. Будто спала какая-то завеса. Ту Халум, которая бросилась ко мне, я не знал до сих пор.

Она горела зовом плоти, не в силах таить в себе запрещенное вожделение к брату. Или я все это только вообразил?

В это единственное, казавшееся вечностью мгновение Халум отбросила сдержанность и позволила рукам и губам сказать мне правду о своих чувствах. Но я не мог ответить ей подобным же образом. Мое воспитание не позволяло мне относиться к названой сестре иначе, чем предписывалось Заветом. Я оставался холоден, хотя мои руки и обнимали ее тело. Вероятно, на миг я чисто инстинктивно оттолкнул Халум от себя, пораженный ее страстью. Но может, и не было никакой страсти, а была лишь горечь расставания? В любом случае этот порыв Длился недолго, руки Халум ослабли, и я освободился от объятий. Теперь она казалась брошенной и застывшей от недоумения, будто я жестоко обидел ее, отказав-

шись от того, что она так щедро давала.

— Пора! — нетерпеливо сказал Ноим.

Пытаясь как-то спасти положение, я слегка прикоснулся своей ладонью к прохладной кисти Халум, словно давая ей какое-то обещание… При этом я натянуто улыбнулся, она ответила скованной, неестественной улыбкой.

Возможно, мы бы и обменялись парой сбивчивых слов, но Ноим схватил меня за локоть и с силой повел за собой.

Так началось мое путешествие за пределы родной земли.

12

Я настоял на том, чтобы исповедаться, прежде чем мы уедем из Саллы.

Раньше это не входило в мои намерения, и теперь Ноима раздражала непредвиденная задержка. Однако страстное желание найти утешение в религиозном обряде росло во мне по мере того, как мы приближались к окраинам столицы.

Мы уже почти час были в пути. Дождь усилился, порывистый ветер с хлопаньем бил в ветровые стекла наших краулеров. На замощенных булыжниками улицах было скользко, и ехать приходилось довольно осторожно. Ноим вел одну из машин, я уныло восседал рядом с ним. Другая машина, в которой помещались слуги, ползла вслед за нами. Было раннее утро, и город еще спал. Созерцание каждого квартала, по которому мы проезжали, отзывалось щемящей болью в сердце, будто что-то насильственно отторгали от меня. Вот исчез дворцовый ансамбль, затем шпили Судебной Палаты, огромные коричневые здания университета, церковь, где мой отец приобщил меня к Завету, Музей Человечества,

который я столь часто посещал со своей матерью, чтобы полюбоваться на великолепие дальних звездных систем. Проезжая вдоль прекрасного жилого массива, который раскинулся по берегам канала Сканген, я скользнул взглядом по фасаду вычурного дворца-резиденции герцога Конгорой-ского, где на шелковых простынях в спальне его красавицы дочери потерял невинность не так уж много лет назад.

В этом городе я прожил всю свою жизнь и, может быть, больше никогда его не увижу. Воспоминания о прошлых днях сотрутся со временем и исчезнут из памяти, как исчезает верхний слой почвы с унылых полей Саллы, смываемый безжалостными зимними дождями. С детства я знал, что в один прекрасный день брат мой станет септархом и в этом городе больше уже не будет для меня места. И все же я надеялся, что такое произойдет не скоро, а может быть, и вовсе не произойдет. И вот мой отец лежит в богато украшенном гробу, брат согнулся под тяжким бременем короны, я же вынужден покидать Сал-лу, еще не начав жить по-настоящему. И такая жалость к самому себе охватила меня, что я даже не осмелился заговорить с Ноимом. Хотя не для того ли побратим, чтобы облегчать перед ним

свою душу? Когда мы очутились на древних улицах Старого Города, невдалеке от городских стен я заметил обшарпанную церковь и сказал Ноиму:

— Останови здесь, на углу. Нужно зайти и облегчить душу.

Ноим продолжал вести машину, как будто ничего не слышал.

— Разве можно отказывать в праве на общение с Богом? — пылко произнес я. И только тогда, весь внутри кипя, он остановил машину и дал задний ход, чтобы я смог выйти у самой церкви.

Здание церкви уже давно нуждалось в ремонте. Надпись рядом с дверью была неразборчивой. Мостовая перед церковью была в трещинах и выбоинах.

Старый Город Саллы насчитывает более чем тысячелетнюю историю. Некоторые из домов сохранились с момента основания столицы, хотя большинство превратилось в развалины. Жизнь в этом районе по сути прекратилась, когда один из средневековых септархов счел нужным построить свой дворец, существующий и поныне, на вершине холма Сканген. По ночам Старый Город заполняют толпы искателей наслаждений, которые хлещут голубое вино в подвальных помещениях кабаков. Однако в этот ранний

туманный час здесь было довольно угрюмо. Безглазые каменные стены окружали меня со всех сторон — в Салле вместо окон принято прорубать узкие щели, но в Старом Городе своеобразие нашего строительства доведено до крайности.

Вряд ли в этой церкви исправна сканирующая установка, оповещающая о приближении очередного прихожанина. Однако мои тревоги оказались напрасными. Когда я подошел к двери церкви, они широко распахнулись и показался высокий костлявый мужчина в облачении исповедника. Он был, разумеется, уродлив. Разве кто-нибудь видел красивого исповедника? Это профессия для тех, кого не удостаивают любовью женщины. У духовника, который сейчас находился передо мной, были зеленоватого оттенка кожа, изрытая оспинами, сморщенный заостренный нос и бельмо на одном глазу отличительный знак, свидетельствующий о роде его занятий. Он презрительно смотрел на меня и, казалось, уже жалел о том, что открыл дверь.

— Благоволение всех богов да будет с вами, — сказал я. — Есть необходимость в Вас.

Он оглядел мое дорогое платье, кожаную куртку, отметил, несомненно, обилие украшений, оценил мои размеры и щегольские замашки и,

очевидно, пришел к заключению, что какой-то хулиган из аристократов забрел покуражиться в эти трущобы.

— Еще очень рано, — сказал он с тревогой в голосе. — Вы поторопились прийти за утешением.

— Нельзя отказывать страждущему!

— Еще слишком рано…

— А ну, давайте, впускайте. Разве не видите, что перед вами стоит растревоженная душа?

Он уступил, в чем я и не сомневался. Сильно морща свое лицо, украшенное длинным носом, он пропустил меня внутрь. Помещение наполнял запах тления. Старинные деревянные панели были покрыты влажными пятнами, драпировка стен кое-где сгнила, мебель была изгрызена насекомыми. Церковь была тускло освещена. Жена исповедника, такая же безобразная, как и он сам, прошмыгнула мимо нас и исчезла. Он провел меня в исповедальню небольшую сырую комнатенку, отделенную от жилого помещения, и оставил на коленях перед потрескавшимся и пожелтевшим зеркалом, пока сам зажигал свечи. Затем он облачился в рясу и вышел ко мне. Я продолжал стоять на коленях.

Он назвал свою цену, и я открыл рот от изумления.

— Любую половину, — через минуту смог вымолвить я, оправившись от такого потрясения.

Он снизил цену на одну пятую. Когда я снова отказался, он предложил мне поискать другого священника, но я не подымался с колен и он, поворчав немного, снизил стоимость своих услуг. Но даже теперь она была в раз пять больше обычной таксы, взимаемой с обитателей Старого Города, но он догадывался, что у меня водились деньги. Вообразив, как негодует из-за задержки Ноим, сидя в кабине краулера, я решил больше не торговаться с этим кровососом.

Я согласно кивнул головой, и священник удалился, чтобы принести договор. Я уже говорил, что мы, уроженцы Саллы, люди подозрительные.

Верить на слово у нас не принято, предпочитаем заключать контракты. Слово значит для нас не больше, чем мимолетное сотрясение воздуха. Прежде чем солдат уложит девку в постель, они договорятся об условиях сделки и занесут обоюдные требования на бумагу.

Исповедник протянул мне стандартный бланк, ряд пунктов которого гарантировал сохранение сказанного на исповеди в строжайшей тайне. Кроме того, здесь было написано, что исповедник

есть не кто иной, как просто посредник между кающимся грешником и богом.

Но, кроме этих пунктов, со стороны исповедующегося были обязательства не требовать от исповедника ответственности за те сведения, которые ему придется выслушать: не привлекать его к судебным или каким-либо иным разбирательствам в качестве свидетеля, и так далее и тому подобное.

Я подписался, затем подписался священник. Мы обменялись копиями и я вручил ему плату.

— Какого бога вы хотели бы выбрать? — начал он.

— Бога, покровительствующего путешественникам, — ответил я. (Должен заметить, что у нас не принято называть вслух имена богов).

Он зажег свечу соответствующего цвета — розового — и поставил ее перед зеркалом. Считалось, что благодаря этому действию выбранный бог услышит мои слова.

— Узри лицо свое! — сказал исповедник. — Смотри глазами в свои глаза.

Я посмотрел в зеркало. Поскольку мы остерегаемся заразить тщеславием наши души, смотреть в зеркало принято только в церковных стенах.

— Открой теперь свою душу, — скомандовал

священник. — Пусть твои печали и горести, похотливые помыслы и неосуществленные мечты выйдут наружу.

— Сын септарха — вот кто покидает свою родную землю… — начал я, и тотчас исповедник стал весь внимание, заинтригованный моим сообщением. И хотя я не отводил глаз от зеркала, догадывался, что он украдкой пытается взглянуть на контракт и узнать, кто же его подписал.

— Страх перед братом, — продолжал я, — вынуждает его отправиться из отчего дома, но, хотя он добровольно уходит, душа его полна печали.

Еще некоторое время я продолжал высказываться в том же духе.

Исповедник вставлял обычные реплики каждый раз, когда я запинался, помогая моим словесным потугам, как опытная повитуха, владеющая всеми тонкостями своего ремесла. Вскоре уже не было необходимости в подобном акушерстве, потому что слова из меня хлынули подобно потоку. Я беззастенчиво рассказывал о вожделении к названой сестре, охватившем меня в ее объятиях.

Я поведал о том, насколько близко был от той опасной черты, за которой начиналась ложь септарху. Я сознался, что не собираюсь присутствовать на свадьбе своего брата Стиррона, хотя

и знаю, что тем самым причиню ему огромную боль. Я признался, в нескольких мелких грехах, продиктованных боязнью потерять самоуважение. Такой грех ежедневно совершает любой житель Борсена.

Исповедник слушал.

Мы платим им, чтобы они терпеливо слушали, пока мы не выговоримся полностью и не почувствуем себя лучше. Таково наше священное причастие. Мы подымаем из грязи этих жаб, сажаем их в церковь и покупаем своими деньгами их терпение. Заветом разрешается говорить исповеднику что угодно, даже бессмысленную чушь. Его не смутишь постыдными словами и поступками, признаниями в грязных намерениях и осуществленных преступлениях. Мы никогда не посмели бы сказать названому брату то, что говорим исповеднику, связав его контрактными обязательствами и купив его терпение и снисходительность. У нас нет нужды беспокоиться ни о том, что он о нас думает, ни о том, был бы ли он счастливее, если б занимался чем-нибудь другим. Было время, когда я считал справедливым и этичным существование определенных лиц, призванных избавлять сердца людей от тяжкой боли. Многое пришлось пережить, прежде чем я

осознал, что открывать свою душу исповеднику едва ли не то же самое, что удовлетворять плотское желание собственной рукой. Как в любви есть проявление чистоты и возвышенности, так и для обнажения души существуют более благородные способы.

Но тогда, стоя на коленях перед зеркалом, я получал исцеление, единственно возможное за деньги. В мерцающем свете свеч душа моя как бы отделялась от плоти. Исповедник был просто неким пятном в темноте, существование которого не имело никакого значения.

Теперь я говорил непосредственно с богом путешественников, который должен исцелить меня и провести по избранному мною пути. Я верил, что так оно и будет. Не скажу, что я воображал себе буквально какую-то обитель, где божества только и дожидаются нашего зова о помощи, но и абстрактное, метафизическое понимание нашей религии мне было неведомо. Возможность прямого общения с богом мне казалась столь же реальной, как и моя правая рука.

Поток моих слов иссяк, и исповедник не сделал ни единой попытки помочь ему возобновиться. Он прошептал слова отпущения грехов и отвернулся. Все кончилось. Я почувствовал, что

очистился, что с души моей сошли муть и шлак. Изумительная патетика этого момента была столь впечатляющей, что я едва ли осознавал окружающие меня грязь и запустение.

Исповедальня стала волшебным местом, а исповедник озарился божественной красотой.

— Подымитесь, — произнес он, подталкивая меня носком своей сандалии.

— Можете отправляться в свое путешествие.

Звук его надтреснутого голоса погубил все очарование. Я встал и пока тряс головой, как бы не веря во вновь обретенную легкость мышления, исповедник стал потихоньку выталкивать меня. Он уже больше не боялся меня, этот уродливый человечек. Не боялся, даже несмотря на то, что я — сын септарха, а силы моей хватило бы убить его одним движением руки. Зная о моей трусости, о запретном вожделении к Халум, о всем том низком, что было в моей душе, он, при всем своем ничтожестве, почувствовал ко мне пренебрежение. Ни один человек, только что исповедавшийся, не может уже пугать своего исповедника.

Когда я вышел на улицу, дождь лил сильнее. Ноим, нахмурившись, сидел в кабине, прижавшись лбом к рулевому рычагу. Он поднял глаза и

похлопал по запястью, давая понять, что я слишком много времени уделил пустякам.

— Почувствовал себя лучше, когда твой пузырь стал пустым? саркастически заметил он.

— Что? — не понял я.

— Хотел спросить, как ты себя чувствуешь, когда твой душевный пузырь стал пустым, — засмеялся Ноим.

— Не кажется ли тебе, Ноим, что это довольнотаки непристойная фраза, — обиделся я.

— Когда терпение испытывается слишком долго, невольно можно стать богохульником.

Он надавил на стартер, и мы покатили дальше. Вскоре мы уже были у древних стен Саллы. Четверо угрюмых стражников, стоящих у ворот, над которыми возвышалась сторожевая башня (кстати, ворота эти назывались Воротами Глина), не удостоили нас своим вниманием.

Ноим проехал через ворота мимо плаката, приглашающего нас на Главное Шоссе Саллы. Окрестности Саллы быстро исчезли из виду. Мы устремились на север, в Глин.

13

Главное Шоссе Саллы проходит через наши лучшие сельскохозяйственные районы, богатую и плодородную равнину Нанд, которая каждую весну покрывается слоем земли, безжалостно смытой в районах Западной Саллы вспучившимися от селевых потоков ручьями и горными реками. Из-за попустительства септарха округа Нанд, печально знаменитого скряги, Главное Шоссе содержится в отвратительном состоянии. Так что, как шутя предсказывала Халум, мы едва не захлебнулись в грязи. Для нас было благом, когда равнина Нанд закончилась и мы очутились в Средней Салле, где почва представляет собой смесь камней и песка, и народ питается сорной травой и тем, что удается выловить в море. Краулеры — весьма необычное зрелище в Северной Салле. Дважды нас забрасывали камнями голодные и злые жители, которые воспринимали как личное оскорбление стремительную езду на машинах по их несчастной земле. Но, во всяком случае, дорога здесь была свободна от грязи.

Войска отца Ноима располагались в самой дальней части Северной Саллы, на более низком

берегу реки Хаш — самой величественной из рек материка Велада. Она берет свое начало из сотни мелких ручьев, стекающих с восточных склонов горной гряды Хаштор в северной части Западной Саллы. Эти ручьи сливаются среди холмов в быстрый поток, пенящийся и бурлящий, который врывается в узкий гранитный каньон, образуя в нем каскад из шести водопадов. Вырываясь на равнинные просторы, Хаш течет более спокойно на северо-восток, становясь все шире и шире и раскидываясь, в конце концов, поистине величаво: его могучая дельта прорезается восемью впадающими в океан рукавами. Быстрая западная часть Хаша является границей между Саллой и Глином. Спокойное восточное русло отделяет Глин от Крелла.

По всей своей длине великая река не имеет мостов. Казалось бы, нет особой нужды строить укрепления по ее берегам для защиты от набегов с противоположного берега. Однако много раз за историю существования Саллы воинственные жители Глина пересекали на лодках Хаш, и неоднократно вооруженные отряды из Саллы отправлялись опустошать Глин. Взаимоотношения между Глином и Креллом сложились ничуть не счастливее. Поэтому вдоль всего Хаша устроены

военные форты и генералы, подобно Луинну Кондориту, проводят всю свою жизнь, вглядываясь в окутывающий реку туман, чтобы своевременно засечь появление неприятеля.

В лагере отца Ноима я сделал небольшую остановку. Генерал Кондорит совсем не похож на Ноима. Лицо этого крупного мужчины, изборожденное морщинами, напоминало контурную карту каменистой Северной Саллы. За те пятнадцать лет, что он провел здесь, не было ни одной существенной стычки вдоль охраняемой им границы, и, мне кажется, эта невольная праздность охладила его душу. Он говорил мало, часто хмурился, отзывался на все горьким ворчаньем и быстро уходил от разговора, погружаясь в задумчивость.

Должно быть, он мечтал о войнах. Без сомнения, всякий раз, когда он глядел на реку, ему хотелось, чтобы на ней показались плоты с вооруженными людьми из Глина. Поскольку патрульную службу несли и на берегу, принадлежащем Глину, удивительно, что пограничникам удавалось преодолевать искушение нарушить границу просто так, от скуки, тем самым втянув наши государства в бессмысленный конфликт.

Здесь нам было откровенно скучно. Даже Но-

иму, испытывающему естественную сыновнюю привязанность к отцу, не о чем было говорить с ним, а для меня генерал был просто чужим человеком.

Я сказал Стиррону, что буду у Луинна Кондорита до первого снега, и не собирался нарушать данное ему слово. Но, к счастью, оставаться здесь пришлось совсем недолго. На севере зима приходит рано. На пятый день нашего пребывания в гостях у генерала в воздухе закружились первые снежинки, что освободило меня от наложенного на себя обета.

В трех местах между пристанями, если, конечно, не велись военные действия, ходили паромы, связывающие Саллу с Глином. И вот в одно хмурое утро Ноим подвез меня к одному из причалов. Мы торжественно обнялись и стали прощаться. Я обещал незамедлительно сообщить свой адрес в Глине, чтобы он мог держать меня в курсе событий, происходящих в Салле. Он обещал присмотреть и за Халум. Мы с неопределенностью говорили о том, когда все трое сможем встретиться. Возможно, они навестят меня в Глине в следующем году, а может быть, мы вместе отправимся на лето в Маннеран. Однако в голосах наших не было уверенности, когда мы обсуждали

этих планы.

— Этот день разлуки не должен был бы наступить никогда, — заметил Ноим с горечью.

— Но ведь разлука ведет к встречам, — беспечно ответил я.

— Ты бы, наверное, все-таки мог прийти к некоторому взаимопониманию со своим братом, Кинналл…

— На это никогда не было надежды!

— Стиррон с теплотой говорил всегда о тебе. Что, он не был искренним?

— Сейчас-то он искренен, да. Но пройдет совсем немного времени, и сначала для него станет неудобным, что брат живет рядом с ним, а затем и вовсе невозможным. Септарх спит лучше, когда поблизости нет потенциального соперника, связанного с ним кровными царственными узами.

Паром позвал меня воем сирены.

Я схватил руку Ноима, и мы распрощались окончательно. Последними моими словами были:

— Когда увидишь септарха, скажи ему, что брат очень любит его.

Я взошел на паром.

Через реку переехали очень быстро. Прошло меньше часа, а я уже стоял на чужой для меня

земле Глина. Иммиграционные власти сначала обращались со мной довольно грубо, но оттаяли при виде моего паспорта, ярко-красный цвет которого означал мою принадлежность к аристократии. К тому же золотая полоса, наискосок пересекавшая этот документ, свидетельствовала о том, что я из семьи септарха. Мне тотчас выписали визу на неопределенный срок пребывания. Чиновники подобного рода — большущие сплетники. Без сомнения, как только я вышел из конторы, они передали по телефону своему правительству срочное сообщение о том, что принц Саллы находится в их округе, и, полагаю, чуть позже эта новость уже была известна дипломатическим представителям Саллы в Глине, которые незамедлительно передали ее моему брату — к очевидному его неудовольствию.

Напротив таможни находилось отделение Договорного банка Глина, и я обменял там свои деньги на купюры нашего северного соседа. Затем я нанял водителя, который отвез меня на север, в столицу, имеющую название Глейн.

Путь до Глейна занял полдня.

Дорога была узкой и извилистой и пересекала унылую местность, где дыханием зимы давно уже смело последние листья с деревьев. Повсюду

лежали сугробы грязного снега. Провинция Глин богата лесами. Она основана людьми пуританского склада, которые сочли жизнь в Салле легкой. Очевидно, они почувствовали, что, оставшись на родной земле, вполне смогут поддаться искушению и в чем-то отступить от Завета. Переселенцы пересекли Хаш и обосновались на севере. Суровый народ, населяющий провинцию Глин, создан для тяжелого труда. Как ни бедно сельское хозяйство Саллы, урожаи на полях Глина раза в два, если не больше, хуже, чем у нас. Главными источниками существования местного населения издавна были рыбная ловля, ремесленничество, хитроумные торговые сделки и пиратство. Не будь моя мать родом из Глина, я бы никогда не избрал это место для своего добровольного изгнания. Однако мои родственные связи ничего хорошего мне не принесли…

14

Ночь я провел в Глейне. Этот город, подобно Салле, обнесен стенами, но в остальном мало похож на нее. Салла несет на себе отпечаток изящества и могущества. Здания в нашей столице построены из камня (черного базальта и розового гранита, добываемых в горах), улицы широки, благоустроенны и содержатся в чистоте, по ним прогуливается роскошная толпа. Если не считать нашего обычая вместо окон делать узкие щели, Салла-Сити открытое, привлекательное место, архитектура которого являет миру дерзновенность и самобытность ее жителей.

Зато этот мерзкий Глейн!.. О!

Глейн выстроен из грязно-желтого кирпича, лишь кое-где отделанного жалким розовым песчаником, крошащимся на мелкие кусочки при малейшем к нему прикосновении. В этом городе нет улиц! Одни переулки. Дома теснятся друг к другу, будто боясь, что нечто нежелательное попытаться впихнуться между ними, стоит им только ослабить свою бдительность. Проспекты Глейна по благоустройству нельзя сравнить даже с водосточными канавами Саллы.

Архитекторы Глина создали город в расчете разве что на неприхотливый вкус исповедников, поскольку все в нем кривобокое, неправильной формы, неровное и грубое. Мой брат, который как-то побывал в Глейне с дипломатической миссией, описал этот город, не жалея черных красок, но тогда я посчитал его слова просто проявлением псевдопатриотизма. Теперь же я убедился, что Стиррон был еще довольно мягок в своих оценках.

Да и обитатели Глейна не лучше своего города. В мире, где подозрительность и скрытность являются божественными добродетелями, можно ожидать, что готовность к отказу от тех или иных жизненных благ расценивается как воплощение моральной чистоты. Однако я обнаружил, что добродетельность обитателей Глейна наложила на них крайне неприятный отпечаток: темная одежда, хмурый вид, черные души, неприступные, скрытные сердца. Даже речь свидетельствует об их душевной замкнутости. Язык в Глине тот же, что и в Салле, если не считать особенностей произношения некоторых звуков. Но это не смущало меня, зато ужас вызывал их синтаксис: слова слагались в предложения так, что говорящий нарочито демонстрировал свое

самоуничтожение. Мой водитель — парень был родом не из этих мест и казался мне настроенным дружелюбно — доставил меня в гостиницу, где, как он думал, я найду достойный прием. Когда я вошел и сказал: «Нужна комната на ночь и, возможно, еще на несколько дней», — хозяин гостиницы со злобой взглянул на меня, как будто я сказал: «Мне (!) нужна комната», — или что-нибудь, столь же непристойное. Позже я обнаружил, что даже наши обычные вежливые неопределенно-личные высказывания кажутся северянину проявлением неслыханного тщеславия. Я не должен был говорить: «Нужна комната…».

Требовалось спросить: «Есть ли здесь свободная комната?». В ресторане не следовало говорить: «Пообедать можно тем-то и тем-то», а нужно было сказать: «Вот блюда, которые выбраны». И так далее и тому подобное.

Короче, во избежание категоричности высказывания в речи использовался только затруднительный для говорящего страдательный залог, чтобы избежать греха, заключающегося в публичном объявлении факта своего собственного существования.

Из-за моего неведения хозяин отвел мне самую плохую комнату и заломил за нее вдвое больше

обычного тарифа. По моей манере говорить он опознал во мне уроженца Саллы. Зачем же ему быть со мной любезным? Но, подписывая контракт, я вынужден был показать хозяину свой паспорт. Когда он увидел, что его гостем является принц, то едва не задохнулся от изумления. Он настолько смягчился, что спросил: не угодно ли, чтобы в комнату прислали вино, а может быть, и веселую девушку?

Я согласился выпить вина, но отказался от девушки, потому что был еще очень молод и чересчур боялся тех болезней, которые могли таиться в чужеземной плоти. В тот вечер я одиноко сидел в своей комнате, наблюдая, как падает снег за окном, и ощущая себя, как никогда прежде, изолированным от всех людей.

Как никогда прежде…

15

Прошло больше недели, и я, наконец, решился созвониться с родней моей матери. Каждый день, туго завернувшись в плащ от ветра, я часами бродил по городу, удивляясь уродству как людей, так и зданий. Я нашел посольство Саллы и, стараясь оставаться незамеченным, подолгу стоял возле него, не желая, однако, заходить внутрь. Это угрюмое приземистое здание как бы незримо связывало меня с родной землей. Я покупал груды дешевых книг и читал их до глубокой ночи, чтобы получше разузнать о жизни в избранной мной провинции. Здесь была и история Глина, и путеводитель по Глейну, и эпические произведения, посвященные основанию первых поселений к северу от Хаша… и многое другое. Я растворял свое одиночество в вине — но не в том напитке, которое производили в Глине и называли здесь вином. Разве виноградная лоза могла произрастать в такой стуже? Я пил доброе золотистое сладкое вино Маннерана, которое ввозилось сюда в огромных бочках.

Спал я плохо. В одну из ночей мне приснилось, что Стиррон умер и меня разыскивают. Несколь-

ко раз в своих снах я видел, как птицерог убивает отца. Это сновидение до сих пор преследует меня — я постоянно вижу его по два-три раза за год. Я писал длинные письма Халум и Ноиму и рвал их, так как они были пропитаны жалостью к самому себе. Я написал также письмо Стиррону, умоляя простить за мое бегство. Но и это письмо я порвал. Когда уже ничто не могло меня утешить, я попросил хозяина прислать девушку.

После ее визита я добрый час отмывался, однако на другой вечер попросил прислать другую. Не церемонясь с ними, я всем своим телом и душой кричал «я», «мне», «я», «мне», будто был на исповеди. Я даже несколько раз произносил эти слова вслух. Правда, потом меня преследовали страхи, что хозяин гостиницы обвинит меня в непристойном поведении, однако при встрече он так ничего и не сказал. Даже в Глине с девушками подобного сорта не требуется проявлять вежливость — только такой вывод можно было сделать из всего происшедшего.

Вот так я тратил деньги в столице пуританского Глина, бражничая и распутничая. Когда я стал задыхаться от собственной праздности, то, переборов застенчивость, направился на поиски своих глейнских родственников.

Моя мать была дочерью старшего септарха Глина. Он, как и его сын, наследовавший трон, уже умерли. На престоле сейчас находился племянник моей матери, Труис. Мне казалось преждевременным просить покровительства у моего царственного кузена. Труис, являясь правителем Глина, вынужден считаться не только с родством, но и с государственными интересами, и возможно, он не захочет оказать помощь сбежавшему брату старшего септарха Саллы, чтобы не ухудшать межгосударственных взаимоотношений. Но у меня была тетка Ниолл, младшая сестра матери, которая в свое время частенько бывала у нас в Салла-Сити и с любовью нянчилась со мною, когда я был ребенком. Не поможет ли она мне?

Ее брак как бы символизировал союз власти с богатством. Муж тетки, маркиз Хаш, пользовался огромным влиянием при дворе. Он — в Глине не считалось неподобающим для аристократов заниматься коммерцией контролировал деятельность богатейшей посреднической палаты. Такие палаты были чем-то вроде банков, но в несколько ином духе. Они одалживали деньги разбойникам, купцам, промышленникам, но под убийственные проценты, и всегда завладевали частью прав

собственности на то дело, которое субсидировали. Таким образом, они незаметно просовывали свои щупальца в сотни организаций и добились невообразимого влияния в экономике. В Салле посреднические палаты были запрещены еще столетие назад, но в Глине они преуспевали, став едва ли не еще одним правительственным органом. Я недолюбливал такую систему хозяйствования, но предпочитал присоединиться к ней, чем начать попрошайничество.

В гостинице я разузнал, как пройти к дворцу маркиза. По стандартам Глина это было довольно внушительное здание. К главному корпусу присоединялись два крыла. Рядом находилось гладкое, как зеркало, искусственное озеро. Я не пытался сразу же проникнуть внутрь, а приготовил записку, в которой уведомлял маркиза, что его племянник Кинналл, сын септарха Саллы, находится в Глейне и милостиво испрашивает у него аудиенцию. Найти его можно в такой-то гостинице. Я вернулся в номер и стал ждать. На третий день хозяин гостиницы с выпученными от страха глазами вошел в мою комнату, чтобы сказать, что меня ждет посетитель в наряде придворного маркиза Хаша. Ниолл выслала за мной машину. Меня отвезли в ее дворец, где все было

намного богаче, чем снаружи, и она приняла меня в большом зале, искусно обставленном зеркалами таким образом, что создавалась иллюзия бесконечности.

Она сильно постарела за те шесть или семь лет с тех пор, как я видел ее в последний раз. Но мое удивление при виде ее седых волос и морщинистого лица не шло ни в какое сравнение с ее изумлением, что я за столь короткое время превратился из крошечного ребенка в огромного мужчину. Мы обнялись по обычаю Глина, касаясь друг друга только кончиками пальцев. Она принесла свои соболезнования по случаю смерти моего отца и извинения за то, что не посетила церемонию коронации Стиррона. Затем она спросила, что привело меня в Глин. Я объяснил причины моего здесь прибывания, и тетушка не выказала при этом удивления. «Намерен ли я здесь обосноваться на постоянную жизнь?» — Я ответил, что да. «И чем же я собираюсь поддерживать средства к существованию?» — «Работая в посреднической палате ее мужа, — ответил я, — если мне будет предоставлена подобная возможность». Мои планы не показались ей неразумными, однако она спросила, обладаю ли я какими-либо профессиональными навыками,

чтобы меня можно было рекомендовать маркизу. На это я ответил, что изучал законодательство Саллы (не упомянув, насколько незавершенным был курс моих занятий) и поэтому могу быть полезным при проведении каких-либо операций палаты в нашей провинции. Я также сказал, что связан узами побратимства с Сегвордом Хелала-мом — верховным судьей порта в Маннеране — и способен принести пользу в делах, связанных с этим городом. Наконец, я заметил, что молод, крепок и честолюбив, а посему готов посвятить всего себя делу процветания посреднической палаты, потому что только такое деяние будет для всех нас взаимовыгодным. Эти заявления как будто успокоили тетушку, и она обещала добить-ся моей встречи лично с маркизом. Покидал я ее дворец полный радужных надежд.

Через несколько дней в гостиницу пришло уведомление о том, что мне нужно предстать в конторе посреднической палате, однако не лично перед маркизом Хаш, а перед одним из его управляющих, неким Сизгаром. Этот человек был до того скользким, что казался прямо мас-лянистым. У него не было ни бороды, ни бровей, а лысина блестела так, как будто была натерта воском. Сизгар кратко расспросил меня о моей

учебе, обнаружив с помощью не более десятка вопросов ничтожность моих знаний и полное отсутствие опыта.

Однако об этих моих пробелах в образовании он говорил столь учтиво и дружелюбно, что я уже было решил, что, несмотря на мое невежество, высокородность и родство с маркизом обеспечат мне какую-нибудь должность.

Увы, какое благодушие. Я уже вынашивал планы, как буду продвигаться к более высоким постам в этой посреднической палате, когда уловил краем уха слова Сизгара, обращенные ко мне.

— Времена сейчас трудные, это, конечно, ясно вашей милости. К сожалению, вы обратились к нам как раз тогда, когда необходимо проводить сокращение штатов. Предоставление вам работы даст нам немало преимуществ, но мы теперь столкнулись с чрезвычайными затруднениями. Маркиз желает, чтобы вы поняли, что ваше предложение служить интересам Глина было принято с радостью и что он готов принять вас в свою фирму, когда позволит экономическая конъюнктура.

Часто кланяясь и приятно улыбаясь, он вывел меня из своего кабинета, и, прежде чем я сооб-

разил, что со мной окончательно разделались, я оказался уже на улице. Они ничего не смогли дать мне, даже должности пятого помощника поверенного в какой-нибудь деревенской конторе! Как же это стало возможным? Я почти что бросился назад, намереваясь закричать:

«Это ошибка, вы все же имеете дело с кузеном вашего септарха и племянником вашего маркиза!». Но они, разумеется, знали об этом и тем не менее захлопнули передо мною дверь! Когда я позвонил по телефону тетушке, намереваясь выразить всю степень своего потрясения случившимся, мне сказали, что она уехала за границу, чтобы скоротать зиму в теплом Маннеране.

16

Постепенно то, что произошло, стало мне ясным. Моя тетка говорила обо мне с маркизом, а тот, наверняка, посовещался с септархом Труисом.

Очевидно, после этого маркиз Хаш и пришел к выводу, что предоставление мне какой-либо работы может отразиться на его взаимоотношениях со Стирроном, вернее, на взаимоотношениях между Труисом и Стирроном! Кипя от негодования, я подумал было о том, чтобы прямо пойти к Труису и выразить протест, но вскоре осознал увидел всю тщетность этой попытки, а поскольку моя покровительница Ниолл уехала из Глина именно для того, чтобы избежать повторной встречи со мной, я понял, что дело мое безнадежное. Я был одинок в Глейне. Надвигалась зима. У меня не было в этом совершенно чуждом для меня месте никакого положения. И вся моя высокородность в этом государстве была совершенно бесполезной.

Затем последовали еще более суровые удары судьбы.

Придя как-то утром в Договорный банк Глина взять немного денег на текущие расходы, я узнал,

что на мой вклад наложен запрет по требованию главного казначея Саллы, который доказал незаконность перевода капитала в Глин. Потрясая своим царственным паспортом, мне удалось все же выклянчить денег, которых едва хватило на покрытие расходов за проживание здесь в течение семи дней. Оставшаяся часть моих средств была для меня потерянной, и у меня не хватило духа мольбами и увещеваниями вернуть их.

В гостинице меня посетил дипломат из Саллы, мелкий секретаришка, который, то и дело преклоняя передо мною колени и всячески выказывая почтение, напомнил о скорой свадьбе моего брата и сообщил о его желании видеть меня на ней в качестве шафера. Окажись я снова в руках Стиррона, мне больше уже никогда не покинуть Саллу. Я отговорился якобы неотложностью дел, требующих моего пребывания в Глейне как раз в то время, когда в Салле будет свадьба, и попросил передать септарху мои поздравления и глубочайшее сожаление по поводу вынужденного отсутствия. Секретаришка выслушал все это с профессиональным почтением, но я без труда заметил, как сияет он от удовольствия под личиной внешней учтивости. «Я нажил себе неприятности, — как бы говорил он сам себе. — Но он сам

охотно помогает мне выпутаться из них».

На четвертый день после этого хозяин гостиницы зашел ко мне и предупредил, что я не могу оставаться в его доме, поскольку мой паспорт аннулирован и я не имею больше в Глине официального статуса.

Это было невероятно. Королевский паспорт, такой, какой был у меня, на всю жизнь и действителен в любой провинции материка Велада, если только нет войны. Сейчас же между Саллой и Глином не происходило вооруженного конфликта.

Хозяин в ответ на мои слова только пожал плечами. Он показал бумагу из полиции с приказом выселить проживающего у него нелегально чужеземца.

Через мгновение, словно сжалившись надо мной, он посоветовал обратиться в соответствующее Бюро гражданской службы Глина. Я счел неразумной апелляцию к властям. Мое выселение вовсе не было делом случая, и, появись я в каком-нибудь правительственном учреждении, весьма возможно, что меня арестуют и препроводят через Хаш прямо в объятия Стиррона.

Предвидя такой поворот дела, я не на шутку задумался над тем, как уклониться от правительственных агентов. Теперь я с горечью ощущал

отсутствие своих названых брата и сестры. К кому же еще я мог обратиться за помощью и советом? Нигде в Глине не было хоть кого-нибудь, кому я мог бы сказать: «Нависла смертельная опасность и нужна ваша помощь!» Здесь все души были окружены каменными стенами неприступных обычаев. Во всем мире существовали только двое, кому я мог открыться, но они были далеки сейчас от меня. Поэтому я должен сам отыскать способ своего спасения.

«Нужно скрыться», — решил я. Хозяин гостиницы дал мне на сборы несколько часов, после чего я обязан покинуть его дом.

Для начала я сбрил бороду, обменял у одного постояльцев свой королевский плащ на какое-то рубище и заложил доставшееся в наследство от отца кольцо, чтобы иметь хоть немного денег. Оставшиеся пожитки я поместил у себя на спине в виде горба и, вдвое скрючившись, проковылял прочь от гостиницы, прикрыв повязкой один глаз и искривив на сторону рот. Могла ли эта маскировка кого-либо провести, сказать трудно, однако меня никто не арестовал. И, таким образом обезобразив себя, я поплелся из Глейна под холодным моросящим дождем, который вскоре превратился в снег.

17

Как только я оказался за северо-западными воротами (а именно туда привели меня ноги), рядом прогрохотал тяжелый грузовик. Его колеса прокатились по полузамерзшей луже, щедро обдав меня грязной водой. Я остановился, чтобы смахнуть холодные брызги со штанин. Грузовик тоже остановился, из него вылез водитель и, поклонившись, сказал:

— Извините за столь непреднамеренный оборот дела.

Подобная вежливость настолько изумила меня, что я выпрямился во весь рост и перестал кривить черты своего лица. Очевидно, водитель посчитал меня покалеченным согбенным стариком, так как очень удивился такому моему превращению. В ответ на его смех я не знал, что сказать. Тогда он предложил:

— Обогрейтесь! В кабине есть еще одно место. А может, если вам нужно ехать?…

В моем сознании тут же вспыхнула яркая фантазия: он довезет меня до побережья, где я могу попасть на борт какого-нибудь торгового судна, следующего в Маннеран. В этой счастливой

тропической стране я бы с радостью сдался на милость отца своей названой сестры…

— Куда вы направляетесь? — спросил я.

— На запад, в горы.

Вот тебе и Маннеран! Но я все равно согласился. Он не предложил мне никакого контракта, и я не потребовал от него того же. Несколько минут мы оба молчали. Я был поглощен тем, как плюхаются колеса грузовика в незаметные глазу заснеженные выбоины, и думал о поминутно возрастающем расстоянии между мной и полицией Глина.

— Вы — чужеземец? — наконец нарушил тишину водитель.

— Да, — односложно ответил я, опасаясь того, что уже объявлена тревога и ведется розыск принца из Саллы. Если водитель решит продолжить разговор, я воспользуюсь плавным неразборчивым говором южан, которому в свое время выучился от Халум. Надеюсь, водитель забыл уже о том, что сначала я говорил с акцентом, характерным для жителей Саллы. — Вы едете с уроженцем Маннерана, который находит вашу зиму очень необычным и тяжелым бременем.

— Что же тогда привело этого человека на наш север? — спросил водитель.

— Улаживание дел об имуществе матери. Она была уроженкой Глейна.

— Адвокаты хорошо обошлись с вами, а?

— Ее деньги растаяли в их руках. У меня же ничего не осталось.

— О, это обычная история. Так вы сейчас на мели?

— Ни гроша в кармане!

— Не отчаивайтесь! Ваше положение легко понять. Мне приходилось бывать в вашей шкуре. Надо подумать, что можно сделать для вас.

Судя потому, что водитель не пользовался столь употребляемым в Глине страдательным залогом, он, должно быть, тоже чужеземец. Повернувшись, чтобы взглянуть на его лицо, я сказал:

— Кажется, вы тоже не из здешних мест?

— Правда.

— У вас необычный акцент, — настойчиво продолжал я. — Вы из какой-то западной провинции?

— О, нет-нет.

— И не из Саллы?... Так откуда же?

— Из Маннерана, — сказал он и искренне рассмеялся. Я же весь покрылся краской стыда и смущения, когда он сказал: — Вы хорошо подделали акцент, друг. Но вам нет нужды стараться

обмануть меня.

— В вашей речи совсем не чувствуется маннеранский акцент, — только и мог вымолвить я.

— Очень долго пришлось жить в Глине, вот поэтому в речи все перемешалось.

Я понял, что ни на мгновение мне не удалось его одурачить, но он не делал никаких попыток выяснить, кто же я на самом деле. Казалось, ему было все равно, кто я и откуда родом.

Мы легко разговорились. Он рассказал мне, что является владельцем лесопилки в западной части Глина, в отрогах Хаштора, где растут высокие медовые сосны с желтыми иглами. Вскоре он предложил мне работу лесоруба на его участке. «Плата низкая, — заметил он, — зато очень чистый воздух, никогда не бывает правительственных чиновников, и такие вещи, как паспорт или сертификат, не имеют там никакого значения».

Конечно же, я согласился. Его лесопилка расположена в очень живописном месте над сверкающим горным озером, которое никогда не замерзало, так как подпитывалось теплым ручьем, начинающимся, как говорили, где-то в глубине Выжженных Низин. Грандиозные, покрытые снегом вершины нависали над нами.

Неподалеку были расположены Врата Глина проход из Глина в Выжженные Земли, пересекающий на своем пути угловую часть Вымерзших Низин. На него, хозяина лесопилки и одновременно водителя, работало по найму около сотни людей, грубых сквернословов, безо всякого стыда неизменно выкрикивающих «я» и «мне». Но это были честные и работящие люди! С такими людьми я еще не бывал знаком.

Я рассчитывал остаться здесь на всю зиму, скопить денег и, заработав достаточно, отправиться в Маннеран. Время от времени до нас доходили кое-какие сведения из внешнего мира. Именно так я узнал, что власти Глина разыскивают какого-то молодого принца из Саллы, который, как уверяли, сошел с ума и скитается где-то по стране. Септарх Стиррон хотел, чтобы этот несчастный молодой человек был срочно возвращен на родину для лечения, в котором так нуждался. Полагая, что все дороги и посты окажутся под наблюдением, я продлил свое пребывание в горах и остался там сначала на весну, а затем и на лето. В конце концов, я провел там немногим более года.

За это время я очень изменился. Мы трудились в любую погоду, не покладая рук: рубили огромные деревья, очищали их от сучьев и передавали

на лесопилку. Рабочий день длился нескончаемо долго, зато по вечерам было много теплого вина и каждый десятый день к нам привозили компанию женщин из ближайшего городка. Мой вес увеличился чуть ли не наполовину, причем только за счет твердых, как сталь, мускулов, и я даже подрос, обогнав в росте самого высокого лесоруба в округе.

Мои размеры стали объектом общих шуток. Снова отросла моя борода и изменился овал лица, когда исчезла юношеская пухлость. Лесорубы нравились мне больше, чем придворные, среди которых прошли мои прежние годы. Мало кто из жителей гор и лесов мог читать, а уж о вежливости они и слыхом не слыхивали, но это были жизнерадостные и добродушные люди. Их души были в соответствии с телом.

Мне не хотелось бы, однако, чтобы у вас сложилось о них идиллическое представление. Хотя они часто говорили «я» и «мне», но не были людьми с душой нараспашку и не обнаруживали склонности к чистосердечным излияниям.

Нет, в этом отношении они строго придерживались канонов Завета и, может быть, были в чем-то даже более скрытными, чем люди образованные. И все же, казалось, что у них более чистые души,

чем у тех, кто нарочито пользуется в речи страдательным залогом или неопределенно-личными фразами. Возможно, именно мое пребывание среди них явилось толчком для понимания глубокой ошибочности Завета и посеяло во мне семя ниспровержения его канонов, которому позже землянин Швейц помог пустить глубокие корни.

Я ничего не говорил им о своем происхождении и ранге. Судя по нежности моей кожи, они могли сами догадываться, что мне не приходилось прежде работать. Кроме того, моя манера разговаривать выдавала во мне человека образованного, хотя и необязательно знатного. Но я не желал открывать перед ними своего прошлого, да и никто не домогался этого. Я сказал им только, что родом из Саллы, — об этом все равно неумолимо свидетельствовал мой акцент. Остальное никого здесь не интересовало. Мой наниматель, полагаю, давно догадался, что я, должно быть, тот беглый принц, которого так упорно ищет Стиррон. Но он ни разу не показал виду, что знает об этом. Впервые за всю свою жизнь моя личность была отделена от моего королевского статуса. Я перестал быть лордом Кинналлом, вторым сыном септарха, я был просто Даривалем, здоровенным лесорубом из Саллы.

Это превращение многому меня научило. Я никогда и раньше не разыгрывал из себя этакого чванливого, задиристого молодого аристократа.

То, что я — только второй сын септарха, в некоторой степени прижимает меня. Однако я не мог не ощущать себя отличным от обычных людей. Мне прислуживали, кланялись, меня обхаживали и баловали; со мною разговаривали мягко и оказывали формальные знаки почитания даже тогда, когда я был ребенком. Ведь я все же — сын септарха, то есть, другими словами, сын монарха, так как септархи являются наследственными правителями, династии которых можно проследить с момента заселения заселения Борсена людьми.

Правящие династии существовали и на самой Земле как в цивилизованных странах, так и у древних народов, вплоть до раскрашенных вождей в доисторические времена. И я был частью этой династической цепи, представителем королевского рода, в чем-то поставленным выше других самими обстоятельствами своего рождения. Но в этом горном лагере лесорубов я пришел к пониманию того, что короли не являются помазанниками божьими.

Скорее, они вознесены над толпой волей людей,

и эти же люди могут скинуть гордеца в глубокую пропасть. Стиррона свергли бы во время восстания. Если бы его место занял тот мерзкий исповедник, из Старого Города, разве он не занял бы место в династической последовательности правителей, а Стирона не повергли бы в прах? И разве сыновья того исповедника не стали бы гордиться своей кровью, как гордился я, хотя их отец был никем почти всю свою жизнь, а своего деда они даже не помнят? Я знаю, что в сагах будет говориться, что благоволение богов снизошло на этого исповедника и вознесло тем самым и его, и все его потомство, сделав их навеки святыми. Однако, я прозрел и увидел незамутненным взором, что такое королевская власть. Потеря сословных привилегий позволила осознать, что я не более, чем просто человек среди людей, и таким был всегда. И кем мне дано стать, зависит только от природных моих качеств и устремлений, а не от дарованного случаем ранга.

Благодаря такому разительному изменению самосознания пребывание в горах стало казаться мне не изгнанием, а своего рода наградой. Мечты о спокойной жизни в Маннеране оставили меня. Я скопил денег больше, чем требовалось для оплаты проезда, но пропало стремление поки-

нуть эти места.

И не столько страх перед арестом удерживал меня среди лесорубов, сколько любовь к чистому, прозрачному, студеному воздуху Хашторов, к моему трудному ремеслу и привязанность к окружавшим меня, пусть и грубым, зато настоящим людям. Я оставался там все лето и всю осень, и вот уже наступила снова зима, а я не помышлял даже о том, чтобы уйти.

Может быть, я оставался бы в горах до сих пор, однако случилось так, что мне пришлось бежать. В один из мрачных зимних дней, когда небо стало серо-стальным и нависла угроза метели, прибыли шлюхи из поселка, что сулило нам вечером веселье. На этот раз среди них была новенькая. Ее произношение свидетельствовало о том, что она родом из Саллы. Как только женщины очутились среди мужчин, я хотел было улизнуть, но новенькая уже заметила меня и, чуть не задохнувшись от изумления, взвизгнула:

— Взгляните-ка вон на того, девочки! Да это же наш пропавший принц!

Я рассмеялся и стал всех убеждать, что она пьяная или чокнутая, но раскрасневшиеся щеки невольно выдали меня.

Лесорубы как-то по-новому посмотрели на

меня. Принц? Принц? Так ли это? Они стали перешептываться между собой, толкаясь и перемигиваясь.

Почуяв опасность, я объявил, что мне нравится эта женщина, и увел ее прочь. Когда мы остались наедине, я попытался было убедить ее, что она ошиблась. «Никакой я не принц, — сказал я, — а простой лесоруб». Но девка твердо стояла на своем.

— Когда лорд Кинналл шествовал в похоронной процессии, — твердо заявила она, — я вот этими глазами рассмотрела его! И он — это вы!

И чем больше я возражал, тем убежденное становилась она. Мои уверения не поколебали ее. Даже когда я обнял девчонку, она из-за обуявшего ее страха оставалась холодна и безучастна.

В тот же вечер, когда веселье закончилось, ко мне подошел наш хозяин, серьезный и встревоженный.

— Одна из девчонок как-то странно говорила о тебе, — начал он. — Если правда то, о чем она трезвонит, ты подвергаешь себя опасности, приятель.

Когда она вернется домой, эта новость мгновенно распространится по поселку, и, без сомнения, здесь сразу же появится полиция.

— Значит, бежать?

— Это как ты сочтешь нужным, — пожал плечами хозяин. — Пока что розыски принца продолжаются. Если ты — он, от властей здесь тебя некому будет защитить!

— Ну что ж, тогда на рассвете…

— Сейчас! — твердо сказал хозяин. — Пока девчонка отсыпается…

Он сунул мне в руку пачку денег — намного больше, чем был должен за последний период работы. Я собрал свои скудные пожитки, и мы вместе вышли на воздух. Ночь была безлунной, неистово бушевала пурга. В свете нашего фонаря заискрились снежинки. Мой хозяин молча отвез меня вниз по склону, мимо поселка, откуда приехали девушки, и вывез на проселочную дорогу, по которой мы проехали несколько часов. Заря застала нас в южной части центрального округа Глина, неподалеку от реки Хаш. Мы остановились в деревне под названием Клек. В этом продуваемом всеми ветрами месте маленькие каменные домики были окружены необозримыми заснеженными равнинами. Оставив меня в кабине, хозяин пошел в первый из домиков. Через мгновение он вышел из него в сопровождении сморщенного человечка, оживленно размахи-

вающего руками. С его помощью мы прошли к домику, который разыскивал мой хозяин. Владельцем его был фермер по имени Стамвиль светловолосый мужчина почти такого же роста, как и я, с выцветшими, когда-то голубыми, глазами и извиняющейся улыбкой. Может быть, он стоял в каком-то родстве с моим хозяином или, что более вероятно, был у него в долгу — я так и не узнал об этом. Так или иначе, крестьянин с готовностью отозвался на просьбу моего хозяина и принял меня в качестве своего постояльца. Хозяин на прощание обнял меня и исчез в снежном вихре. Больше я уже никогда не встречал его. Надеюсь, боги добры к нему, потому что он был очень добр ко мне.

18

Домик состоял из одной большой комнаты, разгороженной на несколько частей тонкими занавесками. Стамвиль нацепил еще одну занавеску и дал мне солому для матраца — мое жилье было готово. Под крышей домика нас было семеро: я, Стамвиль, его жена — изможденная крестьянка, которая по моему твердому убеждению могла бы сойти за его мать, трое их детей — двое мальчиков, которым до возмужания оставалось уже недолго, девушка-подросток и, кроме того, ее названая сестра. Все жильцы этого убогого дома были веселыми, невинными и верными людьми. Хотя им ничего не было известно обо мне, они тотчас же приняли меня в члены своей семьи, как будто я был их родственником, неожиданно возвратившимся из дальних странствий. Я не был подготовлен к той легкости, с которой они приняли меня, и сперва приписывал ее каким-то обстоятельствам, вернее, обязательствам, которые наложил на них мой прежний хозяин. Но оказалось, что это не так. Они были добры по своей природе, никогда ничего не выспрашивали, не отличались подозрительностью. Я ел

за одним столом с ними, сидел вместе с ними у очага, участвовал в их развлечениях. В каждый пятый вечер Стамвиль наполнял огромное выдолбленное из дерева корыто горячей водой, и я мылся вместе с его семьей, причем одновременно в корыте было двое или трое.

Можете себе представить, каково мне было тереться о пикантные округлости дочери Стамвиля и ее названой сестры. Вероятно, я мог бы порезвиться с любой из них, стоило только захотеть, но меня сдерживала боязнь нарушить законы гостеприимства. Позже, поближе познакомившись с образом жизни и нравами крестьян, я узнал, что как раз мое воздержание было выражением своего рода неблагодарности. Девушки были в полном соку и, конечно, испытывали вожделение, а я пренебрегал ими. Но я понял это после того, как покинул дом Стамвиля. У этих девушек, должно быть, сейчас уже взрослые дети. Надеюсь, они простили меня за отсутствие галантности.

Я платил за свое жилье. Работы в крестьянском хозяйстве почти не было, так как стояла зима. Приходилось только расчищать домик от снега и поддерживать огонь в печи. Никто из домочадцев не проявлял любопытства в отношении меня. Они не только не задавали мне вопросов, но и, я в

этом уверен, даже не имели намерения задавать их. Да и остальные жители деревни не совали свой нос в мои дела, но присматривались ко мне, хотя и не больше, чем к любому незнакомцу.

Иногда в деревню попадала газета, и тогда она переходила из рук в руки, пока все не прочитывали ее. После этого газету клали на полку в винной лавке, стоящей у входа на деревенский базар. Зайдя как-то в лавку, я просмотрел замызганные и захватанные листы, и узнал о некоторых событиях прошедшего года. Так, я прочел, что свадьба моего брата Стиррона состоялась в намеченный срок с соответствующей помпой. Со старой пожелтевшей бумаги на меня смотрели его озабоченные глаза на осунувшемся лице. Рядом с ним была сияющая невеста, но я, как ни старался, не мог разглядеть черты ее лица. Из газет я узнал, что существовала напряженность в отношениях между Глином и Креллом. Все началось с рыбной ловли в спорных прибрежных районах. Дело дошло до того, что в пограничных стычках начали погибать люди. Мне было жаль, что генерал Кондорит, сектор границы которого находится между Креллом и Глином, был лишен возможности хоть каким-нибудь образом втянуть Саллу в конфликт. Морское чудовище,

покрытое золотистой чешуей и имеющее длину, в десять раз превышающую человеческий рост, видели в заливе Шумар рыбаки из Маннерана. В том, что они доподлинно его видели, они дали страшную клятву в Каменном Соборе. Старший септарх Трайша, про которого говорили, что он — старый кровожадный бандит, отрекся от престола и ныне жил в церкви высоко в западных горах в качестве простого исповедника паломников, направляющихся в Маннеран. Вот, пожалуй, и все новости. Я не нашел упоминания о себе. Наверное, Стиррон утратил интерес ко мне и отказался от намерений изловить меня и вернуть в Саллу.

Возможно, теперь не очень опасно предпринять попытку убраться из Глина.

Однако, как мне не терпелось выбраться поскорее из этой лесистой провинции, где от меня отвернулись родственники, а совершенно чужие люди отнеслись с любовью, две вещи удерживали меня. Во-первых, я намеревался остаться у Стамвиля до тех пор, пока не смогу помочь управиться с весенними работами, тем самым отплатив ему за доброту ко мне. А во-вторых, я не осмеливался пуститься в столь опасный путь, не побывав у исповедника: ведь если вдруг случится

какое-то несчастье, мой дух воспарит к богам, все еще полный горькой отравы. В этой деревушке не было священника, и жители ее исповедовались у странствующих монахов. Зимой странники появлялись довольно редко, и поэтому с начала прошедшего лета, когда один из монархов посетил лагерь лесорубов, я был вынужден оставаться без отпущения грехов.

Я ощущал необходимость выговориться.

Но вот прошла последняя зимняя вьюга, одевающая каждую ветку сказочным ледяным нарядом, и сразу же наступила оттепель. Все растаяло.

Клек оказался окруженным океаном грязи, что, однако не мешало приезду исповедника на разболтанном старинном краулере. Он обосновался в старом, заброшенном деревенском бараке, к которому притащилось по невылазной слякоти деревенских жителей. Я отправился к нему на пятый день после его появления, когда очереди стали не такими длинными. В течение двух часов я освобождал себя от накопившегося бремени, открыв перед священником, кто я, и не утаив от него свой новый взгляд на монархов. Я рассказал ему о горестях и поведал о желаниях, которые подавлял в себе. Очевидно, моя исповедь оказалась

чересчур тяжела для неповоротливых мозгов странствующего монаха. Исповедник пыхтел и потел не меньше, чем я, извергающий на него потоки слов. К концу исповеди он дрожал и едва не потерял способность говорить. Интересно, а где сами исповедники могут избавиться от бремени всех тех грехов и печалей, которые они впитывали от своих клиентов? Им запрещено говорить обычным людям что-либо из того, о чем они узнали во время исповеди. И есть ли у исповедников исповедники, которым они могут сообщить то, о чем нельзя сказать никому другому? Я не понимаю, как исповедник может выдержать без чьей-либо помощи ту лавину печали, которую обрушивают на него ежедневно его клиенты.

Итак, я очистил свою душу, теперь следует дождаться посева, до которого оставалось совсем уже недолго. Времени на созревание урожая в суровом климате Глина отводится немного. Приходится сажать семена в почву еще до того, как зима полностью ослабит свою хватку, чтобы захватить каждый луч весеннего солнца. Стамвиль подождал немного, боясь что после оттепели снова закружит жестокая вьюга, а затем, хотя земля представляла собой вязкую жижу, он и его домочадцы вышли на работу, чтобы засеять поле

хлебными злаками, посадить в огороде овощи, а в палисаднике — пряные цветы.

Согласно обычаю, сеять выходили обнаженными. Увидев, как все раздеваются, я с удивлением спросил:

— Зачем в такое холодное время выходить в поле совершенно нагими?

— Грязь очень скользкая, — объяснила названая сестра дочери Стамвиля, — и голую кожу легче отмыть, чем отстирать одежду.

Посев занял восемь дней. На девятый, пожелав Стамвилю и его семье хорошего урожая, я покинул деревню Клек и начал свое путешествие к побережью.

19

Один из соседей Стамвиля в первый день подвез меня в своей телеге.

Почти весь второй день я шел пешком, третий и четвертый мне удалось проехать верхом, а пятый и шестой пришлось снова идти пешком. Было еще холодно, но воздух был уже весенним, почки на деревьях набухали.

Возвращались перелетные птицы.

Я сделал большой крюк, обойдя Глейн, чтобы не подвергаться излишнему риску, и, насколько мне помнится, без особых происшествий быстро добрался до Бьюмара — главного морского порта Глина и второго по численности населения города в этом государстве.

Он не так уродлив, как Глейн, хотя вряд ли в нем можно найти что-нибудь привлекательное. Сразу же по прибытии я узнал, что пассажирское сообщение между Глином и южными провинциями прекратилось три месяца назад из-за нападений пиратов, базирующих в Крелле. А так как Глин и Крелл ведут ныне необъявленную войну, добраться до Маннерана можно лишь транзитом через Саллу; но подобный шаг едва ли

следовало расценить иначе, как самоубийство. Деньги у меня были. Я нашел себе комнатку в доме, где была таверна поблизости от гавани и несколько дней провел, собирая различные слухи о положении на море. Хотя пассажирское сообщение было отменено, торговое мореплавание, как с удивлением обнаружил я, не прекращалось, так как он него зависело благосостояние Глина. Караваны торговых судов, хорошо вооруженных, продолжали ходить строго по расписанию. Хромой моряк, чья комната располагалась рядом с моей, рассказал как-то (после того как основательно подогрелся голубым вином из Саллы), что купеческий караван выйдет из гавани в ближайшую неделю и что его наняли на одно из судов. Я уже было задумал напоить его допьяна и позаимствовать документы, как это делается в рассказах о пиратах для детей, но подвернулся сам собой менее драматичный способ — я выкупил его контракт.

Сумма, которую я предложил ему, была больше той, которую он мог заработать, плывя в Маннеран и обратно, поэтому моряк был счастлив взять деньги и позволить мне занять его место. Мы провели всю ночь, обсуждая его обязанности на судне, поскольку я ничего не знал о морской

службе. К наступлению утра я по-прежнему ничего не знал, но уже понимал, каким путем смогу имитировать тот минимум осведомленности, без которого пребывание на судне вряд ли станет возможным.

Без всяких помех я взошел на борт судна на воздушной подушке с низкими бортами, тяжело нагруженного товарами из Глина. Проверка документов была чисто формальной. Я получил ключи от каюты и неплохо устроился. В первые дни добрую половину работ, порученных мне, удавалось выполнять либо глядя, как это делают другие, либо опираясь на собственную интуицию. Все остальное я делал кое-как, и вскоре мои коллеги-моряки признали во мне «халтурщика», однако своим знанием они не делились с офицерами. Какая-то солидарность все же есть среди низших чинов. А, кроме того, порученную мне работу, хоть и с грехом пополам, но я выполнял! Я еще раз убедился в правомерности своего мрачного мнения о людях, которое сложилось за время моего отрочества среди аристократов. Моряки, подобно лесорубам и крестьянам, относились друг к другу искренне и добродушно, чего я никогда не встречал среди тех, кто более неукоснительно придерживался Завета. Ту рабо-

ту, которую я еще не мог выполнить сам, обычно они делали за меня, а я стремился освободить их от тяжелого физического труда, и все шло хорошо. Я драил палубы, чистил фильтры и проводил бесконечные часы, дежуря у орудий, чтобы своевременно отразить нападение пиратов. Но мы прошли мимо опасных берегов Крелла без происшествий и плыли вдоль покрытой уже весенней зеленью Саллы.

Нашим первым пунктом назначения был Кофальон, крупнейший порт Саллы.

Стоянка продлится пять дней. Меня это тревожило. Нанимаясь на судно, я не знал, что планировалась остановка в каком-то из пунктов моей родины.

Сначала я решил притвориться больным и не выходить на палубу, пока мы будем стоять в Кофальоне. Затем я отверг такое решение, как трусливое, уговорив себя, что мужчина должен часто проверять себя опасностями, если хочет оставаться настоящим мужчиной. Поэтому я смело погрузился в кутежи и распутство вместе со своими товарищами, полагаясь на то, что время сильно изменило мое лицо и вряд ли кто узнает пропавшего брата септарха Стиррона в грубой одежде моряка в таком городе, как этот.

Игра вышла на славу меня не разоблачили за эти пять дней.

Из газет и подслушанных разговоров я узнал о происшедшем за те полтора года, что не был в Салле. Стиррона, я понял, народ считает хорошим правителем. Он провел свою страну через голодную зиму, закупив в Маннеране дополнительно пищевые продукты на очень выгодных условиях. После страшной осени и зимы, нашим фермерам стало везти больше. Налоги были сокращены.

Люди казались довольными жизнью. Жена Стиррона родила ему сына, лорда Дарива, который теперь стал наследником престола старшего септарха. Теперь ожидали рождение еще одного сына. Что касается лорда Кинналла, брата септарха, то о нем ничего не говорили. Он был забыт, как будто его никогда и не было.

Мы делали еще остановки: несколько — в южной Салле, несколько — в северной части Маннеранна, и в назначенное время пришли в огромнейший морской порт на юго-востоке нашего материка — в священный город Маннеран, столицу провинции, носящей то же название. И именно в Маннеране я начал жизнь заново.

20

Маннеран — страна, которой покровительствуют боги. Воздух здесь теплый и свежий, весь год напоенный благоуханием цветов. Зимние холода не проникают так далеко на юг, и маннеранцы, когда им хотелось увидеть снег, отправлялись в туристические вояжи к вершинам Хашторов и с удивлением рассматривали необычное белое холодное вещество, которое в других землях в морозное время года отнюдь не было в диковинку.

Теплое море, омывающее Маннеран с востока и юга, дает столько пищи, что ею можно прокормить полматерика, а на юго-западе расположен столь же обильный дарами моря залив Шумар. Войны редко затрагивали Маннеран, защищенный щитом гор от народов, живущих к западу от него, и отделенный от своего соседа на севере Саллы величественным руслом реки Войнн. Много раз мы пытались напасть на Маннеран со стороны моря, но у нас не только не было каких-либо успехов, но и надеяться на успех не приходилось! Когда Салла серьезно бралась за оружие, ее противником всегда был Глин.

Сам же город Маннеран получил как бы особое

божественное благословение. Он располагается в наилучшей естественной бухте на всем материке Велада, образованной двумя противоположными горными отрогами, направленными у входа в нее таким образом, что не требуется волнорезов и корабли легко становятся в ней на якорь.

Эта гавань служит одним из наиболее мощных источников процветания всей провинции. Она является главным связующим звеном между восточными и западными провинциями, поскольку через Выжженные Низины торговые пути не проложены. А поскольку наша планета бедна натуральным горючим, то воздушное сообщение так и не получило особого развития. Поэтому корабли из девяти западных провинций проходят на восток через залив Шумар к порту Маннерана, а маннеранские корабли регулярно курсируют к западному побережью.

Гавань Маннерана — единственное место на нашей планете, где в толпе можно встретить людей из всех тринадцати провинций и где одновременно можно увидеть все тринадцать флагов. И благодаря этому неиссякаемый поток богатств оседает в сундуках маннеранцев. К тому же внутренние округа этой провинции богаты плодородными почвами, вплоть до самых склонов

горной гряды Хаштор, которые в этих широтах свободны от снега, и только вершины, как я уже говорил, покрыты вечным льдом. На фермах в Маннеране собирают по два-три урожая в год. Наконец, маннеранцы имеют свободный доступ к Влажным Низинам, где выращивают наиболее причудливые и высоко ценимые фрукты и специи. Неудивительно, что те, кто любит роскошь, стремятся сюда, чтобы попытать счастья.

И, словно этих подарков судьбы им недостаточно, маннеранцы убедили весь мир, что живут в наиболее священном месте на Борсене, и приумножают свои доходы содержанием святилищ, которые являются приманкой для паломников. Скорее, Трайш должен был стать местом паломничества, поскольку именно там находятся первые поселения наших предков и учрежден Завет.

Действительно, имеется несколько мест поклонения в Трайше, и жители Запада, слишком бедные, чтобы совершить паломничество в Маннеран, посещают их. Однако Маннеран учредил себя в качестве святая святых, причем в этом ему помогли внутренняя убежденность и энергичная реклама. В этом заключается определенная доля иронии, поскольку маннеранцы обращаются с

Заветом с гораздо большей вольностью, чем жители остальных тринадцати провинций. Жизнь в тропическом климате определенно размягчила их сердца, и они открывают свои души друг другу в такой степени, что это могло бы служить поводом для остракизма в Глине или Салле. И все же у них есть Каменный Собор, где случаются, как указано в достоверных источниках, чудеса и где, как предполагают, боги выступали во плоти всего семьсот лет назад. Каждый надеется, что в День Поименования его ребенок получит свое взрослое имя именно в Каменном Соборе. Со всего континента люди стекаются для участия в этом празднике к огромной выгоде хозяев гостиниц. Должен вам заметить, что я сам получил свое взрослое имя в Каменном Соборе.

21

Когда мы прибыли в Маннеран и портовые грузчики принялись разгружать корабль, я получил расчет, покинул корабль и отправился в город. В конце причала я остановился, чтобы получить пропуск из порта у маннеранских чиновников.

— Сколько времени вы проведете в городе? — вежливо поинтересовались у меня, и я также вежливо ответил, что намерен пробыть в городе только три дня, хотя моим истинным намерением было устроиться здесь на всю оставшуюся жизнь.

До этого я дважды бывал здесь: первый раз в раннем отрочестве, когда меня связали узами побратимства с Халум, второй раз в семилетнем возрасте в День Поименования. В памяти немного осталось от тех посещений.

Запомнились бледно-розовый, зеленоватый и голубой цвет зданий, бурная вечнозеленая растительность, темный торжественный интерьер Собора. И теперь, по мере того как я удалялся от берега, воспоминания обрушивались на меня и яркие картины детства снова стали проходить перед моим затуманенным взором. В отличие от

северных городов Маннеран выстроен не из камня, а из особого искусственного гипса, который затем раскрашивают пастельными красками. В результате каждая стена как бы присоединяет свой голос к общему радостному праздничному хору, воспевающему изысканность архитектуры. День был солнечным, яркие солнечные зайчики весело играли на стенах и в окнах домов. От света слепило глаза, и мне пришлось прищуриться.

Маннеранские архитекторы придают большое значение декоративным украшениям зданий: балюстрадам, служащим для ограждения балконов, с причудливым орнаментом, ярким лепным карнизам, витиеватым ажурным решеткам на окнах. Глазу северянина сначала это кажется безвкусным нагромождением кричащей пустой роскоши, однако постепенно город предстает перед ним во всей своей элегантности, изяществе и соразмерности. Кроме того, повсюду много растительности: деревья стоят рядами на каждой стороне улицы, вьющиеся растения, выращиваемые в ящиках, свисают с подоконников, вдоль тротуаров разбиты цветочные клубы, дворы полностью скрыты высокими кустарниками и кронами экзотических деревьев. Все это вместе представляет собой сочетание буйства расти-

тельности джунглей и строгой продуманности городской планировки. Маннеран во многих отношениях замечательный город!

Однако невыносимая жара совершенно измучила меня. Душный зной обволакивал улицы. Воздух был влажным и тяжелым. Я чувствовал жару почти на уровне осязания. Она хватала и душила. Казалось, сожми воздух в кулак и из него потечет влага. Это был удушливый, насыщенный испарениями зной. Я промок насквозь. На мне была грубая, тяжелая, серая матросская роба, из тех что обычно носили зимой на борту торговых судов, плывущих из Глина. А в Маннеране стояло душное весеннее утро. Три десятка шагов в этой пышущей жаром атмосфере — и я был готов сорвать с себя одежду и идти дальше обнаженным.

Телефонная справочная дала мне адрес Сегворда Хелалама, отца моей названой сестры. Я нанял такси и поехал по этому адресу. Хелалам жил в прохладном тенистом пригороде, где среди огромных домов сверкали озера.

Высокая кирпичная стена защищала его дом от любопытных взглядов прохожих.

Я позвонил у ворот и стал ждать. Такси не уезжало, как будто водитель был уверен в том, что меня немедленно отсюда прогонят. Голос, скорее

всего, какого-нибудь дворецкого поинтересовался, кто я, и я ответил:

— Кинналл Дариваль из Саллы, побратим дочери верховного судьи Хелалама, желает встретиться с отцом его названой сестры.

— Лорд Кинналл умер, — равнодушно сообщили мне, — а вы — обманщик.

Я позвонил еще раз.

— Взгляните-ка на это и решите сами, умер ли он. — С этими словами я поднял до уровня телеобъектива свой королевский паспорт, который так долго прятал. — Перед вами Кинналл Дариваль, и будет очень нехорошо, если вы не пустите его к верховному судье.

— Паспорт можно украсть. Паспорт можно подделать.

— Откройте ворота!

Ответа не было. Я позвонил в третий раз, и на этот раз невидимый дворецкий сказал, что сейчас же вызовет полицию, если мне заблагорассудится продолжать в том же духе. Водитель такси, стоящего по другую сторону улицы, вежливо кашлянул. Я не ожидал подобного оборота дел.

Так что же, возвращаться в город, найти жилье и написать Сегворду письмо с просьбой о свидании, приложив документированное свиде-

тельство того, что я жив?

По чистой случайности я был избавлен от подобных хлопот. Подъехал роскошный черный экипаж, какими обычно пользуется только высшая аристократия, и из него вышел Сегворд Хелалам, верховный судья маннеранского порта. Тогда он был на вершине своей карьеры и шел с поистине королевским изяществом.

Был он невысок, но хорошо сложен, голова правильной формы, румяное лицо, благородная грива седых волос, взгляд цепкий и целеустремленный. Его ярко-голубые глаза были полны скрытого огня, строгость взгляда компенсировалась теплой, приветливой улыбкой. В Маннеране его считали человеком мудрым и уравновешенным.

Я тотчас же бросился к нему с радостным возгласом: «Названый отец!».

Обернувшись, он изумленно посмотрел на меня и между мной и верховным судьей мгновенно выросли двое рослых молодых людей, сидевших вместе с ним в экипаже. Очевидно, они посчитали меня наемным убийцей.

— Ваши телохранители могут не беспокоиться, — начал я, едва сдерживая радость. — Разве вы не в состоянии узнать Кинналла из Саллы?

— Лорд Кинналл умер в прошлом году, — быстро ответил Сегворд.

— Это для него самого очень печальная новость, — сделал я попытку сострить.

С этими словами я распрямился, придавая себе подобающий принцу вид впервые со времени злополучного ухода из столицы Глина, и сделал такой яростный жест в сторону охранников судьи, что они не выдержали и расступились. В последний раз этот человек видел меня на коронации моего брата. С тех пор прошло два года, и за это время последние следы детства сошли с моего лица. За год, проведенный на лесоповале, стали более могучими как мои плечи, так и все тело. Зимние вьюги обветрили мое лицо, а за недели плавания в море я приобрел унылый и неопрятный внешний вид.

Волосы спутаны, а борода взлохмачена. Постепенно взор Сегворда уловил эти превращения, и он уверился в том, что мои слова правдивы. Неожиданно он бросился ко мне и обнял с таким пылом, что от удивления я чуть не свалился на землю. Он выкрикивал мое имя, а я — его. Затем ворота отворились, он быстро провел меня внутрь, и предо мною вырос величественный дворец кремового цвета. Цель моих странствий

была достигнута!

22

Меня провели в красивое помещение и сказали, что оно будет моим.

Пришли две девушки-служанки и стащили с меня пропитанную потом одежду. Они повели меня, непрерывно хихикая, к огромной кафельной ванне, вымыли и надушили, причесали кое-как голову и бороду, при этом позволяя себе немного пощипывать и похлопывать мое тело. Они принесли мне одежду из прекрасной ткани, такую, какой мне не доводилось носить со дня моего отсутствия при дворе. Она была белая и приятная на ощупь, хорошо сидела и освежала тело. Затем они предложили мне украшения: тройное кольцо с вставленным в него (как я позднее узнал) осколком пола Каменного Собора, а также сверкающую подвеску из трех кристаллов, экспортируемых из Трайша, на кожаном ремешке. Наконец, после нескольких часов приведения себя в надлежащий вид я был допущен к верховному судье. Сегворд принял меня в комнате, которую называл своим рабочим кабинетом, но на самом деле это огромный зал, достойный дворца септарха, где он мог бы восседать на троне,

как монарх.

Я ощутил некоторую досаду, вызванную такими его притязаниями, так как Судья не был не только царственных кровей, но и не принадлежал к высшим кругам аристократии. У него не было никакого положения в обществе, пока его не назначили на эту высокую должность, выведшую его на дорогу известности и принесшую богатство.

Я сразу же спросил о своей названой сестре Халум.

— У нее все в порядке, — ответил судья. — Только вот душа омрачена известием о смерти названого брата.

— А где она сейчас?

— Отдыхает на острове в заливе Шумар, где у нас есть небольшая дача.

Я ощутил мороз по коже.

— Она замужем?

— К сожалению для всех, кто ее любит, нет…

— А хоть есть кто-нибудь?

— Нет, — печально покачал головой Сегворд. — Она, кажется, предпочитает сохранить целомудрие. Конечно, Халум еще очень молода. Когда она вернется, Кинналл, вероятно, вы сможете уговорить ее. Пора бы подумать о замужестве,

так как сейчас она вполне могла бы выйти замуж за прекрасного лорда, тогда как через несколько лет ее смогут опередить более юные соперницы.

— Когда она собирается вернуться с этого острова?

— Это может произойти в любой момент, — сказал верховный судья. — Как она поразится, когда обнаружит вас здесь, Кинналл!

Я спросил его относительно сообщений о моей смерти. Он ответил, что еще год назад прошел слух, что я сошел с ума и пустился странствовать, беспомощный, больной, страждущий. Сегворд улыбнулся, как бы говоря, что ему хорошо известна причина моего бегства из Саллы и что он не видит в этом ничего безумного.

— Затем, — продолжил он, — появилось сообщение, что лорд Стиррон послал своих представителей в Глин, чтобы они привезли вас для лечения.

Халум очень боялась за вашу безопасность в то время. А еще позже, когда прошло лето, один из министров вашего брата сообщил, что вы, блуждая зимой в Хашторах, попали в такую метель, из которой не смог бы выбраться ни один человек.

— Но, конечно, тело лорда Кинналла не было обнаружено, и его так и оставили гнить в Ха-

шторах вместо того, чтобы привезти в Саллу и достойно похоронить.

— Нет, никаких сообщений о том, что тело было найдено, не поступало.

— Тогда, очевидно, — усмехнулся я, — тело лорда Кинналла пробудилось ранней весной и отправилось на юг, словно призрак. Теперь же оно предстало перед вами, верховный судья!

— Очень внушительный призрак! — захохотал Сегворд.

— Хотя и усталый.

— Что же приключилось с вами в Глине?

— Холод и стужа, причем под этим я подразумеваю не только погоду.

Я рассказал ему о том, как пренебрежительно обошлись со мной родственники моей матери, поведал о своем пребывании в горах и об всем остальном. Выслушав меня, он захотел узнать о моих планах в Маннеране. На это я ответил, что у меня нет другого плана, кроме как найти какое-нибудь почтенное предприятие и преуспеть в той или иной должности, жениться и осесть в Маннеране, так как Салла закрыта для меня, а Глин вряд ли чем может меня соблазнить. Сегворд многозначительно кивнул. Здесь, сказал он, в его конторе сейчас свободна должность секретаря.

Работа эта приносит малые доходы и сулит еще меньший престиж, и было бы абсурдно просить принца королевских кровей Саллы согласиться ее принять, но все же это чистая работа, с прекрасными возможностями продвижения. Она может послужить трамплином, пока я привыкну к образу жизни в Маннеране.

Поскольку я о другом и не помышлял, то тут же дал свое согласие. Я сказал, что, несмотря на свое высокое происхождение, в сущности стал совсем другим человеком. Вся моя аристократичность теперь в прошлом, и с этим уже покончено, как и с детскими фантазиями.

— То чего здесь можно добиться, — сказал я рассудительно, — зависит только от личных достоинств, а не от обстоятельств рождения и связей.

Это, разумеется, было чистейшей болтовней. Вместо того чтобы извлечь выгоду из своей высокородности, я стремлюсь наживать капитал на том, что являюсь названым братом дочери верховного судьи порта, а эта связь стала для меня возможной только потому, что я родился в королевской семье.

Личные же достоинства абсолютно ни при чем!

23

Ищейки с каждым днем все ближе окружают меня.

Вчера я долго бродил по окрестностям и обнаружил в направлении к югу от своего пристанища свежий след гусениц краулера, глубоко отпечатавшийся на сухой и хрупкой поверхности красного песка. А сегодня утром, праздно прогуливаясь возле места, где собираются птицероги, — гонимый, возможно, каким-то самоубийственным импульсом — я услыхал гудение в небе и, взглянув вверх, увидел над головой пролетающий военный самолет с опознавательными знаками Саллы. Воздушные корабли в этом районе нечастая вещь! Самолет стал снижаться, кружась, наподобие птицерога, но я прижался к изъеденной ветрами скале и, думаю, остался незамеченным.

Возможно, я ошибаюсь относительно целей этих вторжений. На краулере могла ехать группа охотников. Самолет мог совершать просто тренировочный полет. Но, думаю, все-таки я не ошибаюсь. Если и есть здесь охотники, то охотятся они на меня. Сеть вокруг меня затягивается

все туже. Я должен постараться писать быстрее и более кратко. Слишком многое из того, что мне нужно сказать, недосказано, и, боюсь, меня найдут, а я еще не закончу свою исповедь. Стиррон, дай мне хоть несколько недель!

24

Верховный судья порта является одним из высших чиновников в Маннеране. Его юрисдикции подлежит вся коммерческая деятельность в столице. Если возникают споры между купцами, они обращаются в суд, и решения суда действительны для представителей всех провинций. Так что капитан из Глина или Крелла, купец из Саллы или с запада — все они должны подчиняться решениям, когда стоят перед лицом верховного судьи, без права апелляции в суд своей родной провинции. Но будь Сегворд Хелалам только арбитром в купеческих дрязгах, вряд ли он добился бы того влияния, которым пользовался сейчас. Сотни лет на эту должность возлагались и другие обязанности, кроме вынесения судебных вердиктов. Только верховному судье дано право регулировать, сколько иностранных судов, ежегодно заходящих в гавань Маннерана, скажем, из Глина, либо Саллы, либо Трайша смогут получить разрешение на торговлю. Благосостояние почти всех провинций Борсена зависит от решения Сегворда. Поэтому его обхаживают септархи, наделяют дарами, осыпают милостями и похва-

лами в надежде, что он разрешит их провинции послать в Маннеран хоть одно лишнее, незапланированное судно.

Таким образом, верховный судья выполняет роль своего рода экономического фильтра материка Велада, открывая или закрывая рынки сбыта товаров по своему усмотрению. И делает он это, повинуясь не своим капризам, а с учетом экономической конъюнктуры и степени интенсивности перетекания богатств из одной страны в другую. Поэтому невозможно переоценить значимость его в нашем обществе.

Должность эта не является наследственной, хотя и назначают на нее пожизненно. Смещен верховный судья может быть только после сложной и запутанной, а потому редко применяемой процедуры отзыва с должности. Таким образом, энергичный судья, такой, например, как Сегворд Хелалам, может стать более могущественным в Маннеране, чем сам старший септарх. В любом случае система власти, основанная на правлении септархов, находится в Маннеране в упадке. Два престола из семи остаются свободными последние сто лет, если не больше, а те, кто занимают оставшиеся пять, уступили большую часть своих прерогатив гражданским служащим, став не бо-

лее чем церемониальными фигурами. Старший септарх еще сохраняет некоторые остатки былого величия, но он обязан совещаться с верховным судьей порта по всем вопросам, касающимся экономики, а сам судья столь часто вмешивается в деятельность правительства Маннерана, что, по правде говоря, трудно определить, кто является правителем, а кто — гражданским служащим.

На третий день моего пребывания в Маннеране Сегворд взял меня с собой в здание суда подписать контракт на предоставление мне работы. Я, выросший во дворце, был потрясен видом штаб-квартиры правосудия порта; что меня поразило, так это не богатство (которого, кстати, и не было), а огромные размеры.

Широкое здание из желтого кирпича, четырехэтажное, массивное и приземистое, казалось, простиралось на целых два квартала от порта в сторону центра города. За обшарпанными столами в комнатах с высокими потолками сидела целая армия клерков, которые корпели над бумагами и шелестели бланками. Душа моя содрогнулась от мысли, что именно так я буду проводить все свои дни. Сегворд вел меня по нескончаемому коридору, принимая на ходу знаки почтения со стороны работающих. То и дело

он останавливался, чтобы с кем-то поздороваться, глянуть на незаконченный отчет, посмотреть на панель, где отмечалось перемещение каждого судна, находящегося на расстоянии трехдневного перехода до Маннерана. Наконец мы вошли в анфиладу прекрасных комнат, расположенных вдали от суеты и суматохи, которые я только что наблюдал. Показав мне прохладную великолепную комнату, примыкающую к его кабинету, Сегворд сказал, что именно здесь я буду работать.

Соглашение, которое я подписал, мало чем отличалось от контракта, предлагаемого исповедником. Я обязался не раскрывать никому ничего из того, что узнаю при выполнении своих обязанностей, под страхом ужасных наказаний. Со своей стороны суд порта обеспечивал меня работой на всю жизнь, гарантировал постоянное увеличение жалования и различные прочие привилегии, о каких принцы обычно не беспокоятся.

Я быстро обнаружил, что не рискую стать всеми забытым чернильным червем. Как и предупреждал Сегворд, жалованье мое было низким, а ранг в бюрократической иерархии ничтожным, ответственность же на меня возлагалась нема-

лая. По сути я был его личным секретарем.

Все секретные сообщения, направляемые верховному судье для просмотра, сначала попадали на мой стол. Моя задача заключалась в том, чтобы отсеять несущественные бумаги и подготовить краткий обзор остальных документов, кроме тех, которые, по моему мнению, были настолько важными, что их нужно было переправлять судье. Если судья порта являлся в своем роде экономическим фильтром материка Велада, я был фильтром такого фильтра, поскольку он читал только те бумаги, с которыми я считал нужным его ознакомить. Судья принимал решения, основываясь на тех данных, которыми именно я его снабжал.

Как только мне это стало ясным, я понял, что Сегворд направил меня по пути к большой Власти в Маннеране.

25

Я с нетерпением ожидал возвращения Халум с острова в заливе Шумар. В течение двух лет у меня не было общения с названными братом и сестрой, а исповедники не могли их заменить. Я очень мучился от того, что не могу, как бывало, сидеть допоздна с Халум и Ноимом и что нам теперь не дано открывать друг перед другом свои души. Ноим был где-то в Салле, и я не знал точно где, а Халум, хотя и ожидалось, что вот-вот вернется, так и не появилась ни в первую неделю моего пребывания в Маннеране, ни во вторую.

В один из дней третьей недели я рано покинул судебное присутствие, почувствовав себя плохо из-за сильной влажности и еще от усталости, вызванной стремлением как можно лучше справляться со своей новой ролью.

Меня отвезли в имение Сегворда. Проходя через центральный зал по пути в свою комнату, я увидел в его дальнем конце высокую стройную девушку, закапывающую в свои темные волосы золотистый цветок. Я не мог различить черты ее лица, но сомнений у меня не было, и я с радостью закричал:

— Халум!

С этими словами я бросился через весь зал к девушке. Она обернулась на мой возглас, нахмурилась и… я изумленно остановился. Что означали эти строго поджатые губы и вопросительно изогнутые брови? Это было лицо Халум — темные глаза, гордый взгляд, тонкий нос, твердый подбородок, рельефные скулы — и все же это лицо было каким-то незнакомым. Неужели два года так сильно изменили ее? Главными различиями между Халум, какой я ее помнил, и женщиной, на которую сейчас смотрел, были выражение лица, наклон бровей, трепетание ноздрей, изгиб рта, как будто вместе с этим изменилась ее душа.

Были также и другие, менее значительные признаки, но их можно было приписать воздействию времени либо слабости моей памяти. Сердце мое учащенно билось, пальцы дрожали и страшный жар смущения все более охватывал меня. Может быть, следовало бы подойти к незнакомке и извиниться, но ноги отказывались мне повиноваться.

— Халум? — сказал я неуверенно хриплым голосом.

— Ее еще здесь нет, — звук напоминал пада-

ющий снег. Этот голос был более низким, чем у Халум, — более звучным и более холодным.

Я был поражен. Она так похожа на Халум, как будто они близнецы. Я знал, что у Халум есть сестра, но она еще ребенок — у нее даже не сформировались груди! Неужели Халум скрывала от меня, что у нее есть сестра-близнец или сестра, которая немного старше ее. Но сходство было ошеломляющим. Я читал когда-то, что на Старой Земле были известны способы создания искусственных существ из химикалий, сходство которых с каким-нибудь реальным лицом могло обмануть даже родную мать или любовника, и в этот момент меня легко было убедить, что эта технология, пройдя сквозь века, сквозь бездну космоса, возродилась и у нас, и что поддельная Халум, стоящая передо мной, — сотворенный дьяволом фантом.

— Простите мою глупую ошибку, — начал мямлить я. — Вас так легко принять за Халум.

— Это часто случается.

— Вы ее родственница?

— Дочь брата верховного судьи Сегворда.

Имя ее было Лоимель Хелалам. Халум никогда не говорила мне о своей двоюродной сестре, а если и говорила, то я не помню этого. Как странно,

что она утаила от меня существование своего зеркального отражения? Я назвал девушке свое имя, и Лоимель сказала, что много слышала обо мне.

Черты ее лица и поза несколько смягчились, а холодный голос немного оттаял. Что же касается меня, то я оправился от первого потрясения и даже воодушевился, так как Лоимель была красивой. Она вызывала желание — и в отличие от Халум — не была недоступной. Я мог, глядя на нее, убедить себя, что это настоящая Халум, и мне даже удалось обмануть себя отчасти и заставить воспринимать ее голос, как голос Халум. Вместе мы бродили по залу, разговаривали. Я узнал, что Халум приедет сегодня вечером и что Лоимель здесь для того, чтобы устроить ей сердечную встречу. Я также узнал кое-что и о самой Лоимель, так как, следуя неблагоразумной моде многих маннеранцев, она охраняла свою душу и личность не так строго, как северяне. Она сказала мне, сколько ей лет, — на год старше Халум (а также и меня). Она рассказала, что не замужем, только недавно отвергла домогательства отпрыска одной очень знатной семьи, правда, обедневшей. Она объяснила свое сходство с Халум тем, что их матери были двоюродными сестрами. Еще через пять минут, когда мы уже ходили,

взявшись за руки, она намекнула, что верховный судья давным-давно вторгся на брачное ложе своего старшего брата, поэтому на самом деле она сводная сестра Халум, а не двоюродная. Она рассказала мне еще о многих тайнах семьи Хелаламов.

Но я мог думать только о Халум! О Халум! Лоимель существовала для меня лишь как отражение облика моей названой сестры. Через час после нашей встречи мы были уже в моей спальне. Я убеждал себя, что это — Халум, но тут же ужаснулся своим фантазиям: ведь это запрещено. Меня даже бросало в жар от мысли осквернить плоть своей названой сестры… Но разум тут же убеждал меня, что я имею дело с девушкой по имени Лоимель.

В тот вечер моя названая сестра наконец-то вернулась с острова в заливе Шумар и заплакала от счастья, увидев меня живым и к тому же в Маннеране. Когда она стояла рядом с Лоимель, я снова поражался их удивительному сходству, хотя талия Халум была стройнее, а вырез на платье Лоимель более глубок. И все же казалось, что эти тела вылеплены по одной и той же модели. Однако поразительно различались их глаза, являющиеся, по словам поэтов, светильниками,

излучающими внутренний свет души. Излучение, которое исходило от Халум, было нежным, ровным и мягким, как первые лучи солнца, пробившиеся сквозь утренний туман. От глаз Лоимель веяло холодом, своей неприветливостью они напоминали угрюмый зимний полдень. Переводя взор с одной девушки на другую, я быстро сформулировал интуитивное заключение: Халум — чистая любовь, а Лоимель — откровенное «я». Но я, придя в ужас, тотчас отказался от этого приговора. Я ведь еще не знал Лоимель! Пока я знал только то, что она открытая и уступчивая. И я не имел права ставить ей это в вину.

Два года нисколько не состарили Халум. Они, напротив, навели на ее блеск красоту, и теперь ее очарование стало еще более ощутимым. Она сильно загорела и в своей короткой тунике казалась бронзовой статуей. Черты ее лица стали более угловатыми, что придало ей пикантность и почти что мальчишеский облик. Двигалась она плавно и грациозно. Дом был полон незнакомых мне людей, пришедших поздравить ее с возвращением домой. Обняв меня, она ушла, и я остался с Лоимель. Но к концу вечера я заявил о своих правах названого брата и отвел Халум в свою комнату со словами:

— Нам нужно выговориться, за эти прошедшие два года много воды утекло.

Мысли хаотически теснились в голове: как рассказать ей в немногих словах обо всем, что случилось со мной, как узнать, что делала она эти года? Я был не в состоянии упорядочить свои мысли. Мы сидели, глядя друг на друга, на почтительном расстоянии, на том же самом диване, на котором я всего лишь несколько часов тому назад испытал близость с ее сестрой, притворяясь перед самим собой, что это Халум. Мы обменялись натянутыми фразами.

— С чего же начать? — сказал я, и в то же самое мгновение она произнесла эти же слова. А затем я услыхал свой собственный голос, который спросил безо всякого предисловия: считает ли Халум возможным, что Лоимель примет меня в качестве своего мужа?

26

Сегворд Хелалам поженил нас в Каменном Соборе в самый разгар лета, после нескольких месяцев подготовительных ритуалов и очищений. Мы соблюдали предписанные обычаем обряды, так как на этом настоял отец Лоимель, человек очень набожный. Ради него нам пришлось испытать целый ряд суровых исповедей. День за днем, стоя на коленях, я изливал душу некоему Джидду, наиболее знаменитому и самому дорогостоящему исповеднику в Маннеране.

После этого я и Лоимель отправились в паломничество в девять святилищ Маннерана. Там я тратил свое скудное жалованье на свечи и ладан. Мы даже свершили древнюю, редко практиковавшуюся ныне церемонию, известную под названием Смотрины, то есть я и она как-то на заре отправились на уединенный пляж в сопровождении Халум и Сегворда и, укрывшись от их глаз за особым пологом, предстали друг перед другом нагими, чтобы потом никто из нас не мог сказать, что вступая в брак один из будущих супругов скрыл какой-то дефект.

Обряд бракосочетания был грандиозным со-

бытием. В нем участвовали певцы и музыканты. Мой побратим, вызванный из Саллы, выступал в роли поручителя и на правах шафера соединил нас кольцами. Старший септарх Маннерана, высохший старик, посетил нашу свадьбу — этой чести удостаивались лишь верхушка местной аристократии. Мы получили поистине бесценные подарки. Среди них была золотая чаша с инкрустацией необычайно драгоценными камнями, изготовленная на какой-то иной планете. Ее прислал мой брат Стиррон вместе с сердечным посланием, выражавшим сожаление в том, что государственные дела требуют, чтобы он оставался в Салле. Поскольку я пренебрег его свадьбой, неудивительно, что он пренебрег моей. Но что меня поразило, так это дружественный тон его письма. Не ссылаясь на обстоятельства моего исчезновения из Саллы, но вознося благодарение небу за то, что слух о моей смерти оказался ошибочным, Стиррон передавал мне свое благословение и просил вместе с женой приехать в его столицу с визитом. По-видимому, он узнал, что я намерен постоянно жить в Маннеране и поэтому уже не буду его соперником. И следовательно, теперь он может снова питать ко мне теплые, братские чувства.

Я часто удивлялся, и до сих пор удивляюсь, почему Лоимель благосклонно отнеслась ко мне. Она только что отвергла одного из принцев своей страны, так как он был беден. Я же, хоть и являюсь братом септарха, но нахожусь сейчас в изгнании и к тому же почти нищ! Почему же она предпочла меня? Из-за обходительного ухаживания? Но этого я при всем желании не мог сделать. Я еще молод, а потому неловок и скован. В надежде на то, что я стану богат и добьюсь большой власти? Но ставка на это пока весьма необоснованна. Из-за моей внешности? Безусловно, мне не приходится стыдиться своей внешности, но Лоимель не так глупа, чтобы пойти за меня только из-за широких плеч и могучих мускулов. Кроме того, даже во время самой первой встречи с нею я не проявил себя искусным любовником, да и потом вряд ли доставлял ей особое наслаждение. В конце концов, я пришел к заключению, что были две причины, из-за которых Лоимель взяла меня в мужья. Во-первых, она была одинока, а потому обеспокоена тем, что отвергнутый жених продолжит домогательства ее руки. В супружестве она видела тихую гавань, возможность обрести покой. К тому же я силен, красив и в жилах моих течет кровь монархов. А во-вторых, Лоимель,

завидуя Халум во всем, поняла, что выйдя за меня замуж, она приобретет то единственное, чем Халум никогда не будет обладать.

Причина же, по которой я просил руки Лоимель, была очень простой и недвусмысленной. На самом деле я любил Халум. Лоимель же имела облик моей любимой. Халум была запретна для меня, и поэтому я взял ту, которая так на нее похожа. Глядя на Лоимель, я волен был думать, что вижу Халум. Обнимая Лоимель, я мог внушить себе, что обнимаю Халум. Когда я предложил этой женщине себя в качестве мужа, то не испытывал любви к ней и имел причины думать, что и она, может быть, не чувствует особо расположения ко мне.

Кроме того, я не без оснований предполагал думать, что и впоследствии не смогу полюбить ее. И все же меня влекло к Лоимель, как к наиболее близкому заменителю объекта моих истинных вожделений.

Браки, заключенные на основе таких побуждений, редко бывают удачными.

Нашей любви так и не суждено было расцвести. Мы начали, как чужие, и чем дольше делили наше ложе, тем больше отдалялись друг от друга. По правде говоря, я женился не на той женщине,

которую знал и видел перед собой, а на той, которую воображал себе. Но в реальном мире моей женой была Лоимель, и это вынуждало нас жить вместе.

27

Тем временем я изо всех сил трудился в своем кабинете над тем, что поручал мне судья. Каждый день огромная стопа докладов и сообщений ложилась на мой стол, и ежедневно я пытался решать, что должно дойти до Сегворда, а чем ему можно пренебречь. Поначалу, естественно, у меня не было достаточно опыта, чтобы выносить правильные суждения. Верховный судья мне помогал, хотя, правда, оказывали мне помощь и некоторые старшие чиновники, прекрасно понимающие, что они гораздо больше приобретут, служа мне, чем пытаясь мешать моему неизбежному росту по службе. Я с большим усердием отдавался своему новому поприщу и уже к середине лета действовал столь уверенно, как будто провел на этой работе лет двадцать.

Большинство материалов, предлагаемых на рассмотрение верховному судье, было сплошной чепухой. Я быстро научился определять такого рода бумаги. Часто достаточно было лишь взглянуть на первую страницу. О многом мне говорил стиль сообщений. Человек, который не умеет ясно изложить свои мысли, едва ли

способен предложить что-либо, достойное для рассмотрения.

Стиль — это человек! Если изложение тяжеловесное и сбивчивое, то таков же и образ мыслей автора, а в этом случае чего стоят его суждения о деятельности портовой Судебной Палаты. Банальный ум порождает банальные рассуждения. Мне и самому приходилось писать немало бумаг, обобщая и давая в сжатом виде сообщения, имевшие определенную ценность. Все, чему я научился в области литературного письма, заложено в годы службы у верховного судьи. Мой стиль, естественно, отражает мои человеческие качества, а я всегда хотел быть искренним, непредвзятым, старался сообщить даже больше, чем другим хотелось на самом деле узнать. Следы этих качеств я нахожу в собственной прозе. У нее немало недостатков, но написанное мной мне нравится, ибо, хотя и у меня самого немало недостатков, я тем не менее собой вполне доволен.

Очень скоро я осознал, что наиболее могущественный человек в Маннеране по сути является марионеткой, которым управляю я. Я решал, какими делами следует заниматься верховному судье. Я выбирал, с какими прошениями он должен ознакомиться. Я давал ему краткие объ-

яснения, на которых основывались его решения. Сегворд совсем не случайно позволил мне заполучить такую власть. Кому-то ведь все равно необходимо исполнять скрытые от постороннего глаза обязанности, которые теперь возложены на меня. До моего приезда в Маннеран эту работу делал комитет в составе трех распорядителей, каждый из которых не прочь был когда-нибудь занять место верховного судьи. Боясь этих людей, Сегворд устроил так, что им были представлены более значительные с виду должности, но с меньшей ответственностью. И на их место он поставил меня. Его единственный сын умер еще в детстве. Все его покровительство распространялось лишь на меня.

Из любви к Халум, но и не пренебрегая собственными интересами, он предпочел сделать бездомного принца из Саллы одной из главенствующих фигур в Маннеране.

Все, уже задолго до того, как об этом догадался я, прекрасно поняли степень моего влияния. Многочисленные принцы присутствовали на свадьбе не из почтения к семье Лоимель, а для того чтобы заслужить мою благосклонность. Приветливые слова Стиррона подразумевали, что я, принимая решения, не буду проявлять враждебности к Сал-

ле. Несомненно, мой царственный кузен Труис из Глина теперь со страхом думал, догадываюсь ли я, что именно благодаря ему все двери в домах моих родственников замкнулись передо мной. Он также прислал мне на свадьбу роскошный подарок.

Поток даров не оскудевал и после брачной церемонии. Постоянно продолжали преподносить всякие красивые подношения те, чьи интересы были связаны с деятельностью портовой Судебной Палаты. В Салле мы расценивали такие подарки не иначе, как взятки. Но Сегворд заверил меня, что в Маннеране взятки ничуть не портят репутацию, пока не влияют на объективность принятых решений. Теперь я понял, как, имея довольно скромное жалованье судьи, Сегворд мог себе позволить вести образ жизни, более приличествующий монархам. По правде говоря, я на самом деле выбросил из головы все мысли о взятках и, исполняя свои служебные обязанности, в каждом отдельном случае старался проявить объективность.

Вот так сложилась моя жизнь в Маннеране. Я овладел секретами ведения дел в Судебной Палате порта, развил в себе способности к коммерческой деятельности, ощутил стратегию и

тактику морской торговли и умело служил верховному судье. Я жил среди принцев, судей и богачей. Я приобрел небольшой, но роскошный дом поблизости от дворца Сегворда и вскоре нанял строителей, желая расширить его. Я посещал религиозные церемонии только в Каменном Соборе, что возможно лишь для сильных мира сего, и исповедоваться ходил к самому Джидде. Я был принят в избранное атлетическое общество и проявил свое искусство в метании оперенного копья на стадионе Маннерана.

Когда следующей ранней весной я посетил Саллу, Стиррон устроил мне такой прием, словно я был септархом Маннерана. Брат ни словом не обмолвился о моем бегстве из Саллы. Он был дружелюбен, хотя и несколько сдержан. Своего первого сына, который родился в ту осень, я назвал его именем.

Вскоре у меня родились еще два сына, Ноим и Кинналл, и две дочери, Халум и Лоимель. Мальчики были здоровыми и крепкими телом. Девочки, похоже, не уступят в свои зрелые годы в красоте своим тезкам. Мне доставляло большое удовольствие быть главой семьи. Я страстно мечтал о том времени, когда смогу взять сыновей на охоту в Выжженные Низины или в поход по

быстрым горным рекам. Пока же я ездил на охоту без них, и гарпуны многих птицерогов украшали стены моего дома.

Лоимель, как я уже говорил, оставалась для меня чужой. Не следует надеяться, что удастся проникнуть в душу жены столь же глубоко, как в душу названой сестры, но тем не менее, несмотря на соблюдаемую нами сдержанность, все же хочется хоть как-то приобщиться к внутреннему миру того, с кем живешь. Однако мне было доступно только тело Лоимель! Тепло и готовность, с которыми она встретила меня во время нашего знакомства, быстро исчезли, и она стала так же холодна, как северянки из Глина.

Однажды в любовном пылу с губ моих соскользнуло «я», как когда-то при встречах с продажными девками. Моя Лоимель тут же дала мне пощечину и оттолкнула от себя. С каждым годом мы все более удалялись друг от друга. У нее была своя жизнь, у меня — своя, и через некоторое время мы уже и не пытались преодолеть разделяющую нас пропасть. Она очень любила музыку, обожала купаться и загорать на солнце. Лоимель отличалась фанатичной набожностью. Мне же нравилось охотиться, заниматься спортом, играть со своими мальчиками и, конечно же, работать. Мы изме-

няли друг другу. Это был очень холодный брак, однако мы практически не ссорились, так как не были достаточно близки для этого.

Ноим и Халум были со мной почти все это время, что служило для меня огромным утешением.

В Судебной Палате мой авторитет и круг обязанностей росли из года в год. Я не получил повышения, и ни на грош не увеличилось жалованье, однако все в Маннеране знали, что именно я управляю решениями Сегворда. Я прямо наслаждался неиссякаемым потоком «подарков». Постепенно Сегворд стал передавать свои полномочия мне. Он целые недели проводил в своем имении на острове в заливе Шумар, а я подписывал и составлял документы от его имени.

Когда мне исполнилось двадцать четыре года, а ему уже было за пятьдесят, он полностью уступил мне свои полномочия. Поскольку я не был уроженцем Маннерана, мне было невозможно занять место верховного судьи в случае смерти Сегворда. Однако он устроил так, что его преемником был назначен дружески настроенный ко мне, но довольно никчемный Нольдо Калимоль, который понимал, что фактическая власть будет в моих руках.

Вы правы, если считаете, что моя жизнь в Ман-

неране была легкой и беззаботной. Я наслаждался властью и богатством. За одной безоблачной неделей проходила другая, и хотя ни одному человеку не дано изведать полного счастья, у меня не было особых причин для неудовлетворенности.

Неудачу со своим браком я воспринял очень спокойно, в таком обществе, как наше, глубокая любовь между мужем и женой встречается довольно редко. Что же касается другой моей печали — безнадежной любви к Халум, то я глубоко упрятал ее внутрь себя, и когда она мучительно поднималась на поверхность моей души, я утешался визитами к исповеднику Джидду.

Вот так, без особых событий, я дожил бы до конца своих дней, если бы в мою жизнь не вошел землянин Швейц.

28

Земляне резко посещали Борсен. До Швейца я встречал всего лишь двоих — обоих еще в те дни, когда мой отец был септархом. Первый был высоким рыжебородым мужчиной, посетившим Саллу, когда мне было пять лет. Он был заядлым путешественником и перебирался с планеты на планету ради собственного удовольствия. Перед тем как прибыть в Саллу, он пересек в одиночку Выжженные Низины, причем, пешком! Помню, как сосредоточенно изучал я его лицо и фигуру, пытаясь найти знаки инопланетного происхождения — лишний глаз, может быть, рога, щупальца, копыта…

Разумеется, не обнаружив ничего подобного, я, не таясь, высказал свои сомнения в том, что он родом с Земли. Стиррон, имея предо мной преимущество в два года школьных знания, сказал язвительно в ответ на это, что все планеты в мире, включая нашу собственную, заселены людьми с Земли, а потому любой землянин выглядит точно так же, как и мы. Тем не менее, когда при дворе через несколько лет объявился еще один землянин, я снова все еще старался обнаружить

у него щупальца и клыки. Этот рослый добродушный человек со слегка смуглой кожей был ученым и собирал наши дикие растения, а также изготовлял чучела животных для какого-то университета в дальнем конце Галактики. Отец взял его с собой в Выжженные Низины, чтобы добыть птицерога. Я умолял взять и меня, но был выпорет за свое нытье.

Я мечтал о Земле. Я рассматривал в книгах изображение голубой планеты со многими материками и огромной, покрытой оспинами Луны, и думал: «Вот откуда мы все произошли. Это — начало всех начал!» Я читал о государствах и народах Старой Земли, о войнах и природных катаклизмах, о культурных памятниках и национальных трагедиях, о выходе к звездам и покорении их.

Было время, когда я воображал себя землянином, родившемся на древней планете чудес и перенесенным на Борсен в детстве в обмен на настоящего сына септарха. Мне хотелось иметь хоть какой-нибудь предмет с Земли, черепок, кусок камня, старинную реликвию — в качестве осязаемой связи с планетой, с которой разбрелось человечество. И мне очень хотелось, чтобы еще какой-нибудь землянин очутился на Борсене. Я

бы задал ему тысячу вопросов и выпросил для себя хоть что-то, имеющее отношение к Земле. Но никто больше не появлялся. Я вырос, и моя одержимость прошла.

Затем на моем пути встретился Швейц.

Он был коммерсантом, как, впрочем, и многие другие земляне. В то время, когда я познакомился с ним, он был на Борсене представителем инопланетной фирмы-экспортера. Швейц продавал промышленные изделия, а покупал меха и специи. Прибыв в Маннеран, он оказался вовлеченным в конфликт с местным импортером мехов с северо-западного побережья, который пытался всучить Швейцу партию низкокачественного товара по более высокой, чем было заранее оговорено, цене. Швейц возбудил дело, которое было передано в Судебную Палату. Случилось это примерно три года назад, почти сразу после ухода в отставку Сегворда Хелалама.

Обстоятельства конфликта были ясны как день, и в решении суда не приходилось сомневаться. Один из судей низшего ранга удовлетворил иск Швейца и приказал импортеру удовлетворить законные требования обманутого землянина. Обычно я не занимаюсь подобного рода делами. Но когда материалы разбирательства были

переданы верховному судье Калимолю для формальной проверки, предшествующей утверждению приговора, я увидел, что истцом является землянин.

Меня охватило искушение. Давнишний интерес к землянам снова проснулся во мне. Мне страстно захотелось переговорить со Швейцом. Что я надеялся у него узнать? Ответы на те вопросы, которые мучили меня, когда я был мальчиком? Найти ключ к разгадке того, что неумолимо влечет людей к звездам? Или я просто ищу очередное развлечение в моей абсолютно безмятежной жизни?

Я попросил, чтобы Швейц пришел ко мне в контору.

Он вошел в мой кабинет почти бегом. Быстрая, энергичная фигура в одежде крикливых цветов и модного покроя. Улыбаясь весело, он в знак приветствия хлопнул меня по ладони, потом уперся кулаками в мой стол, постоял так несколько секунд, отошел на несколько шагов и стал расхаживать по комнате.

— Да сохранят вас боги, ваша милость! — воскликнул он.

Я подумал о его странном поведении, о его сходстве с туго заведенной пружиной, отметил

пристальный взгляд, свидетельствующий о беспокойстве по поводу вызова к могущественному чиновнику, пожелавшему обсудить дело, которое, как ему намекали, он уже выиграл. Однако позже я узнал, что его манера поведения отражала неугомонность натуры, а не вызывалась сиюминутной напряженностью.

Он был среднего роста, поджарым — ни жиринки под рыжевато-коричневой кожей. Волосы цвета темного меда спадали прямыми прядями на плечи. Яркие озорные глаза и быстрая лукавая улыбка как бы излучали мальчишеский задор.

Динамичный энтузиазм его уже тогда очаровал меня. Однако молод он не был.

На лице уже обозначились первые возрастные морщины, а волосы, хотя и густые, уже начали редеть на макушке.

— Садитесь, — сказал я — его прыжки досаждали мне — и задумался, с чего начать разговор. О чем спросить его, прежде чем он заикнется о Завете и замкнет губы? Расскажет ли он о себе и о своей планете? Есть ли у меня право влезать в душу чужеземца таким способом, на который я в жизни бы не отважился, имея дело с человеком с Борсена? Посмотрим! Любопытство подстегивало меня. Я поднял пачку документов, касающихся

его дела.

Поскольку он печально покосился на нее, я поторопился сказать:

— Сначала о делах. Решение суда удовлетворяется. Сегодня верховный судья Калимоль поставит свою печать, и в течение месяца вам будет выплачено то, что причитается.

— Приятные слова, ваша милость.

— Этим завершается официальная часть вашего визита.

— Такая быстротечная встреча? — удивился он. — Кажется, вряд ли была необходимость в вызове только для того, чтобы обменяться несколькими словами, ваша милость.

— Нужно признать, — улыбнулся я, — что вас сюда вызвали обсудить другие вопросы, совсем не касающиеся вашего иска.

— Что? Что, ваша милость? — он, казалось, был сбит с толку и поэтому встревожился.

— Хотелось бы поговорить с вами о Земле, чтобы удовлетворить праздное любопытство бюрократа, — начал я. — Разве нельзя? Не соблаговолите ли поговорить со мной об этом, раз деловые вопросы уже улажены? Вы знаете, Швейц, у нас всегда существовала тяга к Земле и землянам.

Чтобы установить с ним некоторый контакт — он все еще выглядел хмурым и недоверчивым, — я рассказал ему о тех двух землянах, которых встречал ранее, и о детской убежденности, что они должны разительно отличаться от нас своим видом. Он расслабился, не без удовольствия выслушал меня и еще до того, как я кончил, сердечно рассмеялся.

— Клыки! — воскликнул он. — Щупальца!

Он провел пальцами по своей руке.

— Неужели вы на самом деле, ваша милость, думали что земляне такие причудливые существа? Клянусь всеми богами, ваша милость, я хотел бы иметь на своем теле что-нибудь необычное, чтобы позабавить вас!

Я морщился каждый раз, когда Швейц говорил о себе в Первом Лице. Его небрежные непристойности портили то настроение, которого я пытался достичь. Хотя я делал вид, что ничего не случилось, Швейц сразу же осознал свою ошибку и, вскочив, обеспокоенно произнес:

— Тысячу извинений, ваша милость! Иногда ваша грамматика забывается… понимаете, когда нет длительной привычки к ней…

— Не стоит беспокоиться, — поспешно остановил я его.

— Вы должны понимать, ваша милость, что старые навыки отмирают с трудом и, пользуясь вашим языком, иногда впадаешь в грех выражаться более естественным образом, даже несмотря на…

— Конечно же, Швейц. Этот грех легко простить, — и, желая подбодрить его, я подмигнул. — Кроме того, я человек взрослый. Вы что думаете, меня так легко шокировать? — Я преднамеренно прибег к вульгарному словечку «я», чтобы он почувствовал себя свободнее. Уловка сработала. Он сел, успокоился, но в то утро уже не пробовал говорить со мной естественным для него образом. По сути, Швейц был очень осторожен в выражениях еще долгое время, правда, до тех пор, пока такие вещи не стали несущественными в наших взаимоотношениях.

Затем я попросил его рассказать о Земле — нашей общей отчизне.

— Планета небольшая, — начал он. — Очень далеко отсюда. Задушенная своими собственными древними отходами. Ее небеса, воды и суша отравлены ядами двух тысяч лет легкомыслия и перенаселения. Страшное место!

— Неужели в самом деле страшное? — изумился я.

— Нечто привлекательное еще осталось. Но совсем немного, так что похвастаться нечем. Немного деревьев тут и там. Невысокая трава. Озера.

Водопад. Долина. Большей частью планета представляет собой выгребную яму.

Землянам очень часто хочется воскресить своих далеких предков, а затем задушить их. За то, что они не брали в расчет грядущие поколения. Они заполонили собой весь мир и исчерпали все его ресурсы.

— Значит, земляне создают империи в небесах, чтобы убежать от грязи в своем собственном доме?

— В общем-то, да. Хотя бы частично, — кивнул Швейц. — Там было столько миллиардов людей. И все, у кого хватило сил, покинули Землю. Но все-таки это нечто большее, чем просто бегство. Здесь и жажда постижения нового, и неудержимая тяга к путешествиям, и неутоленное желание начать все заново. Создать новые и более лучшие миры для людей! Целое ожерелье таких планет наброшено на лоно небес!

— Ну а те, кто не мог уйти? — спросил я. — На Земле до сих пор еще остались миллиарды людей? — Я подумал о материке Велада с его скудным населением в сорок-пятьдесят миллионов.

— О, нет-нет. Она теперь почти пуста. Планета — призрак. Разрушенные города, растрескавшиеся дороги. Там живет очень мало людей. И с каждым годом все меньше рождается.

— Но вы родились там?

— В Европе, — кивнул Швейц. — Не приходилось, правда, видеть Землю добрых лет тридцать. С четырнадцати лет.

— Но вы совсем не выглядите таким старым? — вырвалось у меня.

— Имелось в виду земное летоисчисление, — объяснил землянин. — По вашему же исчислению это соответствует тридцати годам.

— Такой же возраст, — я показал на себя. — Тоже пришлось покинуть свою родину до возмужания, — я говорил гораздо более свободно, чем надлежало бы, но не мог сдержать себя. Я вытащил сюда этого Швейца и теперь ощущал потребность предложить ему что-то в обмен.

— Пришлось покинуть Саллу еще мальчиком, чтобы поискать удачу в Глине. Но судьба приласкала меня только в Маннеране. Похоже, Швейц, мы с вами — оба странники.

— Значит, между нами есть что-то общее.

— Почему вы покинули Землю?

— По тем же самым причинам, что и все осталь-

ные. Чтобы отправиться туда, где воздух еще чист и где у человека есть еще хоть какая-то возможность стать кем-то. Всю свою жизнь там, на Земле, проводят только те, кто не может не оставаться на ней.

— И вот перед этой планетой благоговеет вся Галактика! — воскликнул я. — Планета, породившая столько легенд! Планета мальчишеской мечты! Центр Вселенной — просто жалкий прыщ! Нарыв!

— Вы точно описали ее.

— И все же перед ней благоговеют!

— О, почитайте ее, молитесь на нее, кланяйтесь ей! — воскликнул Швейц. Глаза у него блестели. — Мать человечества! Первооснова всех миров!

Почему же не почитать ее, ваша милость? Благоговейте перед смелыми начинаниями, предпринятыми там. Воспевайте высокие стремления, которые выросли из грязи. И чтите также наши ужасные ошибки. Древняя Земля совершала ошибку за ошибкой и нечаянно задушила сама себя, чтобы вы были избавлены от тех же мучений и болезней. — Швейц хрипло рассмеялся. — Земля погибла во искупление ваших, люди неба, грехов. Разве в этом нет чего-то мистиче-

ского? Вокруг такой идеи можно организовать новую религиозную веру.

Земля — искупительница, а жители ее — жрецы этой религии. — Он неожиданно наклонился вперед и спросил: — Вы — человек верующий, ваша милость?

Я был застигнут врасплох рвущейся наружу интимностью этого вопроса, но все-таки сдержался.

— Разумеется, — кивнул я.

— Вы ходите в церковь? Беседуете с исповедниками и все такое, не так ли?

Он поймал меня. Я не мог отмалчиваться.

— Да. Но почему вас это удивляет?

— Удивляет? Отнюдь. Похоже, что на Борсене все искренне набожны. И это поражает меня. Вы понимаете, ваша милость, в вашем собеседнике «веры» нет ни на йоту! Когда-то пытался верить, неоднократно пытался, старался изо всех сил убедить себя в том, что в мире есть высшие существа, определяющие судьбу каждого человека. Иногда мне это почти что удавалось, ваша милость, вера вот-вот должна была проникнуть мне в душу, но скептицизм всякий раз закрывал все пути к набожности. И, в конце концов, пришлось сказать: «Нет, этого не может быть, это невозможно. Это противоречит логике и здравому смыслу. Логике

и здравому смыслу!».

— Но как же вы могли прожить свою жизнь, если не соприкасались ни с чем святым?

— Большую часть времени вполне удавалось. Большую часть!

— Ну а остальное время?

— В остальное время приходилось чувствовать бремя знания того, что являешься абсолютно одиноким во всей Вселенной. Нагой под звездами, их свет обжигает кожу, жжет холодным огнем, и никто не поможет прикрыться от этого адского огня, не предложит убежища, и некому молиться о помощи, вы понимаете? Небо холодное как лед, и некому его согреть. Нет никого! Кроме убеждения, что существует некто, кто мог бы дать утешение. Хочется опереться на какую-нибудь систему веры, хочется покориться, пасть на колени, понимаете? Верить, иметь веру во что-нибудь! Но ее нет, нет такой способности — верить! И тогда приходит смертельный страх. Плач без слез.

Бессонные ночи…

Лицо Швейца горело, глаза стали дикими от возбуждения. У меня не было уверенности, что он в своем уме. Землянин перегнулся через стол, схватил меня за руку — этот жест ошеломил меня, но я не отдернул ее — и хрипло произнес:

— Вы верите в богов, ваша милость?

— Конечно!

— В самом буквальном смысле? Вы думаете, что существует бог путешественников, бог рыбаков, бог крестьян и бог, покровительствующий септархам?…

— Существует сила, — перебил я его, — которая поддерживает порядок и незыблемость Вселенной. Сила, которая заявляет о себе различными способами, и ради того, чтобы перекинуть мост над пропастью, разделяющей нас и эту силу, мы рассматриваем каждое из ее проявлений как «божественное», да, и возносимся духом своим то к одному из ее проявлений, то к другому в зависимости от наших нужд. Те из нас, кто не получил должного образования, воспринимают богов буквально, видят в них существа с лицами и индивидуальностями. Другим же свойственно метафизическое воззрение на божественную силу; для таких людей это уже не просто какое-то племя могучих духов, живущих над нами. Но нет никого на материке Велада, кто бы оспаривал существование самой этой силы.

— Приходится только завидовать им, — покачал головой Швейц, — тем, кто воспитан в культурной среде, обладающей такой связанной

системой понятий и структур, тем, кто приобрел веру в абсолютные истины, тем, кто ощущает себя частицей божественного распорядка. Как, должно быть, чудесно обладать таким духовным богатством! Одна эта система веры может оправдать многие пороки вашего общества!

— Пороки? — внезапно я почувствовал, что оказался в роли обороняющегося. — Какие это пороки?

Швейц прищурил глаза и провел языком по губам. Возможно, он лихорадочно взвешивал, то ли я разгневан его словами, то ли они заставили меня страдать.

— «Пороки», вероятно, слишком сильное слово, — ответил он. — Лучше было бы назвать их несуразицами, нет, еще лучше — ограниченностью вашего общества. Речь идет о необходимости тщательно скрывать свой духовный мир от своих сограждан. Вам нельзя в разговоре упоминать о себе, вам претит откровенность в беседах, вам кажется безнравственным открыть свою душу…

— Разве перед вами сегодня не раскрыта душа, вот в этой самой комнате?

— О, — развел руками Швейц. — Но вы же разговариваете сейчас с чужеземцем, с человеком, не являющимся частицей вашего общества, с че-

ловеком, у которого, как вы тайно подозреваете, могут быть рога и клыки!

Вы бы допустили подобную вольность с кем-либо из жителей Маннерана?

— Никто еще в Маннеране не задавал подобных вопросов!

— Может быть, и так. Видимо, вам недостает свойственной уроженцам этой планеты натренированности в самоподавлении. Эти вопросы относительно философских аспектов вашей религии нарушили уединенность вашей души, ваша милость? Они для вас оскорбительны?

— Нет возражений против того, чтобы поговорить о таких вещах, постарался успокоить я землянина, но, думаю, это прозвучало не очень убедительно.

— Но ведь такой разговор запрещен для вас, не так ли? Мы редко прибегали к неприличным выражениям, разве что были случайные обмолвки, но мы рассматривали непотребные понятия, в каком-то смысле даже запретные. Вы позволили себе несколько раздвинуть стены, окружающие вас, не так ли? За это можно только поблагодарить вас. Потому что в течение столь долгого пребывания здесь не удалось ни разу поговорить свободно с кем-либо! Вы понимаете, ни разу! Пока

сегодня не возникло ощущения, что вы соблаговолили немного раскрыть себя. Это необычное переживание, ваша милость.

На лице у него вновь появилась усмешка. Он стал порывисто ходить по кабинету.

— Поймите, не было желания критиковать ваш образ жизни. Хотелось, на самом деле, даже похвалить одни его стороны и попытаться понять другие.

— Какие же похвалить, а какие — понять?

— Понять ваш обычай возводить стены вокруг себя. Похвалить легкость, с которой вы принимаете божественное присутствие. Можно только этому завидовать. Как уже говорилось, ваш собеседник воспитан без веры как таковой, и поэтому не способен воспринять веру. Голова у таких людей всегда полна скептических вопросов. Не дано по складу своего ума постигать то, чего нельзя увидеть или почувствовать, и поэтому приходится быть всегда одиноким, странствовать по глубинам Галактики в поисках подступов к вере, пробуя то одно, то другое, но никогда не обнаруживая их…

Швейц на некоторое время умолк, лицо его горело и было покрыто потом.

— Так что, вы понимаете, ваша милость, что у

вас здесь есть нечто драгоценное, эта способность ощущать себя частицей более могучей силы.

Хотелось бы этому научиться у вас. Разумеется, весь вопрос состоит в воспитании. Борсен до сих пор признает богов. Земля давно отринула бесплодную догматику. Цивилизация еще молода на этой планете. Для того чтобы религия изжила себя, нужны тысячелетия.

— Кроме того, — вмешался я, — эту планету заселили люди, обладавшие сильными религиозными убеждениями. Они поставили своей целью сохранить их и предприняли огромные усилия, для того, чтобы донести их до своих потомков.

— И это тоже. Ваш Завет! Когда он был создан… полторы тысячи, две тысячи лет назад? Он мог бы давно обратиться в прах, но выстоял! Он сильнее, чем когда-либо. Ваша благочестивость, ваше смирение, ваша самодисциплина…

— Тем, кто не способен был воспринять идеалы первых поселенцев, подчеркнул я, — не разрешалось оставаться среди них. И это оказало сильное воздействие на культуру, воспитание и нравственность будущих поколений.

Только таким путем бунтарство и атеизм могут быть изжиты из целой расы.

Согласные остаются, несогласные уходят.

— Вы говорите об изгнанниках, которые переселились на материк Шумар, ваша милость?

— Значит вам известна наша история?

— Естественно. История любой планеты, на которой приходится бывать, представляет огромный интерес. А вы там когда-нибудь были, ваша милость?

— Немногие из нас посещают этот материк, — неохотно вымолвил я.

— Но хотя бы изредка мечтали его посетить?

— Никогда.

— Есть такие, которые туда отправляются, — сказал Швейц и как-то странно улыбнулся мне. Я намеревался расспросить его об этом, но в это мгновение вошел секретарь с кипой бумаг, и Швейц начал прощаться.

— Не хочется отбирать драгоценное время у столь уважаемого человека, — начал вежливо кланяться он. — Возможно, в какой-нибудь другой раз можно будет продолжить этот разговор?

— Хотелось бы надеяться на это, — сказал я ему.

29

Когда Швейц ушел, я еще долго сидел за своим столом, откинувшись и закрыв глаза, и повторял про себя сказанное во время нашей беседы. Как легко ему удалось проникнуть сквозь мои защитные барьеры! Как быстро мы начали говорить о самом сокровенном!

Правда, он — инопланетянин, и, общаясь с ним, я не был столь строго связан нашими обычаями. И все же мы сблизились с опасной скоростью. Еще минут десять — и я бы открылся перед ним так, как будто он был моим побратимом. Я был поражен и напуган своим забвением благопристойности и той легкостью, с какой он коварно принудил меня к откровенности.

Но разве он один в этом виноват?

Я послал за ним, я первый стал задавать скользкие вопросы. Я задал тон нашей беседы. Он почувствовал какую-то мою шаткость, ухватился за нее, быстро изменил ход разговора, и уже не я стал расспрашивать его, а он меня!

И я всецело смирился с этим. Опасливо, но все же с готовностью я открылся перед ним. Меня влекло к нему, а его — ко мне. Швейц искуси-

тель!

Швейц — человек, умело воспользовавшийся моей слабостью, скрываемой так долго, скрываемой даже от самого себя! Каким образом удалось ему понять, что я готов открыться?

Его быстрая эмоциональная речь, казалось, все еще отдавалась эхом в комнате. Вопросы, вопросы, вопросы. А затем — откровения! «Вы — человек верующий?… Вы верите в богов в буквальном смысле?… Если бы я только мог обрести веру!.. Как я завидую вам!.. Но пороки вашего общества!..

Отрицание своего „я“… Вы бы позволили подобные вольности с жителем Маннерана?… Скажите мне, ваша милость… Откройтесь мне… Я здесь так долго был одинок…» Между нами зародилась какая-то странная дружба. Я пригласил Швейца к обеду. Мы ели и разговаривали, щедро лилось голубое вино, изготовленное в Салле, и золотистое из погребов Маннерана, и когда оно разогрело нас, мы снова заговорили о религии, о неверии Швейца и о моей убежденности в том, что боги существуют. Халум вышла к нам. Заметив способность Швейца развязывать мой язык, она позже сказала:

— Ты тогда казался таким пьяным, каким ни-

когда раньше не был, Кинналл. Твои глаза горели огнем. А ведь вы выпили всего лишь три бутылки вина. Должно быть, что-то другое разгорячило тебя и заставило так вольно говорить.

Я тогда рассмеялся и сказал, что на меня находит безрассудство, когда я остаюсь наедине с землянином, и что мне довольно трудно придерживаться обычаев, разговаривая с ним.

Во время нашей следующей встречи, в таверне близ здания Судебной Палаты, Швейц сказал:

— Вы любите свою названую сестру?

— Разумеется, каждый любит свою названую сестру.

— Здесь имелось в виду «любите» в совершенно определенном смысле, — заявил он, понимающе усмехнувшись.

Я напрягся и невольно отпрянул от нее.

— Разве мы настолько опьянели в тот вечер? Что вы тогда услышали о ней?

— Ничего, — пожал плечами Швейц. — Об этом говорили ваши глаза, улыбка. Вам не нужны были слова.

— Может быть, лучше поговорим сейчас о чем-нибудь другом?

— Как будет угодно вашей милости.

— Это деликатная тема и… мучительная.

— Тогда извините, ваша милость. Просто хотелось получить подтверждение своим догадкам.

— Такая любовь как раз запрещена нам.

— Хоть и нельзя утверждать, что она никогда не возникает, не так ли? — спросил Швейц и, приблизив свой бокал, чокнулся со мной.

В то мгновение я твердо решил никогда больше с ним не встречаться. Он слишком глубоко заглянул внутрь меня и говорил о сокровенном чересчур свободно. Но дня через четыре, столкнувшись с ним на причале, я снова пригласил его на обед. Лоимель была недовольна и отказалась выйти к столу.

Халум тоже не пришла, сославшись на то, что приглашена к друзьям. Когда же я стал настаивать, она сказала, что в присутствии Швейца чувствует себя как-то неловко. Правда, в Маннеране был Ноим, и он присоединился к нашей трапезе. Мы понемногу пили, разговор поначалу не клеился. Постепенно мы все же разговорились и рассказали Швейцу, как я бежал из Саллы, опасаясь своего брата, а Швейц описал нам, как он покидал Землю. Когда в тот вечер землянин ушел, Ноим сказал, причем не очень-то осуждающе:

— В этом человеке много сатанинского, Кинналл.

30

— Этот запрет на самовыражение, — сказал Швейц, когда мы в очередной раз оказались вместе, — можете ли вы объяснить его, ваша милость?

— Вы имеете в виду, что запрещено говорить слова «я» и «мне»?

— Не только, поскольку при этом вам отказано в образе мышления, сопутствующем употреблению таких слов, как «я» и «мне», — покачал он головой. — Меня интересует заповедь, которая заставляет вас замыкаться в себе, ограничивать круг доверительного общения побратимами и исповедниками. Обычай возводить вокруг себя стены оказал влияние даже на вашу грамматику.

— Вы имеете в виду Завет?

— Да, Завет, — кивнул он.

— Вы говорили, что знакомы с нашей историей?

— Довольно глубоко.

— Вам известно, что наши предки были людьми суровыми, привычными к холодному климату, не боялись трудностей, недоверчиво относились

к роскоши и опасались праздности. Они прибыли на Борсен, чтобы избежать разлагающей скверны на своей родной планете.

— Разве это так? Они были просто беженцами, которые удирали от религиозных преследований.

— Беженцами от лени и потворству своим слабостям, — невесело сказал я. — И очутившись здесь, они установили такие нормы поведения, которые могли уберечь их внуков от морального разложения.

— Это и был Завет?

— Да, Завет! Обет, который они дали друг другу, обет, который каждый из нас дает своим соплеменникам в День Поименования. Мы клянемся никогда не взваливать свои неприятности на других, клянемся иметь сильную волю и быть твердыми духом, чтобы боги продолжали улыбаться, глядя на нас… И так далее, и так далее… Мы приучены ненавидеть демонов, которые прячутся за нашим «я».

— Демонов?

— Так мы это расцениваем. Демоны-искусители побуждают нас использовать других там, где мы должны полагаться только на свои собственные силы.

— Там, где нет любви к себе, там нет ни дружбы, ни участия к судьбе других!

— Возможно, что так…

— А поэтому не может быть и доверия.

— Мы определяем долю ответственности посредством соглашения, — сказал я. — При этом нет нужды знать, что делается в душах других, раз уж правит Закон. И на материке Велада никто не позволяет усомниться в господстве этого Закона.

— Вы говорите о ненависти к своему «я», — произнес Швейц. — Однако вы, скорее, возвеличиваете его.

— Каким же образом?

— Живя порознь, постоянно отдаляясь друг от друга. Каждое «я» находится как бы в замке. Гордые. Несгибаемые. Равнодушные. Чужие друг другу. Да ведь это настоящее царство своего «я», а не его подавление!

— Вы странно смотрите на жизнь, — постарался я усмехнуться. — Разве не смешно, что вы выворачиваете наизнанку наши обычаи, якобы не замечая этого?

Швейц немного помолчал, а потом задал вопрос:

— И так было всегда? С самых первых поселений на материке Велада?

— Да, — кивнул я. — За исключением недовольных, о которых вы слышали и которые уплыли на южный материк. Остальные живут по заповедям Завета.

Наши обычаи со временем стали более суровыми: мы не имеем права теперь говорить о себе в первом лице единственного числа, поскольку это считается неприкрытым самообнажением, хотя в средние века это было вполне нормальным. С другой стороны, кое-что смягчилось. Когда-то нам запрещалось называть свои имена незнакомым людям. Мы заговаривали друг с другом, только если в этом была крайней необходимость. Сейчас мы стали более доверчивыми.

— Но не слишком, — захохотал Швейц.

— Да, не слишком! — согласился я.

— А разве это не мучает вас? Каждый человек наглухо закупорен в самом себе! И вам никогда не приходило в голову, что люди могут быть гораздо более счастливыми, ведя другой образ жизни?

— Мы придерживаемся Завета.

— С легкостью? Или это требует каких-то усилий?

— С легкостью, — ответил я без запинки. — Наши муки не так уж велики, если принять во внимание, что у нас есть названые братья и

сестры, с которыми мы общаемся откровенно, не прибегая к безличности. То же можно сказать и о наших исповедниках.

— Зато вы не имеете права жаловаться другим, не можете снять бремя с опечаленной души, вам нельзя просить совета, запрещено открыто изъявлять свои желания и нужды, вы вынуждены говорить только об отвлеченных предметах, — Швейц пожал плечами. — Извините, ваша милость, но приходится признавать, что все это очень трудно. Всегда, всю жизнь хотеть любви и тепла, соучастия, откровенности и наткнуться на строгое запрещение всего, что хотелось бы ценить особенно высоко…

— Вы были бы намного счастливее, — попытался иронизировать я, — найдя здесь теплоту, любовь и человеческое общение?

Швейц снова пожал плечами:

— Это всегда нелегко найти.

— Нам не грозит одиночество, так как у нас есть названые родственники. Если есть Халум и Ноим, всегда готовые дать утешение, зачем нужны чужие люди?

— А если их нет рядом? Если приходится странствовать где-то далеко, ну скажем, в снегах Глина?

— Это приносит страдания. Зато и характер закаляется. Но это исключительное положение. Швейц, наша система, возможно, и принуждает нас к изоляции, зато она гарантирует нам любовь.

— Но не любовь мужа к жене, отца к ребенку.

— Наверное, нет…

— И даже любовь между побратимами ограничена. Вот вы сами признавались, что чувствуете влечение к своей названой сестре Халум, которое нельзя…

Этого я не мог позволить ему.

— Говорите о чем-нибудь другом, землянин! — обрезал я его. Щеки мои покраснели, меня бросило в жар.

Швейц поклонился и сдержанно улыбнулся:

— Извините, ваша милость. Разговор зашел слишком далеко, я потерял контроль над собой, но, поверьте, вовсе не хотел сделать вам больно.

— Очень хорошо.

— Тема стала слишком личной.

— Знаю, что вы не хотели зла, — кивнул я, чувствуя себя виноватым за эту вспышку. Он уколол меня в самое уязвимое место, и то, что я так отреагировал, подтверждало его правоту. Я налил еще вина. Некоторое время мы молча пили. Затем

Швейц заговорил:

— Можно пригласить вас, ваша милость, принять участие в одном опыте, который может оказаться очень интересным и ценным для вас?

— Продолжайте, — нахмурился я, чувствуя себя неловко.

— Вам известно, — начал землянин, — что давно чувствую неудобства от своего одиночества во всей Вселенной и безуспешно пытаюсь найти свое место в ней? Для вас средством познать самого себя служит вера, но ваш собеседник не смог приобщиться к такой вере из-за его несчастливого пристрастия к полнейшему рационализму. Не удается достичь этого высшего ощущения сопричастности с помощью только слов, молитвы, обряда. Для вас это возможно, и приходится завидовать вам. Создается ощущение, что меня (о, извините) загнали в западню, изолировали, закупорили в черепе, обрекли на духовное одиночество — человек отдельно от всех, человек сам по себе. И такое состояние безбожия трудно назвать приносящим радость. Вы на Борсене можете вытерпеть такую изоляцию, на которую сами себя обрекли, поскольку находите утешение в своей религии. У вас есть исповедники и какое-то мистическое слияние с богами, которое вам

дает ваша исповедь. Но у того, кто сейчас говорит с вами, нет подобной отдушины.

— Мы все это обсуждали много раз, — удивился я. — Но вы говорили сейчас о каком-то эксперименте?

— Будьте терпеливы, ваша милость. Нужно все объяснить подробно, шаг за шагом.

Швейц одарил меня одной из своих самых обаятельных улыбок. Он начал энергично размахивать руками, как бы производя какие-то мистические заклинания.

— Возможно, вашей милости известно, что существуют определенные вещества — лекарства, да, назовем их лекарствами, которые позволяют открыть для себя бесконечность или, по крайней мере, дают иллюзию такого откровения…

В общем, есть такое лекарство, с помощью которого на короткое время можно заглянуть в таинственные сферы неосязаемого, непостижимого. Так? Они известны в течение тысячи лет человеческой истории. Их применяли еще при отправлении древних религиозных обрядов. Некоторые люди пытались заменить ими религию, использовали их как мирские средства для отыскания веры, дверей в бесконечное, особенно в тех случаях, когда для этого не было других путей.

— Но такие средства запрещены на материке Велада!

— Конечно, конечно! Для вас они служат средством обойти ритуалы официальной религии. Зачем тратить время на исповедника, если можно распахнуть душу с помощью таблетки? Ваш Закон мудр с этой точки зрения.

Ваш Завет не выжил бы, если бы можно было употреблять такие лекарства здесь.

— Это только ваше предположение, Швейц.

— Сначала нужно сказать, что доводилось употреблять самому такие лекарства, но они оказались недостаточно эффективными. Они, правда, открывают бесконечность, позволяют слиться с божеством. Но только на мгновение в лучшем случае на несколько часов. А затем, после этого, одиночество возвращается. Это иллюзия того, что открылась душа, а не само откровение. А между тем, именно на этой планете производят средство, которое дает настоящее откровение.

— Что?

— На материке Шумара, — продолжал Швейц, — живут те, кто убежал от Закона. Вашему собеседнику говорили, что они дикари. Ходят нагишом и питаются семенами, кореньями и рыбой. Покрывало цивилизации спало с них, и

они вернулись к варварству. Это рассказал один путешественник, который не так давно посетил этот континент. Стало известно также, что на материке Шумара употребляют лекарство, приготовляемое из какого-то корня, которое способно открывать разум перед разумом, так что каждый может прочесть сокровенные мысли другого. Это — нечто совершенно противоположное вашему Завету, вы понимаете? Они познают друг друга, употребляя в пищу это лекарство.

— Доводилось слышать рассказы о диких нравах тех людей, — махнул я рукой.

Швейц наклонился ко мне и заглянул в глаза:

— Надо признаться, что это очень соблазнительно. Появляется надежда, что можно испытать столько желаемое общение душ. Оно может быть давно разыскиваемым мостом к бесконечности, к духовному преобразованию личности.

Так? В поисках откровения довелось испробовать много средств. Почему бы тогда не попробовать и это?

— Если оно существует!

— Оно существует, ваша милость. Этот путешественник, приехавший с Шумары, привез это снадобье с собой в Маннеран и продал немного любопытному землянину.

Швейц вытащил из кармана небольшой лощенный конверт и протянул его мне. Там был какой-то белый порошок, похожий на обыкновенный сахар.

Я посмотрел на Швейца и засмеялся:

— Ваше предложение? — на этого землянина было смешно смотреть. — И это ваш эксперимент?

— Давайте вместе попробуем это лекарство с Шумары, — осторожно выговаривая каждое слово, предложил Швейц.

31

Я мог бы вытряхнуть порошок из конверта и приказать арестовать этого дерзкого пришельца. Я мог бы приказать ему убраться прочь с моих глаз и больше никогда не показываться. Я мог бы, по крайней мере, воскликнуть, что это совершенно невозможно, что я даже не прикоснусь к такому веществу.

Но ничего этого я не сделал. Я предпочел остаться спокойным и продолжать с землянином его словесную игру. И тем самым позволил ему затянуть меня в трясину еще глубже.

— Вы думаете, — сказал я, — что сгораю от нетерпения нарушить Завет?

— Кажется, вы человек сильной воли и пытливого ума, который не упустит возможность познания.

— Познания чего?

— Все настоящие истины поначалу незаконны там, где они возникли, даже Завет. Разве ваших предков не изгоняли с других планет за то, что они исповедовали свою религию?

— Такие аналогии весьма сомнительны. Мы сейчас говорим не о религии, а об опасном нарко-

тике. Вы просите другого отказаться от того, что он почитал всю свою жизнь. Вы хотите, чтобы он открылся перед вами, как никогда не открывался ни перед своими побратимами, ни даже перед исповедником.

— Да!

— И вы воображаете, что он пожелает это сделать?

— Такое может случиться. Может быть, это преобразит вас и сделает чище, — кивнул Швейц.

— Однако после этого можно проснуться напуганным и обманутым!

— Это вряд ли. Знание не может повредить душе. Это только чистки покрывают душу ржавчиной и искушают ее.

— Как вы красноречивы, Швейц! И все же глядите! Разве можно выдать свои секреты незнакомцу, чужеземцу, какому-то инопланетянину?

— А почему бы нет? Лучше какому-то незнакомцу, чем другу. Лучше землянину, чем своему соплеменнику. Вам нечего бояться — землянин никогда не будет пытаться судить вас по меркам Борсена. Вы не встретите ни осуждения, ни неодобрения того, что может оказаться в вашей душе. А землянин покинет эту планету через некоторое время, отправится в новое пу-

тешествие за сотни световых лет и какое тогда будет иметь значение, что когда-то ваши умы слились?

— Почему вам так не терпится? Что вы добиваетесь?

— Восемь месяцев, — сказал он, — это лекарство лежало в кармане, пока велись поиски того, с кем можно было бы разделить его. Уже начинало казаться, что эти поиски окажутся тщетными. Однако произошла встреча с вами и, обнаружив ваши способности, вашу силу, скрываемое вами бунтарство…

— Нет никакого бунтарства, Швейц, — почти выкрикнул я. А потом потише добавил: — Наоборот, полное подчинение морали своего мира!

— Можно затронуть одну щекотливую тему, ваша милость? Не кажется ли вам, что ваше отношение к названой сестре говорит о фундаментальном несогласии с ограничениями, которые накладывает ваша мораль?

— Возможно. Но, может быть, и нет.

— Вы же сами поймете это, воспользовавшись лекарством с Шумары. Вам это даст большую уверенность.

— Как вы можете так говорить, если сами еще не пробовали это средство?

— Мне говорили о его действии.

— Это невозможно, — покачал я головой.

— Один только опыт, — взмолился Швейц. — Понимаете, один. Секретное соглашение. Никто об этом не узнает.

— Невозможно!

— Значит, вы боитесь открыть свою душу?

— На этой планете всегда учили, что это святотатство!

— Учение может быть неправильным, — покачал головой Швейц. — Неужели у вас никогда не было искушения? Разве вы никогда не испытывали такого экстаза, исповедуясь, что вам не хотелось повторить эти ощущения с кем-нибудь, кого вы любите, ваша милость?

Он опять попал в уязвимое место.

— Иногда такие ощущения возникали, — вынужден был согласиться я. — Сидишь возле какого-нибудь уродливого исповедника и воображаешь, что это Ноим или Халум, и что исповедь обоюдна. Невольно хочется взаимности…

— Значит, вы уже давно жаждете такого лекарства и даже не осознаете этого!

— Нет! Нет!

— Вероятно, — предположил Швейц, — вам неприятна мысль открыться перед незнакомцем,

а не сама идея откровения. Возможно, с кем-нибудь другим вы бы испробовали это средство? А? Со своим побратимом? Или, может быть, с названой сестрой?

Я задумался. Сидеть вместе с Ноимом, который был для меня вторым «я», и добираться в его разуме до глубин, прежде мене не доступных, а ему в это время открываются чувства, глубоко упрятанные в моем подсознании. Или же с Халум… или с Халум…

— Швейц, вы — искуситель!

— Такая идея вам по больше душе, — усмехнулся землянин. Что ж.

Придется самому отказаться от возможности, предоставляемой этим средством.

Вот оно. Возьмите его, попробуйте, разделите с тем, кто отвечает вам любовью на любовь!

Эта высокопарная речь испугала меня. Я выронил конверт, как будто он внезапно обжег меня.

— Но ведь это, — пробормотал я, — лишит вас столь долгожданного осуществления желаний.

— Неважно. Можно достать еще. Возможно, найдется другой партнер, который захочет поучаствовать в эксперименте. Вы же тем временем испытаете высшее блаженство, ваша милость. Даже землянин может быть неэгоистичным.

Возьмите его, ваша милость…

Я мрачно посмотрел на этого человека:

— А может быть, Швейц, разговоры о том, что вы отдаете лекарство, всего лишь искусная игра? Может быть, вы просто ищете кого-нибудь, кто согласился бы стать подопытным кроликом, чтобы вы уверились в безопасности этого лекарства, прежде чем сами его попробуете?

— Вы заблуждаетесь, ваша милость.

— А может быть, нет. Возможно, вы этого и добиваетесь.

Мне представилось, как даю это зелье Ноиму, как он падает без чувств, а я готовлюсь поднести к губам свою дозу. Я наклонился, поднял конверт и протянул его Швейцу.

— Нет. Предложение отклонено. Ваша щедрость очень ценится, но со своими побратимами нельзя проводить опыты, Швейц.

Он густо покраснел:

— Я вас не понимаю, ваша милость. Предложение отказаться от собственной дозы лекарства было сделано из лучших побуждений и ничуть не связано с какими-либо тайными намерениями. Но поскольку вы отвергаете его, давайте вернемся к первому предложению. Вдвоем пробуем лекарство, тайно, в качестве эксперимента,

чтобы узнать, какова сила этого порошка и какие врата он может открыть. Этим многого можно добиться, уж это точно.

— Видно, что вы хотели бы получить, — сказал я. — Но зачем принимать его…

— Вам? — усмехнулся землянин и тут же добил меня! — Ваша милость, проверив это лекарство, вы сможете определить правильную дозировку и перестанете бояться обнажать свои мысли. Затем, достав еще порошка, вы, опираясь на свой опыт, используете его с той целью, от которой отказались сейчас. Вы сможете разделить его с единственным человеком, которого по-настоящему любите, откроете себя перед своей Халум и она откроется перед вами.

32

Существует легенда, которую рассказывают детям, пока они учат Завет, о тех днях, когда боги еще странствовали по свету в людском обличье, а люди еще не прибыли на Борсен. Боги тогда еще не знали о своей божественной сущности, потому что рядом с ними не было смертных, и поэтому не осознавали своего могущества. Они вели простой образ жизни и обитали в Маннеране (именно поэтому Маннеран провозгласил себя священным городом), питаясь ягодами и кореньями. Они не носили одежду и только во время мягкой маннеранской зимы набрасывали на свои плечи свободные платки из звериных шкур. И не было в них ничего божественного.

Однажды двое из этих необычных богов решили отправиться в путешествие, чтобы посмотреть на мир. Идея принадлежала богу с секретным именем Кинналл, тому, кто ныне покровительствует путешественникам (да, именно в его честь меня и назвали). Этот Кинналл пригласил богиню Тиргу присоединиться к нему. И богиня, которая теперь защищает влюбленных, отправилась вместе с ним.

Они пошли вдоль южного побережья, пока не добрались до берегов залива Шумара. Затем они повернули на север и прошли через Проход Стройн как раз там, где заканчиваются Хашторы. Они вошли во Влажные Низины, которые им не понравились, а затем дошли до Вымерзших Низин, где чуть не погибли от холода. Поэтому они повернули назад, на юг, но на этот раз западнее, и вскоре увидели внутренние склоны гор Трайштор. Они решили, что не смогут пересечь этот могучий горный кряж, и двинулись вдоль его восточных склонов на юг, но никак не могли выбраться из Выжженных Низин. Испытывая великие трудности, они наконец наткнулись на Врата Трайша и, миновав их, попали в холодную туманную провинцию Трайш.

В первый же день пребывания там боги нашли ручей, бегущий со склона из отверстия с девятью сторонами. Скалы окружавшие его, сверкали так ярко, что слепили глаза. Их цвет постоянно менялся, становясь то красным, то зеленым, то фиолетовым, то ярко-желтым. Такая же вода текла из этого отверстия: ее цвет был таким же, как и цвет скалы в данное мгновение.

Ручей терялся в водах более крупной речушки, в которой пропадали все эти удивительные

цвета.

И сказал тогда Кинналл:

— Мы долго бродили по Выжженным Низинам и изнываем от жажды.

Напьемся?

И сказала Тирга:

— Да, давай напьемся.

Она опустилась на колени перед расщелиной, сложила ладони, наполнила их сверкающей водой и поднесла ко рту. Кинналл также напился. Вода была такой сладкой, что они, припав к роднику, никак не могли от него оторваться.

И пока они пили, их души и тела наполнялись странными ощущениями.

Кинналл взглянул на Тиргу и понял, что он может прочесть самые сокровенные ее мысли. И она с удивлением обнаружила, что может читать в его душе. А души их были полны любовью друг к другу.

— Мы теперь другие, — промолвил Кинналл, хотя ему не нужны были слова, ибо Тирга читала его мысли. И она ответила:

— Нет, мы не стали другими. Просто мы поняли, какими бесценными дарами владеем.

И это было правдой. Потому что они обладали множеством даров, но никогда не пользовались

ими прежде. Они могли подыматься в воздух и летать, как птицы. Могли изменять форму своих тел. Могли бродить по Выжженным или Вымерзшим Низинам, не испытывая при этом неудобств. Могли жить без пищи. Никогда не стареть, оставаясь в том возрасте, в каком хотели. Разговаривать без слов. И все это они могли делать и до того, как пришли к роднику, просто не знали об этом. Напившись воды из сверкающего источника, они научились быть богами.

Но они еще не знали, что именно они и есть боги.

Через некоторое время они вспомнили об остальных жителях Маннерана и полетели к ним, чтобы рассказать об источнике. Путь назад занял у них всего лишь мгновение. Их друзья столпились вокруг них, слушая рассказ о чудесном источнике и глядя на то, что чему научились Киннал и Тирга. Когда они закончили, все решили отправиться к роднику. Выстроившись в длинную процессию, которую вели Кинналл и Тигра, они двинулись по известному уже пути.

И вот они пришли к источнику, один за другим напились из него и стали Богами. Затем разошлись в разные стороны. Одни вернулись в Маннеран, другие отправились в Саллу, неко-

торые добрались даже до Шумара и дальних материков Умбис, Дабис и Тибис. Теперь скорость их перемещений не имела пределов, а им так хотелось повидать эти необычные места. Однако Кинналл и Тирга поселились рядом с источником в Восточном Трайше и углубились в изучение душ друг друга.

Прошло много лет, и звездолет с нашими предками приземлился в Трайше, неподалеку от западного берега. Люди наконец достигли Борсена. Они выстроили небольшой поселок и разошлись в поисках пищи. Один человек по имени Джант, который был среди поселенцев, забрался далеко в лес в поисках дичи, заблудился и стал бродить по чаще, пока не вышел к месту, где жили Кинналл и Тирга. Он никогда прежде не видел таких, как они, и они никогда прежде не видели таких, как он.

— Кто вы? — спросил землянин.

— Раньше мы были совершенно обыкновенными, — ответил Кинналл. — Но теперь нам очень хорошо, потому что мы не стареем, умеем летать быстрее любой птицы, наши души открыты друг перед другом и мы можем принимать любые формы, какие только пожелаем.

— Значит, вы боги! — воскликнул Джант.

— Боги? Кто это такие, боги?

И Джант начал объяснять. Он рассказал, что сам он — обыкновенный человек, у которого нет таких способностей как у них. Людям при разговоре приходится употреблять слова. Они не умеют летать или менять форму своего тела. Они стареют с каждым оборотом планеты вокруг солнца. И умирают.

Кинналл и Тирга внимательно слушали, сравнивая себя с Джантом, а когда он закончил, поняли, что это правда: он — человек, они — боги.

— Когда-то мы были подобны людям, — призналась Тирга. — Мы ощущали голод, старели, говорили только с помощью слов и были вынуждены переставлять ноги, чтобы двигаться. Мы не знали о своих способностях. Но затем все изменилось.

— Почему? — поинтересовался Джант.

— Потому что, — ответил Кинналл по своей наивности, — мы напились воды из этого сверкающего родника, и вода открыла нам глаза и помогла стать богами. Вот и все.

Тогда заволновалась душа Джанта, так как он сказал себе, что мог бы тоже напиться из родника и стать равным богам. Он бы не сказал никому, где находится этот источник, а вернулся бы к

поселенцам, и они почитали бы его как живого бога, поклонялись бы ему и боялись бы его. Но Джант не осмелился попросить Кинналла и Тиргу напиться из родника. Он боялся отказа. Поэтому он задумал план, как заставить их покинуть это место.

— Правда ли, — спросил он их, — что вы можете путешествовать так быстро, что вам легко за один-единственный день оказаться в любой части этой планеты?

Кинналл стал уверять, что это правда.

— Но в это трудно поверить, — засомневался землянин.

— Мы докажем это, человек, — сказала Тирга. Она коснулась руки Кинналла, и боги воспарили в небо. Они поднялись на высочайшую вершину Трайшторов и собрали там подснежники. Затем они посетили Выжженные Низины и взяли там горсть красной почвы. Во Влажных Низинах они собрали растения.

У залива Шумар они нацедили опьяняющий напиток из ствола редкого дерева.

На берегах Полярного Залива откололи кусок вечного льда. Затем перенеслись через полюс в морозный Тибис и отправились по дальним материкам, чтобы принести что-нибудь из каждой

части планеты сомневающемуся Джанту.

Как только Кинналл и Тирга отправились в путь, Джант бросился к источнику. Здесь он на мгновение остановился в нерешительности, страшась того, что боги могут внезапно вернуться и покарать его за дерзость. Однако они не появились, и Джант опустил свое лицо в поток и стал жадно пить, думая, что теперь он будет равен богу. Он напился сверкающей влаги, покачнулся, в глазах у него помутилось и свалился на землю. «Разве это божественность», — удивился он. Он попытался взлететь, но не смог.

Попробовал изменить форму своего тела, но у него ничего не получилось.

Хотел стать моложе, но и это ему не удалось. Ведь он был рожден человеком.

Источник не мог превратить человека в бога, он только помогал богу осознать свое могущество.

Но родник все же наделил Джанта одним даром. Теперь Джант мог проникать в умы других людей, поселившихся в Трайше. Когда он лежал на земле, оцепенев от разочарования, он услышал тихое тиканье в своем мозгу.

Джант прислушался к этому необычному звуку и понял, что прослушивает мысли своих друзей. Он сумел усилить звук, и услышал все четко — вот

это мысли его жены, это — сестры, а это — мужа сестры. Джант заглянул в мозг каждого из этих людей и прочел самые сокровенные мысли. «Это и есть божественность», — сказал он сам себе.

И он стал проникать глубоко в сознание людей, узнавая все их секреты.

Постоянно наращивая диапазон своих способностей, он научился одновременно связываться со всеми разумами. И наконец, опьяненный своим могуществом, он передал мысленное послание всем людям: «Слушайте голос Джанта. Это Джант, Бог, которому вы должны теперь поклоняться!» Когда этот ужасный голос проник в умы живущих на Борсене, многие упали замертво от потрясения, другие потеряли рассудок, а остальные принялись в ужасе кричать: «Джант вторгся в наши умы! Джант вторгся в наши умы!» И волны страха и мук, которые излучались ими, были такими мощными, что Джант сам испытал страшные мучения. Он был парализован, а разум его продолжал реветь: «Слушайте голос Джанта. Это Джант, Бог, которому вы должны поклоняться!» И с каждым таким импульсом все больше гибло поселенцев, росло число обезумевших людей, и Джант, отвечая на эти умственные расстройства, которые сам причинил, корчился

и трясся в страшных мучениях, теряя всякую способность управлять могуществом своего разума.

Кинналл и Тирга находились в Дабисе, когда это случилось, и вытаскивали из болота трехглавого червя, чтобы показать его Джанту.

Разбушевавшиеся волны сознания землянина докатились и до Дабиса и, уловив их, Кинналл и Тирга все бросили и поспешили назад, в Трайш. Они увидели, что Джант близок к смерти, почти весь его мозг выжжен и что поселенцы в Трайше погибли или обезумели. Они сразу поняли, что произошло, и положили конец жизни Джанта. В Трайше наконец-то наступила долгожданная тишина. Затем они обошли жертв несостоявшегося бога, воскрешая мертвых и исцеляя безумных.

Они закупорили расщелину в скале и наложили на нее печать, которую нельзя было сломать, потому что поняли: людям нельзя пить из этого источника, а все боги уже и так получили свою долю этой чудесной влаги.

Люди Трайша пали перед ними на колени и в ужасе возопили: «Кто вы?» Кинналл и Тирга отвечали: «Мы — боги, а вы всего лишь люди».

После людям было запрещено искать способы непосредственного общения между разумами, а в Завете было записано, что каждый должен

держать свою душу запертой, потому что только боги могут сливаться душами, не уничтожая при этом друг друга. А мы ведь не боги.

33

Конечно, я нашел множество причин оттянуть пробу лекарства с Шумары.

Сначала верховный судья Калимоль отправился на охоту, и я сказал Швейцу, что теперь очень занят на работе и потому никак не могу участвовать в эксперименте. Калимоль вернулся, но заболела Халум. Моей отговоркой стало то, что я очень переживаю за названую сестру. Халум выздоровела, но Ноим пригласил меня и Лоимель провести отпуск в его имении в южной части Саллы.

Мы вернулись из Саллы, но между Глином и моей родиной вспыхнула война, создав огромные трудности для мореплавания и, следовательно, довольно много проблем для меня в Судебной Палате. Вот так и шли недели за неделями. Нетерпение Швейца росло. Намерен ли я принять это средство вообще? Я не мог ответить на этот вопрос. Я на самом деле не знал. Боялся.

Но всегда во мне пылало искушение, которому он меня подверг. Стать подобным богу и проникнуть в душу Халум…

Я вошел в Каменный Собор, подождал, пока

меня сможет принять Джидд, и исповедовался.

Однако я ничего не сказал ни о Швейце, ни об его зелье, опасаясь открыть, что играл в столь опасные игры. Поэтому исповедь не помогла мне, и я покинул Собор в том же душевном смятении. Теперь я четко понимал, что должен согласиться со Швейцем и что его эксперимент — это испытание через которое мне суждено пройти, ибо нет способа избежать его. Он разгадал меня: под внешней личиной благочестия во мне скрывался предатель Завета. Я пошел к нему.

— Сегодня, — сказал я. — Сейчас.

34

Нам потребовалось уединение. У Судебной Палаты был загородный дом среди холмов в двух часах езды к северо-западу от Маннеран-сити, где развлекались приглашенные сановники и заключались торговые сделки. Я знал, что сейчас этот дом пустует, и оставил его за собой на три дня. В середине дня я прихватил Швейца и на машине Судебной Палаты быстро выехал за город.

В доме дежурили трое слуг: повар, горничная и садовник. Я предупредил их по телефону, что буду вести чрезвычайно деликатные переговоры, и поэтому они не должны допустить ни малейшего вмешательства. Затем я и Швейц, едва оказавшись в доме, заперлись во внутренних комнатах.

— Будет лучше, — сказал он, — не ужинать сегодня. Рекомендуют также, чтобы тело было абсолютно чистым.

В доме была отличная парная. Мы тщательно отмыли друг друга и, выйдя, облачились в свободные, удобные шелковые одеяния. В глазах Швейца появился блеск, выдавший высшую степень волнения. Мне было страшно и как-то

неловко, и я начал размышлять о том, какой ужасный вред нанесу себе в этот вечер. Я казался себе больным, ожидавшим хирургической операции, на счастливый исход которой надежды почти не было. Мною овладела тупая отрешенность — я принял решение, я здесь, мне не терпится броситься с головой в омут… и со мной все будет кончено!

— Последняя ваша возможность, — улыбнулся Швейц. — Вы еще можете отказаться.

— Нет!

— Вы сознаете, что все-таки есть определенный риск? У нас в равной степени нет опыта употребления этого средства. Может возникнуть определенная опасность.

— Понимаю, — кивнул я.

— Вы должны также понять, что идете на это добровольно, без принуждения.

— К чему все это, Швейц? Давайте свое зелье!

— Хочется удостовериться, что вы, ваша милость, полностью готовы к любым последствиям.

С сарказмом в голосе я ответил:

— Возможно, следовало бы заключить контракт между нами по установленной форме, снимающий с вас всякую ответственность, если противная сторона подаст иск на ущерб, причи-

ненный…

— Как пожелаете, ваша милость. Но, кажется, это ни к чему.

— Это всего лишь шутка, — сказал я, пытливо посмотрев на землянина. — Вы нервничаете, Швейц? У вас есть какие-то сомнения?

— Мы делаем серьезный шаг, — ответил он уклончиво.

— Ну так примемся за дело. Вытаскивайте свое лекарство, Швейц!

Давайте, давайте!

— Да, — кивнул он и посмотрел на меня долгим взглядом, затем по-детски хлопнул в ладоши и торжествующе засмеялся. Я понял, что он играл со мной. Теперь уже я умолял его ускорить эксперимент. О дьявол!

Он вытащил из портфеля пакет с белым порошком, велел мне достать вино, и я приказал принести из кухни два графина маннеранского золотистого. Он высыпал половину содержимого пакета в мой графин, половину в свой. Порошок растворился почти мгновенно, оставив на секунду туманный след, который тут же исчез. Мы сжали в своих ладонях наполненные рюмки. Я переглянулся с сидящим напротив меня Швейцем и слегка улыбнулся.

— Нужно выпить сразу все, до дна, — пояснил землянин и выпил свое вино. Вслед за ним и я проглотил свое и откинулся назад, ожидая мгновенной реакции. Я ощутил легкое головокружение, но это просто вино так подействовало на мой пустой желудок.

— Когда же это начнется? — с нетерпением спросил я.

— Через некоторое время, — пожал плечами Швейц.

Мы стали молча ждать. Я пытался встретить его мысли, но ничего не ощущал. Однако звуки, раздававшиеся в комнате, стали гораздо громче скрип досок пола, гудение насекомых за окном, слабое жужжание ярких электрических ламп.

— Вы можете объяснить, — хрипло произнес я, — как действует это снадобье?

— Могу сказать только, что слышал сам от других, — ответил Швейц. — Существует скрытая способность соединять один ум с другим. Во всех из нас с самого начала она есть. Однако в крови у нас вырабатываются какие-то химические вещества, которые эту способность блокируют. Очень немногие рождаются без этого блока. Именно они обладают даром чтения мыслей. Однако большинству из нас навеки отказано в

этом бессловесном общении, кроме тех случаев, когда по какой-то причине прекращает вырабатываться гормон и наши умы на некоторое время приоткрываются. Когда это происходит, человека ошибочно считают безумным. Так вот, это лекарство из Шумары, говорят, нейтрализует природный ингибитор в нашей крови, по крайней мере, кратковременно. Поэтому, у нас появляется возможность вступить в контакт друг с другом.

На это я ответил:

— Мы, значит, могли бы быть сверхлюдьми, но искалечены своими собственными железами, которые создают какую-то блокаду? Так? Или, может быть, нет?

Швейц рассмеялся. Лицо его стало очень красным. Я спросил, верит ли он на самом деле в эту гипотезу о противодействующем гормоне и снимающем запрет средстве, и он сказал, что у него нет достаточных данных, чтобы вынести более точное суждение.

— Вы что-нибудь уже ощущаете? — спросил я.

— Только вино, — хихикнул он.

Мы ждали.

Мы ждали…

«Может быть, ничего и не произойдет», — по-

думал я, мне стало легче.

Мы ждали.

Наконец, Швейц сказал:

— Сейчас! Похоже, уже начинается!

35

Сначала я ощутил жизнедеятельность своего организма: стук сердца, пульсацию крови в артериях, движение жидкости где-то в глубине моего тела.

Я стал в высшей степени восприимчив к внешним раздражителям: к воздуху, обволакивающему щеки, к складке одежды, касающейся бедра, давлению пола на пятки ног. Затем начал пропадать контакт с окружающим, поскольку по мере того, как усиливалось мое восприятие, сужался круг ощущений. Вскоре я уже не мог определить форму комнаты, так как уже ничего не видел четко, кроме узкого туннеля, на другом конце которого находился Швейц. За пределами этого туннеля был только туман. Страх охватил меня, я изо всех сил старался прояснить свое сознание, как делают это люди, выпившие слишком много вина. Но чем сильнее я пытался вернуть себя в привычное состояние, тем быстрее нарастали происходящие со мной перемены. Я впал в какое-то яркое опьянение, мне казалось, что я пью из того же родника, из которого пил Джант. Послышался какой-то пронзительный звук, который

быстро нарастал, пока, казалось, не заполнил всю комнату. Однако этот странный звук не причинял мне боли. Стул подо мной начал вздрагивать и качаться, будто в такт с биением самой нашей планеты. Затем я понял, что все мои ощущения усилились вдвое. Теперь я чувствовал еще одно сердцебиение, еще один ток крови по венам, еще одно урчание желудка. Но это не было простым удвоением, так как все эти ритмы были другими, переплетающимися с ритмами моего тела. Взглянув на Швейца, я понял чьи жизненные ритмы начал постигать. Мы замкнулись друг на друге. Теперь я уже с трудом различал, когда бьется мое сердце, а когда его, и иногда, подняв глаза на землянина, видел свое собственное раскрасневшееся, искаженное лицо. Я чувствовал, как растворяется реальность, как падают стены и подпорки. Я уже не ощущал себя Кинналлом Даривалем как личностью. Во мне уже звучали не «он», «я», а «мы»! Я потерял не только свою индивидуальность, и само понятие о ней.

Я довольно долго оставался на этом уровне и даже подумал было, что действие наркотика начинает ослабевать. Я уже отличал разум и тело Швейца от своего разума и тела. Но вместо облегчения от того, что худшее уже позади, я ощутил

разочарование: ведь я так и не испытал слияния разумов, которое обещал Швейц.

Однако я ошибся.

Да, первая дикая волна действия лекарства закончилась, однако только теперь началось настоящее общение между нами. Швейц и я пребывали врозь, но тем не менее вместе. Это было настоящим самообнажением. Я увидел все, как будто его душа была распростерта на столе и я мог исследовать ее столь тщательно, как мне того хотелось.

Вот нечеткое лицо матери Швейца. Вот воспоминание о Земле. Глазами Швейца я видел мать всех планет, изуродованную и загаженную, однако через весь этот ужас ясно проступала ее красота. Вот старый, запущенный город, где он родился. Вот дороги, которым десять тысяч лет, колонны древних храмов. Первая любовь. Разочарования и потери. Предательства. Радость.

Рост и изменения. Упадок и отчаяние. Путешествия. Ошибки. Признания.

Умножения. Я видел солнца сотен планет.

Я прошел сквозь все слои души Швейца, видя жадность и хитрость, злонамеренность и настойчивое стремление не упустить удобного случая. Вот оно, саморазоблачение. Вот человек, который

жил только ради самого себя.

И все же я не отпрянул от темных глубин его души.

Я видел гораздо большее: его тоску, страстное желание приобщиться к чему-то высшему, вроде… бога. Пусть этот человек — хитрый приспособленец. Может быть! Но он также и ранимый, честный, пылкий, несмотря на все его мелкие делишки. Я не мог сурово осуждать Швейца. Я был им. Потоки его «я» омывали нас обоих. Если бы я отбросил Швейца, я должен был бы отбросить и Кинналла Дариваля. Моя душа была полна теплого чувства к этому землянину.

Я ощутил, что и он проник в мой внутренний мир. Я не возводил никаких барьеров, когда почувствовал, что он находится в моей душе. И его глазами я видел то, что он видел во мне. Мой страх перед отцом. Ужас перед братом.

Любовь к Халум. Побег в Глин. Женитьбу на Лоимель. Мои мелкие ошибки и мои мелкие добродетели. Все-все. Швейц, смотри. Смотри. И все это возвращалось ко мне, отразившись в его душе. Однако смотреть на все это было совсем не мучительно. «Любовь к другим начинается с любви к себе», — неожиданно подумал я.

В это мгновение во мне пал и вдребезги раз-

бился Завет!

Постепенно мы со Швейцем стали разъединяться, хотя еще и оставались в контакте какое-то время. Когда наконец он исчез, я ощутил какую-то дрожь, как будто лопнула натянутая струна. Нас окружала тишина. Глаза мои были закрыты. Я испытывал тошноту где-то глубоко внутри и сознавал, как никогда прежде, ту пропасть, которая отделяет нас друг от друга. Наконец после долгого молчания я взглянул на землянина.

Он смотрел на меня ярко горящими глазами, дико ухмыляясь. Только теперь я видел в этом не столько признаки безумия, сколько отражение внутренней радости. Он казался моложе. Лицо его все еще горело.

— Я люблю вас, — нежно произнес он.

Эти неожиданные слова были подобны удару молнии. Я сцепил пальцы и закрыл ладонями, как бы защищаясь.

— Что вас так сильно взволновало? — изумился Швейц. — Грамматика или значение моих слов?

— И то, и другое.

— Разве это такие ужасные слова, — «я люблю вас»?

— Никогда не приходилось… Никогда не слышал… Никогда не знал, как…

— Как ответить на них? Чем? — Швейц засмеялся. — Я не вкладывал в свои слова какой-либо физиологический смысл. Это было бы слишком омерзительно. Нет. Я имел ввиду только то, что сказал, Кинналл. Я побывал в вашем мозгу и мне понравилось то, что я там увидел. Я люблю вас!

— Вы произносите слово «я»? — удивился я.

— А почему бы и нет? Неужели я должен сейчас отрекаться от самого себя? Не бойтесь, Кинналл, освободитесь от груза условностей. Я знаю, чего вы хотите. Вы думаете, что те слова, которые я только что произнес, оскорбительны? На моей планете, — Швейц махнул рукой куда-то вдаль, — в этих словах заключена какая-то святая странность. Здесь же они вызывают только отвращение. Ни в коем случае нельзя сказать «я люблю вас», не так ли? Целая планета отказывает себе в этом маленьком удовольствии! О, нет, Кинналл, нет.

— Пожалуйста, — неуверенно начал я, — все еще не выработалось полного приспособления к воздействию этого лекарства. Когда вы таким образом заговариваете…

Однако землянин не сдавался.

— Вы же были в моем разуме, — сказал он. — Что же вы отыскали там?

Был ли я отвратителен вам? Откройтесь же наконец, Кинналл! У вас теперь от меня нет секретов! Прошу вас, скажите правду!

— Значит вы знаете, что вас нашли более достойным уважения, чем это ожидалось вначале?

Швейц хихикнул:

— И я могу сказать то же самое! Почему мы даже теперь боимся друг друга, Кинналл? Вы же слышали: «Я люблю вас!» Мы установили контакт. Мы обнаружили, что можем доверять друг другу. Теперь вы должны измениться, Кинналл. Причем вы должны больше, чем я, потому что вам нужно идти дальше.

Идите, идите. Говорите откровенно. Скажите эти слова.

— Никакой возможности!

— Скажите «я».

— Это очень трудно.

— Скажите. Не как ругательство. Произнесите это так, как если бы вы любили себя!

— Пожалуйста!

— Скажите их!

— Я… — выдавил я.

— Разве это ужасно? Еще, еще! Скажите о своих чувствах ко мне!

Правду, Кинналл! Правду из самых глубочай-

ших глубин вашего естества!

— Чувство тепла, привязанности, доверия…

— Любви?

— Да, любви, — признался я.

— Тогда скажите!

— Любовь.

— Это не то, что я хочу услышать.

— А что же?

— Чего-нибудь, чего не говорили на этой планете уже две тысячи лет.

Теперь вы должны сказать это. Я…

— Я…

— Люблю вас.

— Люблю вас.

— Я люблю вас.

— Я… люблю… вас.

— Это только начало, — кивнул Швейц. Пот струился по его лицу (по моему тоже). — Мы начали, узнав, что мы можем любить. Мы начали с того, что заставили себя быть способными любить. Затем мы начнем любить. Да? Мы начнем любить.

36

Позже я сказал:

— Вы получили от этого лекарства то, что хотели, Швейц?

— Частично.

— Почему?

— Я искал бога, Кинналл, но я не совсем нашел, хотя и знаю теперь, где искать. То, что я на самом деле понял, это как больше не быть одиноким. Это первый шаг по дороге, которую я хочу пройти.

— Счастлив за вас, Швейц.

— Вы все еще говорите на своем искалеченном языке?

— Ничего не могу поделать, — покачал я головой. Я ужасно устал и снова начал побаиваться землянина. Любовь к нему, которая родилась недавно, не исчезла, однако в мою душу медленно возвращалась подозрительность. А может быть, он использовал меня? Может, он извлекал небольшое грязное удовольствие из наших взаимных откровений? Он вынудил меня стать «самооголителем». Его упорство, с которым он настаивал на эксперименте и на том, чтобы я говорил «я» и «мне» — было ли это началом моего

освобождения или просто желанием вывалять меня в грязи? Я был совсем новичком. Я не мог еще оставаться равнодушным, когда кто-либо говорит «я люблю вас».

— Попробуйте, — снова предложил Швейц. — Я.

— Остановитесь, пожалуйста.

— Разве это так болезненно?

— Это для меня ново и необычно. Мне нужно… Ну, понимаете… мне нужно более привыкнуть к этому. Постепенно.

— Что ж, время у вас есть. Не позволяйте мне подгонять вас. Но и не прекращайте двигаться вперед.

— Нужно попытаться. Я попытаюсь.

— Хорошо. — Затем помолчав немного, землянин добавил: — Вы попробуете лекарство еще раз?

— С вами.

— Не думаю, что это нужно. Вы могли бы попробовать это с кем-нибудь вроде вашей названой сестры. Если я предложу вам две порции, вы попробуете?

— Я не знаю.

— Вы боитесь?

Я покачал головой:

— Мне нелегко ответить. Нужно время. Время для того, чтобы сжиться с тем, что я сейчас испытал. Время, чтобы подумать, Швейц, прежде чем снова заняться этим.

— Вы попробовали. Теперь вы видите, что этот эксперимент принес вам только добро?

— Возможно, возможно.

— Без сомнений! — в землянине снова пробудился прежний пыл. Его рвение опять стало смущать меня.

Я осторожно сказал:

— Если можно будет достать этот порошок, я серьезно подумаю, не попытаться ли еще раз? Может быть, с Халум…

— Прекрасно!

— Но не сразу! Через некоторое время. Через два, а может быть, три или четыре месяца.

— Думаю, это случится гораздо позже, — покачал головой Швейц. — Сегодня вечером мы использовали все, что у меня было. Больше ничего нет.

— Но вы обещаете достать еще?

— Конечно, обязательно!

— Где?

— Что за вопрос? — рассмеялся Швейц. — Вы разве не знаете где?

Конечно же, на материке Шумара.

37

Когда впервые испытываешь несказанное удовольствие, неудивительно, что после первого восторга приходит чувство вины и раскаяние. Так было и со мной. Утром второго дня пребывания на вилле я пробудился после беспокойного сна, ощущая такой стыд, что смерть показалась бы мне счастьем. Что я наделал?!

Почему я позволил Швейцу вывалять себя в грязи? Самообнажение? Сидеть с ним весь вечер, произнося «я», «мне» и «мной», и поздравлять себя с новой свободой от условностей! Во мне зародилось недоверие. Мог ли я на самом деле подобным образом открыть себя? Да, должно быть, так как теперь помнил прошлое Швейца, к которому прежде не имел доступа. И мое, значит, в его памяти. Я твердил себе, что должен был сделать это. Я чувствовал, что утерял какую-то часть себя, отказавшись от своей обособленности. Вы понимаете, самообнажаться среди нас — это неприлично, и те, кто выставляет себя напоказ, получают только грязное удовольствие от этого, тайный экстаз. Я сам себе настойчиво доказывал, что ничего такого не совершал, а про-

сто пустился в духовные искания. Но даже тогда, когда я строил в уме подобные фразы, они звучали напыщенно и лицемерно, выглядели тонким прикрытием жалких побуждений. И мне было стыдно, стыдно перед собой, перед сыновьями, перед моим царственным отцом, перед славными предками, что я опустился до этого. Я думаю, что именно «я люблю вас» Швейца вызвало во мне такое сильное раскаяние, больше чем какое бы то ни было событие того вечера, потому что мое прежнее «я» расценивало эти слова как вдвойне непристойные, а новое, с трудом рождавшееся «я» доказывало, что землянин не имел ввиду ничего постыдного, ни этим своим «я», ни этим «люблю». Но я отвергал свои собственные доводы, и чувство вины все сильнее охватывало меня.

Кем я стал, обменявшись ласковыми словами с чужим человеком, родившимся на Земле? Как я мог отдать этому человеку свою душу? Каково мое положение теперь, когда я стал абсолютно уязвимым для него? На мгновение я даже подумал о том, чтобы убить этого землянина и таким образом восстановить обособленность своей личности. Я пошел туда, где он спал, но, увидя улыбку на его лице, понял, что не могу его ненавидеть.

Почти весь день я провел в одиночестве. Ушел

в лес и купался в холодном пруду. Затем преклонил колени перед огненной елью и, убедив себя, что это исповедник, сознался во всем, сознался пугливо и шепотом. После этого я долго бродил в колючих зарослях и вернулся на виллу лишь к вечеру, весь исколотый и грязный. Швейц поинтересовался, здоров ли я. Я ответил, что со мной все в порядке.

В тот вечер землянин был еще более говорлив, чем обычно, из него буквально изливался сплошной поток напыщенных слов. Он подробно описывал грандиозный план экспедиции в Шумару, за целыми мешками наркотика, который мы только что опробовали. Содержимое этих мешков должно было хватить для преображения почти всех живущих в Маннеране. Я слушал этот бред, воздерживаясь от замечаний, так как все это стало мне безразличным, и этот проект казался не более странным, чем что-либо иное.

Я надеялся, что мои душевные муки утихнут, как только я вернусь в Маннеран-сити и погружусь в обычную работу Судебной Палаты. Но нет. Я приехал к себе домой и застал там и Халум, и Лоимель. Сестры обменялись одеждой и, увидев их, я едва не сбежал. Они улыбались мне тепло, по-женски, чуть таинственно. Это был их

собственный язык, который они выработали, общаясь друг с другом, за свою жизнь. В отчаянии я переводил взгляд со своей жены на названую сестру, с одной сестры на другую. Красота этих двух столь похожих женщин ранила меня, как два меча сразу. Эти улыбки! Эти проницательные глаза! Им не нужен был наркотик, чтобы знать обо мне все!

«Где ты был, Кинналл?» «На лесной вилле, забавлялся самообнажением с землянином».

«И ты показал ему свою душу?»

«Да. Но он показал мне свою».

«И что же вы делали потом?»

«Мы говорили о любви».

«Что?»

«Мы говорили „Я люблю вас!“»

«Какой злой ребенок в тебе, Кинналл!» «Да! И теперь я не знаю, куда спрятаться от стыда!» Этот беззвучный диалог вихрем промчался в моей голове, когда я приближался к ним, стоящим у фонтана во дворе. Как положено, я обнял сначала Лоимель, потом свою названую сестру, но при этом старался не встречаться с ними взглядом. Столь острым было ощущение вины. То же самое было и в Судебной Палате. Все взгляды моих подчиненных, казалось, обвиняли меня. «Вот,

Кинналл Дариваль, который обнажил все наши тайны перед землянином Швейцем! Посмотрите на этого самообнажающегося из Саллы, затесавшегося среди нас! Почему он еще не задохнулся от собственного зловония?» Я замкнулся в себе, но работа не клеилась. Какой-то документ, относящийся к одной из сделок Швейца, попал ко мне на стол, и отвращение охватило меня. Мысль о том, что я еще когда-нибудь окажусь с ним лицом к лицу, ужаснула меня. Я запросто мог аннулировать его визу на проживание в Маннеране, пользуясь властью верховного судьи, но это было слишком дурной платой за его доверие ко мне. И все же я был готов сделать это, но устыдился и взял себя в руки.

На третий день после моего возвращения, когда даже мои дети стали догадываться, что со мной творится что-то неладное, я отправился в Каменный Собор искать утешения у своего исповедника Джидда.

Был душный знойный день. В воздухе стояла горячая влага. Даже солнечный свет был какого-то необычного цвета: почти белый, и древние черные камни собора отбрасывали ослепительные блики, как будто стены его были выложены стеклянными призмами. Но внутренние залы

были темными, тихими, холодными. Клетушка Джидда, устроенная возле огромного алтаря, была гордостью Собора. Он ждал меня, уже почти полностью облачившись. Я всегда ценил его рабочее время и потому заранее уведомил его о своем приходе. Договор был уже готов. Я быстро подписал его и вручил священнику гонорар. Этот Джидд был ничуть не привлекательнее других представителей его ремесла, но тогда мне даже доставляла наслаждение его уродливость: кривой шишковатый нос, узкие длинные губы, глубоко посаженные глазки и оттопыренные уши. Но зачем смеяться над этим? Я ведь надеялся, что он исцелит меня. А целители — святые люди. «Дай мне то, что больше всего мне нужно, Джидд, и я благословлю твое безобразное лицо».

— Под чье покровительство вы отдаете себя, исповедуясь? — спросил он.

— Бога прощения.

Он дотронулся до выключателя. Простые свечи не устраивали Джидда.

Янтарный свет прощения, исходящий из спрятанной где-то газовой горелки, наполнил комнату. Джидд поставил меня перед зеркалом и объяснил, как смотреть на свое отражение, в свои собственные глаза. Но на меня смотрели

глаза незнакомца. Капли пота текли по лицу и исчезали в бороде. «Я люблю тебя», — сказал я мысленно этому чужому лицу. Любовь к другим начинается с любви к себе. Громада Собора давила на меня. Я боялся, что своды потолка раздавят меня. Джидд произнес предваряющие слова. В них не было ничего от любви. Он приказал мне открыть свою душу перед ним.

Я запнулся. Язык отказался повиноваться мне. Я проглотил слюну и попытался откашляться. Затем нагнулся и прижался лбом к холодному полу.

Джидд дотронулся до моего плеча и пробормотал слова утешения. Мы во второй раз произнесли начальные слова ритуала. Теперь я уже более гладко прошел через предварительные действия, и когда он велел мне говорить, я заговорил, хотя это скорее напоминало чтение чужого текста.

— Несколько дней тому назад посетил тайное место с другим, и мы вместе приняли лекарство с Шумара, которое распечатывает душу. Мы предались самообнажению, но теперь ощущается раскаяние за содеянный грех и нужда в прощении его.

Джидд задохнулся от изумления, а удивить исповедника — это надо постараться. Видя его

изумление, я замолчал, но Джидд быстро взял себя в руки, начал вкрадчиво уговаривать меня продолжать, и через несколько секунд мне удалось разжать челюсти и выплеснуть все, что было на душе. Я рассказал о моих ранних беседах со Швейцем о наркотике (не называя его имени; хоть я доверял Джидду и знал, что он не нарушит тайну исповеди, я чувствовал, что не получу большего душевного успокоения, если открою кому-нибудь имя своего сотоварища по греху). О том, как я принял наркотик на вилле. О моих ощущениях, им вызванных. Об исследовании духовного мира Швейца, произведенных мной. О его проникновениях в мою душу. О возникшей глубокой привязанности друг к другу, когда произошло наши души слились. О моем отречении от Завета под действием лекарства. О неожиданной убежденности, что наше самоотрицание — катастрофическая ошибка нашей культуры. Об интуитивном понимании того, что мы должны отказаться от нашей разобщенности и наводить мосты над пропастью, отделяющей каждую личность от остального человечества. Я также сознался в том, что барахтался в наркотике ради того, чтобы потом проникнуть в душу Халум. Для исповедника мое вожделение к названой

сестре уже не было неожиданностью. И я продолжал рассказывать о душевном расстройстве, которое испытал после того, как прекратилось воздействие наркотика: о чувстве вины, стыда, сомнениях.

После этого я умолк.

Теперь я почувствовал себя очищенным и страстно желал вернуться к установлениям Завета. Я хотел очиститься от скверны самообнажения, жаждал церковного наказания и возвращения к праведной жизни. Я горячо желал исцелиться, вымаливал прощение, жаждал приобщиться к заповедям наших предков. Но боги не сходили ко мне. Глядя в зеркало, я видел только свое лицо, искаженное и желтое, давно нечесаную бороду.

Когда Джидд начал бубнить формулы прощения, для меня они прозвучали пустыми фразами, не затронувшими душу. Я оказался отрезанными от веры.

Ирония случившегося смутила и рассердила меня. Швейц, завидуя моей вере, хотел с помощью наркотика понять тайну поклонения сверхъестественному, однако только лишил меня доступа к моим богам. И сейчас, слушая пустые слова Джидда, я даже подумал, что мог бы разделить с ним

лекарство, чтобы общение между мной и этим исповедником по-настоящему стало действенным. Но я знал, что этого никогда не будет. Я был теперь навсегда потерян для всех на Борсене.

— Да будет благословение богов на покаявшихся.

— Да будет…

— И не ищите более ложной помощи, держите свое «я» в себе, ибо остальные пути ведут к стыду и разврату.

— Да, другие пути больше не надо искать…

— Помните, что у вас есть названые брат и сестра. У вас есть духовник. К вам милостивы боги. И больше вам ничего не нужно, ваша милость.

— Да… больше ничего не нужно…

— Тогда ступайте с миром.

Я ушел, но совсем не с миром, как он полагал. Исповедь оказалась бесполезной. Джидд не примирил меня с Заветом, — он просто показал степень моего отчуждения от него. И хотя этот поступок совершенно не тронул меня, однако, выходя из Собора, я ощутил себя очищенным от вины. Я больше уже не раскаивался в совершенном. Возможно, это и было единственным результатом исповеди, совершенно противоположным тому, на который я надеялся, идя к

Джидду.

Но я больше не хотел думать об этом. Я был доволен тем, что остался самим собой. Мое превращение в эти минуты было полным. Швейц отнял у меня мою веру, но вместо нее дал мне нечто другое.

38

В этот день мне нужно было разобраться с грузом одного судна из Трайша, и я пошел на пристань, чтобы лично проверить все на месте. Здесь я случайно встретился со Швейцем. После того как несколько дней назад мы расстались, я с ужасом думал о возможной встрече с ним. Для меня, как я полагал, было бы невыносимо взглянуть в глаза этого человека, который проник своим взглядом в глубины моей души. Только держась вдали от него, я мог бы в конце концов убедить себя, что, по сути, ничего с ним не делал.

Но вот я увидел его неподалеку. Он сжимал в одной руке целую кипу накладных, а другой яростно тряс в сторону какого-то купца с водянистыми глазами в одежде жителя Глина. К своему удивлению, я не почувствовал никакого смущения. Во мне всколыхнулись радость и удовольствие при виде этого человека. Я подошел к нему. Он хлопнул меня по плечу, я хлопнул его.

— Вы теперь выглядите более веселым, ваша милость, — усмехнулся землянин.

— Вы правы.

— Дайте мне разделаться с этим негодяем, и

мы с вами разопьем бутыль золотистого, не возражаете?

— Нисколько.

Через час, когда мы уже сидели в припортовой таверне, я сказал:

— Скоро ли вы отправитесь на материк Шумара?

— А почему бы нам не отправиться туда вместе? — предложил Швейц.

39

Путешествие к южному материку проходило как во сне. Ни разу я не спрашивал себя, умно ли я поступил, согласившись на это. Ни разу не возникал вопрос о том, почему мне было столь необходимо лично отправиться в путь. Ни разу я не подумал, что Швейц один может привезти снадобье или послать за ним кого-нибудь.

Между Веладой и Шумарой нет регулярного морского сообщения. Тем, кто хочет туда попасть, нужно фрахтовать корабль. Это я и сделал, используя возможности Судебной Палаты, через посредников и подставных лиц. Корабль, который я выбрал, был не из Маннерана, поскольку мне не хотелось, чтобы меня узнали при отплытии, а из западной провинции Велик.

Этот корабль был задержан в Маннеране во время одной судебной тяжбы.

Капитан и команда томились от вынужденного безделья и уже подали протест Верховному Судье. Я дал разрешение этому кораблю на рейсы «между рекой Войн и восточным берегом залива Шумар». Это делалось для того, чтобы судно могло совершать каботажное плавание

вдоль побережья Маннерана, находясь при этом под контролем властей. Однако я добавил к тексту обычного разрешения абзац, дававший возможность капитану фрахтоваться для поездок к северному побережью материка Шумара. Несомненно, этот абзац озадачил ничего не понимающего капитана, но еще больше он был поражен, когда через несколько дней с ним встретились мои агенты и предложили совершить плавание именно в эти места.

Я ничего не сказал о том, куда я отправляюсь, ни Лоимель, ни Халум, ни Ноиму, ни кому-либо еще. Я объяснил им, что дела Судебной Палаты требуют, чтобы я на короткий срок уехал за границу. В Судебной Палате я сказал еще меньше. Обратившись за разрешением на отлучку, я получил его. В самую последнюю минуту я уведомил верховного судью, чтобы в ближайшее время меня не искали.

Чтобы избежать осложнений с таможенниками, я выбрал в качестве отправного пункта город Хилминор, порт на юго-западе Маннерана на берегу залива Шумар. Этот небольшой город жил в основном рыбной торговлей, а также служил для стоянок на полпути между Маннераном и западными провинциями. Я договорился с ка-

питаном корабля, что мы встретимся на борту в Хилминоре. Мы со Швейцем должны были добраться туда по суше.

Поездка заняла два дня. Шоссе пролегало по местам с очень буйной растительностью, по тропическим лесам. Швейц был в приподнятом настроении.

Такое же настроение было и у меня. Мы разговаривали друг с другом, постоянно употребляя местоимения в первом лице. Ему это, разумеется, было привычным, но я чувствовал себя шкодливым ребенком, трусливо шепчущим в ухо своему товарищу по играм запретные слова. Оба мы подсчитывали, какое количество шумарского зелья мы сможем достать и что мы с ним будем делать.

Теперь уже речь шла не о том, какую часть снадобья я использую вместе с Халум. Мы уже обсуждали, как с помощью этого наркотика обратим в свою веру всех и освободим моих соплеменников, душащих самих себя. Такой евангелический подход постепенно стал основным во всех наших планах.

В Хилминор мы приехали в такой жаркий день, что, казалось, небо вот-вот расколется от зноя. Перед нами лежал позолоченный палящими

лучами солнца залив Шумар.

Хилминор окружен грядой невысоких холмов, и когда мы петляли среди них, я велел остановиться, чтобы показать Швейцу мясные деревья, которые покрывали склоны, противоположные морю. Продираясь через невысокий кустарник, мы наконец достигли группы таких деревьев. Они были почти вдвое выше человеческого роста, с перекрученными ветвями и толстой бледной корой, которая на ощупь казалась губчатой, словно плоть очень старых женщин. На деревьях было очень много надрезов, сделанных для того, чтобы выпускать из ствола сок, который можно было пить.

— Можно попробовать эту жидкость? — поинтересовался Швейц, никогда прежде не видевший таких деревьев.

У нас нечем было сделать надрез, но как раз в эту минуту к нам подошла девочка, местная жительница, лет десяти, не более, полуголая, загорелая до такой степени, что загар сливался с грязью. Она несла бурав и бутыль. Очевидно, родители послали ее за соком мясного дерева. Она сердито посмотрела на нас, но я вынул монету и сказал:

— Есть желание познакомить своего спутника

со вкусом мясного дерева.

Все еще сердито глядя на нас, она с удивительной силой воткнула бурав в ближайшее дерево и стала его крутить. Затем вынула и подставила бутыль под струю чистой тягучей жидкости. Потом она угрюмо протянула полную бутылку землянину. Тот осторожно взял ее, понюхал, лизнул, и конце концов отважился сделать небольшой глоток. Через мгновение, он уже восторженно кричал:

— Почему это питье не продается на всей Веладе?

— Потому что эти деревья растут только здесь, — начал объяснять я. — Большинство этого питья потребляют на месте, а остальное продают в Трайш, где почти помешались на нем. И для всего остального материка почти ничего не остается. Его, конечно же, можно купить в Маннеран-сити, но нужно знать где искать.

— Вы знаете, что бы мне хотелось сделать, Кинналл? Завести плантацию из тысячи деревьев. Я хотел бы получить столько сока, чтоб его можно было продавать не только по всей Веладе, но еще и экспортировать. Я…

— Дьявол! — вскричала девочка и добавила нечто непонятное на прибрежном диалекте. Она

вырвала бутыль из рук землянина и, как дикарка, бросилась прочь, высоко задирая колени. Она несколько раз оглянулась, чтобы сделать то ли презрительный, то ли непристойный жест в нашу сторону.

Пораженный Швейц только покачал головой:

— Она что, безумная?

— Вы сказали «мне» и «я» три раза. Это с вашей стороны очень неосторожно.

— Говоря с вами я приобрел плохие привычки. Но неужели это ругательство?

— Это более непристойные слова, чем вы можете даже себе представить.

Эта девочка по всей вероятности, сейчас несется к своим братьям, чтобы рассказать о мерзком старике, который так непристойно вел себя среди холмов. Поэтому давайте поспешим, Швейц. Нужно добраться до города, прежде чем нас встретит разъяренная толпа.

— Мерзкий старик! — вскричал землянин. — Это я — то мерзкий старик?!

Засмеявшись, я втолкнул его в машину, и мы тронулись в путь.

40

Наше судно уже ждало нас, стоя на якоре, — небольшой низкобортный сухогруз с двумя винтами и вспомогательным парусом, с корпусом, окрашенным в голубой и золотистый цвета. Мы представились капитану — его звали Криш и он вежливо поприветствовал нас, называя теми именами, которыми мы себя назвали. К исходу дня мы вышли в море. В течение всего плавания ни капитан, ни кто-либо из членов команды не спрашивали о целях нашей экспедиции. Их, безусловно, распирало любопытство, зачем мы отправились на материк Шумара, но они были настолько благодарны за освобождение от бесцельного ареста в порту Маннерана, что ни за что не согласились бы обидеть своих нанимателей излишней назойливостью.

Вскоре из виду исчез берег Велады и впереди насколько хватало глаз простиралась бескрайняя гладь Шумарского пролива. Ни спереди, ни сзади не было видно никакой земли. Это пугало меня. Во время своей короткой карьеры моряка из Глина я никогда не бывал вдали от берега, и когда штормило, я всегда утешал себя призрачной

возможностью добраться вплавь до берега, если только наше судно опрокинется. Здесь же казалось, что вся Вселенная состоит только из воды.

К вечеру опустились серо-голубые сумерки, небо сомкнулось с морем, и мне стало еще хуже. Теперь оставался только крошечный, качающийся и дрожащий корабль, столь ничтожный и уязвимый в этой безграничной бездне, в этом мерцающем антимире, где все слилось в единое ничто. Я и не предполагал, что пролив настолько широк. На карте, которую я видел в Судебной Палате, он выглядел ничуть не больше моего мизинца, и я думал, что обрывистые берега Шумара будут видны на протяжении всего нашего плавания. Однако сейчас мы, казалось, затерялись среди безбрежной пустоты.

Я проковылял к себе в каюту и уткнулся лицом в койку. Я так долго лежал, дрожа от страха и призывая на помощь бога путешественников, что стал сам себе противен. Я напомнил себе, что я сын септарха, брат септарха и двоюродный брат еще одного правителя, который правит в Глине, что я глава семьи и что на своем веку мне довелось убить немало птицерогов. Но все это мне нисколько не помогло. Какой прок утопающему от родословной? К чему широкие плечи,

могучие мускулы и умение плавать, если некуда плыть? Я дрожал и готов был расплакаться. Я чувствовал, как растворялось в этой серо-голубой бездне мое «я». И тогда на мое плечо легко легла рука. Швейц!

— Корабль надежен, — успокаивающе прошептал он. — Это судно быстро пересечет пролив. Спокойно. Спокойно. Ничего страшного не случится.

Если бы кто-нибудь другой застал меня в столь плачевном состоянии, кроме, пожалуй, Ноима, я, наверное, убил бы его или себя, чтобы похоронить свою тайну.

— Если это всего лишь переход через пролив Шумар, то как люди могут путешествовать среди звезд, не обезумев при этом?

— Постепенно вырабатывается привычка.

— Но как преодолеть страх, страх перед… пустотой?

— Поднимитесь на палубу, — мягко произнес землянин, — и вы увидите, что не все так страшно. Ночь очень красива.

Он не лгал. Сумерки уже сменились настоящей ночью, и черная чаша неба была усеяна яркими бриллиантами. Вблизи городов звезды не видны так хорошо из-за освещения и дымки. Я видел и

раньше полное великолепия небо, охотясь в Выжженных Низинах, но тогда я не знал имен звезд и созвездий. Теперь же Швейц и капитан Криш стояли рядом со мной на палубе, рассказывая о них, соперничая друг с другом в знании астрономии, объясняя мне все, как будто я напуганный ребенок, которого можно удержать от слез только непрекращающимся потоком отвлекающих слов. Смотрите! Смотрите! Видите? Вон там! Я видел. Множество соседних солнц, четыре или пять ближайших к Борсену планет и даже одну забредшую комету. То, чему они меня научили, до сих пор со мной. Я уверен, что могу выйти из своей хижины здесь, в Выжженных Низинах, и хоть сейчас перечислить названия звезд, которые услышал в ту ночь на борту корабля от Швейца и капитана Вирша. Интересно, сколько еще будет у меня свободных ночей, когда я смогу смотреть на звезды?

Наступило утро, и страх прошел. Ярко светило солнце, по небу плыли легкие облака, воды пролива были спокойны, и меня уже не беспокоило, что земли все еще не видно. Корабль скользил по поверхности воды так плавно, что с трудом верилось, что мы движемся. Прошел день, затем ночь, еще день и ночь, еще день и на горизонте

наконец возник покрытый зеленью берег материка Шумара. Чем больше мы приближались к берегу, тем яснее были видны дикие джунгли. Ни одно из этих деревьев не росло на Веладе, здесь жили совершенно неведомые нам звери, змеи и насекомые.

Неизвестный мир, лежавший перед нами и ждавший своих первопроходцев, был чужим и, наверное, враждебным. Мне казалось, что я исследователь, попавший на неизведанную планету: гигантские валуны, стройные деревья с высокими кронами, похожие на змей переплетенные лианы. Эти мрачные джунгли были воротами к чему-то неизвестному и страшному, думал я, и все же я был не столько напуган, сколько глубоко тронут, взволнован зрелищем этих лоснящихся склонов и извилистых долин. Это был мир, который существовал еще до прихода сюда человека. Таким он был, когда еще не существовало ни церквей, ни исповедников, ни Судебной Палаты — только таинственные тропы и журчащие по дну долин ручьи, кристально чистые озера и длинные тяжелые ветви с огромными листьями, нависшие над водой, доисторические звери, не ведавшие страха перед охотником, копошащиеся в болотах гады и заросшие высокими травами

плато, сверкающие в скальных обнажениях жилы драгоценных металлов. Над этим девственным царством как бы простирались руки богов.

Одиноких богов, которые еще не знали о своей божественности. Или одинокого бога!

Разумеется, действительность была вовсе не романтичной. В месте, где горы полого опускались к морю, образуя на пересечении маленькую бухту, стоял убогий поселок — несколько бараков, в которых жило до полусотни шумарцев, обслуживающих случайно зашедшие сюда корабли с северного материка. Мне казалось, что все шумарцы обитают только где-то в глубине материка, что они остановились на стадии родового строя, ходят нагишом и разбивают свои стойбища где-то у подножья вулкана Вашнир, и что нам со Швейцем придется верхом на купленных лошадях пересекать всю эту необозримую таинственную землю без проводников, не зная дорог, прежде чем мы найдем что-либо хоть отдаленно похожие на цивилизацию и встретимся с кем-нибудь, кто мог бы продать нам то, ради чего мы сюда и прибыли. Однако капитан Криш искусно причалил свое маленькое судно к ветхому деревянному пирсу, и мы увидели небольшую группу шумарцев, которые пришли, чтобы устроить нам

довольно угрюмую встречу.

Вы помните, как я раньше представлял себе землян рогатыми. И здесь также я инстинктивно предчувствовал, что обитатели южного материка будут выглядеть весьма необычно. Я забыл, что это нелогично. Ведь, они, в общем-то, имели общее происхождение с обитателями Саллы, Маннерана и Глина. Но ведь столетия жизни в джунглях могли сильно изменить их? Разве их отречение от Завета не привело их к потере человеческого облика? Нет, и еще раз нет!

Они были похожи на обычных крестьян из захолустья любой нашей провинции. Конечно, на них были непривычные украшения, причудливые жемчужные ожерелья и браслеты, каких не носили в Веладе, но кроме этого ни оттенком кожи, ни чертами лица, ни цветом волос они ничуть не отличались от других людей.

Нас встречали человек восемь-девять.

Двое, очевидно, вожаки, говорили на маннеранском диалекте, хотя и с неприятным акцентом. Остальные, казалось, не понимали северных языков, и между собой общались с помощью щелканья и мычания. Швейц довольно быстро сумел найти с ними общий язык и затеял длинный разговор, за которым мне оказалось настолько

трудно следить, что я вскоре перестал вообще их слушать. Я побрел прочь, чтобы посмотреть на деревню, а когда вернулся, Швейц сообщил мне, что все улажено.

— Что все?

— Сегодня мы ночуем здесь. Завтра нас поведут в деревню, где приготовляют интересующий нас порошок. Эти люди не обещают, что нам удастся хоть что-нибудь купить.

— Почему?

— Не знаю. Но жители клянутся, что в этой деревне порошка нет и в помине.

— Сколько дней придется добираться до той деревне?

— Примерно пять. Пешком. Вам нравятся джунгли, Кинналл?

— Я еще не пробовал.

— Уверен, что скоро вы вдоволь насытитесь ими, — кивнул Швейц.

Он повернулся, чтобы о чем-то поговорить с капитаном Кришем, который после нашего плавания собирался отправиться по каким-то своим делам вдоль шумарского побережья. Швейц договорился, что судно вернется в эту бухту и будет ждать нашего возвращения из джунглей. Люди Криша выгрузили наш багаж — главным образом

товары для обмена, зеркала, ножи и безделушки, поскольку шумарцы не пользуются деньгами Велады — и ушли в пролив еще до того, как спустились сумерки.

Нас отвели в отдельную лачугу, приткнувшуюся к скале над бухтой.

Матрацы из листьев, одеяла из шкур животных, одно кривобокое окно, никакого туалета — вот все, к чему привели тысячи лет путешествия человека через бездны космоса.

Мы долго торговались относительно платы за наш ночлег, согласившись в конце концов отдать несколько ножей и зажигалок. На ужин нам подали удивительно вкусное тушеное мясо, какие-то неправильной формы красные фрукты, горшок с наполовину проваренными овощами, кружку молока. Мы съели все, что нам дали, получив гораздо большее удовольствие от еды, чем ожидали, хотя и перебрасывались язвительными шутками о болезнях, которые могли подхватить сейчас. Я сделал возлияние в честь бога путешественников, скорее по привычке, чем по убеждению. Швейц сказал:

— Значит, вы все еще, после всего что было, веруете?

Я ответил, что не нахожу причин не верить в

богов, хотя моя вера в учение людей была сильно поколеблена.

Здесь, близко от экватора, темнота наступает быстро, будто разворачивается неожиданно какой-то черный занавес. Мы еще посидели немного, Швейц продолжал пичкать меня астрономическими знаниями. Затем мы легли спать. Менее чем через час в нашу хижину вошли двое. Я еще не спал и мгновенно сел, вообразив, что это воры или убийцы. Но пока я наощупь искал оружие, луч луны высветил профиль одного из вошедших, и я увидел крупные покачивающие груди. Швейц из дальнего темного угла сказал мне:

— Я думаю, это входит в стоимость ночлега.

Утром я всматривался в лица деревенских девушек, гадая, с кем из них я делил ложе. У них были щелки между зубами, отвислые груди, рыбьи глаза.

Мне оставалось только надеяться, что среди них не было моей ночной гостьи.

41

Пять дней. На самом деле даже шесть. То ли Швейц что-то недопонял, то ли вожак шумарцев был слаб в счете. С нами один проводник и трое носильщиков. Никогда прежде я не ходил так долго пешком, от зари до зари.

С обоих сторон узкой тропинки стояли зеленые стены джунглей. Влажность была поразительной, мы почти плыли в испарениях. Было хуже, чем в самый плохой день Маннерана. Вокруг была тьма насекомых с ярко блестящими глазами и страшными жалами. В зарослях шуршали какие-то многоногие твари.

Прямо из стволов деревьев торчали яркие цветы — как сказал Швейц, это были, очевидно, паразиты.

Мы вползли на гребень хребта, выйдя на полтора дня из джунглей, прошли весьма высоко расположенным перевалом, затем снова спустились в джунгли, но уже с другой стороны. Швейц спросил у проводника, нельзя ли было просто обойти горы и услышал в ответ, что окружающие низменные места кишмя кишат ядовитыми черными великанами-муравьями.

С этой стороны хребта тянулась цепочка озер и ручьев, поверхность которых была испещрена острыми скалами. Все это казалось мне каким-то нереальным. Ведь всего лишь в нескольких днях морского плавания к северу лежал материк Велада с его банками и автомобилями, таможнями и церквями.

Здесь же, казалось, не ступала нога человека. Дикость и неустроенность этого края угнетали меня, душная атмосфера, ночные звуки, нечленораздельная речь наших попутчиков усугубляли мое дурное настроение.

На шестой день мы вышли к деревне туземцев. Примерно три сотни хижин были разбросаны на широком лугу, где встречались две небольшие речки. У меня создалось впечатление, что здесь когда-то был поселок побольше, возможно, даже город, так как на границах поселения я видел поросшие травой курганы и пригорки, скрывавшие, вероятно, древние руины. Или это было просто иллюзией? Действительно ли мне нужно было убеждать себя, что шумарцы одичали, покинув наш материк, и видеть всюду свидетельства упадка и разложения?

Деревенские жители окружили нас, не выказывая, правда, враждебности, очевидно просто

из любопытства. Северяне были здесь явлением необычным.

Некоторые из туземцев подходили совсем близко и прикасались ко мне, сопровождая свои жесты быстрой легкой улыбкой. У этих жителей джунглей, казалось, не было угрюмой печали, как у обитателей лачуг на берегу бухты.

Эти люди были более мягкими и открытыми, в чем-то похожими на детей. Даже ничтожное влияние цивилизации Велады наложило мрачный отпечаток на характер прибрежных жителей. Совсем иначе было здесь, где встречи с северяне почти никогда не бывали.

Между Швейцем, нашим проводником и тремя деревенскими старшинами начались бесконечные переговоры. После первых приветствий Швейц практически перестал принимать в них участие, так как, изливая каскады слов, подкрепляемые оживленной жестикуляцией, наш проводник, казалось, без конца объяснял туземцам одно и то же. Ни Швейц, ни я не понимали ни слова.

Наконец проводник, похоже, взволнованно, повернулся к Швейцу и обрушил на него поток маннеранской речи с шумерским акцентом, который Швейцу, поднаторевшему в общении с

чужеземцами, удалось расшифровать:

— Они соблаговолят продать нам. Но только если мы сможем доказать им, что достойны обладать этим снадобьем.

— Как же мы это сделаем?

— Приняв его вместе с ними на ритуальной встрече сегодня вечером. Наш проводник пытался отговорить их, но они не уступили. Не будет общения — не будет обмена!

— Это рискованно?

Швейц покачал головой:

— Едва ли. Но проводник думает, что мы ищем снадобье только ради выгоды, что мы не собираемся сами употреблять его, а просто хотим продать то, что сможем достать, чтобы потом накупить еще больше ножей, зеркал и зажигалок. Поскольку он не считает нас потребителями порошка, он всеми силами пытается оградить нас от этого наркотика. Жители деревни тоже думают, что порошок нужен не лично нам, и поэтому говорят, что будут прокляты, если дадут хоть щепотку зелья кому-либо, кто намерен просто продавать его. Они продают снадобье только истинным его «приверженцам».

— Но мы же и есть истинные «приверженцы»! — воскликнул я.

— Но я не могу их убедить в этом! Они достаточно хорошо знают законы и обычаи северян. Но я все же попытаюсь еще раз.

Теперь стали переговариваться только Швейц и наш проводник, старейшины же молча стояли и ждали. Переняв жесты и даже акцент проводника (из-за чего я уже ничего не понимал в их разговоре), Швейц горячо настаивал на своем, а проводник упирался изо всех сил. Видя бесплодность всего этого, я ощутил такое отчаяние, что уже был готов предложить вернуться в Маннеран с пустыми руками. Затем все-таки Швейцу удалось сломать упорство проводника. Тот, все еще не веря Швейцу до конца, спросил у него, на самом ли деле тот хочет того, о чем говорит, и когда землянин выразительно подтвердил это, проводник, не меняя скептического выражения лица, снова повернулся к деревенским старостам. На этот раз разговор их был краток. Таким же коротким был и его разговор со Швейцем.

— Все улажено, — сказал через мгновение мне Швейц. — Мы примем порошок сегодня вечером вместе с туземцами, — он наклонился ко мне и дотронулся до моего локтя. — Кое-что, о чем вы должны помнить. Когда это зелье начнет действовать — возлюбите их! Если этого не произойдет,

все будет потеряно.

Я был оскорблен тем, что он предупреждает меня об этом.

42

Перед заходом солнца к нам пришли десять туземцев и повели нас в лес к востоку от деревни. Среди них были трое старейшин, двое неизвестных нам стариков, а также двое юношей и три женщины. Одна из них была красивой девушкой, другая — некрасивой, а третья — почти старухой. Проводник с нами не пошел. Я не знаю, то ли его не пригласили, то ли он просто не хотел участвовать в этой церемонии.

Мы прошли весьма приличное расстояние. Уже не было слышно ни детских криков из деревни, ни лая собак. Остановились мы на уединенной поляне, где в пять рядов, образуя пятиугольный амфитеатр, стояли скамейки из обструганных бревен. Посреди поляны располагался обмазанный глиной очаг, рядом с которым была сложена огромная груда хвороста. Как только мы прибыли, двое юношей начали разводить огонь. Поодаль я увидел еще одну выложенную глиной яму, ширина которой была вдвое больше ширины плеч крупного мужчины. Она уходила под землю под углом, похоже, на немалую глубину. Создавалось впечатление, что это туннель, открывающий

доступ к глубинам планеты. При свете костра я попытался заглянуть в эту яму с того места, где сидел, но не увидел ничего интересного.

Шумарцы жестами показали, где мы должны сесть — у основания пятиугольника. Некрасивая девушка села рядом с нами. Слева от нас, ближе ко входу в туннель, расположились трое старейших. Справа, у очага, сели старуха и один из стариков. Другой старик и красивая девушка ушли к дальнему левому углу. К тому времени, когда мы все расселись, ночь полностью вступила в свои права. Шумарцы разделись догола, и поняв, что они ждут от нас того же, мы последовали их примеру. По сигналу одного из старейшин красавица встала, подошла к костру, засунула в него длинный сук и подождала, пока он не загорелся, как факел. Затем, подойдя к туннелю, она высоко подняла факел и стала осторожно спускаться в него. Вскоре девушка с факелом совершенно исчезла из вида. Еще некоторое время огонь можно было разглядеть, но вскоре и он исчез. Из отверстия повалил густой темный дым. Затем девушка появилась, но уже без факела. В одной руке она несла красный горшок с толстым ободом, в другой — продолговатую бутыль из зеленого стекла. Двое стариков — высших жре-

цов? — поднялись со своих скамеек и приняли эти предметы. Затем они начали причитать без всякой мелодии, а один из них, запустив руку в горшок, набрал пригоршню белого порошка — наркотика? — и высыпал его в бутыль. Другой старик стал торжественно трясти бутылку, очевидно, чтобы порошок быстрее растворился.

Тем временем старуха — жрица? — распростерлась у входа в туннель и стала распевать слова какого-то гимна, а двое юношей принялись добавлять хворост в огонь. Моление длилось довольно долго. Девушка, которая опускалась в туннель, — стройная, с высокой грудью, с длинными шелковистыми красно-коричневыми волосами — взяла бутыль у старика и перенесла ее на нашу сторону костра, где некрасивая девушка, выступив вперед, почтительно приняла сосуд двумя руками и торжественно понесла его к трем старейшинам.

Теперь уже и они стали бормотать что-то нараспев. То, что я считал ритуалом Представления Бутыли, продолжалось и продолжалось. Сначала я был очарован этим обрядом, восхищаясь необычностью церемонии, но вскоре мне стало скучно и я стал развлекать себя, пытаясь понять религиозный смысл того, что происходило на

моих глазах. Туннель, решил я, символизирует вход в чрево Матери-Земли, питающей корни, из которых получают порошок. Я придумывал тщательно разработанные метафорические объяснения, связанные с культом материнства, символическое значение опускания факела в чрево матери-земли, присутствие некрасивой и красивой девушек, очевидно, должно было символизировать универсальность женских качеств, двое юношей мужское начало и так далее. Все это, конечно, было чепухой, но — так я думал — выстраивалось в довольно стройную систему, созданную в воображении такого чиновника, как я, не обладающего особыми интеллектуальными способностями. Все удовольствия, которые доставляли мне мои размышления, внезапно испарились, когда я осознал, насколько я снисходительно отношусь к туземцам.

Я смотрел на шумарцев как на своеобразных дикарей, чьи гимны и ритуалы не имели не только эстетической ценности, но и не могли содержать в себе что-либо серьезного. Кто я такой, чтобы так высокомерно относиться к этим людям? Меня никто сюда не звал, я сам пришел вымаливать снадобье, которого так жаждала моя душа. Так кто же из нас был выше? Я обвинил

себя в снобизме. Возлюби. Отбрось извращенные логические построения. Прими участие в их ритуале, если способен, и, по крайней мере, не показывай внешне ни малейшего пренебрежения к ним, не презирай их. Нельзя презирать их. Возлюби! Теперь снадобье пили старейшины, возвращая бутыль некрасивой девушке, которая, когда все трое сделали по глотку, пошла по кругу, сначала поднеся бутыль старику, затем старухе, потом красивой девушке, затем двоим юношам и, наконец, Швейцу и мне. Она улыбнулась мне, протягивая бутылку. В прыгающих отблесках костра она вдруг показалась мне красивой. В бутылке было теплое тягучее вино. Я чуть не захлебнулся, когда сделал первый глоток, но все же выпил. Лекарство потекло мне в желудок и оттуда дальше… в мою душу.

43

Мы все стали единым существом, десять местных жителей и нас двое.

Сначала появилось необычное ощущение легкости, обострилось восприятие, пропало чувство опоры, возникли видения небесного света, послышались сверхъестественные звуки. Затем стало заметным биение других сердец и телесные ритмы, удвоение, умножение сознания. После этого растворились наши «я», существовавшие в отдельности, и мы стали единым организмом с двенадцатью личностями. Я погрузился в море душ и пропал как индивидуальность. Я уже не мог определить, кто я, был ли я Кинналлом, сыном септарха, или Швейцем, человеком со старой Земли, или старейшинами, а может быть, жрецами, или кем-либо еще, ибо все они были смешаны во мне самым невероятным образом, а я в них. И море душ было морем любви. А разве могло быть иначе? Мы были всеми и каждым из нас. Любовь к самим себе связывала нас друг с другом, каждого со всеми. Любовь к себе — это любовь к другим. Любовь к другим — это любовь к себе. И я любил! Я лучше, чем когда-либо, пони-

мал, почему Швейц сказал «я люблю вас», когда мы впервые очнулись от действия снадобья — эту странную фразу, столь непристойную на Борсене, столь нелепую в любом случае в разговоре мужчины с мужчиной.

Я говорил десяти шумарцам «я люблю вас», хотя и не произносил ни слова, ибо у меня не было слов, которые они могли понять. Но даже если бы я произнес это на своем родном языке и они поняли бы их, то они с негодованием отвергли бы их, эти грязные слова, так как среди моих соплеменников «я люблю вас» было непристойным выражением, и с этим ничего нельзя поделать. «Я люблю вас»! И именно это я и имел в виду, и они принимали мою любовь. Я был их частицей. Я, который совсем недавно снисходительно смотрел на них как на забавных первобытных людей, поклоняющихся лесному костру. Благодаря им я ощутил звуки леса и журчание ручья, милосердную любовь великой Матери-Земле, которая дышала под нашими ногами и которая вырастила для нас коренья, чтобы мы могли лечить ими свои разлученные друг с другом души. Я познал, что такое быть шумарцем и жить простой жизнью в месте слияния двух речушек. Я обнаружил, что можно обходиться без автомобилей и

банков и все же принадлежать к сообществу цивилизованных людей. Я понял, какими людьми с недоразвитой душой сделали себя обитатели Велады во имя мнимой своей святости, и насколько полноценной может быть душа, если следовать образу жизни шумарцев.

Все это пришло ко мне не в словах и не в потоке образов, а скорее во внезапно обретенном понимании, которое снизошло на меня и стало частицей меня, причем, как это произошло, я не могу ни описать, ни объяснить. Я слышу, как вы сейчас говорите, что я, должно быть либо лгу, либо поленился более подробно описать все, что испытал. Но поймите, не все можно изложить словами, для многого слов нет.

Ведь мне тогда придется говорить обо всем приближенно, с недомолвками и из самых лучших побуждений можно будет исказить истину. Мне пришлось бы как-то обозначить мои ощущения словами, расположив их так, насколько позволяет мне мое искусство рассказчика, а вы затем должны будете превращать мои слова в какую-либо систему ощущений, привычную для вас.

Однако на каждой стадии такой передачи будет понижаться острота ощущений, и то, что вам останется, станет всего лишь бледной тенью

испытанного мною во время душевного очищения в Шумаре. Поэтому как я могу все это вам объяснить? Мы растворились друг в друге, растворились в море любви, мы, не знавшие языка друг друга, пришли к полному и всеобщему взаимопониманию наших обычно обособленных душ.

Когда действие снадобья прекратилось, частица меня осталась в них, а частица их — во мне. Если вы захотите заглянуть в свою душу, если вы захотите вкусить любви в первый раз за всю свою жизнь, то я могу сказать лишь одно: не ищите объяснений в красиво выстроенных словах, приложитесь губами к напитку с порошком. Приложитесь губами…

44

Мы выдержали испытание. Они дадут нам то, что мы хотели. После причастия любовью наступило время торговли. Мы вернулись в деревню, и утром наши носильщики вынесли наши сундуки с товарами для обмена, а старейшины принесли три толстых глиняных кувшина, в которых, очевидно, был необходимый нам порошок. И мы сложили большую кипу ножей, зеркал и зажигалок, а они тщательно отмерили порошок из двух кувшинов в третий.

Обменом распоряжался Швейц. От проводника, приведшего нас с побережья, было мало толку, ибо, хоть он и умел говорить на языке старейшин, он никогда не беседовал с их душами. По сути торги превратились в нечто противоположное, ибо когда Швейц со счастливой улыбкой добавил в придачу к нашей цене несколько безделушек, старейшины ответили ему тем, что отсыпали еще порошка в наш кувшин. Торги превратились в состязание щедрости и в конце концов мы отдали все, что было у нас, оставив только несколько предметов для подарков нашему проводнику и носильщикам. Туземцы же отдали нам столько

этого чудесного порошка, что его вполне могло хватить на тысячи мозгов.

Когда мы вернулись в бухту, капитан Криш уже ожидал нас.

— Видно, торговля была довольно успешной? — спросил он.

— Разве это столь очевидно? — удивился я.

— Вы были в смятении, когда прибыли сюда. Отсюда же вы уезжаете с улыбками на лице! Разве не очевидно, что торговля была удачной?

В первый же вечер нашего обратного плавания в Маннеран Швейц пригласил меня в свою каюту. Он вытащил кувшин с порошком и взломал печать. Я смотрел, как он осторожно пересыпает порошок в небольшие пакеты, примерно такие же, как первый, в котором находилась первая моя порция. Он работал молча, почти не глядя на меня и заполнил пакетов семьдесят-восемьдесят. Закончив расфасовку, он отсчитал дюжину пакетов и отодвинул их в сторону. Указывая на оставшиеся, он сказал:

— Это для вас. Спрячьте их хорошенько среди багажа, если не хотите прибегать к своему влиянию на таможенников, чтобы в сохранности привезти их.

— Вы дали мне в раз пять больше, чем взяли

себе, — запротестовал я.

— Вам этот порошок нужен больше, чем мне, — усмехнулся землянин.

45

Я не понимал, что он имел в виду, пока мы снова не оказались в Маннеране. Мы высадились в Хилминоре, расстались с капитаном Кришем, прошли формальную проверку (как доверчивы были еще совсем недавно таможенники!) и на своем автомобиле отправились в столицу. Въехав в Маннеран-сити со стороны шумарского шоссе, мы проследовали мимо рынков и магазинов, расположенных прямо на открытом воздухе, где тысячи маннеранцев толкались, торговались друг с другом, спорили между собой. Я видел, как ревностно спорили покупатель и торговец, как тщательно они заключали сделки и потом заполняли бланки для договоров. Я видел их лица, сосредоточенные, настороженные, их тусклые, недобрые глаза. И я думал о средстве, которое было со мной и говорил себе: «Если б я только мог растопить лед их сердец!» Я представлял себе, как хожу среди них, этих чужеземцев, отвожу в сторону то одного, то другого, и ласково шепчу каждому: «Я — принц из Саллы и высокопоставленный чиновник Портового Суда, который оставил все свои дела только для того, чтобы

дать счастье людям. Я покажу вам, как испытать радость с помощью самообнажения. Верьте мне — я люблю вас!» Без сомнения, многие будут шарахаться от меня, как только поймут, о чем я им толкую, многие могут сразу же оттолкнуть меня, напуганные непристойным словом «я», другие же, выслушав, начнут плевать мне в лицо и назовут сумасшедшим, а некоторые даже позовут полицию. Но, вероятно, будут и такие, кто ощутит соблазн и пойдет со мной в какое-нибудь укромное место, где мы сможем разделить снадобье из Шумара. Я буду открывать одну душу за другой, пока в Маннеране таких, как я, не станет десять — двадцать — сто — целое тайное сообщество самообнажающихся, узнающих друг друга по теплу и любви, излучаемым их взглядами, не боящихся произнести слова «я» и «мне» перед другими посвященными, отказавшихся не только от тусклого синтаксиса, но и от дурмана самоотречения, выражающегося витиеватыми и нескладными фразами. А затем я еще раз зафрахтую корабль капитана Криша, возвращусь с пакетами белого порошка и продолжу свою деятельность в Маннеране. Я и те, кто последует за мной, мы снова и снова будем подходить то к одному, то к другому и, улыбаясь, будем шептать: «Я покажу вам, как

найти радость в откровении. Верьте мне — я люблю вас!» В этих видениях Швейцу не было места. Это чужая для него планета и не его дело — преобразовывать ее. Все, что интересовало его — это удовлетворение личных духовных запросов, жажда постичь божественное. Он уже идет по этому пути и сам завершит его, без чьей-либо помощи. Швейцу не нужно бродить по городу, соблазняя незнакомцев. Именно поэтому он и отдал мне большую часть купленного нами порошка, ибо я был новым пророком, мессией откровенности, и Швейц понял это значительно раньше, чем я. До сих пор ведущая роль принадлежала ему, я же был в его тени. Теперь он уже не будет затмевать меня. Вооруженный своими пакетиками, чудесными пакетиками, волшебными пакетиками, я один, один начну изменять нашу планету!

Это была как раз та роль, к которой я всегда стремился. Всю свою жизнь я находился в тени то одного, то другого человека, и поэтому, несмотря на все свои умственные способности и физическую силу я привык считать себя человеком второразрядным. Вероятно, это нормально для второго сына септарха. Сначала был мой отец, с которым я даже не мечтал сравняться ни по

власти, ни по могуществу. Затем появился Стиррон, чье восшествие на престол привело к моему добровольному изгнанию. Затем мой хозяин на лесоповале в Глине, затем Сегворд Хелалам, затем… Швейц. У всех этих людей была цель в жизни и они решительно шли к ней. Они знали свое место в жизни и держались за него, в то время как я частенько пребывал в смятении.

Теперь же, когда прошла добрая половина жизни, наконец и я могу проявить себя. У меня появилась цель! Божественное провидение привело меня сюда, сделало меня тем, кем я стал, подготовило мой дух для осуществления великой миссии. И я с радостью взялся за нее.

46

У меня была знакомая девушка, которой я покровительствовал. Она говорила, что является незаконнорожденной дочерью герцога Конгоройского, зачатой им во время одного из его официальных визитов в Маннеран еще в годы правления моего отца. Возможно, это было правдой. Она, во всяком случае, верила в это. Дважды или трижды в месяц я навещал ее на часок-другой, когда совсем одуревал от своей будничной работы либо от скуки, которая буквально душила меня. Девушка была простой, но отзывчивой, мягкой, нетребовательной. Я не скрывал от нее, кто я такой, но никогда не изливал перед нею свою душу и не ожидал подобного и от нее. Разумеется, и речи не могло быть о любви между нами. Она стала первой, кому я дал снадобье, смешав его с золотистым вином.

— Мы выпьем это вместе, — сказал я, и когда она спросила у меня, что это такое, ответил, что это очень сблизит нас.

Тогда она спросила, как воздействует этот напиток на нас, спросила просто из любопытства. И я объяснил:

— Оно откроет друг перед другом наши души. Оно сделает прозрачным все стены, разъединяющие нас.

Она не возражала, не взывала к Завету и не осуждала зло откровенности. Она поступила так, как ей было велено, убежденная, что я ничего плохого ей не сделаю. Мы вместе приняли снадобье и долго лежали обнаженные, прижавшись друг к другу, пока не почувствовали, как бьются вместе наши сердца.

— О! — воскликнула девушка. — Все это так необычно!

Но эти новые ощущения не испугали ее. Наши души растворились одна в другой, затем нас охватила буря взаимных чувств, и никакие запреты Завета уже не могли сдержать напор нашей любви.

47

В Судебной Палате Порта служил один клерк, некто Улман, человек вдвое моложе меня, очень многообещающий, который очень мне нравился. Он знал об истинном моем могуществе в Маннеране, о моем происхождении, однако вовсе не испытывал страха передо мною. Его уважение ко мне было вызвано только моими способностями, моими возможностями оценивать и разрешать самые сложные задачи, связанные с деятельностью Палаты. Однажды я задержал его после работы и позвал к себе в кабинет после того, как остальные сотрудники разошлись.

— Есть одно лекарство из Шумара, — начал я, — которое позволяет разуму одного человека свободно проникнуть в сознание другого.

Он улыбнулся и сказал, что слышал о нем и знает, что его трудно достать и опасно употреблять.

— Никакой опасности нет! — возразил я. — Что же касается того, как его достать… — я вытащил один из своих пакетиков. Он продолжал улыбаться, хотя щеки у него слегка порозовели.

Мы вместе приняли порошок у меня в кабинете. Через несколько часов, когда мы уходили

домой, я дал ему несколько пакетиков, чтобы он предложил порошок своим друзьям.

48

В Каменном Соборе я осмелился заговорить с одним чужеземцем, невысоким толстяком в одежде принца, возможно, членом семьи одного из септархов. У него были ясные спокойные глаза добропорядочного человека.

Весь вид его говорил о том, что он довольно часто заглядывал в свой душевный мир и был вполне удовлетворен тем, что там видел. Но когда я заговорил с ним, он оттолкнул меня и отругал с такой яростью, что гнев, охвативший его, заразил и меня. Я едва не ударил его в слепом бешенстве.

«Самообнажающийся! Самообнажающийся!» Этот крик эхом прокатился по священному зданию, и многие посетители вышли из комнат, где они размышляли, чтобы узнать, что произошло. Никогда еще мне не было так стыдно, как тогда. Моя возвышенная миссия предстала передо мной в совершенно новом свете — я увидел ее как нечто грязное, а себя как жалкого, подкрадывающегося исподтишка пса, желающего выставить напоказ перед незнакомцами свою нечистую душу. Гнев мигом оставил меня, его место занял страх. Я скользнул, как воришка в тень и поско-

рее постарался выскочить через боковую дверь наружу, опасаясь ареста. Целую неделю я ходил озираясь. Но никто не преследовал меня, кроме разве что своей собственной совести.

49

Опасность ареста миновала меня. Снова я почувствовал, насколько добродетельна моя миссия. Я ощутил только печаль, думая о человеке, который отказался от моего дара.

За последующую неделю я нашел трех незнакомых мне людей, согласившихся разделить со мной откровение. Теперь я изумлялся, как могло случиться, что сомнения едва не одолели меня. Однако самые мучительные сомнения были впереди…

50

Я попытался теоретически обосновать необходимость использования наркотика и создать новую теологию любви и искренности. Я изучил Завет и многочисленные комментарии к нему, стараясь понять, почему первые поселенцы в Веладе обожествили недоверчивость и скрытность? Чего они боялись? Что они хотели утаить? Темные люди из сумрачных времен, в черепах которых копошились ядовитые змеи. Они были убеждены в собственных добродетелях и поступали из самых благих намерений. Не раскрывай своей души даже близким. Они не должны знать, что тебе на самом деле нужно. Ты должен быть открыт только перед богами. Так эти люди и жили сотни лет, не задавая вопросов, покорные и верные Завету. Для большинства из них приверженность Завету теперь обусловлена лишь воспитанием и щепетильностью: они сами не хотят слушать других и посвящать их в свои заботы, по этому так и живут с запертыми на замок душами. Их душевные раны кровоточат, а они разговаривают на языке, в котором нет места первому лицу.

Не пора ли создать новый Завет, утверждающий любовь и соучастие?

Укрывшись дома, я мучительно пытался таковой написать. Что я мог сказать, чтобы поверили? Мы многого достигли, опираясь на старую мораль, но только за счет прискорбного отказа от самого себя. Уже нет тех опасностей, которыми была полна жизнь первых поселенцев, и от некоторых обычаев, ставших помехами, нужно отказаться. Общество должно развиваться, иначе оно начнет разрушаться. Любовь лучше, чем ненависть, а доверие лучше, чем подозрительность. Но многое из того, что я написал, не могло убедить даже меня самого. Почему я нападаю на установленный порядок? Из глубоких убеждений или просто ради удовольствия? Я — человек своего времени. Я крепко связан путами своего воспитания, хотя усиленно старался разорвать их. Старое мировоззрение вошло в противоречие с новым, еще не сформировавшимся. Я из одной крайности впадал в другую, стыдясь своей экзальтации. Когда я усердно трудился над введением к своему Новому Завету, в кабинет вошла Халум.

— Что ты пишешь? — приветливо спросила она.

Я прикрыл страницу чистым листом и смутил-

ся. Девушка стала извиняться.

— Тебе интересно? — как можно беззаботнее спросил я. — Это отчеты по службе. Так, пустяки. Обычная бюрократическая писанина.

В этот вечер, презирая себя, я сжег все, что успел написать.

51

В эти недели я совершил много поездок в неизвестные мне места.

Друзья, туземцы, случайные знакомые, любовница — вот компания, с которой я путешествовал. Но за все это время я ни слова не сказал Халум о белом порошке. Испытать его действие вместе с ней было моим основным желанием.

Именно ради этого я в первый раз прикоснулся к нему губами. А сейчас я боялся сделать ей такое предложение: вдруг, познав меня очень близко, она перестанет меня любить?

52

Несколько раз я был готов заговорить с ней об этом. И каждый раз, в самый последний момент сдерживал себя. Я не осмеливался приблизиться к ней. Если хотите, вы можете измерить степень моей искренности по той нерешительности, которую я тогда проявлял. Насколько чистым, вы можете спросить, было мое новое вероучение об открытости, если я чувствовал, что моя названая сестра будет выше такого общения? Но я не стану лукавить, что была какая-то последовательность в моих размышлениях. Мое освобождение от табу, тяготевшим над откровенностью, — это следствие внешнего толчка, а не внутреннего развития, и я был вынужден непрестанно бороться со старыми этическими представлениями. Хотя, разговаривая со Швейцем, я и произносил слова «я» и «мне», однако при этом всегда ощущал какую-то неловкость.

Обрывки разорванных пут продолжали сковывать меня. Я любил Халум и желал, чтобы наши души соединились. В моих руках было средство, которое могло соединить нас. А я не решался. Да, не решался.

53

Двенадцатым из тех, с кем я разделил снадобье с Шумары, был мой побратим Ноим. Он часто приезжал ко мне и гостил иногда по целой неделе.

Пришла зима, принеся снег в Глин, холодные дожди в Саллу и лишь туман в Маннеран, и северяне обожали приезжать в нашу теплую провинцию. Я не виделся с Ноимом с лета прошлого года, когда мы вместе охотились в Хашторах. В этом же году мы как-то потеряли интерес друг к другу. Место Ноима в моей жизни занял Швейц, и я почти не ощущал потребности в общении с побратимом.

Ноим теперь был довольно богатым землевладельцем в Салле: унаследовал земли семьи Кондоритов и родственников жены. Он пополнел, хотя и не стал толстым. У него было гладкое, даже несколько слащавое лицо, загорелая безупречная кожа, полные самодовольные губы; круглые насмешливые глаза отражали ум и проницательность этого человека. Ничто не ускользало от его внимания. Появившись у меня в доме, Ноим сразу же тщательно осмотрел меня, как бы подсчитывая мои зубы и морщинки у

глаз, и после формальных братских приветствий, после передачи подарков его и Стиррона, после подписания соглашения между собой, между хозяином и гостем, он неожиданно спросил:

— У тебя неприятности, Кинналл?

— С чего ты это взял?

— У тебя заострилось лицо. У тебя какая-то странная улыбка. Улыбка человека, который хочет показаться беззаботным. У тебя красные глаза, и ты их стараешься отвести, словно не хочешь смотреть прямо на собеседника.

Что-нибудь не так?

— Эти несколько месяцев были самыми счастливыми, — ответил я, возможно, даже слишком пылко.

Ноим не обратил внимание на мой ответ:

— У тебя неприятности с Лоимель?

— Пожалуйста, Ноим, ты даже не поверишь, как…

— Перемены написаны на твоем лице, — перебил он меня. — Неужели ты будешь отрицать, что в твоей жизни произошли перемены?

Я пожал плечами:

— Ну и что? А если и так?

— Изменения к худшему?

— Пожалуй, нет.

— Ты уклоняешься от вопросов, Кинналл. Для чего же тогда побратим, если не поделиться с ним своими заботами?

— Особых-то забот и нет, — настаивал я.

— Очень хорошо, — и он прекратил расспросы. Но я заметил, что в течение всего этого вечера побратим внимательно наблюдал за мной. А утром, за завтраком, он вновь вернулся к нашему разговору. Я ничего не мог скрыть от него. Мы сидели за бокалами голубого вина и беседовали об урожае в Салле, о новой программе Стиррона по преобразованию налогообложения, говорили о вновь возникших трениях между Саллой и Глином, о кровавых пограничных инцидентах, которые недавно стоили жизни моей сестре. И все это время Ноим наблюдал за мной. Халум завтракала с нами, и мы вспоминали о своем детстве, но и тогда Ноим не сводил с меня глаз. Глубина и сила его участия терзали меня. Вскоре он наверняка станет расспрашивать других, постарается выудить из разговоров с Лоимель или Халум какие-нибудь проясняющие подробности и может возбудить в них тревожное любопытство. Я не мог допустить этого. Ноим должен знать, что стало главным в жизни его побратима. Вечером того же дня, когда все разошлись, я

отвел Ноима в свой кабинет, открыл тайник, где хранился белый порошок, и спросил, знает ли он что-нибудь о шумарском снадобье. Он сказал, что даже не слышал о нем. Я коротко описал ему действие порошка. Лицо его помрачнело, и он как-то внезапно стих.

— И часто ты употребляешь эту дрянь? — наконец вымолвил Ноим.

— Пока всего одиннадцать раз.

— Одиннадцать? И для чего, Кинналл?

— Чтобы лучше узнать, что из себя представляет собственная душа через восприятие других, — смело ответил я.

Ноим взорвался хохотом:

— Неужели самообнажение? Ну ты даешь, Кинналл!

— С годами вырабатываются странные привычки, брат.

— И с кем же ты играешь в эти игры?

— Их имена не имеют для тебя никакого значения, — уклонился я. — Ты не знаешь никого из них. Если говорить в общем, то это жители Маннерана, любители приключений, которые не боятся риска.

— Лоимель?

Теперь настала моя очередь смеяться.

— Она об этом даже и не помышляет.

— А Халум?

Я покачал головой:

— Хотелось бы набраться смелости и предложить ей попробовать. Но пока я все скрываю от нее. Из страха, ведь она слишком непорочна и к тому же легко ранима. Печально, не так ли, Ноим, что приходится скрывать нечто замечательное, нечто удивительное от своей названой сестры.

— И от названого брата тоже!

— Тебе об этом со временем было бы обязательно сказано. Может, попробуешь?

Глаза его сверкнули.

— И ты думаешь, надо попробовать? Нет, я не хочу!

Он непристойно выругался, что вызвало у меня всего лишь легкую усмешку.

— Есть надежда, что побратим разделит все, что довелось испытать.

Сейчас это средство откроет пропасть между нами, ибо приходилось бывать в таких местах, где ты никогда не был. Понимаешь, Ноим?

Брат кивнул. Я ввел его в искушение — это было видно по его лицу. Он кусал губы и потирал мочку уха, и все, что происходило в его мозгу, было мне ясно, будто мы уже разделили с ним снадобье с

Шумары. Из-за меня Ноим испытывал серьезное беспокойство: он понял, что я слишком далеко ушел от заповедей Завета и что, возможно, вскоре у меня будет крупнейший разлад как с самим собой, так и с законом. Однако ему не давало покоя собственное любопытство. Он сознавал, что предельная откровенность со своим побратимом — не бог весть какой грех, и ему трудно было устоять против соблазна вступить в общение со мной под воздействием этого наркотика. К тому же он испытывал ревность: ведь я обнажал свою душу перед другими людьми, какими-то незнакомцами, а не перед ним. Скажу вам честно, когда потом душа Ноима была открыта передо мной, мои мысли о теперешнем состоянии брата подтвердились.

Несколько дней мы не говорили об этом. Ноим приходил ко мне на работу и с восхищением смотрел, как я управляюсь с делами. С делами высочайшей государственной важности! Он видел, как почтительно относились ко мне служащие. Брат встретился с тем самым Улманом, которому я давал снадобье и равнодушная фамильярность которого вызвала у него подозрение. Мы вместе наведались к Швейцу и опустошили не один графин доброго вина, обсуждая различ-

ные религиозные темы, добродушно и искренне переругиваясь, возбужденные хмельными напитками. («Вся моя жизнь, — сказал Швейц, — была поиском действительных причин того, что я понимал как иррациональное»).

Ноим заметил некоторые грамматические вольности в речи Швейца. В другой вечер мы обедали в обществе маннеранских аристократов в роскошном доме свиданий на холме, с которого открывалась панорама города. Это были маленькие, похожие на птиц, мужчины, нарядно одетые, суетливые, и огромные молодые красавицы-жены. Ноиму быстро наскучили эти худосочные герцоги и бароны и их разговоры о торговле и драгоценностях. Но он сразу же насторожился, услышав о каком-то зелье, попавшем в столицу с южного материка, которое якобы способно распечатать сознание. На это я откликнулся только вежливым междометием, выражавшим удивление. Увидев мое лицемерие, Ноим свирепо сверкнул на меня глазами, и даже отказался от бокала нежного маннеранского брджи: столь натянутыми стали его нервы.

На следующий день мы вместе пошли в Каменный Собор, но не на исповедь, а просто чтобы посмотреть на древние реликвии, которые всегда

интересовали Ноима. Нам повстречался исповедник Джидд и как-то странно мне улыбнулся. Я сразу же заметил, что Ноим стал прикидывать, не поймал ли я его в свои сети? Я видел, как в Ноиме закипает желание вернуться к тому разговору, но он никак не может решиться. Я же молчал. В конце концов накануне своего отъезда в Саллу Ноим не выдержал.

— Это твое снадобье… — начал он неуверенно.

Побратим сказал далее, что не сможет считать себя настоящим побратимом, если не отведает моего снадобья. Эти слова дались ему с огромным трудом: на верхней губе выступили капельки пота. Мы отправились в комнату, где нам никто не мог помешать, и я приготовил лекарство. Взяв в руки бокал, брат дерзко улыбнулся мне, но рука его тряслась так, что он едва не пролил зелье на пол.

Оно быстро подействовало на нас обоих.

В этот вечер была необычно высокая влажность, густой туман покрыл весь город и его окрестности. Казалось, он проник и в нашу комнату через полуоткрытое окно. Я видел, как дрожащие, мерцающие туманные сгустки танцевали между мной и Ноимом. Первые же ощущения, вызванные наркотиком, встревожи-

ли брата, но я объяснил, что так и должно быть: удвоенное сердцебиение, ватная голова, высокие зудящие звуки. Теперь мы были обнажены друг перед другом. Я изучал внутренний мир Ноима, познавал не только его сущность, но и его представления о самом себе, покрытые налетом стыда и презрения. Ноим яростно ненавидел свои воображаемые недостаткам, а их было немало. Он обвинял себя в лени, отсутствии самодисциплины и честолюбия, недостаточной набожности, небрежном отношении к высоким обязанностям, физической и душевной слабости. Почему он видел себя таким, я не мог понять. Рядом с этим вымышленным образом был настоящий Ноим человек крутого нрава, преданный тем, кого любил, жесткий по отношению к глупости, проницательный, отзывчивый, энергичный. Контраст между выдуманным Ноимом и настоящим был ошеломляющим. Казалось, что он мог трезво судить обо всем на свете, кроме собственной личности. Я уже и раньше наблюдал подобные противоречия, экспериментируя с другими партнерами. Фактически такое презрительное отношение встречалось у всех, кроме Швейца: очевидно, он не имел воспитанной с детства склонности к самоуничтожению. Однако Ноим был слишком

критичен к себе.

Как и прежде, я увидел собственный образ, отраженный в восприятиях Ноима, — гораздо более благородный Кинналл Дариваль, чем это казалось мне самому. Как он идеализировал меня! Я был воплощением всех его представлений об идеале, человеком действия и доблести, умевшим осуществлять свою власть и получать желаемое, я был врагом праздности, примером строжайшей внутренней самодисциплины и набожности. Однако на этом образе выделялись свежие пятна, ибо теперь я, осквернив Завет, не только занимался грязным душевным развратом с одним, другим, третьим, но и соблазнил своего побратима участвовать в преступном эксперименте. Увидел также Ноим истинную глубину моих чувств к Халум. Сделав это открытие, которое подтвердило его старые подозрения, он сразу же изменил мой образ, причем не в лучшую сторону.

Я же показал Ноиму, каким я его всегда видел: быстрым, умным, способным, показал ему также, каким он был на самом деле, и тот образ, который он создал о себе в своем разуме. Взаимное изучение длилось довольно долго. Я полагаю, этот процесс был чрезвычайно ценен для нас обоих:

только мы как побратимы могли дать объективную картину того, что делалось в нашей душе. В этом у нас было огромное преимущество перед любой парой ранее незнакомых людей, объединившихся с помощью шумарского снадобья.

Возвратившись в реальность, я почувствовал себя взволнованным и изнуренным, но тем не менее, облагороженным и изменившимся.

Другое дело Ноим. Он выглядел холодным и опустошенным. Он не мог поднять на меня глаза. У него было такой безразличный вид, что я не стал ни о чем спрашивать, а просто молча ждал, пока брат придет в себя. В конце концов Ноим хрипло произнес:

— Это все?

— Да.

— Обещай одно, Кинналл. Согласен обещать?

— Что?

— Обещай, что никогда не будешь пытаться сделать это с Халум!

Обещаешь? Обещаешь, Кинналл? Обещай, что никогда, никогда не будешь пытаться сделать это с Халум!

54

Через несколько дней после отъезда Ноима ощущение вины перед ним погнало меня в Каменный Собор. Ожидая, когда Джидд сможет меня принять, я бродил по залам и закоулкам этого сумрачного здания, останавливаясь возле алтарей, почтительно кланяясь полуслепым толкователям Завета, спорящим во внутреннем дворе, отмахиваясь от неизвестных исповедников, которые, узнав меня, предлагали свою помощь. Все вокруг меня должно говорить о богах, но, как ни старался, я так и не мог обнаружить никакого божественного духа.

Возможно, Швейц пришел к вере с помощью душ других людей, я же, уйдя в самообнажение, потерял веру, и теперь мне все это было безразлично. Я знал, что со временем, даря любовь и доверие, я вновь обрету веру. Поэтому я чувствовал себя в Соборе простым туристом.

Вскоре Джидд прислал за мной. Я не исповедовался с того самого дня, накануне которого Швейц впервые дал мне шумарское зелье. Священник, маленький человек с кривыми ногами и крючковатым носом, упрекнул меня в этом, отдавая мне

в руки бланк договора. Я объяснил свое долгое отсутствие занятостью в палате. Он покачал головой и издал какой-то неодобрительный звук.

— У вас вот-вот начнет хлестать через край, — сказал Джидд, но я ничего не ответил и стал на колени перед зеркалом, отражавшим худое, незнакомое лицо. Он спросил, какого бога я предпочитаю сегодня, я ответил, что бога невинности, — исповедник странно посмотрел на меня. Зажглись священные огни. С помощью мягких слов он ввел меня в состояние полутранса, облегчающее исповедь. Что я мог сказать? Что я пренебрег данным мною обетом и запутался в попытках самообнажения со случайными людьми? Я сидел молча. Джидд постарался вызвать меня на разговор. Он сделал такое, чего ни когда не делал ни один исповедник: напомнил мне о предыдущей исповеди и попросил еще раз рассказать о том лекарстве, в употреблении которого я тогда сознался. Употреблял ли я его еще? Я прижался лицом к зеркалу, затуманив стекло своим дыханием. Да, да. Я жалкий грешник, который так и не смог одолеть свою слабость. Тогда Джидд спросил у меня, как я раздобыл это средство, и я рассказал, что в первый раз я попробовал его в обществе человека, который приобрел его у

побывавшего на материке Шумара. Священник поинтересовался, как зовут моего сообщника. Это был неуклюжий ход — я сразу насторожился. Мне показалось, что заданный вопрос имеет для Джидда гораздо большее значение, чем требуется для исповеди. К тому же в то время он не имел никакого отношения к моему душевному состоянию. Поэтому я отказался назвать имя. Тогда исповедник немного грубовато спросил у меня, не боюсь ли я, что он нарушит тайну обряда.

Боялся ли я этого? В редких случаях я утаивал что-либо от исповедников из чувства стыда, но никогда из страха перед предательством.

Я был наивен и всецело верил в этику церкви. Только теперь, когда Джидд неожиданно вызвал во мне подозрительность, я задал себе вопросы: «А можно ли доверять Джидду и всему его племени? Почему он так хочет узнать меня?

За какими сведениями он охотится? Что будет, если я открою свой источник снадобья». Я ответил строго:

— Испрашивается прощение только для того, чтобы не обидеть неизвестного исповеднику человека. Как же можно назвать имя сообщника, который надоумил на это? Пусть он сам и рассказывает на исповеди!

Но конечно же, Швейц никогда не пойдет в церковь. Таким образом, я выиграл эту словесную дуэль с Джиддом. Однако теперь я осознал бесполезность исповеди.

— Если вы хотите благословения богов, — заметил Джидд, — вы должны полностью раскрыть свою душу.

Как же я мог это сделать? Сознаться, что я соблазнил на самообнажение одиннадцать человек? Мне уже не нужно было прощения исповедника: я не верил в его добрую волю. Я быстро поднялся, ощущая легкое головокружение от долгого стояния на коленях в темноте, покачнулся и едва не упал. Звуки пения какого-то гимна, доносившиеся издалека, были мне совершенно безразличны.

— Исповедь сегодня что-то не получается, — сказал я Джидду. — Нужно более тщательно обследовать душу.

С этими словами я рванулся к двери. Исповедник вопросительно посмотрел на деньги, которые я всучил ему в руку и спросил:

— Плата?

— Можете оставить ее у себя, — ответил я и вышел.

55

Теперь дни для меня стали просто промежутками, отделявшими один прием снадобья от другого. Я стал пассивен во всем и отстранился от всяких обязанностей, ничего не замечая вокруг, живя только ради следующего общения. Реальный мир перестал существовать для меня. Я потерял вкус к женщинам, вину, пище, деятельности Судебной Палаты, трениям между соседними провинциями Велады и ко всему остальному, что встречается в жизни взрослого мужчины. Возможно, я стал слишком часто употреблять этот порошок. Я похудел, меня мучила бессонница, часами я ворочался без сна, задыхаясь от влажного воздуха тропиков. Утром я вставал очень усталым и в полудреме проводил все свое дневное время. Я почти не разговаривал с Лоимель и не прикасался ни к ней, ни к другим женщинам. Я даже заснул как-то днем за обедом с Халум. Я оскандалился при верховном судье Калимоле, ответив на один из его вопросов фразой: «Мне кажется...» Старый Сегворд Хелалам сказал мне, что я выгляжу больным, и предложил отправиться на охоту вместе с сыновьями

в Выжженные Низины. И тем не менее именно это зелье возвращало меня к жизни. Я отыскивал новых соучастников, как правило, их приводили те, которые уже совершили со мной путешествие во внутренний мир. Это была странная компания: два герцога, маркиз, проститутка, хранитель государственной архивной конторы, директор коммерческого банка Маннерана, поэт, капитан из Глина, любовница септарха, адвокат из Велиса, приехавший для ведения дел капитана Криша, и многие другие. Запас снадобья иссякал, и начались разговоры среди моих партнеров об организации новой экспедиции. К этому времени нас было уже пятьдесят. В Маннеране начались перемены!

56

Но иногда, неожиданно, в периоды смертельной тоски между общениями я испытывал необычное душевное смятение. Какая-то часть заимствованного мной чужого опыта, гнездившаяся в глубине моего подсознания, выходила наружу, перемешиваясь с моими переживаниями. Я продолжал сознавать, что я Кинналл Дариваль, сын септарха Саллы, и все же в мои воспоминания вклинивались переживания Ноима, или Швейца, или кого-нибудь из тех, с кем я делил зелье уже здесь, в Маннеране. Чужие мысли переплетались с моими, и целые периоды прошлого становились неясными для меня. Я был неспособен различить, было ли какое-нибудь событие частицей моей жизни, либо память о нем передалась мне через общение. Это меня смущало, но по-настоящему не страшило, за исключением первых двух или трех раз. Со временем я научился отличать чужие воспоминания от воспоминаний о моем подлинном прошлом благодаря многим признакам. Я понял, что снадобье превратило меня во «многие люди».

Я сделал свой выбор. Я не хочу быть меньше,

чем «одним».

57

Ранней весной небывалая жара охватила Маннеран, к тому же так часто шли дожди, что вся растительность города, казалось, сошла с ума и поглотила бы все улицы, если бы ее ежедневно не пололи. Зелень была повсюду: зеленая дымка в небе, зеленые ливни, иногда пробивались зеленые лучи солнца, широкие глянцевые зеленые листья покрыли все балконы. В такую погоду, пожалуй, могла покрыться зеленой плесенью даже душа человека.

Зеленью также были окутаны все лотки овощных лавок. Лоимель дала мне длинный список того, что я должен был купить, в основном деликатесов из Трайша, Велиса и Влажных Низин. И я послушно, как хороший муж, пошел за покупками — улица, где продавалась зелень, была неподалеку от Судебной Палаты. Лоимель собиралась устроить грандиозный пир в честь Дня Поименования нашей старшей дочери, которая, наконец, получала свое настоящее имя, выбранное раньше для нее, — Лоимель. Вся знать Маннерана была приглашена на это празднество. Среди гостей оказалось несколько, человек, кото-

рые испробовали со мной шумарское снадобье. Мне это доставляло особое удовольствие. Швейц, однако, приглашен не был, так как Лоимель всегда косо смотрела на него, да к тому же он собирался покинуть Маннеран, чтобы совершить какую-то деловую поездку.

Я продвигался среди лотков. Дождь прекратился совсем недавно, и небо было плоским зеленым диском, покоящимся на крышах домов. Вокруг все источало тонкие, терпкие ароматы. Вдруг в моей голове будто вскипели черные пузырьки, — я стал Швейцем, торгующимся на причале со шкипером, который только что привез очень дорогой груз из залива Шумар. Я остановился, чтобы насладиться этим сплетением индивидуальностей. Швейц растаял. Сквозь проступившее сознание Ноима я ощутил запах свежескошенного сена на полях имения Кондоритов под восхитительным солнцем конца лета.

Затем неожиданно я стал директором банка, сжимающим в своих объятиях Лоимель. Невозможно передать, что я тогда почувствовал. Невозможно описать перенесенный мной удар, короткий и жгучий, удар, потрясший меня столь ясным чужим восприятием. Я незадолго до этого принимал порошок с директором, и ошеломила

меня вовсе не измена Лоимель. Ее личные дела мало меня интересовали. Меня потрясло то, что во время общения я ничего такого не увидел в его душе, не понял, в каких отношениях он был с моей женой.

Либо эти видения возникли в моем мозгу без всякой причины, либо этому человеку удалось каким-то образом скрыть часть подсознания от меня, блокируя ее от моего проникновения, пока она все же не порвалась сейчас.

Значит, во время общения можно что-то утаить, хотя бы частично? Я всегда считал, что весь внутренний мир моего напарника распахнут передо мной.

Меня совсем не волновала его страсть, меня беспокоила неспособность согласовать то, что я сейчас испытал, с тем, что воспринял от него в день нашего общения. Но я не смог поразмышлять над этой проблемой, потому что когда я разглядывал витрину лавки пряностей, на мое плечо легла худая рука, и тихий голос произнес:

— Я должен тайно переговорить с вами, Кинналл.

Слово «я» мгновенно вырвало меня из размышлений.

Рядом со мной стоял Андрог Михан, хранитель

архива септарха Маннерана. Это был невысокий мужчина с резкими чертами лица, весь какой-то серый. С такими, вы должны понять, можно было принимать снадобье в последнюю очередь, если нет других напарников. Ко мне его как-то привел герцог Шумарский, один из самых первых моих партнеров.

— Куда мы можем пойти? — спросил я, и Михан указал на обшарпанную церквушку для низших слоев, находившуюся на противоположной стороне улицы.

Исповедник стоял на ее пороге, пытаясь зазвать к себе кого-нибудь. Я никак не мог понять, каким образом мы можем тайно переговорить в церкви, но все же последовал за архивариусом. Мы вошли внутрь, и Михан взял со стола исповедника бланки договора. Наклонившись близко ко мне, он прошептал:

— Полиция уже направляется в ваш дом. Когда вы вернетесь туда, вас арестуют и отвезут в тюрьму на один из островов в заливе Шумар.

— Откуда вы это знаете?

— Указ об этом был подписан сегодня утром и попал ко мне для занесения в архив.

— Каково обвинение? — спокойно поинтересовался я.

— В самообнажении, — ответил Михан. — Обвинительный акт составлен служащими Каменного Собора. Есть также еще и обвинение в нарушении светских законов — употреблении и распространении запрещенных наркотиков.

Вы попались, Кинналл.

— Кто же осведомитель?

— Некто Джидд. Говорят, что он исповедник в Каменном Соборе. Неужели вы рассказывали об всем на исповеди?

— Да… По наивности… Ведь святость церкви…

— Святость тюрьмы! — пылко перебил меня Андрог Михан. — Вы должны сейчас же бежать. Не забывайте, против правительства вы бессильны!

— Куда же идти?

— На сегодняшнюю ночь вас укроет герцог Шумарский. Но потом…

Архивариус запнулся — вернулся исповедник. По-хозяйски улыбаясь, он спросил:

— Ну что же, господа, кто из вас первый?

— Срочное свидание откладывает нашу встречу, — покачал головой Михан.

— У этого человека свидание, а здесь, — я ткнул пальцем в грудь, внезапное плохое самочувствие.

И сунув озадаченному исповеднику крупную

монету, мы вышли из церкви.

На улице Михан сделал вид, что не знает меня, и каждый из нас, не проронив больше ни слова пошел своим путем. Я не сомневался в истинности предупреждения ни единой секунды. Мне нужно было немедленно бежать.

Лоимель сама купит необходимые ей специи. Поэтому я немедленно отправился к герцогу Шумарскому.

58

Герцог — один из самых богатых людей в Маннеране. Его поместья разбросаны по побережью залива и склонам Хашторов, а роскошный дом в столице посреди парка мог бы вполне сойти за дворец императора. Он наследственный сборщик пошлины в ущелье Стройн, что и является причиной благоденствия его семьи: в течение столетий какая-то часть выручки с продажи экзотических плодов Влажных Низин на рынках Маннерана оседала в семейной казне. В своей уродливости герцог в высшей степени был замечателен, можно даже сказать, красив: большая плоская треугольная голова, узкие губы, огромный нос и необычайно густые вьющиеся волосы, ковром покрывающие всю голову. Волосы совершенно седые, однако лицо было совсем без морщин; на нем сверкали огромные темные проницательные глаза, остроту которых подчеркивали впалые щеки. У него было аскетическое лицо, всегда казавшееся мне то святым, то чудовищным, а иногда одновременно и тем и другим. Я сблизился с ним почти сразу же по прибытии в Маннеран, много лет тому назад. Он тогда помогал Сегворду

Хелаламу утвердиться в своей должности. Кстати, герцог был шафером со стороны Лоимель на нашей свадьбе. Каким-то образом он догадался, что я начал употреблять шумарский порошок, И добился того, чтобы принять его вместе со мной. Это и произошло четыре месяца назад, в самом конце зимы.

Оказавшись в доме, я обнаружил, что полным ходом шло возбужденное совещание.

Присутствовало большинство значительных людей, которых я завлек в свой круг самообнажающихся. Здесь было человек двенадцать. Архивариус Михан прибыл вскоре после меня.

— Теперь мы все в сборе, — сказал герцог Смор. — Они могли бы уничтожить нас одним ударом, но почему-то медлят. Кстати, как у нас охрана?

— Никто не побеспокоит нас внезапно, — ответил герцог Шумарский, обиженный предположением, что обычная полиция может ворваться в его дом.

Он перевел взгляд своих огромных необычных глаз на меня.

— Кинналл, это ваша последняя ночь в Маннеране. Здесь мы ничем не можем вам помочь. Вам предстоит стать козлом отпущения.

— Кто же это так решил?

— Конечно же, не мы! — воскликнул герцог. Он разъяснил, что сегодня днем в Маннеране была произведена попытка чего-то вроде дворцового переворота. Исход до сих пор неизвестен, возможно, он удался. Бунт младших чиновников против своих повелителей. Начало этому было положено тем, что я сознался в употреблении шумарского зелья исповеднику Джидду. (Лица всех присутствующих в зале помрачнели — невысказанный намек на то, какой я глупец, что доверился церковнику. И сейчас я должен заплатить за свою глупость.) Я не был столь искушен в политике и в жизни, как эти люди!

Джидд, как оказалось, связался с заговорщиками среди недовольных младших чиновников, жаждущих добраться до власти. Поскольку он был исповедником самых могущественных людей Маннерана, то имел прекрасную возможность помочь этим честолюбцам, выдав все тайны сильных мира сего.

Почему Джидд решился нарушить данную им клятву — неизвестно. Герцог Шумарский предположил, что близкое знакомство породило у Джидда неприязнь.

После того как он выслушивал в течение

многих лет грустные излияния своих могущественных клиентов, исповедник возненавидел их. Доведенный до отчаяния их признаниями, он нашел удовлетворение в содействии их сокрушению. (Теперь я по-новому осознал, на что могла быть похожа душа исповедника). С этих пор Джидд, по подсчетам герцога, — уже несколько месяцев, передавал полезные сведения жадным низшим чиновникам, которые ими запугивали своих повелителей, иногда весьма успешно. Сознавшись в употреблении наркотика, я сам стал уязвимым, и он продал меня определенному кругу лиц Судебной Палаты, которые всегда хотели изгнать меня.

— Но это абсурд! — вскричал я. — Единственное свидетельство против меня охраняется святостью Церкви! Как мог Джидд жаловаться на меня, основываясь только на том, в чем я сам ему сознался? Я сокрушу его обвинением в нарушении договора!

— Есть еще одно свидетельство, — печально заметил маркиз Войн.

— Что?

— Джидд побудил ваших врагов, — продолжал маркиз, — провести определенное расследование. В трущобах за Каменным Собором они

нашли одну женщину, которая призналась им, что вы один раз напоили ее странным напитком, открывшим ее душу перед вами.

— Канальи!

— Они также сумели найти связь между некоторыми из нас и вами.

Сегодня утром перед нами предстали наши подчиненные, требуя передать им ведение государственных дел, либо подвергнуться разоблачению. На нас не подействовали эти угрозы, и шантажисты сейчас под арестом, но нечего даже говорить, как много сообщников они имеют в высших сферах. Возможно, в начале следующего месяца нас всех выбросят из своих мест и нашей властью завладеют новые люди. Тем не менее я сомневаюсь в этом, ибо, насколько мы можем определить, до сих пор единственно серьезным свидетельством является признание этой суки, которое имеет в виду только вас, Кинналл. От обвинения Джидда, конечно, можно отмахнуться, хотя оно может принести определенный вред.

— Мы могли бы уничтожить протокол с ее признанием, — сказал я. — А потом я заявлю, что никогда не знался с нею. Я…

— Слишком поздно, — покачал головой Главный Прокурор. — Ее показания запротоколиро-

ваны. Я получил копию от главного судьи. А ему все верят, поэтому ваше дело безнадежно.

— Что же случится?

— Мы отвергнем все притязания шантажистов, — твердо произнес герцог Шумарский, — и тем самым обречем их на нищету. Мы подорвем авторитет Джидда и изгоним его из Каменного Собора. Мы будем отрицать все обвинения в самообнажении, обвинения, которые могут быть нам предъявлены. Вам, однако, придется покинуть Маннеран.

— Почему? — я недоуменно посмотрел на герцога. — Разве я настолько слаб? Если вы сможете противостоять обвинениям, почему я не смогу это сделать?

— Ваша виновность уже доказана. Если вы сбежите, можно будет объявить, что вы одиночка и та девчонка, которую вы совратили, является единственной вашей жертвой. Остальное же просто сфабриковано падкими до власти неудачниками, пытавшимися свергнуть своих господ. Если же вы останетесь, Кинналл, и попытаетесь выиграть это безнадежное дело, то в ходе следствия, безусловно, мы также окажемся раскрытыми.

Теперь весь их план был передо мной!

Я стал опасен для них. Стойкость моего духа могли сломить в ходе разбирательства, тогда выявится их виновность. Пока что единственным обвиняемым являлся я, и только я был не защищен от маннеранского правосудия. Они же становились уязвимыми только при моем посредстве, но если меня не окажется в Маннеране, то вряд ли узнают, что они тоже замешаны в этом деле. Безопасность большинства требовала моего спешного отъезда. Более того, только моя наивная вера в церковь, заставившая меня опрометчиво признаться Джидду, вызвала эту бурю. Я был причиной случившегося, и поэтому должен исчезнуть.

— Вы останетесь здесь до поздней ночи, — заметил герцог Шумарский, а затем в моей личной машине, сопровождаемой телохранителями, как будто я сам отправляюсь в поездку, вас отвезут в имение маркиза Война. Там вас будет поджидать речное судно. На заре вы окажетесь на другом берегу Война, на своей родине Салле, и пусть боги будут на вашей стороне во время этой поездки.

59

Снова беженец! В один-единственный день все могущество, которое я накапливал в Маннеране в течение пятнадцати лет, было безвозвратно утрачено. Ни высокородность, ни влияние в высших кругах — я был связан узами брака, любви или политики с половиной господ Маннерана — не спасали меня. Казалось, они сами изгнали меня, чтобы спасти собственную шкуру, но это не так!

Мой уход обязателен, и их это так же огорчало, как и меня.

При мне ничего не было, кроме одежды. Мой гардероб, мое оружие, мои драгоценности, все мое богатство стали для меня совершенно недоступными.

Еще мальчишкой-принцем, спасаясь бегством из Саллы в Глин, я был более предусмотрителен и часть своих денег послал впереди себя. Теперь же я был гол как сокол. Мои капиталы, конечно, будут конфискованы, и мои сыновья останутся нищими. Я растерялся: что делать?

Вот тут-то и пригодились мои друзья. Главный прокурор, который был примерно такого же телосложения, что и я, принес несколько ком-

плектов довольно приличной одежды. Секретарь казначейства добыл мне порядочное состояние в валюте Саллы. Герцог Смор прямо с себя снял несколько колец и кулон, чтобы я не выглядел нищим у себя на родине. Маркиз Войн подарил мне кинжал, рукоятка которого была украшена драгоценными камнями. Михан обещал поговорить с Сегвордом Хелаламом и рассказать ему подробности моего падения. Михан был уверен, что Сегворд отнесется к этому с сочувствием и сможет своим влиянием защитить моих сыновей, чтобы на них не пали грехи, совершенные их отцом.

Позже, глубокой ночью, ко мне пришел герцог Шумарский и вручил небольшую инкрустированную бриллиантами шкатулку из чистого золота, в каких обычно хранят лекарство.

— Осторожно откройте ее, — ответил он на мой немой вопрос.

Я открыл и обнаружил, что она до краев наполнена белым порошком. В изумлении я спросил у него, как ему удалось раздобыть такое богатство?

Герцог рассказал, что недавно тайно посылал своих слуг в Шумар, которые вернулись с небольшим запасом порошка. Он заверял меня, что у

него есть еще, но я был уверен: он отдал мне все.

— Вы отправляетесь через час, — сказал мне герцог, обрывая поток моих благодарностей.

Я попросил, чтобы мне позволили позвонить по телефону.

— Сегворд сам объяснит вашей жене, в чем дело, — покачал головой герцог.

— Мне нужно позвонить не жене, а названой сестре. Больше не представится возможности проститься с нею.

Герцог понял, что меня мучило: он знал о моей любви. Но он не мог даровать мне этот звонок. Линии связи могли прослушиваться. Никто не должен знать, что в эту ночь я находился в доме герцога, поэтому я не стал настаивать. Позвонить Халум я мог бы завтра из Саллы, когда буду в безопасности.

Час отъезда наступил быстро. Мои друзья уже разошлись. Герцог один вывел меня из дома. Нас ждал его великолепный лимузин, окруженный телохранителями на мотоциклах. Герцог обнял меня. Я залез в машину и откинулся на спинку сиденья, чтобы скрыть свое лицо за занавесками.

Водитель поднял поляризованные стекла, и машина плавно покатилась, набирая скорость.

Казалось, мы целый час ехали к главным во-

ротам имения герцога. Затем мы выехали на шоссе. Я сидел как каменный, совсем не думая о произошедшем.

Наш путь лежал на север. Мы ехали очень быстро: солнце еще не взошло, когда мы въехали в имение маркиза Война, находившееся у границы с Саллой.

Внезапно густые заросли расступились, и я увидел берега реки Войн. Машина остановилась. Какие-то люди в темных одеждах помогли мне выбраться из нее, будто я был калекой, и повели к длинному узкому причалу, едва различимому в утреннем тумане, окутавшем реку. Я сел в очень маленькую лодку, однако она быстро помчалась по бурлящим водам широкого Война. Я все еще не понимал трагизма своего нового положения. Муки пришли со временем.

Приближалась заря. Я увидел причал на поросшем травой берегу. Скорее всего это был личный причал какого-то аристократа. Только теперь я почувствовал тревогу. Через мгновение я ступлю на землю Саллы. В каком же месте? Как мне добраться до жилых районов? Я же не мальчишка, чтобы просить водителей проходящих грузовиков подвести меня.

Но оказывается, все было устроено моими

друзьями. Как только лодка уткнулась в дерево причала, передо мной выросла возникла какая-то фигура и протянула руку. Ноим! Он помог мне взобраться на причал и крепко обнял.

— Я знал, что это рано или поздно случится, — прошептал он. — Я очень рад, что ты будешь со мной.

Расчувствовавшись, он в первый раз за все время нашего знакомства отбросил вежливое обращение и обратился ко мне со словом «я»!

60

Около полудня я позвонил из имения Ноима в юго-западной Салле герцогу Шумарскому и сообщил о благополучном прибытии. Разумеется, именно он попросил Ноима встретить меня на границе. Затем я связался с Халум.

Сегворд уже рассказал ей о причинах моего внезапного исчезновения.

— Какая неожиданная для меня новость, — грустно сказала она. — Ты почему-то никогда не говорил мне об этом снадобье. Ты рисковал всем, лишь бы пользоваться им, — значит оно играло важную роль в твоей жизни. И ты все держал в тайне от своей названой сестры?

Я ответил, что если бы я рассказал о своем увлечении снадобьем, то не удержался бы и предложил попробовать. На это она сказала:

— Разве открыться перед своей сестрой уж такой ужасный грех?

61

Ноим обращался со мной очень приветливо, подчеркивая, что я могу оставаться у него столько, сколько пожелаю — недели, месяцы и даже годы.

По всей вероятности, моим друзьям в Маннеране со временем удастся освободить часть моих капиталов, и я смогу купить земли в Салле и зажить жизнью сельского барона. Или, возможно, Сегворд, герцог Шумарский и другие влиятельные лица смогут отменить обвинение в мой адрес, и я вернусь в южную провинцию. Но до тех пор, сказал мне Ноим, его дом будет моим.

Однако я почувствовал некоторую отчужденность в его отношении ко мне.

Казалось, гостеприимство было оказано только из уважения к тем узам, которые нас связывали. Причину отчужденности я понял только через несколько дней. Мы сидели после обеда в огромном беломраморном зале для пиршеств и вспоминали дни нашего детства. Это была основная тема наших разговоров, намного более безопасная, чем недавние события. Неожиданно Ноим спросил:

— Известно ли тебе, что это снадобье является причиной кошмаров у людей?

— Что ты говоришь, Ноим? — изумился я. — О каких кошмарах ты говоришь? Я ничего не знаю!

— Теперь ты знаешь! После того как мы разделили с тобой это дьявольское зелье, в течение нескольких недель я просыпался каждое утро в холодном поту. Мне тогда казалось, что я схожу с ума.

— И что же ты видел в кошмарах?

— Страшные вещи! Когти. Чудовища. Ощущение, что ты не знаешь, кто ты.

Какие-то обрывки мыслей разных людей, переплетающиеся с собственными мыслями.

Он отхлебнул из бокала вина:

— Позволь тебя спросить, Кинналл. Ты принимаешь порошок ради удовольствия?

— Нет. Ради знания.

— Знания чего?

— Знания о себе и о других!

— В таком случае, лучше невежество, — он вздрогнул. — Ты знаешь, Кинналл, твой побратим никогда не был слишком набожным. Он богохульствовал, он показывал исповедникам язык, он смеялся над легендами о богах, не так

ли? И с помощью этой дряни ты едва не сделал его верующим, Кинналл! Страх перед тем, что открывает разум, страшно знать, что нет никакой защиты, что могут проникнуть прямо к тебе в душу и сам ты можешь сделать это. Такой страх невозможно перенести.

— Невозможно для тебя, — сказал я, — другие же только и мечтают повторить общение.

— Кажется, было бы лучше для всех придерживаться Завета, — голос Ноима звучал твердо. — Личность священна. Душа является собственностью только ее владельца. Обнажать ее — грязное удовольствие.

— Не обнажать, а делиться ею!

— Что, так лучше звучит? — уголки рта Ноима изогнулись в скептической улыбке. — Что ж, хорошо. Весьма грязное удовольствие делиться ею, Кинналл.

Даже несмотря на то, что мы побратимы. Когда мы расстались, у меня было такое чувство, будто я весь изгажен. Пыль и грязь на душе. Ты хочешь, чтобы это случилось с каждым? Чтобы каждый из нас испытывал чувство вины?

— Здесь не может быть такого чувства, Ноим, — вскричал я. — Отдаешь, воспринимаешь. После этого чувствуешь себя лучше и чище!

— Грязнее!

— Человек становится более сильным, более участливым к другим.

Поговори с теми, кто испытал это, — предложил я.

— Конечно. Когда они будут потоком литься из Маннерана, эти безземельные беглецы, тогда можно будет спросить у них о красоте и чудесах самообнажения, извини меня, единения.

Я видел муку в его взгляде. Он все еще хотел любить меня, но шумарское снадобье показало ему такое о себе и, возможно, обо мне, что заставляло его ненавидеть человека, давшего ему это зелье. Ноим был одним из тех, кому необходимы стены. Я не понял тогда этого. Что же я натворил, превратив своего побратима в своего врага? Если бы могли еще раз попробовать это снадобье, может быть, для него это стало ясным. Но нет, надежды на это не было. Ноим напуган взглядом внутрь себя. Я превратил своего богохульствующего побратима в ярого приверженца Завета. Теперь я уже ничего не мог изменить.

После некоторого раздумья Ноим произнес:

— Нужно кое-что попросить у тебя, Кинналл.

— Все что угодно!

— Нехорошо чем-то ограничивать гостя. Но

если ты привез с собой хоть грамм этой гадости, если ты прячешь ее где-нибудь у себя — выбрось все, что есть, понятно? Его не должно быть в этом доме! Тебе понятно, Кинналл?

Выброс и можешь об этом мне не говорить!

Никогда прежде я не лгал своему побратиму. Никогда!

Ощущая, как усыпанная бриллиантами шкатулка обжигает мне грудь, я произнес торжественно чеканя каждое слово:

— На этот счет тебе нечего бояться!

62

Несколько дней спустя известие о моем бегстве стало достоянием жителей Маннерана и Саллы. Все газеты писали обо мне, как о человеке огромного могущества, связанного узами кровного родства с септархами Саллы и Глина, который тем не менее посмел нарушить Завет: занялся постыдным самообнажением. Я не только нарушил моральные нормы, принятые в Маннеране, но также нарушил законы этой провинции, принимая некое запрещенное средство, которое разрушает возведенные богами барьеры между душами разных людей. Злоупотребляя служебным положением, я организовал тайное плавание к Южному материку (бедный капитан Криш!). Вернувшись с большим количеством опасного наркотика, я будто бы дьявольскими уловками вынудил женщину, бывшую у меня на содержании, его попробовать. Потом я начал распространять зелье среди наиболее значительных представителей аристократии Маннерана, чьи имена не раскрываются ввиду их чистосердечного раскаяния. Накануне своего ареста я бежал в Саллу, и потому скатертью мне дорога!

Если же я попытаюсь вернуться в Маннеран, то буду непременно арестован. Тем временем в Маннеран-Сити состоится заочный процесс, и в приговоре суда не приходится сомневаться.

Поскольку государству был нанесен огромный вред в виде подрыва основы общественной стабильности, с меня взыскивается штраф в размере всех моих земель и собственности, исключая только часть, необходимую для поддержания жизни ни в чем не повинных жены и детей. (Значит, Сегвор Хелалам все же добился своего!) Чтобы мои высокородные дети не могли перевести семейный капитал в Саллу, на все, чем я владел, наложен арест до Верховного Суда.

Все сделано по Закону. Пусть остерегаются все желающие стать самообнажающимся чудовищем!

63

Я не скрывался: у меня теперь не было причин бояться ревности своего царственного братца. Стиррон, мальчишкой возведенный на престол, раньше мог бы решиться на мое физическое уничтожение, но сейчас, когда он стоял у власти целых семнадцать лет! Нет, это невозможно. Стиррон уже давно утвердился в Салле, сейчас он является неотъемлемой частью существования каждого и всеми любим. А я чужеземец, меня едва помнят старики и совсем не знают молодые. К тому же я говорю сейчас с маннеранским акцентом и в этой провинции публично заклеймен позором самообнажения! Если бы я даже задумал свергнуть Стиррона, где бы я нашел помощников?

По правде говоря, я очень хотел повидаться с братом. В тяжелые времена всегда обращаются к товарищам былых дней. Ноим чуждался меня, а Халум была по ту сторону Война. Сейчас у меня был только Стиррон. Я никогда не обижался на то, что меня вынудили бежать из Саллы, поскольку понимал: если бы мы обменялись первородством, я бы заставил его сделать то же самое. Если наши

отношения были прохладными, то виной тому — его угрызения совести. Прошло несколько лет со времени моего последнего посещения Саллы. Возможно, мои злоключения смягчат его сердце. Я написал письмо Стиррону, официально прося разрешение жить в Салле. По законам моей родины меня должны были принять и без официального согласия, так как я оставался подданным Стиррона и обвинялся в преступлении, совершенном не на территории Саллы. И все же я решил написать прошение. Обвинения, предъявленные мне верховным судьей Маннерана, признался я, были правильными, но я предложил на суд Стиррона краткое и (мне кажется), красноречивое оправдание моего отхода от заповедей Завета. Я закончил письмо выражениями непоколебимой любви к нему и несколькими воспоминаниями о тех счастливых временах, которые мы прожили вместе, пока бремя септарха не извалялось на его плечи.

Я ожидал, что Стиррон в ответ пригласит меня посетить его в столице, чтобы получить устное объяснение тем страшным поступкам, которые я совершил в Маннеране. Воссоединение братьев было в порядке вещей в нашей истории. Но вызов из Силлы-сити не приходил. Каждый раз, когда

звонил телефон, я бросался к нему, полагая, что это звонит Стиррон. Но он не звонил. Прошло несколько унылых недель. Я охотился, плавал, читал, пытался писать свой новый Завет Любви. Ноим старался держаться подальше от меня.

Единственный опыт слияния душ вверг его в такое глубокое смятение, что он не мог смотреть мне в глаза, так как знал: я посвящен во все тайны его подсознания. Знание друг о друге вбило клин в наши отношения. Наконец, прибыл конверт с внушительной печатью септарха. В нем было письмо, написанное Стирроном, но я бьюсь об заклад, что его составлял какой-то твердокаменный министр, а не мой брат. В нескольких строчках, которых было меньше, чем пальцев на руке, септарх сообщал, что моя просьба о предоставлении убежища в Салле будет удовлетворена, но при условии, что я избавлюсь от пороков, приобретенных на юге. Если меня уличат в распространении дьявольского снадобья на территории Саллы, то тут же арестуют и выдворят за ее пределы. Вот и все, что мой брат Стиррон написал. Ни одной теплой строчке, ни одного доброго слова.

64

В середине лета к нам неожиданно приехала Халум. В этот день я далеко ускакал, отыскивая вырвавшегося из загона самца-штурмшильда. Тщеславный Ноим завел целый выводок этих злобных, покрытых густым мехом млекопитающих, которые не водятся в Салле и плохо приживаются в этой слишком теплой для них стране. Он держал их штук двадцать-тридцать — всюду когти, клыки и сердитые желтые глаза. Ноим надеялся получить приносящее прибыль стадо. Я преследовал сбежавшего самца, целое утро и полдня, с каждым часом все больше ненавидя его, так как он оставлял после себя изувеченные туши безвредных, мирно пасшихся животных. Эти штурмшильды убивают только из жажды кровопролития, откусив всего лишь один-два куска, оставляя остальное стервятникам. Наконец, я все же загнал этого хищника в тенистое небольшое закрытое с трех сторон ущелье.

— Оглуши его и привези невредимым, — просил перед отъездом Ноим.

Однако, зверь бросился на меня с такой яростью, что мне пришлось сразить его лучом

максимальной мощности. Потом, только ради Ноима, я взял на себя труд содрать со штурмшильда шкуру. Усталый и мрачный я галопом скакал назад. А при въезде во двор неожиданно увидел необычную машину, а рядом с ней… Халум!

— Ты знаешь, каково летом в Маннеране, — объясняла она потом. — Сначала хотела отправиться на остров, но затем решила провести лето в Салле, с Ноимом и Кинналлом.

Ей тогда было около тридцати. Наши женщины выходят замуж между четырнадцатью и шестнадцатью годами, рожают детей до двадцати четырех лет и к тридцати годам становятся женщинами средних лет. Но время, казалось, совершенно не коснулось Халум. Не ведая семейных ссор и мук родов, не истратив своей энергии на брачном ложе и не терзаясь у детских кроваток, она сохранила юное лицо и гибкое, стройное девичье тело. Халум изменилась только в одном: за последние несколько лет ее темные волосы стали серебристыми. Однако такой цвет волос еще больше подчеркивал ее красоту, выделяя густой загар девичьего лица.

Из Маннерана Халум привезла целую пачку писем: послания от герцога, от Сегворда, от моих сыновей Ноима, Стиррона и Кинналла и дочерей

Халум и Лоимель, от архивариуса Михана и еще от нескольких человек. Все они были написаны сконфуженным напряженным языком. Такие письма можно было писать мертвецу, когда чувствуешь себя виноватым за то, что пережил его. И все же было приятно читать эти довольно тягостные послания.

К сожалению, я не получил письма от Швейца. Халум сказала, что ничего не слышала о нем с тех пор, как я уехал, и полагает, что он покинул нашу планету. Не было ни слова и от моей бывшей жены. Это уязвило меня.

— Неужели Лоимель так занята, что не могла написать хоть пару строк?

Халум, смущенно глядя на меня, мягко сказала, что Лоимель больше не вспоминает обо мне:

— Похоже, она забыла, что была замужем.

Потом, после писем, началось вручение подарков от друзей, которые еще остались по ту сторону Война. Они ошеломили меня своим богатством массивные цепи из драгоценных металлов, ожерелья из редких камней…

— Дары в честь любви, — сказала Халум, но меня трудно провести. На эту гору сокровищ можно приобрести несколько крупных поместий. Любящие друзья неспособны унизить меня переводом

денег на мой счет в Салле — они преподнесли мне дорогие подарки, предоставив возможность освободиться от них по собственному усмотрению.

— Все это было очень тяжело для тебе? — спросила Халум. — Такое неожиданное бегство в изгнание?

— Это вовсе не изгнание, а возвращение, — возразил я. — К тому же здесь есть еще и Ноим — как побратим и товарищ.

— Если бы ты знал, что тебя все так дорого обойдется, — сказала она, — ты бы позаботился о своих нуждах!

Я рассмеялся.

Она внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Кстати, если бы у тебя было немного этого зелья, ты бы попытался еще раз позабавиться им?

— Вне всякого сомнения.

— Но разве стоит ради этого терять дом, семью, друзей?

— Ради этого стоит потерять даже саму жизнь — усмехнулся я. — Если бы быть уверенным, что вся Велада попробует это средство.

Этот ответ, казалось, напугал ее. Она отпрянула, приложила кончики пальцев к своим губам, вероятно, впервые осознав глубину безумия сво-

его названого брата. Произнося эти слова, я вовсе не упражнялся в красноречии, моя убежденность должна тронуть ее. Халум осознала силу моей страсти и испугалась за меня.

Ноим много дней проводил вдали от своих земель, выезжая в Салла-сити по каким-то семейным делам или на равнину Нанд для осмотра собственности, которую он хотел купить. В его отсутствие я был хозяином имения, его слуги, что бы они обо мне не думали, не осмеливались открыто ставить под сомнение мое право на это. Ежедневно я ездил верхом проверять ход работ на полях Ноима, и Халум ездила вместе со мной. Особо следить было не за чем, так как был период между севом и жатвой, и мы ездили главным образом ради приятной прогулки, останавливаясь искупаться или перекусить на опушке леса. Однажды я показал ей загоны со штурмшильдами — они ей ужасно не понравились, и мы больше не ездили туда. Мне и Халум по душе были более мирные животные, пасшиеся на равнинах поместья. Мы часто ездили наблюдать за ними. Они близко подходили к нам и дружелюбно тыкались носами в ладони Халум.

Эти долгие прогулки давали нам возможность вволю наговориться. С самого детства я не прово-

дил столько времени с Халум, и поэтому сейчас мы стали еще более близки. Сначала мы вели себя довольно сдержанно, не желая поранить друг друга каким-нибудь неосторожным вопросом.

Но вскоре мы говорили, как и подобает названым брату и сестре. Я спросил, почему она не выходит замуж.

— Не встретился подходящий мужчина, — ответила Халум.

Не жалеет ли она, что осталась без мужа и детей? Нет, сказала она, ей не о чем сожалеть, ибо вся ее жизнь была безмятежной и полезной. И все же в ее голосе слышались тоскливые нотки. Я не стал допытываться дальше. Со своей стороны она стала спрашивать о шумарском порошке, стараясь понять, что побудило меня подвергнуться такому риску. Меня растрогали ее чувства, с которыми она задавала свои вопросы: стараясь быть искренней, объективной и участливой, она не смогла скрыть свой ужас перед тем, что я совершил.

Будто ее названый брат совершенно обезумел и зарезал человек двадцать на рыночной площади, а она теперь пыталась посредством терпеливых и добродушных расспросов дать философское обоснование тому, что побудило его устроить

такую массовую резню. Я старался говорить хладнокровно, чтобы не смутить ее своей страстью, как это случилось при нашей первой встрече. Я не пускался в нравоучения, а спокойно объяснял действие лекарства, рассказывал о результатах его действия, так привлекающих меня, растолковывал причины по которым я отвергал заточение наших душ в каменные темницы, на что нас обрек Завет.

Вскоре наши отношения совсем изменились. Она перестала быть высокородной госпожой, желающей из самых добрых намерений понять преступника, она стала просто ученицей, пытающейся постичь таинства, открываемые ей посвященным мастером. И я перестал быть красноречивым докладчиком, а стал, скорее, пророком, глашатаем освобождения. Я говорил об упоительных переживаниях, испытываемых при соединении душ, я рассказывал о чудесных ощущениях, получаемых при раскрытии душевного мира, и о вспышке, сопровождающей слияние собственного сознания с сознанием другого человека. Наши беседы превращались в монологи. Я захлебывался в словесном экстазе и только время от времени останавливался, чтобы взглянуть на вечно юную Халум с посеребренными воло-

сами, сверкающими глазами и полуоткрытым от изумления ртом. Уже было ясно, чем все это закончится. В один из жарких дней, когда мы бродили по полевым тропинкам среди колосящихся высоких хлебов, она неожиданно спросила:

— Если ты достанешь это снадобье, почему бы тебе не поделиться им со своей названой сестрой?

Я обратил ее в свою веру!

65

В этот вечер я растворил несколько щепоток порошка в двух стаканах вина. Халум недоверчиво взглянула на меня, когда я протянул ей один стакан, и ее нерешительность передалась мне. Я колебался, стоит ли начинать. Но она одарила меня волшебной, полной нежности улыбкой и быстро осушила свой стакан.

— Оно совсем безвкусное, — заметила она, пока я пил свою долю. Мы сидели, беседуя в зале, куда Ноим складывал свои охотничьи трофеи: на полу лежали рога птицерогов, на стенах висели шкуры штурмшильдов. Когда началось действие наркотика, Халум задрожала. Я стащил огромную черную шкуру со стены, набросил ее ей на плечи и держал девушку в своих руках, пока ей не стало тепло.

Что получится из всего этого? Несмотря на самоуверенность, я был напуган. В жизни каждого человека есть что-то, что он желает совершить, что терзает его до глубины души, пока остается неосуществленным, и все же, когда приближается момент свершения, он обязательно начинает испытывать страх, ибо, вероятно, удовлетворе-

ние желаний приносит ему больше мучений, чем удовольствия. Именно так, да, да, так, обстояло дело и со мной. Но постепенно мой страх слабел и, наконец, совсем пропал, когда началось действие снадобья. Халум уже улыбалась. Ей было хорошо.

Стена, разделявшая наши души стала перегородкой, сквозь которую мы могли свободно проходить. Халум первая пересекла ее. Я не решался мне казалось, что войти в сознание своей названой сестры было что-то сродни лишению ее девичьей чести и нарушением запрета на телесную близость между названными родственниками. Я еще боролся с остатками старой веры, когда между нами пали последние барьеры. А Халум, поняв, что уже ничто не сдерживает ее, без всяких колебаний проникла в мое сознание. Моим мгновенным откликом на это была попытка закрыть себя: я не хотел, чтобы она знала о моем физическом влечении к ней. Но смятение было недолгим, я прекратил все попытки скрывать свою душу за фиговыми листочками и сам вошел в сознание Халум. Началось подлинное общение, общение с запутанным переплетением наших «я».

Я увидел, что нахожусь — а чтобы быть более

точным — затерялся среди зеркально гладких полов и серебристых стен, сквозь которые пробивался холодный искрящийся свет, подобно кристаллическому свечению некоторых рыб или насекомых. Это была девственная душа Халум. В нишах этих стен было аккуратно расставлено все, что составляло ее жизненный опыт: воспоминания, образы, запахи, вкусы, видения, фантазии, разочарования, восторги. И все сверкало чистотой. Я не увидел ни следа сексуальных восторгов, ничего из плотских страстей. То ли Халум из скромности надежно защитила свою сексуальную сферу от моего проникновения, то ли загнала ее в такой далекий угол своего сознания, что я не мог добраться до него.

Она встретила меня без страха и с радостью, именно с радостью соединилась со мной. Когда наши души слились, общение стало полным. Я плавал в сверкающих глубинах ее души, смывая грязь со своей души, — она исцеляло, она очищала. Я не знаю, очищаясь, оставлял ли я грязные следы в ее душе? Мы поглотили друг друга. Во мне душа Халум, которая всю мою жизнь была моей опорой и моей смелостью, моим идеалом и моей целью, это холодное, совершенное воплощение неувядающей красоты. И, вероятно, моя прогнив-

шая насквозь душа стала источником кислоты, брызнувшей на это сверкающее совершенство. Путешествуя по ее внутреннему миру, я попал в необычную область, напомнившую мне ту пору юности, когда мне предстояло бегство в Глин. Прощаясь со мной в доме Ноима, Халум обняла меня, и в ее объятии я увидел что-то похожее на трепет едва сдерживаемой страсти, проблеск желаний тела. Меня! Меня! Я решил, что нашел зону чувственности, но она неожиданно ускользнула, и передо мной сверкала металлическая поверхность ее души. Возможно, это было нечто, созданное мной из своих вспенившихся желаний и спроецированное в ее сознание. Не знаю.

Наши души растворились друг в друге — я уже не мог различать, где кончался я и где начиналась Халум.

Я вышел из транса. Прошла добрая половина ночи. Мы протирали глаза, трясли наполненными туманом головами, неловко улыбались. Каждый раз, выходя из транса, я ощущал чувство стыда, что открыл слишком много. К счастью, это ощущение длится обычно недолго. Я взглянул на Халум и почувствовал, как горю святой любовью к ней, любовью, в которой совершенно не было места плоти. Я хотел сказать ей, как когда-то ска-

зал мне Швейц: «Я люблю тебя!» Но я внезапно подавился этими словами. «Я» застряло у меня в горле. «Я, я, я, я люблю тебя Халум!» Если бы я мог только вымолвить это «я». Но оно не слетало с моих губ. Оно было здесь, но оставалось внутри меня. Я взял ее за руки, она улыбнулась ярко, ясно и безмятежно. Как мне сказать Халум о своей любви, не оскорбив ее? Поймет ли она меня? Глупости!

Наши души были единой сутью, почему же простой порядок слов может разрушить что-то? «Я люблю тебя!» Запинаясь, я выдавил:

— Есть… такая любовь… к тебе… такая любовь, Халум…

Она кивнула, как бы говоря: «Молчи! Твои неуклюжие слова нарушают очарование». Как бы говоря: «Да, такая же любовь существует и к тебе, Кинналл». Как бы говоря:

«Я люблю тебя, Кинналл!» Легко встав, она подошла к окну: прохладный свет луны озарял сад возле дома. Деревья и кусты замерли серебристой тишине. Я поднялся, подошел к ней и очень нежно прикоснулся к ее плечам. Она встрепенулась и тихо произнесла что-то нежное. Ей хорошо. Я уверен, ей было хорошо тогда.

Мы не обсуждали случившееся: это испорти-

ло бы нам настроение. Мы могли обменяться впечатлениями и завтра, и еще послезавтра… Я проводил Халум в ее комнату и робко поцеловал в щеку. Она тоже по-сестрински поцеловала меня, улыбнулась и затворила за собой дверь. Я долго сидел в своей комнате, вспоминая последнее общение. Снова во мне заговорил и миссионер. Я поклялся, что буду активным проводником новой веры. Я выйду отсюда и познакомлю всех людей Саллы со своим вероучением. Я не стану больше прятаться в доме побратима. Не желаю оставаться безнадежным изгнанником среди своего родного народа. Предупреждение Стиррона ничего не значит. На каком основании он может изгнать меня из Саллы? Я буду обращать в свою веру сотню человек за неделю. Тысячу, десять тысяч… я самому Стиррону дам это снадобье, и пусть тогда септарх со своего трона провозгласит законным это лекарство! Халум вдохновила меня! Утром же я отправлюсь на поиски своих апостолов!

Во дворе послышался какой-то шум. Я выглянул и увидел краулер — это Ноим вернулся из деловой поездки. Он вошел в дом, я услышал его шаги в коридоре, когда он проходил мимо моей комнаты. Затем донесся стук в дверь.

Я выглянул в коридор. Брат стоял возле двери в комнату Халум и разговаривал с ней. Халум видно не было. Зачем он зашел к ней? Ведь Ноим для нее всего лишь один из многих друзей. Он должен был сначала поздороваться со своим побратимом. У меня возникли нехорошие подозрения. Я усилием воли отказался от них. Их разговор закончился. Дверь в комнату Халум закрылась. Ноим, не заметив меня, пошел дальше, к своей спальне.

Я никак не мог заснуть. Написал несколько страниц, но ничего путного не получилось. На заре я вышел немного побродить по затуманенному саду.

Мне послышался далекий крик. Какой-то зверь зовет к себе свою подругу, подумал я. Некоторые заблудившиеся звери бродят до самого рассвета.

66

Завтракал я один. Это было необычно, но не удивительно: Ноим, вернувшийся домой посреди ночи после длительной поездки, захотел подольше поспать, а Халум, наверное, еще не отдохнула после вечернего сеанса.

У меня был отличный аппетит, и я уплетал за всех троих, не переставая думать о том, как мне удастся сокрушить Завет. Когда я уже допивал чай, один из конюхов Ноима вломился в столовую. У него горели щеки, раздувались ноздри, будто он долго бежал и вот-вот свалится с ног.

— Скорее! — закричал он, задыхаясь. — Там штурмшильды…

Он схватил меня за руку и буквально вытащил из-за стола. Я бросился за ним. Мы бежали по немощеной дороге, ведущей к загонам штурмшильдов.

Наверное, ночью звери проломили изгородь, и теперь мне снова целый день придется гоняться за ними. Однако, приблизившись к загонам, я не заметил ни поваленных столбов, ни порванных сеток, ни следов их когтистых лап.

Конюх прильнул к прутьям самого большого

загона, в котором содержалось до десятка этих свирепых хищников. Я заглянул во внутрь. Животные сбились в кучу, их мех и морды были забрызганы кровью, они дрались между собой из-за какого-то обглоданного кровавого куска, яростно разрывая остатки плоти.

Повсюду за земле были разбросаны следы их пиршества. Неужели какое-то несчастное домашнее животное в темноте случайно забрело в гнездо этих хищников? Как могло такое случиться? Однако конюх мог и не тревожить меня из-за этого. Я схватил его за руку и спросил, что тут произошло? Он повернул ко мне искаженное ужасом лицо и, давясь, выпалил:

— Госпожа… госпожа…

67

Ноим был груб со мной.

— Ты солгал, — кричал он. — Ты скрыл, что привез сюда эту дрянь, ты солгал! Не отрицай, ты дал ей это дьявольское зелье в прошлый вечер. Да?

Не пытайся обмануть меня, Кинналл! Ты дал ей эту пакость?

— Ты с ней разговаривал, — сказал я. Язык с трудом повиновался мне. — Что она тебе говорила?

— Я остановил у ее двери, потому что показалось, что кто-то всхлипывает, — стал рассказывать Ноим. — Я спросил, все ли у нее в порядке?... Она вышла. У нее было странное лицо. Казалось, Халум грезила, глаза ее были пустые, как бы стеклянные, и, да, да, она плакала. Она ответила, что ее ничего не беспокоит, и рассказала, что она беседовала с тобой весь вечер. Я изумился, почему же тогда она плачет? Халум пожала плечами, улыбнулась и сказала, что это женское дело, чепуха, женщины все время плачут и не могут объяснить причину. Она улыбнулась еще раз и закрыла дверь. Но у нее был такой взгляд — это снадобье, Кинналл! Несмотря на все твои клятвы, ты его дал ей! А теперь... теперь...

— Пожалуйста, — сказал я кротко. Но он продолжал кричать, во всем обвиняя меня, и я ничего не мог ответить.

Конюхи воссоздали картину того, что произошло. Они обнаружили следы ног Халум на влажном от росы песке, которым была посыпана дорога к загонам. Дверь в сторожку была прикрыта, что давало возможность подойти к загонам со штурмшильдами. Внутренняя дверь, открывающая проход к калитке, через которую кормили зверей, была взломана. Она прошла во внутрь, осторожно открыла калитку и так же осторожно закрыла ее за собой, чтобы не выпустить штурмшильдов на волю. Затем она подставила свое тело жутким когтям ждавших ее зверей. Все это случилось перед самой зарей, возможно, даже тогда, когда я брел в туманной утренней мгле раннего рассвета. Этот отдаленный крик в тумане… Но зачем она это сделала? Зачем? Зачем?

68

Через несколько часов все мое небольшое имущество было упаковано. Я попросил у Ноима машину, и он дал мне ее, грубо махнув рукой. Не могло быть и речи о том, чтобы я остался у него в гостях еще на какое-то время.

И не только потому, что здесь погибла Халум, но и потому, что мне необходимо было уединиться, чтобы спокойно осмыслить происшедшее, проанализировать все, что я сделал, и все, что я собирался сделать. К тому же мне не хотелось присутствовать здесь в тот момент, когда окружная полиция начнет расследовать обстоятельства смерти Халум.

Неужели после того как раскрыла свою душу, она больше не могла смотреть мне в лицо? Но ведь Халум с радостью согласилась на слияние наших душ. Может быть, впоследствии ее охватил ужас от содеянного: сильна еще привычка таить все внутри себя. Быстрое необратимое решение… и путь с каменным лицом к загонам штурмшильдов. Так ли это было? Я не мог придумать другого объяснения этому отчаянному поступку.

Теперь я был без названой сестры и без назва-

ного брата… Ноим с ненавистью смотрел мне в глаза. Разве этого я хотел, когда мечтал раскрыть души своих соплеменников?

— Куда же ты собираешься? — спросил в самый последний момент Ноим. — В Маннеране тебя тут же посадят в тюрьму. Сделай хоть один шаг в Глине с этой дрянью, и с тебя живьем сдерут кожу. Стиррон будет травить на тебя псов по всей Салле. Так куда же ты направляешь свои стопы?

В его голосе послышалась усмешка, а может быть, мне это просто показалось.

— Куда? Трейт? Велис? Или, может быть, Умбис? Дабис? Нет! Ей-богу, мне кажется, что это будет Шумара! Не так ли? Да. Среди родных тебе дикарей ты будешь сыт по горло самообнажением. Да?

Я спокойно ответил:

— Ты забыл о Выжженных Низинах, Ноим. Хижина в пустыне — мирная обитель. Это достойное место для раздумий… Теперь нужно очень многое понять…

— Выжженные Низины? Ну что ж, это хорошо, Кинналл. Выжженные Низины в разгар лета! Достойное огненное чистилище для твоей грязной души. Ступай же туда, Кинналл. Ступай.

69

Я проехал вдоль отрогов Хашторов на север, затем повернул на запад, на дорогу, которая вела к Конторою и Вратам Саллы. Не раз я задумывался, а не свернуть ли в сторону, в бездну, зиявшую за обочиной дороги, и разом покончить со всем. Не раз, просыпаясь в какой-нибудь деревенской гостинице и вспоминая Халум, я с большим трудом поднимался с постели, мне казалось, что станет гораздо легче, если я буду продолжать спать. Прошло около пяти суток, я уже был в Западной Салле и готовился к подъему в горы. В каком-то городишке на полпути к горам я узнал, что в Салле издан приказ о моем аресте. Кинналл Дариваль, сын септарха, мужчина тридцати лет, такого-то роста, с такими-то чертами лица, брат достопочтенного лорда Стиррона, разыскивался по обвинению в чудовищных преступлениях: самообнажении и употреблении опасного зелья, которое, несмотря на запрет септарха, предлагал всем неосторожным. Посредством этого вещества беженец Дариваль довел до безумия свою названую сестру, которая лишила себя жизни. Поэтому все граждане Саллы должны способство-

вать задержанию злодея, за что будет выплачено приличное вознаграждение.

Раз Стиррон знал, как умерла Халум, значит, Ноим ему все рассказал. Я обречен. Как только я достигну Врат Саллы, я найду там жандармов Западной Саллы, дожидающихся меня. Однако почему же тогда местное население не оповещено, что я направляюсь в Выжженные Низины? Наверное, Ноим рассказал не все, что ему было известно. Может быть, он давал мне шанс?

У меня не было выбора, и я продолжал двигаться вперед. Чтобы добраться до побережья не хватит и нескольких дней, к тому же, вероятно, во всех портах Саллы объявлена тревога. Но даже если я и проскользну на какой-нибудь корабль, куда же мне податься? В Глин? В Маннеран? Подобным же образом бесполезно думать о том, чтобы как-то переправиться через Хаш или Войн в соседние провинции: в Маннеране я уже объявлен вне закона, и, разумеется, найду холодный прием в Глине. Значит, пусть это будут Выжженные Низины! Я буду оставаться там некоторое время, а затем попробую пробраться через один из проходов в Трайш, чтобы начать новую жизнь на западном побережье.

Я закупил все необходимое в одном из городков,

где отовариваются все охотники, направляющиеся в Низины: сухую пищу, оружие, конденсированную воду в количестве, которого при умеренном употреблении хватит на несколько месяцев. Посещая магазин, я заметил, что жители городка как-то странно разглядывают меня. Узнали ли они во мне принца-развратника, которого разыскивают по всей провинции? Но никто не пытался схватить меня.

Возможно, им известно, что выставлен кордон у Врат Саллы, и они не хотят связываться с таким извергом. Как бы то ни было, но я без помех выехал из городка и начал свой последний этап путешествия. В прошлом я ездил по этому шоссе только зимой, когда вокруг лежали глубокие сугробы. Однако даже сейчас в тенистых закутках можно увидеть грязно-белые пятна; по мере того, как дорога шла в гору, снега становилось все больше, а двойная вершина Конгороя совсем утонула в снегах. Тщательно рассчитав время подъема, я ехал с такой скоростью, чтобы быть у Врат к заходу солнца. Я надеялся, что темнота защитит меня, если дорога будет заблокирована.

Однако Врата Саллы никем не охранялись. Стиррон не успел прикрыть западную границу или решил, что я не настолько сошел с ума, чтобы

бежать на запад.

Когда начала заниматься заря, я уже был далеко внизу, в Выжженных Низинах, задыхаясь от жары, но, по крайней мере, в безопасности.

70

Эту хижину я нашел неподалеку от гнезда птицерога, примерно там, где, судя по моим воспоминаниям, ей и надлежало быть. Все необходимые человеку удобства отсутствовали, никаких удобств, в стенах зияли дыры. Но все-таки это был кров. Да, это был кров! Ужасный жар этих мест очистит меня. Я расположился в хижине как дома: разложил свои вещи, распаковал бумагу для записей, которую купил в городке, чтобы составить отчет о своей жизни и деяниях, поставил в угол покрытую бриллиантами шкатулку с остатками снадобья, накрыл ее одеждой и вышел из хижины на красный песок. Весь день я занимался маскировкой машины, чтобы она не выдала моего присутствия, когда появятся ищейки. Я загнал машину в расщелину, так что крыша ее едва виднелась над поверхностью земли, и прикрыл хворостом, поверх которого набросал песок. Только острый глаз мог обнаружить спрятанный краулер.

В течение нескольких дней я просто бродил по пустыне и размышлял.

Затем я отправился на то место, где птицерог

сразил моего отца. Сейчас я не испытывал ужаса перед этими остроклювыми птицами: страх смерти не преследовал меня. Я думал о событиях «времени перемен» и задавал себе вопросы: «Этого ли ты хотел? Доволен ли ты?» Я вспоминал все опыты общения, начиная со Швейца и кончая Халум и спрашивал: «Хорошо ли все было? Много ли допущено ошибок? Приобрел ли ты что-нибудь или только потерял?» И я пришел к заключению, что приобрел больше, чем потерял, даже несмотря на все мои ужасные потери. Ошибался только в тактике, принципы были верны.

Если бы я остался с Халум до тех пор, пока не прошло ее смятение, она, возможно, и устояла бы перед стыдом, который довел ее до гибели. Если бы я был более откровенным с Ноимом… Если бы я остался в Маннеране, чтобы смело встретить своих недругов. Если… если… если… И все же я не сожалел о тех переменах, которые произошли во мне. Я раскаивался лишь в том, что своим неумением погубил революцию в душах людей. Ибо я был убежден в ошибочности Завета и нашего образа жизни. Да, нашего Образа Жизни!

То, что Халум покончила с собой после того, как в течение нескольких часов испытывала любовь, было, возможно, самым сокрушительным обви-

нением Завета.

В конце концов, не очень много дней тому назад я начал писать то, что вы сейчас читаете. Беглость этого писания удивила меня. Наверное, я слишком болтлив, хотя мне трудно излагать свою жизнь фразами с местоимениями и глаголами первого лица. «Я — Кинналл Дариваль, и я намерен рассказать вам все о себе». Так я начал свои воспоминания. Был ли я до конца правдив? Не утаил ли я что-нибудь? День за днем мое перо бежало по бумаге и я положил всего себя перед вами, ничего не исправляя. В своей горячей хижине я разделся перед вами догола. В это время у меня не было никаких контактов с внешним миром, кроме случайных признаков того, что агенты Стиррона прочесывают Выжженные Низины в поисках меня. Я уверен: сейчас уже выставлена охрана во всех проходах, ведущих в Саллу, Глин и Маннеран, а возможно, и в западных проходах, и в Стройно, чтобы я не мог улизнуть в Шумару через Влажные Низины. До сих пор мне сопутствовала удача, но они все же должны будут отыскать меня. Так стоит ли их дожидаться? Или лучше двинуться дальше, в надежде найти неохраняемый перевал? Со мной эта пухлая рукопись. Она мне дороже жизни.

Если бы вы только могли прочесть ее, если бы вы только могли увидеть, как, спотыкаясь и падая, я шел к познанию себя, если бы вы только могли ощутить каждое движение моего разума! Я полагаю, этот документ не имел аналогов во всей истории Велады. Если меня схватят, мою книгу заберут, и Стиррон велит ее сжечь.

Значит, мне пора в путь. Но… Какой-то шум? Двигатели?

По плоской красной равнине к моей хижине быстро двигался краулер. Все кончено! Одно радует: я успел записать все, что хотел.

71

Пять дней прошло с тех пор, как я закончил последнюю главу, но я все еще здесь. Это был краулер Ноима. Он приехал, чтобы спасти меня.

Осторожно, будто ожидая, что я открою огонь по нему, он подходил к моей хижине, непрерывно зовя:

— Кинналл! Кинналл!

Я вышел наружу. Найм попытался улыбнуться, но из-за напряжения, в котором он все время находился, ему это не удалось.

— Казалось, ты обязательно должен быть где-то вблизи этого места.

Гнездовье птицерога — он все еще здесь обитает?

— Что тебе нужно?

— Патрули Стиррона ищут тебя, Кинналл. Твой побег проследили до самых Врат Саллы. Они знают, что ты находишься в Выжженных Низинах. Если бы Стиррон знал тебя так же хорошо, как твой названый брат, он тотчас заявился бы сюда со своими солдатами. А пока тебя разыскивают на юге, полагая, что ты намерен выбраться через Влажные Низины на побережье залива Шумар и

оттуда отправиться на корабле в Шумару. Но как только они обнаружат, что тебя нет на юге, здесь начнутся тщательные поиски.

— И что тогда?

— Тебя арестуют и отдадут под суд. Обвинят и посадят в тюрьму. А в худшем случае — казнят. Стиррон считает тебя самым опасным человеком на всем материке Велада.

— Так оно и есть…

Ноим сделал жест в сторону машины:

— Садись. Мы прорвемся через кордон. Сначала в Западную Саллу, а затем вниз по реке Войн. Герцог Шумарский встретит тебя и устроит на какой-нибудь корабль, плывущий на юг. Через месяц ты будешь уже в Шумаре.

— Почему ты помогаешь мне, Ноим? Зачем утруждаешь себя? Я ведь совсем недавно видел в твоих глазах ненависть. Может быть, помнишь, когда я тебя покидал…

— Ненависть? Ненависть? Нет, Кинналл, не это, а только печаль! Да, только печаль. До сих пор твой названый брат… — он запнулся, затем, сделав над собой усилие, произнес: — Не забывай, я твой названый брат! Я связан клятвой, что буду заботиться о твоем благополучии. Как я могу допустить, чтобы Стиррон охотился за тобой как

за диким зверем? Идем!

Идем! Я увезу тебя отсюда!

— Нет!

— Нет?

— Нас обязательно поймают, Ноим. Стиррон обвинит и тебя. Он с радостью заберет все твои земли и лишит высокого звания лорда. Это бесполезная жертва, Ноим.

— Я проделал такой дальний путь в Выжженные Низины ради тебя, Кинналл. Если ты думаешь, что сможешь меня отговорить от моего…

— Давай не будем спорить, Ноим. Даже если мне удастся с твоей помощью бежать, то что в конечном итоге ждет меня? Провести остаток жизни в джунглях Шумара, среди людей, языка которых я не знаю и которые во всех отношениях для меня чужие? Нет и еще раз нет! Я устал от побегов и изгнаний. Пусть Стиррон забирает меня!

Убедить Ноима оставить меня здесь было нелегко. Мы стояли нескончаемые минуты под жгучим полуденным солнцем и горячо спорили. Он решил во что бы то ни стало увезти меня, понимая, что нас все равно схватят. Он настаивал на бегстве из чувства долга, а не любви, так как до сих пор считал меня виновным в смерти Халум. Я не хотел, чтобы из-за меня он подвергся бесчестью,

и сказал ему так: «Ты и так поступил благородно, проделав такой долгий путь. Но я все же должен остаться здесь».

В конце концов он начал сдаваться, но только когда я поклялся, что сам буду попытаться спастись. Я обещал направиться к западным горам. Если я благополучно доберусь до Трайша или Велиса, то обязательно уведомлю об этом каким-нибудь образом Ноима, чтобы он перестал беспокоиться за мою судьбу. Затем я сказал:

— Здесь есть одна вещь, которую я хотел бы…

Он перебил меня возгласом согласия.

Я вынес из хижины свою рукопись — толстую пачку бумаг, красные каракули на плохой серой бумаге. Здесь, сказал я, он найдет все: мою раскрытую настежь душу и описания всех событий, приведших меня в Выжженные Низины. Я попросил его прочесть рукопись и не выносить свое суждение обо мне, пока не прочтет все.

— Ты найдешь здесь такое, что вызовет у тебя ужас и отвращение, предупредил я.

— Но думаю, ты найдешь здесь многое, что откроет твои глаза и твою душу. Прочти это, Ноим. Читай внимательно. Задумайся над моими словами. Поклянись именем наших братских уз что сохранишь мою книгу, даже если захочется сжечь

ее. Вся моя душа содержится в этих страницах.

Уничтожив рукопись, ты уничтожишь меня. Если же почувствуешь невыносимое омерзение к тому, что прочел, то отложи мои записи, но сохрани их! То, что шокирует тебя сейчас, возможно, не будет шокировать через несколько лет. И когда-нибудь ты, может быть, захочешь показать мою исповедь другим для того, чтобы объяснить, каким человеком был твой побратим и почему он совершил все то, в чем его обвиняют.

«Чтобы ты мог изменить их так же, как, я надеюсь, эти записки изменят тебя», — подумал я про себя.

Ноим дал клятву.

Он взял бумаги и спрятал их в своей машине. Мы обнялись. Он опять спросил у меня, не поеду ли я с ним. И я опять отказался. Я заставил его еще раз дать обещание, что он прочтет мою книгу и сохранит ее. Я вошел в хижину. Рукописи в том месте, где я ее хранил, уже не было, и я сразу ощутил какую-то тягостную пустоту, подобно женщине, которая носит в себе ребенка целых семь месяцев, а затем с ужасом убеждается в том, что никакого ребенка не было. Я излил всего себя в этих страницах! Теперь я был ничем, а книга — всем! Прочтет ли ее Ноим? Думаю, что да! Со-

хранит ли он ее? Весьма вероятно, что сохранит, хотя и будет держать ее в самом темном углу своего дома. Покажет ли он ее когда-нибудь другим? Этого я не знаю. Но если вы все же прочитали то, что я написал, то знайте: это благодаря Ноиму Кондориту. Значит, все-таки я покорил его душу. Надеюсь покорить и вашу.

72

Я сказал Ноиму, что больше не буду оставаться в хижине и отправлюсь назад. Но мне совершенно не хотелось покидать это место. Здесь был мой дом. Я остался в этой хижине еще на один день, потом на другой, затем на третий. Я бродил по окрестностям, праздно наблюдая за тем, как в вышине жаркого неба лениво кружит птицерог. На пятый день, как вы уже, должно быть, поняли, меня снова охватило желание писать свою биографию. Я уселся на то же место, где провел много часов за работой и написал несколько новых страниц, где рассказал о посещении меня Ноимом.

Затем я пропустил еще дня три, уговаривая себя откопать краулер и двинуться на запад. Но утром четвертого дня Стиррон и его люди нашли мое убежище. Сейчас уже вечер этого дня, и у меня еще впереди час или два, в течение которых я могу писать, часы, которые даровал мне его милость лорд Стиррон! И когда я закончу свою работу, больше уже писать не смогу.

73

Они появились на хорошо вооруженных бронированных машинах, окружили мою хижину и с помощью громкоговорителей предложили мне сдаться. У меня не было ни какой надежды на то, что мне удастся уйти, да, если честно говорить, и не было желания сопротивляться. Хладнокровно — мне уже нечего было бояться — я вышел наружу с поднятыми руками. Они повыскакивали из своих машин, и я с удивлением увидел среди них Стиррона, которого потянуло в неохотничий сезон на небольшое развлечение, где добычей являлся его родной брат. На нем были все соответствующие его положению регалии. Он медленно подошел ко мне. Я не видел его несколько лет, и меня поразило, как он постарел: плечи округлились, голова наклонилась вперед, поредели волосы, глубокие морщины избороздили лицо, глаза выцвели и потускнели. Вот награда за то, что более чем полжизни на нем лежало бремя высшей власти. В полной тишине мы рассматривали друг друга. Рассматривали как два незнакомца, которые имели какие-то общие точки соприкосновения. Я пытался уви-

деть в этом стоящем передо мной человеке того мальчика, товарища по детским забавам, своего старшего брата, которого я любил и так давно потерял. Однако сейчас я видел только упрямого старика с дрожащими губами.

Септархи хорошо владеют искусством скрывать свои истинные чувства, но Стиррон не был в состоянии ни скрыть что-либо от меня, ни придать своему лицу какое-либо неизменное выражение.

Я видел, как одно выражение его лица сменяется другим: ярость монарха, смущение, печаль, презрение и даже что-то, что я принял за тщательно подавляемую любовь. После долгого молчания я первым заговорил и пригласил его в хижину побеседовать. Он заколебался, возможно, полагая, что я замышляю что-то нехорошее, но уже через мгновение принял мое приглашение самым королевским образом, махнув телохранителю, чтобы он ждал снаружи. Когда мы оказались в хижине, снова наступило молчание, которое на этот раз уже первым нарушил Стиррон.

— Никогда не было так больно, Кинналл. Едва верится тому, что приходилось о тебе слышать. Ты осквернил память нашего отца…

— Разве это такая уж скверна, септарх-пове-

литель?

— Предать Завет! Растлевать невинных? Не забудь, что твоя названая сестра среди жертв! Что ты натворил, Кинналл? Что ты натворил?

Я почувствовал себя ужасно усталым и закрыл глаза, ибо едва понимал, что он говорит. Через несколько мгновений я обрел силы и взял брата за руку.

— Я люблю тебя, — сказал я, улыбаясь.

— Ты болен!

— Разве говорить о любви — болезнь? Но мы ведь вышли из одного и того же чрева! Разве мне нельзя любить тебя?

— Ты говоришь одни непристойности.

— Я говорю так, как велит мне мое сердце.

— Ты не только болен, ты вызываешь тошноту у собеседника, — оскалился Стиррон. Он отвернулся и плюнул на песок пола. Сейчас брат казался мне какой-то устаревшей средневековой фигурой, попавшей в западню своего сурового царственного лика, заточенный среди бриллиантовых камней своей должности и парадного мундира, говорящей что-то грубое и далекое. Как я мог тронуть его душу?

— Стиррон, давай вдвоем попробуем снадобье с Шумара. У меня еще осталось немного. Я рас-

творю его, и мы выпьем. И тогда в течение часа или двух наши души будут едиными, и ты все поймешь. Я клянусь, ты все поймешь!

Сделаешь это? Убей меня после этого, если ты еще будешь хотеть моей смерти, но сначала прими снадобье.

Я стал суетиться, готовя нужную порцию. Стиррон поймал меня за руку и остановил. Он покачал головой, будто опечаленный:

— Нет! — сказал он. — Это невозможно.

— Почему?

— Старшему септарху нельзя одурманивать свой разум!

— Я только хочу подступиться к разуму своего брата Стиррона!

— Твоему брату хочется только, чтобы тебя исцелили. Старший септарх должен избегать всего, что может причинить ему вред, ибо он принадлежит только своему народу!

— Но это средство безвредное, Стиррон.

— Ты хочешь сказать, что оно было безвредным и для Халум Хелалам?

— Разве ты напуганная девственница? — удивился я. — Я давал этот порошок десяткам людей. Халум единственная, у которой была такая плохая реакция… А также, Ноим, как мне кажется,

правда, потом он все же справился с собой. И…

— Двое самых близких тебе людей, — покачал головой Стиррон и печально закрыл глаза, — пробовали это вещество, и обоим оно причинило вред. Теперь же ты предлагаешь его еще одному близкому человеку — брату, да?

Безнадежно! Я попросил снова, попросил несколько раз, я упрашивал его рискнуть, но, конечно же, он не притронулся к нему. Однако если бы даже такое случилось, какая мне от этого польза? Я бы нашел в его душе только сталь.

— Что же теперь со мной будет? — спросил я.

— Открытое судебное разбирательство, которое и вынесет справедливый приговор.

— Какой же? Казнь? Пожизненное заключение? Изгнание?

Стиррон пожал плечами:

— Это суду решать. Септарху негоже быть тираном.

— Стиррон, почему это снадобье так страшит тебя? Ты же не знаешь, каково его действие. Как мне доказать тебе, что оно приносит только любовь и понимание? Зачем нам жить как чужие, с душами, закутанными в одеяла недоверия? Мы сможем выговориться! Мы сможем пойти и дальше. Мы сможем сказать «я» и потом не

извиняться друг перед другом за употребление непристойных местоимений. Я! Я! Я! Мы сможем рассказать друг другу о том, что нас мучает и помочь друг другу избежать этих мучений.

Лицо септарха помрачнело. Я думаю, он был уверен в том, что я сошел с ума. Я прошел мимо него к тому месту, куда положил снадобье, быстро растворил его и протянул ему кружку. Он покачал головой и отпихнул рукой.

Я выпил свою кружку в несколько глотков и снова протянул ему его порцию.

— Давай! — подбодрил я его. — Выпей. Выпей! Оно не сразу действует.

Прими сейчас, чтобы мы смогли открыться друг другу в одно и тоже время.

Ну, давай же, Стиррон!

— Я бы мог убить тебя сам, — усмехнулся он, — не выпивая этого пойла.

И учти…

— Что? — вскричал я. — Скажи еще раз, Стиррон. Я?! Ты сказал я?!

Сам?! О, скажи это еще раз?!

— Жалкий обнажитель души. И это сын моего отца! Если я сейчас говорю тебе «я», Кинналл, то это потому, что ты заслуживаешь услышать такое грязное слово именно от меня.

— Но оно не грязное! Выпей и ты поймешь почему это так!

— Никогда…

— Почему ты противишься этому, Стиррон? Что тебя пугает?

— Завет является священным! Сомневаться в Завете это значит сомневаться во всей социальной структуре нашего общества. Дай волю этому твоему зелью, и исчезнет благоразумие, нарушится стабильность. Неужели ты думаешь, что наши предки были негодяями? Неужели ты думаешь, что они были глупцами? Кинналл, они понимали, как создать долговечное общество. Где цивилизация на материке Шумар? Где города? Почему обитатели этого континента до сих пор еще живут в хижинах посреди джунглей, в то время как мы построили все, что нужно было построить?! Ты хочешь заставить нас пойти по их пути, Кинналл? Ты ломаешь различия между добром и злом, Кинналл, и поэтому скоро будут сметены законы и рука каждого человека сможет подняться против своего же товарища или соседа, и куда тогда денется твоя любовь и всеобщее взаимопонимание? Нет, Кинналл, и еще раз нет! Оставь себе свое зелье!

— Стиррон…

— Хватит! Ты арестован. Вставай и пошли. О эта жара…

74

Поскольку наркотик был еще во мне, Стиррон согласился оставить меня в покое на несколько часов прежде, чем мы отправимся назад, в Саллу.

Маленькая милость септарха-повелителя. Он выставил двоих часовых снаружи моей хижины и ушел с остальными охотиться на птицерогов.

Никогда прежде я не принимал наркотик без напарника. Необычные ощущения охватили меня, и я был один среди этих необычных ощущений. Когда спала стена с моей души, некому было войти в нее и ни с чьей душой я не мог слиться! Однако все же я смог обнаружить души моих стражей — суровые, замкнутые, твердые — и я чувствовал, что, приложив некоторое усилие, я мог бы войти в них.

Но я не сделал этого, так как, сидя один, я отправился в удивительное путешествие: мой разум расширился и воспарил ввысь, пока не охватил всю нашу планету, и души всего человечества смешались с моей. И привиделись мне чудеса. Я увидел, как мой побратим Ноим снимает копии с моих воспоминаний и раздает их тем, кому

доверял, а с этих копий снимаются другие, и они ходят по рукам во всех провинциях Велады. И с юга приходит судно, доверху груженное белым порошком, желанным не только для избранных, не только для герцога Шумарского или маркиза Война, но и для тысяч простых граждан, для людей, тоскующих о любви, для тех, кому тесны рамки Завета, для тех, кто жаждет общения с душами других людей. И хотя стражи старых порядков делают все, чтобы остановить этот процесс, но уже поздно, ибо старый Завет изжил себя и любовь и радость душевного общения невозможно больше прятать. Соединение душ продолжается, возникает целая сеть общения, сверкающие нити чувственных ощущений связывают каждого индивидуума со всем человечеством на этой планете. Завершается пора перемен, и устанавливается Новый Завет. Я видел все это из обшарпанной лачуги в Выжженных Низинах. Я видел, как рушатся старые стены. Я видел ослепительный свет всеобщей любви. Я видел новые лица, изменившиеся и восторженные. Руки касаются рук.

Души прикасаются к душам. Это видение огнем горело в моей душе целых полдня, наполняя меня такой радостью, какой я никогда не испытывал.

И только тогда, когда начало ослабевать действие наркотика, я понял, что это было просто моей фантазией.

А может быть, это и не будет в дальнейшем фантазией. Возможно, Ноим найдет читателей, для которых я писал свои воспоминания, и, возможно, другие убедятся что нужно следовать по моему пути, пока не станет много таких, как я. Тогда изменения будут всеобщими и необратимыми. Такое случалось и раньше. Я исчезну, я — предтеча, апостол, замученный пророк.

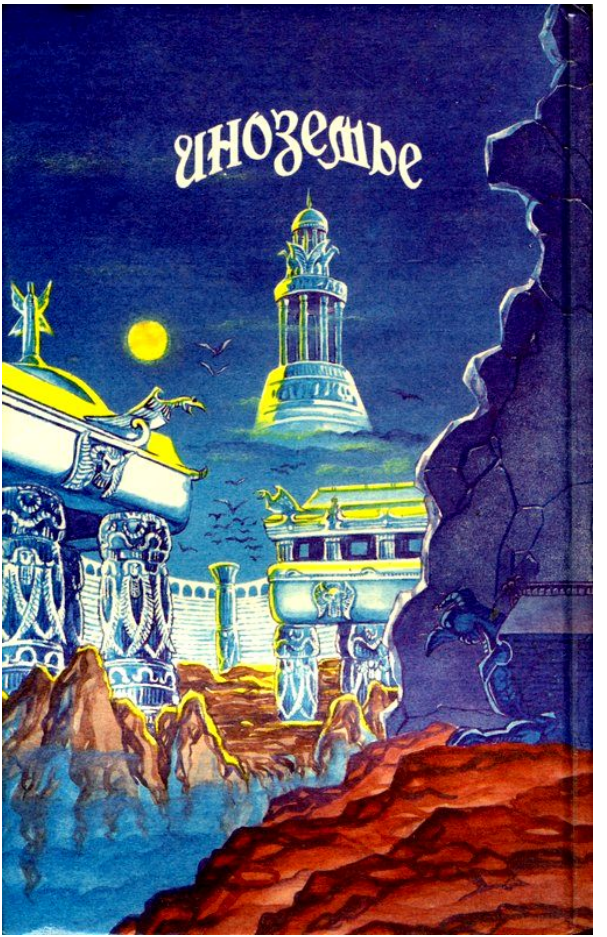
Но то что я написал, будет жить, и благодаря мне все вы изменитесь! Это не праздная моя мечта.

Последняя страница написана перед самыми сумерками. Солнце спешит к Хашторам. Скоро как пленник Стиррона я последую за ним. Я возьму эту маленькую рукопись с собой, и если мне повезет, как-нибудь передам ее Ноиму. Я не знаю, удастся ли мне это, не знаю, что случится со мной и с моей книгой. Если эти две части сольются в одну и вы прочтете все мои воспоминания полностью, то я уверен: дело мое не умрет. Из одного только этого воссоединения могут произойти перемены в Веладе, перемены для всех вас. Если вы дочитали до этого места, я уже не умру в вашей

душе. Так я говорю тебе, мой неизвестный читатель, что я люблю тебя и протягиваю тебе руку; я, который был Кинналлом Даривалем, я, который проложил первый путь, я, который обещал тебе, неизвестный друг, рассказать о себе и теперь могу сказать, что выполнил это обещание. Идите и ищите. Идите и любите, идите и не таитесь. Идите и будете исцелены.

~

МАДЖИПУР
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
ОСТРОВ СНА
ЦЕМРОЕЛЬ
АЛХАНРОЕЛЬ
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
ВЕЛИКОЕ МОРЕ
СУВРАЕЛЬ
N
W
E
S


иноземье

